

ЗВЕЗДНЫЙ
ПАБИРИНГ
КОЛЛЕКЦИЯ

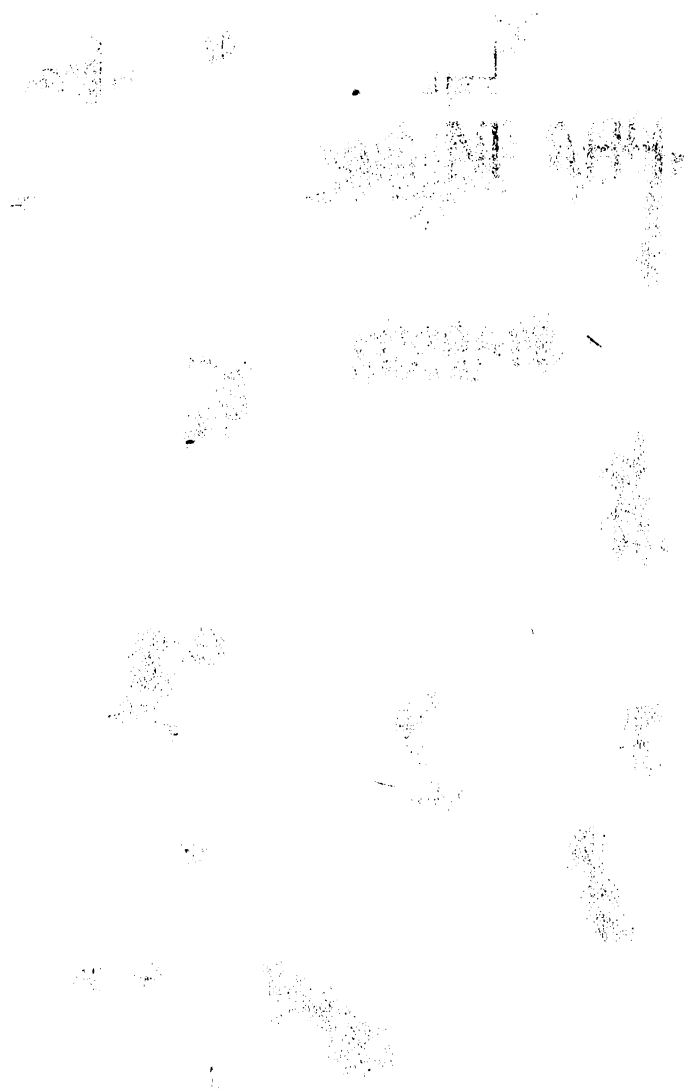
Идущие
в ночь

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ
АННА ЛИ
Идущие в ночь

ВАСИЛЬЕВ
ВЛАДИМИР

ЗВЕРОЇЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЕКЦІЯ

ВЛАДИМИР

ВАСИЛЬЕВ

АННА ЛИ

Идущие в ночь

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В19

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 26.08.03. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 5000 экз. Заказ № 1693.

Васильев В.Н.

В19 Идущие в ночь: Роман / В.Н. Васильев, А. Ли — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 605, [3] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-006711-9

За рекою Юбен лежат Дикие земли, где нет торных путей и всякий странник избирает свою тропинку — в надежде остаться в живых. Потому что немногие выбирались оттуда целыми, а выбравшиеся рассказывали страшное. Только о месте, называемом Каменный лес, не рассказывал никто... никто оттуда не возвращался. Кто пойдет в вечную ночь Каменного леса по собственной воле? Морган и Тури, которым просто нечего терять, ибо на руках их — кровь, за спиной — смерть, и никто не пощадит тех, что имели несчастье родиться оборотнями...

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© В.Н. Васильев, А.И. Китаева, 1999
© ООО «Издательство АСТ», 2003

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Меар медленно клонился к подернутому полупрозрачной голубоватой дымкой горизонту. Вдалеке виднелись островерхие крыши небольшого городка и потемневшая от недавних дождей стена. Выпуклые, как панцири гигантских черепах, створки ворот были сомкнуты.

Путник остановился и утер со лба выступивший пот. Под ногами его темной лентой лежала дорога; тянулась она, рассекая поле пшеницы синего посева, прямо к воротам городка.

«Охраны что-то не видно, — озабоченно подумал путник. — Что там у них творится-то?»

Путник был стар. Но еще крепок — шагал легко и не горбил спину. Морщины покрывали его лицо, уподобляя кожу коре акации, но глаза выдавали ясность мысли и недюжинную волю. Поклажи у путника не было.

Шум толпы донесся до него лишь у самых ворот городка. Голоса и топот, азартные крики и лязг оружия. Прислушавшись, путник зашагал дальше. Ворота оказались незапертыми, левая створка, сплошь покрытая резными оберегами, бесшумно подалась легкому толчку. Пройдя ворота, путник по обычаю низко поклонился.

— Мир вашим семьям, люди, и да не взглянет на вас с небес Тьма!

Голос его никто не решился бы назвать старческим.

Никто не ответил.

Только после обязательного приветствия городу путник обернулся и с некоторым удивлением разглядел пустую караулку. У полуоткрытой двери стояла прислоненная к темному дереву стены ритуальная пика стража. Мошенная булыжником кольцевая площадь отделяла окраинные дома от городской стены. Шум доносился откуда-то из глубины квартала и становился все громче. Вслушавшись, путник неторопливо, как и раньше, направился к мосту через ров, полный зеленоватой воды пополам с тиной; в тине кишмя кишели тритоны. За мостом начиналась уже настоящая улица, на которую глядели закопченными фасадами приземистые, но аккуратные домишки.

— Таверна «Веселый фырман», — еле шевеля губами, прочел старик.

Дверь в таверну была заперта на внушительный засов, а засов крепился к массивному кольцу, ввинченному в дверной косяк, тяжелым висячим замком.

— Рановато закрылись, — проворчал старик. — Или поздно открываются...

Впрочем, хозяин таверны мог жить по красному циклу и открывать свое заведение только с восходом Четтана, красного солнца. Тогда он — законченный олух и никудышный делец, потому что у умного дельца таверна не закрывалась бы вообще. Ведь в мире и в этом городке полно людей, живущих по синему циклу Меара, и не меньше, верно, живущих по красному.

Покачав головой, путник свернул на улицу, ведущую к центру, и зашагал в направлении главной площади. Шум и гомон катились ему навстречу.

Толпу путник заметил спустя несколько минут. Плотное кольцо разгоряченных людей сомкнулось вокруг нескольких тесно стоящих домов. Двигались люди стремительно и слаженно, сжимая в руках ножи, копья, топоры, а то и просто палки. В толпе виднелись лиловые балахоны Чистых братьев.

— Быстрее! Окружайте, не то снова прорвется!

— Хомма, наверх!

— Тьма, не по ногам же!

— Мать, с дороги, затопчут!

— Вон он, вон, за забором!

Громкий разбойничий свист, от которого заложило уши.

Путник уже понял, что происходит, и это его явно не радовало. Прищурившись, он взгляделся.

Одинокая юркая фигурка перемахнула через невысокую плетеную ограду, метнулась вдоль ряда приземистых сарайчиков и свернула за угол, исчезнув на миг из поля зрения. Всего на миг, потому что почти сразу она показалась вновь: за углом, очевидно, поджидали охваченные охотничьим азартом загонщики. Затравленно озираясь, фигурка вернулась к сараям и едва не наткнулась на такую же источающую ненависть шеренгу.

Ненависть толпы путник ощутил даже на расстоянии.

Фигурка, вышибив с неожиданной легкостью дверь сарая, канула в синеватый полумрак — в сарае, конечно же, не было окон.

— Хомма, давай факелы!

— Не могу, они внизу, — крикнул человек с крыши соседнего дома, взмахнув кривым хадасским клинком.

— Вот, вот факелы!

— Огня!

Две шеренги сомкнулись перед сараем с отворенной дверью. Беглец оказался в кольце. Несколько человек с пылающими факелами в руках сунулись в сарай, но свирепый рев перекрыл гомон толпы, и их вышвырнуло наружу, словно пробку из бутылки с игристым джурайским вином.

— Тьма! Поджигай, поджигай, Рута!

Пронзительный женский голос с нотками истерики выплеснулся из толпы:

— Ой, миленькие, не жгите, это ж мой сарай!

— Отстань, мамаша, построим новый...

— Там же мука! И курта вся там, у меня ж дети с голоду помрут!

Пламя уже лизало бревенчатый бок сарая. Обезумевшую женщину, кинувшуюся прямо в огонь, подхватили под руки, она все продолжала вырываться и голосить, но стенания ее заглушались ревом толпы и гулом пламени.

Беглец внезапно появился на крыше сарая; толпа взревела с новой силой. Жадные языки освобожденного пламени рвались в небо, окрашивая его в красноватый цвет. Как раз вовремя — навстречу восходящему красному светилу.

Бесцельно покружив по крыше, беглец вдруг разогнался и, перемахнув через языки пламени, взвился в воздух. Прыжок его был вызван отчаянием и болью.

Толпа выдохнула. Припечатавшись к резному карнизу, беглец повис над толпой; на секунду показалось, что он вот-вот сорвется и упадет, и тогда его разорвут на части сотни людских рук. Но он удержался и ловко полез на крышу.

Путник подумал, что это лишь отсрочка, потому что дом все равно окружен толпой. Здоровенные мужики из охраны и особо ретивые добровольцы, вооруженные и нет, гурьбой перли в дом, толкаясь и матерясь у крыльца.

Беглец вскарабкался к самому скату, влез на кровлю и с ненавистью посмотрел вниз, на теснящихся внизу людей. В тот же миг из слухового окна на черепицу выбрался первый из преследователей. За ним — второй, третий...

Беглец безнадежно захрипел и застыл, словно изваяние, беспомощно растопырив руки. Полтора десятка охотников, вытянув вперед пики и копыя, теснили его к краю. Внизу бесновалась толпа, обратив к небу искаженные ненавистью лица. Ревело пламя, пожирая сарай несчастной горожанки, и готово было перекинуться на соседний, но никого это сейчас не интересовало.

Одновременное «Ох!» — и затравленный беглец сорвался с крыши. Всего миг он оставался свободным, в падении, а потом грянулся о камень.

Он был еще жив, когда первая пика вонзилась ему в грудь, и он успел увидеть пустые глаза людей.

— В огонь! В огонь его, Тьма в селезенку! — надсаживался на соседней крыше Хомма.

Близился пересвет, охотники торопились.

Путник, наблюдавший за этим со стороны, тяжело вздохнул. Впрочем, такое он наблюдал не в первый раз. К сожалению.

Оборотня сожгли еще до того, как одно солнце на небе сменило другое. Он умер до пересвета — и, значит, восходящий Четтан его не исцелит.

Теперь он мертв. Мертв навсегда.

ГЛАВА 1

Четтан, день первый

Я никогда не видела синего солнца. Говорят, это дивно прекрасное зрелище — синий восход. Небо еще тлеет багровым жаром, закат красного дня последними каплями крови стекает за горизонт, и вдруг... Ослепительная вспышка! Из-за восточного края небес выхлестывает первый синий луч. Еще один! Еще! Темно-голубое зарево всползает на небосклон, а следом величественно выкатывается Меар. И начинается синий день.

Так описал мне однажды появление синего солнца Унди Мышатник. Надо было заодно спросить его про красный восход, было бы с чем сравнить. А то ведь набрехал небось старый Унди — да упокоит Тьма его нетрезвую душу. Ну не может синее утро так уж отличаться от красного.

А красное что? Розовеет себе потихоньку небо над крышами, потом в комнате вдруг становится немного светлее. А потом — уж и вовсе светло, и сразу видно, какая наша конура грязная, и сколько в ней ненужного хлама. Плюнуть хочется. Вот тебе и весь восход.

Вообще-то такие, как я, долго не живут, так что и Четта-на, красного солнца, толком разглядеть не успевают. На вторые или, скажем, третьи сутки после рождения приходят Чистые братья и уносят поганое отродье. А то и прямо на месте кончают младенца. Бывает, что и роженицу тоже — если она сдуру сопротивляется.

Вот не знаю, защищала бы меня мать или нет. Я про нее вообще мало что знаю. Когда я подросла настолько, чтобы поинтересоваться ее судьбой, в шайке Беша уже толком и не помнили, куда она делась. Третий круг моей жизни выдался на редкость засушливым и голодным. В синий урожай почти ничего с полей не собрали. То ли померла моя мать, не дождавшись красного урожая, то ли продали ее северянам за жратву вместе с другими лишними женщинами. Она вообще-то совсем молодая была — моложе, чем я сейчас. Унди говорил, невзрачная такая белобрысая девчоночка, и вспомнить-то нечего. Ну и ладно. Она, если до сих пор жива, тоже, наверное, обо мне и не вспоминает.

Надо полагать, был у меня и отец. Беш сначала думал, что это кто-то из своих — может, даже он сам. Но таких огненно-рыжих, как я, в шайке ни одного нет. Значит, кто-то из заезжих гостей подарок оставил. В наших краях рыжих вообще мало. Если девчонка рыжая, считается, что счастья ей в жизни не будет — ни ей, ни ее семье. Ну, я-то не человек, эта примета меня как раз не касается.

Что же до счастья... Замнем, а?

То, что я осталась жить, целиком и полностью заслуга Беша. Или вина — это как посмотреть. Беш, которого в шайке за глаза называли Душегубом, а в лицо величали не иначе как Хозяином, с первого же синего дня моей жизни стал мне мамочкой, папочкой и доброй динной в одном лице.

Я думаю, в этот день все началось с того, что закричали женщины. Женщины у Беша вместо сторожевых шавок. Сразу поднимут вой, если что-то стряслось...

...В полутемной комнате, где запах немых тел смешивался со стойкой вонью дешевого самогона и курительной травы, заплакал младенец. Одна из женщин, спавших на куче тряпья в углу, что-то промычала во сне и пихнула соседку в бок. Та беспокойно зашевелилась, но продолжала спать.

Свет синего дня просачивался в комнату через щели в скособоченных ставнях. Младенец заплакал громче и заворочался в колыбели, подвешенной к балке низкого потолка.

— А, чтоб тебя Тьма забрала! — слышалось из дальнего угла.

Кряхтя и охая, встала со своей лежанки старая повариха Фонья — единственная женщина в шайке, которую звали по имени, а не «эй, ты!». В синем полумраке старуха подошла к столу, взяла какую-то тряпку, окунула ее в кружку с недопитым пивом. Младенец заскулил и захныкал с подвыванием.

— Сучки ленивые, — пробурчала Фонья, глядя на спящих женщин.

Отжимая тряпицу, она шагнула к колыбели и, не глядя, сунула пропитанный пивом жгут ребенку в лицо.

Острые зубки впились старухе в ладонь.

Фонья от неожиданности даже не заорала. Она коротко, полузадушенно ойкнула, отдернула руку и склонилась над колыбелью.

Выпроставшись из старой юбки, которая должна была служить младенцу пеленками, в колыбели лежал новорожденный котенок карсы. Рыжая шерстка была влажной, крошечные ушки плотно прижаты к голове. Как известно, кошки рождаются слепыми, но зубастыми — и маленькая карса не была исключением. Веки детеныша были плотно сомкнуты, зато в розовой пасти виднелись мелкие и острые зубки. Наверное, взрослая самка карсы сочла бы малышку очаровательной.

Старая Фонья громко икнула и выпучила глаза.

На шее звереныша болтался деревянный оберег, призванный сохранить дитя от оборотней.

Звереныш снова заскулил, разевая крошечную пасть и поводя мордочкой в разные стороны. Его плач и впрямь легко было спутать с криками человеческого младенца — тем более что причина была одна и та же: ребенок хотел есть.

Кто-то из женщин завозился в углу:

— Что ты там стоишь, дура старая? Дай ей воды!

Фонья закричала. Это был вопль ужаса — животный вопль без слов.

Испуганный младенец тут же ответно завыл в полный голос.

Женщина в два прыжка оказалась рядом, заглянула в колыбельку и завизжала пронзительно:

— А-а! Оборотень! Спасите! Оборотень!

Тут уж проснулись и заголосили все остальные.

Когда хлопнула дверь и на пороге возник Хозяин, женщины даже не сразу его заметили. Небрежно отвешивая тем, кто подвернулся под руку, пощечины и подзатыльники, Хозяин пересек комнату и одним рывком сорвал ставню с петель. Свет Меара хлынул в комнату, словно призрачный голубой ливень.

— Тихо, — сказал Хозяин. — В чем дело?

Женщины молча расступились, открывая взгляду Хозяина колыбель. Лишь одна из них, худая и белобрысая, чуть помедлила, прежде чем шагнуть в сторону.

Хозяин пошарил в колыбели и извлек рыжий попискивающий комочек. Он долго смотрел на маленькую карсу, покачивая ее на ладонях — словно взвешивал покупку. Потом поднял голову и обвел женщин тяжелым взглядом.

— Кто на стороне вякнет — нос отрежу. Мне нужен этот зверь! Понятно?

Женщины молчали.

Хозяин кивнул белобрысой:

— Твое?

Не дожидаясь ответа, сунул детеныша ей в руки и пошел прочь. Уже на пороге Хозяин обернулся, бросил через плечо:

— Фонья! Корми девку, как трех мужиков. Зверю нужно молоко...

Он хлопнул дверью и закончил фразу, разговаривая уже сам с собой:

— ...пока я не приучил его к мясу.

Беш Душегуб всегда знал, что делает. Иначе не быть бы ему столько кругов главарем.

Всем известно, что карсу приручить невозможно.

То есть можно, конечно, добыть котенка карсы — хотя не каждый охотник пойдет на такое опасное дело. Можно затем вырастить его, и три-четыре круга молодая карса будет вести себя миролюбиво и послушно. Будет мурлыкать и тереться о ноги хозяина, как обыкновенная домашняя кошка — только раз в пять побольше размерами. Будет играть с тряпичным мячом и упоенно ловить бабочек. Будет уютно сворачиваться в клубок и засыпать, положив голову на лапы, и остроконечные уши с пушистыми кисточками на концах будут смешно подрагивать, когда зверю приснится сон.

А потом придет время зрелости. И однажды хозяин карсы обнаружит, что желтые глаза с вертикальными зрачками смотрят на него холодно и оценивающе, как на добычу.

Скорее всего он останется в живых — потому что зверь посчитает добычу слишком жалкой. Карса уйдет без лишнего шума. Пара небрежных ударов когтистой лапы — и дверь сарая, которая считалась вполне надежной, слетит с петель. Огромная кошка сожмется в комок и, распрямляясь в прыжке, бесшумной тенью перемахнет через забор. Взрослой карсе место в лесу, так же как росомaxe, кабану или вулху. Это звери-убийцы, и они не бывают ручными.

Зверь-убийца пришелся Бешу очень к стати.

Пусть это и глупо звучит, но я до сих пор не знаю, как он добился послушания от моего звериного «я». Может быть, все дело в том, что человеческий детеныш взрослеет куда медленнее звериного. Я росла не быстрее обычного ребенка. И потому карса, в которую я превращалась каждый синий

день, оставалась котенком не три и не четыре круга, а целых двенадцать. У Хозяина было время с ней поладить...

Наверное, если в подробностях описать мое детство, оно покажется восхитительным. Такое детство, пожалуй, бывает лишь у детей самых богатых и знатных вельмож.

Я всегда ела досыта, потому что так приказал Беш.

Меня никто никогда не бил. В первые круги моей жизни потому, что так приказал Беш, а после — потому что боялись.

Я могла заниматься чем угодно и болтать с кем угодно. Учиться чему попало или ничему. Весь красный день был в моем распоряжении от восхода и до заката.

Но я ничего не знала — и по сей день не знаю! — о том, как я провожу синие дни. Одно время это доводило меня до бешенства. Когда мне было кругов девять или около того, я стала называть свою звериную половину Карсой с большой буквы и попыталась сделать вид, что это вообще не я, а совсем постороннее существо. Но после того случая...

Я привычно провела пальцем над правой бровью и дальше, по виску. Гладкая, ровная кожа, на которой нет и не было шрама от зарубцевавшейся раны. В общем, я тогда поняла, что и в зверином облике я — это все равно я. Я продолжаю любить тех, кого люблю, и ненавижу тех, кого ненавижу.

Душегуба Беша я в детстве любила как папочку, мамочку и добрую динну, вместе взятых. Хотя и не особенно слушалась — когда была человеком. А он и не настаивал. Бешу было важнее, чтобы ему повиновался зверь. Карса, которая должна была со временем стать самым надежным оружием и самым верным телохранителем Хозяина.

Не то чтобы у кого-то из людей, знающих Беша, повернулся язык назвать его добрым — хоть спьяну, хоть в бреду пятнистой горячки. Но мне он всегда делал только добро... и мне, и Карсе. И мы честно платили ему тем же.

Когда мне исполнилось пятнадцать кругов, Карса вымахала в здоровенную рыжую зверюгу, даже крупнее обычных

карс. Я видела отпечатки ее лап в грязи нашего двора и отметины когтей на деревьях. Старый пьяница Унди, с которым я без страха разговаривала обо всем на свете, сказал, что теперь Душегуб заживет вообще отлично, потому что ему ничего не грозит. Так оно и было. Целых шесть кругов.

Проклятие!

Хотела бы я узнать, что же случилось вчера, незадолго до захода Меара?

Как всегда, я очнулась вместе с первыми лучами красного солнца. Одежды на мне не было, зато был ошейник с шипами. С добрым утром, как говорится.

— Темное небо! — прошипела я. — Сколько раз говорила...

Тут мой взгляд упал на то, что валялось у меня под ногами, и я сразу заткнулась.

Под ногами у меня валялись три свежих трупа, один из которых при жизни был Бешем. Двое других были мне, кажется, незнакомы. Точно утверждать не берусь, потому что от их лиц осталось не так-то много.

У Беша было в клочья разодрано горло, и оттуда еще продолжала тонкой струйкой сочиться кровь.

Вдруг у меня в животе возник отвратительный горячий комок и рванулсЯ вверх, к горлу. Я едва успела добежать до ведра в углу — иначе меня бы вырвало прямо на трупы.

Я стояла на четвереньках над вонючим ведром и ругалась самыми черными словами, какие могла вспомнить. Перед глазами плавали желтые пятна, и я не спешила их прогонять, потому что они мешали мне разглядеть подробности. Впрочем, к джерхам подробности! Главное я уже видела.

Все три покойника были исполосованы клыками и когтями крупного зверя. Скорее всего карсы. Даже наверняка карсы.

Когда у меня хватило сил подняться на ноги, я старательно осмотрела свое тело. Разумеется, на мне не было ни

царапинки. И разумеется, я ничего не помнила о распроклятом прошедшем синем дне.

Что же такого сделали или пытались сделать эти трое, что я их убила?

Я перестала ругаться, когда обнаружила, что повторяюсь в выражениях.

Вся моя жизнь пошла к свиньям в корыто. Надо было немедленно выбираться из комнаты Беша, из дома, из наших кварталов, из...

В Айетоте мне больше не жить.

Эта мысль ударила меня, как мешком по голове. Айетот — грязный, гнусный, унылый городишко. Что-то вроде постоянного мусорника на перекрестье двух большаков, один из которых ведет от южного Латского моря к Северным горам и дальше, а второй соединяет западные земли за рекой Юбен с Запредельным княжеством на востоке. Сколько себя помню, я всегда ненавидела Айетот. Но до сегодняшнего утра у меня здесь было... ну что-то вроде семьи. Насколько у таких, как я, вообще может быть семья.

Ни на юг, ни на север, ни в Запределье мне дороги нет. Сколько времени я продержусь в чужом городе, прежде чем выдам себя — не важно, проговорившись в человеческом обличье или показавшись в зверином? А тогда начнется охота на оборотня, в которой я буду дичью, а все остальные — охотниками. В городе без помощи людей от людей не скрыться.

Значит, остается одно: заречные Дикие земли.

Я бросила последний взгляд на Беша. Кровь из разорванного горла перестала течь и уже запекалась бурой коркой. Скверная смерть.

Впрочем, смерть — это всегда скверно.

Я бы заплакала над телом того, кому была обязана жизнью, если бы кто-нибудь объяснил мне, чем это поможет. Вместо этого я тихонько заурчала, как урчит опечаленная карса. Кругов шесть назад в Айетоте надолго остановился передвижной зверинец, и я каждый красный день ходила

туда, чтобы научиться рычать, ворчать, шипеть и мурлыкать, как карса. Когда владелец зверинца сказал, что у меня врожденный дар к подражанию речи зверей, я промолчала.

— Прощай, Хозяин, — сказала я, — и прости меня. На всякий случай я тебя тоже прощаю. Да упокоит тебя Тьма!

Я тихонько вышла из комнаты Беша и пробралась к себе. Там я оделась по-дорожному, прицепила к поясу хадасский кинжал и кошель, в который пересыпала монеты из тайника, а ошейник расстегнула и бросила под кровать. Больше я никому не принадлежу — вот, пожалуй, единственное, что меня обрадовало.

Вот и я наконец повзрослела, и ухожу в леса, как мои звериные сородичи.

Дикой карсе, зверю-убийце, самое место в Диких землях.

В доме, который я еще вчера считала своим, всегда кто-нибудь спит и всегда кто-нибудь не спит. Так что не было смысла пытаться уйти незамеченной. Надо было только вести себя как ни в чем не бывало.

У самых ворот меня окликнул долговязый Пакинна, которого Беш взял к себе только пару дней назад.

— Эй, киска! Пошли в сарай, поиграем!

Я остановилась и одарила его самой дружелюбной улыбкой, словно ненароком показав клыки. Пусть человеческие, но острые и крепкие.

— Ну, если это у тебя отрастает, как у ящерицы хвост — почему бы и нет? — мурлыкнула я. — А то ведь могу и заиграться...

Пакинна шарахнулся в тень, так ничего и не ответив. Храбрый парень. Или дурак. Впрочем, какая мне теперь разница?

Я зашагала по улице ленивой, неспешной походкой. В голове у меня были сплошные сумерки, и бестолковые мысли метались там из стороны в сторону, как летучие мыши в пересветном небе.

Куда теперь? Наверное, надо купить коня. Или украсть. Или пристроиться к какому-нибудь каравану, идущему к переправе.

У меня забурчало в пустом животе. Для начала было бы неплохо поесть. И выпить.

Я чуть было не свернула в первую же харчевню, но вовремя спохватилась. В ближайших пивных и тавернах прекрасно знают, кто я такая — в смысле, знают, что я женщина из шайки Беша. Первым делом мне нужно уйти подальше от кварталов, где меня знают.

В конце концов я нашла то, что меня устроило — суетливую обжорку при постоялом дворе, где было полно приезжих и никто никого не знал и не интересовал. Толстая хозяйка принесла мне сухарей, сыра, большой кусок сильно перченого и еще круче посоленного мяса и две кружки темного пива. Нехитрая, но беспроегрышная игра: мясо требует к себе еще пива, а пиво — еще мяса...

Наверное, у меня все-таки что-то повредилось в голове сегодня утром. Да и пиво подсобило — хорошее пиво, горькое и крепкое. Уже не единожды сменились посетители, мне давно было пора уходить, а я все сидела, прихлебывая из очередной глиняной кружки, и размышляла о всяких глупостях.

О синем восходе, например. Или о собственной матери. Или о диких карсах, запертых в клетках передвижного зверинца. Когда владельца зверей не было поблизости, я прижималась лицом к железным прутьям, и хищные карсы с мурлыканьем лизали мне щеки и лоб. Они понимали, что я тоже не человек. И тоже не свободна. От шершавых языков у меня на коже делались ссадины, но на следующий красный день от них не оставалось и следа.

Есть такое присловье: «заживет, как на оборотне». Какие бы раны ни получил оборотень в человеческом обличье, они исчезнут, когда он превратится в зверя. Если же его ранят в зверином виде, человеческое тело после превраще-

ния окажется целехоньким. Для того чтобы расправиться с оборотнем, надо убить его до захода солнца.

Хорошее свойство. Но я бы отдала его не раздумывая в обмен на память о моих синих днях. Только кто мне предложит такой обмен?

Тьма и все демоны Ночи!

Я хочу знать, что случилось вчера в комнате Беша. Знать хочу!

— Не, вот этого не знаю, — прозвучал чей-то голос из облака мути перед моими глазами. — Кто такой? Ну... посетитель и все.

Я вскинула подбородок и сосредоточилась. Передо мной с недвусмысленной ухмылкой на лице стояла толстая хозяйка.

— К-кто?

— Ну ты же спрашивала, кто этот старик. Я и говорю, что впервые его вижу.

— Какой старик?

— Который хочет с тобой поговорить и все такое.

— А-а...

— А деньги у него есть, — обнадежила меня хозяйка. — Ну?

— Пошла вон! Я т-те кто — шлюха?!

Хмель с меня слетел, и вместе с ним пропало настроение размышлять джерх знает о чем. Хватит, засиделась я тут. Пора идти.

Я легко отодвинула дубовую скамью и поднялась из-за стола. И тут незнакомый, въедливый старческий голос пропел мне в самое ухо:

— Не спеши, госпожа Тури.

Я обернулась. На меня смотрел незнакомый старикашка совершенно пакостного вида. Плешивый, с клочковатой бороденкой, торчащими в разные стороны усами и маленькими раскосыми глазками. Смотрел и улыбался ехиднейшей из улыбочек. Как будто знал обо мне что-то такое, чего не знаю я сама.

Настроение у меня было в самый раз, чтобы надавать старику по шее. Невзирая на почтенный возраст. Или, наоборот, взирая — тогда не по шее надавать, а плешь начистить.

Но цепкий взгляд его маленьких глазок был серьезен. И я вдруг поняла, что старик интересовался мной не из похабных соображений, как решила дура-хозяйка. У него действительно есть ко мне дело.

А кроме того, он назвал меня по имени.

— И о чем ты намерен со мной говорить? — ровным голосом спросила я.

— О синих восходах. Или о красных... какая разница? — развел руками старик. — Я хочу предложить тебе обмен, госпожа Тури.

О синих восходах? Т-темное небо! Мои мысли он прочел, что ли? Я удивилась, но — умеренно. За что я люблю пиво, так это за то, что оно помогает спокойно воспринять самые странные вещи.

— Или я рехнулась, или ты — колдун, — заметила я, опускаясь на отполированную сотнями задов скамью.

Ехидная улыбочка породила такой же точно смешок.

— Говори лучше «чародей», — поправил меня старик и грохнул кулаком по столешнице: — Хозяйка! Неси-ка еще мяса. И пива. И сыра. И пива...

— Мне до вечера надо выйти из города, — сказала я.

Чародей покачал головой.

— До вечера тебе надо перебраться через Юбен. Ничего, коня я тебе дам отменного — и выносливого, и быстрого.

Я прищурилась на него поверх кружки с шапкой желтой пены.

— Ты говори, чародей, — насмешливо предложила я. — Рассказывай. А там посмотрим.

Пересечь реку — это всегда как будто умереть и родиться заново. Умереть на этом берегу, родиться — на том.

Я стояла на бревенчатом настиле старенького парома, крепко держа в поводу вороного жеребца по кличке Ветер, и

смотрела на красный шар Четтана, что уже опустился совсем низко. Золотисто-красные блики протянулись к нам по воде, словно указывая дорогу. Мелкие волны тихо шлепали о днище парома. Да, уж кто-кто, а я и впрямь оставляла на восточном берегу свою прежнюю жизнь.

Я машинально поправила ошейник, спрятанный под высоким воротом странной одежды. Недолго мне довелось пробыть хозяйкой своей судьбы... И на сей раз ошейник мне придется носить красным днем так же, как и синим. Это входит в условия договора — вместе с конем, незнакомой одеждой, тугим кошельком и другими вещами.

Всем известно, что за рекой Юбен лежат Дикие земли, где нет торных путей, лишь тропы и тропинки — потому что каждый путник выбирает свою собственную дорогу в надежде избежать опасностей. Те немногие, кто благополучно выбрался из Диких земель, рассказывали разное. Но никто при мне не вспоминал места под названием У-Наринна, или Каменный лес.

Старый колдун, которого я встретила в харчевне постоянного двора, отправил меня в далекое путешествие. Далекое, но недолгое, потому что я должна быть в Каменном лесу не позднее, чем через двенадцать красных дней.

Волна плеснула о борт и обдала нас холодными брызгами. Вороной укоризненно заржал. Я похлопала его по холке, заглянула в глаза. Потерпи, скоро уже берег, скоро. Незнакомый берег... Прав мой конь, поскорей бы туда добраться. Поскорей бы оказаться как можно дальше от Айетота.

Двое паромщиков работали веслами с неторопливой размеренностью людей, которым спешить некуда. Мне вдруг явилась шальная мысль — что, если паром не успеет переплыть реку до смены солнц, до пересвета? Рассерженная карса на плоту посреди реки... мда-а, не завидую. Никому из возможных участников. Впрочем, вряд ли этого стоило опасаться. Паромщики не торопились, но и не медлили. Каж-

дый размеренный взмах весла приближал меня к Диким землям.

Мне-то было куда спешить.

До захода Четтана мне нужно добраться к развалинам мельницы чуть ниже по течению от переправы. А дальше? Колдун сказал мне только то, что хотел сказать, и не ответил на вопросы. Где-то в пути меня будет ждать меч. И еще старик посулил мне спутника.

«Вы договоритесь, — пообещал он ехидным скрипучим голосом. — Это не человек, госпожа Тури, это вулх. В таком же ошейнике, как у тебя».

Он велел мне поменьше удивляться, этот старикашка с пронзительным взглядом, знающий о моей жизни все. «Тебе будет сопутствовать магия, — сказал он серьезно, без обычной ехидцы. — Понять ты ее не старайся, а удивляться тоже не надо». Ну, тут он глупость ляпнул, я ему так и сказала. Карса-оборотень — самое магическое существо в мире. На кой хрен мне удивляться магии? Так что всеведущему колдуну тоже случается ошибаться — и я это запомню.

В общем, сошлись мы на том, что с помощью магии или без оной я за двенадцать дней доберусь до У-Наринны. А платой за выполнение уговора мне будет самое ценное — память. Память о том времени, которое я провожу в звериной шкуре.

Тут кто угодно спросил бы: и как это я поверила старику в том, что он сумеет наделить меня способностью помнить?

Может, я и не очень поверила. Только что мне оставалось делать?

Красный шар Четтана повис над самым горизонтом. Стало прохладно, на близком берегу сгустились тени. Ведущая к солнцу дорожка на воде из золотистой превратилась в червонную. Паромщики уверенными взмахами весел гнали паром прямо по ней, как будто пытались догнать Четтан, не дать светилу уйти из мира. Если бы я могла удержать красное солнце! Или уйти вместе с ним туда, куда оно уходит. Чтобы красный день для меня длился бесконечно...

Плоское днище въехало на песчаную отмель, и паромщики одновременно вогнали весла в песок, останавливая плот.

Оказавшись на берегу, вороной скосил взгляд на паром и коротко, презрительно заржал. Я поняла, что он хочет сказать. И одним движением вскочила в седло.

— Да, Ветер, ты поскачешь гораздо быстрее, — шепнула я, склоняясь к гриве. — Вперед!

ГЛАВА 2

Меар, день первый

Я никогда не видел красного солнца. Если честно, то мне никогда и не хотелось его увидеть. Люди говорят, что оно есть — наверное, это правда. Но только я-то не человек, а значит, мой удел — синий свет Меара. На пустые мечты у меня не хватает ни времени, ни духу.

Иногда мне кажется, что я — трус. Потому что страх не оставляет меня ни на секунду вот уже двадцать третий круг. По большому счету непонятно вообще — почему я до сих пор жив? Девяносто оборотней из ста умирают после первого же дня своей жизни, ибо трудно скрыть звереныша в детской колыбели, а пощады нам люди не дают. Из оставшейся десятки девять находят смерть в течение недели, если мать все-таки решается спасти роковое дитя. Тогда Чистые братья убивают и мать. Уцелевший редко когда доживает до круга, если только кто-нибудь из знати не решит завести диковинку у себя в замке... Но и там оборотням не жизнь, ведь как бы жестко вельможа ни правил в своем домене, случайный нож, десяток дюжих стражников с пиками или яд придворного алхимика в пищу уделают и самого оберегаемого.

Тем не менее некоторым из нас удастся даже повзрослеть. Но однажды на такого ополчается весь город, и охоту

на оборотня помнят потом еще очень долго. Кончается охота всегда одинаково — кровью и огнем. Цветом нашей свободы: багровым оком Четтана, алым пламенем и алой кровью. Я дважды видел такую охоту — двенадцать кругов назад в Лиспенсе и семь кругов назад — в Гурунаре. До сих пор стынет в жилах моя проклятая нечистая кровь, едва я вспомню глаза затравленных парней перед тем, как толпа раздирала их в клочья... До сих пор я удивляюсь, как у меня хватило выдержки не броситься прочь, расталкивая разгоряченных погоней людей и воя от ужаса.

От ужаса быть узанным.

Получается, что я — счастливчик. Я выжил, и скоро мне исполнится двадцать три круга. Я единственный, кто уцелел после резни в Храгах. И я до сих пор не узнан людьми... Впрочем, это дорого мне обходится. Никогда я не жил на одном месте дольше, чем круг-полтора. Я уже не помню всех своих имен и прозвищ — сейчас соседи меня зовут Одинец, а сам я считаю себя Мораном. До Дренгерта я жил в Плиглексе, там я прозывался Талгормом, для соседей — Молчуном.

Я ведь не могу позволить себе роскошь подружиться с соседями... От этого тоже хочется выть, потому что я всегда наедине со своими страхами и своим одиночеством — наследием, данным мне родителями-зверьми. Которых я, кстати, совершенно не помню.

Потом мне рассказали в Храгах — тайной деревне, где жили только вулхи-оборотни, — что однажды утром обнаружили меня в одном из домов. Хозяева, здоровенный усатый дядька по имени Жош и его жена Накуста, добрейшие люди, каких я когда-либо знал, сразу стали относиться ко мне как к сыну. Ну, я сказал — люди, но понятно, что они были оборотнями. Как и я. Наверное, настоящие родители, увидев, что едва взошел Четтан, младенец в люльке превратился в волчонка, отнесли меня в лес. А взрослые вулхи подобрали меня и увели в свою деревню. Мораном меня назвала

Иакуста. Она с улыбкой рассказывала, с каким удивлением ни с Жошем рассматривали щенячьи следы у дома в самый первый синий день. А потом нашли меня в доме — сладко пящим под лавкой, на мохнатой шкуре истинного вулха.

Каждый оборотень страдает от вынужденного беспамятства. У нас ведь, по сути, отобрана половина жизни, да и ту половину, что остается, жизнью можно назвать лишь спящую. Разве это жизнь — вечные прятки и вечный страх?

Однако что-то я размяк.

В тот день я был угрюм с утра, потому что сосед, увидев меня, радостно сообщил, что в пригородной деревушке заправили молодого вулха. Радости мне это не добавило, в Дренгерте я провел уже достаточно времени и именно тогда впервые серьезно задумался о переезде в какой-нибудь другой ород. Дело было привычное, я прекрасно представлял, что нужно еще будет основательно готовиться. А главное — выдумать серьезный повод. Потому что переезд без повода, да еще вскоре после охоты на вулха, тут же заставит задуматься истых братьев, а им только дай повод задуматься. Хмуро послушав соседа, я побрел в таверну «Маленькая карса». Место еще то, скажу я вам, но там всегда подавали прекрасное пиво, а для меня это много значит. В общем, жую олеину, пью черное и размышляю о своей скотской жизни.

Старик возник будто из воздуха, но нельзя сказать, что он застиг меня врасплох.

— Привет, Талгорм. Привет, Молчун.

Я вздрогнул. Так звали меня раньше, в Дренгерте же я спел привыкнуть к прозвищу Одинец.

Старик противно хихикнул и добавил:

— Привет, Одинец...

Он знал и нынешнее мое имя. Вообще он подозрительно много обо мне знал. Скажу честно, в первую же секунду у меня возник соблазн втихую заколоть его, облить пивом и ставить за столом в позе захмелевшего гуляки. Но что-то одсказало мне — это лишь отсрочило бы неприятности.

— Меня зовут Лю-чародей. Слыхал, наверное?

— Нет, — мрачно ответил я, сомкнув пальцы на рукоятки кинжала. Кинжал я всегда прятал под плащом, а плащ вне дома никогда не снимал. Даже в жару.

— Жаль. Тогда мой рассказ был бы короче.

Я молчал.

— Гадаешь, что мне от тебя нужно, так ведь, Моран? Да отпусти ты ножик свой, не уподобляйся кретину, который режет курицу с золотыми перьями...

Я безмолвно оставил нож и демонстративно положил обе руки на стол. Впрочем, это не помешало бы мне воспользоваться ножом гораздо быстрее, чем мог бы предположить любой противник.

Тем временем старику подали пиво и хадасский сыр, не менее знаменитый, чем хадасские клинки. Старик явно не страдал от недостатка монет, если заказал его чуть не целую голову. Сыр распространял легкий и пряный запах плесени.

— Я хочу тебя нанять. Говорят, ты мечом горазд... Да и без меча ловок.

Голос у Лю был на редкость неприятный. Въедливый и скрипучий.

— Кто говорит? — уточнил я на всякий случай.

— В цехе наемников. И в цехе телохранителей.

— Я не состою ни в одном из цехов, — соврал я. — А к телохранителям вообще не имею отношения. И меча у меня нет.

Второе и третье было правдой.

— В Дренгерте — не имеешь. Но ведь были еще Рива и Торнскольм, был Плиглекс. А?

Я нахмурился.

— Не слишком ли ты много обо мне знаешь? — Дружелюбия в моем голосе не нашел бы и пьяный рив, житель первого из упомянутых Лю городов.

— О! — негромко сказал старик, перестав даже жевать. — Я о тебе знаю больше, чем ты сам. Это правда, вулх...

Кинжал сам оказался у меня в руке и в тот миг я искренне думал, что старик подписал свой смертный приговор.

— ...чистая правда. Но ты меня не убьешь, потому что я тебе нужен.

Говорил старик тихо, так тихо, что нас не слышал никто. Будь я человеком, я бы его тоже не слышал, несмотря на то что сидел с ним за одним столиком. Но я не человек.

— У меня есть то, о чем ты мечтал много раз.

Лю умолк и взглянул на меня из-под набрякших старческих век. Я ждал, боясь пошевелиться.

— Я могу пробудить в тебе память о времени зверя, Моран. И еще скажу, что мне совсем не интересно отдавать тебя безмозглой толпе. Поэтому спрячь свой джерхов ножик и слушай.

Вам знакомо ощущение прыжка в бездну? Я почувствовал себя именно так.

— Я не вру, Одиноц. Я действительно могу дать тебе память, но не даром, разумеется. Впрочем, полагаю, ты никакую работу не сочтешь чрезмерной за такую плату. А, рив?

Тут я удивился. С каких это пор я стал уроженцем Ривы? Жить я там жил, но уже взрослым и недолго.

— Ну, удивляйся. Могу сказать тебе совершенно точно, что ты рожден в Риве. А в окрестности Храгг попал позже, круга в три с небольшим.

— Может, ты и родителей моих знаешь? — спросил я мрачно. Как ни странно, старик ответил не задумываясь.

— Знал. Но их давно нет в живых. Иначе ты бы их тоже знал. Это были очень умные и очень осторожные вулхи. И они очень любили своего единственного сына. Только благодаря им... и еще мне, ты по-прежнему жив, а не угодил на костер вместе с ними.

Пропустив мимо ушей последнее замечание, я тускло осведомился:

— Что я могу для тебя сделать?

— Обещай не удивляться. Тут замешана магия, поэтому не стоит спрашивать: «Почему?»

— Магией меня не испугать, — пожал я плечами. Пугать оборотня магией — это додуматься надо!

— Я не пугаю. Я пытаюсь сказать, что с твоей точки зрения задание может показаться бессмысленным. Или, наоборот, исполненным грандиозного смысла. Не думай так, ведь большое видится только на расстоянии.

— Ладно, — согласился я. — Выкладывай. А я отойду подальше и погляжу.

Тьма заberi, а что мне оставалось? Во-первых, я уже решил убираться из Дренгерта, потому что оседлый вулх — мертвый вулх, а в окрестностях Дренгерта, похоже, снова затеяли охоту на оборотней. Во-вторых, более благовидного предложения, чем наем на работу, трудно было представить. Дом — джерх с ним, я его купил за гроши, не жалко и бросить. А вещей у меня немного...

— Знаешь место под названием У-Наринна?

— У-Наринна? — Я недоверчиво посмотрел на чародея. — А ты уверен, что такое место есть? Если даже я о нем не слышал, то вряд ли кто о нем знает вообще.

Чародей противно хихикнул.

— Есть, есть такое место, — сказал он. — Его еще называют Каменный лес.

Я потер лоб, вспоминая. Про Каменный лес я, кажется, где-то слышал, но вот где и что именно?

— Да, чародей, ты меня удивил, — медленно произнес я. — Я было начал думать, что про окрестные земли знаю все.

— Пожалуй, что и знаешь, — прищурился чародей. — Только вот У-Наринна — это очень особенное место. Впрочем, дойдешь — увидишь. Если дойдешь.

Я слегка расстроился — гонимый вулх думал, что знает об окружающем мире все. Да у меня, если хотите знать, несколько вариантов бегства разработано! А кое в каких городах даже жилье есть на первое время. Хотя это и стоило мне немалых

денег. Но жалеть не приходится, подобные действия уже не раз спасали мне жизнь, а уж жизнь подороже денег, как ни крути. И все же... Я должен был знать о Каменном лесе. И — не знал. Почти... А впрочем, ничего не знал. Кроме названия.

— Но ведь в Дикие земли соваться опасно... — Я постарался подпустить в вопрос побольше сомнительных ноток-интонаций.

— Поэтому я и посылаю тебя, а не тетушку Фили!

Что ж, резонно.

— Мне понадобится оружие.

— Дам. И оружие дам, и коня дам... Даже спутницу тебе дам. Верную — вернее не сыскать.

Тут я нахмурился, потому что спутница мне была совершенно не нужна. К чему оборотню лишний свидетель его ненормальности? До сих пор девчонки в Плиглексе, Торнсхольме и Риве, должно быть, вспоминают странного парня, который любил их только в свете Меара, и никогда — в багровых отблесках Четтана, хотя издревле повелось отводить для утех время красного солнца.

— Не хмурься, Моран, это не человек. Всего лишь ручная карса.

Тут я, вероятно, выразил слишком много скепсиса, потому что Лю недовольно грохнул по столу бокалом.

— Карса. Ручная. Мне вовсе не нужно, чтобы во время твоей красной охоты какой-нибудь олух увел коня. Или стащил поклажу.

— Карсу невозможно приручить, — возразил я.

— Кажется, — старик был ехиден, дальше некуда, — некоторое время назад мы договорились, что там, где замешана магия, случается еще и не такое.

— Ладно, — сдался я. — Понял. Что еще?

— Еще? Еще — вот.

Старик вытащил откуда-то из складок одежды (темно-синего чародейского балахона) толстый ошейник, украшенный металлическими бляшками.

— Ты наденешь его сейчас и не станешь снимать до самого Каменного леса. Это железное условие.

Я стерпел. Тьма с ним, стерплю еще и не это. Ради памяти — стерплю.

— Л-ладно...

Не то чтобы я сразу поверил Лю-чародею. Но даже если бы надежда, что это правда, была в тысячу раз призрачнее, все равно стерпел бы. Потому что обладающего памятью оборотня поймать не удастся никому.

— Все переправы через Юбен ты, конечно, знаешь. Ту, что неподалеку от Айетота, конечно, тоже. Чуть выше переправы по течению Юбена есть старая заброшенная мельница, ты должен знать. Туда и иди. Коня, оружие, припасы и одежду найдешь там. И киску тоже, хотя она вполне может бродить где-нибудь невдалеке. Пока на тебе и на ней — ошейники, вы останетесь друзьями. Она пойдет за тобой даже в пламя лесного пожара и перегрызет глотки даже дюжине вильтов-воинов, если заподозрит в них врагов. Так что...

— Ладно, — повторил я. — Меня интересуют две вещи. Какие гарантии, что ты меня не надуешь?

Лю развел руками:

— Чародеи не врут. Помощь, за которую не заплачено, повредит мне сильнее, чем тебе мой обман. Весы есть Весы, их не вывести из равновесия... Тьфу, заговорил ты меня, лопочу, словно пьяный менестрель.

— И второе, — продолжил я. — Что я должен буду сделать в У-Наринне?

— Смутные дни! Ты куда-то торопишься, Одинец?

Я пожал плечами:

— Должен же я знать, зачем туда иду?

— Сначала — дойди. Там и узнаешь, — отрезал старик.

Лю жадно отхлебнул пива и тоном монарха, отдающего приказы царедворцам, велел:

— К мельнице поспей сегодня же к вечеру — времени тебе хватит. И выезжай немедленно в Дикие земли. Двенад-

цать синих дней — и ты будешь в У-Наринне. Гляди не опоздай.

— Что, — хмыкнул я, — неужели до Смутных дней осталось всего двенадцать суток?

Лю изумленно уставился на меня. У него даже сыр из рта вывалился, смачно шлепнув по столешнице.

— Ты знаешь что-нибудь о Смутных днях?

Теперь настала очередь изумиться мне. Я ничего не знал о Смутных днях, кроме того, что это расхожее ругательство. И кажется, старик решил, что я вкладываю в эти потерявшие смысл слова нечто важное — понятное ему и недоступное мне. Как бы не показать, что я случайно набрел на исчезнувший след? И вообще — стоит ли это делать?

— Ну... — протянул я. — Наступят же они когда-нибудь, если люди не забыли эти два слова! А, Лю? Я не прав?

— Хватит! — оборвал меня Лю. Жестко, я даже вздрогнул. — Не болтай о том, чего не знаешь. И вообще — поменьше болтай.

Я пожал плечами — мне не привыкать. Болтать я не люблю. Сегодня только почему-то разобрало.

— Хорошо, чародей. Хочу верить, что ты не врешь, и я получу то, о чем мечтал долгие круги.

— Кстати, — сказал старик, — ты начнешь помнить время зверя еще в пути к У-Наринне. Так что будешь поспокойнее там, в Каменном лесу.

Я взглянул на него — пристально и недоверчиво.

— Рад, если так. Теперь об оружии...

Не знаю, уж откуда Лю узнал обо мне столько, но рта мне раскрыть он так и не дал. Просто перечислил, что я найду у старой мельницы, и все. Честно говоря, я намеревался потребовать вполровину меньше. И каждая описанная им вещь мне понравилась — от хадасского кинжала до варварских метательных шариков. Конечно, все это еще нужно было повертеть в руках, но слова старика убедили меня, что в оружии он разбирается не хуже моего. К удивлению, я не

обнаружил среди оружия меча. Но старик сказал, что это не должно меня волновать.

Можно подумать, что с мечом я волновался бы меньше!

— Конь?

— Ривский жеребец-три круга. Заклят от хищников.

— Даже от карсы?

— В карсу он влюблен. И вообще — чего ты такой беспокойный? Ты же полмира исходил, а, Одинец?

— Не от хорошей жизни, чародей.

Тут Лю понимающе кивнул. Хотя что он мог понимать? Для того чтобы понять оборотня, нужно быть оборотнем. А так...

В общем, я допил свое пиво и побрел домой — готовиться. Несмотря на то что мне часто приходилось уходить из более или менее насиженного места в полную неизвестность и начинать все практически с нуля, каждый раз я покидаю свое временное пристанище с сожалением. Наверное, не будь я оборотнем и живи постоянно в одном и том же месте, я бы очень любил свой дом. А так, обзаводясь жильем в очередном городе, я подспудно сознаю, что спустя круг-два покину его. И это мешает по-настоящему полюбить. Но уходить все равно жаль. Я прошелся по комнатам, провел ладонями по дверцам приземистых шкафов мухутского дуба, посидел за обширным столом, где пыль быстро оседала на письменных принадлежностях... Я ведь редко сидел за этим столом и еще реже мне приходилось писать.

Сами сборы много времени не заняли. Тем более что все необходимое ждало меня на заброшенной мельнице, чуть не доходя до Айетотской переправы.

Итак. Увесистый кошель с монетами. Пакетики с пряностями. Плоская шкатулка с горстью пещерных самоцветов, они в наших краях диковина. Несколько книг. Стопка чистых листов бумаги, перехваченная атласной ленточкой, затейливая чернильница, сработанная из лесного ореха, и мое любимое перо, которое я не отдам никогда и никому.

Пара метательных ножей, с которыми я не хотел расставаться вот уже десять кругов. Вот и все. Лекарства мне не нужны — я оборотень. Оружие... Оружие на этот раз будет. Хотя обычно я выгляжу безоружным — ножи мои никто из живых в этом мире не видел. А кому приходилось увидеть, тот быстро переставал быть живым.

Сумку я опустил в углу, у самой двери. И взглянул на громадные песочные часы, реликвию времен Хадасской войны. Неумолимо близился восход Четтана. Еще несколько часов — и синий по-вечернему Меар скроется за силуэтом Неспящей башни.

Я вздохнул и на минутку повалился на низкое ложе, как всегда поступал перед дальней дорогой. Но прежде запер окна. Запоры эти сработал я сам и поставил в первый же синий день жизни в этом доме, и на окна, и на двери. Потому что зверю, что живет во мне, совершенно нечего делать красным днем на улицах Дренгерта. Но сейчас дверь запираť незачем — я скоро уйду.

Вечером, когда я доберусь до мельницы, мгла, медленно заволакивающая память, не заставит себя ждать. Моран умрет, а вместо него родится взрослый Вулх. Хищник. Зверь. Чужак.

Я очнусь на пересвете. Голова будет ясной и свежей — к счастью, я не знаю, что такое похмелье. Пива-то я сегодня выпил изрядно... Даже не скажу — оттого ли, что я оборотень, или просто организм у меня такой. Не знаю, и все тут.

Вскоре я вскочил — разлеживаться времени не было. И я пошел к соседу. Надо же объяснить, что я нанялся на работу, попросить присмотреть за домом... Какая разница, что я никогда в этот дом не вернусь? Сосед должен верить, что вернусь. Вот пусть и присматривает, тем более что в конце концов он приберет мое нынешнее жилище к рукам. Не заплатив ни гроша, заметьте.

С соседом я говорил минут двадцать; потом вернулся за сумкой, еще раз замер в знакомой и привычной комнате...

Тьма, за что мне была уготована судьба бродяги, которому не суждено отыскать под двумя светилами-Близнецами свой истинный дом? Я вздохнул.

В общем, к переправе я отправился куда позже, чем рассчитывал. В Дренгерте, как в любом нормальном городе, многие придерживались красного цикла, и сейчас по их понятиям было время глубокого сна. Но не меньше было и тех, кто предпочитал жизнь при свете Меара. Гудели, как шмелиные гнезда, кабаки и таверны, а толстая тетушка Фили зазывала шатающихся по улицам бездельников в свой полуправильный бордель. Девочки тетушки Фили строили тем же бездельникам глазки из окон второго этажа. Бездельники пускали слюни и машинально шарили в карманах и на поясе, там, где полагалось висеть кошелек. Надо сказать, местные щипачи часто повергали бездельников в изумление — кошелек в половине случаев находился вовсе не там, где ему полагалось. На рыночной площади, как обычно, было не протолкнуться. Заглушая многоголосый гам, прозвонил колокол на Неспящей башне — я оглянулся. Наверное, я долго больше не услышу боя дренгертского колокола. Если вообще еще когда-нибудь услышу.

Я уворачивался от чересчур назойливых продавцов и отпихивал рыночную шпану, не испытывая при этом обычной злости. Шпану я не любил. Попрошайничают, а могут и стянуть чего при случае. Вроде ж не калеки, что мешает работать? Рук в городе, как обычно, не хватает, мастеровые работников берут без разговоров. Нет — попрошайничают.

Я направлялся на юг, к переправе через Юбен, соединяющей дорогу, что вытекала из западных земель, с наезженным трактом на Запредельные восточные княжества. Дорогу эту проложили еще хоринги — в незапамятные времена, которых теперь никто толком не помнит. Она так и не заросла лесом, потому что хоринги понимали лес куда лучше людей. По ней ходить отваживались только смельчаки-одиночки, да горские караваны, вооруженные до зубов. Караваны про-

ходили только самое начало дороги, а потом отклонялись на юг, к Плиглексу. Мне, похоже, предстояло идти этим негостеприимным путем гораздо дальше, к местам последних хорингских поселений. В компании вороного жеребца и дикой карсы, которая, по словам Лю-чародея, предана мне, словно пес хозяину. В последнее я, понятно, верил не больше, чем в милосердие людей, обнаруживших оборотня.

Протолкавшись сквозь рыночную толпу, я миновал оружейный квартал, квартал Синих Светильников, нуртские трущобы, где приходилось все время держать левую руку на рукояти ножа. Левую, ибо, заподозри местные головорезы, что правая рука прохожего шарит под плащом, прохожему точно несдобровать. Я же правой рукой беззаботно помахивал, и меня не тронули. Как всегда. Впрочем, если бы стало туго, а подраться желания не возникло бы, стоило мне упомянуть имя старого Вара Гремячей Глотки, и дорогу тут же очистили бы без лишних разговоров. Обитатели нуртских трущоб прекрасно знали, благодаря кому они еще не передохли с голоду.

У Южной стены скучали четверо стражей, а из караулки перед самыми воротами доносился раскатистый храп. Четтанская смена, поди, отсыпалась. Ворота были заперты, так же как и северные. На востоке не было ни стены, ни ворот, там протекал Юбен. А западная стена была глухая — кому придет в голову отправиться в Дикие земли? Только психу или нелюди вроде меня. Но нужно было сохранять важный и таинственный вид, ведь я не нелюдь — для остальных.

Одного из стражей я даже знал — Гудда Три Лапы. Он тоже меня узнал, приветливо кивнул и оперся на ритуальную пику.

— Привет, Одинец!

— Привет, Три Лапы. Как служба? — отозвался я с готовностью.

Гудд был смышленным парнем и добыл мне немало сведений о перемещениях караванов по южным дорогам. В свою

очередь, у него не было оснований жаловаться на мою скупость — платил я всегда исправно и щедро, потому что сведения были действительно ценные, а в моем деле это много значит.

— Идет служба... помалу. — Три Лапы многозначительно подмигнул. — А ты теперь с Лю работаешь?

Старик обещал утрясти вопрос со стражей, и, несомненно, утряс.

— Тише, Три Лапы! — Я притворно всплеснул руками. — Это ведь страшная тайна!

Гудд и остальные стражники довольно заржали, и я вместе с ними. Некоторая фамильярность льстила им, простым солдатам, а мне была весьма на руку их вера в некие совместные дела с Лю-чародеем.

— В Айетоте новости, — сообщил Три Лапы. — Беша Душегуба хлопнули. И с ним еще двоих — костолома из Ранмировых и Бешева деньговара, не местного, приехал как раз на свою задницу.

— Стража? Или Чистые братья? — спросил я равнодушно. Судьба Беша меня совершенно не волновала.

Три Лапы нахмурился:

— Тьма его знает! Болтают, что у Беша последние круги жила взрослая карса. Наверное, это она постаралась, потому что от всех троих мало что осталось.

Самого Беша я не знал и никогда не видел, но с одним из его людей, а именно со старым пьянчугой по прозвищу Унди Мышатник, я встречался регулярно. Унди мертв, упокой Тьма его нетрезвую душу, а теперь пришел черед и его хозяина, Беша Душегуба... Что же, я всегда считал, что дела вести нужно иначе, нежели вел Душегуб. Может быть, поэтому я еще и жив, а он уже нет?

— Карса, — сказал я с отвращением. — Всегда ненавидел этих проклятых кошек. Помнишь, когда две карсы сбежали из бродячего зверинца? Полкруга назад? Кровь тогда неделю не могли отмыть от мостовой у Неспящей башни...

Три Лапы вздохнул:

— Помню... Лучше б не помнить. До сих пор мутит, стыдно сказать. Железом так не сумеешь, как эти шельмы когтями или клыками... Зверье, одним словом. Не скажу, чтобы я любил Беша, но мне его жалко — такая смерть не для людей. Даже для таких, как Беш.

Я понимал стража, бывалого воина, участника не одной стычки с дикарями из диких северных земель или головорезами трущоб. И еще я крепко задумался о своей попутнице — не разделить бы мне судьбу беспутного Беша. Особенно во время Четтана. Карса и вулх — злее врагов не сыскать во всем мире. Остается уповать только на магию Лю-чародея.

Но резня в Айетоте меня насторожила. Поэтому я ото-звал Гудда в сторонку и негромко спросил:

— А не знаешь ли, Лю-чародей днями в Айетоте не бывал?

Гудд странно взглянул на меня.

— Бывал. Сегодня только вернулся, едва Четтан сел. А что?

— Хм! — сказал я и полез за монетами. У Гудда тут же отпала охота задавать вопросы. Неужели это та самая карса? Джерх заberi! Этого мне только и не хватало — карсы-лю-доеда в попутчиках.

— И вот еще, — объявил я громко, подбросив на ладони серебряный кругляш хадасского риала. — Это всей смене. Попьете пива вечером...

Приятели Гудда одобрительно загудели. Можно не сомневаться, что риал сегодня же оседет у кого-нибудь из ка-батчиков.

— Ладно, Гудд. Продолжай замечать... ну, ты знаешь, о чем я.

— Конечно, Одинец. До встречи. Ты к переправе?

— Угу.

— Хмур, открой ворота! — гаркнул он на самого молодого стража, и тот опрометью помчался к тяжелой, окованной железом створке. — Будь осторожен на западе. Там, говорят, вильты расплодились.

Хорошо иметь своих людей в страже — причем не среди офицеров, а среди простых солдат. Точно никаких проблем не будет, хоть в город идешь, хоть из города, хоть красным днем, хоть синим. Впрочем, я ходил только синим. Насколько мне известно...

Южнее Дренгерта не было даже возделанных полей, как на севере. Просто плоские, как тарелки, луга да далекое серебрение Юбена где-то слева. И конечно, узкий тракт, что вел к переправе.

Я шел быстро, мягко ступая по утоптанной земле. В отличие от восточных дорог, на этой почти не виделось следов от повозок, только отпечатки конских копыт да людской обуви. Меар незаметно клонился к Диким землям, сползал все ниже и ниже. Беспокойно поглядывая на него, я ускорял шаг, потому что нужно было успеть к заброшенной мельнице до восхода Четтана. Иначе пробудившийся Вулх мог натворить глупостей. Мог, конечно, и не натворить, но кто поручится? Лучше успеть, как советовал Лю.

Я успел. Пузатый бревенчатый сруб, прикрытый сверху покосившейся двускатной шапкой из замшелой черепицы, чернел у самого Юбена. Волны лизали ветхое колесо, давно уже неподвижное. Вороной, о котором толковал Лю, стоял тут же, рядом. Вместо коновязи служил гигантский сухой пень. Унди говорил, что когда-то тут рос вековой вяз, но его убила молния. Засохшее дерево потом спилил мельник, а пень корчевать даже не пытался, потому что пришлось бы копать Тьма знает как глубоко, а это под силу только рудокопам.

Конь, слышав меня, повернул голову. У него был на редкость внимательный взгляд. Я погладил его по теплой морде; вороной фыркнул. Тогда я скормил ему кусочек соленого хлеба.

— Жуй, красавец. — Я похлопал коня по шее. — Нам с тобой многое предстоит.

За дверью пахло грибами и сыростью. В углу я сразу узрел походный двумех, который перебрасывают через седло,

и заплечную сумку, незаменимую в путешествиях. Секундой позже обнаружилась и оружейная, сшитая из непромокаемой кожи. Содержимым я остался доволен, но удивило отсутствие меча. Впрочем, Лю говорил, что меч появится несколько позже... Что бы это могло значить? Нашелся и сверток с одеждой, которую я не стал рассматривать.

Не стоит, наверное, ломать голову. Главное, я на месте. Еще несколько минут, и Моран уснет. Вулх же вряд ли станет задавать какие-нибудь вопросы, потому что он вулх и к Морану отношения почти не имеет.

Но где же обещанная попутчица, будь она неладна? Раздевшись и спрятав куртку, штаны, сапоги и плащ, я вышел наружу и огляделся. И сразу же заметил ее — здоровенную рыжую карсу, сидящую на краю прохудившейся крыши. Желтые пятки глаз глядели на меня холодно, но без злобы. Наше черной полосой выделялся ошейник, такой же, как и у меня.

Несколько секунд мы глядели в глаза друг другу, а потом перед глазами встала привычная красная пелена и Моран уснул.

ГЛАВА 3

Четтан, день второй

Я пришла в себя на крыше мельницы. Где-то там, за лесами на восточном берегу Юбена, красный Четтан выполз из-за края мира и повелел моей человеческой половине проснуться. Начался первый день моего путешествия.

Я зевнула и потянулась всем телом. Наверное, вот так, потягиваясь и жмурясь спросонья, я была похожа на обычную женщину человеческой породы... только какого джержа делать человеческой женщине нагишом на крыше, да не где-нибудь, а на окраине Диких земель? Загорать, что ли?

Ну, я-то уж точно загорать не собиралась. Я оперлась рукой о подгнившую черепицу, примериваясь, как бы полнее прыгнуть. И тут только увидела его.

Это был здоровенный серый зверь. Под густым и жестким мехом рельефно проступали тугие клубки мышц. Он сидел совершенно неподвижно и пристально смотрел на меня серыми блестящими глазами. На какой-то миг я растерялась, и рука моя сама собой потянулась к поясу, где я — в человеческом облике — обычно держу хадасский кинжал. Но тут я заметила у зверя на шее черный, с металлическими бляхами, ошейник, и все встало на свои места.

На пороге мельницы сидел не дикий вулх, как мне сгоряча показалось, а тот самый прирученный зверь, которого колдун посулил мне в попутчики. Вчера я добралась до мельницы с последними лучами красного солнца, и вулха разыскать не успела. Интересно, как они поладили с Карсой?

Говорят, что злее врагов, чем карса и вулх, не сыскать во всем мире. Впрочем, говорят также, что вулха приручить невозможно. А вот передо мной живое доказательство обратного — взрослый вулх в ошейнике. В магическом, следует добавить, ошейнике, двойник которого красуется и у меня на шее.

Одинаковые ошейники — отличная основа, чтобы договориться. А, колдун? Ты это имел в виду?

Оттолкнувшись обеими руками, я прыгнула с крыши и приземлилась в двух шагах от вулха. Серая зверюга и ухом не повела, так и продолжала сидеть на месте и рассматривать меня пристальным взглядом.

Забери меня Тьма! Было в его взгляде нечто эдакое, от чего мне стало не по себе. Вообще-то я научилась смотреть в глаза зверям еще тогда, шесть кругов назад, в передвижном зверинце. Но этот ручной — если, конечно, он и вправду ручной — вулх смотрел на меня как-то не по-звериному. Его взгляд был... сочувственным, что ли? Или просто чересчур понимающим?

Клянусь Четтаном, у меня даже мелькнула безумная идея — вдруг он не просто вулх, а зверь-оборотень? Но идея поистине была безумной, ведь я никогда за все двадцать с лишним кругов своей жизни не слышала, чтобы оборотень продолжал оставаться зверем с наступлением красного дня. А уж я-то с самого детства все истории об оборотнях слушала как нельзя внимательнее. Правда, историй этих не так чтобы много — люди не любят говорить о том, что их по-настоящему пугает. Да и Чистые братья за подобные байки могут упрятать в яму с червями-мясоедами...

Безумная мысль мелькнула и пропала. Зверь как зверь. А то, что он умен, это как раз хорошо: присмотрит за конем и поклажей, пока на небе Меар. И охранит меня на восходе Четтана, в миг превращения, когда оборотень наиболее уязвим. А пока у меня нет другого выхода, кроме как проверить на собственной шкуре — не врал ли старик-чародей, утверждая, что мы с вулхом договоримся.

Я шагнула вперед, протягивая руку.

— Здравствуй, вулх.

Остроконечные уши зверя дрогнули. Моя рука скользнула по жесткой, плотно прилегающей шерсти звериного загривка. Вулх стерпел прикосновение, и терпел ровно до тех пор, пока мои пальцы не наткнулись на ошейник. Тут зверь качнул мощной головой, уходя из-под руки, и встал с порога, освобождая проход в развалины мельницы.

На пороге я обернулась и встретила спокойный и пристальный взгляд его серых глаз. Ну, по крайней мере в одном старик не соврал. Он обещал мне надежного спутника, и я его получила.

Насчет оружия колдун тоже не обманул. Вчера вечером, добравшись до старой мельницы уже на закате Четтана, я не стала разбираться с сумками и свертками, которые ждали меня в развалинах. Теперь же, одевшись и позавтракав куском сыра и ломтем вяленого мяса, я старательно пересмотрела снаряжение. И осталась в общем-то довольна.

Два тяжелых метательных ножа гурунарской работы мне по-настоящему понравились. Славные ножички, я бы и сама себе такие выбрала. В сумке нашлись и специальные наручи, чтобы метательные ножи всегда были под рукой. Я подбросила нож на ладони и еще раз одобрительно улыбнулась.

А вот варварские шарики для метания... единственный толк, который я в них нашла по размышлению, — тот, что не каждый наемник, не говоря уж о разбойниках и бродягах, знает, что это такое. Я-то знала, меня раб-северянин по приказу Беша полкруга натаскивал, как с ними обращаться. К синему урожаю я уже могла сбить шипастым шаром голубя над крышей — кстати, ненавижу голубей, — но полюбить это оружие так и не любила. Варварские штучки, одно слово.

Была в сумке еще одна занятная штуковина — уж и не знаю, какие варвары ее придумали? — костяное кольцо с привязанными к нему восемью шнурками с камешками на концах. Я долго вертела ее в руках, но так и не поняла: если это оружие, то как им пользоваться? В конце концов я пожала плечами и сунула кольцо с веревочками обратно в оружейную сумку. Если колдун считает, что оно может мне пригодиться, пусть будет.

Арбалет, сработанный, судя по клейму, мастерами Дренгерта, меня вполне устроил. Хорош оказался и хадасский кинжал — младший брат моего собственного. Хотя в общем-то два кинжала мне ни к чему.

Но где же меч?! Либо я чего-то не понимаю, либо здесь тоже не обошлось без магии. Старик в своем рассказе вообще был невнятен, а в некоторых его местах — особенно. Что же такого он мне сказал про меч после пятой... нет, после шестой кружки пива? Я крепко зажмурилась и постаралась вспомнить.

Кажется, так: «А про меч не беспокойся, госпожа Тури. Меч всегда найдется».

Я открыла глаза и обнаружила, что недоуменно тарашусь в стенку. «Меч всегда найдется». И это все? Тогда почему я

была так уверена, что здесь замешана магия? Что-то ведь навело меня на эту мысль... ага, вот оно! «...не беспокойся, госпожа Тури», затем пауза, и ехидная его чародейская улыбочка. Мол, не все тут просто.

Я решительно встала и подтянула пояс. Вот и не буду беспокоиться. Найдется так найдется. Если уж на то пошло, я и без меча не пропаду. В человеческом теле я больше полагаюсь на легкое оружие — кинжал, стилет, метательные ножи. И на свойственную оборотням быстроту движений. Ну а Карсе оружие ни к чему.

Я поправила ошейник под воротом балахона и подтянула ремни на запястьях. Если что-то меня и раздражало по настоящему, так это странная одежда.

Одежда представляла собой нечто вроде просторных штанов из тонкой кожи и такой же рубахи с капюшоном, соединенных на поясе — вернее сказать, даже не соединенных, а... не разделенных, что ли? — потому что никакого шва на поясе не было. Швов в этой неприятной одежде не было вообще нигде. Увидев ее в первый раз, я поинтересовалась у колдуна, с кого это он снял такую шкуру. Но старый хрен опять отговорился магией — в том смысле, что это никакая не шкура, а магический предмет. Хотя, по-моему, одно другому не противоречит.

Сначала эта магическая шкура на мне висела, как половик на заборе. А потом как-то вроде обмялась и даже, кажется, уменьшилась в размерах. Но все равно я обрадовалась, что рукава на запястьях и штанины на щиколотках можно прихватить ремнями из обычной воловьей кожи.

Честно говоря, очень мне не понравилась навязанная колдуном обновка. Может, магическая шкура в бою незаменима — скажем, стрелы отводит или невидимым для врага делает. Не знаю, колдун не уточнял. Но вот ежели мне понадобится в кустики, этот балахон придется чуть ли не целиком снимать, да еще приглядывать, чтобы капюшон не обделывать. Чего-то господа чародеи здесь не додумали.

Или все зависит от того, чем человек чаще занимается — сражается или гадит? Я бы все-таки предпочла, чтобы второе со мной случалось чаще первого. И я имею в виду не понос.

В общем, я решила, как только представится удобный случай, найти себе нормальную одежду. А пока сойдет и эта. Тем более что другой у меня — стараниями колдуна — не было.

Собрав сумки, я вышла наружу. Вороной встретил меня укоризненным ржанием. И правда, пора уже в путь.

Ветер нетерпеливо переступал с ноги на ногу, пока я его запрягала. Я перебросила через седло походный двумех и оглядела поляну перед старой мельницей. Та-ак... А где же вулх?

— Вулх! — позвала я негромко.

Мне никто не ответил.

— Хэй, вулх! — крикнула я в полный голос.

Бесшумно раздвинув кусты, зверь появился на поляне и посмотрел мне в глаза. К верхней губе у него прилип окровавленный клочок шерсти. «Ладно, не ори, — говорил его взгляд. — Позавтракать-то надо перед дорогой?»

— Ну извини, — сказала я вслух и вскочила в седло.

Едва заметная тропка вела от развалин мельницы на запад. Легким движением поводьев я направила вороного по тропе, в глубь Диких земель.

Раннее утро в лесу было прохладным. По обе стороны тропинки рос густой бурьян, мокрый от росы. Вулх, который сразу деловито нырнул в лес и теперь бежал параллельно тропе, надо полагать, уже изрядно промок. Время от времени он серой тенью мелькал впереди, одним прыжком перебираясь по другую сторону тропы.

Как и обещал колдун, Ветер ничуть не боялся хищника. Жеребец шел легкой трусцой и каждый раз при виде вулха косил на меня глазом, интересуясь, не догнать ли его — просто так, для собственного удовольствия. Но мне пока не хотелось торопить ни коня, ни события. В лесу, особенно не-

знакомом, не стоит без особой надобности мчаться во весь опор. Даже по тропе.

Тропинка, ведущая в нужном мне направлении, не исчезала и даже никуда не сворачивала. Видно, кто-то ею пользовался хотя бы изредка. Кто-то бывал в глубине Диких земель и возвращался обратно... или, наоборот, жил здесь в лесу и иногда выбирался к людям. В любом случае тропа может привести меня к тем, кому известно местонахождение У-Наринны, этого самого Каменного леса.

Я мимолетно задумалась над тем, как может выглядеть Каменный лес. Мне нарисовались огромные деревья с неохватными стволами из черного камня, чья бугристая поверхность напоминала кору старого дуба. Могучие ветви были неподвижны и совершенно безлистны, и ветер лишь бесшумно шуршал в голых каменных кронах. Мертвый лес. Угрюмый лес. Почему-то он привиделся мне в ненастную погоду, под низко нависшим мутно-серым небом. Бр-р! Как-то не хочется ехать в такое место...

Я встряхнулась и огляделась по сторонам. Вокруг был самый обыкновенный лес. Даже чуточку слишком обыкновенный — совсем такой же, как хорошо знакомый мне лесок к югу от Айетота, куда наши женщины под водительством старухи Фоньи ходили за травами и ягодами. Ну разве что подлесок был погуще, да чаще встречались старые валежины. Точно так же тянулись к небу стройные сосны и терхи, а приземистые многодревы сплетали ветви в вечном объятии. Тусклой медью отблескивала в свете Четтана темная листва дубов, и этот отблеск красной патиной ложился на узорчатые листья соседнего паутинника. Издалека виднелись нежно-алые стволы берез, будто светящиеся в красноватом полумраке леса.

Наверху, в кронах деревьев, хрипло прочирикивались спросонья воробьи. Лес просыпался — вернее, просыпались те из его обитателей, кто живет по красному циклу. Звери, птицы и растения синего цикла уснули с заходом Меара.

Жизнь леса вдруг показалась мне очень размеренной и какой-то очень правильной по сравнению с жизнью города.

В следующий момент я резко натянула поводья. Ветер встал как вкопанный.

Справа в кустах кто-то плакал.

Я спешила, стараясь не шуметь. Рядом со мной тотчас беззвучно возник вулх. Он повел носом, и на его морде явственно отразилось недоумение.

С удвоенной осторожностью я развела в стороны ветки боярышника. Под кустом была яма — неглубокая, мне по колено. А в яме, спутанное веревками, ворочалось и всхлипывало непонятно что, похожее на клубок корней.

— Темное небо! — вырвалось у меня. — Да что ж это?

Клубок перестал ворочаться и скулить, и откуда-то из его сердцевины вдруг раздался скрипучий голосок:

— Развяжи-и...

Я нагнулась и достала из ямы странное существо. Оно оказалось неожиданно легким — может, и впрямь состояло из корней или веток. Я никогда не слышала ни про что подобное. Вулх с сомнением засопел мне в ухо, когда я стала разматывать веревки.

Освобожденное мной существо я бы не назвала ни зверем, ни человеком. Больше всего оно напоминало корявый сучковатый пенек с узловатыми корнями, небольшим дуплом и парой кривых веток.

— Ты кто? — спросила я, не надеясь на ответ.

В пеньке вдруг прорезались две трещинки, а из них глянули блестящие черные глазки — словно ягоды паслена.

— Корнягой зовут, — натужно проскрипел пенек. — Спасибо, вызволила. Возьми — дорогу покажу.

— Чего ее показывать, — хмыкнула я. — Тропа сама ведет.

Лесная тварь шевельнула корнями и без дальнейших разговоров шмыгнула под куст. Тут только я спохватилась.

— Э, стой! Корняга!

Пенек нехотя высунулся из-за ветки, сверкнул на меня ягодками глаз.

— А в Каменный лес дорогу знаешь?

— Знаю, — скрипнул Корняга.

— Доведешь?

— Доведу.

Я ехала, низко пригнувшись к холке Ветра, чтобы жеребцу легче было выбирать дорогу среди ветвей, и мне было странно.

Корнягу мы подобрали как нельзя вовремя. Вскоре после того тропа резко свернула на юг, и дальше наш путь лежал через лес по бездорожью. Проводником Корняга оказался толковым. Он пристроился у меня на плече, вцепившись своими корнями в ремень сумки, и оттуда кратко сообщал: «слева родник» или «сверни, завал».

Странно мне было по двум причинам.

Во-первых, я ехала по незнакомому месту в достаточно странном товариществе. Вулх в магическом ошейнике, говорящий лесной пенек и вороной жеребец, который спокойно воспринимает и одного, и другого, — еще позавчера я бы фыркнула и не стала слушать, если бы мне попытались рассказать, что под Четтаном случается и такое.

Я глянула вперед, где в красноватом сумраке леса время от времени показывалась серая спина вулха. Серьезный зверь. То-то при нашем приближении все в лесу замирает. Лишь изредка шарахнется вверх по стволу испуганная белка — и снова тишина.

Хотя постороннему взгляду лес всегда кажется пустым. В лесу ничего не увидишь просто так, все нужно разыскивать, выслеживать — что зверя, что птицу, что затерянное жильё или тропу.

Здесь и крылась вторая причина, по которой мне было странно. Как-то все чересчур легко складывалось.

С первых же шагов встретить проводника, который доведет до У-Наринны... Ох не верю! Хотя... велел же старик

ничему не удивляться? Магия, мол. Да какая тут магия? Договорился небось загодя с этим лесным чучелом обо всем — а мне не сказал, чтобы зорче по сторонам смотрела.

Впрочем, Корняга в проводники не навязывался. Сидел себе связанный в яме и тихо хныкал...

Кстати, надо бы у него кое-что выяснить по этому поводу.

— Слышь, Корняга!

Я скосила глаза на лесовика и чуть не плюнула. Ну и рожа! Корни топорщатся, черные глазки из трещин коры зыркают, дуплецо рта щерится в кривой ухмылке... Так, наверное, люди и начали плевать через плечо. Кто-то первый оглянулся, увидел эдакую вот нечисть и плюнул. А нечисть сгнула почему-то. Интересно, почему?

— Что, госпожа?

Я вовремя спохватилась, а то спросила бы Корнягу, что с ним станется, ежели на него плюнуть. К джерху в задницу такие вопросы! Захочу узнать — плюну да посмотрю. А спрашивать надо о другом.

— Кто это тебя в яму посадил?

Тут я чуть не свалилась с коня от неожиданности. Все сучки-корешки на лесовике встали дыбом, как шерсть на спине разъяренного кота, и он трескучим шепотом проскрипел:

— Враги!

— Доб!.. — выдохнула я, спешно хватаясь за шею Ветра, и только потом договорила: — ...рая динна-заступница!

Ветер неодобрительно глянул на меня через плечо. Может, как и я минутой раньше, хотел плюнуть, но сдержался. Я примирительно похлопала его по холке.

— Ну, рассказывай, Корняга, — велела я. — Может, твои враги нас вон в тех кустах поджидают?

— Нет их там, — буркнул живой пенек.

Он завозился у меня на плече, выбираясь повыше и направляя корни. Потом протяжно вздохнул и заговорил.

Говорят, в семье не без урода. Корняга давно и прочно был признан в своей семье самым что ни на есть уродом. Главным же его недостатком был рост.

Деревья, в отличие от людей, растут всю жизнь. А корневик рождается на свет деревом.

Дерево, которое при некотором стечении обстоятельств может когда-нибудь стать корневиком, людям хорошо знакомо и называется ведьминой гребенкой. Крона его представляет собой беспорядочную охапку колючих сучьев, в которых всегда полно застрявших клочьев звериной шерсти, птичьих перьев, принесенных ветром сухих листьев и прочего мусора. За это дерево и получило свое название. Его семена — похожие на кленовые крылатки, только колючие — звери разносят повсюду, так что растет ведьмина гребенка в самых неожиданных местах. Дерево живет нормальной растительной жизнью — ловит солнечные лучи, пьет воду, старается задушить соседнюю поросль, бездумно шелестит листвой. И все время растет.

Наконец, через сотню-полторы кругов, ему приходит время умирать. Ствол начинает гнить и делается дуплистым, но мощные корни продолжают держаться за землю. Потом верхушка ведьминой гребенки обламывается, и от дерева остается только пень.

Как правило, такой пень продолжает по древесному обыкновению тихо гнить, и ничего интересного с ним уже не происходит. Но иногда то, что казалось мертвым — как кажется мертвой неподвижная куколка бабочки, — вдруг оказывается живым. В урочный час пень просыпается.

Корневики не знают, почему одни деревья умирают совсем, а другие превращаются в разумные и способные к передвижению существа. Однако было замечено, что чаще становятся корневиками те пни ведьминой гребенки, которым хорошо жилось еще в виде деревьев. Если дерево росло на богатой почве, если ему доставалось вдоволь света и сладкой подземной воды, то после смерти от него остается со-

лидный и могучий пень. Лесное племя корневииков знает в лесу все такие пни и присматривает за ними — с тем, чтобы прийти на помощь новорожденному корневику сразу после его пробуждения.

Появления на свет Корняги никто не ждал.

Ведьмина гребенка, которая дала ему жизнь, была чахлым и замученным деревом, выросшим на самом краю глубокого оврага. В один из дождливых кругов сильные ливни размыли склон, и половина корней ведьминой гребенки осталась висеть в воздухе. Деревце было молодым, оно приспособилось. Только вот навсегда стало кривым и корявым, да и размерами не вышло — не на что ему было расти, все силы уходили на то, чтобы выжить.

Как ни цеплялось за жизнь упрямое дерево, настал и ему черед стать пеньком. И пенек из него, понятное дело, получился маленький, кривой и корявый. Никому из корневииков и на ум не взбрело, что он может ожить.

Вот так и вышло, что Корняга пробудился к жизни в полном одиночестве.

На этом месте мой проводник замолчал. Я не успела спросить, в чем дело, как он просительно проскрипел:

— Воды дай, а? В горле пересохло.

Я чуть не поперхнулась от неожиданности. Все-таки удивительная тварь этот Корняга. Джерх его знает, чего от него ждать. В горле у него, видите ли, пересохло!

Я прижала поводья локтем к боку, отстегнула от пояса флягу с водой и, не глядя, сунула ее за плечо:

— Держи!

За плечом забулькало — да так азартно, что я не выдержала и поинтересовалась:

— Может, ты и пиво пьешь?

— А есть пиво? — тотчас отозвался Корняга.

— Нету, — сурово сказала я. — И кто тебя в лесу пиво пить научил?

— Люди, — скрипуче вздохнул Корняга, перебираясь через мое плечо, чтобы вернуть флягу. Фляга изрядно полегчала, а вот в Корняге веса почему-то совсем не прибавилось. Интересно, с какими это людьми он в лесу компанию водил?

Я и себе сделала пару глотков из фляги, прежде чем вернуть ее на место. Четтан уже поднялся высоко, и в лесу становилось жарко. Скоро пора будет останавливаться на привал.

— Есть тут поблизости такое место, чтобы вода и отдохнуть спокойно? — спросила я.

— Есть, — скрипнул Корняга из-за плеча. — Озеро. Слезой Великана прозывается. Правее держи.

Ветер охотно принял вправо — может, уловил идею отдохнуть и напиться. А вот вулха что-то не было видно.

— Хэй, вулх! — крикнула я. — Направо, к озеру!

Лесное озеро — это хорошо. В озере можно не только напиться, в озере можно еще и искупаться. Если никто не помешает...

— Чего замолчал? — бросила я через плечо. — Рассказывай.

Однажды в дождливый и промозглый синий день Корняга впервые открыл глаза. Он увидел овраг, по дну которого струился ручей, полускрытый грудami опавших листьев. Он увидел мокрые деревья и хмурое небо. Он почувствовал холодные капли дождя на своей коре и понял, что пришел в мир, но мир ему не рад.

Следующие дни — много дней — Корняга провел в неподвижности над оврагом. Он наблюдал за окружающей жизнью, и мыслей у него было не больше, чем у обыкновенного пенька. Наверное, так могло продолжаться долго — если бы не один настырный червяк, которому Корняга сильно приглянулся на вкус. Червяк ползал под землей и грыз Корняге корни.

Через пару дней такой жизни Корняга выкопался из земли, с наслаждением раздавил червяка и пошел искать себе места под солнцами.

Еще через день он встретил сородичей и первым же делом послужил причиной раздора между кланами.

Корневики рождаются редко, зато живут очень долго. По существу, единственное, что может уничтожить корневика, — это огонь. Как любые долговечные существа, корневики превыше всего ставят традиции. С незапамятных времен лес разделен среди них на участки, и новорожденного корневика принимает к себе тот клан, на участке которого он родился. Корняге и здесь не повезло. Его угораздило родиться на спорной территории, и ни один из трех кланов, претендующих на этот участок леса, не хотел принимать к себе кособокого карлика, вдобавок еще и немного — ведь до сих пор его никто не учил разговаривать.

Если бы Корняга соображал, что происходит, он бы просто взял и ушел из родного леса. Но он тогда еще был глуп, как пень, и не понимал ни единого слова. После долгого разбирательства один из кланов все-таки взял к себе Корнягу, получив вместе с ним и права на спорный участок.

Два оставшихся клана невзлюбили Корнягу, потому что потеряли возможность увеличить свою территорию.

Родной клан невзлюбил Корнягу, потому что из-за него мишенью для насмешек стал весь клан. «Да у них такая земля, что на ней только карлики рождаются», — говорили обиженные.

И все сходились на том, что уродец долго не проживет.

Но, видно, упрямство и воля к жизни, которыми была наделена ведьмина гребенка, что росла на краю оврага, перешли по наследству к Корняге. Он выжил, и даже подросток чуть-чуть, и перестал крениться на один бок. Он неслыханно быстро — всего за один круг — научился говорить. После чего нагадил в душу родственникам, обложив их всеми недавно выученными скверными словами, и ушел к людям.

Корняга снова умолк.

— Что, опять воды? — усмехнулась я, оборачиваясь.

За плечом у меня никого не было.

— Эй! — крикнула я, одновременно левой рукой натягивая поводья, а правой по привычке хватаясь за кинжал на поясе. — Ты что, свалился?

Ветер неохотно послушался поводьев и остановился.

— Стой здесь, — велела я жеребцу, спешиваясь.

Я сделала несколько шагов назад и нагнулась над кустом, из которого вроде бы торчали какие-то посторонние сучья. В этот самый миг надо мной просвистела пущенная из лука стрела.

Тело мое разобралось в обстановке быстрее, чем разум. Разум еще только расставался с мыслью найти упавшего куда-то в куст Корнягу, а тело уже метнулось за этот куст и замерло, готовое для следующего броска.

На мгновение все затихло. Только сердце у меня колотилось все сильнее. Мне вдруг стало легко. Мир из странного сделался привычным и простым. Стреляют — значит, засада. А засада — значит, пробьюсь. Не страшно! Любой враг лучше, чем неизвестный.

Вторая стрела срезала ветку рядом с моей левой щекой. Гурунарский ножичек уже лежал у меня в руке. Я вынырнула из-за куста, размахнулась и отправила нож в густую крону платана — туда, откуда пришла стрела.

Вопль боли незнакомого стрелка смешался с хриплым рычанием зверя.

«А вот и вулх», — мысленно усмехнулась я, бросаясь к дереву, из ветвей которого безвольным мешком валилось тело врага.

Ветер прынул в сторону и звонко заржал, но бежать не бросился. В следующий миг я прокляла его выдержку, потому что в меня полетели стрелы еще двух лучников, засевших на деревьях в стороне озера. Одна воткнулась в бок упавшему стрелку и осталась там торчать, подрагивая оперением, — а он и не шевельнулся. Ну, трупы вообще редко шевелятся. Я выдернула у него из горла нож и снова метнулась за куст, подальше от Ветра. Не то ранят мне коня, и что я буду делать?

С первого броска одним врагом меньше — это мне крупно повезло. Но сколько же их?

Три стрелы ответили мне на вопрос. В том смысле, что не меньше трех.

Ах ты ж!.. Четвертая стрела пришла с неожиданной стороны и чиркнула меня по шее, содрав кожу. Больно! И горячо — от моей же крови. Т-темное небо!

Второй вопрос: сколько у них еще стрел?

Я наспех сорвала лист и залепила им царапину уже на бегу. Если лучники ждали именно меня — а я уже не сомневалась, что Корняга не случайно привел меня к засаде, — то они непременно бросятся за мной. Главное, чтобы стрелки оказались на земле. А там посмотрим, кто сильнее.

Я бежала со всех ног, дергаясь из стороны в сторону, как ошалевшая курица. Мне нужно было убедить их, что я испугалась. Испугалась и потеряла направление — потому что бежала я прямо на стрелы. И вряд ли кто-то из врагов мог подумать, что я поступаю так вполне осознанно. Для начала надо лишить их удобной позиции.

Еще две стрелы воткнулись в землю совсем рядом со мной. Я перепрыгнула некстати подвернувшийся под ноги пенек и бросилась напролом через молодой ельничек. Пробегая мимо огромной ели, я мельком увидела на половине высоты ствола темное пятно человеческой фигуры. Ух! Почти прорвалась...

Стрела ударила меня в правое плечо с такой силой, что я чуть не кувыркнулась через голову. От толчка и от боли помутилось в глазах. Я пробежала несколько шагов вслепую, ткнулась лицом в еловые иголки и с невнятным ругательством опустилась на колени.

Моя левая рука сама потянулась ощупать плечо, ожидая встретить древко стрелы, застрявшей в живой плоти.

Стрелы в плече не было. И даже магическая одежда в этом месте была цела. Она-то небось и уберегла меня от раны — но не от синяка. Я не сдержалась и охнула, подни-

маясь с колен. Ничего, синяк — впрочем, как и рана, — это ненадолго. Ровным счетом до завтра. Завтра на моем теле и следа не останется... если доживу, конечно. А с синяком от стрелы на плече дожить легче, чем со стрелой в том же месте.

«Ладно, колдун, твоя взяла, — подумала я, оборачиваясь на треск ломаемых сучьев. — Не буду искать другую одежду».

Ближайший ко мне лучник торопливо спускался с ели. Небось видел, что попал, и добивать меня собрался... с-ско-тина!

Его товарищ на другом дереве предостерегающе крикнул. Лучник обернулся, и мой нож, еще испачканный кровью предыдущего врага, вошел ему под ребро. Он захрипел, взмахнул руками и полетел вниз.

Сейчас от двоих стрелков меня закрывали деревья. Но куда делся тот, который только что пытался предупредить товарища? Выжидает, когда я откроюсь для выстрела, или спустился с дерева и обходит со спины?

Я нерешительно дернулась было в сторону упавшего — забрать нож, — но передумала. Опасно. Еще один нож у меня оставался, да верный хадасский кинжал — все остальное оружие было в притороченной к седлу сумке. Впрочем, от арбалета мне сейчас все равно мало толку.

Я зажала кинжал в правой руке и замерла на месте, прислушиваясь.

Вокруг было тихо.

Молчали птицы, не шелестела листва. Красные сумерки под пологом леса были напитаны ожиданием. Тишина длилась всего мгновение или два, но для меня она растянулась на несколько жизней.

Внезапно за ельничком, в стороне озера, закричал человек. К нему присоединился второй, но его заглушило яростное рычание зверя. Ур-ра! Так их, серый брат! В тот же миг я затылком почуяла взгляд и резко обернулась.

Короткий восточный меч уже летел мне в грудь. Я встретила его кинжалом, с трудом сдержав напор враждебной ста-

ли, и тотчас отпрыгнула в сторону. Левой рукой я выхватила из наручи второй гурунарский ножичек.

Противник мне попался тот еще. Одного взгляда на его гнусную харю со шрамом через весь подбородок было достаточно, чтобы понять — этот не станет фехтовать по правилам высокой науки. Ну и ладно. Я тоже не во дворцах драться училась.

Следующий удар я приняла в скрест ножа и кинжала и попыталась двинуть противника ногой в пах. Разбойник увернулся в последний момент. Во взгляде его что-то мелькнуло — то ли удивление, то ли уважение, джерж его разберет. Как видно, он сделал поправку на мои манеры, и меч в его руках заплясал с удвоенной быстротой.

Я отступала шаг за шагом, уворачиваясь и блокируя выпады. Против меча с кинжалом напрямую не попрешь, вот я и выжидала ошибки противника. Одновременно я вслушивалась в то, что происходит у озера. Оттуда донеслось еще несколько воплей, затем плеск чего-то тяжелого, упавшего в воду. Хотелось думать, что это тело врага.

Что-то мелькнуло среди молодых елочек за спиной моего противника. Серый вихрь налетел на него со спины и опрокинул. Я тотчас бросилась вперед, наступая ногой на меч. Человек и вулх покатались живым клубком по ковру осыпавшейся хвои, ломая еловую поросль. Но уже через несколько шагов клубок распался.

Человек остался лежать на боку, и из его разодранного горла толчками шла темная кровь. Вулх, пошатываясь, поднялся на все четыре лапы над телом поверженного врага.

— Этот последний? — спросила я, почти ожидая утвердительного кивка в ответ.

Но вулх не стал кивать головой, он просто выразительно на меня посмотрел. «Дык, ясен пень, что последний», — сказал его взгляд. Вулх повел хвостом, развернулся и медленно потрусил к озеру.

Некоторое время я стояла и смотрела на мертвого разбойника, не в силах сдвинуться с места. Его вид неприятно всколыхнул во мне память о Беше. О Беше, который вот так же умер от клыков зверя и так же лежал с разорванным горлом... Только когда теплые губы Ветра ткнулись мне в ухо, я очнулась.

— Уйдем отсюда, — сказала я жеребцу, прижимаясь щекой к его морде.

И чуткий Ветер увел меня вслед за вулхом.

В конце концов мне удалось и отдохнуть, и искупаться — все, как было задумано. Только не сразу.

Сначала я распрягла коня и велела ему найти себе корм по вкусу, но далеко от озера не уходить. Судя по тому, как Ветер вел себя при стычке с разбойниками, в таких делах ему вполне можно доверять.

Вулх за то время, что я возилась с упряжью и поклажей, успел окунуться в озере, и улегся на берегу в тени раскидистого старого клена. Он лежал на боку, как уставшая собака, и тщательно зализывал рану на правой передней лапе. Проходя мимо, я нахмурилась. Рана была не слишком серьезной, однако пару дней вулху будет трудно угнаться за жеребцом. А времени у нас было в обрез.

И я по-прежнему не знала, где находится У-Наринна. А спросить пока не у кого.

Даже мой лжепроводник, судя по всему, знал путь только до разбойничьей засады. Интересно, кстати, где он? Уж я бы ему сучья пообломала! Или корни пооткручивала...

Меня ждала неприятная работа. Нужно было обшарить трупы. Некоторое время я раздумывала, не стащить ли их затем в какой-нибудь овражек и не привалить ли ветками, но быстро решила, что разбойники этого не заслужили.

Вот только того, который упал в озеро, я вытащила с мелководья и отволокла подальше от берега, — но заботилась я при этом не о трупе, а об озере. Нечего воду запоганивать.

Мокрый покойник был тяжелым, как лошадь. У меня сразу заныло ушибленное стрелой плечо. Вот Чистые братья все о душе спорят — что это за штука, и какая она из себя. Как по мне, так душа должна быть чем-то вроде воздушного змея, который человека все время вверх тянет. Потому что когда душа улетает, тело сразу становится куда тяжелее.

У этого бездушного тела ничего ценного не оказалось. Пригоршня медных монет в поясе, серебряная серьга с выковыранным камнем в ухе да плохонький железный нож за голенищем. Я хмыкнула и отправилась искать остальных мертвецов.

Было их не пятеро, как я думала. Было их шестеро. Четверых прикончил вулх, одного я, а еще один успел вытащить из-под ребра мой метательный нож и умер сам. Ну то есть тоже от моей руки, но не сразу. Он прополз еще с десяток шагов, умирая. Я с трудом вынула гурунарский нож из его окоченевших пальцев, и мне задним числом стало не по себе.

Шестеро разбойников, злобных и упрямых, как крысы. Которые до самой смерти пытаются нанести противнику удар. Мда-а, теперь я знаю не понаслышке, какие люди живут в Диких землях. Одна бы я с этими шестерыми могла и не управиться. Уложила бы двоих-троих, была бы ранена, оказалась бы в плену... убить-то они меня сразу не убили бы, решили бы сначала это... попользоваться. Синим утром их, конечно, ждала бы неприятная неожиданность — да и кому ж приятно вместо раненой и связанной девки узреть целехонькую и свободную от пут карсу? Но до заката Четтана мне бы приходилось несладко... В общем, спасибо вулху.

Пять трупов я обыскала и не обнаружила ничего полезного. Признаться, я надеялась найти у кого-нибудь в поясе или за пазухой что-то вроде путеводного пергамента или дощечки с обозначением хотя бы некоторых дорог и деревень. Разбойники, конечно, эти места и так знали, но вот у

торговых людей, нападениями на которых они, судя по всему, промышляли, путевые рисунки вполне могли быть. А раз могли быть, то разбойники их отобрали бы вместе со всем остальным — или я ничего не смыслю в этих людишках. Но никаких рисунков я не нашла.

Впрочем, оставался еще один труп — того самого разбойника с мечом, которого вулх загрыз у меня на глазах.

Я с сожалением оглядела затоптанный ельничек, где разыгралась последняя схватка. Сломанные елочки мне было по-настоящему жаль — в отличие от убитых людей.

Судя по одежде, а особенно — по добротным сапогам, этот разбойник был главарем. Труп лежал на левом боку, и подстилка из хвои прошлого круга под его головой потемнела от впитавшейся крови. Я ногой перевернула мертвеца на спину.

Тьма и демоны! Когда мерзавец напал на меня, я, понятное дело, смотрела в основном на его меч. А теперь я увидела ножны от этого меча и тихо ахнула.

Если бы на стол в доме Беша вместо общих глиняных лоханей поставили каждому серебряную тарелку, тарелки смотрелись бы не так дико, как эти ножны. На трупе лесного разбойника они выглядели неуместными до нелепости.

Я развязала ремешки, которыми ножны крепились к поясу, и дивная вещь оказалась у меня в руках. Я повертела ножны так и эдак, любуясь работой неизвестного мастера. Провела пальцем по бархатистой коже. Луч Четтана проник сквозь листву, вспыхнул пронзительно-красным на металлической оковке ножен и бросил яркие блики на сдержанный коричневый тон кожи.

Я потянулась за лежащим тут же мечом и сразу поняла, что ошиблась — меч, с которым набросился на меня разбойник, не имел никакого отношения к этим ножнам. Это был грубый восточный клинок, размерами короче и шире ножен. Судя по царапинам на крестовине, его вообще носили просто в кольце у пояса.

Оковка у ножен была необычная. Каждому из трех стальных колец, охватывавших ножны, сопутствовало такой же ширины серебряное. Стальные кольца были совершенно гладкими, серебряные же покрывала тонкая резьба. В узорах странным образом сплетались листья дуба, клена и винограда; незнакомые мне символы, среди которых главенствовал круг; цепочки звериных и человеческих следов. Каждое из колец несло свой собственный рисунок.

Самой широкой была оковка устья. Я присмотрелась к ней повнимательнее. Показалось мне, или в сплетении узора на самом деле мелькнул рисунок букв?

Поворачивая ножны, я медленно читала надпись, сделанную на древнем языке. Вот и пригодилось мне знание письменности хорингов, которым невесть зачем поделился со мной старина Унди Мышатник, упокой его Тьма. На серебряном кольце было вырезано всего одно слово, но я для верности перечитала его трижды.

Древний язык хорингов — штука сложная. Слова в нем значат совсем не то, что у нас. В одно слово вмещается столько всего, что и не перевести. Надпись на ножнах значила примерно следующее: «Спешу оказаться тогда и там, где я нужен». Некоторое время я пыталась разгадать ее смысл. Что вообще можно написать на ножнах? Изречение? Не похоже. Может быть, имя меча? Тогда как же его назвать одним словом по-нашему — «Спешащий»? Или «Быстрый»? Нет, неверно. Тут речь не только о быстроте...

«Спешить» по-хорингски дословно будет «бежать впереди». Тогда, тогда... Вертится на языке, а не дается!.. Вот! Нашла. «Опережающий».

У меня за спиной раздался громкий треск и шорох. Я рывком обернулась, готовая увидеть все что угодно.

Но только не то, что предстало моим глазам. То есть, конечно, Корняга рассказывал, как ему пришлось выкапываться из земли. Но одно дело слушать вполуха всякие байки, и совсем другое — видеть это собственными глазами.

Тот самый пенек перед ельником, что подвернулся мне под ноги, когда я уворачивалась от разбойничьих стрел, скрипел и раскачивался, при каждом движении накрываясь все сильнее. Наконец пеньку удалось вытащить из-под земли один жилистый корень, которым он и принялся раскапывать остальные. Через пару минут Корняга целиком оказался на поверхности. Он встряхнулся, как собака после купания — только от него во все стороны полетели не брызги воды, а комочки влажной земли, — и открыл свои черные глазки-ягодки.

Некоторое время мы смотрели друг на друга молча. Почему-то я на него уже не сердилась. Наверное, все-таки трудно по-настоящему сердиться на пень, даже говорящий. Но и продолжать наше знакомство мне не хотелось.

— Брысь отсюда, — сказала я. — Только скажи: ты про все врал или не про все?

Корняга обиженно заморгал.

— Я правду рассказывал, — проскрипел он.

— А про У-Наринну?

— Про что? — искренне удивился Корняга.

Я мысленно съездила себя по уху. Ведь могла же еще тогда расспросить его подробно! Попалась на такую простую уловку, что теперь перед собственной задницей стыдно.

— Про то, что знаешь дорогу в Каменный лес.

— Врал, — скрипуче вздохнул Корняга. — Не знаю я дороги в Каменный лес.

Все это время он понемногу двигался в мою сторону и уже подобрался довольно близко. Осмелев от того, что я его не особенно гоню, корневик потянулся к ножнам у меня на коленях:

— А это что, госпожа?

Я даже руку отдернуть не успела. С серебряных колец сорвались искры темного огня и понеслись к Корняге. Вспышка полоснула по глазам, а Корняга тотчас завопил жалобно и пронзительно:

— Ой! О-ей! Ой-ей-ей!

— Лезть не надо было, — сердито сказала я.

— Я ж не знал, что магия, — прохныкал Корняга, торопливо отползая подальше от ножен. — А меня раз — и в глаз. За что?

Я не ответила ему, разглядывая ножны с новым уважением. Магия? Ну да, а что же еще. И на редкость полезная магия, вот что я вам скажу. Корняга — нечисть мелкая, однако же нечисть. Если каждая нечисть будет получать от этих ножен в глаз, это уже хорошо. А если чем крупнее нечисть, тем сильнее она будет получать, так это просто превосходно. Потому что никто не знает, что встретится мне на пути.

Кстати, магические свойства объясняют, зачем разбойник носил на поясе ножны от чужого меча. Хотя Корняга это должно быть известно лучше, чем мне.

— Разве ты раньше эти ножны не видел? — подозрительно спросила я. — Эти твои друзья в засаде...

— Враги! — перебил меня Корняга. — Враги меня поймали, посадили в яму. Велели привести к ним того, кто меня развяжет.

— А ты и послушался? — возмутилась я.

— Сказали — иначе пожар, — проскрипел Корняга так тихо, что я его едва расслышала.

Забери меня Тьма! Мда-а, угроза серьезная. И не только для корневика, а для любого лесного жителя. Может, на сей раз моя нечисть правду рассказывает? Или снова пытается во мне жалость растормошить? Впрочем, все равно. Мы с ним сейчас расстанемся навсегда.

— Нет больше твоих врагов, — буркнула я. — И ты отсюда проваливай, пока не схлопотал по корням.

Корняга вскинул на меня ягодки глаз.

— Не ищи Каменный лес, — просительно скрипнул он. — Зачем тебе? Оставайся у нас. Хутор покажу. Там люди хорошие. Пиво пьют.

Может, на лесном хуторе кто-нибудь знает нужную мне дорогу? Но нет, мне некогда разыскивать в лесах каждого, кто может что-то знать — а может и не знать. Так что...

— Нет, Корняга. Прощай. Не попадайся врагам.

— Прощай, — проскрипел Корняга, ныряя в кусты. И уже оттуда до меня донеслось: — Возвращайся...

Я вернулась к озеру, неся ножны в руке. Вулх степенно подошел ко мне, обнюхал добычу и так же неторопливо отошел. Он все-таки изрядно хромал, и это меня заново огорчило. Ну ничего, завтра посмотрим, как он будет бежать.

На приближение вулха магический предмет вспышкой не отозвался — значит, идею о том, что вулх мог оказаться оборотнем, следует похоронить окончательно.

Хотя... я-то ведь как раз оборотень! А от моей руки ножны не искрили. Почему? Потому что прямо сейчас я человек? Или заложенная в них магия не считает оборотня нечистью? Ага, как же. Вот бы подкинуть такую идейку Чистым братьям, уж они бы порадовались. Может, ножны признали во мне хозяйку? Но добыли-то их в бою мы с вулхом вместе. Вулх даже больше отличился, чем я.

В общем, я поняла, что с ходу все равно не разберусь, и перестала ломать себе голову раньше времени. Доживем до урожая — тогда и будем малину жрать, как говаривал Унди.

Я положила ножны рядом с поклажей, стянула с себя колдовскую шкуру и плюхнулась в озеро. Водичка была такая славная, что я тотчас перестала думать обо всем, что сегодня случилось. С детства люблю воду. И Карса любит, насколько мне известно.

Стычка с разбойниками, тщетные поиски путеводных рисунков и купание отняли у меня немало времени. Когда я выбралась на берег, Четтан уже давно перевалил за полдень и медленно сползал к закату. Двигаться сегодня дальше было бессмысленно. Я натаскала дров для костра и елового лапника, чтобы можно было на нем поваляться, а потом выкупала коня и сама с удовольствием окунулась еще разок.

Вечером мы все втроем — вулх, Ветер и я — собрались у костра и долго молча глядели на яркое пламя. Небесный костер Четтана догорал на западе, небо над озером стало темно-синим, и искры нашего костра устремлялись вверх стайками огненной мошкары. Я лениво следила за их полетом, а мысли мои занимал один-единственный вопрос.

Где, во имя доброй динны, находится сейчас меч от доставшихся мне магических ножен? Меч с загадочным именем Опережающий...

Перед самым заходом Четтана я старательно затоптала костер.

ГЛАВА 4

Меар, день второй

Проснулся я со странным чувством. Никогда в жизни я не видел снов — по вполне понятной причине. Но теперь я готов был поклясться чем угодно: между последним воспоминанием и нынешней минутой было что-то еще.

Смешно, но это была нелепая и непонятная сцена: корявый черный пенек сам собой выкапывается из земли.

Именно так: карса на покатой крыше мельницы, потом пенек, потом пробуждение.

Я огляделся. Меар заметно оторвался от горизонта, вставая над рекой...

Стоп! Я рывком приподнялся на локтях. Всмотрелся, близоруко шуря глаза.

Вода на востоке вовсе не была Юбеном. Скорее, это дикое лесное озеро, круглое, как монета. Лес, только лес кругом... Давешней мельницы нет и в помине. Смутные дни, как имеет привычку выражаться джерхов колдун!

Я встал на ноги. От затоптанного костра свечкой поднимался слабый синеватый дымок, похожий на призрачные одеяния динны. Невдалеке понуро бродил конь, расседлан-

ный. Седло и поклажа нашлись около кострища; тут же рядом лежала и странного вида одежда. Сначала мне показалось, что кто-то смеха ради расправил на земле штаны и куртку так, чтоб они казались одним целым. Потом я понял, что они и есть одно целое.

Моей старой одежды, привычной и родной, нигде не было. Это мне не слишком пришлось по нраву — я любил свой плащ... и снимал его только в месте, которое в такие моменты мог назвать «домом». Но придется стерпеть. Как там учат Чистые братья? Смирение и покорность.

Я вздохнул. Знаем мы смирение Чистых братьев... Подумалось: «Сколько еще раз придется смиряться ради своей же памяти? Лю, колдун, я начинаю ненавидеть тебя...»

Я взял странную одежду за рукав. Мельком взглянул. Потом вытаращил глаза.

— Тьма!

Никто не пришивал куртку к штанам. Джерхи забери, эта одежда вообще не была сшита! словно с некоего диковинного зверя сняли шкуру, не повредив. Только на груди аккуратный разрез, чтоб надевать этот балахон, понятно... Надо же, и капюшон есть! Ремешки на рукавах, штанинах и талии... Ремешки, кстати, пришиты. Ну, с этим-то хоть понятно, подгонять под нужный размер. Остроумно, кстати.

Я зажмурился. Уж не работы ли хорингов эти курткостаны? Во мне в который раз проснулся проныра-купец. Да торгуя такой одеждой, можно озолотиться за какой-то круг! За полкруга! За четверть! Я даже знал, кому можно предложить подобный товар. Целую партию... И знал, что модницы в Лиспенсе и Джурае будут платить за это чудо столько, сколько скажет торговец.

Только где раздобыть партию такой одежды? Не трясоти же Лю-чародея?

Открыл глаза я только спустя минуту. Так. Забыть. Забыть обо всем — я иду в джерхов Каменный лес... Кажется, иду даже вулхом.

Я немедленно представил, как вулх и карса грузят двух на коня, и нервно хихикнул. Потом вспомнил совет Лю — не удивляться. Ладно, не удивляться так не удивляться.

Наверное, благодаря этому решению я с неприятно поразившим меня самого равнодушием обнаружил невдалеке от стоянки труп какого-то бродяги в мокрой одежде. Должно быть, свалился в озеро... А хотя нет. На горле следы зубов... звериных.

Я огляделся. Где там моя подружка-карса? Кого это ты мимоходом сожрала?

Мертвый походил на лесовика-хуторянина. Промышляющего, вероятно, разбоем. Эге, да тут не все, похоже, так просто. Уж не набрали ли на стоянку местные, а карса с вулхом решили защитить коня и поклажу? И защитили, как сумели.

Кстати, а ведь это и вулх мог его. Даже скорее вулх: карса оставила бы еще и следы когтей. Веселенькое начало.

Влезая в чудо-одежду, я заметил слабый шрам на правом предплечье. Четтанская рана, понятно. Точно, драка была. Нож, наверное, или меч, сейчас уже не определишь. Дела-а...

Одежда была подогнана на человека пониже меня. И, кажется, поуже в плечах. Я быстро перетянул ремни — удобно, вот ведь! Даже удобнее, чем я сначала решил. Кто ж тут есть пониже меня и поуже в плечах? Не карса же?

Конечно, не карса. Лю-чародей, вот кто. Он, наверное, идет со мной, но почему-то не может быть рядом во время Меара. Может, он тоже оборотень? Чушь, об оборотнях я знал все. Время Четтана — время зверя, а Лю носил этот балахон именно во время Четтана. Значит, он не оборотень. Было, наверное, какое-то на редкость простое объяснение такому поведению колдуна. Или, может быть, совсем недоступное людскому разумению. Стоит ли ломать голову?

Не стоит — решил я. И не стал ломать.

Сапоги оказались тесноваты, я помянул джерхов и задумался. Вам приходилось путешествовать в обуви на добрый размер меньше вашей? И не пробуйте, уверяю.

Нахмурившись, я встал, прошелся. И уже через какой-то десяток шагов сапоги перестали жать на подъеме, и пальцы будто бы отпустило. Ох уж эти колдовские штучки!

Я прислушался к себе. Потоптался на месте. Теперь сапоги казались на размер больше моего, как я и люблю.

— Кажется, я решил не ломать голову, — проворчал я, вспомнив данное некоторое время назад обещание.

Ладно. С одеванием-обуванием покончено. Теперь скакун...

— Эй, конь! — позвал я. Почему-то я знал, что его зовут Ветер. И Ветер послушно пришел. Я запряг его, как сумел, и навьючил. Есть совсем не хотелось — небось в лесу чем-нибудь разжился...

Я вздрогнул. А вдруг были еще нападавшие? Что, если вулх...

Нет, лучше не думать.

А потом я увидел ножны — странно, что только потом, а не сразу.

Это было чудо почище нешитой одежды. Работа... У меня аж дух захватило. Резьба на серебряных кольцах — листья, ветви, гроздья ягод... Синеватый отсвет Меара лежал на серебре. А на оковке устья — древние письмена хорингов. Полускрытые, не сразу и прочтешь.

«Тот, кто приходит раньше, чем позовут», — прочел я, рассмотревшись. Интересно, именно это имели в виду древние мастера или нечто совершенно иное? Такая письменность допускает много смысловых толкований... Посоветоваться бы с Тилом Длинной Строкой. Или с Унди Мышатником — не пойми откуда, но старый пройдоха и пьяница знал толк в древних манускриптах хорингов, хотя сам не имел ни одного. Зато читать — умел, хотя мало кто знал об этом. Впрочем, Тил далеко, а Унди уже умер, упокой Тьма его нетрезвую душу...

М-да. Я огляделся — ни малейшего намека на меч, только ножны.

Следующие три часа я шастал по округе в поисках меча. Ну не мог я оставить его здесь, не мог!

Я нашел еще три трупа — теперь не осталось сомнений, что это типичные лютики, разбойники из Диких земель, лютые, как бешеные медведи. Двое были загрызены, один — убит ножом. Так-так... Меч нашелся, но совсем не тот, что я ожидал, а широкий, восточный. Да и носили его без ножен, слепому видно.

А потом кто-то подсказал мне, шепотом, на ушко: «Убирайся отсюда, Моран... Да поторопись!»

И я, вопреки бунтующей душе, подчинился. Не знаю почему — назовем это предчувствием. Нацепил наручи с гурунарскими ножичками — кстати, им явно находилась работа четтанским днем. Приладил к поясу восточный дурацкий меч, а ножны... Ножны я завернул в кусок кожи, отодранной от куртки одного из мертвецов, и спрятал в оружейную сумку. Они даже почти влезли. Если из затей Лю ничего не выйдет... что ж, тогда я буду еще более богатым оборотнем. Авось продержусь не один круг, богато-му-то легче.

Но где, джерхи забирай, моя карса?

Карса нашлась в озере. С явным удовольствием она плавала недалеко от берега, а при виде меня с ленивой грацией выбралась на сушу. Я изумился — ведь кошки не любят воды. Или на карс — больших, но все же кошек — это не распространяется?

Поразмыслив минуту, я понял, что ответа просто не знаю. Что мне ведомо о карсах? Только то, что их нельзя приручить. Так отчего бы ручной карсе, которой, понятно, просто не может существовать, не любить воду, если кошки воду действительно не любят?

Тут я решил, что, если не прекратить думать о ерунде, голова к вечеру распухнет, как рожа у того из разбойников,

что побывал в озере. Зачем его выловили, кстати? Или ракам кто-то пожалел оставить роскошную закуску?

Тщательно отряхнувшись, карса холодно воззрилась на меня. Зрачки превратились в едва заметные щелочки.

— Надеюсь, ты не голодна, — сказал я как можно более миролюбиво и с места, по-хадасски, запрыгнул на Ветра. Честно говоря, при этом я здорово приложился задницей о седло.

Осталось понять только две вещи: где, собственно, мы с веселой компанией в данную минуту находимся, и в какой стороне, что важнее, находится Каменный лес?

Я направил Ветра на запад, как учил Лю, и карса послушно потрусила следом. Конь ее совершенно не боялся. Видимо, уже успел привыкнуть. Интересно, к вулху тоже успел? Наверное, тоже. А как иначе?

Лес впустил меня. Синеватые стволы берез стояли, словно свечи в трактире. Орал где-то пересмешник, а еще сердито клокотал разбуженный филин. Конечно, синим днем разбудили, кто ж обрадуется из четтанского цикла... Не филин, во всяком случае.

Места навстречу тянулись безлюдные и дикие. Дикие земли все-таки. Карса вскоре исчезла в подлеске в стороне от тропы, но я ее каким-то непонятным образом чувствовал. Чувствовал, что она где-то рядом и в любую секунду готова прийти на помощь. Поневоле я погрузился в размышления, отвлекся, поэтому поздно заметил, что Ветер стал волноваться, беспокойно дергать головой и постоянно норовил замедлить шаг.

Наконец я очнулся.

— В чем дело, коняга? — Я ласково погладил его по шее. — Что стряслось?

Конь раздувал ноздри и тревожно прядал ушами.

«Он кого-то чувствует, — понял я. — Интересно, зверя или человека?»

Зверя. Спустя миг я и сам увидел его — здорового матерого вулха, стоящего на тропе чуть впереди нас. Серая

шерсть так сливалась с синими отсветами на листве и траве, что заметить его было и в самом деле трудно.

Я не успел ничего предпринять — из кустов бесшумно, как призрак, возникла карса, и два зверя застыли друг перед другом. Впрочем, друзьями они отнюдь не были. Обнажились клыки; вулх глухо зарычал, карса зашипела, совсем как домашняя кошка, только громче.

— Не смей! — рывкнул я, соскакивая с коня. Можно подумать, что звери бы меня поняли! Но я их отвлек, и они не сцепились в первые же секунды.

Карса прижала уши и припала к земле. Вулх только чуть пригнул голову. Шерсть на необъятном загривке стояла дыбом. Красавец! Понятно, что это был не оборотень, а истинный вулх, гроза лесов.

Я в несколько прыжков приблизился и положил руку карсе на ошейник. Для этого мне пришлось присесть на корточки. Кошка прижалась к моему бедру, словно ища защиты. Тьма, вулх, конечно, матерый и опытный, но и карса не подарок! Во всяком случае, я не взялся бы предсказать исход подобного поединка.

— Уходи, брат, — медленно и раздельно сказал я. — Уходи в лес, нам с тобой нечего делить, и мы не причиним тебе зла. Может быть, когда-нибудь встретимся на охотничьей тропе в багровом свете Четтана, которого я не помню... Уходи.

Вулх внимательно глядел на меня. И вдруг коротким экономным движением развернулся и исчез. Только что был на тропе — и пропал. Ни одна веточка на кустах не колыхнулась, ни одна валежина не хрустнула под мощной лапой.

Я вздохнул с облегчением. Никогда и ни за что я не убил бы вулха. Человека — мог, и убивал не раз. А вулха — нет. Не спрашивайте почему.

Карса встала, прижимаясь к моей ноге. Я тоже встал и успокаивающе погладил ее по круглой голове, почесал за ухом, потрепал кисточки на кончиках ушей. Она мурлыкнула. Нервно, но явно спокойнее, чем могла бы минуту назад.

Затем моя рука наткнулась на ошейник, я скосил глаза. И вновь присел рядом с карсой.

На металлических бляшках ошейника виднелась тонкая вязь узора и смутные письмена. На том же древнем хорингском языке, что и на ножнах, покоящихся сейчас в оружейной сумке. Рука сама метнулась вверх, к шее — и пальцы нащупали шероховатую вязь и на моем ошейнике. Прищурившись, я попытался прочесть надпись на ошейнике карсы, потому что с себя снимать ошейник не решился. Получилась полная бессмыслица: «Убежище времени, когда нет ни Меара, ни Четтана, зато на небе полно колючих светляков».

Как может не быть ни Меара, ни Четтана? Я не мог понять. Смутные дни!

Вдруг меня осенило. Вот именно, Смутные дни! Это индоевропейское выражение наверняка. Старик Лю, помнится, сильно разволновался, когда я упомянул Смутные дни. Это явно как-то связано с моим путешествием на пару с карсой... Отсюда и ошейники.

Интересно, а что еще за колючие светляки в небе?

Ой, Моран, попадет тебе за твой ум! Не думай лишнего, целее будешь!

Я вздохнул, еще раз потрепал успокоившуюся карсу по загривку и вернулся к послушно ожидающему Ветру. Конь тоже выглядел спокойным, значит, вулх ушел. И славно!

На этот раз я взобрался в седло при помощи стремени. Кому охота отбивать задницу? Вот и я о том же.

Едва я тронулся, мне показалось, что внимательный взгляд провожает меня из подлеска. Мир тебе, истинный! И — доброй охоты.

Довольно долго мы ехали на запад по найденной тропе. Тропа была странная. С одной стороны, она была полузаросшая — значит, ею пользовались редко. С другой стороны, все-таки не заросшая до конца, значит, пользовались хоть и редко, но регулярно. Не такими уж и дикими оказа-

лись эти земли! Интересно, кому нужно ездить этой тропой с запада на восток? Или с востока на запад, как ехал я? Не знаю. Кому-то нужно.

Лес все тянулся и тянулся; стало попадаться больше дубов и многодревов. На могучих стволах дубов серебрился стальной отсвет Меара, если только на стволах не обосновался серый лишайник. А его было довольно много. Многодревы напоминали мне танцующих варваров-северян, собравшихся в тесный круг и положивших руки друг другу на плечи. Изредка встречались островки сосен и длинноиглых терх. Могучий лес. Почему-то он ассоциировался у меня с силой. С недюжинной надежной силой.

Меар поднялся к самому зениту, когда я уловил едва ощутимый знакомый запах. Мед с мускусом, нектар и горечь... Ветер шумно тягивал воздух и фыркал. Тоже чувствует, хотя ему этот запах безразличен...

Я соскочил с коня. Кажется, там, справа от тропы. Сосны, терхи... Где же? Где?

Запах мало-помалу усиливался. Вон! Я метнулся к темнеющей за стволами громаде многодрева. Нет, не тот: ветви этого сплетались, как обычно, но были покрыты лишь листьями. Я убедился, что это то ли дерево, то ли крошечная роща если и цвело когда-нибудь, то не меньше десяти кругов назад.

Пришлось проверить еще четыре многодревы, пока я нашел нужный. Зато его я узнал сразу: на могучей ветви, нависающей над пушистыми елочками-два круга, висел продолговатый плод и источал тот самый приторный пьянящий запах. Вокруг вились насекомые.

Я сшиб плод метательным ножом и подхватил в падении, не давая упасть на землю. Нож упал на прелую листву. Я поднял его и вонзил в податливую мякоть, вскрывая плод, словно дыню. Запах стал нестерпимым.

Давясь, я съел все, до последнего волоконца, оставив только плотную коричневую кожицу. Жидкий огонь расте-

кался от желудка по всему телу. Кровь толчками расходилась по жилам, и я явственно чувствовал каждый толчок.

Вскинув голову, я посмотрел в переплетение ветвей многодрева, в жуткую, похожую на сотканную безумным рыболовом сеть, мешанину сучьев, листвы, вьюн-побегов, отростков этого круга, бугров, совсем недавно — полкруга назад — бывших пузатыми почками, отставшей мертвой коры... Я видел еще по крайней мере два плода. Но за обоими придется лезть.

И я полез меж двух соседних стволов, упираясь руками и ногами и в тот, и в другой. Земля скрылась в неясном сумраке.

В общем, я добыл целых четыре плода, не считая того, что съел. Кажется, был еще один, но совсем уж в недоступном месте, да и негоже оставлять многодрев совсем без плодов... Пусть, решил я и спустился. Внизу, у подножия, сидела карса и внимательно глядела, как я съезжаю по шершавому стволу.

— Хэй, киса! — сказал я ей бодро. — Хочешь быть еще здоровее, чем ты есть?

И протянул ей один из плодов. Карса осторожно обнюхала продолговатое гигантское яйцо, ощупала его длинными усищами и с сомнением подняла на меня взгляд.

— Не хочешь? — спросил я. — Ну и шут с тобой. Я вот уже съел один. Сейчас, пожалуй, еще один съем. А вечером — третий.

Плоды многодрева были настоящим чудом. Во-первых, их мякоть убивала в людях большую часть болезней, причем быстро и без каких-либо осложнений. Во-вторых, она веселила и восстанавливала силы. В-третьих, она была просто безумно вкусной. И безумно редкой. Потому что цвели и давали плоды почему-то далеко не все многодревы, примерно один из тысячи, да и то всего раз или два на своем долгом-долгом веку. Эти невзрачные на вид коричневые дыни с умопомрачительным запахом стоили столько же, сколько

приносила за круг таверна вроде «Маленькой карсы» в Дренгерте. Сушеный порошок плодов многодрева не у каждого знахаря-лекаря-алхимика можно было купить... И еще — люди болтали, что плоды многодрева, съеденные прямо у дерева, исцеляют оборотней, делают их обычными людьми. Только последнее, к сожалению, просто досужая болтовня, потому что я, Моран, оборотень-вулх, до сегодняшнего дня трижды ел плоды многодрева в глухих лесах, но так и остался оборотнем по сей день. И все же никогда не откажусь отведать этой дивной сочной растительной плоти, ни сейчас, ни впоследствии.

И я с наслаждением съел второй плод под пристальным взглядом карсы. А потом вернулся к Ветру.

Странно, но животные плодов многодрева не ели. За исключением собак — но на собак подобная пища никак не действовала, даже от болезней не помогала. Странно.

Места здесь, понятно, дикие... Но все же. Встретить отцветший и плодоносящий многодрев всего в полутора днях езды от Юбена... Если, конечно, красным днем карса, вулх и Ветер двигались. Мне повезло, наверное. Кто-то ведь жил в этих местах и ездил по никак не зарастающей тропе. Очень странно. Прошлые разы я сталкивался с этим чудом в совершенно безлюдных южных пущах, за Стагардом и Дальними равнинами.

Бережно уложив оставшиеся три плода в двухмех, поверх припасов, я вскочил на вороного и направил его по тропе. Голова была свежей и пронзительно ясной. Словно я выпил много-много доброго крепкого пива, но ничуть при этом не опьянел. Из двухмеха волнами накатывался дурманящий душу запах.

Вперед, Ветер!

Дым я заметил ближе к вечеру, когда уже можно было подумать о привале. Я отмахал за сегодня немалый кус дороги, не знаю уж, больший, чем путь от мельницы до лесно-

го озера, или меньший, но явно добрый. Правда, Лю велел торопиться...

Так или иначе, на дым я ехал втрое дольше, чем ожидал. Успели приблизиться сизые вечерние сумерки; до восхода Четтана оставалось совсем немного. В животе бурчало: желудок вновь требовал пищи, разбуженный дневным лакомством. Карса еще днем куда-то деловито отлучилась, сразу после остановки у многодрева, и вернулась с перепачканной кровью мордой. Морда выглядела довольной.

— Надеюсь, это не очередной разбойник, дорогая? — спросил я тогда. Карса, конечно, не ответила, только стрельнула желтыми глазищами с вертикальными стрелочками зрачков.

А ведь она по-своему красива! — подумал я. И вздохнул. Вулх все же красивее.

Лес как-то сразу кончился; открылся длинный косой луг, за которым синела изогнутая лента реки. На дальнем берегу вновь начинался лес, такой же дикий, как эти земли. Костер алел на песчаном пятачке перед самой водой. Над костром на рогульках висел котелок. Тот, кто костер развел, куда-то делся — может быть, отправился за дровами, потому что кучка сухих веток была совсем крошечной, и ее явно бы не хватило надолго.

Я задумался. Нельзя мне встречать пересвет рядом с незнакомым человеком... Даже если я никогда в жизни его больше не увижу. Но до пересвета еще достаточно времени — я успею переговорить с незнакомцем, успею даже подкрепиться, если он гостеприимен. И возможно, даже переправиться через реку.

И я подъехал к самому костру. Спешился. Почему-то не стал пока расседлывать Ветра. От котелка пахло весьма соблазнительно, но без хозяина я трогать его не решился. Где тот бродит, джерхи забирай? Время-то идет.

Скоро я заволновался. Сумерки опускались. Я мог не успеть. Где же хозяин, сто раз Тьма!

Потом я не выдержал. Вот незадача! Надо было остаться в лесу. Там бы превращение осталось никем не замеченным. Только время потерял. В лес, в лес скорее!

Я вскочил на коня, но тот вдруг заупряился и назад под сень сосен и дубов возвращаться отказался.

— Что такое? — опешил я и вдруг догадался: — Ах вот оно что... Молодец, Ветер, я и не подумал.

Хозяин костра будет возвращаться как раз из леса. И наверное, именно сейчас — будто назло мне. Что же делать?

Пришлось оглядеться — стена леса стала совсем синей от лучей заходящего Меара. Ага, вот!

Я тронул Ветра пятками, и вскоре костерок скрылся от взгляда за прибрежным холмом.

Авось отсижусь. Главное — успеть превратиться, а там пусть сосед заглянет в гости. Думаю, карса и вулх быстро заставят его убраться восвояси.

Я прыгнул на влажный песок, расседлал Ветра; седло и поклажу аккуратно положил рядом с карсой. Та, словно понимая, покорно сидела на месте не двигаясь. Только глазами изредка лупала — гораздо реже, чем люди.

Хотелось есть, но я решил — пусть об этом позаботится вулх. Все равно ведь не выдержит в таком заманчивом месте и устроит скорую охоту.

Я уже решил раздеваться, когда явился сосед. Наверное, его привел запах плодов, о которых я в вечерней суете просто-напросто забыл.

Сначала я ничего не слышал, потом насторожилась карса, и я уловил слабый звук пересыпающихся под чьими-то сапогами песчинок. Рука сама потянулась за мечом, но встретила на поясе пустоту. Восточного меча, который я вешал к ремню, при мне не было.

Я растерялся. Как это? Никогда в жизни мне не доводилось незаметно для себя обронить оружие! Так не бывает!

Из-за холма, скрывающего костер, медленно вышел невысокий человек, упакованный в шкуры, и натянул тетиву лука.

В тот же миг карса прыгнула. Стрела с неприятным глухим воєм ушла в воздух, а человек тяжело рухнул на песок. Карса поставила передние лапы ему на плечи, нагнулась над лицом и тихо зарычала, обнажая ослепительные клыки.

В моей руке уже был верный гурунарский ножичек. Пока голова удивлялась потере меча, руки делали дело. Пожалуй, я смог бы уйти от стрелы — перед превращением заметно обострялись все чувства и рефлексy.

Я осторожно приблизился к опрокинутому гостю.

— Если ты не будешь дергаться, — посоветовал я, — она тебя не сожрет. По крайней мере сразу.

Лежащий что-то невнятно просипел. Я вновь разомкнул губы.

— Слушай меня, незнакомец. Сейчас ты медленно встанешь и вернешься к своему костру. И тогда поговоришь с тем... или с теми, кто подойдет к тебе после пересвета. Понял?

Пусть Лю сам с ним разбирается, подумал я зло.

Лежащий опять засипел, опасливо косясь на клыки карсы.

— Ну-ка, киса, — велел я, — отпусти его!

Карса обернулась. Интересно, с чего я взял, что она меня послушается? Впрочем, она действительно послушалась. Отошла на несколько шагов и села мордой к соседу. Тот медленно-медленно приподнялся на локтях и потянулся к оброненному луку.

— Нет, — сказал я, двинув рукой, и ответ Меара упал на гурунарское лезвие. Лезвие сверкнуло. Видит небо, я сделал это неумышленно, но как вышло эффектно!

Незнакомец на спине проворно отполз на несколько шагов, осторожно поднялся и торопливо удалился за холм.

— Вот так, — тихо сказал я. — Присмотри за ним, милая... Пока я тут...

Карса не двинулась. Ну и ладно.

Я уже чувствовал подступающую к рассудку тьму. Если бы не холм, заслоняющий и костер, и все на востоке, наверное, я бы смог увидеть первые багровые сполохи над темной стеной леса.

До свидания, Моран... До завтра!

Тьма хлынула мне в душу, как делала это каждый синий вечер.

ГЛАВА 5

Четтан, день третий

Я открыла глаза и обнаружила, что мечтательно улыбаюсь. Что-то случилось. Что-то хорошее и удивительное. Что-то вроде тех добрых чудес, которых детишки в день рождения ждут от своей динны-хранительницы.

Что же?

Я впервые в жизни видела сон.

Сон был странным и казался исполненным глубокого, но неразгаданного смысла. Впрочем, насколько я знаю, снам и положено быть странными. А смысл его я уж постараюсь разгадать. Надо только сосредоточиться. Сейчас вот опять закрою глаза и...

Во сне я видела вулха на лесной тропе — громадного вулха без ошейника. Но был ли это мой приятель, или его дикий лесной сородич? Что-то казалось в нем непривычным, неправильным, даже пугающим — но вовсе не отсутствие ошейника...

Темное небо! В мгновенной вспышке озарения я поняла, что было странным и пугающим в моем сне.

Солнечный свет, пятна которого плясали на листьях деревьев, на тропе, на шкуре вулха, не был красным светом Четтана. Это был свет Меара, знакомый мне по синим сумеркам пересвета — только намного ярче.

Я видела во сне синий день.

От такой догадки глаза у меня полезли на лоб, а по дороге нечаянно открылись. Я тотчас вскочила с места как ужаленная. Джерхов сон мигом вылетел у меня из головы.

Во-первых, под моей голой задницей вместо лесной травы обнаружился довольно-таки прохладный речной песок. По левую руку от меня набегала мелкой волной на этот самый песок незнакомая река, а по правую — возвышался песчаный же холм.

А во-вторых, из-за макушки песчаного холма на меня тарасилась чья-то рожа, перекошенная от избытка разносторонних чувств.

На мгновение я растерялась, не в силах решить, что же делать с хозяином этой рожи — то ли скорчить ему в ответ такую же и завывать пострашнее, то ли кликнуть вулха, чтобы придержал его, пока я оденусь — в смысле доберусь до оружия. Но в следующий момент я поняла, что рожа-то знакомая.

— Привет, Цука! — улыбнулась я. — Не узнаешь?

Цука был охотником за лесными редкостями — такими, например, как драгоценный плод многодрева или шип пестроцвета, который помогает выявить тайных недругов и отвести ворожбу. Время от времени он появлялся в Айетоте, чтобы обменять добытые в лесах диковины на звонкое серебро, а серебро спустить монета за монетой в городских трактирах и веселых домах. Событьи́никам и девицам, которым Цука травил свои охотничьи байки, он, вероятно, казался человеком простодушным и храбрым, а его ремесло — вполне достойным. Однако то, что он предпочитал сбывать свою добычу не купцам, содержащим лавки редкостей, а Бешу, наводило на определенные мысли.

В общем, на месте какого-нибудь настоящего лесного искателя я бы не очень хотела повстречаться с Цукой на узкой тропинке. Я и на своем месте не сильно обрадовалась — хотя опасности для меня он, конечно, не представлял. А вот помехой оказаться мог. Надо его спроводить побыстрее... расспросив предварительно про окрестные места.

И я разулыбалась охотнику, как лучшему другу.

Цука в ответ на мое приветствие выпучил глаза еще сильнее, и вдруг во взгляде его мелькнул огонек узнавания.

— Джерх на динне! — выругался охотник.

Я скривилась. Нет, я понимаю, что человеку частенько нужно облегчить душу крепким словом. Но должно же у него быть что-то святое в этой самой душе! Как можно бесчестить светлую динну?!

— Хрен тебе в ноздрю, Тьма в печенку! — строго сказала я. — Думай, что говоришь!

Но Цука уже и сам опомнился.

— Прости, госпожа Тури, — повинился он. — Уж больно я удивился тебя здесь увидеть, да еще и в таком... прости, госпожа, еще раз.

— Ладно. — Я махнула рукой. — Спускайся на берег... только повремени минутку.

Верхушка холма опустела, лишь струйка потревоженного охотником песка с шелестом стекла по склону. Я огляделась, стараясь с первого взгляда охватить все детали. Пока Цука спускается с холма и обходит его — медленно, как я велела, но все равно до обидного быстро, — мне нужно оценить обстановку и состряпать убедительную ложь в объяснение того, как я здесь оказалась. И почему нагишом. Последнее, кстати, лучше бы побыстрее исправить.

Магическая шкура валялась рядом со мной на песке — именно валялась, а не лежала сложенной. Пояс и наручи с ножами валялись рядом. Над одеждой стоял вулх и внимательно ее обнюхивал с задумчивым выражением на морде. В смысле, это мне выражение его морды показалось задумчивым. Джерх его знает, что оно означало на самом деле.

— Доброе утро, серый брат, — пробурчала я, забираясь в шкуру. — Куда это нас с тобой занесло? И каким образом?

Вулх неожиданно опустил голову и ткнулся лбом мне в ладонь. А потом поднял на меня умные глаза. Я внутренне замерла, только рука моя продолжала бессознательно двигаться, подгоняя ремешок на запястье. Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза, не отрываясь.

Заскрипел песок под сапогами Цуки. Вулх развернулся и потрусил к воде. А у меня осталась необъяснимая уверенность в том, что вулх знает не только то, каким образом мы попали на этот берег. Он знает еще что-то важное, о чем очень хочет мне сказать. И сказал бы — если бы умел...

Что же все-таки соврать охотнику?

Я едва успела влезть в сапоги, кое-как отряхнув от песка ноги. Потом переобуюсь по-хорошему. Одежда снова не хотела на мне сидеть как следует — а может, раздражение мешало мне правильно застегнуться. Вроде вчера я все ремни подогнала по размеру — так в чем же дело? Я сердито рванула ремешок на шиколотке.

Проклятый Цука появился из-за холма. Не очень-то он медлил — хоть я и попросила его не спешить. Прилетел как муха на мед. Или стервятник на падаль.

Тут моих ноздрей достиг запах, в котором и впрямь была и медовая сладкая струя, и невнятный гниlostный душок, и еще несколько составляющих — полынь и мускус, мята и корица... Кто никогда не вдыхал этого умопомрачительного запаха, тот нипочем не угадает его источник. Тот же, кто столкнулся с ним хоть раз, — напротив, ни с чем не спутает. Так пахнут только плоды многодрева.

Дразнящий запах шел от моего походного двумеха. Удивительно, как я его раньше не почуяла — наверное, уносило ветерком. Я проглотила набежавшую слюну. Надо поскорее разобраться с Цукой и устроить себе роскошный завтрак. А после завтрака подумать над объяснениями — потому что мне слабо верится, что редкий и драгоценный плод сам собой свалился мне в сумку...

Цука на ходу нагнулся, поднял с песка оброненный лук и подошел ко мне.

— Неужели ты купалась в этой реке, госпожа Тури? — спросил он, кося глазом на двумех. Нос его вытянулся в ту сторону, как флюгер по ветру, и даже, кажется, стал заметно длиннее.

Купалась?.. Я вспомнила предыдущее утро — как я очнулась на крыше мельницы и вообразила себя загорающей. То загораю, то купаюсь — увеселительная прогулка, право слово.

— Нет, не купалась, — твердо сказала я. — Я, понимаешь ли...

Тут, видно, динна-хранительница осенила меня благодатным крылом, и на меня снизошло вдохновение. Есть! Есть убедительная ложь, которая объяснит Цуке все странности. И отобьет у него охоту что-либо выяснять. И вообще любую охоту отобьет.

— Я тут с приятелем, — небрежно закончила я.

К моему величайшему удивлению, Цука степенно кивнул головой.

— Как же, видел я твоего приятеля, госпожа, — сообщил он. — Серьезный мужчина, с пониманием. Сразу за нож хватается.

— Джерх на!..

Я вовремя зажала себе рот ладонью. Не следует нарушать собственные принципы по пустякам. Всему есть разумное объяснение. Одно из трех: либо Цука сошел с ума, либо я сама рехнулась, либо... все остальные возможности спишем на магию. На милые недомолвки отправившего меня в дорогу колдуна.

Постой-постой, уж не идет ли чародей со мной вместе? Это сразу объясняет, как я вместо лесного озера оказалась у незнакомой реки. И другие странности объясняет — с одеждой, например. Только зачем он мне тогда в Айетоте мозги занавешивал? Сказал бы прямо — мол, вместе пойдем. Одна загадка взамен другой... не хочу!

— Ты, госпожа, меня с ним познакомь, — вел дальше Цука. — Глядишь, польза будет. А то я вижу — человек незнакомый, ну и чуть не пустил в него стрелу. Тогда зверюга на меня ка-ак прыгнет!

— Вулх, что ли? — невнимательно спросила я, обшаривая взглядом берег. Если Цука видел чародея — значит, он

где-то недалеко. А если он где-то недалеко, то я быстро выясню все загадки.

— Вулх? — оторопел Цука. — Какой еще вулх? Я говорю — карса на меня как прыгнет! Та самая, которая у Беша живет. Я ее сразу не признал — испугался очень, думал, она мне сейчас кишки выпустит. А потом признал. Когда тебя, госпожа, увидел.

— Почему? — тупо спросила я. Колдуна нигде видно не было. И вулх куда-то подевался. Только Ветер стоял на самом берегу, передними копытами в воде, и разглядывал свое отражение. Что-то в картине окружающего мира показалось мне неправильным, но я никак не могла сообразить, что именно. Шевельнулся вон тот кустик, или это мне только показалось?

— Что «почему»? — не понял охотник.

Я наконец обратила на него взгляд и достаточную часть внимания.

— Почему ты узнал карсу, когда увидел меня?

Цука ухмыльнулся:

— Так все знают, что Беш...

Он не договорил. Короткая стрела просвистела над моим плечом и впилась ему в горло. Цука захрипел, сложился в поясе и тряпичной куклой повалился к моим ногам.

Я осталась стоять неподвижно. Это было лучшее, что я могла сделать.

Они в любой момент могли изрешетить меня стрелами. Их было много — десятка полтора. Молчаливые люди с арбалетами выросли будто из-под земли и охватили полукольцом то место, где только что стояли и разговаривали мы с Цукой, — а теперь я осталась одна. За спиной у меня была река, и можно было предположить, что кольцо загонщиков — почему-то именно это слово пришло мне на ум — там размыкается. Но как раз оттуда принесла Цуке смерть чужая стрела. И потому я стояла неподвижно, не оборачиваясь.

Серый вихрь обрушился со спины на арбалетчика, напряженно замершего прямо передо мной. Я смотрела ему в глаза, и я увидела, как осознание собственной смерти мелькнуло в них, когда стрелок валился наземь с переломанной шеей. Вулх молча бросился на соседнего. Но остальные загонщики не дрогнули, и наконечники их стрел все так же неотрывно следили за мной. А над вулхом взметнулась ловчая сеть...

В следующий миг прочная сеть упала и на меня.

Кажется, я временно потеряла способность к разумному поведению. Я орала, кусалась и лягалась, как стадо диких тегланов. Но добилась только того, что меня стукнули чем-то тяжелым по голове.

Я провалилась в темноту, и последним моим чувством было ощущение собственной непроходимой глупости.

Когда я пришла в себя, то обнаружила, что сижу в мешке. Вернее сказать, я была упакована в мешок по горло, а голова моя торчала наружу. Руки и ноги у меня были крепко связаны. Мешок со своим содержимым, в смысле со мной, находился в сетке, закрепленной на двух толстых и длинных жердях наподобие гамака. А жерди лежали на плечах у четырех носильщиков.

Отвратительный способ передвижения.

Особенно учитывая, что в мешок-то меня засунули в сидячей позе, но сам мешок при этом лежал на боку. Носильщики шли не в ногу, и при каждом шаге меня немилосердно дергало и встряхивало. Собственно, от тряски я и очнулась.

Голова болела так, что словами не расскажешь. Я позабывала земляным червям, у которых, как известно, нет головы — только две задницы.

Впрочем, задница у меня тоже болела. А также руки, ноги и все остальное. Еще бы! Меня трясло, как сметану, из которой в горшке сбивают масло, — да я и чувствовала себя так, словно вот-вот разделюсь на масло и обрат. Какого джер-

ха?! Лучше бы я шла сама, пусть даже связанная. Им же самим быстрее было бы.

Тут, правда, у меня возник вопрос: хочу ли я побыстрее попасть туда, куда меня несут. Может, и не хочу. Даже на-верняка не хочу.

А куда, собственно, меня несут? И откуда?

Я вывернула шею, как черепаха, разглядывающая свой хвост, и попыталась осмотреться.

Оказалось, что я это сделала как нельзя вовремя. Я едва успела поймать взглядом отблеск реки, сверкающей в лучах Четтана, словно начищенная медная пластинка, и река тут же скрылась за поворотом дороги. Отблеск получился прощальным, потому что за поворотом дорога нырнула в лес. Если бы я не увидела реку, мне пришлось бы ориентироваться по солнцу и строить догадки. Теперь же я точно знала, что нахожусь на западном берегу реки, которая так и осталась для меня незнакомой. Я даже к воде не подошла, а переправили меня через реку и вовсе в мешке и без сознания. Или в мешок меня упрятали на этом берегу?

Что-то я не о том думаю. Какая, хрен, разница, где меня сунули в мешок?

Дорога была неширокой, но хорошо утоптанной. По обе ее стороны стеной стоял лес. Четверо носильщиков шагали в середине растянувшегося цепочкой отряда — во всяком случае, и впереди и позади я видела тех самых молчаливых воинов, которые прикончили Цуку и захватили меня в плен. Меня и вулха... если он, конечно, жив. И Ветра, надо полагать, тоже. Хотя конь — не пленник, конь — добыча.

Что-то я опять не о том думаю. Какая, хрен, разница между пленником и добычей?

Мысли в моей несчастной голове расплывались от боли. Я закрыла глаза — все равно я пока ничего нового не увижу. Лес, дорога, равнодушные спины захвативших меня людей впереди и такие же равнодушные глаза, если обернуться назад. «Не о том думаю»... а о чем надо думать? У меня появи-

лось стойкое ощущение, что одна из расплывчатых, перемешанных с болью мыслей была нужной и важной. Но именно она, как водится, все время ускользала.

Что-то я подспудно знала такое, что могло прояснить мое нынешнее положение. Но вот что?

Меня особенно неудачно встряхнуло, я прикусила себе язык и мысленно выругалась. Зато — хоть тут повезло! — нужная мысль от толчка выпала мне на ум, как монета в подставленную ладонь.

То, что я безуспешно пыталась вспомнить, оказалось чем-то вроде страшной сказки. Страшной сказки про Запретную реку. Человек, который оказывался вблизи этой реки, домой уже не возвращался. А вот то, что с ним происходило, зависело от того, пил ли он из Запретной реки, или купался, или смотрел на свое отражение в воде, или перебирался на другой берег...

Да нет, не может такого быть. В смысле не может быть, чтобы Запретная река из какой-то полузабытой сказки оказалась так близко от обитаемых земель. От Айетота, от Дренгерта, от Плиглекса. Хотя если каждый, кто ее повидал, пропадает бесследно, то как раз и может. То есть нет, если бы совсем бесследно, то про нее бы вовсе никто ничего не знал. Пропадают люди и пропадают, джерх его знает почему.

Ну правильно, именно это про Дикие земли и говорят! Пропадают, говорят, в Диких землях люди, и джерх его знает где именно, как и почему.

Я тяжело вздохнула от умственных усилий. Решительно никуда не ведут мои размышления. Трудно рассуждать, не имея опоры.

Вот например — почему это я решила, что по-прежнему нахожусь недалеко от обитаемых земель? Тьма! Я же не помню, как очутилась на берегу этой реки, Запретная она или какая еще. Может, колдун меня к ней перенес при помощи магии... Ну да, стал бы он меня вообще посылать в У-На-

ринну своим ходом, если бы мог отправить магическим образом!

Может, и стал бы. Мысли чародея мне все равно не понять, так что и пытаться не стоит. И вообще, если уж я взялась рассуждать на тему Запретной реки, так надо довести мысль до точки. Или хотя бы до точки с запятой. Как любил повторять Унди Мышатник, нельзя одновременно идти на юг и на север.

Тут меня снова встряхнуло, и мысли приняли другое направление. Почему я вообще стала вспоминать про Запретную реку? Что-то ведь меня подтолкнуло...

Я чуть не взвыла с досады. Только-только ухватила за хвост одно воспоминание, теперь надо ловить другое. Ну не могу я думать, когда так трясет!

Или как раз могу? И чем же мне еще заниматься, если меня несут, как мешок с навозом? Кстати, мне бы не помешало того, в кустики. А то еще часок такой тряски, и будет им не «как», а в самом прямом смысле мешок с навозом.

Мне вдруг стало себя жалко. По-настоящему жалко, чуть не до слез, даже в носу зашипало. Темное небо, ну и утречко выдалось! С самого пересвета мне не то что в кустики сходить не давали — не было времени даже задуматься, хочу ли я это сделать!

Сначала этот покойный придурок Цука, упокой его Тьма, вынюхал древесную дыню в моей поклаже и пристал с дурацкими вопросами. Интересно ему, видите ли, не купалась ли я в реке. Ясно же, что для отвода глаз спрашивал, а сам так и косил на мой двумех — и глазом, и носом.

Постой-постой! Как-то он странно спрашивал... Думай, голова — косичку заплету, как говаривал старина Унди. Ага, вот оно. «Неужели ты купалась в этой реке, госпожа?» В этой реке. С явным намеком, что эта река отличается от остальных.

Выходит, Цука знал, что эта река и есть Запретная?

Выходит, это действительно Запретная река?!

Держи тебя заberi, покойничек, мог бы и предупредить по старому знакомству. Да, видно, запах плодов многодрева отбил у Цуки все соображения, кроме одного — заполучить драгоценное лакомство. Кажется, он надеялся, что неприятности Запретной реки затронут только меня и не коснутся его. И зря надеялся.

Я вдруг почувствовала, что меня клонит в сон — несмотря на тряску, несмотря на боль в голове и во всем теле. Странно, ведь я вообще очень редко сплю. Тело оборотня в момент превращения стряхивает с себя и болезни, и усталость. Похоже, я переутомилась от мыслительной работы. Даже проклятая неровная тряска стала представляться мне мягким усыпляющим укачиванием.

Последняя мысль, которая оказалась непосильной для бодрствующего сознания и погрузила меня в сон, была: если колдун и впрямь обретался неподалеку, куда же он делся?

Проснулась я свежей и бодрой. Голову словно проветрили и вымели из нее весь хлам. Ни боли, ни лишних мыслей.

Я вспомнила свои попытки «идти на север и юг одновременно» и ужаснулась задним числом. Мда-а, крепко меня приложили по голове там, на берегу. Если у кого-то мысли всегда ходят такими кривыми дорожками, при этом наступая друг другу на пятки, то он за всю жизнь ничего путного не придумает. А всего-то и нужно в любом деле выделить главное и второстепенное.

Страшная сказка про Запретную реку — это второстепенное.

А главное то, что неизвестные люди связали меня и несут неизвестно куда. Я искала взглядом сквозь кроны деревьев красный шар Четтана. Судя по тому, как припекало даже здесь, в лесу, утро давно успело стать днем. И день этот выдался жарким. А несли меня на запад. На запад — это хорошо, туда мне и нужно. Только без мешка и в другой компании.

Я облизнула пересохшие губы. Пить хотелось зверски... хорошее слово. Уж кто-кто, а я имею полное право на зверские желания. Даже когда я человек.

— Эй, вы! — хрипло, но громко сказала я. — Воды дайте!

Признаться, я ожидала, что на мою просьбу не обратят внимания. Но носильщики остановились. Ко мне приблизился высокий человек с замкнутым и властным лицом. Его лицо свидетельствовало о высоком ранге больше, чем толстая серебряная цепь на шее. Он молча взял меня за подбородок и приложил к губам тыквенную флягу с водой. Прекрасно! Есть только две вещи, которые не зазорно принять от врага — его жизнь и воду для поддержания жизни собственной.

Впрочем, я пока не считала этих людей врагами, только противниками. Звание врага еще надо заслужить.

Высокий мужчина с цепью терпеливо дождался, пока я осушу флягу, и дал знак сменившимся носильщикам. Я снова закачалась на жердях, как подвешенный к балке окорок.

— Есть я тоже хочу, — сердито сказала я. — И гадить. И вообще — развяжите меня! Куда вы меня несете?

Высокий мужчина почти улыбнулся мне. Почти. Губы его не дрогнули, зато в глазах вспыхнули искорки. И он не вернулся на прежнее место в колонне, а пошел дальше рядом со мной — благо, дорога стала заметно шире.

— Придется потерпеть до города, — сказал он вполне дружелюбно. — Это уже близко.

Город? В Диких землях?!

— Зачем вы меня туда везете?

Мужчина пожал плечами. Искорки в его глазах погасли.

— Твой хозяин мертв, — проронил он, — и теперь тебя купит кто-нибудь другой. Стража реки убивает только свободных людей.

Темное небо! Я на какой-то миг просто потеряла дар речи. Откуда он знает, что Беш мертв? Ссылка на мертвого хозяина настолько ошеломила меня, что замечание насчет свободных людей не сразу до меня дошло.

— Так вы решили, что я рабыня?!

Высокий мужчина посмотрел на меня — на этот раз даже без тени улыбки — и молча притронулся пальцем к ошейнику у меня на шее, выступающему над завязками мешка. А потом отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Теперь я поняла все, только не знала — злиться мне или радоваться. Поскольку на мне был ошейник, меня приняли за рабыню. И по каким-то неизвестным мне соображениям убивать не стали. А свободного охотника Цуку прикончили первой же стрелой. Именно его мой собеседник счел моим хозяином — его, а вовсе не Беша, который, надо полагать, уже покоится на айетотском кладбище.

Выходит, магический ошейник спас мне жизнь — правда, каким-то совершенно не магическим путем. Но все равно спасибо.

Я попыталась вообразить, что меня ждет в этом незнакомом городе и как я буду из него выбираться. Положение раба я себе представляла довольно смутно — в основном по рассказам северян. В наших краях рабов не держали. Не знаю почему. Может быть, потому, что в большом городе на перекрестке торговых путей нетрудно сбежать от хозяина, покинуть город и затеряться среди путников. Не то что в северных крепостях, где населения меньше, чем у нас в любой деревне. Да и дороги в окрестностях Айетота не столь опасны, как на севере — крепкий мужчина может путешествовать и в одиночку.

Другое дело женщина. В цех наемников или, пуще того, в тайное сообщество убийц женщин брали неохотно — но если уж брали, то можно было считать, что это и не женщина вовсе, а смерть в женском обличье. Такая, понятное дело, могла странствовать по любым дорогам в любой стороне света. Но вот обыкновенной женщине и в наших краях не стоило удаляться от дома. А уж оказаться одной, без охраны, на большой дороге — так проще было сразу повеситься, не выходя со двора.

Надо полагать, потому и жили женщины в большинстве своем не лучше, чем рабы у северян. Взять хоть бы безмолвных и безымянных женщин из шайки Беша, упокой его Тьма. В общем, я так понимаю, что раб — это тот, кому больше некуда деться.

Так что пусть этот, с серебряной цепью, не рассчитывает, что я долго буду прикидываться рабыней. Лишь бы только из мешка выпустили и руки-ноги развязали! А там посмотрим, сумеют ли они меня удержать. Думаю, что не сумеют. Я и в человеческом облике неплохой боец, ну а если я не смогу выбраться из города до заката Четтана, уж Карса им такое покажет!

Тут меня вдруг прошибла мысль, да такая скверная, что я вспотела в проклятом мешке от шеи до пяток. Дура я самодовольная! «Карса им покажет». Ну да, покажет. Если до пересвета ее — то есть меня — выпустят из мешка. А если Четтан зайдет и превращение свершится, то люди бросят оборотня в костер, не раздумывая. И не развязывая. Тьма и демоны!

— Господин! — окликнула я мужчину с цепью, который продолжал шагать рядом со мной, погруженный в свои мысли. — Ты говорил, что город уже близко. Как близко, господин?

Мужчина очнулся от размышлений и посмотрел на меня, как на ненормальную:

— Так вот же он, город!

— Темное небо! — не удержалась я. — И это вы называете городом?!

...Наверное, это ~~все~~-таки был город. Просто я никогда не видела таких городов.

Хотя, правду сказать, я не слишком-то много городов видела на своем веку — всего три или четыре, не считая Айетота. Самым большим и богатым из них был южный город Хадас, в прославленных оружейных лавках которого я провела весь отпущенный мне Бешем на развлечения крас-

ный день. Но, переходя из одной лавки в другую, я успела заметить и фонтан в виде свернутого кольцами двуглавого удава на площади перед дворцом, и сам дворец хадасского правителя, и крошечные, увитые желтыми розами беседки на плоских крышах двухэтажных домов. Да, в Хадасе были каменные дома в два и даже в три этажа — признаться, именно после поездки на юго-восток я стала считать родной Ай-етот жалким городишком.

Однако все города — и те, что я видела своими глазами, и те, которые знала лишь понаслышке, — были скроены по одному образцу. Как разные куртки, которые отличаются друг от друга фасоном и материалом, но непременно имеют два рукава, и ворот, и застежку.

Поэтому я ждала, что лес вот-вот расступится, и дорога выведет нас к ограждающей город каменной стене или хотя бы частоколу из крепких бревен. А вместо этого дорога вдруг растеклась множеством троп, и часть отряда вместе с моими носильщиками свернула на одну из них. И тут я с изумлением поняла, что это все-таки город — потому что не все окружающие нас деревья оказались деревьями.

Бревенчатые постройки прятались среди стволов и разлапистых ветвей деревьев какой-то совершенно незнакомой мне породы. Кора этих деревьев была гладкой, черной, глянцеви-той и, по-видимому, очень стойкой к гниению — потому что дома были сложены из неошкуренных бревен. Неудивительно, что они сливались с окружающим лесом воедино. Кое-где бревна были покрыты замысловатой резьбой — и точно такую резьбу я заметила на стволах живых, шелестящих листвой деревьев.

Станный город. От кого, интересно знать, прячутся в лесу его жители? Кого они боятся... и кого не боятся, раз не огородились стеной? Или от того, кого они боятся, стены не спасают?

Мы продвигались дальше, сворачивая в тропинки-улучки, и я понемногу начала ориентироваться в этом удивительном месте. Теперь я уже различала растущие из земли

стволы-колонны и вкопанные в землю человеком колонны-стволы. Обитатели города занимались своими делами, не обращая внимания на наш отряд — зато я вертела головой во все стороны. Я даже на время отвлеклась от мыслей о грозящих мне неприятностях.

Смутные дни! Будто мало того, что я собираюсь попасть в загадочный Каменный лес, так по дороге мне еще встретился этот... как бы его назвать... древесный город!

Широкая тропа вывела нас на поляну, покрытую плотным ковром жесткой травы. На противоположной стороне поляны высилась бревенчатая башня, верхушка которой была вровень с верхушками самых высоких деревьев. И тут я окончательно уверилась в том, что это диковинное лесное поселение — настоящий город. Ибо высокая постройка, на черные бревна которой широкими красными мазками ложился свет послеполуденного Четтана, могла быть только Неспящей башней.

Каждому ребенку известно, что в городе непременно должна быть Неспящая башня. С нее оглашают указы правителя и объявляют о награде за поимку преступника. Ее малые колокола отбивают время, а средние извещают о пожаре или о начале торжественной церемонии. А иногда — об охоте на оборотня.

Горожане узнают по голосам колокола своей башни и знают их язык. Но голос самого большого из колоколов им незнаком — потому что этот колокол молчит. Ни в будни, ни в праздники не оглашает окрестности своим звоном колокол-великан, возле которого всегда сторожит, не смыкая глаз, один из Чистых братьев. Вот почему зовется башня Неспящей — и это тоже знает каждый ребенок.

Но никто из тех, кому я задавала этот вопрос, не смог ответить, чего именно ждет бессонный звонарь. Даже Унди Мышатник, который знал до джерха всякой всячины, не смог мне ответить — или не захотел. Если бы я была человеком, я

бы не побоялась спросить у Чистых братьев. Они-то небошь знают. А все остальные отвечали мне только одно: ясен пень, что ничего хорошего звон Большого колокола не сулит. И лучше бы нам его никогда не услышать.

Позади местной Неспящей башни обнаружился длинный сарай, крытый дранкой. Четверо носильщиков остановились перед входом и ничуть не бережно опустили мешок со мной на землю. Я поняла, что меня сейчас развяжут и... добрая динна, как же я обрадовалась! Самая страшная опасность меня миновала. И тут же я чуть не закричала: «Скорее!»

Скорей, болваны! Четтан уже заскользил вниз по небосклону, а мне до пересвета нужно из вашего проклятого города убраться! И хорошо бы найти поклажу, вулха и коня — или хотя бы узнать, что с ними случилось. Опять-таки до пересвета.

Если бы в этот миг передо мной возникла самая настоящая динна с крыльями и ласковой улыбкой, и если бы она рассказала мне, где, как и в каком обществе я встречу этот пересвет, — я бы разуверилась в диннах. И очень зря.

...Меня пинком вытолкнули из клетки, и дверца за мной опустилась с лязгом и грохотом. Я обернулась, чтобы удостовериться, и увидела прочную решетку, наглухо запечатавшую выход.

Звериный вопль отчаяния и боли вырвался из моей груди.

Крик был подхвачен. Десятки человеческих глоток ответили мне ревом, воем и улюлюканьем.

Я медленно повернулась к ним. К зрителям.

Смоляные факелы, установленные по краям огромной и глубокой ямы с плоским утоптанном дном, освещали ее тревожным, пляшущим, неровным светом — кроваво-красным, как свет Четтана. Моего солнца.

Где-то там, за лесом, мое солнце опустилось к самому горизонту. Его последние лучи еще играли на верхушках деревьев, и небо еще было достаточно светлым, чтобы мож-

но было различить толпу зрителей вокруг ямы. Это сюда, на дно, не попадало даже отблеска закатных лучей. Только чадящие факелы разгоняли тьму.

Чтобы зрителям хорошо было видно, как я буду умирать.

Позади толпы, скопищем навозных мух облепившей край ямы, глухо и не в лад ударили барабаны. Как всегда в минуту сильного волнения я провела пальцем над правой бровью, вдоль несуществующего шрама. В тот раз, когда Карса получила рану, от которой у меня нет и не было шрама, мы с ней остались жить. Сегодня, похоже, нам это не удастся.

Нет, во мне не распознали оборотня — тогда бы моя смерть оказалась короче, уродливее и вернее. Хотя куда уж вернее?

Меня подвел магический ошейник, тот самый, который сегодня утром спас. Когда после длинного торга мой новый хозяин — я внутренне усмехалась при этих словах — попытался снять с меня колдовскую вещь, чтобы надеть взамен свой ошейник, обыкновенный, я просто растерялась. Не снимать ошейника — это было одним из условий нашего договора с колдуном. Самым простым из условий, как показалось мне тогда в Айетоте.

Моя растерянность обошлась горожанам в несколько стражников, покалеченных мной при неудавшейся попытке бегства. Но я сама заплатила дороже.

Из меня сделали зрелище. Строптивая рабыня, отданная на растерзание зверям для увеселения зрителей.

Десятки жадных глаз впились в меня, как острия отравленных кинжалов. Я с трудом подавила желание зажмуриться. Что может быть страшнее для оборотня, чем глазееющая на него толпа?

Барабаны забили громче и дружнее. Что-то больно укололо меня в спину. Я рывком обернулась. Косомордый стражник ощерился из-за решетки, убрал пику и подбросил на ладони кусок тухлого мяса.

— Давай, выходи на середину! — радостно ухмыльнулся он. — Не то схлопочешь по роже вот этим!

— Сам жри, — буркнула я и сделала шагов пять прочь от перекрытого решеткой выхода.

Там, в невидимой дали, нижний краешек Четтана соскользнул за горизонт. Я знала это совершенно точно. Мои чувства вдруг обострились до предела. Я ощущала, как заходит мое светило, чувствовала его движение кожей и плотью, душой и мыслями. Восхода мне уже не увидеть.

Я выпрямилась и подняла голову. Не хочу умирать! Слышишь меня, Карса? Карса!

И что-то внутри меня откликнулось на зов. Только невероятная обостренность чувств позволила мне уловить ответ. Темное небо! Неужели мы с Карсой можем встретиться — внутри одного тела? Хэй, Ка-арса-а!!! Я испустила мысленный призывный вой на языке карс...

Нет, я сделала это не только в мыслях. Мой хриплый звериный клич заполнил яму, отразился эхом, вырвался наружу и хлестнул толпу, как обжигающий кнут. Толпа дрогнула, но не отступила от края.

В этот миг загремели, открываясь, решетки в противоположной стене ямы. Распорядитель зрелища дал знак выпустить зверей.

Четтан почти скрылся за краем мира, и сознание уже ускользало от меня, а я все цеплялась за него, как утопающий за скользкие бревна. И я успела увидеть их, несущихся ко мне невесомыми прыжками. Кровавый свет факелов словно поджег рыжую шерсть: клочьями пожара летели они ко мне.

Ко мне на помощь неслись дикие карсы, ответившие на призывный вой.

Последним усилием человеческой воли я улыбнулась.

И рухнула во тьму, чувствуя, как моя улыбка превращается в звериный оскал.

ГЛАВА 6

Меар, день третий

Я судорожно выныривал на поверхность, как засидевшийся под водой пловец. Как ныряльщик за жемчугом где-нибудь на Коралловых отмелях дальнего юга... я никогда там не бывал. Из зыбких глубин пересветного небытия, когда зверь во мне ненадолго засыпает и прячется в глубину уже измененного тела. И когда просыпается человек. Просыпается Моран.

Прочь Тьму из сознания... надо открывать глаза.

И я открыл. Лучше бы я этого не делал, потому что в следующую секунду ледящий ужас сковал все мое естество.

Перед глазами была деревянная решетка, такая частая, что между прочных тисовых жердей не пролез бы и тощий лесной кот. А сам я находился в просторной клетке. Ясное дело, запертой.

«Меня раскрыли, — понял я, с трудом удерживаясь от паники. — Что делать?»

Я зажмурился, не в силах отогнать страх и встать. И в тот же миг горячий влажный язык перечеркнул мне лицо.

Глаза раскрылись сами собой.

Надо мной стоял громадный полуседой вулх. Истинный вулх, а не оборотень. Уж я-то умею различать.

Вулх снова лизнул меня в лицо. Я скосил глаза — еще шесть зверей, еле заметно виляя хвостами, наблюдали за мной. Эти были помоложе и поменьше и без благородной седины в шерсти. Тоже истинные.

Опираясь на руки, я все-таки встал и задумчиво потренировал вулха-вожака по мощному загревку. Вулх ткнулся лобастой головой мне в бедро, щекоча кожу.

— Здравствуй, серый брат, — прошептал я. — И вы, братья!

Хвосты выразительно завертелись. Не так, конечно, как у деревенских псов. Вулхи вообще спокойнее выражают свои

чувства. Впрочем, чувства вулхов ничуть не мельче и не холоднее собачьих.

Итак, я в плену. Где — пока непонятно... Разглядели ли во мне оборотня? Или решили, что я просто вулх?

Ответ я нашел спустя несколько секунд, едва взглянул на запор клетки. И волна облегчения захлестнула меня, как прилив те же коралловые отмели... где я никогда не бывал. Человек мог открыть такой запор без малейшего труда — даже изнутри клетки. Вулх — нет. Значит, никто не думал, что с пересветом в клетке окажется человек вместо вулха. И значит, нужно выбираться, пока меня здесь не заметили.

Синие тени укорачивались с каждой минутой. Меар полз к зениту, медленно, но неумолимо.

Клин-запор полетел на землю; я толкнул ладно сработанную решетчатую дверь и выпрыгнул наружу.

— Вы свободны, братья, — тихо сказал я, и серые тени беззвучно вытекли следом за мной. Вокруг не было ни души — но где-то совсем рядом ревела толпа, заглушая мерный рокот больших барабанов. Ревела нетерпеливо и азартно. Словно шла охота на оборотня. Страх снова стал медленно вползать мне в израненную временем и скитаниями душу.

Первым делом — одежда. Я даже не слишком осматривался, где нахожусь — скользил невнимательным взглядом. Какие-то обросшие ветвями домики, тропы, убегающие в редколесье, стволы старых тисов с древесиной черной как уголь... Резьба на стволах. И на стенах домов, не слишком, Впрочем, отличающихся от стоящих частоколом живых деревьев. Даже на крышах пузырится листва... Город лесовиков, не иначе. Потом, потом...

Рычание вулха вернуло меня к насущному.

Из-за живой изгороди торопливо выкатился не то воин, не то стражник — парень, кругов двадцати с короткой пикой наперевес и таким же коротким мечом на поясе. Ладная кожаная куртка, штаны мехом наружу, грубоватые, но не-

сомненно крепкие сапоги — как раз то, что мне и нужно. Парень заметил меня, лицо его удивленно вытянулось, но он даже не успел замереть. На него прыгнули сразу три вулха. Молча, без рычания и лишнего шума. Повалили на землю, прижали к тропе, обнажив сверкающие ряды зубов. Вулхи все понимают...

Я торопливо склонился над пленником, спеша расстегнуть ремень и стянуть штаны прежде, чем он их испачкает... изнутри. Почему-то страшно не хотелось надевать обгаженные. Или хотя бы мокрые.

Я успел. Штаны. Меч на пояс. Сапоги. Куртка. Пика — в грудь бедолаге... Прости, парень, я тоже хочу жить. А моя жизнь мне дороже. Вулхи сомкнулись передо мной в серый шерстистый клин.

Полдела сделано. Я — человек. Пусть в стане врагов, пусть один, но я — человек. Оборотень забыт... до следующего пересвета, когда настанет время Четтана. Теперь — найти коня, припасы, найти карсу-спутницу. Наверняка она тоже сидит где-нибудь в клетке. Ей-то открыть людские запоры не под силу. И прочь, прочь отсюда — из места, где вулхов, истинных вулхов сажают в клетки.

Но отчего так ревет толпа? Человек сто, наверное, не меньше. И что это за странный город, где растут черные тисы? Да еще покрытые резьбой? Их в известных мне местах почитай что и не осталось. Где этот город находится? Понятно, что в лесу. А лес где? В Диких землях, наверное, где же еще? Интересно, в какой стороне река, на берегу которой Моран забылся на закате Меара? Небось тот джерхов лучник вернулся, увел Ветра, а карсу и вулха, поди, продал этим лесовикам.

Но это значит, что Лю-чародей не пришел с пересветом. Почему?

Я понял, что для подобных вопросов не время.

Рев толпы и громохание барабанов становились все громче. И я пошел туда, на голоса.

Навстречу тянулись извилистые утопанные тропинки; они сбегались, разбегались, исчезали в сплошном переплетении ветвей или перед покрытыми сплошным слоем тончайшей резьбы дверьми; и ни единого человека в пределах видимости. Кое-где курились в выкопанных очагах маленькие костры, над одним даже висел котел с остро пахнущим варевом. Тьма, что произошло в этом странном городишке, если люди все побросали и умчались куда-то, а теперь собрались там толпой и азартно воют, словно конная охота, загоняющая зверя?

Тьма, Тьма, и еще раз Тьма! Людей может расшевелить только охота — безразлично на кого. Как тускло устроен мир!

В следующий миг я увидел двоих стражников, одетых и вооруженных точно как я. Точнее, как тот парень, которого я раздел. Они торопливо шли туда, где осталась моя деревянная тюрьма. Увидев свору вулхов и меня с пикой в руке, оба замерли, нашаривая рукоятки мечей.

Вулхи напряглись перед атакой, но я не хотел посылать их на стальные клинки — в чем виноваты лесные обитатели? Я сам справлюсь со сталью! Нехотя вулхи уступили мне дорогу, а седой укоризненно взглянул на меня. Взглянул — но перечить не посмел.

И я сначала метнул пику в ближайшего стражника, а потом сжал обеими руками выдернутый из ножен меч.

Пике стражник играючи отбил, лязгнуло железо. И мы сшиблись, свирепо и отчаянно. Мне, понятно, отступать было некуда, а отчего эти двое дрались так, будто это их последний бой, я не знаю. Почему-то они то и дело с ненавистью глядели мне на шею, но я этого же сделать, понятно, не мог, а пощупать не оставалось времени.

Бой и впрямь оказался последним для них обоих. Но не для меня. Меч в моей руке плясал, как отблеск синего луча Меара, и нес скорую смерть противникам... Кстати, клинок оказался длиннее, чем я ожидал.

Когда окровавленные стражники успокоились на тропе, я опустил меч, мельком глянув на него. Меч как меч. Правда, он действительно стал длиннее. Чушь какая-то.

Сглотнув неприятный ком в горле, я провел ладонью по шее. Пальцы наткнулись на ошейник Лю-чародея. Ну, конечно же, он по-прежнему был на мне. Странно, неужели из-за паршивого ошейника эти двое так всполошились?

Ответ, как всегда, оказался проще, чем я ожидал, я даже сплюнул с досады, что такая простая мысль сразу не пришла мне в голову. К стволу громадного тиса с гладким глянцево-черным стволом был прикован раб. Раб в ошейнике. Наверное, он много времени провел в неподвижности; голова беспомощно свешивалась набок, тело обмякло и висело на оковах и цепях, тянущихся к толстым, намертво вбитым в твердое дерево железным кольцам.

Вот оно что — стражники приняли меня за беглого раба. Точнее, за собирающегося удрать.

Озадаченный, я рубанул по цепям — скорее, чтоб прикованный очнулся, чем в попытке освободить его. Но цепи вдруг со звоном лопнули, а меч глубоко вонзился в неподатливое дерево. Человек повис на одной руке. Я изумленно взглянул на клинок — на нем не нашлось ни одной зазубрины, ни одной царапины; матовое лезвие оставалось ровным и острым. Я для проверки перерубил и вторую цепь — так же легко, без всякого усилия.

Вот это меч! Присмотревшись внимательнее, я обомлел. Потому что старинную хадасскую заточку не спутаешь ни с чем.

У меня в руках было сущее сокровище — древний меч. Он стоил больше, чем... чем... весь урожай многодревов за последние сто кругов. Нелепица — такой меч у простого стражника? Я растерялся.

Тем временем раб очнулся. Я освободил ему и ноги тоже, и он тяжело сел у ствола. Взгляд его слезящихся глаз обратился ко мне. Точнее, к ошейнику. Динна с тобой, гляди,

ты-то не станешь бросаться на ошейник, у самого на шее похожий.

— Ты свободен, — сказал я негромко. — Можешь идти куда хочешь. Но прежде ответь на несколько вопросов, будь добр.

Голос раба был глух и слаб.

— Идти? Я не могу идти. Да и куда я пойду? Тут кругом стражники.

М-да. А ведь он прав. Что может одинокий беглый раб? Да еще такой изнуренный, как этот. Я — еще туда-сюда, но сей ходячий призрак...

— Что ты хотел узнать? — ворчливо спросил раб. Похоже, он был даже недоволен, что ему не позволили тихо и спокойно умереть.

— Во-первых, где я нахожусь?

— В Запретном городе.

Запретный город? Это еще что? О Запретной реке я слышал. Болтают, будто стоит ее увидеть — и все. Считаю, хана. Правда, другие болтают, стоит искупаться в ней... Словом, разное болтают. Одно только точно: лучше ее никогда не видеть, в этом все рассказчики сходятся. Тогда не пропадешь.

Стоп-стоп! Если у Запретной реки пропадают незадачливые путники, значит... Значит, это дело рук жителей Запретного города, это же яснее ясного. Джерх забирай, сколько еще загадок и неожиданностей готовят мне Дикие земли? Лю-чародей, Тьма на твою голову, мог бы и предупредить.

— А где река?

— На востоке. Чуть меньше дня пути.

Хм... Вчерашняя река — уж не Запретная ли? Жаль, я не запомнил переправы...

— Ладно, — сказал я. — Раз ты такой умник, может, подскажешь, как мне добраться до У-Наринны?

Вот тут взгляд раба обрел некое подобие твердости и даже любопытства.

— Каменный лес? А что ты собираешься там найти, в Каменном лесу?

— Вечную молодость, — проворчал я. — Какая, хрен, тебе разница?

Раб опустил взгляд и тяжело вздохнул.

— Я не знаю всей дороги. Знаю только, что отсюда нужно идти на запад, пока не достигнешь большого каньона. А там — ищи Дремлющий мост. За мостом вроде нужно сворачивать на юг. Если только это все правда.

— Замечательно. — Я покачал головой. — Ты прекрасный проводник. Иди туда, не знаю куда...

— Почему? — Раб с усилием пожал плечами. — На запад. Разве этого мало?

— Ладно, спасибо. Спрошу еще у кого-нибудь.

— Только не спеши ступать на Дремлющий мост, — посоветовал раб. — Сперва приглядишься.

— Почему? — уточнил я, но собеседник снова пожал плечами.

— А вот этого я просто не знаю. Слухи.

Раб с опаской покосился на настороженных вулхов, что покорно стояли у меня за спиной.

Шум толпы вдруг разом притих, барабаны зарокотали с удвоенной силой. И я решил, что пора решать более насущные проблемы, как-то: поиски Ветра и освобождение карсы.

— Тогда ответь еще, где здесь держат захваченных у реки коней?

Раб неопределенно махнул рукой:

— У арены.

Арены? Я наморщил лоб. Тут что, бои устраивают? Хм, так вот почему так ревет толпа! Это многое объясняет.

Я бесцеремонно показал освобожденному пленнику Запретного города спину и направился на голоса. Сначала я увидел Неспящую башню — деревянную, как и все в этом городе. Рядом с ней тянулась длинная живая коновязь — сплетенная из узловатых веток перегородка, опирающаяся на короткие тол-

стые стволы. Коней было немного — с десяток, и найти среди них Ветра смог бы даже слепой.

— Подождите здесь, братья! — велел я вулхам. И голосом, и... впрочем, это мой секрет.

Жеребец почуял мое приближение и нетерпеливо затоптался на месте. Он был расседлан, заботливо протерт и, похоже, накормлен, потому что у коновязи виднелись кучки свежего навоза. Седло не пришлось даже искать — оно вместе со всей упряжью висело на специальном сучке.

Я невеликий конюх, но пяти минут, чтоб оседлать Ветра, мне хватило. Отвязав его, я принялся искать свои припасы — не может быть, чтоб их уташили далеко. А впрочем, кто знает? Варвары Диких земель жили грабежом... Может, никаких припасов уже давно нет?

Не успел я сделать и нескольких шагов, как перекрывая крепкий дух конского пота и навоза, в воздухе возник дурманящий запах плодов многодрева. Мой нос сам собой вытянулся в дудку, и я просто пошел на запах. Самые разные ароматы витали в воздухе, но выделить из них эту божественную струю было совсем несложно.

Запах привел меня к низкому столу, за которым совсем недавно пировали. Полуобглоданные кабаны кости валялись всюду вперемешку с остатками лепешек, на столе растекались лужи паршивого варварского пива. А запах шел от маленькой липкой кучки — очищенной кожицы плода многодрева. Сам плод, конечно же, сожрали джерховы горожане...

Я выругался и вернулся к Ветру. Тьма с ними, с припасами... Хотя ножны жалко. Достанутся теперь какому-нибудь тупорылому головорезу. Тяжкий вздох вырвался у меня из груди.

И вдруг я ощутил, что план спасения постепенно вызревает в моей бедной голове, только я еще сам в деталях не разобрался. В такие моменты мне всегда казалось, что внутри меня просыпается еще кто-то, вулх, например, и начина-

ет нашептывать верные ответы. Обыкновенно я не противился и действовал не то по наитию, не то следуя этим туманным подсказкам. Во всяком случае, первое, что я сделал, это перерубил поводья всех коней; сбрую и седла собрал в живописную кучу и спихнул в дурно пахнущую яму для отбросов, обнаружившуюся в гуще стволов позади коновязи. Кони, за исключением Ветра, постепенно разбрелись. Потом я отыскал еще не погасший огонек в очаге и два загодя просмоленных кем-то факела, готовых вспыхнуть в любой момент. Тут же нашлось и несколько кадок с разогретой смолой. Кадки я перетаскал к Неспящей башне и опорожнил на черные бревна подножия. При этом я не забывал поглядывать наверх, чтоб олух из-под Большого колокола меня не увидел. Но олух, казалось, спал, что, конечно, было совершенно невозможно на верхушке Неспящей башни. А может, ему и так было на что глядеть — судя по азартным выкрикам зрителей, на арене творилось нечто захватывающее, а с такой высоты арену, зуб даю, видно, как на ладони. Странно, но я до сих пор не сумел вычленить из однообразного гула голосов ни одного понятного слова.

Когда вся смола оказалась на стенах, я вернулся и подбросил в очаг несколько веток, чтоб огонь, чего доброго, не погас. И вернулся к башне.

Сжав рукоятку меча в ладони, я решительно рванул на себя массивную дверь. Вверх уводила добротная широкая лестница. Ни одна ступенька не скрипнула под моими ногами, пока я поднимался.

На этаже малых колоколов не оказалось ни души. Хотя мне казалось, что приближается время ежечасных ударов. И ладно: нет так нет.

Никого не нашлось и у средних колоколов. Я задумался. Пожар. Я ведь готовил пожар, а значит, город должен услышать голос именно средних...

«Нет, — уверенно сказал кто-то внутри меня. — Средние — это недостаточно...»

И я, задыхаясь от внезапно пришедшей мысли, обратил взгляд вверх. Туда, где ждал — и всегда молчал — Большой колокол.

Кошунство, конечно. Но иначе одиночке не победить целый город.

Подавив холодок в груди, я взобрался на самый верх.

Так и есть — хранитель Большого свесился с той стороны, откуда виднелась арена, и ни на что не обращал внимания. Я бесшумно глянул у него из-за плеча.

Толпа кольцом окружила глубокую просторную яму. В яме металось несколько рыжих теней, а по ним, похоже, стреляли из луков. Три рыжих тела, утыканных стрелами, неподвижно лежали в разных местах, все — неподалеку от краев ямы. Барабаны бухали немного не в лад, возможно, поэтому гул толпы казался слитным и бессмысленным.

Хранителя я просто взял за ноги и сбросил вниз. Полет его был недолог и закончился глухим ударом. Мне показалось, что до слуха донесся хруст ломаемых костей. Наверное, лишь показалось — Неспящая башня была ничуть не ниже, чем в Дренгерте. Теперь — колокол.

Я повернулся и замер, чувствуя, как между лопаток скапывала липкая струйка.

У плетеного из цветных веревок шнура, что крепился к похожему на небольшую варварскую булаву пестик колокола, я увидел ножны меча, который «Приходит раньше, чем позовут». И тут же, рядом, оружейная сумка, куда я спрятал ножны вчера, и тот самый двумех, что дал Лю-чародей. Со всем содержимым, включая мою заплечную суму с книгами и прочими мелочами. Только плодов многодрева в двумехе не было — их, конечно, сожрали, не особо церемонясь и сразу же.

Небо! Тот, кто сидит внутри меня и дает советы, головастый малый!

Подчиняясь внезапному порыву, я вложил старинный меч, который держал в руке, в чудо-ножны. Стоит ли гово-

речь, что они подошли друг другу, словно створки морской раковины? Почему-то я даже не удивился. Лю-чародей — слышишь? Я не удивился. Потому что ощутил внезапный порыв неошутимого ветра — магии.

Прикрепив ножны с мечом на пояс, а наручи с верными моими ножами на запястья, я заглянул в двухмех. Вопреки ожиданиям, так поразивших меня вчера курткуштанов я внутри не нашел. Что ж... Хвала диннам, что я не наг! Продолжим в добытой одежде...

Голос Большого колокола был чист и прозрачен, как сок пестроцвета. Он вибрировал, заставляя замирать душу, а потом дрожать в такт этой дивной песне, отлитой в металле. Пестик-булава трижды встретился с боком Большого колокола, рождая звук на верхушке Неспящей башни и мертвую тишину внизу, у арены.

А потом я отпустил плетеный разноцветный шнур, подхватил двухмех и сумку и кинулся вниз по лестнице. Мне не нужно было глядеть на арену, чтоб убедиться, что глаза всех без исключения горожан обращены сейчас к вершине Неспящей башни.

Ветер ждал меня у самой двери и тихо фыркнул, когда я ссыпался по лестнице. Как кстати, четвероногий друг! Двухмех сразу же занял законное место; так же быстро я приторочил к седлу и сумку с оружием.

Оба факела в руки, костер. Факелы вспыхивают. Назад, к подножию башни, черному от смолы. Башня вспыхивает. Охотно, густым дымным пламенем, что начинает жадно лизать толстые бревна. Швыряю факелы в близлежащие дома, прячущиеся в сплошной завесе ветвей: авось и там займется. Вскакиваю на Ветра.

Тьма-перетьма, я ли это? Словно со стороны за собой наблюдаю... С немалым изумлением, заметьте.

Конечно, толпа не усидела вокруг арены. Люди кинулись к башне даже раньше, чем пламя взобралось на приличную высоту. Барабаны смолкли, и голос толпы сразу стал понятен:

«Пожар! Пожар!»

Ветер уверенно скакал по широкой дуге, сам выбирая тропинки и проходы между домами диковинного древесного города. К арене. Так, чтобы не столкнуться с бегущими людьми. В гуще листвы и ветвей то и дело мелькали серые спины вулхов-спутников. И долетало иногда тихое рычание — они берегли меня, серые братья. Видно, не все горожане стеклись к арене. Ветер вулхов чувствовал, но подчинялся поводьям беспрекословно. Он верил мне.

Я стремительно огибал приближающуюся толпу и к арене выскочил довольно скоро. Конические склоны, похожие на ловушку муравьиного льва, только не такие крутые, упирались в добротную густую решетку. За решеткой склоны отвесно обрывались в круглую яму с плотно утоптанном дном. С одной стороны к арене вела углубленная в почву дорожка, упирающаяся в крепкие деревянные ворота-решетку. Рядом на специальных бревенчатых катках виднелись просторные клетки, которые можно было при желании пристыковать друг к дружке и получить целый коридор, ведущий на арену. Эдакий невольничий тоннель за решетками...

У ворот бестолково топтались несколько стражников и четверо дюжих рабов-южан в грязных набедренных повязках. Один из стражников был до странности похож на покойного Унди Мышатника, я даже вздрогнул было, но особо удивляться и присматриваться не оставалось времени. Увидев меня, стражники схватились за оружие, но тут в дело вступили вулхи. Зубы против стали — и не всегда сталь оказывалась победительницей. А я обрушил старинный меч на запоры деревянных ворот. Запоры дрогнули, не в силах противостоять заточке давно ушедших мастеров...

Изнутри, с арены, в ворота толкнулось чье-то сильное тело. Справятся без меня! Я обернулся и увидел, что сражаться не с кем: стражники уже бегут прочь, оставив двоих убитых, резво бегут, молча и не оборачиваясь. Вулхи, тяже-

ло дыша, стояли полукругом, и не думая никого преследовать. Один был ранен, держал на весу рассеченную переднюю лапу. Рабы исчезли еще раньше.

В следующий миг ворота распахнулись от очередного удара изнутри, и на дорожку вырвались четыре взмыленные карсы. Их тела были исполосованы кровавыми царапинами, желтые глаза горели бешенством, а шерсть на загривках топорщилась. От них веяло смертью. Братья вулхи тотчас сбились в плотный ком и ощерили пасти.

Потому что нет в мире злее врагов, чем вулх и карса.

— Нет! — крикнул я, не особо надеясь, что меня послушают. Вулхи продолжали ворчать, а вороной забеспокоился. Он и вулхов-то переносил с трудом, а тут еще и карсы...

Но чудо произошло. Дикие рыжие кошки не напали.

А я сразу узнал свою. Даже не по ошейнику — одна из карс тащила в пасти за штанину ту самую помесь штанов и крутки, которую велел мне носить Лю-чародей.

— Тьма! — рывкнул я, свешиваясь с Ветра и подхватывая одежду. Внутри я нащупал и чудо-сапоги переменного размера, в штанинах. Кое-как записав все под ремень двумеха, ткнул пятками в тугие конские бока.

— За мной, братья!

И Ветер помчался прочь из города, сшибая кого-то на своем пути. Карсы вмиг растворились в подлеске, все четыре, а вулхи послушно бежали за вороным по тропам, не забывая лязгать иногда зубами и прикрывать раненого собрата, прыгающего на трех лапах. Впрочем, он так ловко прыгал, что не слишком отставал от Ветра.

Я не заметил, как город-в-лесу стал просто лесом. Дома исчезли, хотя деревья со стволами, покрытыми резьбой, все еще попадались. Правда, с каждой минутой все реже. Меар светил мне в затылок и оттого казалось, что Ветер пытается догнать свою синеватую тень, скользящую по тропе и сухим веткам лесной подстилки.

Нас не преследовали. Может быть, потому, что пытались погасить Неспящую башню и все, что еще загорелось от моих факелов. Может, потому, что вспугнутые огнем и суматохой кони разбежались — впрочем, в городе, конечно же, были еще кони помимо тех, что я освободил. Не знаю. Но нас не преследовали.

За полдень я придержал Ветра у звонкого лесного ручья. Прыгнул из седла. Напился.

Потом появилась карса. Одна. Она долго и жадно лакала холодную и чистую проточную воду, потом повалилась в траву и принялась усталолизывать кровотокающие раны. Остальных карс я больше ни разу не видел — наверное, они ушли в лес.

Вулхи пришли чуть позже. Раненый сильно хромал; все, что я мог сделать, — это промыть его лапу в ручье, обработать соком тысячесила и минут десять не давать ему вылизывать рану.

— Спасибо, истинные, — прошептал я, потрепал каждого по загривку, а голову вожака сжал между ладоней и заглянул седому вулху в глаза. — Да будет длинной ваша тропа и обильной добыча! Прощайте, свободные!

Вулх лизнул меня в лицо, совсем так же, как тогда, в клетке, и направился в лес. Остальные касались моих ладоней влажными носами и спешили за вожаком. Они исчезли в полминуты, так, что не шелохнулся ни один лист на кустах. Я долго глядел вулхам вслед. Потом обернулся к карсе.

Она отошла подальше, оказывается — спасибо, что не стала выяснять отношения с вулхами...

— Как же это нас угораздило, киска? — спросил я задумчиво. — Я теперь гадаю, где очнусь на следующем восходе Меара?

Отдых мой был совсем недолог, только чтоб размять ноги, переодеться в магическую одежду Лю-чародея, сбереженную карсой, да сжевать черствую лепешку с лентой сушеного мяса. Охотиться сейчас не было времени, пришлось облегчить

дорожные припасы из двумеха. А потом вскакивать в седло и снова гнать Ветра на запад, потому что оставаться в окрестностях Запретного города было опасно.

Всю дорогу я невольно размышлял о случившемся и не мог отделаться от мысли, что, когда на свободе Вулх, все вокруг словно мешает моему с карсой пути, все складывается на редкость неудачно и плохо, но стоит Вулху уснуть и очнуться Морану, удача тут же вспоминает обо мне. Уж не знаю, благодаря магии Лю, благодаря счастливому случаю или благодаря простой расторопности Морана...

Думать о себе как о ком-то постороннем было давней моей привычкой. Скорее всего оттого, что у меня было больше одной личности, но находиться одновременно я мог только в одной.

Итак, поразмыслим о странностях.

Я оказался в клетке с истинными вулхами в Запретном городе — месте, с уверенностью сказать о котором, существует оно или нет, я еще вчера не мог. Скорее всего, будь я действительно истинным вулхом, за которого приняли меня горожане, судьба моя была бы проста и незавидна: некоторое время в клетке, а потом кровавая стычка на песке арены. Может быть, я даже победил бы раз-другой. Бьющиеся насмерть долго не живут — мне, прошедшему не один город, подобные вещи объяснять не было нужды. Карса оказалась на арене сразу же — интересно, с кем она билась? Не с другими же карсами? Несколько строптивых кошек выпустили в яму, это я понял. И только теперь подумал, что понятия не имею, кто был их противником. И откуда — Тьма! — на арене взялась моя необычная одежда, которую догадалась захватить с собой карса?

В душе шевельнулись неясные подозрения. Одежда, ошейник, который не сняли ни с меня, ни с карсы, подозрительная сообразительность моей киски... Перемещения во время Четтана... Клянусь Смутными днями, уж не оборотень ли моя спутница? Но нет, нет, не может быть, вре-

меня оборотня — красный день, а карса остается карсой и в свете Меара. Но какова мысль — если бы это было возможно — послать двух оборотней! Лю-чародей, ты гораздо умнее и хитрее, чем можно предположить, клянусь Смутными днями еще раз!

Впрочем, дальше. Я с поразительной — теперь я понял, что поразительной — легкостью нашел одежду, оружие, своего коня и припасы в совершенно незнакомом городе. Полном врагов. Тогда задуматься о легкости у меня не было времени. Теперь — было. А я ведь еще кое-что разузнал и о предстоящей дороге. Немного, правда, и чересчур туманно, но вполне достаточно, чтоб не гадать сейчас: куда направить послушного Ветра?

Джержх забирай, все это выглядело крайне подозрительно. Лично я видел только одно объяснение случившемуся. Наш путь интересен не только Лю-чародею. Загадочная У-Наринна, средоточие некоей тайны... Тайны всегда приманивают недобрых — и людей, и чародеев. Нас — меня, Ветра и карсу — просто пустили вперед. Чтобы мы напоролись на все ловушки и неожиданности, а тот, кто тайно идет следом за нами, был предупрежден и готов.

Спине моей враз стало зябко, словно кто-то прицелился в меня из арбалета. Я хмуро обернулся и, конечно же, ничего и никого не заметил. Если кто-нибудь и шел следом, у него доставало ума идти в отдалении, по следам, и не показываться нам на глаза. Я, во всяком случае, поступил бы именно так.

М-да. Нужно вести себя повнимательнее синим вечером. И быть готовым к завтрашним сюрпризам — например, очнуться перед пастью голодного пещерного стоzeва. Очнуться нагим и беспомощным, без меча и с вечной панической мыслью: не видел ли кто, как вулх становится похож на человека? Не узнали ли во мне оборотня?

Украшенные резьбой деревья перестали попадаться во все, причем довольно давно, еще перед полуднем. Лес пошел

дикий и мрачноватый, густые синие тени залегли в гуще елей и игольников. Лиственные деревья встречались очень редко, я с тоской вспомнил вчерашний пир у плодоносящего многодрева. Какие непохожие два синих дня! Интересно, красные дни чем-нибудь отличались? Наверное, отличались. Во всяком случае, первый раз я очнулся у озера в полной безопасности, хотя рядом нашлось несколько трупов, а второй — в клетке. И убивать пришлось уже самому.

Мне часто приходится убивать. Особенно последнее время. Только это вовсе не значит, что мне нравится это делать. И уж точно не значит, что убийства не оставляют никакого следа в моей полуживотной душе. Я часто задумывался — может быть, оттого я и убиваю так легко, что я нечеловек? Что я наполовину зверь, а для зверей убийство — это способ выжить самому? Мне часто казалось, что люди тем и отличаются от зверей, что могут жить, не убивая себе подобных. Но — тем не менее — убивают, и не реже, чем звери. Даже чаще. Выходит, в каждом из людей сидит зверь, злобный и кровожадный? Только у некоторых он выходит из Тьмы, когда встает Четтан, и разгуливает на свободе до пересвета, а у некоторых просто медленно пожирает душу и рано или поздно они становятся такими же чудовищами, как Рага Людоед, как Фурми, как Беш...

Когда Меар, садящийся где-то впереди меня, невидимый из-за деревьев, перестал давать достаточно света, я остановил Ветра. Задумался, стоит ли устраиваться на красный день, если завтра я наверняка приду в себя совершенно в другом месте, и хорошо, если не в клетке? Решил, что не стоит. Посидев у костра в сгущающихся синих сумерках, я встал, напился из меха, что в полдень наполнил водой из ручья, аккуратно снял одежду и заботливо уложил ее в двухмех поверх припасов. Если не лишился ее в такой свистопляске, будет вдвойне обидно потерять вот так, без толку, в глухом лесу. А Лю-чародей — или кто там надевает ее красным днем? — отыщет, если захочет. Снова все ремешки,

подогнанные под мой рост, затянет так, что потом придется подгонять заново...

Шлепая ладонями по бокам, я ждал превращения. Нешадно грызли вечерние летучие кровопийцы, настырно звеня в оба уха. Предпересветная прохлада гладила кожу, пошедшую пупырышками, как у гуся. Карса, сверкая желтыми глазищами, сидела в стороне от костра и пялилась на меня. Пялся, пялся, зверюга...

Последняя моя мысль перед тьмой была подобна молнии: а кто сказал, что не бывает оборотней синего дня?

Додумать Моран не успел. А Вулх еще не умел думать и помнить.

ГЛАВА 7

Четтан, день четвертый

Здоровенный комар впился мне в правое веко. Я сильно и неточно хлопнула себя по щеке — и хорошо, что неточно, а то можно и без глаза остаться. Тотчас же десятка два злобных кровопийц набросились со всех сторон на мое не защищенное одеждой тело. Я вскочила на ноги, ругаясь самыми черными словами, и только тут наконец проснулась.

Вокруг был лес, просто лес, и ни следа древесного города, в котором чуть было не окончилось мое путешествие. В двух шагах от меня едва дымился небрежно сложенный костерок, а по другую его сторону лежал на подстилке из мха вулх, устало ткнувшись мордой в передние лапы. Чуть поодаль стоял оседланный и навьюченный Ветер и — бедняга! — судя по всему, спал. Не обращая внимания на поклажу и комаров.

Я ничему не удивилась. Ни лесу, ни костру, ни оседланному коню.

А не удивилась я потому, что очень уж разозлилась. Так разозлилась, что на удивление меня не хватило.

Т-темное небо! Все те неясности и несуразицы, которые поочередно мучили меня с самого начала путешествия, вдруг одновременно обрушились на мой разум своим немалым весом. А проклятый комар, из-за которого теперь нестерпимо чесался глаз, оказался той песчинкой, которая сдвинула лавину. Я задыхалась от злости. Ну кто, джерж его побери, додумался встречать пересвет во влажной низинке? Кто?! Ведь мне самой это и в голову бы не пришло.

Не прекращая ругаться и хлопать себя по бокам, я в два прыжка добралась до Ветра и принялась рыться в походном двумехе. К счастью, магическая шкура отыскалась довольно быстро и, оказавшись на мне, сразу уменьшила мои страдания по меньшей мере наполовину.

Но злость осталась — и даже, кажется, окрепла. Стала холодной и прочной, как сталь после закалки.

Дальше я действовала уже без спешки, но и без промедления. Я раздула костер и подбросила туда смолистого лапника — благо хвойных деревьев вокруг было предостаточно. Красное пламя взвилось вверх с веселым потрескиванием, словно призывая восходящий Четтан побыстрее занять свое место на небе. От костра повалил густой ароматный дым, и комаров в низинке резко поубавилось.

Ладно. Можно и здесь неплохо устроиться, ежели умеючи... Стоп! Чего это я вдруг решила здесь устраиваться? Какая муха меня укусила?

Вовсе не муха, а комар. Да и комар тут, прямо скажем, ни при чем.

Руки мои работали сноровисто и быстро, расседывая коня, а голова тем временем медленно осваивалась с уже принятым решением. Непонятно когда, но принятым. Может быть, даже еще до пробуждения — во время синего дня, пока моя человеческая сущность спала мертвым сном в самом глухом углу сознания Карсы.

Я решила не сходить с этого места, пока не разгребу кучу неистолкованных событий у себя в мозгах. Чтобы мож-

но было хоть о чем-то думать, не спотыкаясь об отдельные факты.

Низинка, заполнившись теплым дымом, стала обжитой и уютной. Я устроилась на моховой подушке рядом с вулхом, осторожно положив ладонь ему на загривок. Вулх даже не шелохнулся. Надо полагать, очень устал. И Ветер устал — дальше некуда.

Еще бы! Трудно двигаться вперед, толком не отдыхая — весь красный день, а потом весь синий, а потом снова весь красный... Даже не просто трудно, а почти невозможно. Единственный, кто способен выдержать такой путь, — это оборотень. Существо, которое в наших краях называют мадхетом, а иначе — анхайром. Нечеловек, чье тело меняет форму при каждом пересвете, в момент превращения избавляясь от накопленной за день усталости. Как это ежедневно происходит со мной.

Я с новым интересом оглядела своих собратьев по странствиям. Мы уже третий день вместе, а много ли я о них знаю? Вороной конь по кличке Ветер, удивительно выносливый и невероятно послушный. И ручной вулх по кличке... по кличке...

А я вот и не знаю, как зовут вулха! Интере-есно... У ручного зверя, как правило, бывает кличка — а такого необычного, как ручной вулх, просто обязаны как-то звать. Почему колдун не назвал мне его имя? Потому ли, что не знал сам? Ох, не верю. Если уж он про меня знал все до зернышка, то несложная звериная жизнь ему и подавно должна быть известна. Тогда почему?

Я лениво протянула руку и длинной веткой поворошила угли костра. Золотистые искры с треском разлетелись во все стороны. Уже заметно рассвело, и неяркий красноватый свет Четтана заполнил низину. Пляшущие отблески костра потерялись, растворились в свете начала дня. И комары совсем исчезли.

Но злость впилась в меня не хуже комара и помогала сосредоточиться, не давая мыслям свернуть в сторону.

Итак, среди многих странностей моего путешествия первое место занимала его непрерывность. Все то время, пока на небе лучился ослепительной синевой Меар, со мной что-то происходило. Вчерашним синим днем, например, я как-то выбралась из ямы в лесном городе, а затем и из самого города. Тьма! Конечно, Карса — не обычный зверь, но осуществить такое ей в одиночку не под силу. В событиях прошлого синего дня явно чувствовалась направляющая воля человека.

Вообще-то я еще вчера — в смысле, в четтанскую половину вчерашних суток, прошедшим красным днем — пришла к выводу, что иду в Каменный лес не одна. Только поразмыслить над этим выводом мне не дали. Набросились, понимаешь, с арбалетами и сетью, да еще по голове въехали как нарочно.

Нарочитость некоторых событий я тоже собиралась обдумать. Но попозже. Прежде всего нужно было сообразить, кто же движется вместе со мной к У-Наринне.

Вчера я была почти убеждена, что это чародей Лю собственной персоной. Хотя объяснять одну загадку другой — занятие вполне бездарное. Но сегодня одно очень простое обстоятельство заставило меня усомниться.

Ремни и завязки магической одежды снова — уже второе красное утро подряд! — оказались подогнанными на человека больше меня ростом и размерами. Старику же, если это он носил магическую шкуру синим днем (а при свете Четтана, получается, разгуливал нагишом? Ну да кто их поймет, чародеев...) — так вот, старику менять длину ремешков было бы незачем. И роста мы с ним были примерно одинакового.

Значит, под лучами Меара эту одежду носил не колдун, а кто-то другой. Кто-то, кому в четтанский день одежда не нужна.

— Оборотень!

Слово само сорвалось у меня с губ. Вулх приподнял голову и внимательно заглянул мне в лицо. Я убрала ладонь с его шеи — мне вдруг стало неловко. Одно дело гладить по жесткой шерсти ручного зверя, и совсем другое — зверя, внутри которого прячется человек. Собрат по нелюдской, поганой, отравленной крови. Оборотень. Мадхет. Анхайр. Как ни назови, а суть одна: гнусное чудовище, которому нет места среди людей.

Но ведь оборотней, которые становятся зверьми с приходом Четтана, не бывает!

— Вулх, — шепотом сказала я. — Как же так?

Серый зверь склонил тяжелую голову, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Я пошевелила веткой тлеющие угли — остаток костра.

Не бывает? Так ведь ручных вулхов тоже не бывает — а я поверила. Чему поверила? Собственным глазам. Вижу: вулх. На коня не бросается, меня слушает... Значит, и впрямь ручной. Но что, если я приняла одну очевидность за другую? Человека в зверином облике — за зверя, обученного человеком. Как же их различить? Как правильно истолковать то, что я вижу? Эх, где бы взять однозначное доказательство...

Я с такой силой ткнула веткой в потухший костер, что ветка сломалась, а меня обдало взметнувшимся пеплом. Есть! Есть у меня доказательство, которое не оставит сомнений!

Облачко едкого пепла окутало морду вулха. Вулх чихнул, сердито затряс головой и вскочил на все четыре лапы. Морда его оказалась чуть выше моего лица. И оттуда, свысока, зверь глянул на меня с легкой укоризной — смотри, мол, куда палкой тыкаешь. Ты-то прямо сейчас человек, вот и изволь заботиться об окружающем зверье.

— Извини, серый, — смиренно сказала я. — А позволь мне на твою лапу взглянуть, а? Вот на эту, правую переднюю.

Вулх не возражал. Я раздвинула кончиками пальцев густую шерсть — в том самом месте, где позавчера меч лесного разбойника оставил заметный след.

Сегодня там была совершенно целая и здоровая кожа. Я выдохнула сквозь стиснутые зубы и на всякий случай решила осмотреть левую лапу тоже.

Темное небо! Лучше бы я этого не делала. Левое предплечье вулха украшала длинная царапина. Вернее даже сказать — след от уже затянувшейся царапины. Но я хорошо помнила, что разбойник ранил вулха в правую лапу. Или все-таки в левую? И рана была гораздо серьезнее. Или это мне показалось?

— Спасибо, — мрачно сказала я вулху. — Можешь проваливать. Пока не станешь человеком, не возвращайся.

Кажется, мой зверь оценил шутку. Во всяком случае, прежде чем нырнуть в кусты, он обернулся, и выражение его морды было трудноописуемым.

Зажившая царапина на его лапе могла принадлежать обычному зверю, легко раненному двое суток назад. Но могла быть и следом от раны, нанесенной оборотню вчера, синим утром...

Джерх бы побрал все эти головоломки! Доказательство, на которое я так надеялась, тоже можно было истолковать двояко. Вот если бы я вспомнила о ране вулха на восходе Четтана вчера, а не сегодня... Но вчера на восходе мне было некогда, а потом я слишком быстро оказалась в мешке.

В общем, как бы то ни было, полностью отделаться от сомнений мне не удалось. Я задумчиво оглядела скрывшие вулха кусты. Позавтракать надо бы, вот что. Уж не знаю, чем питалась Карса, но мне вчера ничего съедобного не досталось. Почему-то жители лесного города так и не предложили мне еды — если не считать куска тухлого мяса, которым меня грозил попотчевать косомордый стражник.

Если походный двухмех оказался при мне, то, может, и содержимое его никто не тронул? Неплохо было бы все-таки позавтракать древесной дыней — не вчера, так сегодня. Не верю, конечно, что плоды в сумке, и все же — чем джерх не шутит?..

Но эта моя надежда тоже оказалась обманутой. Плодами многодрева в двумехе даже и не пахло. Кто-то сожрал их без меня.

Тьма ему в брюхо!

Пришлось скромно перекусить тем, что я захватила в дорогу из Аьетота. Вяленным мясом, сыром, сушеными фруктами и орехами. В мехе для воды обнаружилась свежая и вкусная вода, за которую я мысленно сказала «спасибо»... не знаю кому. То ли своему спутнику-оборотню, то ли прячущемуся колдуну, то ли неведомой магической силе.

Проснувшийся Ветер ткнулся мордой мне в ухо и получил свою долю сладких фруктов. Я осмотрелась и вскоре нашла то, что искала. В небольшой ложбинке между двумя кочками собралась лужица желтоватой, но пригодной для питья воды. Я выкопала во влажной земле ямку побольше, и подземный родничок быстро заполнил ее. Умный конь терпеливо дождался, пока я наберу воды в запасной мех и поставлю мех под его лошадиную морду.

Пил Ветер с удовольствием, шумно фыркая и кося на меня большим карим глазом. Словно проверял, на месте ли я.

Да куда ж я денусь, красавец? У меня с чародеем договор. И договор из тех, какие не нарушают. Старик обещал заплатить мне самой дорогой монетой. Неразменной монетой моей собственной памяти. Знаешь ли ты цену воспоминаниям, мой непростой конь? Ведь в какой-то мере наша память — это и есть мы. День, о котором ничего не помнишь, — словно бы и не прожитый день...

Кстати, наше соглашение с чародеем недвусмысленно подразумевало, что весь красный день с утра до вечера я нахожусь в пути. Тороплюсь в Каменный лес, а вовсе не расслаиваюсь у потухшего костра, размышляя о странностях. Не велено мне было размышлять. Впрочем, и не воспрещалось, насколько я помню — лишь бы не мешало двигаться вперед.

Я похлопала Ветра по холке, вытряхнула из мешка последние капли воды и свернула его. Так что же — в путь? Конь, словно почуял мои мысли, встрепенулся и одобрительно заржал. Правильно, мол. Отдохнули — и вперед!

На звонкое ржание из кустов появился вулх с вопросительной мордой.

Я упрямо помотала головой.

— Хрен вам! — сердито сказала я и опустилась на прежнее место у погасшего костра. — Сказала же: не уйду, пока не разберусь!

Вторая по старшинству странность моего путешествия поддавалась определению куда хуже первой. Умом я ее вообще не понимала, а только отмечала каким-то непонятным чутьем.

Чутье настойчиво говорило мне, что все происходящее со мной имеет не тот смысл, который видится на первый взгляд. То есть даже не так. Я чувствовала, что неведомый мне смысл кроется в тех вещах, которые обычно не имеют особого значения.

Я не просто шла или ехала верхом, сражалась с разбойниками или переправлялась через реку. Я как будто... вот оно!.. как будто выполняла неизвестные мне, но строго заданные условия. И то, зачерпнула ли я воды из незнакомой реки, в этом странном раскладе имело большее значение, чем смерть Цуки.

И вот поэтому я не спешила сниматься со стоянки. Во мне все сильнее крепла уверенность, что важно не только то, куда я дальше направлюсь, — важно и то, как именно я это сделаю. Тем более что я по-прежнему знала лишь общее направление к У-Наринне.

А окруженная игольниками, кленами и боярышником низинка нравилась мне все больше и больше. Славное местечко, когда комаров нет. Правильно его выбрал мой спутник. Отдохнешь в таком месте — и двигай, куда хочешь. Нужно только дожждаться подходящего момента. Дождаться... Подходящего...

Кажется, я задремала. Во всяком случае, мне второй раз в жизни привиделся сон, самый настоящий. И, в отличие от предыдущего, вполне понятный. Может быть, потому, что на этот раз я увидела не вулха, а карсу. А карсы мне — ясен пень! — понятнее и ближе вулхов. Хотя во сне, хоть наяву.

В этом сне я и сама была карсой. Карсой под лучами Меара.

Сверкали голубым огнем капли росы на мохнатых метелках трав. Удивительно легко дышалось. Неправдоподобно легко.

Мы неслись вдвоем по росистому лугу навстречу встающему из-за холмов синему светилу. Трава мягко обтекала нас, окропляя свежестью брызг.

Сначала мы бежали вровень, голова к голове, но он почти сразу вырвался вперед и помчался скачками. Я видела, как при каждом прыжке напрягаются мускулы под его рыжей шкурой. Он был прекрасен.

Стремительное тело на мгновение замерло, изогнулось. Лыдисто сверкнули глаза, перечеркнутые вертикальной полосой зрачка. Хищный вопль, протяжный крик вознесся над лугом.

Он звал подругу. Звал меня.

Все живое вокруг замерло, притаилось. А те, кто оказался слишком близко от нас, бежали в испуге. Бежали, куда глаза глядят — лишь бы не стать помехой на пути двух карс в разгаре безумной страсти.

Земля толкнула меня в подушечки лап, и я с места взвилась в воздух. Хриплый вой обжег мои легкие, вырвался наружу...

Это был ответ. Я признала его.

Мы двумя клубками покатались навстречу друг другу, сшиблись и вскочили, урча и воя. Трава под нами быстро становилась душистым месивом, истекающим соком стеблей и листьев.

Он вцепился зубами мне в загривок и прижал всем телом к земле. Я замурлыкала...

Синий глаз Меара понимающе подмигнул мне с небес.

Я очнулась от краткого сна с хриплым, затихающим стоном на губах. Так вот как это бывает у карс... Мда-а, не позавидую я тому, кто некстати подвернется под лапу влюбленным. Скогтят и не заметят.

Тело медленно расслаблялось после сладкой судороги. Ничего себе сон! Кажется, ни одна из любовных встреч, которые происходили со мной наяву, не доставила мне столь сильных ощущений. Партнеры, что ли, попадались не те? Обычные люди, что с них возьмешь...

Обычные люди, скованные условностями и условиями. Насколько, оказывается, не похоже то, что они называют «з-зверской страстью», на настоящие чувства дикого зверя! Свободного зверя.

Впрочем, откуда у меня такая уверенность? Ведь это был всего лишь сон. Просто сон.

Что-то протестуяще напряглось у меня внутри. Нет! Не просто!

Из глубин сознания поднялась властная волна и смыла все сомнения. Теперь я точно знала, что мое видение вообще не было сном.

Это Карса поделилась со мной своим воспоминанием. Может быть, даже самым заветным из своих воспоминаний.

Я вдруг задумалась над тем, как же чувствует себя Карса здесь, в Диких землях. Не боязно ли ей? Или, наоборот, впервые по-настоящему легко и вольно? Ведь мы с ней жили странной и неестественной жизнью — хотя спасибо Бешу и за такую. Мне было душно и уныло в доме, где двадцать с лишним кругов тому назад я появилась на свет, — но Карсе приходилось труднее, чем мне. Я редко покидала Айетот, а Карса, пожалуй, еще реже. И в лесу она до сих пор бывала не больше десятка раз.

Интересно, как это ей повезло, как удалось встретить на цветущем лугу свое звериное счастье? Когда это было?

И почему она все-таки вернулась к Бешу?

Боль скрутила мою душу, как мокрую тряпку. Но слезы замерли у меня в уголках глаз, и тихая печаль смыла чужую боль. Бывшую чужую, а теперь и мою тоже. Прости мне, Карса, жестокое любопытство. Да будут прокляты люди-охотники, люди-убийцы! Прощай, наш рыжий любовник...

Мне всегда казалось, что из нас двоих Карса взрослее — хоть я и была старше ее на целый красный день. Потому что для Беша была важна она, а я только путалась под ногами. Потому что Карса могла разобраться с недругом одним ударом когтистой лапы, а мне для этого пришлось долго осваивать боевую науку.

Но сейчас я почувствовала себя большой и сильной. Карса поделилась со мной — со своей человеческой половиной — самой яркой радостью и самой больной болью. И я могла дать ей утешение и сочувствие.

«Твое горе — мое горе, — молча сказала я ей. — Нас двое, ты и я, но в то же время мы — единое целое. И в этом наша сила!»

Да хранит меня добрая динна! Клянусь, что Карса ответила мне. Она лизнула меня горячим, влажным, шершавым языком прямо в изнанку мыслей.

Четтан всполз над лесом и грел уже в полную силу. В низинке стало душно и жарко. И тень не спасала. Красноватый горячий сумрак казался плотным, как круто сваренный вишневый кисель. Я нервно зевнула и потянулась.

Да так и застыла на середине зевка и с поднятыми руками.

Из леса ко мне вышел человек, в котором не было ничего от лесного жителя или хотя бы путника. На нем были темные штаны из тонкой кожи и шелковая рубаха. Четтан окрасил ее кровью своих лучей в вызывающе красный цвет.

По траве и мхам незнакомец ступал с ленивой грацией придворного щеголя, скользящего по натертому паркету. Он небрежно улыбнулся мне, проплывая между мной и Ветром в сложной фигуре танца. Я оторопело поворачивалась вслед за ним, пока он обходил по кругу меня и кострище, на каж-

дом шагу поворачиваясь в разные стороны и раскланиваясь с невидимыми партнерами.

Безумец?

Да уж, на нормального человека он никак не походил. Но только, Тьма меня поberi, и сумасшествием здесь не пахло. А главное — я никак не могла решить, что мне делать.

Враг? Или посторонний?

Тихие плавные движения, никакого оружия в обращенных ладонями кверху руках... И я расслабилась. Если что, нож метнуть я всегда успею. Благо, и гурунарские ножички под рукой, и хадасский верный кинжал при мне.

Незнакомец протанцевал вокруг всей низинки, вздохнул — как мне показалось, удовлетворенно, — и сел прямо на землю, лицом ко мне.

— Я — чародей, но ты можешь меня не бояться, мадхет, — сказал он ровным, бесстрастным тоном. — Меня зовут Аншан, и обычно я убиваю мадхетов везде, где встречаю. Однако ты пока что вне опасности. До тех пор пока отвечаешь мне правдиво.

Все-таки враг! Моя рука скользнула к наручи, но тут мы с врагом встретились взглядами, и пальцы мои сами собой разжались, отпуская нож. В глазах его действительно сверкало отражение чего-то большего, чем я или даже он сам. Отблеск магической силы. Жадные огоньки затаившегося на время пожара.

— Ты не можешь мне причинить вреда, — спокойно сказал чародей, — а я тебе — не собираюсь. Пока. Так что не хватайся за железо. Расслабься. Будь готова отвечать на мои вопросы. Доверься мне, мадхет. Доверься мне. Доверься мне...

Странная слабость вдруг охватила меня. На мгновение земля и небо поплыли перед глазами. Мне показалось, что я... засыпаю? Джерх, я слишком мало знала о сне. Мне не с чем было сравнивать.

Я потрясла головой, пытаюсь прогнать звон в голове. Околдовал он меня своим танцем, что ли?

— Сковал, — поправил чародей вслух. — Но не бойся. Это совсем не опасно. Раскройся передо мной, махнет!

На верхней губе, чуть выше тонкой черной щеточки щегольских усиков, проступили крошечные капельки пота. Ему тоже было трудно. Интересно почему? На что уходили сейчас его силы и внимание?

— Расскажи мне, махнет, о вашем Пути, — сказал чародей.

Теперь он ритмично раскачивался. Четтан отражался в его темных глазах двумя хищными кровавыми огоньками. Это раскачивание убаюкивало меня, завораживало, погружало в теплый туман бездумия...

— Куда вы идете и зачем? — звучным шепотом спросил чародей.

— К джерху в задницу, — мило улыбнулась я.

Чародей спокойно кивнул, ничуть не рассерженный дерзостью.

— Спротивляешься, — сказал он. — Это хорошо. Понимаешь, единственный способ противиться заклятию Откровенности — стать податливым, как теплый воск, и расползаться под нажимом Силы, проскальзывая между стальными пальцами вопросов. Тот, кто сопротивляется, — обречен. Спротивляйся мне, махнет. Спротивляйся. Доверься мне и борись со мной.

По спине у меня скатился ручеек горячего пота. Четтан остановился в зените и упорно не желал двигаться дальше, как будто его прибили к небу гвоздями. У меня слипались глаза. Подождите... только что Четтан был так низко, что отражался в глазах этого... ладно, потом. Не важно.

— Теперь ответь, где сейчас Ассанг? — вел дальше чародей.

— Чего-о?

Мы вытаращились друг на друга, как две не вовремя разбуженные совы. Я пришла в себя первая:

— А ну-ка повтори, что ты сказал!

Чародей брезгливо улыбнулся.

— Значит, ты даже имени такого не знаешь, — сказал он. — Это хорошо. Но странно. Хотя...

Он нахмурился. Раздражение исказило его правильные черты, и у чародея вдруг сделался глупый вид. Есть лица, которым лучше оставаться застывшими как лики каменных статуй. До сих пор чародей смотрелся гордо и возвышенно, как флаг на шпилье замка. А теперь он выглядел тем же самым флагом, только обгаженным голубыми.

— ...если она не знает имени, то не может ответить, — бормотал он вполголоса, совершенно забыв обо мне. — Но ведь даэна она знает несомненно, так почему же тогда...

Четтан по-прежнему торчал в зените и поливал нас чудовищным жаром. Смутные дни! Что-то здесь было определенно не так. Я незаметно оглянулась.

У меня за плечом прятался вечер. Я вдруг оказалась на странной грани между вечным полднем и стремительно густеющими сумерками; и там, в сумерках, за невидимой разделяющей стеной беззвучно металось и билось в преграду что-то большое, серое и расплывчатое — словно огромная, трепещущая крыльями бабочка. На мгновение оно застыло, и я разглядела, что это вулх. И тут же очертания серой фигуры размазались от невероятной быстроты движений.

В мгновенной вспышке озарения я поняла, что вечер по ту сторону настоящий, а жаркий полдень внутри созданного колдуном мирка — это ложь. Фальшивка для отвода глаз. Да ведь он просто-напросто вор, этот чародей! Заговорил мне зубы красивыми словесами, а сам гнусным образом тырит мое время!

— ...знает истинное имя? — с удовольствием повторил чародей. — Это было бы неплохо.

Мой взгляд упал на походную сумку и на выглядывающий из нее продолговатый предмет, обернутый в лоскут кожи. Магические ножны! Жаль, что они пусты, но, может, и сами по себе они мне помогут? Иной магии в моем распоряжении все равно нет. Я потянулась к ножнам...

— Ладно! — громко сказал чародей. — С тайной вашего Пути мы разберемся чуть погодя, а пока скажи мне, как истинное имя того, кого ты знаешь как старикашку Лю?

Меч был у меня в руке. Тяжелая рукоять больно ударила меня по ладони, когда он появился прямо из воздуха. В лицо мне плеснул порыв ветра с запахом металла. Старинная сталь тускло блеснула в кровавом свете ложного полдня — словно сдержанная улыбка человека, привыкшего выполнять обещания.

Но я не могла поднять руку с мечом! Колдовской танец и пляска кровавых огоньков перед глазами слишком крепко меня связали.

В следующий миг огромная серая бабочка пробила сразу рассыпавшуюся мириадами осколков преграду и со свирепым рычанием тяпнула меня за... за ту часть одежды, которая была штанами.

Я с воплем вскочила на ноги, одновременно занося меч для удара. Заклятие слетело с меня, как осенняя паутина под порывом ветра.

Чародей с невнятным возгласом поднялся, прикрываясь рукой и отступая на шаг.

Я нанесла удар Опережающим.

Воздух раскололся с оглушительным треском. Алые и оранжевые молнии закрыли окружающий мир огненной сеткой. Кажется, я на мгновение оглохла и ослепла.

Под ногами чародея разверзлась лиловая пропасть, и он канул туда, как булыжник в трясину.

Прыгнувший на него вулх ухватил зубами пустоту, выплюнул и обратил ко мне возмущенный взор.

Но я точно с таким же выражением смотрела на собственные руки.

Тьма и все демоны Ночи!

Меч исчез.

Ярко пылал костер, разведенный на прежнем месте. Четан уже почти зашел, и единственным освещением были пляшущие блики костра.

Поднеся двухех поближе к огню, я лихорадочно копалась в нем, отбрасывая ненужные предметы.

Под руку подвернулась плоская коробочка. Я нечаянно сдавила ее с боков, коробочка раскрылась, и самоцветы сверкающими дождинками пролились на траву. Сбирать их было некогда. Почему-то мне вдруг стало очень важно написать записку своему спутнику. И сделать это именно сегодня, сейчас, до пересвета. А до пересвета оставались считанные минуты.

Тьма! Ведь была, была здесь нужная мне вещь, я же помню! Я еще мимолетно удивилась неуместности, несообразности этого предмета, когда проверяла содержимое дорожных сумок на старой мельнице — и тут же забыла о нем, рассматривая оружие.

Над головой протяжно заухал филин. Из глубины леса ему отозвался другой. И сразу, как будто получив сигнал к наступлению, на меня ринулись комары.

Тьма и демоны! Я взвыла и вытряхнула все содержимое походного двухеха себе под ноги. Заплечная сумка, в которую было завернуто что-то тяжелое, стукнула меня по ступне. Джерхи! Что там внутри?!

Я вытряхнула все и из сумки тоже. Тяжелыми оказались книги — три увесистых тома в кожаных переплетах. Я о них совершенно позабыла. Зачем мне книги в пути?! Совсем охренел чародей, не иначе... А может, книги принадлежат моему спутнику? Я недоверчиво хмыкнула.

Искомый предмет оказался на самом верху груды вещей. То есть лежал он на дне заплечной сумки, которая, в свою очередь, покоилась на дне двухеха. Если бы не комары — я бы его точно не нашла до пересвета.

Я дернула завязки кожаного мешочка. Внутри, как мне и помнилось, было очиненное перо в жестком кожаном футляре, тоненькая стопка бумажных листков с неровным краем, перехваченная атласной ленточкой, и каменная чернильница в форме ореха.

Орех послушно раскрылся, не пролив ни капли. Ленточка, шурша, соскользнула на траву. Пламя костра осветило чистый листок и занесенное над ним перо. Одним стремительным росчерком я вывела обращение:

«Здравствуй, незнакомец!»

Ведь мы пока незнакомы; мы видели только последствия действий друг друга — все равно что наблюдать тень от тени...

«Здравствуй, незнакомец!»

Мы с тобой идем в Каменный лес вместе. Меня зовут Тури, и я...»

Перо замерло над бумагой. Комары грызли меня остервенело и безнаказанно, а я просто не могла пошевелиться. Рука моя отказывалась написать то, что было моей главной и страшной тайной. Оказалось, что это невероятно, неописуемо трудно — доверить свою тайну, а вместе с ней жизнь, другому человеку. Пусть даже он не человек, а такой же, как и я...

Четтан неуклонно сползал за горизонт. Опять, как и вчера, я явственно ощущала движение солнца. Я знала наперечет оставшиеся мне мгновения человеческого облика.

И, повинаясь усилию воли, моя рука пришла в движение. Перо очень медленно, но ровным красивым почерком с двойным нажимом вывело на бумаге слово-признание:

«...оборотень».

И Тьма сомкнулась надо мной.

ГЛАВА 8

Меар, день четвертый

Как всегда, сознание вернулось на мгновение раньше, чем открылись глаза. Ну, где я очнулся на этот раз? В плену у разбойников? Перед Дремлющим мостом? У джерха в зубах?

Меня окружал шелестящий лес, а полянка была как две капли воды похожа на ту, где Моран уступил очередь Вулху. Собственно, это была даже не полянка, а крохотный пята-

чок леса, где деревья стояли пореже, чем везде. И в мире все еще царил предпересветный сумрак... но какой-то странный. Обыкновенно тени отливали густо-лиловым, как облако, куда садился Меар. Или откуда вставал, точнее.

Сейчас вокруг было просто темно, а тени были густо-черными. Как в комнате с затворенными ставнями. Я почти ничего не видел. А над головой слабо мерцали посреди неба несколько ярких синеватых точек, похожих на светляков в полумраке вечернего леса. Кроны редких деревьев смутно выделялись на фоне почти такого же темного неба.

И тогда я понял, что вижу звезды. Звезды. Тьма меня разрази — звезды!!!

Становится не по себе, когда оживают легенды. По крайней мере мне стало не по себе.

Я стоял у едва тлеющего костра, нагой и растерянный, и бессмысленно озирался. Где, джерж побери, Меар? Почему не встает? И куда опять подевалась карса? Ветер — вон он стоит, опустив голову чуть не к земле. Спасибо, хоть он на месте...

Осмотреться бы. Осмотреться...

Выбрав сосну повыше, я резво пополз вверх по шершавому стволу, обдирая кожу. Одеться я так и не удосужился, как был в одном ошейнике, так и прыгнул на дерево. Тоже мне, владыка Диких земель... Хотелось поскорее увидеть горизонт, чтоб понять — что происходит? Где пересвет?

Но уже спустя минуту я заметил, что вокруг светлеет. С востока напал синий разгорающийся свет. Добравшись почти до макушки сосны, я огляделся. Острые верхушки соседних деревьев оказались чуть ниже меня.

Небо на востоке постепенно светлело. А потом показался краешек Меара, ослепительный после лесного сумрака, царящего внизу. И вздох облегчения вырвался у меня из груди.

Я не знал, почему запоздал с восходом Меар... или поспешил спрятаться за горизонт Четтан. Я даже не знал — возможно ли это? Выходит — возможно? Что происходит. Смутные дни?!

Но потом я вдруг понял, что сам дал ответ случившемуся. Смутные дни... До них осталось меньше десяти дней. Вот, значит, как это начинается...

Меаром я любоваться не стал. Что я, Меара не видел, что ли? Я только еще разок взглянул на запад, потому что путь мой лежал именно туда. Я не был уверен, но похоже, впереди лес заканчивался, и снова начинались каменистые пустоши Диких земель.

Ладно. Самое время спускаться и облачаться в магические курткуштань. И сапоги, склонные менять размер по ноге надевающегося...

Одежда в беспорядке валялась у кострища, перекрученная, словно сначала в нее нарядили зверя, а потом зверь самостоятельно выпутывался из рукавов, штанин и складок. Шипя и отмахиваясь от комаров, я потянул на себя одежду. Что-то белое упало в траву, я чуть не наступил. Наполовину влезши в штаны, присмотрелся.

Это был клочок писчей бумаги с парой изумительно ровно выведенных строк. Тут же валялся и орех-чернильница и мое любимое перо, полученное за успехи и прилежание в Джурае двенадцать кругов назад... Я тогда как раз изучал грамоту под началом Тила Длинной Строки. А тот в свою очередь получил когда-то это же перо от Унди Мышатника, упокой Тьма его нетрезвую и беспокойную душу. Потом мне пришлось спешно удирать в Лиспенс, как сейчас помню...

Я оторвался от воспоминаний и бережно поднял перо с чернильницей. И только потом — записку. Уж не от Лючародея ли весточка?

«Здравствуй, незнакомец!

Мы с тобой идем в Каменный лес вместе. Меня зовут Тури и я — оборотень».

Я застыл с запиской в руке. Вот так вот, значит. Без обиняков, прямо и неприкрыто: «я — оборотень».

Следующие две минуты я беспрерывно ругался. То, что моя карса — оборотень, не слишком меня поразило. Навер-

ное, я подспудно уже был готов к этой правде. Но вот эта вопиющая беспечность, эта смертельно опасная откровенность — зачем, зачем, зачем? На записку мог наткнуться кто угодно, нечего кивать, что места, мол, безлюдные, нет никого. И тогда нам конец. Тут же. На месте. Потому что раскрытый оборотень — мертвый оборотень. Путаясь в штанинах, я метнулся к костру и с испариной на лице глядел, как записка обращается в пепел. Потом, наконец, оделся как положено, натянул сапоги, спрятал перо, чернильницу и рассыпанную бумагу в футляр, а футляр — в мешочек, крепко завязал кожаные тесемки и упрятал все на самое дно двухмеха. Складывать еще в свою заплечную сумку — не стал. Зачем? Просто сунул пустую сумку в двухмех. Скомкал и сунул. Надоела она мне. Следом уложил все, что мой отчаянный напарник вытряхнул на траву. Нетерпеливый он какой-то... Как и все карсы.

Карса сидела по ту сторону костра и глядела на меня с обычным холодным выражением. Она казалась умной, но уж слишком себе на уме... как и все кошачьи, независимо от размеров.

— Ну что... — Я запнулся, потому что называть своего спутника «киской» было как-то неловко. — Ну что, кот дражный? Чего ты хотел добиться? Чтобы нас ухлопали Чистые братья?

Карса распахнула красноватую пасть со внушительного размера клыками и протяжно зевнула.

— Дурень вислоухий! — добавил я неуверенно.

Это, впрочем, была неправда. Уши у карсы стояли торчком, как и у всех карс, только пушистые кисточки на кончиках свешивались на дюйм-другой.

— Постарайся больше не совершать подобных глупостей, приятель. Не знаю как тебе, но мне обе мои шкуры еще дороги. Чего и тебе желаю. А зовут меня... Одинец. И не жди, что я напишу тебе записку.

В общем, я встал и принялся навьючивать сброшенные кое-как пожитки на Ветра. Кстати, а как этот бедняга выдерживает непрерывный поход? Или он тоже оборотень?

Меча в ножнах снова не оказалось — исчез, словно кусочек сахара в кипятке. Ну что за невезение, снова без меча! Куда их мой спутник деваает? Ладно, хоть ножны бережет... Как, кстати, мы их делить будем? Записочками обмениваться? Или не ломать голову и однажды прихватить их с собой, и, когда в У-Наринне будет совершенно все, чего добивается Лю-чародей, потихоньку дать тягу?

Ну и мысли у меня с утра! Уж не звезды ли мне голову замутили?

Спустя некоторое время до меня дошло, что место, на котором вчера остановился я перед превращением, и нынешнее место не очень-то отличаются. Собственно, это одно и то же место. За прошедший красный день мы ни на шаг не приблизились к У-Наринне. Даже к джерхову каньону не приблизились. А время ушло.

— Болван ты, братец Тури, — сказал я карсе. — Время-то идет? Знаешь, что Унди в Джурае говорил, когда нас стража в подземелья тащила? «Раньше сядешь — моложе сбежишь».

Впрочем, до подземелья они нас не дотащили...

Спутник-карса невозмутимо глядел на меня. Поднявший-ся Меар метал лучики в начищенные бляшки ошейника, и они сверкали маленькими синими огоньками.

Есть мне не хотелось совершенно — то ли Вулх поохотился во время Четтана, то ли Тури накормил. Спасибо ему, если так. Значит, можно сразу же отправляться в путь. Наверсты-вать упущенное. За двоих ехать. Ладно, хоть конь отдохнул...

Я затоптал костер и вскочил в седло. На запад.

— Вперед, Ветер!

Краем глаза я заметил, что карса осталась неподвижно сидеть под стройным молодым игольником.

Потом я раза три замечал ее в зарослях. Рыжая шкура мелькала впереди, словно тень призрака, и снова бесследно

растворялась в окружающем подлеске. Интересно, Вулх тоже чувствует себя в лесу как дома?

Потом я задумался — а как это, «как дома»? Люди так говорят. Но ведь я... ведь мы с Тури не люди. Поэтому у нас нет дома. Или здесь, в диком безлюдном лесу, и есть наш дом?

Я не знал ответа.

Еще до полудня лес стал редеть. Сосны и игольники становились все ниже, пока не превратились в молодые пушистые деревца, едва достигающие Ветру до брюха. А потом и вовсе исчезли. Из сухой, местами растрескавшейся земли там и сям торчали острые каменные обломки. Ветер умело и аккуратно огибал их. Правильно, коняга, береги ноги...

Тень передо мной неумолимо укорачивалась, пока вовсе не скорчилась и не уползла под ноги Ветра. Миновал полдень. Меар клонился к западу. Я держал повод левой рукой, а в правой привычно вертел пару метательных шариков. Иногда я оглядывался — карса шныряла неподалеку. Ее рыжая шерсть сливалась с каменистой почвой не хуже, чем со старой хвоей подлеска.

У текущего на юг ручья я придержал коня. Соскочил на землю, приблизился к каменному ложу ручья. Уже присел, чтоб зачерпнуть ладонью чистой проточной воды, и тут заметил, что ближний ко мне берег ручья выглядит как-то неправильно. Да и дальний, что в трех шагах, тоже неправильно.

На дальнем берегу обнажилась малая часть русла, не шире ладони, а на ближнем, восточном, вода немного напозла на берег и текла там, где еще недавно было сухо. Словно ручей передвинули чуть в сторону.

Некоторое время я тупо соображал, что бы это могло означать, потом вздохнул и решил, что с загадками Диких земель пусть разбирается Лю-чародей, если будет охота. А мне недосуг.

Я напился, сменил воду в мехе, напоил Ветра. Спутник-карса тоже опустил усатую морду к воде и принялся лакать — чуть выше по течению. Ну-ну... Чистюля. Спе-

циально обошел стороной, чтоб не пить ниже. Вельможа, прям, Тьма-перетьма!

И снова потянулись навстречу пустоши, дикие и безлюдные. А какими еще могут быть пустоши в Диких землях? Дикими и безлюдными. Ну, неприветливыми еще. Или — продуваемыми всеми ветрами. Кстати, ветер действительно усилился, правда, дул точно в спину, а это не слишком страшно. Из-под ног Ветра дважды вспархивали стайки каменных куропаток, и я на всякий случай перехватил метательные шарики поудобнее. Вскоре куропатки снова веером порскнули из россыпи округлых сероватых валунов, и я с силой метнул шарики в стремительные крылатые тени. Один из шариков нашел цель и подбитая куропатка, сложив крылья, упала в стороне. Вот и ужин, обрадовался я. Прицепив добычу к седлу, я отыскал шарики и продолжил путь.

Вообще-то пустоши отнюдь не были пустыми. То и дело я замечал следы диких быков — похоже, здесь обитало большое стадо. Конечно, оно кочевало, потому что в пустошах травоядным нелегко отыскать корм. А раз стадо — значит, недалеко ошивались и хищники, вулхи, например. Или фырканы. Непременно шакалы-падальщики. Птиц всяких пропасть. Изредка попадались на удивление здоровые норы под камнями, уж и не знаю, кто такие отрыл. Вильты, что ли?

Я радовался только одному: что не встречаю следов присутствия человека. Как-то не хотелось мне встречаться с людьми... Из-за моего спутника-карсы. Неосторожен он, по моему. И, конечно, догадался, что я тоже оборотень. Интересно, он тоже думал, что обратной противоположного цикла не существует? Я вот был убежден. Непонятно, правда, с чего. В общем, с людьми мне встречаться совершенно не хотелось. До самой У-Наринны.

Как выяснилось, зря я надеялся. Еле слышно свистнуло лассо, и мои плечи охватила прочная веревка толщиной с земляного червя. Рывок — я отправился проверять твердость окрестных земель.

Земли оказались настолько твердыми, что некоторое время после удара я не мог вдохнуть. Лассо прижало руки к бокам, и когда способность двигаться вернулась ко мне, я проворно перевернулся на бок, преодолевая сильное сопротивление натянутой веревки. Вот он, неведомый враг.

Невысокий человек в одежде из бычьей кожи держал в руках дергающийся конец лассо. На боку у него висел короткий изогнутый меч без ножен, за спиной торчали из колчана оперенные стрелы, хотя самого лука я не увидел. Наматывая лассо на локоть, человек стремительно приближался ко мне.

И тут во всей красе показал себя вороной. Словно степной вихрь налетел он на врага, сбил с ног и растоптал копытами. Лассо сразу ослабло и бессильно легло на камни, словно мертвая змея. Я напрягся, вывернул руку и сумел кое-как освободиться от захвата. Встал, держась за ушибленный бок.

Несколько всадников во весь опор летели ко мне.

Рука сама скользнула в рукав, извлекая гурунарский метательный ножичек. Меч бы... Надо подобрать у затоптанного лассометателя, если своего опять нет.

Я метнулся и сорвал с трупа изогнутый клинок. Обычная варварская железяка, кое-как заточенная, не чета вчерашнему седому хадасцу. Тьма, ну и урод же у меня в спутниках! Такой меч прошляпил куда-то... Где он сам, кстати? Думает помогать или нет?

Едва всадники приблизились, рыжая молния метнулась из-за камней на переднего варвара и вышибла его из седла. Зацепившись ногой за стремя, человек потащился по камням, воя от боли. Камни вскоре стали окрашиваться красным, а бессвязные крики оборвались. Второй конь, почуяв карсу, шарахнулся в сторону, унося седока, бессмысленно размахивающего мечом.

Осталось трое. Что ж, неплохо, Тури! Спасибо и на том.

Секунду я колебался — вскочить на Ветра или оставаться на ногах? Остался — наездник из меня неважнецкий. Ве-

тер, словно почувствовав, заржал и обрушился на одного из приблизившихся, пустив в ход зубы и копыта. Лошадки нападавших были ниже и коренастее Ветра. И мой, точнее, наш жеребец оказался для них непосильным противником.

Метнув нож и с удовлетворением убедившись, что он воткнулся в горло варвару, я отскочил с дороги коней и сжал меч. Ветер продолжал наскакивать на пришлых лошадей, и оба уцелевших всадника вынуждены были спешиться. А потом мне на некоторое время стало некогда оглядываться.

Со звоном сшиблись мечи, высекая рыжие, как шура карсы, искры. Напряглись мускулы и налились глаза. Один против двоих.

Само собой разумеется, фехтовал я лучше. Спасибо тому же Унди Мышатнику... Да и в цехе наемников я не зря состоял... Чувствовалось, что низким обитателям Диких земель куда привычнее орудовать арканом из засады, чем мечом в честном бою. Впрочем, что значит честный бой? Правильно, это тот, который ты не проиграл. Так говорил Мышатник, и я не припомню, чтобы проигравшие ему возражали...

Одного варвара я обезоружил и сбил с ног, со вторым тоже недолго возился: перерубил ему клинок (Тьма-перетьма, это подобранной-то грубой железякой?) и рубанул поперек живота. Потом добил первого, пытавшегося швырнуть в меня плохонький ривский кинжал. Кинжал я небрежно отбил мечом.

— Кто ты? — спросил я, но варвар не ответил. И я зарубил его, как козу на бойне.

Пока я возился с этими двумя, карса успешно разобралась с тем, которого понес конь. Видимо, он умудрился спешиться и поспешил на помощь своим товарищам. Но карса встала у него на пути и... в общем, у меня не возникло особого желания рассматривать то, что от него осталось. Карса сидела неподалеку, вылизывая перепачканную кровью шерсть. На камне рядом с ней виднелись пять параллельных царапин, совсем свежих. Несомненно, след от когтей. М-да. Ну и коготки...

Я вернулся к убитым мною. Вытащил из горла гурунарский нож, тщательно вытер его и вернул на привычное место, под левый рукав. Осмотрел мертвеца. Редкая косматая борода, остекленевшие узкие глаза-щелочки. Желтоватая, как у хадасцев, кожа. Джерх его знает, кто такой. Карманов на одежде нет, откуда у варваров карманы? На поясе — мешочек с несколькими айтотскими медяками, пара непонятных амулетов да кольцо для меча. Меч такой же паршивый, как и мой. Впрочем, тут же вспомнилось как развалился на части клинок другого моего врага! Я взглянул на свой меч — заточка отнюдь не стала лучше. Но и неизбежных после такой рубки зазубрин на клинке я не нашел. Странно. Очень странно.

У второго мертвеца не нашлось даже одной монетки. Пожав плечами, я перешел к третьему, почему-то забыв оглядеться.

В следующий миг под левой лопаткой стало так больно, что я невольно екнул и выпрямился. На камень упала оперенная стрела. Клянусь небом, она ударила меня под лопатку, но не смогла пробить колдовской одежды Лю!

Невдалеке еще один человечек опустил лук и бросился наутек, к стоящему еще чуть дальше коню. Тотчас сорвалась с места карса и стремительными прыжками понеслась вдогонку. Предсмертный вопль увенчал ее путь — и вопль этот был человеческим.

— Эй, Тури! — заорал я, охнув от боли в спине. — Не сожри его целиком, дай обыскать!

К месту стычки неторопливо возвращался Ветер. Я, пробега мимо, потрепал его по холке — молодец, конь! Не знаю, кто тебя учил, но ты настоящий боец!

Убитый карсой воин тоже являл собой малоприятное зрелище. Если только вы не любитель луж крови и вывалившихся внутренностей. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять — это главарь. Одежда его была получше, кошель с монетами потяжелее, оружие понадежнее, а на груди болтался не то оберег, не то медальон-украшение. То есть бол-

тался он, понятно, раньше, пока хозяин был жив. А теперь просто свисал со сломанной ударом когтистой лапы шеи, и кровь медленно стекала по серебристой цепочке. Медленно-медленно я протянул руку и снял медальон с шеи мертвеца.

Если бы не грубая цепочка, я решил бы, что передо мной изделие хадасских ювелиров. Впрочем, медальон могли, скажем, украсть и уже потом подвесить к свитой из серебристых колечек незатейливой цепочке.

Тончайшей вязью на поверхность позолоченной пластины был нанесен мастерский рисунок. Чародей в длинном плаще и с коротким жезлом, воздевший руки к небу; не оставалось сомнений, что изображен чародей, не знаю уж почему. А у ног чародея — вулх и карса. И два солнца над ними. Два солнца — и несколько точек-искорок. Несомненно — звезды.

Я так и уселся на камни. Очень, знаете ли, знакомая картина. Чародей, вулх, карса... звезды опять же. Ежу понятно, что это не совпадение. И первая же мысль моя была хотеть и странной, но вряд ли беспочвенной.

Чародеев в мире хватает. Глупо считать, что на этой пластине изображен именно Лю. И если Лю стремится в У-Наринну... или посылает туда двух оборотней, вулха и карсу, то остальные вполне могут быть озабочены тем же. А значит, в У-Наринну сейчас идем не только мы. Кстати, добрые ребята с лассо, мечами и стрелами тому достойное подтверждение.

А это значит, что за память придется платить подороже, чем казалось мне с самого начала.

Я медленно выпрямился и в упор поглядел на карсу. Зверь не обратил на меня ни малейшего внимания. Впрочем, он действовал как нельзя лучше в минуты опасности — чего же еще желать и требовать? Чтобы он со мной поговорил?

У убитых я больше ничего интересного не нашел. Оружие их бросил вместе с трупами, только странный меч, пе-

перубающий другие клинки, оставил на поясе. Авось еще пригодится.

И двинулся дальше на запад. До пересвета оставалось еще довольно времени, чтоб уйти от этого места подальше.

Ветер послушно устремился к окутанному дымкой горизонту. Лишь ненадолго я задержался у трупа того из врагов, который запутался в стремени и умер как раб, а не как воин, убедился, что ничего интересного к моим находкам не прибавится, и вновь вскочил в седло. Прощайте, незадачливые охотники на одиноких путников, прощайте, кто бы вас ни послал. Сегодня не ваш день.

Каньон я увидел незадолго до пересвета. Сначала впереди из дымки проступила неясная серая черта, постепенно становившаяся все толще и толще, потом почва незаметно сгладилась, валуны пропали, осталась только вылизанная ветрами каменная поверхность, а потом она вдруг резко обрывалась вниз, и Ветер замер на краю пропасти.

Громадный разлом, трещина в теле земли зияла прямо под нашими ногами. Далеко-далеко внизу виднелось скрытое в вечерней тени дно, а противоположный обрыв отстоял от восточного на добрую четверть мили. Стены каньона были практически отвесными, правда, не гладкими, а слоистыми, испещренными трещинами, углублениями, выступами и карнизами, так что ловкий человек, пожалуй, сумел бы и взобраться наверх или спуститься на дно. Но с конем и поклажей эта задача становилась, мягко говоря, трудновыполнимой. Да и без поклажи решиться влезть на такую стену было весьма и весьма трудно. Каньон убегал вправо и влево, на север и юг сколько хватало взгляда.

Карса осторожно подошла к самому краю, заглянула вниз, фыркнула и уселась на кромке камня, словно внизу была не пропасть, а мягкая перина на глубине в полшага. У меня даже голова закружилась, едва я на нее глянул.

Послушный поводьям Ветер отошел прочь от обрыва. Я соскочил с седла и с опаской приблизился к краю. Правда, ближе, чем на шаг, мне подходить не захотелось. С детства не люблю высоты.

Что там говорил раб в Запретном городе? Искать Дремлющий мост? Интересно, где? На севере или на юге? Вот ведь загадка!

Я не успел ее разгадать — под ногами внезапно дрогнула земля. Не сильно, едва-едва слышно, но я почувствовал. Дрогнула и замерла. Вороной тревожно всхрапнул и дернулся; карса дугой выгнула спину, прижала уши и встопорщила усы.

Я поспешно отошел от края. Землетрясение! Только этого мне и не хватало.

Вообще-то в наших краях землетрясения случаются редко. Вот дальше на юге — другое дело. Но иногда далекое эхо южных толчков докатывалось и до нас. Не знаю уж, что это такое — отголоски ли войн чародеев или проявление каких-то могучих непознанных сил, но я не люблю землетрясения. Хотя покажите мне человека (или оборотня), который любит землетрясения? По-моему, таких просто нет.

Не прошло и минуты, как далекий гул откуда-то с юга стал накатываться, словно штормовая волна. Я с тревогой поглядел налево и вскоре различил слабое облачко пыли, вознесшееся над горизонтом.

С минуту я озадаченно созерцал растущее облако; вдали, подальше от каньона, оно казалось гуще и плотнее. Правильно, перед самым каньоном только камни, пыли там попросту нет...

Карса грациозно протрусила мимо меня и Ветра, направляясь на север. Оглянувшись на миг, вопросительно и словно спрашивая: «Ну? Ты идешь или нет?» И потрусила дальше, постепенно ускоряясь.

Если зверь считает, что нужно удирать, значит... Значит, нужно удирать. Зверь все равно чувствует больше человека.

Я снова поглядел на юг. И наконец понял, что же происходит.

Подземный толчок испугнул большое стадо диких быков, кочующих по окрестным пустошам. И они сейчас мчатся сюда вдоль каньона.

— Тьма на ваши спины! — выругался я и вскочил в седло. — Давай, Ветер!

И мы помчались. Копыта звонко стучали по камням. Я то и дело оглядывался — стадо было не просто большим. Оно было огромным. Я подпустил быков слишком близко и теперь видел позади широченную, до самого горизонта дугу. Джерхи, это плохо. Назад в пустоши убраться я уже не успею, а слева... слева каньон. Стадо запросто сбросит меня с обрыва. И тогда — конец. Не спасет даже то, что я оборотень. Кстати, пересвет уже близок... Тьма, не ко времени, не ко времени вздумалось дрогнуть земле!

Оставалось уповать только на быстрые ноги Ветра.

Мы мчались миля за милей, а каньон все так же тянулся слева от меня. Быки не приближались — но и не отставали. Без седока Ветер, конечно, сумел бы оторваться. Но со мной и поклажей... Нет. Нереально. Хорошо, хоть карса догадалась удрать.

Хотя нет, вон она. Ждет меня. Увидела и вновь мягко понеслась вперед.

Быки грохотали позади. Неужели они никогда не устают?

Меар склонился к самому горизонту по ту сторону каньона. Что делать? Что делать, семь джерхов судьбе в печенку? Ну, Лю-чародей, что же ты медлишь, пошли очередное чудо! Хоть бы в полдень все произошло... Затопчут, затопчут ведь, пока буду превращаться...

Копыта размеренно стучали по камню. Резко и одиноко. Зато позади отдельные удары сливались в сплошной многоголосый рокот, словно тысячи варваров били в тысячи походных барабанов. Быки продолжали мчаться, обгоняя собственный испуг.

Когда я уже мысленно начал прощаться с жизнью, Ветер вдруг побежал под уклон. Обрыв становился ниже. Я внимательно всмотрелся — уклон тянулся вниз, сколько виделось. Что там, впереди-внизу?

Ветер, словно почувствовав мою надежду, прибавил. Так прибавил, что мы стали медленно отрываться от гигантского стада. Где-то впереди мелькала рыжая спина карсы. Она тоже могла бы уйти в пустоши, если бы напряглась... но не уходила. Спасибо, Тури, ты и в зверином облике сохраняешь кое-какие человеческие черты. А Вулх, сохранит ли их Вулх, когда Меар сядет? Я не знал.

Вскоре я узнал, что там, впереди-внизу. Ни много ни мало, спуск в каньон. Уж не ведаю, рукотворный или природный. Только в обрыве слева от меня постепенно образовался разлом, похожий на полуутопленное в камне русло пересохшей реки, и русло это все круче загибалось вниз и влево, спускаясь постепенно на дно каньона. И я направил Ветра туда, уверенный, что быки не обратят внимания на ответвление и промчатся вдоль каньона прямо, дальше на север. Карса чуть в стороне уверенно прыгала по камням.

Бедный Ветер заметно устал. То есть он мог еще бежать довольно долго, но я чувствовал, что с каждой минутой ему все труднее будет это делать. К тому же на крутом склоне пришлось замедлиться, чтоб не скатиться вниз, не переломать ноги.

Мы были на середине склона, когда грохот копыт нагоняющего стада стал гораздо громче. Предчувствуя неладное, я оглянулся — быки свернули в каньон, как и я.

— Тьма!!! — истошно завопил я, подгоняя беднягу Ветра.

Вскоре мы оказались на самом дне каньона. Дальняя стена уходила ввысь, так что рассмотреть край удавалось, только задрав голову к вечернему небу. Впрочем, у меня не было времени особо разглядывать ее. Быки ссыпались по склону, не замедляя бега, потому что задние напирали на передних,

и тем ничего не оставалось, как еще ускоряться. Падавших затаптывали.

— Давай, Ветер! — заорал я, немилосердно сжимая тугие конские бока. По дну каньона я поскакал на юг. Карса тенью скользила у самой стены, рассекая синие сумерки.

У меня оставалось совсем мало времени. Небо, ну что мешало мне проскочить поворот там, наверху? Невезение, да и только.

Безудержная гонка продолжалась. Каньон наполнился тенью, только далеко вверх светлела широкая полоса неба. Восточная стена постепенно стала такой же высокой, как и западная. А стадо позади меня, конечно же, тоже повернуло на юг, растянувшись от стены до стены, так что не осталось ни малейшей щели, в которую можно было бы проскочить и спастись.

А потом я понял, что времени до превращения совсем мало. И прямо на скаку стал раздеваться. Меч сунул в оружейную сумку; сапоги — в двухх, курткуштаны (пока я их снимал, дважды чуть не сверзился с Ветра на полном скаку) — под ремень. Сидеть нагишом в седле было еще то удобство, но выбора у меня не оставалось.

— Эй, Тури! — закричал я что есть силы. — Иди сюда!

И замахал рукой.

Не знаю почему, но карса послушалась. Неслышно возникнув из тени, она коротким выверенным прыжком вскочила на круп коня позади меня и прижалась пушистой шубой к моей голой спине.

— Молодец, котяра! — Голос мой с трудом перекрывал топот преследующего нас стада. — Меня зовут... Одинец!

Слева, совсем рядом, высилась высоченная стена, в отдалении справа — такая же, по пятам неслась смерть, и только впереди маячило слабое пятнышко спасения, только в скорости оставался шанс.

С этой мыслью я провалился во Тьму, на прощание хлестнув Ветра по ушам, чтоб не вздумал замедлиться.

ГЛАВА 9

Четтан, день пятый

Меня сильно потрянуло, и я судорожно вцепилась когтями в седло... тьфу, джерж! Конечно же, я вцепилась в седло не когтями, а пальцами. Меня потрянуло еще раз, и я едва не слетела со спины Ветра.

Слева и справа от нас мелькали высоченные и отвесные каменные стены, а по пятам неслась смерть.

Откуда-то я совершенно точно знала, что останавливаться нельзя, что только в скорости наше спасение. Вороной тяжело дышал, но не сбавлял хода. Передо мной поперек седла безжизненно обвисло тело вулха. Что с ним?!

Вулх неловко шевельнулся, и я поняла, что с ним все в порядке — просто он пытается не сверзиться с коня. Вулх — не карса, когтями зацепиться ему слабо. Но придержать коня, чтобы дать ему возможность прыгнуть, я не могла.

Вслед за нами по ущелью волной катилось гулкое эхо — как будто грохот обвала или топот множества ног. Я знала: что-то чудовищное гонится за нами. Что-то огромное, слепое и безжалостное, как разгулявшаяся стихия.

Мой невероятный конь стремительно мчал нас с вулхом вперед по дну гигантского каньона. Но какая бы магия ни текла в его жилах вместе с кровью, он не может бежать бесконечно. Нужно было что-то предпринять. И побыстрее!

Ни ближняя левая стена каньона, ни отстоящая от нее на два полета стрелы правая не становились ниже. Но впереди обязан быть какой-то выход! Иначе почему мой спутник выбрал эту дорогу?!

Свет только что взошедшего Четтана не достигал дна, и нас окружала темно-багровая тень, которая примерно на высоте моей головы постепенно светлела. Через пару минут дикой скачки мне стало казаться, что впереди тень почему-то гуще и чернее.

А еще через несколько мгновений я поняла, что это не тень, а препятствие, перегородившее нижнюю часть каньона. И мы быстро приближаемся к нему.

Сначала я решила, что путь нам загородила скала, рухнувшая откуда-то сверху и застрявшая между каменных стен ущелья, самую малость не долетев до дна. Но когда Ветер остановился в нескольких шагах перед преградой, я убедилась в том, что она рукотворна.

Неизвестные строители сложили поперек каньона стену из обтесанных каменных блоков. Привстав в стременах, я попыталась заглянуть наверх, но стена была как раз такой высоты, что мне был виден лишь каменный бортик. Между стеной и неровным дном каньона был небольшой просвет.

Я прыгнула с коня и опустилась на корточки перед стеной. Вулх, который оказался на земле в тот же миг, как только ему перестала грозить опасность угодить под копыта жеребца, присоединился ко мне.

Насколько можно было судить, ширина преграды составляла всего несколько шагов. Странная это была стена. Я как-то не могла представить, для чего ее здесь построили. Больше всего она походила на мост — но кому нужен мост практически на самом дне ущелья? Может, в стенках каньона выше человеческого роста есть отверстия, и этот бредовый мост их соединяет?

Я выпрямилась. Да нет, отвесные скалы по обе стороны были сплошными. Разве что в них кроется потайной ход... Ага, как же! Потайной ход с ведущим к нему мостом — это что-то вроде штанов из джурайского батиста. Денег стоит немерено, а задница просвечивает.

Я отбросила бесполезные догадки. Думать было некогда. Земля под ногами слегка подрагивала в такт наступающему нас топоту.

Бешеная скачка дала нам несколько минут форы, но не более того. Неведомая опасность приближалась неумолимо.

Просвет между стеной и дном каньона был невелик. Вулх, конечно, мог проползти под преградой, мне бы тоже уда-

лось протиснуться в щель — хотя идея ползать нагишом по камням меня изрядно возмутила. Но вот Ветер...

Словно почуяв мои мысли, вороной тревожно заржал. Если и был для него путь на ту сторону, то только через верх.

Тьма и трижды Тьма!

Взгляд мой упал на вулх. Его жесткая и густая шерсть стояла дыбом, уши были плотно прижаты к голове, а хвост поджат, как у испуганной дворняжки. Смутные дни! Да что же такое преследовало нас, способное нагнать страху на свирепого хищника?

Ветер нервно заржал и задергал головой. Да я и сама с трудом сдерживалась, чтобы не затрястись мелкой дрожью. Колотилось сердце и кровь дробными молоточками стучала в висках. Спаси нас, добрая динна!

И тут я почувствовала под ногами мощный глухой толчок. Грозный гул, идущий ниоткуда и отовсюду, наполнил воздух. Вздогнули стены ущелья, и камни градом посыпались вниз вдоль стен.

И — отпустило. Мы перестали дрожать, и теперь мне была ясна причина этого неуправляемого страха. Наши тела почуяли приближающийся толчок землетрясения.

Скорее, скорее выбраться из каньона!

Я открыла рот, чтобы велеть вулху проползти под преградой, но вместо слов у меня вырвался невнятный вскрик.

От толчка, сотрясшего стены каньона, сложенная из каменных блоков стена просела. Щели, ведущей на другую сторону, больше не было. Теперь для нас всех, не только для жеребца, оставался единственный путь к спасению — наверх. Зато высота, на которую нужно было взобраться, стала меньше.

— Сюда, Ветер. И стой смирно!

Конь послушно замер у самой стены. Я обернулась к вулху:

— Наверх, серый!

Спасибо динне, дважды мне повторять не пришлось. Одним точным движением вулх запрыгнул Ветру на спину,

вторым прыжком оказался на стене. Я сорвала с коня двухмех и сумки, перекинула через плечо — и через несколько мгновений была уже рядом с вулхом. Отсюда, сверху, это сооружение еще больше напоминало мост — плотно подогнанные друг к другу каменные плиты, ровный невысокий бортик...

Ветер поднял голову и укоризненно заржал.

Я до боли стиснула кулаки и постаралась вложить в обращение к вороному как можно больше уверенности и ласки:

— Ветер, милый! Я знаю, ты сможешь. Сюда! Прыгай!

Конь глянул на меня — снизу вверх, искоса. Я затаила дыхание. И вулх рядом со мной замер, как будто все понимал. Может, и понимал.

Ветер попятился. Рванулся вперед, стремительно набирая скорость. И взмыл в воздух.

Все вместе, от нашей остановки перед преградой до прыжка Ветра, заняло считанные мгновения. Но, наверное, в такие моменты время идет по-другому. Или идет какое-то другое время.

Мне показалось, что вороной красавец-конь повис в воздухе и парит невесомо, словно птица. Несколько мгновений, которые длился прыжок, выпали для меня из обычного хода времени. Они были особыми, отдельными от всего. И я навсегда запомню черный силуэт взвившегося в прыжке скакуна на фоне темно-багровых скал.

А в следующий миг Ветер приземлился на каменные плиты в двух шагах от меня. Я судорожно вдохнула — потому что, конечно, забыла дышать.

Жеребец медленно подогнул передние ноги и опустился на колени, но я не успела удивиться его поведению. Рядом со мной хрипло заворчал вулх, прижимаясь к ноге.

Станный мост вздрогнул от удара копыт Ветра и пополз вверх.

— Пры... — Я снова подавилась криком. Потому что сейчас прыгнуть вниз было равносильно смерти.

Неведомое нечто, которое с грохотом гналось за нами по ущелью, наконец-то нас догнало.

Обезумевшее стадо равнинных быков несло по дну каньона, как яростная река, вспухшая от наводнения. Бурая волна наступающего паводка оставляла на каменных стенах кровавую пену. От нестройного топота сотен копыт земля снова задрожала, как от землетрясения.

— Тьма-ах! — выдохнула я, по примеру Ветра опускаясь на колени.

Оживший мост заскользил вверх чуть быстрее.

Первые нестройные ряды бегущих животных были уже совсем рядом.

Мост сделал ощутимый рывок.

Огромный бык с саженым разлетом острых рогов — наверное, это был вожак стада — промчался прямо под нами, едва не задев рогами нижние грани каменных блоков. Я слышала его отрывистое, загнанное дыхание; успела заметить безумный блеск налитых кровью глаз. И почуяла острый, кислый и страшный запах его пота. Запах смерти. Один из ее запахов.

Вулх негромко взвыл.

Стадо хлынуло нескончаемым потоком вслед за вожаком. Первыми бежали молодые и сильные животные — тяжело дыша, с клочьями пены на боках. Самые слабые оставались позади, затоптанные копытами более удачливых собратьев. Странное каменное сооружение, уносящее вверх меня, вулха и коня, окончательно превратилось в моих глазах в мост — мост над бурной рекой. Коричневые спины быков продолжали мелькать под нами. Стадо бежало вперед, и многие из этих животных на самом деле мчались навстречу своей смерти.

А нас смерть пощадила.

Я закрыла глаза. Облегчение от того, что мы избежали опасности, растекалось по моим жилам, как живительный сок плодов многодрева.

Спасительный мост продолжал медленно подниматься.

Мы плавно скользили навстречу небу, навстречу теплым лучам взошедшего Четтана. Я отряхнулась и быстро натянула на себя магическую одежду и сапоги. И то, и другое уже стало привычным, так что на одевание я потратила не больше минуты. И даже необходимость снова подгонять по себе ремни перестала раздражать, как только я поняла ее причину.

Мост шел вверх ровно, без толчков. Я присмотрелась и заметила, что между торцом моста и отвесной стеной ущелья есть зазор шириной в два-три пальца. Забери меня Тьма! Выходит, мост плавает прямо в воздухе...

Нет, Лю, я не стану удивляться. Лишь бы он всплыл до самого верха каньона. И нас довед.

Прикинув расстояние, оставшееся нам до верха, я быстро распрягла Ветра, наскоро обтерла его от пота и запрягла по новой. Вулх, склонив голову, скептически наблюдал за мной.

— Чего смотришь, Одинец? Помог бы! — шутливо бросила я через плечо и прикусила язык.

Держи! Какой еще Одинец?

Не успев задать себе этот вопрос, я уже знала ответ. Мой спутник называл себя Одинцом, и прошлым синим днем он сказал свое имя Карсе. А она передала его мне. Я уже научилась определять внутренние отклики Карсы — когда она говорила со мной, мои мысли словно озарял неуловимый синий отблеск Меара.

Значит, вулх и в самом деле оборотень. Приятно знать, что я не ошиблась. Но еще больше радует, что Лю держит слово: память о синих днях пробуждается.

Если мой спутник вдруг решил назваться, то, надо полагать, он прочел-таки мою записку. Значит, по крайней мере читать обучен. А если он и писать умеет, то у меня есть шанс найти где-то в сумке ответное послание. Впрочем, в суматохе этого пересвета записка вполне могла потеряться.

Мда-а, пересвет выдался тот еще. И как это Одинца угрозило забраться в каньон?

— Как тебя туда занесло? — укоризненно спросила я вулха.

Вулх понурил голову. У него был такой покаянный вид, что я мысленно обругала себя за несправедливость. Разве может зверь отвечать за поступки своей человеческой половины? Ему бы свою серую шкуру уберечь в сумасшедших переделках.

А думать четганским днем — это моя обязанность. Как говаривал старина Унди Мышатник, нечего сваливать с больной головы на отрубленную.

Да и Одинец-человек, надо полагать, не без причины полез к джерху под хвост. Видать, все другие дороги тоже не шелком стелились.

А может, мой спутник знал про магический мост и спешил именно к нему, да только не успел до пересвета? Тьма! Что же мне теперь, все время гадать, что он знает и чего не знает? Ох и задал нам чародей задачку...

— Ничего, брат! — подбодрила я вулха. — Не пропадем.

Кажется, я сама нуждалась в ободрении больше него. Потому что вулх недоуменно посмотрел на меня — мол, о чем говорить? Ясен пень, что не пропадем! — и стал разглядывать медленно уползающую вниз каменную стену.

И тут я сообразила, что мы находимся ближе к восточной стене, — а нужен-то нам западный берег каньона!

Магический мост дополз уже почти до самого верха, и я понятия не имела, что станется с ним наверху. Магия — штука опасная. Особенно когда в ней не разбираешься. Не долго думая, я ухватила Ветра под уздцы.

— Хэй, Одинец!

И мы втроем заторопились по мосту к противоположной стороне каньона. С середины моста я перешла на бег. Вулх вырвался вперед и стелился по каменным плитам беззвучной тенью.

Мы успели вовремя. Мост поднялся вровень с западным берегом, чуть дрогнул под ногами и замер. Вулх перемахнул на твердую землю еще с движущегося моста, а мы с Ветром покинули каменные плиты как раз в момент остановки.

Сделав пару шагов от края, я обернулась. Не знаю, чего я ждала. Что мост немедленно заскользит вниз? Что он рассыплется на части или растает, как морок? Но мост оставался на месте и выглядел так, будто он стоит здесь, соединяя берега каньона, не первый десяток кругов.

Я протерла глаза. Мост был таким незыблемо каменным, прочным, надежным. Он всем своим видом наводил на мысль, что путешествие на нем со дна ущелья мне примерещилось. Я даже шагнула было к краю, чтобы убедиться в том, что между землей и мостом есть щель.

Но тут я заметила движение на противоположной стороне каньона.

На восточном берегу появился конный отряд. Десятка два низкорослых коренастых всадников на таких же приземистых лошадках вылетели к мосту. Я сразу узнала их по описанию караванщика Занты, двоюродного брата Беша. Это были варвары южных пустошей, которые питаются землей и песком, а жизнь проводят в седле. Занта рассказывал, что женщины варваров рожают не одного ребенка, а целый выводок — пять-шесть младенцев размером с крысу и таких же злобных. Но выживает все равно один — тот, который еще в колыбели передушит остальных.

По-моему, тут Занта врал. Не могло такого быть, чтоб мамаша-дура любимого крысеныша от других не защитила. Или не припрятала. Но встречаться с ними, с варварами то есть, мне в любом случае не хотелось. И какого хрена они забрались так далеко на север? Весь песок в родных пустошах сожрали?

Перед мостом у всадников вышла заминка. Половина отряда сбилась в кучу на берегу — по-моему, решали, в каком порядке перебираться через каньон. И разумеется, они заметили меня.

Темное небо! Я огляделась, прикидывая свои возможности в бегстве, — потому что возможный результат стычки с целым отрядом был ясен и так.

Западный берег каньона, насколько хватало глаз, представлял собой плоскую каменистую равнину. Лишь вдалеке маячили невысокие холмы, а за ними стеной высились горы, закрывая западный горизонт.

Я не сомневалась, что отдохнувший Ветер в скачке через равнину опередил бы любого коня. Но сейчас у него просто не осталось сил на дальний забег. Значит, выбора у меня не было.

Я коротко свистнула, подзывая жеребца. Вороной тотчас оказался рядом, и я не глядя достала из сумки дренгертский арбалет. Вот и его час настал. Я проверила пальцем тетиву и потянулась за колчаном со стрелами. Сейчас наши жизни зависят от того, сколько варваров доберутся до этого берега невредимыми. Потому что с двумя десятками воинов нам не справиться.

Расклад явно был не в нашу пользу. Даже Четтан, уже довольно высоко поднявшийся над горизонтом, светил мне прямо в глаза и заставлял щуриться от красного блеска. Слабый, но постоянный ветерок тоже дул именно с востока. Тьма!

Отряд варваров тем временем разделился на две части. Несколько всадников отъехали чуть подальше и растянулись цепью, охватив полукругом участок берега возле моста. Похоже, они опасались нападения со спины, и я чуточку приободрилась. Хорошо, когда у врагов есть враги и помимо тебя...

Большая часть варваров въехала на мост. Лошади ступали на него неохотно, с опаской. Я прицелилась из арбалета в переднего всадника, но стрелять пока было бессмысленно. Нужно подождать, пока они доедут хотя бы до середины моста.

Варвары тоже достали луки и тоже пока не спешили стрелять. Коренастые лошадки, явно непривычные к высоте, тем не менее послушно продвигались вперед. Всадники их не торопили. Поводья варвары держали как-то необычно, но я не могла рассмотреть, как именно. Во всяком случае, мне показалось, что лошадьми они управляют отменно.

И очень жаль.

Первый из всадников добрался до середины моста и вскинул лук. Почти одновременно зазвенела тетива моего арбалета. Стрела варвара бессильно упала к моим ногам, а моя столь же бесполезно ушла в пропасть. Джерх бы побрал этот восточный ветер!

Я уже хорошо различала лицо переднего варвара, оскаленное в дикой усмешке. Мы с ним одновременно выхватили из колчанов следующие стрелы... И тут свирепый оскал варвара сменился растерянной гримасой. Он как-то жалобно всплеснул руками, роняя лук.

Под копытами его лошади провалился мост. Огромный каменный блок вдруг выпал из кладки и ухнул вниз. Лошадь истошно заржала, падая в образовавшуюся дыру. Закричал падающий вместе с ней варвар.

Мои руки еще продолжали выполнять начатое движение. Выпущенная из арбалета стрела чиркнула по каменному бортику моста, снова не причинив никому вреда. Но это уже было не важно.

Мост разваливался на куски.

Он крошился под варварами, как черствая горбушка. Каменные блоки, которые только что казались скрепленными намертво, отрывались друг от друга и падали в пропасть. Лошади и всадники рушились туда же вслед за ними. Грохот камней, безумные вопли и дикое ржание заматались эхом между стенами каньона.

Я, как завороченная, шагнула к краю пропасти. Опустилась на колени и заглянула туда.

Казалось, каменные блоки рушатся вниз в хаотическом беспорядке. Но, достигая дна, каждый из них ложился на свое место. Вцепившись в камень до боли в пальцах и вытянув шею, я смотрела, как из блоков опять складывается мост. Неведомая сила притягивала их друг к другу — а несчастных людей и животных, оказавшихся между блоками, сплющивало и выдавливало из смыкающихся щелей жидкой кашицей.

Через минуту все было кончено. Мост лежал на дне ущелья — и был прочен и неподвижен, как и полагается обыкновенному мосту. Только эхо никак не могло успокоиться, причитая над погибшими. Только кожа у меня покрылась мурашками, словно от холода. И висела в воздухе над каньоном каменная пыль, сквозь которую багровым оком взирал на меня Четтан.

Оставшиеся на восточном берегу варвары замерли, как конные статуи. Наверное, они еще не успели поверить в реальность случившегося. А может, еще не поняли. Они вообще-то тупые, варвары. Медленные.

Я встала с колен и отвернулась от пропасти. Ласково взяла под уздцы притихшего Ветра и зашагала прочь. Впервые с начала этого путешествия мне отчаянно захотелось, чтобы оно уже окончилось.

Если доберусь живьем до У-Наринны, никогда больше не стану иметь дела с магией.

Все утро мы шли по каменистой равнине, наступая на собственные тени. Четтан смотрел нам в затылки тяжелым взглядом, а восточный ветер подталкивал в спины. День выдался жаркий, в раскаленном небе не было ни облачка. Ветер приносил хоть какое-то облегчение, обдувая тело. Он тихонько посвистывал в ушах, словно звал нас за собой.

А может, он звал не всех — только вороного жеребца, своего тезку. Но мой Ветер двигался шагом, отдыхая после событий пересвета. Я шла рядом, а неутомимый вулх трусил впереди, время от времени поглядывая на нас через плечо.

К полудню, когда даже наши тени спрятались от палящего жара к нам под ноги, мы наконец добрались до западных холмов.

Некоторое время мы продолжали двигаться вперед по неровной местности, то поднимаясь на каменные взгорки, то спускаясь в ложбины между холмами. Холмы постепенно повышались. Их склоны, кое-где покатые, а кое-где обрывающиеся скальными стенками, были покрыты пятнами ли-

шайника. На пологих склонах неровными пучками росла жесткая сухая трава, а на отвесных обрывах я с немалым изумлением увидела вырастающие прямо из камня такие же пучки тонконогих поганок.

Наконец впереди и слева послышалось звонкое пение ручья. Мы бодро свернули туда, и через пару минут я уже распрягала Ветра, а вулх шумно лакал воду из крошечного озерца.

...Озерцо мы втроем немедленно выпили. До дна. Там всего-то и было с полведра воды, холодной и вкусной. Родничок удивленно забулькал, заново наполняя каменную чашу. Я подождала, пока на дне опять наберется вода, зачерпнула ее в обе пригоршни и с удовольствием умылась.

А потом растянулась на травке в двух шагах от источника, в тени под нависающим каменным козырьком. Я бы, признаться честно, и искупалась с удовольствием. Но для этого нужно озеро побольше. Раз эдак в пятьдесят хотя бы.

Я лениво провела мокрой рукой по волосам. Причесаться, что ли? Только гребень доставать неохота. Спасибо динне, что волосы у меня прямые и жесткие. А то, что они острижены коротко, — это уже моя заслуга. Ох и намаялась бы я в дороге, если бы у меня были кудри-завитушечки, как у айтотских девиц. Вообще-то я иногда отрашиваю рыжую гриву до плеч, а то и до лопаток. Не для того, чтобы покрасоваться перед кем-то, а ради собственного удовольствия. Но с такой гривой в наших краях жарковато.

Хотя какие края мне теперь звать «нашими»? В Айтот я больше не вернусь... Куда же податься?

Да куда угодно. Если я смогу влиять на Карсу синим днем, то мне в любом городе будет не страшно. И ничья помощь не понадобится. Темное небо! Ведь я и в Хадас смогу поехать! И даже поселиться там насовсем... только не сразу. Сначала хорошо бы и в других местах побывать. Вдруг мне где-то понравится даже больше, чем в Хадасе?

Раньше я не ломала себе голову над такими вещами. Жизнь оборотня может оборваться в любой момент, так что заглядывать вперед нет смысла. Но оборотень, владеющий собой и в звериной шкуре, — это совсем другое дело.

Интересно, раздумывает ли над будущим мой спутник? Я посмотрела на вулха.

Ну, по крайней мере сейчас он был всецело поглощен настоящим. Серый зверь, выгнув дугой могучую спину, яростно вгрызлся в собственный крестец. Джерхи! Да ведь это он блох гоняет! Как какая-нибудь обыкновенная псина. И где он их только нашел на свою лохматую задницу?

Я рассмеялась. Блохастый оборотень — это ж надо такому случиться! Бедные блохи, а уж им-то как не повезло. Вулх на пересвете обернется человеком, шерсть исчезнет, и куда они денутся?

Переберутся на карсу, вот куда. Мне сразу перестало быть смешно. Один конь на двоих — это куда ни шло, но общие блохи в условиях моего договора с чародеем не значились.

— Хэй, Одинец! Иди-ка сюда, — сурово позвала я. — У меня лучше получится.

И пришлось мне все-таки лезть в сумку за гребешком. Вулх посмотрел на меня без особой убежденности, однако пришел, сел рядом и терпел, пока я отлавливала блох в его густой шерсти. А когда последняя блоха была уничтожена, вулх даже ткнулся мне носом в ладонь, выражая признательность.

— Вообще-то можешь не благодарить, — честно сказала я. — Больше всего я берегла собственные уши. Завтрашние.

Одинец повел мордой, выражая пренебрежение к таким сложностям.

Я вздохнула. Наверное, все-таки зверем быть легче. Вот обрету обещанную память, буду знать точно.

Только сначала надо дойти до Каменного леса.

Отдохнув близ приветливого родника, мы отправились дальше. Я снова заняла свое место в седле.

Четтан перевалил точку полудня и медленно клонился к западу. Теперь тени бежали за нами по пятам, постепенно удлиняясь. А красное солнце светило прямо в глаза. Я порадовалась, что Четтан не устает указывать нам дорогу. Ведь до сих пор единственным надежным ориентиром на пути к У-Наринне было солнце.

Мы двигались на запад — и это единственное, в чем я была уверена. Я не знала, сместились ли мы на север или на юг по отношению к Айтоту. И тем более не знала, нужно ли принять еще севернее или южнее. Я только и могла, что вести свой маленький отряд на запад, вслед за солнцем.

Окружающая местность нагоняла тоску своим однообразием. Все те же камни, испещренные лишайниками, все та же сухая жесткая трава. Копыта Ветра выбивали из камня мелкую пыль, которая лезла в нос и в глаза, и противно скрипела на зубах.

Вулх, по своему обыкновению, бежал то слева, то справа от меня. Его серая спина на мгновение показывалась из-за какого-нибудь валуна и тут же снова скрывалась из виду.

Однообразие пейзажа притупило мое внимание. Любой намек на опасность заставил бы меня встрепетаться — но вокруг все было спокойно, и я тихо дремала с открытыми глазами, покачиваясь в седле.

Ветер бежал неторопливой размеренной рысью. Камни, камни, камни бесконечной чередой проплывали мимо меня. Чтобы не заснуть окончательно, я принялась лениво придумывать, на что похож очередной скальный выступ.

Вот угрюмая птица сидит нахохлившись, сложив каменные крылья. Вот карса изготовилась к прыжку, выгнув дугой каменную спину. Вот два каменных профиля обратили друг на друга пронзительные взгляды. Вот...

Тьма!

Я резко натянула поводья. Ветер послушно остановился.

Каменные профили, мимо которых я чуть было не проехала, вовсе не были моей выдумкой. Случайной прихотью природы они тоже не были.

Я спешила и подошла к ним поближе.

Чей-то искусный резец изваял из черного камня эти надменные лбы, презрительные губы, гордые подбородки. Продолговатые остроконечные уши — признак Старшей крови — выглядывали из-под каменных причесок. Истуканы вперились друг в друга навеки застывшими взглядами, в которых читалось не то требование, не то вопрос.

А позади них возвышалась каменная арка, в отличие от фигур сработанная грубо и небрежно. Может быть, даже нарочито небрежно. Просто два четырехгранных столба, а сверху перекладина. Но самое странное заключалось в том, что арка никуда не вела.

За ней виднелись все те же холмы, утомительно похожие друг на друга. И ничего похожего на тропу. Косые лучи Четтана широкими мазками ложились на неровную почву. От каждого камешка, от каждого кустика травы протянулись по-вечернему длинные тени, делая заметными мелкие детали. Но ничего интересного я не разглядела.

Странно. И даже очень странно.

Если есть дверь, то она куда-то ведет. А арка — это что-то вроде двери. Или окна.

И если это на самом деле дверь, то входить в нее нужно с той стороны, где истуканы. Для того они, надо полагать, и поставлены, чтобы указывать вход...

Только что-то не хочется мне туда входить. Может, просто обойти арку кругом?

Я шагнула за спину левой фигуры. Странно, мне казалось, что каменные столбы арки имеют в толщину ладони две, не меньше. А отсюда, с торца, видно, что они толщиной как раз с ладонь. Я сделала еще один шаг, обходя арку.

Арка исчезла.

— Т-темное небо! — выругалась я.

Передо мной снова были холмы, и только холмы. Насколько хватало глаз, я не видела никаких каменных сооружений.

Что-то коснулось моей ноги, и я вздрогнула. Но это только Одинец пришел взглянуть, что я тут делаю.

— Видишь, брат-храбрец, — тихо сказала я, — с той стороны дверь есть, а с этой — нет. Ты понимаешь, как такое может быть?

Вулх укоризненно посмотрел на меня — чего тут, мол, понимать? Магия. А ты опять занимаешься всякой ерундой. Тратишь время — а времени нет, с какой стороны ни посмотри. Нужно дальше ехать!

— Ну извини, — сказала я. — Сейчас вот разберусь, и поедем.

Одинец досадливо махнул хвостом и отошел в сторонку.

Я сделала полшага вбок. Грань каменного столба, образующая торец арки, появилась в воздухе. Я решительно протянула руку и коснулась ее...

Камень как камень. Шероховатый. Прогретый за день Четганом, а теперь отдающий тепло.

Я провела пальцем поперек грани до того места, где должно было быть ребро, а вместо него ничего не было. Рука моя встретила воздух. И впрямь ничего нет.

Ладно. Значит, это не простая каменная арка, а магическая. И не важно, как это ей удастся, но существует она только с одной стороны. Тем более интересно, куда она ведет!

Я вернулась на прежнее место перед каменными изваяниями. Арка высилась за ними — прочная, надежная, каменная... Совсем как мост через каньон, который поутру рассыпался у меня на глазах.

Джерх бы побрал всю эту магию! Прав Одинец, надо убираться отсюда.

Но любопытство меня не отпускало. Что же там внутри?

Или снаружи?..

— Хэй, Ветер!

Вороной спокойно подошел и остановился рядом с истуканом. Во всяком случае, никакой опасности он здесь не чувал. И вулх тоже. Кстати, где он?

Одинец, как видно, рассудил, что мы застряли здесь надолго, и нашел себе занятие по нраву. Сноровисто работая передними лапами, он раскапывал чью-то норку. Комья сухой земли вперемешку с камешками так и летели из-под его лап.

Я достала арбалет и вытащила из колчана стрелу. А вот посмотрим...

Жалобно тенькнула тетива. Стрела пролетела сквозь арку и ударилась о камень в десятке шагов от порога — там, куда я и метила. Отскочила и осталась лежать на земле.

Я обошла арку кругом — на этот раз справа. Стрелы на земле не было. Значит, магический проход все-таки ведет куда-то. Куда мне по-прежнему не хочется входить. Ну вот, я проверила все, что могла проверить. Дальше здесь торчать бессмысленно. Сейчас вот обопрусь о подбородок каменного идола, запрыгну в седло и...

В этот момент вулх докопался до обитателя норки. Бураямышь-полевка порскнула у него из-под лапы и шустрым клубочком метнулась в магическую арку. Одинец рванулся за ней.

— К-куда?!

В три прыжка вулх настиг добычу. Полевка исчезла у него в зубах. Одинец поднял голову, оскалится и бросился обратно через порог. И выпрыгнул по эту сторону арки целый и невредимый, только очень взъерошенный. Вид у него был смущенный и пристыженный, но довольный.

— Ну ты и скотина все-таки!.. — сказала я нетвердым голосом.

Вулх вильнул хвостом, извиняясь за содеянное, и смачно облизнулся.

— Тогда... — меня вдруг окончательно проняло любопытство. — Тогда сиди здесь и сторожи! Теперь моя очередь!

Я чуть помедлила перед аркой. И решительно переступила порог.

Ничего необычного я не почувствовала. Я сделала несколько шагов и осмотрелась по сторонам. «Здесь» ничем не

отличалось от «там». Ни на глаз, ни на нюх (я наклонилась, подняла камешек и повертела его в ладонях), ни на ощупь...

Вот только здесь была та самая вторая половина арки, которой там не было. И еще: если хорошенько присмотреться, линия холмов на западном горизонте, за которую как раз опускался Четтан, изгибалась слегка по-другому.

Я приготовилась к тому, что здесь будет страшно. Или странно.

А сделалось мне как-то по-особенному неуютно. Добрая длинна, да где же это я?!

Внезапно низкий гул прокатился между холмами. До меня донеслось громкое тревожное ржание Ветра. Я стремглав бросилась обратно к арке.

Ветер влетел в арку, едва не сбив меня с ног. Он всхрипывал и дрожал мелкой дрожью. Он искал защиты и спасения. Я с трудом увернулась от копыт и замерла на пороге странной двери.

Земля по ту сторону сошла с ума. Ее колотило, как умирающего от пятнистой лихорадки. Холмы плясали. Горизонт взлетал вверх и рушился обратно. Тяжелый грохот и пахучая мелкая пыль, застилающая небо, сразу оглушили и ослепили меня. Почти бессознательно я попятилась.

Здесь, с другой стороны арки, все было по-прежнему спокойно. Четтан сползал за западные холмы, и красноватая тень медленно затекала в распадок. Ветер прижался к самой арке и только вздрагивал при каждом толчке. А вулк где? Где Одинец?

Я снова выглянула туда, откуда пришла. Теперь там было еще хуже.

Каменистая почва ходила ходуном. У меня на глазах в нескольких местах появились огромные трещины. Толчки следовали один за другим, набегая друг на друга, как волны в бурю. И по земле пробегали волны — самые настоящие, только вместо пены и бурунчиков на их гребнях танцевали камни. Очертания холмов дрожали и расплывались. Воздуха

не осталось. Вместо него была рыжевато-красная плотная пыль.

Землетрясение? Снова?! Как утром в каньоне? И куда более сильное!

Я оглянулась. На моей стороне вечер был тих и спокоен.

Снова глухо и протяжно застонала земля, и одновременно моего слуха достиг жалобный стон живого существа. Почему-то я сразу решила, что это вулх — хотя никто бы не распознал свирепого хищника по этому едва слышному плачу, просьбе о помощи. Я рванулась через порог.

Земля ударила меня по ступням — так, что я едва устояла на ногах. Ветер шарахнулся за мной, и я оттолкнула его обратно, за арку.

— Туда, умница моя! Жди нас там!

У меня не было времени проверить, послушался ли жеребец приказания. Я спешила на зов.

Вулх лежал на самом краю гигантской трещины. Как видно, земля разошлась прямо под ним, так что зверь не успел отпрыгнуть. И тут же края трещины сомкнулись, поймав вулха в капкан. Следующий толчок заставил каменные челюсти раскрыться и выплюнуть жертву, возвращая моему спутнику свободу. Он еще сумел добраться до относительно ровного участка — но больше не смог сделать ни одного движения.

У него был сломан позвоночник. У него не осталось ни одного целого ребра. Обломки костей страшно светились из порыжевшей от пыли шерсти, и при каждом вздохе из раздавленной груди рвалась наружу кипящая кровавая пена.

Он умирал.

Стиснув зубы, я склонилась к нему и, преодолевая головокружение и тошноту, подняла на руки истерзанное тело. Вулх больше не стонал — наверное, потому, что весь остаток сил уходил на то, чтобы дышать. И кровь клокотала в сплюснутых, прорванных легких, которые не могли удержать воздух.

Умоляю тебя — дыши, вулх!

Еще один особенно сильный толчок чуть не сбил меня с ног. Но я устояла. И почти бегом устремилась к каменной арке, растворившейся в сумерках. К ведущей непонятно куда двери, которая еще недавно была чужой и пугающей, а теперь оказалась для нас единственным спасением.

Уже пересекая линию взгляда каменных истуканов, я задним числом глупо испугалась — а вдруг во второй раз не пустят?

Но нас пустили. Ветер коротко заржал при виде умирающего вулха. Я бережно опустила зверя на землю, сразу потемневшую от крови, сбросила магическую одежду и осторожно накрыла его.

Я больше ничем не могла ему помочь. Я могла только упрашивать его — дыши, вулх...

Синим светом Меара заклинаю тебя, оборотень: доживи до пересвета!

Четган уже ушел под землю, я приготовилась к преображению, но проклятый Меар куда-то пропал, синее зарево не рвалось из-за холмов, а вокруг становилось все темнее и темнее, как никогда еще не бывало, и я вдруг поняла: никакое солнце больше не взойдет. Никогда. Тьма окутает мир, сначала умрет вулх, а за ним и я, потому что никто не может жить без солнца.

Небо немного посветлело, но со мной все еще ничего не происходило, я не умирала и не преображалась. А вулх с каждой секундой дышал все тише и тише, все реже и реже, и стянутые судорогой смертной боли мышцы его постепенно расслаблялись, обмякали...

Я не могла смотреть на него, я повернулась лицом к востоку и смотрела на беснующиеся холмы в каменной рамке несокрушимых врат. Сквозь пыль, застилающую горизонт, синего луча будет не разглядеть. Но я могла судить о восходе синего солнца по себе — ведь время карсы наступало даже под самыми черными грозowymi облаками.

И тут совершенно неожиданно у меня привычно потемнело в глазах, и сразу нахлынула синяя тьма.

ГЛАВА 10

Меар, день пятый

Теплые капли падали мне на лицо, собирались в щекочущие струйки-ручейки и стекали по щекам, по шее. На сей раз сознание возвращалось ко мне медленно и мучительно, словно нехотя. И еще: я чувствовал себя на редкость паршиво. Что-то очень неприятное произошло со мной во время Четтана, красного солнца, которого я никогда не видел.

Впрочем, память хранила кое-что о времени зверя: узкий мост через пропасть — наверное, через вчерашний каньон. Был ли это Дремлющий мост? Не знаю. Я помнил причудливые красноватые тени на близком отвесном склоне, помнил свой прыжок с моста на гладкий камень обрыва. Помнил теплые человеческие руки, в которые я тыкался мордой, словно щенок.

Вот только спутника своего, Тури, я совсем не помнил. А жаль — хотелось узнать, какой он? Я знал лишь, что он ниже меня и поуже в плечах. И еще, что он парень не промах, если выкрутился из вчерашней переделки в каньоне... Молодец, что и говорить. Мы с ним, похоже, много наворотить способны.

Лю не врал: память действительно стала возвращаться еще на пути к У-Наринне. Это здорово. Если чародей не врет и в остальном, я скоро стану просто неуязвимым оборотнем. Я и Тури. Чистые братья могут рвать на себе хоть бороды, хоть свои лиловые балахоны — но нас им не взять. Не по зубам...

Но почему как-то уж слишком медленно и неуверенно возвращается мне память? Я словно и не помнил, а бредил

наяву. Не было у меня уверенности, что все воспоминания реальны, скорее уж они смахивали на кошмарный и даже не очень правдоподобный сон.

Но кто-то внутри нашептывал мне: все, что ты помнишь, — правда. Надо только немного подождать.

Надо мной тусклыми искрами нависали звезды. Их было больше, чем вчера. Или, может, вчера казалось, что звезд совсем немного, потому что я глядел на небо из леса. С дерева. А сейчас я был среди невысоких покатых холмов, и ничто не заслоняло звездного неба. Я лежал на мелком каменном крошечке, чувствуя спиной тепло Четтана, впитанное землей. Меару землю так ни в жизнь не нагреть...

Впрочем, что-то все-таки заслоняло звезды. Наверное, облако. Точно, облако — несколько капель снова упали с неба. Начинался дождь. На севере уже не видно ни одной звезды — облако их скрыло.

Попытавшись пошевелиться, я охнул от внезапной боли во всем теле. Тьма, что со мной произошло-то? Я вслушался в беспорядочные ощущения. Похоже, что красным днем меня отловил неведомый великан и долго-долго жевал, почему-то не проглотив. Остро чувствовалась боль в позвоночнике, болели все ребра, а легкие, казалось, были забиты пылью, ни вдохнуть, ни выдохнуть...

Морщась и шипя, я сел, опираясь на руки. Ветер понуро стоял поодаль, изредка опуская голову к земле. Дождь моросил все сильнее.

Вскоре взошел Меар. Затянутый густыми сумерками окружающий мир наконец проступил из полумрака, сделавшись видимым до самого горизонта. Точнее, до самой горной цепи на западе. Неровная гряда косо перегораживала холмистую равнину, словно завеса в хадасском доме, что отделяет женскую половину.

Карса сидела совсем рядом, беспомощно глядя на меня. Она словно чувствовала, что мне плохо и больно. Да что там «словно» — она и вправду все чувствовала. Только помочь ничем не могла. Спасибо и на том, верный спутник...

Вдруг карса стремительно и грациозно метнулась прочь, к Ветру, секунду повозилась у седла и вернулась, неся в пасти истерзанную, потерявшую половину перьев куропатку. Ту самую, которую я еще перед каньоном сшиб метательным шариком. Верно, у Тури не нашлось времени ею заняться...

Карса подошла вплотную и положила тушку куропатки рядом со мной. В тушке торчала длинная варварская стрела — то ли застряла там еще прошлым синим днем, то ли Тури вчера тоже пришлось столкнуться с варварами. Карса неуверенно лизнула меня в лицо и уселась рядом, преданно выкатив желтые глазищи с вертикальными щелочками зрачков.

Честное слово, у меня даже болеть все стало меньше. Ах ты зверюга! Сочувствуешь?

Я протянул руку и потрепал карсу по голове, морщась от каждого движения.

— Спасибо, брат Тури... И извини, что я раскис. Ты бы, наверное, мог много интересного рассказать о минувшем дне...

Дождь усиливался. Только этого не хватало — где спрятаться от дождя в россыпи невысоких пологих холмов? Превозмогая слабость и желание просто поваляться и закрыть глаза, я встал. В глазах на миг потемнело. Плохо дело, совсем я ослаб. Что же произошло? Что-то такое, с чем не смог справиться даже мой полузвериный организм, которому не страшны раны, смертельные для обычных людей или обычных зверей?

Кое-как одевшись и обувшись, я взял Ветра под уздцы, потому что на такой подвиг, как водружение моего бедного тела в седло, я не был готов. Каждый шаг отдавался в позвоночнике, ребрах, даже под черепом отдавался, рождая пестрые разводы перед глазами. Впрочем, скоро боль стала привычной и отошла куда-то на второй план. Я направлялся к горам, огибая округлые туши холмов. Я прошел совсем немного к западу, и тут мне почему-то вздумалось оглянуться. Позади, там, откуда мы с карсой пришли, высилась стран-

ная каменная арка. Будто ворота, что меняли нашу сущность, если сквозь них пройти. Ворота от зверя к человеку и от человека к зверю. Как часто нам приходится проходить сквозь них?

Всю жизнь.

Каменные столбы мокли под крупными каплями. Я пошел дальше, натянув капюшон на самые глаза, а голову свесив на грудь, и все время прислушивался к себе, к разбитому и ноющему телу. Когда-то у меня уже было так, кругов деять назад, когда я стал жертвой уличной шпаны в Лиспенсе. Тогда я тоже целый день маялся в облике человека, и только второе и третье превращения вернули ощущение здоровья и силы. А ведь тогда мне было чуть больше двенадцати кругов, и любая царапина заживала — что на подростке-человеке, что на молодом вулхе — еще до ближайшего пересвета. Похоже, те времена прошли безвозвратно.

Дождь все усиливался; на небе не осталось ни единого просвета. Земля медленно раскисала.

Вскоре я решил, что хватит месить грязь. Моя магическая одежда, как выяснилось, не промокала, сапогам влага тоже ничегошеньки не могла сделать, но идти сквозь мутную пелену дождя хотелось все меньше. То есть сквозь дождь идти совсем не хотелось. Да и не сквозь дождь тоже. Просто я знал, что идти надо. Но сперва — отдохнуть, и если повезет, переждать непогоду. И я полез в двумех, достал клетчатую попону, которой укрывал бы Ветра на стоянках, заберись я далеко на север, укрепил веревочные петли на седле, воткнул в самое на взгляд мокрое место короткий составной шест и набросил на него второй край попоны. Получилось плохонькое подобие навеса, но от дождя оно прекрасно спасало. А на большее я и не претендовал.

Ветер стоял спокойно, только изредка переступал с ноги на ногу, отчего мой импровизированный навес колыхался и с краев стекали тонкие водяные струйки.

Только бы долго дождь не продлился. Времени потеряю... Хотя отдохну да сил поднаберусь, что тоже в моем теперешнем состоянии нелишне.

Карса, тоже не пожелавшая мокнуть, забралась под навес и привалилась рыжим боком к моим сапогам, свернувшись калачиком и подобрав намокшие лапы. Я сидел на двумехе, брошенном на землю. Не в луже же сидеть? А двумех все равно непромокаемый. Я вспомнил, как переправлялся через Юбен под Лиспенсом, где он шире всего. Надул тогда такой же двумех, перевязал обе горловины шнурком и плыл, держась за двойной пузырь... Паромщики даже рты при виде меня поразевали, как выброшенные на берег окуни. Спасибо Унди Мышатнику, научил плавать меня повсякому, и без ничего, и при помощи самых неожиданных предметов.

Многим в этом мире я был обязан старине Унди, упокой Тьма его непостижимую душу. Иногда мне кажется — Унди прекрасно знал, что я оборотень. Но почему-то держал эту тайну при себе. Не знаю почему.

«А что, если он и сам был оборотнем?» — вдруг подумалось мне. Это многое бы объясняло... Но уж слишком невероятным было такое предположение. Слишком невероятным, чтобы быть правдой.

Хотя порой оказывается, что самое невероятное объяснение и бывает правдой. Сплошь и рядом. Впрочем, мне все равно не проверить свои догадки: тело Унди приняла земля пять кругов назад. И лишь Тьма знает, где бродит сейчас его полная загадок и тайн душа. Но я точно знаю, что оттуда не возвращаются.

Я развел небольшой трескучий костер, собрав охапку корявых, не слишком успевших намокнуть ветвей, и принялся ошипывать несчастную куропатку. Карса отнеслась к этому с величайшим равнодушием.

Путника я заметил совершенно случайно. Пошевелился, зашипев от боли в боку, взглянул из-под капюшона и уви-

дел. Он подходил со стороны Ветра. Наверное, хотел остаться незамеченным как можно дольше.

Я не доверяю людям, которые пытаются оставаться незамеченными. С детства не доверяю. Впрочем, я вообще не доверяю людям. Похоже, что только благодаря этому я еще и жив. Но тут я почему-то расслабился. Может быть, потому, что порядком ослаб.

Путник был одинок и худ как жердь. По одежде его я не смог определить, ни откуда он, ни кто он. К тому же одежда намочла. Что можно сказать о хозяине по мокрой одежде? Практически ничего.

— День добрый, мил-человек, — поздоровался путник, вплотную приблизившись к моему навесу. Никакой поклажи у него не было. Даже сумки. И оружия не было, только кривой хадасский кинжал в кожаном чехле на поясе.

— Добрый, — проворчал я. — Где же он добрый? Вон как льет.

Дождь и вправду усилился. Впрочем, это меня радовало: сильный дождь непременно скоро закончится. Вот если бы зарядил нудный и слабенький, «грибной», этот мог бы идти и неделю. Так что уж лучше пусть небо разверзнется и бросит на землю неистовый, но короткий ливень. А потом пусть тучи расползаются и уступают место синему, как вода в реке, Меару.

— Позволь укрыться от дождя, — попросил путник, опасливо косясь на лежащую у моих ног карсу.

— Укрывайся, — сказал я и подвинулся. Карса подняла голову на несколько секунд, внимательно оглядела путника, устрашающе зевнула и вновь замерла, прижавшись к моей лодыжке. — Сейчас еще и закусим вот этой птицей.

Ветер (я не имею в виду своего верного коня — просто ветер), заглянув под попону, разметал мокрые перья куропатки. Но даже будь они сухими, они сразу же упали бы на землю, сбитые тяжелыми каплями.

Путник, пригнувшись, спрятался от дождя и опустил на двухмх слева от меня.

— Меня зовут Гасд. Я отшельник.

— Бонам, — солгал я. — Из Гурунара.

— Из Гурунара? — удивился Гасд. — Издалека!

— Да уж, — согласился я. — Забрался чуть не на край света...

— Я бывал в Гурунаре, — сказал Гасд, ерзая на двумехе. Кажется, ему под задницу угодила шкатулка с пещерными самоцветами. Надо будет приглядывать за этим отшельником, чтоб не спер чего... Кошель с монетами, например, или самоцветы. Или пряности. Странно, кстати, что мою поклажу не успели разграбить в Запретном городе. Только плоды многодрева сожрали на месте.

— Давно бывал? — Я пытался поддержать разговор, хотя говорить мне было все еще больно. Но уже не так, как ранним утром.

— Три круга назад. Перед красным урожаем.

— Давно, — вздохнул я и поморщился. — Слушай, отшельник, у тебя сапун-травы нет? Легкие горят, прямо... И полечиться нечем.

— Нет. — Гасд развел руками. — Видишь, у меня совсем ничего нет. Я ведь отшельник.

Я снова вздохнул. Наверное, это получалось у меня очень жалобно, потому что даже карса приподняла голову и участливо лизнула мою ладонь.

— А с чего недужится? — поинтересовался Гасд.

— Сам не пойму... Упал, наверное.

— Откуда? В скалах?

— Нет, я в скалах еще не был. Только иду туда. Около каньона.

Гасд хмыкнул.

— А что ты ищешь в скалах?

Я секунду помедлил, решая — говорить или не говорить? Все же сказал.

— Вообще-то я ищу У-Наринну, Каменный лес. Ты знаешь, где это?

— Каменный лес? — удивился Гасд. — Знаю, как не знать? Я и сам туда иду.

— Вот как? — сказал я и подумал: «Уж не послал ли тебя Лю-чародей? Или не Лю, но все равно чародей?» Я в который раз задумался: что же именно привлекло Лю в У-Наринне? Что это за странное место, привлекающее чародеев?

— А как туда попасть? — спросил я, по возможности пытаюсь казаться равнодушным. Похоже, это мне удалось. Но Гасд искоса взглянул на меня, словно хотел сказать: «Идешь и не знаешь куда?» Но вслух он этого не произнес.

— Да на запад идти, не сворачивая, вот и придешь, — сказал отшельник, опустив глаза. — Я проведу тебя, если хочешь.

— Нет, не хочу, — ответил я. Понятно, перед пересветом нужно будет от попутчика любым способом избавиться. Незачем, чтоб он встречался с Тури и вулхом. Такой уж я скрытный... Даже не сказал Тури своего настоящего имени. Пока.

— Видишь ли, я всегда путешествую один. Уж извини, — объяснил я. — И лучше не спрашивай почему. Один, и все тут.

Куропатка, нанизанная на варварскую стрелу, источала весьма заманчивый запах. Даже моя рыжая спутница стала выразительно принюхиваться. Гасд вопросительно поглядел на карсу. Карса-то чем его заинтересовала? Я не понимал.

— Прекрасный зверь! — похвалил Гасд, снова ерзая. — А я думал, карсу нельзя приручить...

— Как видишь, можно. — Я пожал плечами.

— Говорят, в Айетоте ручная карса трех человек недавно сожрала.

— Значит, плохо приручили. — Я пожал плечами. Надо же, история о гибели Беша успела расползтись по свету и добраться до Диких земель.

— Надеюсь, твоя карса хорошо приручена? — на всякий случай осведомился Гасд. Смешно! Можно подумать, это спасет его, если я рассержусь. Или если рассердится Тури. Но я уверенно и солидно подтвердил:

— Эта карса никого не сожрет. По крайней мере пока я ей этого не велю.

Гасд поежился. Вероятно, перед его мысленным взором родилась картина: карса, пожирающая, кого я велю. Кисти не меньше, чем у Шата Волмиха, придворного художника хадасского правителя. За его картины богатеи отваливали столько золота, сколько большинству людей под двумя солнцами вовек не увидеть. О, как прихотливо складываются людские судьбы в этом мире! Шат был рабом. И золота за свою работу, конечно же, не получал. Получал хадасский правитель. Его хозяин.

— Лучше расскажи поподробнее о пути в У-Наринну, — попросил я. — На запад, понятно, а дальше-то куда?

— За холмами начинается огромная каменистая пустошь. Я даже не знаю, как она называется. Там почти не бывает людей — только отшельники вроде меня... и путешественники вроде тебя. У-Наринна лежит за пустошью, но обязательно нужно миновать два Знака там, за холмами. Минуешь первый, станет понятно, где искать второй. Минуешь второй, станет понятно, где искать Каменный лес. Не очень сложно, правда?

— Правда, — подтвердил я. — А как выглядят Знаки?

— Как Знаки. — Гасд в который раз пожал плечами. — Как же еще?

— Спасибо. — Я выглянул из-под навеса. Дождь, похоже, вознамерился утихнуть. Во всяком случае, небо на востоке, откуда дул не очень сильный, но постоянный ветер, посветлело. Давно пора.

Чувствовал я себя все еще неважно, но не настолько, чтобы сидеть посреди равнины до скончания кругов. Я выбрался под умирающий дождик и сделал несколько шагов, глядя в небо. Прохладная небесная вода освежала лицо.

Ветер, шевеля ушами, понуро стоял, мокрый и покорный судьбе. Да, вымок ты, приятель... Как матрос. Говорят, далеко на юге, за Латским морем лежит земля, где бегают

табуны полосатых коней. Смешно, правда? Табуны черно-белых полосатых коней. Мне почему-то всегда казалось, что таких коней очень должны ценить матросы. Впрочем, что за чушь лезет мне в голову? Зачем матросам кони? По палубе, что ли, разбегать? А если на продажу — так все равно, какой масти конь... Хоть клетчатый. Лишь бы продать.

Интересно, я головой ни о что не бился красным днем? Очень на то похоже.

Потом мы съели куропатку. Дочиста. Обглодав каждую косточку. Хорошо, что у меня была с собой соль. И жаль, что куропатки не бывают размером с телят...

Вздыхнув, я стал сворачивать попону (клетчатую, кстати...), отряхивать ее от воды. Брызги веером разлетались во все стороны; карса, брезгливо тряся лапами, отбежала в сторону и укоризненно взглянула на меня. Мол, еще и меня мокрой сделать хочешь, приятель? Странно, я помню — в самом начале нашего пути она вроде бы в озере купалась. Хотя искупаться в озере и намочнуть под дождем — это не одно и то же. Во всяком случае, будь у меня выбор, я выбрал бы первое. Карса, похоже, придерживалась того же мнения. Как все-таки мы похожи! Не зря Лю пустил нас в одной упряжке...

Когда я запихивал попону в двухмех, Гасд косо взглянул на меня. Точнее, даже не на меня, а на содержимое двухмеха. Но я тогда не обратил на это внимания.

— Сейчас я поеду к горам, — объявил я. — Можешь держаться за стремя, если хочешь. Но там, за перевалом, мы расстанемся. Не знаю, понравится тебе это или нет, но произойдет именно так. Моя вера запрещает мне находиться в компании людей на пересвете.

— Это какая такая вера? — недоверчиво спросил Гасд. Впрочем, это мне скорее всего показалось, что недоверчиво. Тьма, неужели в конце концов придется убить и этого странного отшельника? Будь проклята моя нечистая кровь, вынуждающая убивать людей ради того, чтобы сохранить жизнь зверю...

— Добрейший, — сказал я негромко. — Я ведь не спрашиваю, зачем ты оказался в здешних местах и отшельничаешь? Оставь людям их маленькие тайны, и они будут лучше к тебе относиться. Не находишь?

Гасд, казалось, смутился:

— О, прости. Я вовсе не хотел влезать в твои дела и, уж конечно, не хотел влезать в твои тайные дела. Прости, пожалуйста...

Навьючив двух на Ветра, я кое-как взобрался в седло, чуть не потеряв при этом сознания. Джерх забира, что, теперь я так и буду, как дитя малое да слабое? Легче сразу лечь и помереть, без мучений и тревожных мыслей.

И мы двинулись к перегородившей горбатую равнину гряде. Шагом. Ветер словно чувствовал, что каждый его шаг тупой болью отдается у меня в каждой косточке и выкручивает позвоночник. Состояние было хуже некуда, и самое прискорбное, что никак это не исправить. Нужно просто ждать пересвета, когда очередное превращение вылечит все, что не успел вылечить минувший пересвет. Но прежде дойти до гряды и там любой ценой избавиться от Гасда.

И я погрузился в себя, перебирая мысли, как меняла монеты. Одну за другой. Мысли были очень разные. И все какие-то никчемные... Потом одна, показавшаяся важной, мелькнула где-то на самом краю сознания; мелькнула на короткий миг — и пропала, уронив мне в душу легкую досаду.

Я долго ловил назойливую, но все ускользающую мысль, погружаясь все глубже в себя. Долго ловил, но в конце концов ухватил ее, вредную, за скользкий извивающийся хвост.

Для этого стоило вспомнить, что говорил мне раб в Запретном городе. «Дойдешь до каньона, ищи Дремлющий мост. За мостом — поворачивай на юг».

Мы продолжали двигаться на запад. И что-то подсказывало мне, что после каньона мы тоже шли на запад, а вовсе не на юг. Почему, хотел бы я знать? Кто мне соврал, изможденный раб или отшельник Гасд? Они указали в разные сто-

роны, и оба уверяли, что У-Наринна именно там. Впрочем, может оказаться так, что загадочные Знаки по ту сторону гряды укажут именно на юг. И тогда все встанет на свои места. Ладно, пока подождем... Но не будем ни о чем забывать. Что-то не нравишься ты мне, Гасд-отшельник. Чем ближе вечер, тем меньше нравишься. Ага.

— Эй, Гасд, — окликнул я хриплым голосом. — Ты бывал в Запретном городе?

Спутник подозрительно взглянул на меня снизу вверх.

— Уважаемый! У тех, кто побывал в Запретном городе, никогда не случается возможности рассказать об этом кому-нибудь, кроме обитателей Запретного города. Разве не так?

Хм. Что-то в этих словах есть. Но как быть, например, со мной? Я, например, мог рассказать.

«А вдруг он из Запретного города?» — ужалила стремительная, как змея-стрелка, мысль.

Я секунду поразмыслил. «Ну и что, если он оттуда? — подумал я чуть позже. — Что это меняет? Ровным счетом ничего».

— Говорят, — начал рассказывать Гасд, — что Запретный город заложили еще хоринги. В роще черных тисов. Это был их последний оплот и бастион в войне против людей.

— А что, была такая война? — спросил я зачем-то. Я прекрасно знал, что была, спасибо Унди-Всезнайке... Но все равно спросил.

— Была. Хоринги никого не пускали в леса за рекой, которую тогда и нарекли Запретной. Они применили какую-то древнюю магию, и вот, пожалуйста: хорингов давным-давно нет, а город их и магия их по-прежнему действуют. Они проиграли войну с людьми, причем проиграли не потому, что люди искуснее владели оружием или пошли на приступ Запретного города и одолели. Вовсе нет. Люди просто растворили в себе хорингов — разбавили кровь... И все. Нет больше Старшей Расы. Хотя все, кто населяет Запретный город, все еще ведут войну против всего света, верные магии

хорингов. Поверь, Бонам, сгинет и человеческая раса, а те, кто придет нам на смену, будут так же шептаться по вечерам, рассказывая о Запретном городе и его обитателях. Так же, как мы сейчас.

— Сейчас не вечер, — проворчал я.

Интересный взгляд на вещи, джерх забирай! Унди излагал эту историю несколько иначе. По его словам выходило, что хоринги просто покинули однажды наш мир и оставили город пленным и рабам, предварительно наложив на всех сильнейшие чары. Гасд утверждает, что Старшая Раса просто выродилась, не выдержав испытания человеческой кровью. Что ж, это очень похоже на правду.

Жаль, что я никогда не встречался с хорингами. Унди говорил, что их магия настолько могучая штука, что они могли менять мир в соответствии со своими желаниями и прихотями. Наверное, они смогли бы освободить меня от влияния красного Четтана. Навсегда.

Как бы это было здорово...

Незаметно мы вплотную приблизились к гряде. Равнина стала потихоньку повышаться, отчего мне пришлось наклониться вперед в седле. Карса шныряла где-то впереди, у самых каменистых осыпей, знаменующих начало гор. Я уже различал слоистые выщербленные разломы, по которым легко взбираться на почти отвесные стены... Но Ветер-то по ним не взберется.

— Вон туда, — сказал, вытянув свободную левую руку, Гасд. — Поезжай в то ущелье, там начинается тропа ко вполне проходимому перевалу.

Я так и сделал. Сначала каменные стены по бокам были далеко, потом стали сближаться, сдавливать нас; поворот следовал за поворотом. Ущелье было извилистое, как след гадюки в грязи. В каменных углублениях синела дождевая вода, образуя маленькие озерца. Небо с трудом прорывалось в неровную щель где-то сверху.

Потом я увидел тропу, уводящую на правый склон, и дальше, на гребень. Тропа вполне походила на все горные

тропы, сколько их есть на этом свете. Я спешился и взял Ветра под уздцы.

— Иди вперед, Гасд. Показывай дорогу.

Зря я это сделал. Потому что Гасд привел меня в засаду.

Впрочем, это и засадой-то назвать трудно. Трое людей совершенно открыто, даже не пытаясь спрятаться, сидели вокруг костра в узкой седловине между макушками двух соседних холмов. Костер горел без всякого намека на дым, иначе я бы его издалека заметил. А так — увидел только приблизившись вплотную. Густо-синий Меар клонился к горизонту, перечеркнутому линиями близких зубчатых вершин. Вторая гряда, тянущаяся сразу за первой, была немного выше и казалась неприступнее. Во всяком случае, скалы там высились попричудливее и поотвеснее.

Гасд вдруг оказался позади меня, отрезая дорогу к отступлению. Хадасский кинжал отблескивал у него в руке.

— Вот он, — сказал отшельник троице у костра. — У него даже нет меча. Только ножны.

— Ножны? — с интересом спросил один из троих. Я встретился с ним взглядом и почувствовал, что в груди у меня холодеет.

Все трое у костра не были людьми. Ни с чем невозможно спутать этот разрез оливковых глаз, иссиня-черные волосы, тонкие губы...

Меня поджидали хоринги. Настоящие хоринги, Тьма, Тьма и Тьма! Откуда, из каких пучин времени, из каких немыслимых тайников они снова проникли в наш мир?

Я не знал.

Короткий удар в спину швырнул меня на колени, и я захлебнулся вспыхнувшей внутри немилосердной болью. Выронив повод, я попытался справиться с неистовым бунтом израненного тела.

Когда я снова открыл глаза, руки у меня были связаны. Странно, я чувствовал, что наручи с меня не сняли, и метательные ножи тоже оставили на привычном месте. Почему,

джерх на динне? Неужели хоринги настолько беспечны? Впрочем, пока я не придумаю, как освободить руки, от ножей никакого проку все равно нет. Ни от метательных, ни от кинжала на поясе.

Гасд копался в ворохе вещей, вытрясенных из двуमेха и оружейной сумки.

— Пряности! — хмыкнул помогавший ему хоринг, поднеся к носу остро пахнувший пакетик. Ноздри его затрепетали, словно крылья мотылька. Хоринг был красив, убийственно красив, я теперь понял, почему женщины моей расы не могли устоять против искушения побыть с хорингом. Хотя в конечном итоге это убило не мою расу...

— Пряности, — подтвердил Гасд и взялся за шкатулку с самоцветами. — Ого! Гляди, какие огромные!

Хоринг взял шкатулку.

— Эй, Иланд, погляди! Здесь есть камни с короны Трех Царей! Правда, не все.

Тот, кого называли Иландом, протянул руку. Потом долго молча перекачивал поблескивающие и переливающиеся камни на ладони, словно любуясь игрой предзакатного синего света.

— Я не стану удивляться, Винор, — сказал хоринг печально. — Люди всегда гораздо успешнее разрушали и ломали, чем строили и создавали. Ищите то, что нам нужно. И будем кончать с ним.

Здорово. Я невольно поежился. Однако где моя верная карса? Где спутник Тури? Дотянуть бы до пересвета... Недолго уже осталось — над горами висел тихий последождевой вечер.

Словно прочитав мои мысли — Впрочем, я бы не очень удивился, если бы так и случилось, — Иланд огляделся и негромко спросил у Гасда:

— А где кошка? Ее тоже нужно убить.

Отшельник равнодушно пожал плечами:

— Зачем? Убежала, и Тьма с ней...

— Глупец, — прервал его Иланд. — Это не просто кошка. Как Моран не просто человек.

Он знал мое имя! И — я готов был поклясться — знал, кто я на самом деле. Никогда я еще не приближался к смерти так близко.

— Что ты хочешь сказать? — насторожился Гасд.

— Они оборотни.

Отшельник сделал круглые глаза:

— Как... оборотни?

— Так, — равнодушно ответил Иланд и взялся за чудоножны, бережно завернутые в лоскут кожи. — Небо! Это же Опережающий!

Он с изумлением воззрился на меня. Я даже перестал пододвигаться поближе к костру.

— Иланд, — внезапно дрогнувшим голосом сказал третий хоринг, у которого длинные волосы были заплетены в косичку, — взгляни на его одежду. И на его сапоги.

Иланд взглянул. Но что при этом подумал — осталось тайной.

— Я всегда знал, что Седракс хитер и изобретателен, — сказал Винор. — Но сейчас я теряюсь.

— В чем дело? — вопросительно протянул Гасд, сбитый с толку недомолвками хорингов.

— У него вещи работы хорингов. Чародею-человеку никогда не добыть такие самостоятельно.

— И что?

— Что-что, — передразнил хоринг. — В Каменный лес нацелился еще кто-то из наших магов. Но кто? И почему отдельно от нас?

— Вас это сильно волнует? — Гасд даже выпрямился, держа в опущенной руке кошель с монетами. Мой кошель.

Винор медленно-медленно подошел вплотную к Гасду.

— Мы не удержали трон в прошлый раз. Даже не приблизились к нему. И в позапрошлый. Где теперь народ хорингов? А, смертный?

Гасд зябко пожал плечами. В голосе хоринга звенел закаленный металл.

— Мы вернемся в этот мир. Но для этого нужно объединять силы, а не дробить. Понятно?

— Может, это все-таки Седракс? — задумчиво сказал хоринг с косичкой. — Додумался же он до двух оборотней...

— Нет. Это невозможно. Седракс — человек. Точнее, Седракс — не хоринг. Потому что человеком его тоже не назовешь...

Третий хоринг пожал плечами и некоторое время молчал.

— А с чьей помощью оборотни так легко разделились с засадой у Слезы Великана, куда привела их безмозглая деревяшка?

Иланд не ответил, уставившись в небо. Не похоже было, чтоб он о чем-то напряженно думал.

Отшельник снова склонился над содержимым двухмеха.

— Это еще что?

Он с удивлением вертел перед глазами медальон, снятый с мертвого кочевника перед самым каньоном.

— Поглядите только!

Иланд некоторое время разглядывал изображение на металлической пластинке.

— Грубо. И холодно. Это нам неинтересно, — заключил он и швырнул медальон на землю. — Ищи дальше.

Некоторое время Винор и Гасд сосредоточенно копались в моих вещах. Найдя письменные принадлежности, хоринг оглянулся на меня.

— Ты что, грамотный?

Я не ответил, и он снова углубился в поиски. Что они ищут, Смутные дни? Кажется, все мало-мальски ценное хоринги или отшельник уже пощупали.

Меар спрятался за отрогами соседней гряды. Еще немного и...

Я придвинулся вплотную к костру и, постаравшись забыть о боли, сунул связанные за спиной руки в костер. Ожо-

ги будут страшные... Надежда только на превращение, на то, что оно исцелит раны. Эх-ма, я и так едва жив, а тут еще руки...

— Здесь нет больше ничего интересного, — сказал Винор, пиная ногой наши с карсой пожитки. — И Ведущего нет.

Иланд задумался, присев рядом с пустым двумехом. С точки зрения человека так сидеть было просто невозможно.

— Где же он может быть? — протянул он отсутствующе. Оливковые глаза ненадолго закрылись, словно хоринг пытался заглянуть внутрь себя.

Он думал довольно долго.

— Стоп! — сказал он, внезапно поднимаясь с корточек. — Ошейник!

Пот выступил у меня на лбу, но я уже чувствовал еле-еле уловимый запах тлеющей веревки. К сожалению, его почувствовал не только я.

Иланд, раздувая ноздри, рывком повернулся ко мне. И в тот же миг рыжая молния мелькнула среди камней. Иланд, не устояв, покатился по склону, и на камнях оставался кровавый след.

Кровь у хоринга была такая же красная, как и у людей. Кто там мне свистел, что она голубая? Прав был все-таки старина Унди. Как всегда...

Напрягая запястья, я разодрал полусгоревшую веревку. На кисти лучше было не смотреть. Я и не смотрел. Я пересек невидимый порог, за которым уже не существует боли. Конечно, за это меня будет ждать жестокая расплата в недалеком будущем. Кое-как вытащив верный гурунарский нож обожженными пальцами, я метнул его в Гасда. Точно в горло. Второй достался хорингу с косичкой, чьего имени я так и не узнал. А Винор, молниеносно подобрав с земли лук, выпустил в меня стрелу. Она попала мне прямо в грудь. Странно, Винор забыл, что одежду хорингов стрелой не пробить. Это стоило ему жизни, потому что выстрелить в карсу он уже не успел.

Впервые на моей памяти я потерял сознание еще до захода Меара. Но мне, честно говоря, до сих пор никто и не попадал в грудь из лука. В груди заныло, из руки выпал хадасский кинжал и скользнул в узкую щель меж камней, позвончик словно распался на тысячи осколков, и небо медленно померкло у меня в глазах.

Тури. Выручай. На тебя вся надежда.

Тьма.

ГЛАВА 11

Четтан, день шестой

Мое сознание мучительно всплывало из душных глубин, с трудом пробивая себе дорогу — так пробивается слабый свет свечи сквозь толщу мутного стекла. Лиловая пелена тошнотно колыхалась у меня перед глазами, а тело было чужим и непослушным. Я не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой... да что там, я даже взгляд перевести не могла.

Тьма! Что со мной?!

И видела я все как-то странно. То ли цвета были неправильны, то ли пропорции искажены... А еще мир был полон ошеломляюще сильных и сложных запахов.

Пахло неживым — мокрой землей, железом, едкой гарью от потухшего костра. Пахло живым, причем я точно знала, что живых существ рядом трое. Сладкий запах травоядного животного — это, должно быть, Ветер. Горький запах хищника, запах зверя-соперника — наверное, вулх. Третий пах незнакомо. Не травоядный, не хищник, не человек... Кто же он?..

Но сильнее всего в смешении окружающих меня запахов был яростный, обжигающий ноздри запах свежепролитой крови. Крови врагов. И часть ее пролилась под моими когтями! Я грозно заурчала...

Вернее сказать, низкий вибрирующий звук родился у меня в груди помимо моей воли. Тело по-прежнему не подчиня-

лось мне, и лиловая пелена занавешивала мир. Сквозь колыхание тумана я с трудом различала неподвижное тело вулха.

...Доживи до пересвета, оборотень! Уже недолго осталось. Вот он, синий свет твоего Меара, чувствуешь? Это он смешивается со светом Четтана и порождает лиловую пелену, туманящую мой взгляд и мои мысли...

Вулх трудно закопошился под наброшенной на него одеждой, пытаюсь встать. А меня вдруг захлестнуло тьмой и повлекло назад, в глубину. Я сопротивлялась, но безуспешно. Огонек моего сознания мигнул в последний раз и погас.

Я застонала. Что-то теплое и влажное произошло по моей щеке, и я открыла глаза. Я лежала на холодной земле лицом кверху, а вулх стоял надо мной и обнюхивал мою шею. Я снова закрыла глаза, потому что чистый бледно-красный свет четтанского утра показался мне ослепительно ярким.

Смутные дни, что со мной было? Очередной сон? При чем на этот раз явно кошмарный. Людям ведь снятся и такие — значит, раз уж мне начали сниться сны, то среди них вполне может затесаться кошмар.

Или не сон? Странности зрения и обоняния, непослушное тело... Неужели я попыталась очнуться еще в теле Карсы? Раньше, чем свершилось превращение?

Ну, если так, то мне эта попытка не понравилась.

Я оттолкнулась локтями и одним быстрым движением вскочила на ноги. Наша с Одинцом магическая одежда валялась в двух шагах от меня, смятая и перекрученная, вроде по ней джерхи топтались. Та-ак... Прошли, видать, те времена, когда мы успевали на закате родного солнца аккуратно сложить одежду. Я огляделась.

Спасибо динне, прямо сейчас мне ничего не угрожало. Учитывая опыт предыдущих пересветов, я была готова прийти в себя посреди лесного пожара, в кольце вооруженных врагов, под водой или в воздухе... Но под ногами у меня была твердая земля, а находились мы в седловине меж двух холмов. И бурные события этого пересвета уже закончились.

Один труп лежал у погасшего костра. Рядом с ним валялся пустой двумех, а вокруг были разбросаны все наши вещи. Все, кроме гурунарского ножичка, рукоять которого выглядывала у покойника из-под подбородка. И кроме второго, парного к нему ножа, который торчал из горла второго трупа... тоже, видать, парного к первому. Ух ты, а мой попутчик тоже мастер ножи метать! Не хуже меня.

Кровавый след на камнях склона уводил вниз. Я глянула туда. Этот труп, судя по рваным ранам, был заслугой Карсы. Интересно, а к нему парный покойник имеется?

Слабый шорох заставил меня обернуться. Да, Карсе тоже досталось двое противников. Но второй из них пока не был трупом... хотя лужа крови рядом с ним наводила на мысль, что жить ему осталось недолго.

Я нагнулась за одеждой, бегло осмотрела ее — сильно ли перепачкана кровью? Но ни кровь, ни грязь к магической шкуре, как видно, не приставали. Удобное свойство — особенно в таком путешествии, как наше. На ходу привычно подтягивая ремни и застёжки, я шагнула к умирающему врагу. Посмотрим, что с ним делать: добить или допросить. Или сначала допросить, а потом добить.

Вулх оказался у распростертого тела раньше меня. С грозным ворчанием он наклонил к врагу тяжелую голову, втягивая трепещущими ноздрями чужой запах. Верхняя губа вулха приподнялась, обнажая громадные клыки. Чем-то ему очень не нравился этот почти покойник. Вероятно, он успел изрядно досадить Одицу во время Меара.

Лежащий пошевелился.

— Динна Тури, — сказал он неожиданно ясным голосом, — вели анхайру уйти.

От неожиданности я поперхнулась на вдохе. «Динна»? Он сказал «динна»?

— К-как ты меня назвал?! — хрипло переспросила я.

Мой враг негромко хмыкнул.

— Ты лучше поверь мне сразу, динна, — с легкой усмешкой сказал он. — Я знаю: чтобы человек понял и поверил, ему нужно повторить много раз. Но времени повторять у меня не будет. Так что поверь сразу: я знаю не только твое имя, я знаю о тебе очень многое. И убери анхайра, он... он заслоняет мне небо.

— Отойди, Одинец, — напряженным голосом сказала я. — Но будь рядом.

На какой-то миг мне показалось, что вулх ослушается. И почему, собственно, он должен подчиняться моим приказам? Пока я считала вулха ручным зверем, его послушание казалось естественным. Но с оборотнем дело обстоит куда сложнее. Если бы я с самого начала знала, что мой спутник — оборотень, я бы вела себя с ним совершенно иначе... Может, поэтому чародей и не сказал мне всей правды?

Вулх недовольно качнул головой и отошел в сторонку, продолжая глухо ворчать. А я наконец-то разглядела лицо лежащего человека и снова тихо ахнула.

Потому что он не был человеком. Непривычной формы оливковые глаза, странно посаженные на узком лице. Изящно очерченные губы, правильный тонкий нос, продолговатые уши, иссиня-черные волосы... Удивительное сочетание утонченной хрупкости и властной силы сквозило в каждой его черточке. Он был непостижимо, нечеловечески красив.

Если бы он не был врагом, умирающим от когтей Карсы, я бы поцеловала его.

Хоринг с трудом пошевелился в луже крови. Такой же красной, как человеческая. Зря, выходит, люди болтают, что у хорингов кровь черная. Была. Когда в мире еще были хоринги.

— Разве Старшая Раса не ушла из мира? — холодно спросила я.

— Вот что, динна, — твердо сказал хоринг и посмотрел мне в глаза. Взгляд был недобрым. — Я отвечу на твои вопросы о нашей расе. Но только не даром. Мне нужно кое-что взамен — иначе я бы просто не стал с тобой разговаривать.

— Почему ты называешь меня динной? — не выдержала я.

Хоринг устало закрыл глаза.

— Они и впрямь как дети, — негромко пожаловался он самому себе. — Жестокие, неразумные, любопытные. И совершенно невоспитанные.

— Что тебе от меня надо? — сердито спросила я.

— Сначала дай мне воды, — не открывая глаз, отозвался хоринг. — А потом... потом стань моим другом.

Под Солнечными Близнецами — красным Четтаном и синим Меаром — от начала времен жилось хорингам спокойно, богато, неторопливо. Старшие дети мира, потомки светозарного Неба, хоринги никуда не спешили. Они постепенно набирались мудрости, полагая непоследовательность ума чем-то вроде увечья, а стремление переделывать мир, не успев его познать, — и вовсе безумием.

Когда в мире появились люди, хоринги так и восприняли их — как увечных безумцев. И...

И пожалели.

Старшая Раса взяла опеку над младшей. Хоринги дарили людям города, драгоценности и мысли, из которых они сами уже выросли.

Люди называли их шерхами и считали высшими существами — вполне обоснованно. Еще люди полагали шерхов невероятно добрыми и великодушными — и тоже в общем-то резонно. Правда, на самом деле доброта шерхов заключалась не в том, что они приходили в нищие человеческие поселки и под благодарственные причитания «спасибо тебе, добрая динна!» или «хвала тебе, добрый дин!» наделяли едой голодных и прикосновением рук лечили больных. И не в том, что они бесплатно делились знаниями и умениями — любыми, кроме магических.

Доброта шерхов заключалась в том, что они решили не истреблять людскую расу немедленно. Подождать тысячудругую кругов, посмотреть, не удастся ли воспитать у млад-

ших правильное восприятие себя и мира... Ну и, как это водится среди людей, шерхи заплатились за доброту.

Люди хотели жить хорошо, не прилагая к этому усилий. А жили грязно, бестолково и коротко — зато размножались обильно. Их ущербный ум, не способный к осознанию великих истин, был приспособлен к решению практических задач. И задача у них была простая и насущная. Люди торопились захватывать мир.

После первой же из великих войн между людьми и хорингами слово «шерх» стало обозначением врага — злобно-го, сильного, отвратительного...

Винор закашлялся, умолк и сделал мне знак — мол, ещё воды. Я послушно поднесла к его губам флягу.

...Значит, вот как оно было на самом деле. С точки зрения хорингов, конечно, потому что люди о столь давних временах вообще не помнят.

Я попыталась представить себе бездну времени, отделяющую нас сегодняшних от наших предков, которые жили ещё до великих войн, — но, кроме пугающего холода в мыслях, ничего не почувствовала. А хоринг говорил о событиях начала времен так, словно они происходили вчера. И от этого мне особенно ясно представилась пропасть между нами: между ним и мной, между представителем Старшей Расы и...

Но я ведь не человек! И, строго говоря, войны людей и шерхов — или джерхов, как стали произносить позднее, — меня вообще не касаются.

— Господин... — начала было я, но тут же поправилась на хорингский лад: — Дин Винор, расскажи мне лучше об оборотнях.

Четтан поднялся уже достаточно высоко и основательно припекал мою спину. Я хотела было устроить над хорингом навес, чтобы солнце не досаждало ему, но Винор не позволил. Его религия — или убеждения, я толком не поняла, — в общем, какие-то принципы не позволяли ему перед смертью избегать взора Четтана, одного из Близнецов. Те же са-

мые принципы требовали, чтобы в вечную Тьму его провожал хотя бы один друг.

Винор посмотрел на меня с легкой укоризной. Он заметно устал, рассказывая. На висках у него выступили бисеринки пота, а бледная кожа стала совсем прозрачной. И не удивительно, ведь он потерял слишком много крови. Человек с такими ранами давно бы уже умер — но хоринги, как видно, живучее людей. Интересно, насколько живучее? Теперь я знала о хорингах много — вероятно, больше, чем кто бы то ни было в этом мире, — но этой такой простой и важной вещи я не знала. Быть может, Винор еще оправится и будет жить?

— Если тебе важнее было узнать про оборотней, динна Тури, — укоризненно прошептал он, — то надо было с этого и начинать. И про кого тебе рассказать — только про мадхетов, людей-карс, или про анхайров тоже? Всегда надо спрашивать о самом важном и формулировать вопрос четко. Потому что в моем теле сил не осталось уже давно, а сил духа хватит еще на один ответ, не больше. Подумай хорошенько, какой вопрос для тебя важнее всего.

— Но как же?.. — Я растерялась. — Ты не предупредил! То есть...

И наконец у меня получилось сказать то, что удивило меня больше всего:

— Дин Винор! Ты же сказал, что с тобой должен быть друг, а я — извини, конечно — я благодарна тебе за рассказ, но не могу назвать...

Хоринг улыбнулся. Я впервые видела его улыбку. И впервые в жизни поняла, почему говорят «улыбка озарила лицо». Надменные губы Винора дрогнули, а из его нездешних оливковых глаз словно брызнули лучики света. Лицо хоринга осветилось внутренним сиянием, и я поймала себя на том, что неудержимо улыбаюсь в ответ.

— Я солгал тебе, милая динна, — прошептал он, — но теперь ты лучше знаешь хорингов, и ты поймешь меня. У

вас ведь еще в ходу присловье «лукавый, как джерх»? Я слукавил, Тури. Чтобы просто уйти во Тьму, мне не нужен ни друг, ни враг. Любопытство заставило тебя остаться со мной... тебя, мадхета, от чьих когтей я принимаю смерть. Мы связаны кровью, моей и твоей — ведь я тоже успел вчера ранить тебя. И теперь я не кану во Тьму бесследно. Я уйду в мир, лежащий за Тьмой, и в том мире ты — связанная со мной узами крови, провожающая меня до порога Тьмы — ты, динна Тури, будешь моей хранильницей на трудном пути.

Смутные дни! А я-то думала, что меня уже ничто не может удивить. Я — динна-хранильница?! Добрая динна, хранящая в непонятном мире позади Тьмы — и что это за мир? — мною же убитого джерха... Ну и дела, джерх на... Тьфу! И ругательства теперь обрели какой-то новый и странный смысл... или, наоборот, к ним вернулся старый, первоначальный...

Я окончательно запуталась. Получается, динны-хранильницы все-таки существуют. Только у меня ее никогда не было... наверное. Не знаю! Ничего теперь не знаю. И все это потому, что хоринг добавил мне знаний. Д-джерх лукавый! И что мне придется делать в качестве хранильницы? Надо спросить...

Нет, нельзя спрашивать не подумав. Что для меня самое важное? Узнать как можно больше про оборотней? То есть про мадхетов и анхайров? Про странные магические ножны с надписью на хорингском языке? Или про магию вообще? Спросить про этот мир за Тьмой? Нет, надо выяснить, что такое сама Тьма! А что, если...

— Скажи, дин Винор, — я с надеждой заглянула в глаза хорингу, — а если ты не станешь тратить силы на рассказ — может, ты не умрешь?

Хоринг едва заметно покачал головой. Под его раскосыми глазами залегли глубокие тени.

— Так или иначе сегодня мой последний день под небом Близнецов, — прошептал он. — Спрашивай, динна Тури.

Я склонила голову в знак уважения к хорингу. Джерх. Дин. Враг. Друг. Он действительно был для меня одновременно и тем, и другим. Я бы не сумела ответить, какая из противостоящих частей перевешивает. И еще мне по-прежнему мучительно хотелось прильнуть губами к его запекшимся от предсмертной жажды губам.

— Расскажи мне, дин Винор, — попросила я, — как добраться до У-Наринны.

...Переход через горы оказался неожиданно легким. Впрочем, одно испытание меня все-таки ожидало. Но совсем не такое, как я предполагала.

Я вообще мало чего боюсь, но горы поначалу нагнали на меня страху. Наверное, с непривычки. Никогда прежде я не бывала в горах. Да и память о вчерашнем землетрясении была еще неприятно свежей. Мне все время казалось, что скалы начнут рушиться, рассыпаться каменным крошечком под копытами коня. И приходилось поминутно убеждать себя, что я опасуюсь напрасно.

Когда я осмотрелась после... ну, в общем, когда над могилой хоринга был сложен маленький курган из камней, и у меня больше не осталось дел на стоянке, я осмотрелась и увидела, что нас окружают скалы, что дальше тропа идет по гребням холмов, а еще дальше путь преграждает вторая скальная гряда, выше и опаснее первой. И мне стало не по себе.

Но Ветер, на которого я погрузила наши заново сложенные пожитки, ступал по каменной тропке над пустотой уверенно и невозмутимо. И вулх как ни в чем не бывало трусил впереди, опустив голову — надо полагать, он и среди скал вынюхивал какую-то живность по своей звериной привычке. Спокойствие спутников меня приободрило. Хотя по сторонам я все равно смотрела с одной-единственной целью: заметить любую возможную неприятность прежде, чем она свалится нам на головы.

Вскоре после полудня мы уже перевалили через первую гряду. Ветер стал взбираться по тропинке, выюшейся среди осыпей и обнажений, начиная восхождение ко второму перевалу. И тут меня неожиданно проняло. Все это время я исподволь проникалась красотой окружающих нас гор, и вдруг эта красота обрушилась на меня, потрясла меня до основания и погребла мой страх под лавиной новых впечатлений.

Я захлебнулась простором.

Мы словно повисли в невесомой пустоте, насквозь пропитанной горячим светом Четтана. Как будто земля перестала тянуть нас к себе и легонько подтолкнула в небо.

Верх и низ поменялись местами. Я легко и ликующе падала навстречу красному солнцу.

Здравствуй, бог!

Я, женщина-карса, — дитя твое.

Я родилась под твоими лучами. Ты сделал меня такой, какая я есть. Я всегда была подвластна тебе.

Почему же я только сейчас увидела подлинную красоту мира? Почему, только поднявшись к тебе ближе, о Священный Блинец, я поняла, что ты воистину бог?

Что-то сдвинулось в моей скомканной душе оборотня и наконец-то заняло правильное место. Больше никогда не назову я свою кровь нечистой. Горячим пламенем Четтана пылает она у меня в жилах... Слышите, Чистые братья? Слышите, лиловые убийцы?! Это мое солнце!.. Это мой мир!

Благодарю тебя, житнетворное светило.

Ветер деликатно переступил с ноги на ногу, возвращая меня с небес к насущным проблемам.

— Ох, — почему-то шепотом сказала я, ощупывая свою голову. — Скажи, Ветер, не много ли мне выпало сегодня откровений? Голова выдержит?

Вороной звонко и весело заржал. Кажется, он был уверен во мне больше, чем я сама.

Красный как кровь Четтан клонился к закату. Я ехала по извилистому ущелью, отпустив поводья и погрузившись в размышления.

Но думала я не о том, что рассказал мне хоринг сегодня утром, и не о том, что открылось мне над пропастью в жаркий послеполуденный час. Причем я странным образом была уверена, что второе откровение было бы невозможным без первого — как будто речи Винора расшевелили во мне нечто, до сих пор лениво дремавшее в глубине души. Нет, все связанные с хорингом воспоминания были упрятаны в отдельный ларец моей памяти, а ларец закрыт и запечатан. Когда-нибудь я разберусь с ним — но не сейчас. Я почувствую, когда настанет время думать об этом.

До сих пор в моей памяти был только один такой запечатанный ларец. Я задумчиво провела пальцем над правой бровью и дальше по виску. В первом ларце лежала боль, которую я до сих пор — вот уже девять кругов — не могу растворить в себе. Потому что не знаю всей правды о том, что случилось со мной во время зверя. Знаю только отголоски, рожденные теми давними событиями в человеческой половине моей души.

Во втором ларце боли тоже оказалось предостаточно. Но ключом к нему была улыбка. Ослепительная и неотразимая улыбка умирающего хоринга.

Отложив на «когда-нибудь потом» воспоминания утра и дня, я обратилась мыслями к тому, что произошло со мной сегодня на пересвете. Даже точнее будет сказать — до пересвета.

Мое человеческое сознание попыталось проснуться до захода Меара, когда мое тело еще оставалось телом зверя. И попытка эта мне изрядно не понравилась.

А не понравилась она мне потому, что мое человеческое «я» было совершенно беспомощным. Я не могла управлять телом Карсы, я только видела, слышала и обоняла то, что воспринимали звериные органы чувств. Но ведь пробужде-

ние в теле зверя случилось со мной впервые. Что, если в следующий раз я сумею им управлять?

Карса, судя по всему, видит и ощущает мир не так, как я. И краски, и запахи — все для нее иное. А то, что я потрогала бы пальцами, Карса ощупает своими длинными кошачьими усами.

Интересно, как видит мир настоящий зверь, не оборотень? А как — если уж на то пошло — настоящий человек? Я вдруг поняла, что невозможно определить, видит ли кто-то точно так же, как ты, или по-другому. Вот, например, все знают, что Четтан красный, а Меар синий. И когда я три дня назад впервые увидела Меар во сне, у меня не было сомнений, как назвать непривычно яркий — ярче четтанского — свет его лучей. Синий и синий.

А что это на самом деле такое — «синий»? Что, если кто-то видит наоборот: Четтан синим, а Меар красным? А называет цвета правильно... ну, то есть так, как все говорят. И никак не установить, что для него мир окрашен иначе. Единственный способ — влезть в чужую шкуру и посмотреть чужими глазами, но для человека это невозможно.

Зато возможно для оборотня. Для такого оборотня, который способен управлять своим телом во время зверя. Ух, Тьма! Скорее бы обрести власть над своей звериной половиной! Хочу как следует разглядеть мир глазами карсы. И ощутить его, и обнюхать. И попробовать на вкус.

Стены ущелья постепенно понижались и расходились в стороны. По моим расчетам, скоро мы должны были выйти на равнину.

Ветер шел вперед ровным и уверенным галопом, не выдавая признаков усталости. Я в который раз подивилась необыкновенной выносливости вороного жеребца.

А как себя чувствует мой спутник вулх? Сегодня мне как-то все время было не до него. Мы за весь день только пару раз обменялись взглядами, и вид у Одица был невеселый. На обеденном привале, когда я предложила вулху полоску

вяленного мяса из айетотских запасов, он отказался. Но тогда я не придавала этому значения, а сейчас мне вдруг стало тревожно. Все-таки вчера он был чересчур тяжело ранен. Дожить-то он до пересвета дожил, и правило исцеления оборотня вроде бы сработало, но...

Да где же он?

Я придержала Ветра и огляделась.

— Хэй, ву-улх!

Эхо исказило мой голос, и по ущелью заметались невнятные отголоски.

Оказалось, что Одинец отстал. Он появился из-за уже пройденного Ветром поворота с небрежно-ленивым видом, и на морде у него было написано своеобычное: «Ладно, не ори». Я чуть было не поверила, что он снова гонялся за какой-нибудь местной мышкой. Вот только до сих пор это не мешало вулху рваться вперед Ветра.

Я ненадолго задумалась, а потом решительно прыгнула с коня. Будем равняться по моему шагу, человек в нашей компании — самый медленный из ходоков. Заодно и Ветер отдохнет. Вчера в каньоне я убедилась, что и его магическая выносливость безгранична.

— Веди, брат Одинец, — сказала я. — И не слишком торопись. Нам бы до пересвета выйти на равнину, и ладно.

Вулх повел хвостом, взглянул на меня с легкой признательностью — а может, мне это показалось — и потрусил вперед. Ветер обиженно фыркнул, и я утешающе похлопала его по холке.

Интересно, вдруг подумала я, как выглядит Одинец в человеческом облике? И что он вообще за человек... то есть анхайр? Такой же мрачновато-дружелюбный, спокойный и надежный, как его звериная половина? Если бы прозвище Одинец носил человек, это говорило бы о том, что он молчун и нелюдим, который предпочитает одиночество. Но о характере оборотня такое прозвище не говорило ничего. Если оборотень хочет выжить, он должен быть одиноким.

Я тоже всегда держалась особняком от людей — хотя в доме Беша все равно знали, кто я такая. Или именно поэтому. Старый пьяница Унди, упокой Тьма его душу, был единственным, кого я не сторонилась. Он думал и чувствовал не так, как все остальные. А вот что сказал бы Унди про моего спутника?

Наверное, похвалил бы его. Потому что хотеть выжить — это одно, а суметь выжить — совсем другое. Одинец, как видно, умел.

За очередным поворотом ущелье кончилось. Выветренные и трещиноватые каменные стены сошли на нет, и перед нами открылся необъятный простор равнины. Впереди, уже совсем невысоко над горизонтом в окружении легких облачков висел огненный шар Четтана, заливая плоскую поверхность расплавленным червонным золотом заката.

А по левую руку от выхода из ущелья на плоском камне, похожем на речную черепаху, сидел седой человек со шрамом на правой щеке и сосредоточенно разглядывал закат. Как будто пытался прочесть на облаках письмо, написанное неразборчивым почерком.

— Здравствуй, госпожа Тури, — сказал он негромко, даже не поворачивая голову в мою сторону. — Я рад, что хоринг задержал тебя ненадолго.

Держи в доме!.. Вот проклятие, теперь и выругаться толком не получится. Не ругательство теперь для меня привычное «дджерх». Простое слово, как шерх или хоринг...

— Сегодня все знают мое имя? — ехидно спросила я.

Седой человек соизволил наконец-то оторваться от облаков и посмотреть на меня.

— Сегодня — все, — сказал он с улыбкой. — Потому что сегодня ты больше никого не успеешь встретить. Прости за то, что я встревожил тебя, но времени мало, говорить придется коротко. Меня послал на твой путь один мой друг, чародей. Зовут его Лю. Точнее, зовут его на самом деле Люмо-

кироневахалли... что-то такое, и еще слогов пять. Но этого никто, кроме него, запомнить не в состоянии.

— Он далеко? — резко спросила я. — Почему он сам не пришел?

— Он близко, — спокойно сказал седой. Называть его стариком почему-то не хотелось. — Он очень занят. На вашем пути немало врагов — впрочем, ты знаешь. И не со всеми в состоянии справиться вы — ты и твой спутник.

— Как... — договорить я не успела.

— Как ты узнаешь, можно ли мне верить? — сощурился седой. — Никак. Я могу много рассказать тебе о чародее, но ты сама не знаешь о нем почти ничего. Могу рассказать о тебе, Тури, — но тот же хоринг знал не меньше, а другом он не был... во всяком случае тогда, когда вы сражались. Нет, Тури, тебе придется или поверить мне на слово, или не разговаривать со мной вообще.

— Ну... положим, — проворчала я. — Дальше?

— Меня зовут Самир, — сказал седой. — Я лекарь. Много кругов врачую оборотней — и мадхетов, и анхайров. Как правило, они мне доверяют.

— Как-то я во врачевании не нуждаюсь, — фыркнула я. — Да и вообще, оборотням лекари ни к чему.

Нечистая сила, не ляпнула ли я лишнего?

— Бывает так, что очень даже к чему, — возразил Самир. — Например, когда зараза пристанет. Или когда в городе мор — поветрие, по-вашему. Тогда люди умирают. А оборотня можно спасти.

Я задумалась. Про поветрия я знала немало — спасибо Унди. Похоже, этот тип знает, о чем говорит.

— Дальше, — приказала я, на всякий случай положив руку на рукоять ножа. — Кому из нас нужна твоя помощь? Я заразилась чем-нибудь от хоринга?

— Нет, ты здорова, — устало сказал Самир. — Твой спутник не исцелился после вчерашнего обвала полностью. Он

ведь едва не умер и прожил несколько минут до пересвета только мечтой о жизни.

Самир и впрямь знал о нас достаточно.

— Несколько сгустков крови успели запечься в легких твоего друга еще до пересвета, — продолжал лекарь. — А кровь анхайра не растворяется в крови человека, и наоборот. Поэтому Одинец не смог избавиться от них в человечесем обличье, а вулх сейчас просто болен. Ему трудно дышать — видишь?

Я вспомнила, как странно вел себя сегодня вулх. Да, приходилось соглашаться — очевидно, ему нужна помощь.

— Что ты будешь делать? — Я выпустила рукоять.

— Я уведу его подальше отсюда. По двум причинам. Первая — такие болезни нужно исцелять на пересвете. Вторая — тебе лучше встретить этот пересвет в одиночестве.

— Почему? — Я снова напряглась. Он хочет разлучить нас — неужели враг? Неужели противники решили перемолоть нас по одиночке?

— К тебе идет память синего дня, — невозмутимо ответил Самир. — Ее следует встречать без свидетелей. На следующем пересвете красная память придет к Одицу. И ему неплохо будет побыть одному. Но это не значит, что я вас разлучаю. Когда ты очнешься в теле карсы, ты будешь многое помнить из жизни Тури — пока еще не столько помнить, сколько понимать. Полная память и полная власть над телами придет к вам через несколько дней. Но сегодня ты вспомнишь достаточно, чтобы по-новому взглянуть на себя и на мир. А перед пересветом карсе лучше будет покинуть спутника — ненадолго. Одинец! Иди сюда!

Вулх, едва слышно поскуливая, приблизился к Самиру и втянул в себя воздух, широко раздувая ноздри. Потом вдруг изумленно обернулся ко мне — честное слово, в его зверином взгляде было настоящее изумление! — и заурчал, уткнувшись лбом в широкую ладонь Самира.

Я поняла. От лекаря пахло Лю-чародеем. Это был друг.

— Спасибо, Одинец, — сказала я искренно.

«Да чего там», — ответил взгляд вулха.

— Раздевайся, — велел Самир. — До пересвета всего несколько минут, а мне еще надо уйти за холмы и приготовиться к лечению.

— То есть? — не поняла я.

— В синий день одежда, оружие и Ветер будут нужнее Одицу, — пояснил Самир. — Придется тебе встречать память нагой — надеюсь, не замерзнешь.

— А если на следующем пересвете мы разойдемся? — вдруг испугалась я. — Как же я получу все обратно?

— Лю что-нибудь придумает, — уверенно сказал Самир. — Может быть, даже сам принесет тебе вещи. Если сможет.

— А...

— Раздевайся, Тури! Ветер, иди сюда.

Ветер приветливо всхрапнул и без колебаний двинулся к лекарю. Эх!.. Все меня бросили. Ну и ладно.

Я с дерзкой физиономией распустила ремни на одежде и стала выбираться из нее наружу. Четтан уже касался горизонта — если что, до времени Карсы я, пожалуй, и голой дотяну.

Самир не смотрел в мою сторону — тщательно и нежно ощупывал грудь вулха. Одинец негромко рычал, но не сопротивлялся.

— Лови! — крикнула я, швыряя кожаный ком в лекаря. Он легко перехватил его, опять не оборачиваясь. Я покачала головой — ну и реакция! Ему бы воином быть... или бродячим фокусником.

— Спасибо, Тури, — сказал он, поднимаясь с камня. — Я ухожу, так что — удачи. И прощай.

— Пока, лекарь, — угрюмо сказала я.

Да, если кто-то решил сыграть над нами злую шутку, то надо признать, ему это удалось. Ни один разбойник не смог бы обобрать меня столь основательно, как это сделал странный лекарь. И почему только я отдала ему все? Даже ножны?

Хотя зачем мне сейчас ножны... Вот Одинец очнется — ему и решать, что делать с лекарем дальше. А мне сейчас только ждать остается — уже смеркается.

Я не стала разводить костер. Во-первых, нечем было; во-вторых, одинокий привал перед временем Карсы костра никак не требовал. Равнина, прогретая Четтаном за день, дышала теплом.

Я улеглась прямо на землю, подложив руки под голову, и засмотрелась на догорающий закат.

Что-то тревожило меня в сегодняшнем пересветном небе. Что-то было не так. Несколько мгновений я пыталась отогнать от себя эту мысль, а потом вдруг поняла, в чем дело.

Четтан уже скрылся за горизонтом, а синие лучи Меара все еще не высветили восточную сторону холмов. И я все еще была человеком.

А потом небо стало еще темнее, более темным, чем я когда-либо видела, и в нем появились две или три маленькие, упругие, светящиеся точки. Что это, помогите мне боги?

И тут я сообразила, что это, и предчувствие небывалых, сказочных происшествий заполнило мою встрепанную душу. Приближалась Тьма. Смутные дни стояли на пороге и стучались в дверь мира.

Я впервые в жизни увидела звезды.

Я смотрела на них долго, почти минуту; на глазах у меня выступили слезы — то ли от восхищения, то ли просто от напряжения, а потом привычное синее зарево неумолимо стерло звезды с бледнеющего неба, и в силу вступил закон Меара. Для оборотня-мадхета, не владеющего тайнами магии, не властного над своим телом — главный и непреложный закон. В мир шел синий день, которого Тури-человек не увидит и не запомнит. Я еще успела подумать: ничего-ничего, осталось несколько дней, и синий Близнец потеряет власть над моей памятью...

И только тогда, когда знакомая муть уже встала перед глазами, я внезапно вспомнила: я, дура, так и не передала Одинцу услышанный от Винора рассказ. Рассказ о дороге к У-Наринне.

ГЛАВА 12

Меар, день шестой

Лавина запахов плыла вокруг, и я пил ее полной грудью... но грудь болела, и дышать было больно. Для того чтобы почувствовать запахи, не нужно было втягивать воздух в легкие, я их чувствовал и так, сухим черным носом. Сухим. Это плохо, плохо. Нос всегда должен быть влажным, от этого запахи становятся еще ярче и понятнее.

Камень. Пыль: мелкая, дорожная. Давняя смерть. Свежий след коня и человека — это мои спутники. Человек и конь... Конь странный. Он пахнет не так, как обычные травоядные. Я даже не хочу считать его добычей. На этого коня нельзя охотиться, он другой. Совсем.

Человек. Друг... Наверное, хозяин. У него теплые руки, которые умеют восхитительно чесать за ушами и у шеи. Я даже могу позволить себе подставить шею — горло. Которое больше не доверю никому.

Бежать тяжелее, чем всегда; больно дышать. Не все время, но больно. Обычно я бегаю куда быстрее. Лапы не хотят слушаться, норовят нести меня побыстрее, но больно, больно...

Хозяин, не спеш. Я иду, иду. Бегу. Только не спеш. Так, мне не угнаться сегодня за конем...

Багровые тени лежали у стен ущелья. Темно-пурпурные. Как всегда. Как всегда...

Наконец, ущелье заканчивается, впереди равнина, запах травы, земли. Мышей. Птиц... разных. Все птицы пахнут по-разному. И козьяков всяких запахи — эти вообще пахнут

совсем не как еда, но их можно есть, если другой еды не добыть. Правда, не всех можно. Зато их гораздо больше, чем, скажем, птиц.

Грибами еще пахнет.

Человек. Не хозяин, другой. Знакомый запах... Человек пахнет здоровьем! Помощью!

Я лизнул его в руку и толкнулся головой в ладонь. Я всегда так делаю, когда хочу показать, что хорошо отношусь к человеку. Хозяин, давай не станем обижать этого путника, он поможет нам! Я снова стану здоровым, и тогда легко угожусь за твоим конем.

Звуки человеческих голосов всегда вызывали во мне желание тихонько поковылять, но нельзя, нельзя. От воя люди волнуются и сердятся.

А потом хозяин снял шкуру и стал белым и пахнуть немного иначе. Он уходил. Я дернулся, но Добрый человек удержал меня... И я понял, что хозяин уходит не насовсем. Просто он тоже хочет, чтоб меня полечили. А лечить, конечно, нужно без посторонних, в кустах, в логове, тогда никто не увидит и не узнает.

Едва ладони человека коснулись моей груди, сразу стало легче дышать.

Перед глазами все еще плыли красные закатные тени, когда я, Моран, вынырнул из пересветного небытия. На душе было странно, как иногда бывает в горах, на краю обрыва. Или у моря. Словно замечаешь, что мир, доселе серый и обычный, на самом деле полон красок и красоты. И внутри что-то иногда вспыхивает, заставляя забыть суетную обыденность и хотя бы ненадолго уйти в легенду или сказку. Где нет повседневной грязи, где все люди добры и где никого не убивают. Даже оборотней.

Я приподнялся на руках, оторвав щеку от сырой земли.

Вот ведь странное ощущение! Я помнил кусочек красного дня. Я помнил вулха. Правда, было странно, что вроде бы небольшой кусочек воспоминания захватывал чуть не поло-

вину дня. Красный день равняется синему, я слышал это неоднократно. Как же так? Хотя для вулха, наверное, время течет совершенно иначе, нежели для людей. Но я был вулхом! Точнее, был внутри вулха, хотя и не мог управлять его телом. Но помнил. Помнил его странные мысли, опирающиеся вовсе не на то, что видишь, а на запахи. Для меня, Морана, человека, главным в этом мире были глаза. Мир таков, каким я его вижу. А слух, осязание — все остальное потом. Вулх же воспринимал мир носом. Закрыв глаза, он вовсе не стал бы слепым; как человек легко может ориентироваться в незнакомом месте с плотно заткнутыми ушами, так вулх, руководимый бездной окружающих запахов, безошибочно смог бы все то же, что и с открытыми глазами, и ничуть не хуже.

В общем, с минуту я сидел, опираясь на руки, совершенно пришибленный. Потом все же поглядел перед собой.

На востоке, за ущельем, вставал Меар. Длинные синие тени протянулись ко мне. Синие. Привычные, а не те, что вспомнил я недавно. Впрочем, для вулха как раз красные тени привычнее. Интересно, а вулх на пересвете так же удивляется воспоминаниям человека, как и я, человек? Вот ведь загадка! Что он чувствует, зверь? Что-то ведь чувствует, кому как не мне знать, что звери вовсе не такие, какими считают их люди?

В следующий миг на меня упало нечто кожаное, больно хлестнув по лицу каким-то ремешком. Мышцы напряглись, и я взлетел в воздух, вскакивая.

Тьма! Вовсе я нюх потерял с этими пересветами, сижу, как торговка на базаре, клювом щелкаю, вокруг не смотрю.

Совсем рядом на камне сидел седой... нет, не старик, хотя сидевший позади меня мужчина явно успел немало пережить на своем веку. Его возраст назвали бы почтенным. От него не исходило ни малейшей угрозы, и я невольно расслабился. Взглянул, чем же он в меня кинул.

В руках у меня были магические курткоштаны, наша с Тури походная одежда. Это кстати, не люблю оставаться го-

лым. Мужчина, насупившись, глядел, как я одеваюсь. Потом — как я обуваюсь. Потом — как вооружаюсь.

— Все? — наконец осведомился он.

— Все.

Вопросы задавать мне совершенно не хотелось.

— Здравствуй, Моран.

— Здравствуй и ты... не знаю, как тебя называть.

— Называй Самиром.

Вот, значит, кто ты такой! Самир, искуснейший лекарь, чье искусство не поддавалось ни осмыслению, ни огласке — Самир был в мире неизвестен. Считанные люди знали, что он существует. Еще меньше знали его в лицо.

Унди Мышатник говорил мне, что это единственный человек, который умел лечить оборотней. И лечил. Неудивительно, что он предпочитал сохранять безвестность при таком-то таланте. Другие люди его бы не поняли.

Только теперь я сообразил, что не чувствую ни малейшего недомогания. Боли в груди и позвоночнике исчезли без следа. Я был здоров как... как оборотень. Вот.

— Ты меня лечил?

— Да.

— Спасибо, мастер Самир.

— Не благодари, Моран. Я всегда помогал анхайрам. Так же, как и мадхетам.

Отчего-то я не удержался от вопроса:

— Разве это не одно и то же?

— Нет. Ты — анхайр. Человек-вулх, дитя синего солнца.

А твой спутник — мадхет.

Карса! Он знал о ней. Впрочем, чему удивляться? Значит, вот она — разница между двумя знакомыми с детства словами. Я всегда думал, что разницы нет. Анхайры — оборотни Меара. Мадхеты — оборотни Четтана, и превращаются в карс, а не в вулхов. Надо же!

— Самир, — спросил я, — а почему ты помогаешь оборотням? Ведь это несвойственно настоящим людям.

Седой совершенно не изменился в лице.

— Если ты убедишь меня, что анхайры и мадхеты чем-то хуже людей, я обещаю задуматься над этим.

М-да. Ну и ответ! Чем-то речи Самира напоминали мне туманные, полные ускользающего смысла, слова чародеев. Того же Лю. Хотя Самир такой необычный лекарь, что его давно считали кем-то сродни чародеям. Те считали, кто знал, разумеется. И не думаю, что сильно ошибались при этом.

Ладно. Его появление на нашем пути явно не случайно. Что же ему нужно? Или он просто явился, чтоб вылечить меня? Но второе породило бы массу новых вопросов. Например, откуда он знал, где меня искать? Откуда знал, что я ранен? И вообще — зачем ему лечить какого-то анхайра, едва не прирезанного джерхи-где в Диких землях невесть откуда взявшимися там же хорингами?

— Меня послал Лю, — сказал Самир, одним ударом вдребзги разбивая все мои догадки. Как всегда, мелкая деталь, но она объясняла все. Действительно все. Лекаря послал Лю.

Из-за горбатого холма, похожего на гигантский муравейник, неспешно вышел навьюченный Ветер, тихо вминая копытами в траву округлые следы. Мой... то есть наш конь здесь. Значит, и карса где-то рядом. Спутник-Тури. Ни разу еще мною не виденный, но, несомненно, прекрасный малый. Вчера я оставил тебя в трудном положении...

Я снова вспомнил хорингов и продажного Гасда-отшельника. Тури сумел выкрутиться, раз мы оба живы и относительно целы, и благополучно перевалили через гряды. Но где карса? Или... она вовсе не жива, как я считаю?

— Где карса? — с тревогой спросил я, с ужасом ожидая услышать что-нибудь страшное. Например: «Твой спутник мертв, Моран, но тебе предстоит...» Или: «Увы, друг мой, все мы смертны, даже оборотни...»

— Здесь, неподалеку, — ответил Самир. — Я отослал ее, чтоб не мешала лечению.

У меня гора с плеч свалилась. Слава всем в мире добрым диннам-хранительницам, Тури жив!

Когда я понял, что мой спутник — оборотень, я почувствовал холодную готовность перегрызть за него глотку кому угодно. Даже не знаю, почему именно почувствовал. Вулх, наверное, не задавался подобными вопросами. Перегрыз бы, и дело с концом. Но моя человеческая половина по привычке искала ответы даже там, где ответы были не нужны. Где стоило просто довериться безошибочным инстинктам вулха, которые жили во мне и синим днем тоже.

— Ближайшие пересветы, — сказал Самир, задумчиво глядя в синее-синее утреннее небо, — вам с Тури лучше бы держаться друг от друга подальше. Расходиться перед самым закатом... а после восхода другого солнца вновь пускаться в путь. Вместе.

— Зачем нам расходиться? — не понял я.

— В вас пробуждается память зверя. Это опасно. К тому же карса и вулх — извечные враги. Лучше им не видеть друг друга, а когда наступают Смутные дни, это становится возможным.

— Мы уже шес... двенадцатый день идем вместе. И прекрасно ладим.

— Все эти дни, — холодно сказал Самир, — идут не вулх с карсой, а Тури с вулхом или Моран с карсой. Это не одно и то же, если ты еще не понял.

М-да. Теперь я понял. Мы можем прекрасно ладить — человек со зверем в любом сочетании. Но вот поладит ли зверь со зверем, да не просто со зверем, а со старым, от рождения мира, кровным врагом?

Стоп. Но если не исключена возможность встречи двух зверей... Значит... И Моран может встретиться с Тури! Не надолго, наверное, но может!

Эта мысль вышибла у меня на лбу несколько бисеринок пота. Хотя ничего страшного в ней, конечно, не содержалось.

Тьма! И еще раз Тьма!

Я начинал понимать, почему близящиеся Смутные дни называли Смутными. Потому что чем они ближе, тем сильнее мутнеет в башке! У меня по крайней мере здорово мутнеет. До полной непрозрачности.

— Мастер Лю еще что-нибудь передавал для нас? — вежливо спросил я Самира.

— Больше ничего. Не опоздайте в У-Наринну.

Я огляделся. На востоке темнел лиловый язык ущелья. На западе, за холмом, лежала сырая округлая низина.

— Еще бы знать, где она...

— До сих пор вы шли верно, — сказал Самир. — Лю полагает, что и в дальнейшем вы не ошибетесь.

— Полагает, — проворчал я. — Лучше бы карту дал. Или подсказал попонятнее.

— Езжай, Моран. Езжай, и не забивай себе голову пустяками.

Я послушно вскочил в седло. Было очень приятно вновь чувствовать себя быстрым, полным сил, готовым ко всему. Эх, сейчас бы мне тройку хорингов и Гасда, а не вчера!

Впрочем, хоринги — опасные создания. То, что мы с Тури одолели их, — чистая случайность. Удача. Да еще при том, что я едва держался на ногах. Но, может быть, именно это усыпило бдительность хорингов и предоставило нам единственный шанс на победу, который мы не упустили?

Не знаю.

— Спасибо, Самир. И — прощай.

— Я же сказал, не благодари. Да, кстати... Если когда-нибудь тебе встретится человек по имени Кхисс, знай: он тоже посланец Лю.

— Ладно, запомню. Прощай.

— До встречи.

До встречи! Так вот. Впрочем, вдруг меня еще раз ранят? Или свалит болезнь? Есть ведь людские болезни, которые опасны даже для оборотней? А Лю, видать, очень нужно, чтобы я дошел до У-Наринны. Ну очень!

Иначе как объяснить его явно недешево стоящую заботу о нас, посланцах?

Я бухнул пятками в тугие бока Ветра, но тот неожиданно присел, дернул головой и тихо всхрапнул. Он отказывался нести меня дальше на запад, по пути, который стал последние дни уже привычным.

— Что такое? — удивился я и взглянул вперед.

Шагах в пяти от нас сидела карса. Сидела на задних лапах, подняв корпус вертикально, как это часто делают суслики, а передние лапы протянула перед собой и хищно помахивала ими из стороны в сторону. Кривые когти рассекали воздух, разве что свиста не было слышно.

— Что такое? — удивился я вторично. — Ты чего, Тури?

Карса еще некоторое время махала лапами, словно пыталась сказать: «Не ходите туда!»

Я задумался.

— Не ходить на запад? Куда же тогда идти?

Карса мгновенно встала на все четыре лапы. Поглядела на меня через плечо, сверкнув желтыми глазищами, приглашающе так поглядела.

И неспешно потрусила на юг.

Что мне оставалось, как не последовать за ней?

Мы двигались вдоль гряды, через которую перевалили вчера. Точнее... Вот, Тьма, как сказать-то? Для меня вчера — это предыдущий синий день, а не день до последнего пересвета. Не так как для остальных. Короче, минувшим красным днем мы перевалили через эту гряду. Вулх смутно помнил высоту, которую недолюбливал, а я помнил беспокойство вулха на высоте.

Мерное покачивание убаюкивало, но я так редко хотел спать за последние круги, что уже забыл, что такое сонливость. Набежали мысли, неизбежные при вынужденном безделье.

Самое, конечно, непостижимое из произошедшего — это встреча с хорингами. Я знал о них немного, но все же боль-

ше, чем пьяный ремесленник в любой из таверн Дренгерта или Гурунара. Старшая Раса, которая сначала помогала людям выжить, а потом вынуждена была потесниться ради людей. Да так потесниться, что вскоре им и жить-то стало негде. Вроде бы они долго обитали в лесах у Запретной реки. Еще при них обычная река стала Запретной. До сих пор попадались люди, в чьих жилах текла крошечная часть крови хорингов, и они все были высоки, черноволосы и узколицы; глаза оливкового цвета и продолговатые уши, слегка отличающиеся по форме от человеческих, тоже хранили все потомки хорингов, даже самые далекие. Но в остальном это были обычные люди. Кстати, во многих городах их недолюбливали, за исключением разве что Плиглекса, где уже кругом сто как обосновалась община «ашерхов», как они себя называли. Но они были настолько же хорингами, насколько подзаборные шавки были вулхами, простите меня, серые братья, за такое сравнение.

Зато вещей работы хорингов в мире попадалось очень много. В основном украшения, оружие, одежда, посуда, музыкальные инструменты и, конечно, рисунки. На холстах и деревянных щитах, на причудливых кувшинах, на камнях, раньше стоявших едва ли не у каждого перекрестка дорог, а ныне перевезенных в города. Все это ценилось в десятки раз дороже, чем аналогичные творения людей. Но и служили вещи хорингов неизмеримо дольше. И сплошь и рядом просто были лучше — любой менестрель с радостью продал бы душу за лютню работы хорингов, а любой воин — за меч или кольчугу.

Правда, вещей с каждым кругом становилось все меньше. Я не задумывался особо, куда они деваются. Но и не понимал этого.

О магии Старшей Расы я знал еще меньше. Она иная. Она могучая. Она древняя. Что еще? Ах да, она непонятная. Как и все, что связано с хорингами.

Еще я умел читать на их языке, но у хорингов был такой язык, что всякий посвященный толковал каждую надпись

по-своему. Поэтому я никогда не бывал уверен, что понимаю смысл написанного верно. Всегда брали сомнения: а этот ли смысл вкладывали в прихотливые изгибы узоров-письмен неведомые писцы? Может, совершенно иной?

Унди Мышатник всегда посмеивался надо мной за это. Но никогда ни разубеждал меня, ни утверждал в моем мнении.

Я всегда подозревал, что где-то далеко все еще остались места, где хоринги доживали свой отпущенный небом срок в этом мире. Но никогда всерьез не верил, что столкнусь с ними лицом к лицу.

А пришлось. Хоринги тоже спешили в У-Наринну к Смутным дням. Причем, как оказалось, даже не одной группой. И это были не просто хоринги, а маги ушедшей расы.

Я отчетливо запомнил слова Иланда у костра в мой предыдущий вечер. «Мы не удержали Трон в прошлый раз. Даже не приблизились к нему. Где теперь народ хорингов?»

Так-так. Интересная вырисовывается картина.

Лю-чародей идет в Каменный лес. Теперь совершенно ясно, что не он один туда идет.

И все это перед Смутными днями.

Хоринги не приблизились к Трону и практически исчезли с лица земли.

Что будет, если в этот раз Лю не сможет приблизиться к Трону? Или другой маг-человек, если такие есть? Впрочем, что это я? Есть конечно. Не зря ведь путь в У-Наринну преподносит нам с Тури сюрприз за сюрпризом. Но что же будет? Неужели закат человеческой расы? И кто придет на смену людям?

Я почувствовал струйку холодного пота, что стекла по спине под хорингской одеждой.

Тьма! Кто придет? Оборотни! Могут прийти оборотни! Если нам не нужно будет прятаться, станет выживать не один анхайр из ста, а по крайней мере половина, как у людей. Не один мадхет, а пятьдесят.

Я даже Ветра придержал, до того захватило дух. Конечно, это не больше чем догадки. Конечно, я так мало знаю о планах Лю и об У-Наринне, что говорить о своей игре пока просто смешно. Но кто мешает мне узнать обо всем поподробнее? А? Если от того, кто будет у Трона У-Наринны в Смутное время, зависит будущее мира, кто помешает мне попытаться взять судьбу в свои руки?

Через минуту я с досадой сплюнул. Ну и раз мечтался, червивое солнце! Ты, ничтожный жалкий недочеловек-недовулх? Который и не знает толком, когда последний раз были Смутные дни, а не то что не помнит их? Ты вздумал тягаться с магами? Или с хорингами? И с теми, о ком еще даже не подозреваешь? Да если от У-Наринны действительно зависят судьбы мира, там соберутся такие силы, что тебя и не заметят, когда ненароком раздавят в неизбежной толчее у Трона.

Карса, забежавшая далеко вперед, вернулась и вопросительно уставилась на меня.

«Ну? Чего стал? Поехали!»

Я опомнился и хлестнул Ветра. Каменистая пустошь, прилегающая к гряде, тянулась и тянулась навстречу. Карса уверенно бежала впереди. Вела.

Я снова вспомнил события перед перевалом.

Гасд-отшельник говорил, что за перевалом нужно будет идти на запад. Врал, конечно. Ему-то точно не хотелось, чтоб я пришел к У-Наринне. Еще он говорил что-то о Знаках, которые якобы попадутся на пути к Каменному лесу. Этому, понятно, тоже верить не стоит.

Спустя минуту я понял, что вижу Знак. Первый из двух. Его и вправду трудно было с чем-нибудь спутать.

Выглядел он как тонкая пластина, неведомо как укрепленная на верхушке гладко отшлифованной каменной колонны. На пластине — рисунок, с обеих сторон. Кстати сказать, кисти хорингов, а значит, древний, как... как сама У-Наринна.

С одной стороны в синем свете вечернего Меара к Каменному лесу спускалась огромная белая птица. В лучах солнца она казалась голубоватой, как закатное облако. Сам Каменный лес выглядел странно знакомым: множество грубо отесанных сероватых глыб, возвышающихся на манер толстых столбов посреди небольшого горного плато. В расположении столбов угадывался смутный порядок, строгий и единственно возможный. Но понять, на чем он основывался, я пока не мог.

С другой стороны У-Наринна была изображена уже в лучах заходящего (или встающего?) Четтана. Про Меар я мог бы сказать с уверенностью: изображен его закат. А вот относительно Четтана подобной уверенности у меня не было. Между каменных столбов виднелись маленькие фигурки людей. Или хорингов — не различить. Фигурок было одиннадцать, тех что стояли. Еще несколько лежали в разных позах, какая раскинув руки, какая скрючившись.

И сверху над этим — аспидно-черный круг в небе. Что бы он значил?

Я вернулся к синей стороне. Роднее все-таки, что ни говори...

И обомлел. Теперь и здесь появился черный круг над Каменным лесом!

Челюсть у меня сама собой отвисла. Живые рисунки хорингов? Здесь, в Диких землях? Тьма!

Через минуту я наконец отдышался. А еще через минуту понял, что если им и суждено было сохраниться где-нибудь, то именно здесь, у джерха на выселках, куда не заглядывают хадасские толстосумы и их вездесущие управители. Да и проходимцы сюда явно заглядывают редко.

Я всмотрелся в живой рисунок. И вскоре уловил движение.

На Каменный лес опускалась Тьма. От того самого черного круга в небе. Что-то наползало на еще не успевший сесть Меар, превращая его в яркий-яркий серп, становящийся все уже.

Вскоре Меар исчез, и в небе осталось два черных круга, только один застыл в зените посреди внезапно вспыхнувших звезд, которые я сразу узнал, а второй висел над самыми горами, и вокруг него цвела синяя ослепительная корона.

Я глядел на рисунок не мигая, а когда мигнул, снова на пластине возник Меар, белая птица и никакого черного круга в зените.

Так, хорошо. Что нам покажут с другой, с четтанской стороны?

Отогнав ненужные мысли, я вгляделся в рисунок. Он оживал только для тех, кто глядел на него расслабившись, изгнав суету из головы и растворившись в картинке.

Вскоре У-Наринна стала медленно удаляться, словно я стал неведомой птицей и взмыл над плато, над скалистыми каменными пиками, над отвесными стенами и коварными осыпями. Скоро плато и вовсе скрылось, а «птица» словно стала снижаться к огромной и плоской, как стол в таверне, равнине. Ниже и ниже; все быстрее и быстрее, пока я не ощутил себя уже не невесомой птицей, а падающим из поднебесья тяжелым камнем. Потом резко, рывком, падение замедлилось.

Посреди равнины стоял другой Знак... Очень похожий на первый. Только рисунков на нем было не рассмотреть. Я все это видел сверху, и в какой-то момент вдруг стало совершенно ясно, как идти от места, где стоял я, ко второму Знаку. Вдоль гряды (вот она, сверху виднеется) на юг, потом через равнину (что это там сереет такое? Похожее на осиное гнездо, только большое. Не понять никак). Ну и дальше. В общем, понятно.

И я тут же выпал из созерцания. Рисунок снова стал прежним.

Тьма! От магии хорингов просто мороз по коже!

«И ты еще собираешься с ними тягаться в У-Наринне? С магами-хорингами, магами-людьми, магами-не-пойми-кто? — ехидно спросил я себя. — Увидел магическую кар-

тинку и уже чуть не наложил в штаны, а совсем недавно на Трон покушался...»

Я помянул джерхов, Смутные дни, что должны были вот-вот начаться, ближайших родственников Лю-чародея, который втянул меня в это более чем странное предприятие, дальних родственников Лю... В общем, большую часть ныне живущих я помянул. Это помогло, но не слишком.

Карса возникла неподалеку и с интересом воззрилась на меня. Что за манера — возникать, словно из-под земли? Интересно, вулх тоже вот так раздражает иногда Тури? Или нет?

Хотелось верить, что нет.

Я взглянул на спутника-мадхета и вдруг понял, что обычный холодно-равнодушный кошачий взгляд изменился. На меня глядела не просто карса. На меня глядел не зверь. Точно, не зверь.

«Ну? — спрашивал он. — Долго еще на столбики паяться будем? Или пойдем дальше? Идем, я знаю дорогу».

— Идем, — сказал я машинально и кашлянул, потому что прозвучало это хрипло и сдавленно, словно я проглотил ежа. — Кстати, дорогу я, кажется, тоже знаю. Только вот откуда?

«Откуда — не важно, — фыркнула карса. — Главное — знать куда».

Тоже правильно. И я немедленно вскочил на Ветра.

— Хэй, Ветер! — крикнул я, почему-то преисполнившись энергии и жажды движения. — Давай погоняемся с твоим тезкой! Кто кого?

И мы рванулись вперед, словно за нами снова мчалось стадо равнинных быков. На юг, вдоль гряды.

Мы славно погонялись. Мой конь выиграл — он оказался быстрее, потому что его вольный тезка сегодня был ленив и еле-еле шевелил траву под ногами. А путь нам в конце концов преградила река, и обязательно нужно было переправиться на противоположный берег, потому что ниже,

похоже, начинались пороги. Равнина за рекой постепенно превращалась в беспорядочное нагромождение не то больших серых глыб-валунов, не то скал-недомерков. Земля-то оставалась ровной, вот только уже знакомый мне неведомый великан нашпиговал ее камнем по самое не могу. Зачем, одному небу известно, хотя и то вряд ли.

Прыгнув из седла на прибрежный песок, я глядел на мертвенно-серую воду, что накатывалась на берег. Карса, отставшая во время гонки, вскоре явилась ленивым упругим шагом. Бежать за нами так, чтобы не отстать, она не пожелала. Вовсе не потому, что не могла, скорее всего просто не сочла нужным.

Понюхав воду, карса забрела на несколько шагов в реку и стала аккуратно лакать; розовый язык так и мелькал. Пользуясь случаем, я тоже сменил воду в мехе и фляге, напоил Ветра и напился сам.

— Ну, Тури, — сказал я задумчиво. — Как переправляться будем? Ты еще не потерял охоту плавать?

Я понятия не имел, любят ли купаться настоящие карсы. Обратни-мадхеты, похоже, относились к воде без неприязни. По крайней мере карса-спутник уже купалась у меня на глазах в лесном озере.

Швырнув в реку щепку, я убедился, что течение есть, но не слишком стремительное. Глубину проверить не получилось — как ее проверишь? Шастать вдоль берега в поисках лодки или плота представлялось мне безнадежным. Ну какие лодки или плоты в безлюдных Диких землях? Поэтому я покрепче перевязал горловину двумеха, обернул его для верности шкурой гигантской выдры и только потом сообразил, что забыл спрятать в двумех одежду.

И в тот же миг что-то шевельнулось в мыслях. Я выпрямился.

Это ведь походная одежда хорингов. Она заклята от воды! Я еще до встречи с Иландом и его спутниками мимоходом удивился, что под дождем она не промокла.

И я пошел к реке. Едва я ступил в воду, голенища сапог словно слились со штанинами, срослись. Я хмыкнул и зашел поглубже. Так и есть, вода в сапоги не попадает. Ну что же! Так даже лучше. Я натянул капюшон и свистнул Ветра.

Конь послушно подошел, разбрызгивая копытами волны.

— Сейчас поплывем, — сказал я ему. — Ты ведь умеешь плавать?

Я забросил уздечку на шею верному скакуну и взялся за гриву. Вперед!

И мы пошли рядом, увязая в иле. Сначала вода достигла пояса, потом груди, а потом дно и вовсе ушло из-под ног. Ветер плыл спокойно, видимо, это дело было для него привычным. Я не выпускал его гривы: и самому легче плыть, и коню спокойнее. Всем ведь нужна поддержка. Горловина двумеха выступала из воды — значит, я приторочил ее правильно.

Оглянулся я всего раз, убедился, что карса плывет следом, и окончательно успокоился.

Карса нас обогнала — плыла она вытянувшись в струну и задрав голову. Но быстро-быстро! Вот, Тьма, перепонки у нее на лапах, что ли? Надо будет посмотреть.

Нас немного снесло к западу течением, но это было совсем не страшно. Дно наконец толкнулось в ноги; на этом берегу оно оказалось песчаным. Карса уже яростно отряхивалась, причем казалось, что она пытается стряхнуть воду со всех четырех лап одновременно.

Первым делом я проверил, не подмокли ли припасы; все было в порядке. Я тоже остался сухим: с курткуштанов вода скатывалась крупными каплями, словно кожу обильно смазали жиром. Ветер тряс головой; брызги летели во все стороны.

И вдруг я сообразил, что давно уже совершенно зверски хочется есть. Что оставалось, как не собрать плавника на костер? Обсохнем, по крайней мере Ветер и карса, отдохнем. Всего-то полдень.

Готовя нехитрую походную снедь, я незаметно вернулся к утренним мыслям о хорингах и У-Наринне.

Иланд назвал пустые ножны Опережающим. Ну, если меч так назвать, я еще понял бы. Но ножны? Впрочем, на них написано «Тот, кто приходит раньше, чем позовут». Другими словами — «Опережающий». И что любопытно: обыкновенно ножны так и оставались пустыми, но когда у меня возникала нужда в мече, он неизменно подворачивался под руку. Грубый восточный клинок разбойников, хадасское чудо, странный меч кочевника, убитого перед каньоном... Есть в этом нечто странное. «Тот, кто приходит раньше, чем позовут...»

Вот мечи ко мне и приходят. И скорее всего не мечи. Меч. Один и тот же. Но магический.

И еще: Иланд со спутниками искали нечто, что меж собой называли Ведущий. И это, по их мнению, после перетряски наших припасов могло находиться только в моем ошейнике.

Я невольно протянул руки к шее. Пальцы нащупали добротную ривскую кожу, металлические бляшки... И только. Эх, снять бы его, да осмотреть получше, но нельзя. Я обещал Лю. Может быть, я и не очень принципиальный человек... анхайр, но пока меня не припрут к стенке, обещаний я не нарушаю.

Стоп! Карса. У нее ведь такой же ошейник. И на него можно взглянуть, не снимая.

— Эй, Тури! — позвал я. Карса, гревшаяся у костра, вопросительно подняла голову.

— Иди сюда.

Желтые глаза смотрели на меня. Холодно. По-кошачьи. В них не было ни искры понимания. Передо мной снова находился всего лишь зверь.

Поскорее бы возвращалась память!

Я присел на корточки перед карсой и почесал ей за ухом. Карса довольно заурчала.

— Хорошая киса... То есть хороший.

Впрочем, поскольку Тури спит, это киса.

Тут я поймал себя на мысли, что понятия не имею — кто передо мной, карса-самка или... или карс, что ли? По идее мой спутник Тури должен превращаться в самца.

Ладно, прочь посторонние мысли. Я нащупал ошейник и всмотрелся, не забывая второй рукой почесывать зверя-спутника, отчего тот урчал все громче и громче.

Ошейник как ошейник. Ровным счетом ничего необычного.

И в тот же миг мои пальцы нащупали что-то вшитое в кожу. Что-то округлое и твердое, размером приблизительно с лесной орех или с косточку плода многодрева.

Я немедленно схватился за свой ошейник. Так и есть! У меня та же история. Вшитая в кожу бусина.

Я выпрямился; карса, балуясь, ловила мои ладони лапами. Когти она втянула, чтоб ненароком не поранить меня. Заботится, даже будучи зверем.

Ведущий. Это имели в виду хоринги или не это? Вот, Тьма, загадка на загадке!

Что теперь? Снимать ошейник нельзя. Можно, конечно, аккуратно выковырять эту штуковину из-под кожи и не снимая ошейника. Ножом. Р-раз, и все. Даже не себе, карсе — и формально договор с Лю нарушен не будет.

Но это поступок, который нельзя исправить. Необратимый, как говаривал Унди Мышатник, упокой Тьма его нетрезвую душу. А необратимых поступков надо остерегаться. Потому что их нельзя исправить.

Тупо глядя в костер, я вернулся на место. Карса, лишенная моей руки, ловила теперь колышущиеся стебельки травы. Играй, зверь, играй, думать тебе придется после пересвета. А мне можно будет поиграть.

Если снова не вернется память.

Поспела еда, и я отвлекся. Карса тоже отвлеклась: запеченное мясо пришлось ей по вкусу.

А на сытый желудок я принял решение. Решение было простым и уклончивым: не спешить. Будущее покажет. Я запомню все... И нужно найти способ рассказать обо всем Тури. Но... Не сейчас. Завтра. Или послезавтра. Почему — я и сам не понимал. Просто бывают моменты, когда возникает твердая убежденность во всем, твердая, но необъяснимая. В такие моменты я обыкновенно ни о чем не думал и плыл по течению, и течение еще ни разу не выбросило меня на мель. Правда, на стремнине иной раз дух захватывало. Но куда же без волнений в опасном и враждебном мире? Тогда и на свет появляться не стоило. Правда, от нас появление на свет мало зависит. Впрочем, раз уж появились, спешить во Тьму не следует. По крайней мере я так думаю.

И я, не тронув бусины в ошейниках, двинулся дальше. Ветер успел обсохнуть и отдохнуть. Правда, седло еще оставалось мокрым, но в непромокаемой хорингской одежде это меня мало волновало.

Проехали мы довольно много. Забрались в самое сердце каменистых пустошей. Все время приходилось огибать особо крупные глыбы, преграждающие путь. Карса шныряла, то и дело пропадая из виду. Однажды я заметил, что шерсть на морде у нее подозрительно выпачкана красным — то ли не наелась, то ли решила сравнить печеное мясо с сырым. Надо будет узнать как-нибудь, которое она нашла более вкусным.

В общем, я ничего не подозревал и долго не обращал внимания на сухое потрескивание, сопровождавшее нас едва ли не от самой реки. Не казались эти звуки сколько-нибудь опасными, и все тут. Потом потрескивание стихло, и за первым же поворотом я чуть не налетел на боевую шеренгу вильтов. Ветер всхрипнул и скрежетнул подковами по камням. Остановился.

Вильты не двигались с места, только заметно шевелили ворсистыми усами да скрипели мощными, как толстые и широкие серпы, жвалами. Хрупкие на вид лапы с зазубренной внешней стороной упирались в каменистую почву.

Н-да. И что теперь? Кстати, меча у меня нет. И самое прискорбное, что ему в данной ситуации и взяться-то неоткуда. Раньше я просто подбирал оружие поверженного врага. Но вильты не пользуются мечами — они сами себе оружие.

Я осторожно соскользнул с Ветра и взялся за двумех. Отцепил. Легонько шлепнул коня, чтоб уходил — от него в подобной стычке проку все равно будет немного. Вильтов нельзя победить обычными способами. Во-первых, потому что они неисчислимы, как муравьи, на которых, собственно, они и были очень похожи. А во-вторых, они не страшлись смерти, потому что смерть одного вильта ровным счетом ничего не значила для всего гнезда.

Вдруг я понял, что именно видел с высоты на живом рисунке хорингов — конечно же, многочисленные гнезда вильтов, точнее, те их части, которые выступали на поверхность. Основное гнездо всегда находится под землей. Идти через территорию, кишашую вильтами, — верное самоубийство. Вот, значит, почему эти земли так безлюдны!

Ветер послушно убрался на безопасное расстояние. Вообще говоря, конь убежит от вильта при условии, что это не вильт-гонец. Но гонец коню повредить ничем не сможет: жвалы у него слабенькие, а зазубрин на лапах вообще нет. Это ж не солдат, которому необходима способность сокрушать даже камень. Однако в сплошном лабиринте скал и валунов вильты, понятно, чувствуют себя как дома, чего никак не скажешь о Ветре.

Я взобрался на покатый бок ближайшего валуна, а потом и на гладкую, поросшую лишайником верхушку. Развязал двумех и принялся деловито вооружаться.

Метательные ножи уже при мне. Кривой хадасский кинжал — на пояс. Кинжал спутника-Тури, потому что своего я не нашел. Наверное, остался в горах после драки с хорингами. Свернутый по всем правилам ыплькитет — тоже на пояс. Специальную перевязь с варварскими шариками — поперек

груди. Арбалет, колчан с короткими стрелами — за спину. На левую руку — кастет с тройкой устрашающих шипов. Пальцы привычно скользнули в отверстия, и холодный металл сросся с плотью руки.

Но поможет ли все мое оружие против вильтов?

Странные это были создания. На первый взгляд они ничем не отличались от муравьев, только невероятно крупных, размером с добрую свинью. Большинство вильтов, понятно, работники. Отдельная каста — солдаты; их меньше, и это самые серьезные противники. Разведчики, гонцы, летуны, охотники (вроде солдат, только помельче и пошустрее), наблюдатели... джерж знает сколько разных. Так бы о них и думали, как о муравьях, если бы не одна странность. Некоторые вильты умели говорить. Приходили в людские селения, договаривались об обмене, расспрашивали о самых разных вещах, кое-что рассказывали сами. Денег они не признавали, менялись только вещь на вещь. Сами практически не пользовались никакими орудиями, хотя изготавливали некоторые на обмен. Насколько я знал, вильты встречались на юге, за Ривой, и на востоке, вблизи Лиспенса и практически везде вокруг Хадаса, но только в относительно безлюдных районах.

Воевать с ними было невозможно. Что делить людям и этим странным созданиям? Убийство отдельного члена гнезда остальные вильты просто не замечали. Всех, кто пытался влезть в их норы, они просто уничтожали. Неизвестно как. Может, и съедали. Во всяком случае, единственный известный мне случай вылазки тройки отчаянных гурунарских сорвиголов и забулдыг в гнездо вильтов закончился ничем: забулдыги исчезли бесследно, а вильты на расспросы о них не давали никаких ответов.

В общем-то никто их не опасался по-настоящему. Существовало только одно непреложное наблюдение: если вильты-солдаты строятся в боевую шеренгу, будут трупы. В основном человеческие, хотя и вильтские тоже. Именно поэтому я и решил подготовиться.

Шеренга внизу дрогнула и двинулась к камню, на котором я сидел. Спускаться я не собирался. Вот еще! Боевой строй вильтов и тараном не прошибешь, а если они задумают взобраться ко мне, строй неизбежно распадется.

Серdito шипя и плюясь, на соседний камень взлетела карса. Спина ее выгнулась дугой, демонстрируя крайнюю степень негодования. Внизу хрустели суставами вильты. Ветер отдалился на безопасное расстояние и потерянно топтался на маленьком пятачке мягкой, свободной от камней земли.

В следующий миг на мой камень полезли вильты, со всех сторон. Рыжевато-серые шестиногие солдаты с устрашающе разведенными в стороны жвалами и острыми пилами на лапах. Со всех сторон.

Карса не стала ждать. Молнией метнулась ко мне на помощь, легко перепрыгнув через ближайших вильтов. Взвилась в воздух, пала на спину одному из карабкающихся на камень.

С сухим хрустом тонкое сочленение, соединяющее массивную голову вильта с карикатурно маленьким туловом, переломилось, и вместо одного вильта стало два. Голова с двумя лапами и остатками тулова, и ворсистое каплевидное брюшко с четырьмя оставшимися живыми пилами. Двигаться увечные половинки не перестали, но всякая осмысленность движений исчезла.

Один есть.

Я веером швырнул несколько шариков; панцирь на головах у вильтов-солдат был очень прочен, но железо его брало. Маленький шарик проделывал в хитине аккуратную круглую дыру и застревал в голове. Раненый вилт тут же начал бестолково крутиться на месте, мешая остальным и ломая строй. Увернувшись от особо удачливого и быстрого, я ткнул его в плоский треугольный глаз кастетом и прыгнул с камня на землю. Остальные на несколько мгновений замерли, шевеля усами, на камне, где меня уже не было.

Карса прильнула к моей ноге. Уши ее плотно прижались к голове, а желтые глаза стали совершенно безумными. Мы поспешили в сторону, но уже за ближайшим пузатым валуном едва не столкнулись со второй боевой шеренгой.

— Назад, Тури, — зачем-то вслух прохрипел я, бросаясь в очередной ход каменного лабиринта.

Довольно долго мы бестолково метались с места на место, не позволяя вильтам зажать нас между двумя шеренгами и раздавить. Шарики у меня уже кончились, почти истощился и запас арбалетных стрел. Стрелы я еще иногда ухитрялся выдергивать из голов увечных вильтов или подбирать, если промахивался. Вернуть же шарики не представлялось никакой возможности.

Беготня закончилась довольно быстро: выскочив на круглую соблазнительно гладкую и зеленую от травы площадку между глыбами, я почувствовал, что земля уходит из-под ног, и рухнул в ловушку. Карса провалилась шагах в семи от меня, хотя была заметно легче.

Впрочем, это оказалась не ловушка. Это был рабочий ход вильтского гнезда, я сразу это понял. Из рваной дыры сверху сочился дневной свет. Низковатый для человека коридор с совершенно сухими плотными стенами убегал на север и на юг. Он был почти пуст, если не считать четверки рабочих вильтов. Трое набросились на карсу, один на меня. На некоторое время мне стало не до остального мира, потому что рабочий насел на меня, словно пес-охранник на вора, забравшегося в пределы хозяйского двора. Хорошо еще, что я, падая, схватился правой рукой за рукоятку кинжала.

Работника, конечно, нечего было и равнять с солдатом. Против того в ближнем бою я бы не выстоял и четверти минуты. Тем более в тесном и низком коридоре гнезда. Работника я все же сумел искромсать кинжалом и поколотить кастетом; при этом я начисто оторвал ему голову, переломал все шесть лап и распорол брюхо, отчего с ног до головы выпачкался в пахучей клейкой жидкости, которую не смог-

ла оттолкнуть, как воду, даже хорингская одежда. Едва вильт перестал быть противником, хотя все еще шевелился, я отпихнул его останки и вскочил на ноги.

Тройка вильтов, напавшая на карсу, бесследно исчезла. С проклятиями я кинулся в нужную сторону и осмотрел пол коридора. Ни малейшего следа крови.

В тот же миг где-то далеко в коридоре заурчала плененная карса — сердито, как кот в огороде, нарвавший на нагло вторгшегося соседа. Она была жива, это главное.

Я собирался уже кинуться на выручку, невзирая на узость и малую высоту тоннеля, но в этот момент в пролом сверху на меня свалился солдат-вильт, прижав мне обе руки к земляному полу. Я дернулся, но с тем же успехом я мог бы попытаться сдвинуть с места таверну «Маленькая карса» в Дренгерте. Зазубренные жвалы угрожающе раздвинулись и нависли над самым моим лицом.

Я попрощался с жизнью.

Ощупав меня усами, солдат вдруг ослабил хватку и резво убежал в сторону. Сверху уже лез другой. Я отполз в сторону, чтоб не маячить у самой дыры.

На меня перестали обращать внимание. Вообще. Это меня ввергло в совершенно растерянное состояние. Я сжимал в руке кинжал и не знал, что делать. Солдаты вереницей мелькали передо мной, разбегаясь по тоннелю в обе стороны. Несколько остались наверху, парочка уже спустившихся выбралась наружу, наверное, караулить дыру.

Тьма! Что произошло? Вильтам нужна была лишь карса? Или, испачкавшись в гадости из брюха работника, я стал для остальных невидимым? Очень может быть, потому что я сейчас вонял совершенно как вильт-работник.

Я не стал долго раздумывать. Вскочил на ноги и, согнувшись, побежал в крошечную темень тоннеля. Темень меня не пугала. Я уже бывал в мухутских пещерах, бывал в темных погребах и прекрасно знал, что вижу в темноте. Наверное, это во мне от вулха.

Скоро даже последний намек на свет остался где-то позади. Коридор иногда разветвлялся; навстречу мне то и дело попадались спешащие работники, наверное, они спешили заделывать пролом, куда провалились мы с карсой. Меня они молниеносно ощупывали усами и немедленно спешили дальше. Впрочем, кинжала из руки я так и не выпустил и кастета с другой не снял. Успеется.

Беспокоило меня другое.

Где искать карсу? Я понятия не имел, насколько велико гнездо вильтов изнутри. Пока что я бежал по основному коридору, полагая, что в низкие ходы-ответвления моего спутника не потащат.

И еще меня беспокоило, что оставалось совсем мало времени до пересвета. Меньше часа. Здесь я, понятно, никаких изменений не увижу, в подземельях безразлично, какое из солнц светит на поверхности — синий Меар или багровый Четтан. Но мое тело почувствует изменение сразу же. Проверено в тех же мухутских пещерах.

— Тури! — закричал я во всю мощь исцеленных на пересвете легких. — Ты где?

Мне показалось, что далеко впереди раздался ответный рык. И я ускорил шаги.

Тоннель по-прежнему представлял собой гладкую земляную трубу без малейших следов камня. Видимо, вильты-работники вынули из стен и унесли все камни для каких-то своих неведомых целей.

Как я обрадовался, когда увидел на стене след когтей! Свежий-свежий. Карса брыкалась, молодчина, что брыкалась. Оставляй побольше меток, спутник-Тури. Пожалуйста.

Следы когтей я замечал еще дважды. И оба раза ускорился.

Скоро коридор стал просторнее, я даже мог с грехом пополам выпрямиться. Но вместе с тем я начинал чувствовать близость пересвета.

Тьма! Какое будет Тури очнуться нагому и безоружному в крошечной тьме?.. Хотя он тоже должен видеть без света... но все равно в подземелье, схваченному вильтами. Тьма, тьма и тьма!

Я спешил как мог. Но успеть мне было не суждено.

Посреди тоннеля, явно меня дожидаясь, стоял маленький вильт с большой, почти как у солдата, головой, но с недоразвитыми, еле обозначенными жвалами. Я хотел обойти его, но он предостерегающе поднял суставчатую, поросшую редкими толстыми волосками лапу.

— Постой, человек! Давай поговорим, — сказал он монотонным, лишенным интонаций голосом.

Я чуть не споткнулся на ровном месте.

— Поговорим?

— Именно. Ничего с твоим зверем не случится. Если мы столкнемся, вас отпустят. Проходи!

В боковой стене обнаружился круглый ход в тупиковую подземную камеру. В камере не было ничего, кроме сухого пахучего сена.

— Опускайся на траву, человек. Я знаю, вы не любите стоять во время разговора.

В голове у меня начинало мутиться.

— Послушай, вильт-толмач! Боюсь, что говорить вам придется не со мной, а с моим зверем. Ты скоро поймешь почему. Можно я разденусь?

— Зачем?

— Тоже поймешь.

— Как хочешь.

Тяжело дыша после бега, я снял сапоги и хорингские курткуштань. Рассовал по рукавам и штанинам все оружие, аккуратно все свернул и поставил рядом сапоги.

— Слушай, вильт-толмач. Когда вы увидите, что происходит с карсой, приведите зверя сюда же, а потом... отдайте ему все вещи. Я обещаю, что вы столкнетесь с ним после

этого. И если можно, не разлучайте нас больше, какой бы облик мы ни принимали. Как, годятся такие условия?

Вильт пошевелил усиками. Непонятно было, куда он смотрит, но у меня сложилось впечатление, что на ошейник, перечеркивающий мое горло.

— Я не понимаю тебя, человек.

— Скоро поймешь, — сказал я и рухнул на четвереньки. В глаза рванулась Тьма.

И это при том, что вокруг было по-настоящему темно.

Ну и пересвет получился!

ГЛАВА 13

Четтан, день седьмой

На сей раз я приходила в себя, уже зная, где нахожусь. Я помнила тесный и низкий коридор, помнила отвратительно пахнувших тварей, в лапах которых я билась и рычала...

Спасибо, Карса, за память. Спасибо, Лю, что держишь слово. А вот кого поблагодарить за урок? Потому что в миг пробуждения я поняла: не всякая память — благо. Иногда было бы лучше не помнить.

Терпеть не могу вильтов. С того самого раза, когда впервые увидела этих тварей. Гнусные безмозглые создания — как их только земля терпит? До сих пор мне казалось, что моя неприязнь к ним в объяснениях не нуждается. Не люблю вильтов, и все тут. На дух не переношу.

...Вот именно, что на дух. Карса, бедная моя звериная половина, как ты стерпела такую вонь? Я всего лишь вспомнила запах вильтов — такой, каким его чужала ты, — и то меня чуть не вывернуло наизнанку. Милосердные боги наделили человека совсем слабым нюхом, и как же я сейчас была благодарна им за это!

Помещение было темным, но я вижу и в темноте. Плоховато, правда — если сравнивать с той же Карсой, — но

намного лучше, чем настоящий человек. Очень полезное качество.

Тьма! Только что возносила хвалу богам, что я не зверь, — а теперь радуюсь, что я не человек. Сплошные противоречия в моей мадхетской душе. Равно как и в теле. Удивительные мы существа, оборотни.

Я усмехнулась. И вдруг меня осенило. В мгновенной вспышке озарения я вдруг поняла то, над чем как-то никогда не задумывалась — как не задумывалась над тем, почему сменяют друг друга на небе Меар и Четтан. Теперь я знала, за что нас так не любят люди и почему нас истребляют Чистые братья. Хоть, может, сами они тоже толком этого не понимают.

Всю жизнь я считала себя обделенным, неполноценным созданием — ни то ни се. Ни зверь, ни человек. Только сейчас я поняла и осознала, что я на самом деле и то, и другое вместе! И зверь, и человек. То есть нечто большее, чем два существа — зверь и человек, — взятые порознь.

Оборотень — это не просто сильная, быстрая и живучая тварь. Оборотень может стать поистине могущественным, если осознает себя.

Кажется, именно это со мной произошло. Поправка: только начало происходить. Темное небо! Что же дальше-то будет, а?

Уже сейчас я воспринимала мир по-иному. Как-то... отчетливее, что ли? То, что раньше мне пришлось бы долго выяснять, сейчас я понимала сразу. Ответ появлялся чуть ли не раньше, чем я успевала задать себе вопрос.

Лежа на охапке сена лицом к стене, я уверенно знала, что в темном и тесном помещении нас трое. Рядом со мной, настороженно подобравшись, скалил клыки в беззвучном рычании верный вулх. Мне не нужно было видеть его, чтобы понять — вулху здесь очень не нравится, но непосредственной угрозы он не чувствует. Я приподнялась и не глядя поло-

жила руку ему на загривок. А затем обернулась туда, где ощущала присутствие мерзкого вильта.

Вильт был из тех, которые умеют разговаривать с людьми. Большая голова с несоразмерно маленькими жвалами казалась неумелой подделкой под человеческое лицо. Он стоял на четырех лапах, подняв верхнюю половину туловища вертикально, и суетливо потирал одна о другую верхние лапы.

— Ты больше не будешь меняться, человек? — спросил вильт-толмач. Жвалы его шевелились не в такт словам, а голос был каким-то безжизненным, монотонным. — С тобой уже можно говорить?

ТЬфу, пакость какая!

— Не буду я меняться, — пообещала я, снова отворачиваясь. — Говори.

Чтобы не смотреть на вильта, я занялась одеждой. Ах ты ж Тьма! Магическая шкура была перепачкана какой-то липкой мерзостью и воняла вильтами. Как видно, Одинцу вчера опять пришлось заниматься кровопролитием. Только кровь была не человеческой, а вильтской. Честное слово, мой спутник — парень не промах! Подраться с вильтами и остаться в живых... мда-а... Солдаты вильтов, по слухам, и в одиночку сильнее человека. А нападают-то они всегда кучей.

Я вытряхнула оружие, которое мой спутник затолкал в рукава и штанины, и брезгливо забралась в магическую одежду. Спасибо, хоть внутри она оставалась чистой. Иначе пришлось бы мне добираться до ближайшего водоема нагишом.

Впрочем, для начала нужно выбраться из вильтского подземного гнезда.

Хадасский кинжал тоже оказался перепачкан вильтской кровью, и я вытерла его пучком сена.

— Да говори же! — раздраженно бросила я, отбрасывая липкий клоч сена подальше. — Чего тебе нужно?

— Это долгая история, человек, — сказал вильт и снова сделал паузу.

По его поганой морде, конечно, ничего нельзя было прочесть, но мне показалось, что вильт волнуется. Наверное, он собирался сказать мне нечто важное. Да уж, конечно, важное, если он вообще стал со мной — с нами — разговаривать.

— Наш дом много поколений дружил с другим домом, — снова заговорил вильт. — Потом наши дома поссорились и много поколений вели войну. Очень много поколений. Потом наши мудрецы сказали: не надо больше воевать. Надо снова дружить. И владыка сказал: пусть кто-то пойдет в другой дом и скажет им, что мы больше не хотим воевать. И вот мы ждем много поколений.

— Чего ждете? — удивилась я.

— Человека, — сказал вильт. — Только чужой может пойти в другой дом. Мы много поколений ждем, а человека все нет. Люди здесь не ходят. Наконец ты пришел. Ты странный, но нам все равно. Если ты согласен отнести слова владыки в другой дом. Ты согласен?

Минуту я переваривала его слова, но когда переварила...

— Человек, тебе плохо? — обеспокоился вильт. — Ты умираешь?

— Не-ет, — всхлипывая от смеха, простила я. — Сейчас, погоди, отсмеюсь...

Вулх недоуменно посмотрел на меня. Да уж, где зверю понять, что меня развеселило. Для этого нужен человеческий разум. Вот и вильт тоже серьезен, как дыра в сортире.

Светлые боги, какие же придурки эти вильты! Много поколений они, видите ли, ждут человека, чтобы тот пошел и вместо них договорился с такими же тупоголовыми вильтами. Ой, не могу! А сами они этого сделать не могут? Тьма им в жвалы!

Я перевела дух, утерла слезы и задумчиво хмыкнула.

А ведь люди, если честно, не лучше. Тоже сплошь и рядом не умеют договориться между собой. Может, для решения человеческих проблем стоит приглашать вильтов?

Впервые в жизни я посмотрела на вильта с некоторым сочувствием. Они, конечно, мерзкие твари. Но что-то общее, как выяснилось, у них с людьми есть.

Глупость.

После вонючих вильтских подземелий воздух равнины показался мне сладким. Ветер шарахнулся в сторону, когда мы вылезли из норы в двух шагах от него, но тотчас признал меня и приветствовал радостным ржанием. Я прижалась щекой к его спутанной гриве. Неподалеку валялись два вильта с проломленными головами — надо полагать, подошли к вороному слишком близко. Только теперь, в свете Четтана, я разглядела, что тела вильтов имеют грязно-рыжую окраску.

В походном двумехе нашлось еще пол-лепешки, и я скормила ее жеребцу с ладони. Под теплыми солнечными лучами я постепенно приходила в себя. Ветер пошевелил ноздрями, втягивая странный запах, который исходил от моей одежды. Станный, но не противный.

Еще в подземном гнезде вильты посыпали мою магическую шкуру каким-то порошком, который впитал в себя липкую вильтскую кровь и осыпался, не оставив следа. Конечно, чистота моей одежды вильтов мало заботила. Но толмач объяснил мне, что запах их гнезда заставит стражников вражеского дома броситься на меня мгновенно, не рассуждая. Стражники у вильтов вообще не обучены рассуждать — впрочем, как и у людей.

Почесав Ветра между ушей, я вскочила в седло. Маленький большеголовый вильт-толмач поднял в человеческом прощальном жесте суставчатую лапу.

— Удачи тебе, человек, — пожелал он. — Передай предложение мира нашим соседям и езжай по своим делам. Охотники проводят тебя до границы соседнего дома.

Я окинула взглядом группу вильтов с огромными жвалами и длинными усами на маленьких вытянутых головах. Эти, в отличие от толмача, всеми шестью лапами опирались на землю и напоминали скорее гончих собак.

— Бывай, вильт, — проворчала я и движением поводьев направила вороного на юго-запад.

Вулх недовольно огляделся, в два прыжка догнал жеребца и потрусил впереди. Вильты-охотники, разделившись на три отряда, устремились вслед за нами. Я усмехнулась. «Проводят до границы», как же... Один отряд не даст нам свернуть влево, второй — вправо, ну а третий перекроет путь назад. И хрен с ними. Во-первых, спасибо, что в живых оставили. А во-вторых, мне все равно ехать в этом направлении.

Ветер двигался осторожно, шагом. Равнина была усеяна камнями разных размеров — от мелкого щебня до валунов в человеческий рост. Возможно, их вытащили на поверхность вильты, чтобы стенки их подземных камер и коридоров были гладкими. От толмача я узнала, что вся земля под нами изрыта бесконечными ходами и штольнями вильтского гнезда. Изредка на нашем пути встречались невысокие земляные холмы, насыпанные теми же вильтами для каких-то своих целей. Собственно говоря, мы ехали по крыше их дома.

Легкий восточный ветерок обдувал мне левую щеку. Приятно пригревал утренний Четтан. Я отпустила поводья, в который раз полагаясь на умение вороного жеребца самому выбирать дорогу.

Сегодня пошел седьмой день с тех пор, как я выехала из Айетота. Половина срока, отпущенного мне чародеем на путь к У-Наринне, истекла. Но пройдена ли половина пути? Я не могла точно ответить на этот вопрос.

Почему-то мне вдруг вспомнилось, как я представляла себе Каменный лес в самом начале дороги. Тогда мне рисовались угрюмые деревья с голыми каменными стволами... Я усмехнулась. Какой же наивной я была всего шесть четтанских дней назад! Думала, что если называется «лес», значит, и впрямь — лес. Перед моим мысленным взором встали величественные дольмены и менгиры, которые описал мне Винор. Хоровод каменных столбов, а в центре — ступенчатая пирамида с усеченным верхом. Священный Трон.

Добрые джерхи! Как сильно я переменялась за каких-то шесть дней... А что со мной станется к концу срока? Скажу ли я «спасибо» себе прежней за то, что согласилась пройти этот путь? Впрочем, деваться мне тогда было некуда.

Сейчас мне даже странно подумать, что я спокойно жила себе в доме Беша и знать не знала, что близятся Смутные дни. Не догадывалась, что мне выпадет увидеть на своем веку легендарные звезды. Так же, как до сих пор понятия не имею, что ждет нас в самой У-Наринне. И не знаю, зачем чародею нужно, чтобы мы с Одинцом оказались у Трона. Ох уж этот Лю, мастер недоговаривать...

Быть может, знай я его цели, я бы захотела обмануть чародея? Да нет, не похоже. Я никогда не считала себя честным челове... мадхетом и держу свое слово только до той поры, пока мне это выгодно — или пока у меня нет другого выхода. Но договор с Лю мне вроде бы выгоден вне зависимости от его намерений. С другой стороны, портить отношения с чародеем как-то, мягко говоря, не хочется. В общем, как выражался Унди, что дубинкой по голове, что головой по дубинке — а шишка вскочит. До Каменного леса я дойду непременно, ну а там посмотрим.

Я бросила взгляд направо, где высились сразу три земляных холма. И вдруг заметила, что вильты-охотники нас больше не сопровождают. Я обернулась. Сгрудившись в кучу, охотники шевелили длинными усами — принюхивались, что ли? Ага, стало быть, я уже на территории другого гнезда.

Мгновением позже я получила тому явное подтверждение. Убежавший вперед вулх вылетел из-за валуна, словно за ним демоны гнались, и бросился к Ветру. Умница вороной встал как вкопанный. Я спрыгнула с коня и шагнула вперед.

Нет, конечно, это были не демоны, а вильты-стражники. Хотя я не думаю, что демоны намного хуже. Я мигом выхватила из-за пазухи серебряное зеркальце, которое мне дал толмач, и подставила его под лучи Четтана. Красный блик

заплясал по камням. Только бы у стражников хватило ума опознать сигнал!

Вильты окружили нас, угрожающе шевеля огромными жвалами. Но нападать не торопились. Они словно чего-то ждали. И мы ждали. И свора охотников-вильтов, замершая в отдалении по ту сторону невидимой границы, тоже ждала. Вулх поднял ко мне морду и вопросительно заскулил.

— А джерх его знает, чего мы ждем, — честно ответила я. — Разве что начальника стражи?

Я почти угадала. Поскальзываясь на кучках щебня, к нам спешил головастый вильт-толмач. Только в отличие от моего предыдущего рыжего знакомого этот, как и взявшие нас в кольцо стражники, был черным.

— Не бойся, человек, — монотонно произнес он. — Мы не сделаем тебе плохого. Но ты должен оказать нам услугу.

— Дружок, — нежно сказала я, — кажется, ты опоздал. Эти славные ребята, ваши восточные соседи, прислали меня с предложением мира. Так что если вы намерены отослать меня обратно с тем же самым, я откажусь.

С этими словами я протянула ему серебряное зеркальце. Но вильт затрясся всем телом и воздел к небу верхние лапы.

— Горе нам, — сказал он все так же без интонаций. — Они нас опередили, и теперь честь миротворцев принадлежит им. Проклятие тебе, человек. Почему ты пришел не с запада, а с востока?

— Ну, извини, — пробормотала я себе под нос, раздумывая, что же теперь со мной сделают. Если уложить вот этих двоих и прорываться назад, на территорию рыжих...

Черный толмач сделал еще один горестный жест правой лапой и протянул левую за зеркальцем.

— Теперь я пойду доложить владыке, и он в гневе откусит мне голову, — сообщил мне вильт. — Но ты, человек, можешь ехать дальше беспрепятственно. Таков обычай.

Он наклонился к ближайшему стражнику и пошекотал его усами. Тотчас все стражники снялись с места и галопом

умчались прочь. Я собиралась было вскочить на коня, но передумала и повернулась к толмачу.

— Послушай, вильт, — сказала я, удивляясь сама себе. Ну какая мне разница, в самом-то деле? — А что, если ты не пойдешь к владыке? Подожди, пока он сам все узнает — глядишь, и голова цела останется.

Вильт пожевал жвалами.

— Пойду, — сказал он. — Может, и не откусит. Все-таки мир — это добрая новость. Прощай, человек.

Прежде чем взобраться в седло, я проводила толмача задумчивым взглядом. Мда-а, странный народ эти вильты. Рассуждают они совсем не так, как люди. Но и не так, как хоринги. Интересно, сколько времени соседние гнезда воевали друг с другом? «Много поколений» — сколько это будет по человеческому счету? Десять кругов? Сто? Триста?

Кажется, познакомявшись с вильтами поближе, я стала относиться к ним с большей симпатией. Я чихнула. Вот только воняют они все-таки даже для человеческого носа нестерпимо.

Если еще когда-нибудь буду у вильтов послом — завяжу нос косынкой.

Пару часов мы продвигались вперед по территории, занятой вильтами, а потом изобилие камней и земляных холмиков кончилось, и потянулась обычная равнина. Я вздохнула с облегчением. Трудно расслабиться, когда знаешь, что земная толща под тобой вся пронизана тоннелями вильтов.

Равнина, сменившая каменистую пустошь, сплошь поросла густой травой. И здесь я тоже не могла пустить коня в галоп, потому что под покровом травы крылись маленькие коварные овражки. Ветер недовольно фыркал и порывался ускорить шаг, но я сдерживала его.

Зато вулх, кажется, был счастлив. Он шнырял в траве, и на морде его было написано настоящее блаженство. Могучий зверь вел себя как шенок — ну разве только за бабочками не гонялся. Я было удивилась, а потом поняла, в чем дело. Одинец

радовался вновь обретенному здоровью. Спасибо тебе, лекарь Самир! Спасибо, что помог моему спутнику...

Ох, Тьма! Я вдруг вспомнила, что Самир советовал нам ближайшие пересветы встречать в одиночестве. А Одинец, судя по всему, на последнем пересвете оказался в окружении вильтов. Не помешало ли это ему? Или вильты не в счет? Меня-то как раз рядом не было, меня вильты потом к нему притащили. Кстати, странно, почему меня к нему, а не наоборот... Ладно, Тьма с ними, с вильтами. А вулх с виду в полном порядке. Будем считать, что ничего страшного не случилось. Тем более что изменить уже ничего нельзя.

Из очередного овражка Одинец вынырнул с тушкой какого-то зверька в зубах. Я присмотрелась. Кролик! Спасибо за подсказку, серый брат. Я взяла в руку два метательных шарика (остальные куда-то подевались) и стала внимательно смотреть по сторонам.

Через несколько минут вспугнутый приближением жеребца кролик попытался скачками пересечь нам дорогу. Варварский шарик подбил его в прыжке. Я спустилась с коня за добычей, и тут же прямо на меня выскочил еще один зверек. Я решила, что двух кроликов нам с вулхом хватит — учитывая, что одного он уже сожрал сырым. То есть по крайней мере одного я видела.

Зверьков было немного жаль, но айтиотские припасы уже кончались. Ничего, размножатся. Кроликам тут раздолье. Вон какая трава сочная! Жеребцу она, надеюсь, тоже понравится. Сейчас найдем какую-нибудь воду и устроим славный привал.

— Хэй, Одинец! — кликнула я вулха. — Тут поблизости речка есть?

Вулх не отозвался, а Ветер презрительно фыркнул — мол, нашла, у кого спросить. У хищника, который при необходимости и кровью напьется. А вот травоядному без воды никуда! И жеребец скосил карий глаз влево, где на фоне далекого леса в перелете стрелы от нас шелестела листвой небольшая роща молодых осин.

Но я уже и сама сообразила, что деревья наверняка выросли вокруг источника. Мне даже стыдно стало за тугодумие. Да, все-таки я городской житель. Таверну в незнакомом городе найду мгновенно, а вот родник в роще — не раньше, чем посоветовавшись со своим конем.

— Спасибо, Ветер, — серьезно сказала я. — Пойдем. Хэй, Одине-ец!

Но вулх появился только тогда, когда на лишенном травы пятачке земли близ мелкого ручья уже горел костер, и освежаванные тушки кроликов поджаривались на осиновых прутьях.

Сидя на корточках рядом с костром и время от времени поворачивая тушки, чтобы они пропеклись со всех сторон, я размышляла о путевом столбе хорингов, который мы видели вчера. Синим днем.

Колонна ослепительно сверкала в синих лучах Меара. Наверное, ее было видно издалека. Но издалека мне ее увидеть не довелось. Я очнулась уже сидя на большом валуне в каком-нибудь десятке шагов от колонны.

Кто-то сидел на камне бок о бок со мной. Или стоял у меня за спиной. Я ощущала чье-то дружеское присутствие совсем близко.

Одинец? Я обернулась. За спиной никого не было. Да что же это?

У меня над ухом раздалось насмешливое мурлыканье.

Карса, ты?! Я резко повернулась кругом, запуталась в собственных лапах и кубарем покатилась с валуна. Вскочила, выгнув дугой спину и встопорщив хвост, и растерянно зашипела. И только тогда поняла, что со мной происходит.

Карса действительно была рядом, только не снаружи, а внутри. В мыслях. Я опять очнулась в зверином теле синим днем, и на этот раз тело мне подчинялось.

«Здравствуй, малышка, — ласково приветствовала я Карсу и вспрыгнула обратно на камень. — Я рада, что мы снова вместе».

Моя звериная половина замурлыкала еще громче. •

Легкий ветерок взъерошил шерсть у меня на хребте. Я поежилась. Кажется, меарский день холоднее четтанского. Или мое звериное тело по-другому воспринимает тепло и холод? Ничего, привыкну. К синему свету и синим теням меарского дня я уже начала привыкать. Интересно, что светлые предметы полностью меняют окраску под лучами Меара, а темные только приобретают другой оттенок.

Вот этот каменный столб перед нами — в свете Четтана он, должно быть, ярко-красный. Я подняла голову.

На верхушке колонны была укреплена металлическая пластина с рисунком. На первый взгляд рисунок показался мне нечетким, смазанным — наверное, краски размыло дождями... Но в следующий миг я вспомнила, где я видела такие рисунки. И поняла, что передо мной первый из путевых столбов на дороге в У-Наринну, о которых говорил Винор.

Живые картины хорингов я видела в хадасских лавках древностей. Они стоили огромных денег, потому что даже самые искусные мастера из людей не могли их подделать. Хоринги писали свои картины не красками, а магией, и рисунок оживал под взглядом смотрящего. Люди давно заметили, что разглядеть хорингскую живую картину можно, только сосредоточившись на ней целиком. Стоит хоть чуточку отвлечься — и изображение превращается в беспорядочную мешанину цветных пятен.

Я усмехнулась. Вернее, я попыталась усмехнуться, но тут же представила себе, как это выглядит снаружи, и оставила попытки. Карса, прищурившая глаза, приподнявшая верхнюю губу и оскалившая клыки... Вряд ли это похоже на усмешку. Даже наверняка не похоже. Мда-а, если я захочу кому-то понравиться синим днем, надо будет поменьше улыбаться.

Усмехалась же я тому, что люди до сих пор не разгадали второго свойства хорингских картин. Лукавые шерхи делали их так, чтобы каждый зритель видел рисунок по-своему. Когда Винор рассказывал мне о дороге в У-Наринну, он предупре-

дил, чтобы я не слишком доверяла картинкам на путевых столбах. «Они покажут тебе Каменный лес и путь к нему, — сказал хоринг, — но... в меру твоей осведомленности. Поскольку знание никогда не бывает полным, живые рисунки всегда в чем-то лгут. А ложь может оказаться опасной. Понимаешь?»

Ну, честно говоря, я не очень поняла его слова. Но хорошо их запомнила.

Так что же покажут мне джерхские картинки? Я обратила взгляд на металлическую пластинку, венчающую колонну, и сосредоточилась. Карса в моих мыслях тоже стала настороженно-внимательной. Сначала я по-прежнему видела лишь разноцветные пятна. А потом они задвигались, картина ожила и словно втянула меня туда, где на плоской поверхности небольшого плато громоздились разновысокие монолиты Каменного леса.

Здесь, внутри картины, был красный день. Закат красного дня.

Прислонившись спиной к теплomu камню, я смотрела, как Четтан раскаленной медной монетой скользнул за край земли. Стало темно. Но я не спешила оборачиваться к востоку. Я знала, что Меар взойдет еще нескоро. Темнота вокруг была не сумерками пересвета, а самой настоящей Тьмой. В мир пришла Ночь. Яркие и колющие точки звезд вспыхнули на небе...

Я закрыла глаза. Я зажмурилась изо всех сил и замотала головой. Нет! Не хочу! Выпустите меня отсюда!

...Свалившись с валуна во второй раз, я встряхнулась и почесала лапой за ухом. Задней лапой, разумеется, — так ведь гораздо удобнее. Звериное тело хранило свои привычки и действовало в обход сознания. Вот и прекрасно! Иначе как бы я, например, разбиралась с карсыим хвостом?

Я почесала за другим ухом другой задней лапой. На этот раз вполне сознательно. Коварную картинку мне показали, ничего не скажешь. Уж и не знаю, как это объяснить, но,

глядя на рисунок изнутри, я вдруг почувствовала — он не поможет мне добраться до У-Наринны. Наоборот, помешает. Уведет в сторону.

И я сбежала, пока не поздно.

Странно. Непонятно. Но я склонна была верить своим чувствам, пусть даже им нет объяснения. Тем более что Винор остерегал меня насчет живых рисунков.

Тьма! А где мой спутник? До сих пор я была так занята своими собственными переживаниями, что почти забыла про Одица. А ведь он небось тоже разглядывает магические картинки? Что он там видит? И как узнать — пойдет ему это на пользу или во вред?

Человек стоял по другую сторону каменного столба. Высокий, плотно сбитый мужчина с темными волосами. Изрядная небритость на щеках и подбородке уже вполне могла сойти за бороду. Судя по хорошо знакомой мне хорингской одежде, это и впрямь был Одица.

Мягко ступая, я подошла к нему и остановилась в двух шагах. Он меня не заметил. Он был так занят, что, по-моему, к нему и пьяный рив подошел бы незамеченным. Анхайр выразительно и со вкусом бранился. Он ругал чародея Лю.

Я с удовольствием выслушала его речь от начала до конца. Особенно мне понравился оборот, возводящий родословную чародея к первому из джерхов, который строил пакости людям еще на заре времен. Выдав напоследок многоступенчатую фразу без единой запятой, Одица умолк и закашлялся. А я горько вздохнула.

Хорошо Одицу, он еще может ругаться. Надо полагать, мой спутник не догадывается пока об истинном смысле слова «джерх», например. Иначе он бы вряд ли стал доказывать принадлежность Лю к Старшей Расе с таким пылом. У меня же запас привычной брани истощался с каждым днем и оскудел до неприличия. С джерхами я познакомилась, Смутные дни уже настали, темное небо я вижу каждый четтан-

ский вечер, Ночь скоро тоже придет... Для облегчения души остались только «хрен» да «задница». Вот задница, а?

Одинец встретил мой взгляд и сказал:

— Идем. Дорогу я знаю. — Он кашлянул еще раз и добавил задумчиво: — Только вот откуда?

Я фыркнула. Если до сих пор не знал, а теперь узнал, то, ясен пень, из хорингской картинки. Надо будет опять написать Одинцу записку и сверить наши знания. Эх, нам бы встретиться да поговорить! Хотя я сейчас все понимаю, но сказать-то ничего не могу. Вот если бы Одинец догадался, что его слушает не Карса, а Тури, и поделился со мной тем, что знает... Как бы ему подсказать?

Но мой спутник уже вскочил на коня.

— Хэй, Ветер! — крикнул он. — Давай погоняемся с твоим тезкой! Кто кого?

Ветер взял с места в карьер, но я не успела полюбоваться его стремительным бегом. Карса внутри меня рванулась вслед за ним. А для меня синий день померк.

Вулх подошел к костру, шумно втянул носом воздух и посмотрел на меня — мол, не пора ли уже обедать? Жаркое и впрямь пахло так, что у меня слюнки потекли. Я затоптала костер.

— Погоди немного, — сказала я Одинцу. — Пускай остынет.

Анхайр согласно склонил голову. Я протянула руку, запустила пальцы в жесткую и густую шерсть вулха и с удивлением обнаружила, что улыбаюсь. Очень хорошо было сидеть вот так, временно никуда не торопясь, и знать и чувствовать, что рядом друг. Верный, надежный, молчаливый.

Я бы не смогла точно назвать момент, когда мы с вулхом стали друзьями. Шесть дней назад он был для меня незнакомым и непонятным зверем. Спутником, которого навязал чародей. Я помню, что отнеслась к нему настороженно и с опаской. Но потом... Потом мы вместе сражались с лесными разбойниками, вместе спасались от обезумевшего стада бы-

ков... Потом я несла его на руках, умирающего, и умоляла дожить до пересвета...

Я знаю, что он за меня перегрызет глотку кому угодно — демону, хорингу и даже, наверное, другому вулху. Знаю, и точка. И я тоже готова на все ради него. Потому что вулх, серый брат-храбрец, — это первый настоящий друг в моей жизни. Даже Унди Мышатника, да упокоит Тьма его нетрезвую душу, я не могла назвать другом. Он был мне учителем, он был единственным человеком, с которым я могла говорить обо всем, но... не на равных. И еще он не был оборотнем. А вулх — он такой же, как я.

Я потрогала кроличью тушку, сняла ее с вертела и протянула анхайру. Он осторожно принял мясо из моих рук и отошел в сторонку. А я с наслаждением вгрызлась во вторую тушку. Сладкий жир закапал на песок.

Да, вулх мне друг. А вот Одинец-человек у меня пока не вызывает особых чувств. Разве что легкое раздражение, когда приходится выпутываться из очередной передраги четтанским утром. Раздражение пополам с симпатией — ведь ему тоже нелегко приходится. Не легче, чем мне. И пока он успешно справлялся с неприятностями. Из Запретного города нас вытащил, например. Но, по большому счету, я его просто мало знаю. Пока. Я и увидела-то его впервые только вчера, глазами карсы.

Это Карса, а не я, проводит с Одином-человеком все синие дни. Интересно, они так же подружились, как мы с вулхом? Ау, Карса! Что скажешь?

Карса откликнулась. Да так, что у меня от неожиданности чуть не вывалился из рук вертел с кроликом.

— Вулх, ты представляешь? — растерянно сказала я. — Эта мерзавка в тебя влюбилась! То есть не в тебя, конечно, а в него. В человека. Ну, то есть в тебя, но не сейчас, а при Меаре. И не она, конечно, а я, только не человек, а карса.

Я бы, наверное, еще долго путалась в словах, но вулх оторвался от кролика и посмотрел на меня с таким возму-

щением, что я сразу заткнулась. И правда, чего я зверю голову морочу? Пообедать спокойно не даю. Для него, для зверюги в серой шкуре, все просто и однозначно. Для рыжей влюбливой Карсы тоже.

Это нам с Одинцом, человеческим половинам оборотней, приходится разбираться со всякими сложностями. Дружить или не дружить? Любить или не любить? Пытаться узнать или оставаться в неведении? Вопросы, вопросы...

Может, и зря люди все усложняют.

Пока мы с вулхом обедали, погода успела испортиться. Легкий восточный ветерок, который теребил листву осин, незаметно набрал силу и теперь уже не игрался листьями, а гнул к земле верхушки деревьев. По небу летели рваные клочья туч. В роще стало неуютно.

Я с сожалением отбросила последнюю кроличью косточку, облизала пальцы и поднялась на ноги. Пора уходить отсюда. Я достала из двумеха флягу, прихватила мех для воды, вернулась к ручью и задумалась. Ручей был чистым, но мелким. Набрать из него воды в мех, не зачерпнув при этом песка, не получится. Может, у истоков ручей глубже, и наполнить там мех будет удобнее?

Я направилась вверх по течению ручья, но через пару десятков шагов с досадой обнаружила, что ручей становится все уже. Густая трава на его берегах, свешиваясь в воду, почти скрыла ее под собой. Надо было возвращаться, но я почему-то продолжала идти дальше. Еще через десяток шагов я увидела источник.

Неведомый строитель некогда уложил каменные блоки кольцом, чтобы выбивающийся на поверхность земли родник заполнял полую сердцевину, и вода накапливалась в высоком колодце. Каменная кладка потемнела от времени, а местами уже раскрошилась. В трещинах между камнями обосновался мох. Похоже, сюда очень давно никто не навещался. Тот, кто когда-то клал эти камни, явно не рассчитывал, что вода проточит ход в основании чаши и ручейком

выскользнет на свободу. Он не умел мыслить сотнями кругов — значит, это был не хоринг. Колодец построили люди.

Вот и хорошо. Я глубоко вздохнула. Каменная арка, сквозь которую мы бежали от землетрясения, и каменный путеводный столб с живыми картинками были делом рук хорингов и имели самое прямое отношение к магии. Я уж молчу про цель нашего путешествия — магический Каменный лес. Неудивительно, что любое каменное сооружение стало вызывать у меня опаску.

Но в этом колодце, похоже, магии не было. И воды в нем скорее всего не было тоже. Разве что на самом дне. Для очистки совести я перегнулась через край кладки и заглянула внутрь.

Ровное зеркало воды стояло почти вровень с краем. На какой-то миг в нем отразилась моя ошарашенная физиономия и всклокоченные рыжие волосы, а потом у меня из руки выпала фляга, расплескала зеркало и камнем ушла в глубину. Я и ахнуть не успела.

Вода в колодце вскипела ключом и выплеснулась мне в лицо. Я отпрыгнула в сторону и, протирая глаза, изумленно смотрела на то, что творится с источником.

Из колодца бил кверху пенный столб воды. Это было так красиво, что я даже не испугалась. В тысячу раз красивее фонтанов на дворцовой площади Хадаса. Вода взлетала на высоту двух моих ростов и разлеталась в стороны множеством мелких брызг. Если бы не хорингская одежда, я была бы уже мокрой насквозь. Водное чудо длилось, наверное, минуты две, а потом столб воды стал стремительно уменьшаться и втянулся в колодец. Мгновением позже только лужи вокруг да капли, падающие с листьев осин, напоминали о том, что случилось. Все вокруг было мокрым, как после хорошего ливня. Фляга валялась в нескольких шагах от каменной кладки. Пустая.

Я осторожно подошла к колодцу и заглянула в него. Зеркало воды снова было гладким и спокойным. Я поспешно

отпрянула, пока с моих мокрых волос не сорвалась капля. Кто его знает, как поведет себя источник. Во второй раз потревожить его я не хотела.

Пристегнув к поясу флягу и подобрав мех, я вернулась на прежнее место. Вулх окинул меня неодобрительным взглядом. Да уж, вид у меня, надо полагать, был тот еще. Я провела рукой по лицу, чтобы отвести липнувшие ко лбу мокрые волосы, и только теперь заметила, что рука испачкана землей и мхом.

— Это была вежа, Одинец, — сказала я вулху. — Вторая из пяти. Только я ее сперва не узнала.

Анхайр неожиданно вскинул голову и посмотрел на меня как-то совсем иначе. Я вздрогнула. Это не был взгляд зверя. Глазами вулха на меня смотрел человек.

— Здравствуй, Одинец! — торопливо сказала я. От волнения голос сорвался в какой-то хрип. — Ты, наверное, ненадолго — слушай быстро, как нам идти дальше. Если уже сам знаешь, кивни. На пути в У-Наринну нужно непременно пройти пять вех. Первую...

Громкое рычание раздалось у меня за спиной. Я отпрыгнула в сторону, оборачиваясь уже в прыжке.

То, что с рычанием и воем бросилось на нас из-за деревьев, не было похоже на живое существо. Оно не было похоже вообще ни на что из известного мне. Как будто одна из клочковатых туч вдруг спустилась на землю, обзавелась скверным характером, вонючей пастью с огромными клыками, и решила сорвать на нас злость за свою никчемную жизнь.

Анхайр увернулся от клыкастой пасти, вцепился чудовищу в бок и оторвал от него кусок тумана. Тварь не обратила на это внимания, а Одинец вдруг по-собачьи взвизгнул от боли.

Туманное щупальце хлестнуло меня по руке, и я тоже вскрикнула, тряся обожженной кистью. Тьма! Облако было горячим, как пар над кипятком. Светлые боги, как же с ним справиться?! Если бы оно не было таким огромным... Даже

если избежать страшных клыков чудовища, в нем внутри можно свариться заживо.

Темный вихрь промчался меж осинок. Ветер с громким ржанием устремился на врага и... прошел сквозь него, разделив туманное тело твари на два отдельных полотнища.

— Топчи его, Ветер! Одинец, сюда! — отчаянно завопила я и бросилась жеребцу на подмогу. Все втроем мы обрушились на тот кусок тумана, на котором не было пасти. Уворачиваясь от шелкающих клыков и обжигающих шупалец твари, мы растоптали и развеяли в клочья одно из полотнищ.

— И еще раз! — крикнула я и ринулась прямо в облако, стараясь не думать о будущих ожогах.

Мы набросились на туманную тварь, как детишки на праздничный пирог. Ветер поднялся на дыбы и молотил чудовище копытами, Одинец рвал его лапами и пастью, а я руками раздирала обжигающий туман на куски. От боли у меня из глаз катились слезы, но я продолжала ошипывать с твари клочья тумана, как перья с курицы.

Облако завизжало. Оно беспорядочно шелкало пастью и визжало, как почувывший смерть поросенок, а мы продолжали остервенело рвать его на части. Чудовище визжало все тише и тише, и вскоре от него остался только клоч тумана величиной с подушку, посередине которого застыла в беззвучном крике разинутая пасть. Я примерилась и врезала ногой по клыкам. Они раскрошились от удара, как старая хрупкая кость. Остатки тумана растаяли, и на истоптанной земле осталось лежать только костяное крошево.

Я перевела дух.

— Не знаешь, что это было, Одинец? — спросила я, оборачиваясь к анхайру.

И встретила звериный взгляд. «Ничего хорошего», — явственно читалось в глазах вулха.

— Вот и я не знаю, — вздохнула я, подошла к ручью и окунула в воду обожженные руки. Вода была теплой. — Но

что-то мы с ним слишком легко расправились. Боюсь, что нас всего-навсего пугали. Хотела бы я знать, кто.

Больше до самого вечера ничего особенного не случилось. Хмурое небо пролилось на нас обильным, но коротким дождем, и тотчас просветлело. Ветер утих. Показавшийся из-за облаков Четтан высушил звериную шерсть и мои волосы.

Вороной конь легко нес меня по равнине навстречу закату. Хвала небесам, жеребец не получил ожогов в кипящем облаке. Нам-то с Одинцом ничего, нас исцелит пересвет.

Четтан уже коснулся западного горизонта, когда я остановила жеребца, спрыгнула на землю и выскользнула из одежды. Должны ли мы с Одинцом и этот пересвет встретить порознь? Вроде бы ничего такого Самир не говорил. А если бы и говорил, я не уверена, что послушалась бы его слов. Очень мне не хотелось сейчас расставаться ни с Ветром, ни с Одинцом.

Четтан ушел под землю. Багровое зарево заката на горизонте медленно угасало. Тьма объяла мир, и над головой у меня зажглись звезды. Я положила руку на шею коня и повернулась лицом на восток. Туда, где через пару минут Тьмы взойдет уже немного знакомый мне синий Меар. Пока еще я не смогу увидеть его восход. Пока еще.

Краем глаза я уловила движение там, где стоял вулх, обратив вытянутую морду к востоку. Я глянула на анхайра.

Тело оборотня стремительно менялось. Удлинились лапы, сплющилась морда. Живая плоть на считанные мгновения обрела текучесть и спешила отлиться в новый облик. Последней исчезла серая шерсть, и под бледной кожей рельефно обрисовались человеческие мышцы. Анхайр медленно поднялся с четверенек и застыл, глядя на меня.

Несколько мгновений мы стояли и смотрели друг на друга. Два оборотня, мадхет и анхайр. Нагие мужчина и женщина под темными небесами в редких крапинках звезд.

Добрые джерхи! Нам с Одинцом столько нужно было сказать друг другу, а мы не могли вымолвить ни слова. Мы просто смотрели друг на друга. Просто смотрели.

А потом из-за горизонта показался яркий синий краешек Меара, и неодолимая сила пригнула мои плечи к земле. Я почти почувствовала, как сквозь кожу прорастает шерсть.

Пришло время карсы.

ГЛАВА 14

Меар, день седьмой

Будь я проклят, но Лю выполнял свое обещание! Я еще толком не очнулся после превращения, еще лежал физиономией в песок, а уже перебирал в уме воспоминания прошедшего дня. Красного дня. Думал ли я когда-нибудь, что вообще увижу Четтан и запомню это?

Мечтал — да. Не один раз. Но и только.

Я помнил колодец, и склонившегося над ним человека. Человек если и был ниже меня, то вулх это не оценил, поскольку вулхи имеют обыкновение ходить на четырех лапах и быть значительно ниже людей. Еще человек был рыж (хотя, чего еще ожидать от четтанца?), а также перепачкан в земле, и еще джерх знает в чем. Волосы торчали клочками, как у пугала, каждый клочок — в свою сторону.

Потом произошло нечто странное; вулх насторожился и оттеснил Морана, так что в памяти осталось только беспокойное воспоминание о неожиданно выплеснувшемся из колодца столбе воды. Тури оказался вымокшим с головы до пят, да и вулху досталось. Впрочем, вулх совершенно не огорчился такой купели, даже ощутил какое-то свое, мне малопонятное блаженство. Вот, самому в реке искупаться — это одно, а когда на тебя обрушиваются тысячи капель и брызг — это совершенно другое. У вулха это даже не считалось купанием, чем-то иным; будь у них язык такой же, как и у людей, этим понятиям

соответствовали бы разные слова. Морану же было все равно — какая, хрен, разница, как именно намокнуть?

Впрочем, я знал, что одежда хорингов не промокает. Так что Тури лишь намочил свою рыжую шевелюру, которую, если честно, не грех было и вымыть.

Все это я осознал и вспомнил меньше, чем за секунду. Потом тряхнул головой и оторвался от земли. Встал с четверенек. И застыл, как громом пораженный.

Во-первых, было темно; Четтан уже сел, а Меар еще не показался из-за горизонта. Во-вторых — звезды, но на них я даже не стал глядеть. Потому что...

Передо мной стояла девчонка. Голая, как... Ну, в общем голая. Рыжеволосая. Действительно ниже меня и, понятно, поуже в плечах. Встреть я ее в таком виде где-нибудь в Дренгерте или Торнскольме — гнался бы сколько ни пришлось и непременно уволок бы в свое логовище. За таких прижимистые хадасские торговцы наложницами отваливают золото не торгуясь. Потому что есть за что.

У ног Тури виднелись сапоги и аккуратно сложенная одежда с торчащими в разные стороны ремешками.

Наверное, у меня отвисла челюсть. Мысли попрятались, словно мыши, почуявшие кошку. Так вот ты какой... какая, Тури-спутник... тьфу! спутница!

Я стоял, позабыв, что нам нужно непременно переговорить, сколько удастся, позабыв, что я наг, как и она, позабыв обо всем на свете. Как-то не готов я оказался познакомиться с мадхетом. Мадхет был совершенно не тем, кого я уже успел нарисовать в собственных мыслях и даже наделять кое-какими чертами, казавшимися мне неизбежными и обязательными.

А потом девчонка сгорбилась, упала на четвереньки — и стала меняться. Вот, значит, как это выглядит со стороны... Тело перетекает, как глина под пальцами гончара. И мех из кожи лезет, как сумасшедший.

Нормальным людям, наверное, эта картина показалась бы отвратительной. Я же уловил в ней даже некую мрачную красоту. Ну конечно, анхайр, исчадие Тьмы, нелюдь. Извращенец джерхов.

Не знаю, как другие анхайры... и мадхеты, а в человеческом облике я предпочитал нормальных женщин, и делал с ними то же, что и все. Ну, почти все. Вот с такой киской точно не отказался бы.

Прошло еще несколько минут, и я решил, что спятил. Или что мне все это привиделось.

Вставал Меар, вокруг уже стало светло. Карса, обычная карса, сидела на траве в нескольких шагах от меня и яростно умывалась, вылизывая лапу длинным розовым языком. Привычно подогнав курткуштань под себя и пройдя несколько шагов в тесных сапогах, чтоб перестали быть тесными, я обернулся к спутнику... -це.

— Эй, киса!

Карса вопросительно взглянула на меня. Кажется, карса, а не Тури.

— Иди-ка сюда!

Рыжая зверюга охотно потрусилась ко мне и потерлась о ноги, совсем, как домашняя кошка, с той лишь разницей, что я от такой ласки чуть не свалился наземь.

Я присел, погладил ее, почесал там-сям; карса замурлыкала громче. Тогда я опрокинул ее на спину и стал чесать живот. Она ловила мои руки лапами и пастью, но не кусала и не царапалась, просто играла.

Так и есть. Мне ничего не привиделось. Эта карса — самка. Два ряда сосков на поросшем светло-рыжей шерстью пузе рассказали мне обо всем. Моим спутником был оборотень-женщина. Женщина-карса. Тури.

М-да.

Я поскреб небритую щеку. Вот ведь сюрприз! Что теперь — придется в кусты хорониться, когда отлить припечет? Неудоб-

но как-то при ней. Да и Тури в карсе в любой момент про-снуться может, как я в вулхе.

А она, видать, еще та девчонка. Дрались мы за эти шесть и шесть дней немало. Ну, положим, в теле карсы кто угодно бойцом будет. А вот в людском...

Я вспомнил Запретный город. Тури явно тогда встретила пересвет на арене, дерясь с кем-нибудь. А, с карсами, вспомнил. Тогда скорее всего никакой драки не получилось, точно так же как у меня с плененными вулхами. Не станет же она с родичами драться?

А в первый день она разобралась с лесными лютиками, с разбойниками. Сколько их там положила моя милая спутница? Не то троих, не то четверых, не помню уже. Интересно, кем она была до похода? До договора с Лю-чародеем? И как ухитрилась выжить в таком нетерпимом к мадхетам и анхайрам мире?

Эх, поговорить бы нам! Поговорить!

Но как встретиться, если и она, и я — оборотни, и мы дети разных светил?

Стоп. Стоп. Последние дни показали, что в мире что-то меняется. Во всяком случае, при синем пересвете ненадолго наступает тьма. Причем, если мне только не кажется, время, когда видны звезды, день ото дня становится все продолжительнее. Может быть, у нас еще будет шанс поговорить, как человек с человеком? Тем более что по пришествии Смутных дней Тьма будет длиться... не знаю сколько, но уж точно не пару минут.

Ладно, увидим.

А вот на красном пересвете Меар и Четтан напозают друг на друга, и вулх вполне может пообщаться с карсой. Интересно, кому будет хуже после такого общения? У вулха — зубы, а у карсы еще и когти. Бр-р-р...

Не поэтому ли Самир советовал встречать пересветы порознь? Мудро. Вполне мудро. Но почему-то мы этим советам не вняли.

Я еще долго собирал мысли в кучу, прежде чем покинул выбранную Тури стоянку. Тури... Я мог бы в тебя влюбиться, если бы не был оборотнем. Впрочем, рыжих часто называют бестиями, и я не думаю, что напрасно. Но почему-то хотелось верить, что Тури совсем не такая.

— Как же, — проворчал я, — не такая...

Сразу вспомнились трупы с окровавленным горлом, куда, несомненно, входил метательный гурунарский нож, а потом был выдернут без особых церемоний. Я и сам так поступал неоднократно.

К тому же Тури — оборотень. А это быстро отучает от доброты. Еще в раннем детстве.

Слава всему доброму под этим небом, последний пересвет обошелся без сюрпризов. Представляю, что подумала и как обозвала меня спутница, очнувшись в логове у вильтов. Кстати, умудрилась же она выкрутиться из весьма темной (во всех смыслах) ситуации. Я понятия не имел, чего хотели от нас вильты — их вообще лучше не пытаться понять. Думают они совершенно иначе, если вообще думают. Что-то такое говорил вильт-толмач перед самым пересветом, я толком и не запомнил, потому что был больше озабочен предстоящим превращением и отсутствием Тури. Хвала небу, все обошлось. Тогда и голову ломать больше не стану.

Потом, покопавшись в воспоминаниях вулха (или в своих собственных, я еще не научился отличать одни от других), я явственно увидел туманный силуэт Стража. Это сразу после фонтана, что брызнул на Тури из колодца. Страж Тепла, если я не ошибся. Рыжая бестия едва успела отойти от колодца куда-то в сторону, а вулх трусил за ней. Стража, похоже, мы разметали, потому что в тот момент вулх Морана совершенно вытеснил — наверное, в чистой драке человек ему только мешал. Похоже, зверь охотно отступает перед человеком, когда вокруг творится нечто непонятное ему, зверю.

Но Страж Тепла у воды? Нелепица какая-то. Разве что кто-нибудь его послал в качестве вестника. Точнее, даже не вестника, а предупреждения. Есть у магов такая особенность, в случае чего припугнуть Стражем...

Значит, маги? Маги. Снова маги. Возможно, хоринги... А может, и нет. Покойный Иланд поминал некоего Седракса, видимо, тоже мага. И, видимо, тоже нацелившегося в Каменный лес. Лю явно пытался добраться до У-Наринны, опередив подобных соперников.

Скорее всего Стража прислали не хоринги. У этих и магия была бы чужая. А тут — слишком по-людски: подsunуть громилу, чтоб дал по рукам в случае чего. Просто и надежно. Вот только этими самыми руками Стражу и организовали бесславную гибель.

Выходит, что неведомые соперники Лю не знают, что я этих Стражей гонял еще в Храгах с Жошем и Накустой. Местные то и дело нанимали бродячих колдунов, и те отсылали в лес наугад целые толпы этих Стражей. Полагали, что это защитит людские деревни от оборотней. Не знаю, деревни мы и так не трогали, а Стражи были опасны для щенков и детей. Я и сам тогда был еще ребенком, но уже подростком. Причем со Стражами разбираться умел и человек-я и вулх-я. Так что у Тури был, наверное, шанс приятно удивиться способностям Одинца в общении со Стражами. Кажется, она знает меня как Одинца, потому что неоднократно так ко мне обращалась. Я, конечно, скажу ей свое настоящее имя. Но — потом... и только сам, не доверяя его бумаге. И еще — только Тури, женщине. Не карсе.

Почему-то я был уверен, что Тури меня никогда не выдаст.

Я привычно направлял Ветра в обход редких рощ, попадающихся навстречу, и вдруг задумался: а почему, собственно, я это делаю? Боюсь, что вновь подстерегут хоринги? Так они и не в лесу могут подстеречь. Правда, в лесу они и впрямь куда опаснее. Хоринг в лесу, что рыба в воде, говорят древ-

ние писания. И Унди так говорил. Только вместо «рыба в воде» он упоминал «вошь в бороде».

Кстати, о бороде. Вон ручей поблескивает. Побреюсь-ка я, а то зарос, как джерх. Только детей мной пугать — смотреть противно. Да и Тури, того... пусть увидит меня бритым.

Смысла в этом не было ни малейшего. Я это прекрасно понимал. Но тем не менее натер физиономию илом и вытащил верный гурунарский нож, тот, что поострее. Вместо зеркала я смотрелся в ручей.

Ненавижу бриться. Не потому, что это доставляет мне боль или еще что-нибудь в этом роде. Нет, просто лень. Собственно, поэтому я и зарос. В городе пришлось бы бриться ежедневно, если я хотел вести дела успешно. Бородатые в моем ремесле вызывают подозрения и косые взгляды. А чисто выбритые — доверие и симпатию. Но с момента пересечения Юбена подобные мысли перестали меня волновать и, следовательно, ни разу не посещали озабоченную совсем другими проблемами голову.

Интересно, если я побреюсь перед самым пересветом, это как-нибудь отразится на внешности вулха? Вот, Тьма, никогда раньше не задумывался!

Когда я уже закончил, успел умыться и оттирал лоскутом ткани нож от налипшего ила, пришла карса. Провалиться мне на месте, я без бороды нравился ей больше, чем с бородой, ибо первое, что она сделала, это лизнула меня в гладко выскобленную щеку!

— Ну-ну... — сказал я, легонько отпихивая ее. — Вот если бы это была твоя рыжеволосая половина...

Но у нее уж точно не возникнет идея целовать вулха. Впрочем, женщины — странные создания. Бывает, котят целуют, щенков. Вулха — еще ни разу не видел. Рисковую стать первым...

Я вздохнул. Помечтай, помечтай, Одинец. Говорят, помогает.

Вскоре я снова сидел в седле, лениво мусоля очередную мысль. По-прежнему непонятно, как переносит путешествие Ветер. Порой ему приходится без отдыха нести то меня, то Тури, невзирая на пересветы и цвет дня. И не похоже, что это ему в тягость. Магия, кругом магия, джерхи меня дери. Почему я не стал магом?

«Потому что ты — оборотень, болван!» — шевельнулся внутри вулх.

— Ладно, ладно, полегче! — огрызнулся я раньше, чем успел удивиться. — Сам-то!

«Это что же получается? — растерянно подумал я минутой позже. — Теперь у меня появился шанс беседовать с самим собой? То бишь с дремлющим вулхом?»

Но ведь это правильно. Если теперь я четтанским днем просыпаюсь в вулхе, значит, и вулх отныне будет напоминать о себе во время Меара. Тьма и Тьма! Я мечтал о памяти во время звёря, но никогда не думал, что это повлечет за собой лавину странностей и неожиданностей. Всегда так. Когда о чем-нибудь мечтаешь, принимаешь в расчет только желательную и приятную сторону, совершенно забывая, что у жизни, как и у монеты, две стороны.

Где-то впереди, наверное — далеко впереди, ждал меня второй Знак с живыми рисунками хорингов. То есть меня он, конечно, не ждал, нужен я ему! Просто я к нему направлялся. Тури, кстати, свою часть пути проделала в нужном направлении, словно прекрасно знала, куда идет. Да так оно скорее всего и есть. Я до сих пор толком не знаю, где именно находится У-Наринна, но сейчас я определенно ближе к ней, чем в начале пути, и, несомненно, иду именно туда, куда следует. Ни понять, ни объяснить свою уверенность я не мог, да и не пытался. Все идет правильно — чего тогда трепыхаться?

Возможно, нас ведет магия Лю. А возможно, сама Судьба, причем во второе верится охотнее. А Судьбе я склонен доверять. Потому что она уберегла меня от участи сотен дру-

гих оборотней. Анхайров и мадхетов — теперь я знаю, что это не одно и то же.

К вечеру я отмахал весьма приличный кус пути. Не меньший, чем расстояние от Торнскольма до Ривы. Ну может, меньший, но ненамного. А потом я отчетливо понял, что сейчас мне либо снова придется драться, либо вот-вот случится долгожданный отдых за кружечкой пива. Потому что, взобравшись на очередной холм, я первым делом увидел чеканный силуэт Неспящей башни на фоне скалистой гряды. Передо мной раскинулся город. Побольше даже, чем Дренгерт. Первый город в Диких землях, если не считать Запретного.

Понятия не имею, откуда в Диких землях город, да еще такой большой. И думать не хочу. А хочу пива. И еды человеческой, а не кое-как приготовленной походной трапезы.

Подойдя поближе, я рассмотрел в стороне от города копи у самых скал. Я когда-то часто имел дело с ривскими рудокопами. Вот и объяснение — в скалах месторождение, например, серебра. Понятно, почему невдалеке вырос город. Вот только... города не растут на пустом месте. В смысле, вдали от других городов. Или я и моя спутница уже пересекли Дикие земли? Да нет, не похоже.

Отринув мешающие мысли, я зашагал к окраине. Примечательно, но с этой стороны к городу не вела даже узенькая тропинка, не говоря уже о какой-нибудь дороге. И это при том, что к скалам, неприступным скалам, минуя копи, ведет наезженная колея, ясно видимая над городом на подъеме.

Колокол на Неспящей башне возвестил шестой час полудни. Время передохнуть.

В городе жили, слава доброй динне, люди. А то я уже чего угодно ожидал после встречи с хорингами и вильтами. Дикие все-таки земли... Я бы не удивился, если бы это оказался город псоглавых, например. Хотя даже младенцы знают, что псоглавых не существует.

На наших землях, от Хадаса до Юбена — поправил я себя. — Хоринги тоже якобы исчезли много сотен кругов назад. Что не помешало им устроить на нас засаду.

Но в этом городе жили обычные люди. Они открыто глазели на меня, путника, пришедшего с равнины. Наверное, оттуда никто к ним не приходил. На меня, и на карсу, панинкой трусившую за Ветром.

У первой же таверны я задержался. Бросил повод коня озадаченному пареньку во дворе. Перебросил через плечо двумех и вытертую в прежних походах сумку. На всякий случай взял карсу за ошейник. И направился к массивной дубовой двери.

«Услада рудокопа» — гласила надпись над дверью.

«Что ж, — подумал я. — Усладимся... Хотя мы с Тури и не рудокопы».

Внутри было дымно и людно. Мое появление мало кто заметил, уж слишком местные рудокопы были заняты усладой.

Хозяин, сначала вопросительно и недоверчиво глядевший на меня, на лету поймал монету и на глазах подобрел.

— Чего изволите, господин?

— Столик в тихом углу, пива и еды. Жаркого.

— Сию секунду...

Тут хозяин взглянул на карсу.

— А-а...

— Нет. Она ручная, и я с ней не расстаюсь. Обещаю, что никаких неожиданностей не будет.

Вторую монету хозяин поймал так же сноровисто и суетливо обернулся:

— Прошу. Вон туда!

Он мигом согнал с насиженного места упившегося в дым трудягу. Дородная девка, косясь на меня, протерла стол и скамью.

— Прошу!

На меня обратили внимание соседи — но только на миг. Вот Тьма, тут что, каждый день приходят с равнин путники с ручными карсами?

Сначала принесли пиво. Черное как деготь. На несколько секунд мир перестал существовать — на время первого глотка.

Вы когда-нибудь прикладывались к доброму питью после долгого пути? Тогда вы понимаете, каким оно кажется вкусным и желанным. Особенно в эти первые секунды.

Когда я оторвался, в большой глиняной кружке мало что осталось, но на столе уже стояла вторая, полнее полной. Коричневая пена стекала на привычный ко всему стол. Допив все, что еще оставалось в первой кружке, я отодвинул ее в сторону и приготовился отдать должное второй, но уже не залпом, а с толком, с расстановкой, не торопясь...

И тут перехватил взгляд карсы. Не то чтобы злой... но какой-то недобрый.

Я смешался на секунду.

— Ладно, ладно, держи, — пробормотал я и поставил кружку на пол.

И карса с видимым наслаждением принялась лакать пиво, причем на морде у нее ясно читалось полное довольство жизнью и гордость за сообразительного хозяина.

Секундой позже я перехватил взгляд тавернщика. Не то чтобы недоуменный... но какой-то озадаченный.

— Ты что, никогда не видел карсу, пьющую пиво? — Я довольно натурально изобразил удивление.

— Нет, господин...

— Все когда-нибудь происходит впервые, — вздохнул я философски, прямо как Унди Мышатник, мой вечно нетрезвый учитель, и с тем же выражением борющихся скорби и жажды на лице приложился к третьей кружке.

— Меня зовут Дагмар Зверолов. Надеюсь, слышал? — сказал я хозяину, когда содержимое кружки переключалось мне в брюхо.

Хозяин расплылся в улыбке:

— Ну как же! Кто же не слышал о Дагмаре!

«Вот, шельма!» Я готов был расхохотаться, потому что Дагмара Зверолова я выдумал только что.

— Я жду здесь другого зверолова... женщину. Она придет с ручным вулхом. Или уже пришла?

Я с нажимом посмотрел на хозяина.

— Нет, господин! Еще не приходила. Если появится, я тотчас велю, и вам дадут знать.

— Молодец! — похвалил я. — На лету схватываешь. Впрочем, может, я ее и не дождусь. К вечеру будет видно. Где там жаркое?

— Уже несут!

Тут он не врал, блюдо со снедью и еще пива несла все та же дородная девица, плывя через зал на манер парусного челна.

В общем, некоторое время мне было начихать на все, что происходит вокруг. Едой я по-честному делился с карсой, хоть соседи и поглядывали на это косо.

«Возьму комнату, — подумал я. — Якобы отдохнуть до завтра. Тури тоже небось по пиву да по городской еде истосковалась. А завтра она двинет дальше. Нужно только половчее разыграть несостоявшуюся встречу двух звероловов».

Размышляя и жуя, я пропустил момент, когда у моего стола появился некто, закутанный в темно-синий балахон. Тьма, если я пропускаю такое, значит, я отвык от города. Возьми себя в руки, Моран! Здесь не пустоши, которым все равно, что ты оборотень. Здесь вокруг — враги.

— Здравствуйте, мастер Дагмар, — громко, чтоб слышали за соседними столиками, сказал подошедший и тотчас понизил голос: — Меня зовут Кхисс.

— 3-здравствуй... — отозвался я неуверенно. О Кхиссе предупреждал меня лекарь Самир. Значит, это друг. Быстро же я его встретил!

— Как здоровье, Одинец?

— Меня зовут Дагмар, — напомнил я. — А здоровье нормальное.

— Я рассчитывал перехватить вас вчера. Но мы, видимо, разминулись.

— Точно, — подтвердил я. — Прошлый красный пересвет я встретил в гнезде у вильтов.

Кхисс изумился:

— Где-где?

— У вильтов в гнезде, — небрежно повторил я. — Обтяпали небольшое дельце. А что?

— С вильтами? Дельце?

Кхисс глядел на меня как на умалишенного.

— А что тут странного? С ними как раз очень даже можно проворачивать дела, не то что с людьми. Вильты не лгут и всегда выполняют то, что пообещали.

Последнее было правдой. Правда, я раньше имел дела только с вильтами-толмачами и иногда мельком видел работников, которые перетаскивали грузы, предмет обмена. Ну, солдат еще пару раз видел, охранников.

Покачив головой, Кхисс взглянул на карсу:

— С ней, надеюсь, тоже все в порядке?

— А что с ней сделается? Вон, гляди, как жаркое лопают...

Киса и впрямь самозабвенно налегала на мясо. Впрочем, сопутствующие овощи тоже пришлись ей по вкусу. А пиво я ей вылил в широкую, похожую на лохань, миску — карсе неудобно пить из высокой кружки. Ну, лакать, лакать, какая разница.

Лопай, подруга моя любезная. Надеюсь, не забудешь завтра о вулхе и угостишь его костью поаппетитнее.

— Я должен был в тот пересвет присмотреть за вами. — Кхисс понизил голос до предела. — За вулхом и карсой. Чтобы ненароком...

Что именно — ненароком, Кхисс не уточнил. Впрочем, уточнять и не нужно было, и так понятно.

— Ну что же, — рассудительно сказал я, — у тебя есть шанс присмотреть за нами на этом пересвете.

Кхисс пристально уставился мне в глаза.

— Кажется, вы с Тури наконец-то встретились. Так?

— Так, — не стал юлить я. — Встретились.

— И что?

— Что — что? Красивая девка.

— Ты ей рассказал что-нибудь?

— Ничего я ей не рассказал. — Я пожал плечами. — Я на нее в основном смотрел.

Кхисс хмыкнул.

— Да уж. Там есть на что посмотреть! Особенно если на ней никакой одежды...

Карса с ненавистью обернулась к Кхиссу. Я успокаивающе положил руку ей на загривок. Жесткая, как щетка, шерсть щекотала мне кожу.

— Тише, милая, тише, — негромко сказал я. — Он, конечно, наглец, но он прав. Никуда от этого не деться. А ты, — обратился я к любителю обнаженной натуры, — лучше рассказал бы, что это за город и какого джерха он делает в Диких землях.

Кхисс неохотно ответил:

— Это Сунарра. Город рудокопов. Тут серебро в горах добывают... ну, не важно. Вам все равно здесь задерживать-ся ни к чему. Вам — в У-Наринну.

— Если я не ошибаюсь, — ввернул я, вспоминая хорингский Знак, — на юг.

— Не ошибаешься. На юг. Первое время. Ты должен помнить дорогу до второго Знака.

— Я помню. Даже лучше, чем ожидал.

Я действительно помнил. Я даже помнил эту гряду, виденную с высоты. Вот только город с именем Сунарра я тогда не рассмотрел.

— Что ты намерен делать до пересвета? — осведомился Кхисс.

Я пожал плечами:

— Пиво пить. А что еще можно здесь делать?

Теперь плечами пожал Кхисс.

— Мало ли... Вдруг у тебя здесь тоже какие-нибудь дела. Как с вильтами.

Усмешка коснулась моих губ лишь на мгновение — ровно на столько, сколько требовалось.

— А если и так, это мое дело. Ты ведь согласен?

— Нет, — спокойно возразил Кхисс. — Пока ты выполняешь поручение Лю, никаких своих дел. Ясно?

Я насупился. А почему, собственно?

— Это одно из условий, — словно прочитав мои мысли сказал Кхисс. — Нельзя тебе отвлекаться. Тебе или карсе. Это может провалить все, в том числе и вашу память, Оди-нец. Так что лучше не рискуй.

— Да ладно, — проворчал я примирительно. — Нет у меня здесь дел. Какие дела в городе, о котором еще пару часов назад даже не подозревал? А что до вильтов... нам трудно было избежать их приглашения в гнездо хотя бы потому, что их было несколько сотен, а нас с карсой — всего двое.

— Что они хотели? — спросил Кхисс с неожиданным интересом.

— Не знаю. Правда, не знаю. С ними Тури разговаривала. Я уже был вулхом к тому моменту.

Говоря это, я невольно понизил голос и нервно огляделся. Но в шумном зале никому не было до нас дела. Казалось, превратись я сейчас в серого зверя, никто и не обернется.

Странное место. Не знаю, как вся Сунарра, а таверна «Улада рудокопа» определенно странное место. В «Маленькой карсе» чужака по очереди задирали бы с десятков хмельных завсегдатаев, пытались бы подцепить местные шлюхи, а хозяин все подливал бы и подливал пива гостю в кружку. Закончилось бы это в лучшем случае — просто дракой, в худшем — отчаянной поножовщиной. Здесь же меня, пришедшего с ручной карсой, не удостоили даже взгляда.

— Послушай, Кхисс. Если тебя послал Лю, говори, что надлежит. Я хочу просто попить пива, а до пересвета не так уж и много осталось.

— Хорошо. Пей. Я останусь с вами... чтобы примирить на красном пересвете вулха с карсой. Они ведь встретятся. Ненадолго, правда, как ты с Тури. Но кто поручится, что они не вцепятся друг другу в глотки?

Я не мог поручиться даже за вулха, не говоря уже о рыжей спутнице. Той, которая мурлычет и иногда выпускает когти, а не той, что носит одежду и метает ножи.

— Вообще-то я собирался проследить за вами еще на прошлом красном пересвете. Тьма, я чуть не рехнулся, когда потерял ваш след!

— Ладно, Кхисс. Хватит. Давай пиво пить. Местным я напел, что жду подругу-охотницу с ручным вулхом. Перед пересветом запрუსь в комнате. А там — пусть думают, что я подруги не дождался. Все равно возвращаться сюда я не собираюсь.

Кхисс как-то странно на меня глянул. Но смолчал.

И мы стали пить пиво. Нам никто не мешал, а хозяин подошел только раз.

— Господин Дагмар! Ваша комната готова, — сказал он, покосившись на Кхисса.

— Отлично! Я тут с приятелем поболтаю немного, а потом поднимусь. А ты сразу дай мне знать, как увидишь охотницу с вулхом.

И я метнул ему очередную монету. На этот раз хозяин «Услады рудокопа» внимательно взглянул на нее, прежде чем спрятать.

— Это где же такие деньги чеканят? — спросил он вроде бы невинно.

— В Дренгерте, — отозвался я. — А что, у вас такие не в ходу?

— Нет, почему же? В ходу.

Хозяин помрачнел и, не проронив больше ни слова, удалился. Пиво нам все время подносили исправно, и ко времени пересвета я слегка осоловел.

— Пора, — сказал наконец Кхисс. — Пошли, что ли?

Мы поднялись, пошатываясь, на второй этаж, в комнату. Сумки я захватил с собой, хоть и пьян был — нечего позволять всякой шпане копаться в наших пожитках. Потом я сходил проверил Ветра на конюшне — без карсы, разумеется. У нее и так лапы заплетались. Вот шельма, а рожи корчила — мол, из кружки пить неудобно!

Дверь мы с Кхиссом заперли.

— Все, — сказал я и повалился на жесткое ложе, покрытое вытертыми шкурами тегланов. — До завтра, Кхисс... Или до послезавтра.

На этот раз пересвета я не дождался. Сон одолел меня раньше.

ГЛАВА 15

Четтан, день восьмой

Карса не хотела мне уступить. Словно сквозь густую пелену я чувствовала, как втягиваются когти, как распрямляется позвоночник и исчезает шерсть... Мое звериное «я» продолжало цепляться за тело, как капризный ребенок за чужую игрушку.

«Карса, — твердо сказала я. — Пусти. Теперь мое время».

Ответом мне было возмущенное шипение и злобный блеск желтых глаз. Слова пришли с запозданием. «Вр-раг! Врр-раг!» — свирепо зарычала Карса, отпихивая меня мускулистым плечом на задворки сознания и разворачиваясь ко мне поджарым задом. Хвост зверя равномерно ходил из стороны в сторону, как маятник. Сейчас бросится, поняла я. Тьма, да на кого же?

«Карса! — крикнула я ей в спину. — Пусти! Мы — вместе — против врага!»

«Не умеешь-шшь», — не оборачиваясь, прошипела Карса. Презрение было в ее голосе. И я вдруг поняла, кого называет врагом рыжая зверюга.

Враг, с которым я не умею справиться... Вулх, кто же еще?!

С яростным воплем «Не смей!» я рванулась вперед и ухватила Карсу за хвост. Карса крутнулась на месте и одним ударом могучей лапы смахнула меня прочь. Я покатилась кубарем, вскочила на ноги и замерла. Сжавшись в комок, Карса глядела на меня с ненавистью. Как на врага. Я приготовилась драться не на жизнь, а на смерть... но какая-то мысль царапала меня, не давала сосредоточиться на предстоящей схватке.

Карса... страшный противник... хоть и не в разных телах, а внутри одного — все равно страшный... даже тем более страшный... у меня здесь оружия нет, голые руки, а у нее — и клыки, и лапы... и когти вон какие... когти...

Стоп! Только что Карса уже врезала мне этой самой лапой. Аккуратно втянув когти, чтобы не повредить нежное человеческое тело... то есть душу.

«Кисонька, — нежно сказала я. — Ты же на самом деле понимаешь, что мы с тобой одно целое. И я понимаю. Мы не можем драться друг с другом. У нас хватает врагов снаружи. А с вулхом я разберусь лучше тебя. Поверь».

Карса недовольно рыкнула и нехотя расслабила собранные в комок мысли. Потом коротко взмурлыкнула, уже поспокойнее. Отошла в сторонку, уселась и принялась тщательно вылизывать взерошенную рыжую шерсть с таким видом, как будто под солнцами не было и не будет дел важнее этого. Я шагнула вперед, преодолевая вязкую и плотную пелену, отделяющую меня от мира...

...и пришла в себя, сидя на грязном полу в незнакомой комнате. Надо полагать, комната располагалась в той самой таверне, где мой спутник вчера нагружался пивом. Потому что не верю я, чтобы он под вечер был способен перебраться куда-то еще. Да и не захотел бы, если бы даже и смог. Ну разве что в другую такую же таверну — если в первой пиво закончилось.

На спине у меня лежала чья-то рука. Крепко так лежала, основательно. Вернее даже будет сказать, что этот самый кто-то держал меня за плечо и загривок. Держал цепко, но не обидно. По-дружески.

Я не стала высвобождать плечо. Просто подняла голову и посмотрела на того, кто меня держит. Встретив мой взгляд, он молча кивнул мне и тотчас разжал пальцы. Чуть помедлив, он ослабил хватку на загривке вулха, и серый зверь тенью выскользнул из-под другой его руки.

Незнакомец сделал шаг назад и прислонился спиной к стене. Бледный розоватый свет утреннего Четтана проникал в комнату сквозь маленькое окошко над головой незнакомца, давая мне возможность хорошо его рассмотреть.

Это был северянин. О его происхождении красноречиво говорили широкое скуластое лицо, бледная кожа и очень светлые волосы. А вот жесткий взгляд серых глаз незнакомца не говорил ни о чем — только о том, что владелец взгляда умеет скрывать свои мысли.

Я молча подошла к кровати, встряхнула смятую магическую шкуру и неторопливо оделась. Взгляд северянина не мешал мне. Люди часто стесняются своей наготы, особенно в присутствии посторонних. Я никогда не чувствовала желания отгородиться от взглядов одеждой. Наверное, это у меня от зверя. Вот оружие — совсем другое дело. Без верного хадасского кинжала я чувствую себя раздетой даже дома, среди своих... то есть чувствовала, потому что дома у меня больше нет. Пока что нет.

Подогнав ремни на одежде, надев наручи с ножами и обувшись, я присела на жесткую кровать. Вулх опустил на пол у моих ног и терпеливо замер. Я провела рукой у него под подбородком, коснулась металлических блях на ошейнике. И только затем глянула в суровые глаза северянина.

— Надеюсь, ты друг, — с легким вздохом сказала я. — Иначе кто-то из нас идиот.

Незнакомец вдруг захохотал. Он сложился пополам, уткнувшись в собственные колени, и разразился басистым уханьем. Он смеялся так вкусно и заразительно, что я не выдержала и засмеялась тоже. Вулх посмотрел на меня с немым укором, отчего мне стало еще смешнее.

— Спасибо, госпожа Тури, — сказал северянин, резко обрывая хохот и распрямляясь. — Ты меня порадовала. Да, я друг. И тебе, и вулху, и Лю-чародею. Я шаман и знахарь, а зовут меня Кхисс. У тебя, наверное, много вопросов?

Вопросов у меня было хоть завались. Но самым насущным мне показался один. Не на каждом же пересвете, демоны побери, найдется друг, способный удержать в руках и карсу, и вулха.

— Мы с ним, — кивнула я на вулха, — подрались на пересвете?

Кхисс покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Хотя я этого ждал. А почему вы не подрались?

Я вспомнила желтые глаза Карсы, горящие яростью. Вместо вулха она чуть не подралась со мной. То есть с собой. Ну что же — и человек, случается, спорит с самим собой чуть не до драки. А то и до драки. И душа его потом выглядит, наверное, изрядно истоптанной и загаженной, как любое место схватки.

— Мы с Карсой выяснили отношения внутри, — ответила я.

Я думала, что шаман и знахарь Кхисс снова рассмеется. Но он кивнул небрежно и без улыбки, приняв мой безумный ответ как должное и тут же отодвинув в сторону — мол, есть дела поважнее. Северянин шевельнулся, и над его плащом, грязно-бурым в лучах Четтана, взметнулась дорожная пыль.

— У вас с Одинцом неприятности, — сказал он буднично и слегка устало. — Да и у Лю-чародея, пожалуй, тоже. Я попробую вам помочь.

Я сидела одна за большим дубовым столом, ковыряла кинжалом гуся с баклажанами и рассматривала полутемный и по-утреннему почти пустой зал таверны, пытаюсь изобразить скучающий вид. Скучающий вид у меня получался плохо, потому что никак не шли из головы слова Кхисса.

Я наврала хозяину таверны, что жду зверолова Дагмара с карсой, и он, конечно, не поверил мне, но молча поставил на стол кружку местного черного пива и отошел. Хозяину было наплевать, что я вру. Он знал наверняка, что еще не раз услышит мою историю — и всю ту ложь, которую я в состоянии измыслить на свой счет, и то, как это было на самом деле.

Потому что те, кто попал в Сунарру, живут долго, очень долго, а единственное их занятие — это раз за разом пересказывать свои истории. И строить догадки, как обернулась бы их жизнь, если бы все сложилось иначе. И бессильно сожалеть, что все сложилось именно так. И терзать себя воспоминаниями о том повороте и той мысли, которые заставили их свернуть с пути в У-Наринну.

Сунарра — это город тех, кто пересек Запретную реку и отправился на поиски Каменного леса, но не сумел дойти до цели.

Я не имею в виду смерть. Мертвые, как им и положено, уходят во Тьму. Хотя если бы любой из нынешних жителей Сунарры остался по ту сторону Запретной реки, он давно умер бы своей смертью — ведь все они попали сюда во время Смутных дней. Предыдущих Смутных дней, или позапредыдущих, или позапозапредыдущих...

Я зябко передернула плечами. У меня от попытки представить столь давнее прошлое даже мурашки на коже выступили. Ну их к шерхам, такие мысли! Честному оборотню они ни к чему.

Те, кто остался в живых, но сбился с пути в У-Наринну, выходят к Сунарре. То есть когда-то они выходили просто к подножию скал, но со временем здесь построили город. Го-

род, из которого нельзя уйти, потому что любая дорога приведет обратно. Если кто-то уже пришел в Сунарру, он остается здесь навсегда.

Свернуть с пути в Каменный лес можно по самым разным причинам. Сколько жителей в Сунарре, столько и причин.

Нас с Одинцом подвела любовь к пиву.

Видно, очень уж мы хотели оказаться в городе, заглянуть в таверну, отдохнуть да пива выпить... Вот и встала приветливая Сунарра на нашем пути — будь она неладна!

Я взяла со стола глиняную кружку и сделала глоток. Только один глоток — сегодня мне нужна свежая голова. Ничего пиво, хорошее. Особенно после дальней дороги. Так и тянет сделать еще глоток, и еще... Я вполголоса выругалась и с отвращением посмотрела на пиво. Почти с таким же отвращением я вчера смотрела на Одинца, который подsunул мне под звериную морду высокую кружку.

Именно мне, а не Карсе — потому что вчера, когда Одинец переступил порог таверны, Карса растерянно мурлыкнула мне в самое ухо, и я проснулась. Карса отодвинулась, позволяя мне перехватить власть над телом, и я еще успела услышать ее недоуменные мысли. Что-то ей было непонятно в этой таверне. Не страшно, не тревожно, а именно непонятно. Но я не задумалась, что же такое чувствует моя звериная половина, которая бывала в питейных заведениях куда чаще меня — вместе с Бешем. А не задумалась я потому, что старательно втягивала носом воздух, пытаясь по сложной смеси запахов определить, хорошо ли здесь готовят — а главное, порадует ли нас местное пиво.

То, что Одинца оно порадовало, я поняла сразу, как только он приложился к кружке. На его небритой физиономии отразилось такое заоблачное блаженство, что я подумала — с него бы картину писать, да не отвлеченную картину, а вывеску для кабака. «Услада путника». Или кого-нибудь там еще услада. Но непременно услада. В заведение с такой вы-

веской народ ходил бы дружными и стройными колоннами, как вышколенная дворцовая гвардия хадасского правителя.

Ну да, а потом небось вываливался бы оттуда ошалелой толпой, как айетотское ополчение...

Впрочем, эта таверна от нехватки посетителей и так не страдала. В скверно освещенном зале с низким потолком, зачем-то подпертым в разных местах дубовыми столбами, было человек тридцать народу. На нас они почти не обратили внимания. С одной стороны, конечно, странно — не каждый же день сюда заходят угрюмые странники с ручными карсами? А с другой стороны, если их больше интересует выпивка, то сейчас я их прекрасно понимала.

Я подняла взгляд на Одице. Он как раз подносил к губам вторую кружку, но, видно, взгляд у меня получился красноречивый, потому что Одице поперхнулся и со словами «Ладно, пей» поставил высокую кружку передо мной. Темное небо! Если кто пробовал лакать из такой посуды — не пить, а именно лакать! — он меня поймет. Одице, судя по всему, не пробовал. Я слизнула горькую пивную пену и с отвращением воззрилась на своего спутника. Миску дай, ур-род!

— Пей, подруга, — ласково сказал Одице и повернулся к хозяину заведения, который завис у него за плечом и порывался что-то сказать. С хозяином он ласков не был.

— Тебе чего? — буркнул Одице. — Не видел, что ли, как карсы пиво пьют? Так чтоб ты знал, моя еще и пожрать горазда. Где жаркое?

— Не видел, господин, — заулыбался хозяин. — Жаркое уже несут, господин...

— Дагмар Зверолов меня зовут, — важно сказал Одице.

Я фыркнула прямо в пиво, так что брызги повисли у меня на усах. Небрежно перекидываясь словами с хозяином, Одице допил вторую кружку. Потом с расстановкой осушил еще одну. И только потом посмотрел на меня.

— Что, больше не хочешь? — спросил он. Я брезгливо отвернулась.

— Эй, там! — рявкнул Одинец. — Миску для карсы! Не ясно, что ли, — ей из бокала пить неудобно.

Ух, Тьма! Смотри-ка ты, догадался. Я почувствовала горячую симпатию к своему спутнику. А тут как раз принесли блюдо с мясом, и Одинец протянул мне аппетитный кусок. В общем, некоторое время мне было начхать, что происходит вокруг. А потом я спохватилась, что надо бы уступить место Карсе, чтобы ей тоже досталось вкусного. Сыто мурлыча себе под нос какую-то айтиотскую песенку, я улеглась в тихом уголке сознания и уснула. Решив напоследок, что со всеми местными странностями разберусь завтра.

Вот оно и настало, это «завтра». Придется разбираться.

Я посмотрела на вулха. Вулх как раз слизнул последние капли пива с дна миски и шумно вздохнул. Интересно, нормальные звери тоже умеют пиво пить, или только мы, уроды-оборотни, на это способны? Вот, правда, мой лесной знакомец Корняга вроде бы тоже до пива охоч был — так ведь Корняга и не человек, и не зверь, и даже не оборотень. Пенек говорящий. Странно, но я по нему почти соскучилась. Друг — не друг, а поди ж ты... «Возвращайся», — скрипнул он мне на прощание. Эх, Корняга, что-то ты там подделываешь в своем лесу? Не знаю, удастся ли мне вернуться. Не знаю даже, сумеем ли мы вырваться из коварно-приветливой Сунарры...

Вулх ткнулся носом мне в колено и, подняв голову, вопросительно заглянул в глаза. Я протянула ему эдак с три четверти гуся.

— А пиво на сегодня все, серый брат, — строго сказала я. — Надо отсюда выбраться, отдохнуть потом станем. Как говаривал один хороший человек, доживем до урожая — тогда и будем малину жрать.

Вулх кивнул головой, как будто был со мной согласен. Может, и впрямь был согласен?

А может, это не вулх? Пристальный взгляд Одинца был чересчур говорящим. Кто смотрит на меня сейчас глазами вулха: зверь или человек?

— Ты кто? — шепотом спросила я. Анхайр не ответил.

Хотя прямо сейчас это не имеет значения. Пока что мы с Одинцом должны дожидаться Кхисса, а вот тогда мне понадобится именно вулх, звериное «я» анхайра. Его человеческому «я» придется спать до тех пор, пока мы не покинем Сунарру. Если мы вообще сумеем это сделать.

Конечно, влипли мы здесь крепко, но пока что у нас был шанс выбраться. Слабенький, но был. А надежду нельзя терять до последнего момента. Как любил повторять все тот же Унди Мышатник — упокой Тьма его нетрезвую душу! — пока летишь с обрыва, внизу еще могут кусты вырасти.

Что-то я все время Унди вспоминаю. С тех пор как я покинула Айетот, не было дня, чтобы я не вспомнила старого пьяницу, моего учителя. Хотя кого мне еще вспоминать? В сущности, всему, что я знаю полезного, меня научил именно он. Если я смогла семь дней идти к У-Наринне, это благодаря Унди. И если я все-таки дойду до Каменного леса, в том будет большая заслуга Мышатника.

Странное дело: хотя прошло уже пять кругов с тех пор, как Унди ушел во Тьму, мне до сих пор толком не верится, что его нет. Все кажется, что он отправился бродяжить, как это с ним нередко случалось. Да, ушел — но непременно вернется. Вот только из Тьмы не возвращаются...

Толстая тетка выплыла из кухни, неся мне на блюде еще одного гуся. Но у меня вдруг пропало всякое желание есть.

Тьма и демоны! Осторожнее надо с воспоминаниями, осторожнее. Я вот оплошала, задержалась рядом с одним из запертых ларцов своей памяти, — а ларчик, оказывается, был заперт ненадежно. Взял да и открылся.

Я закрыла глаза. Я стиснула веки, пытаюсь затолкать обратно непрошенные слезы. Вулх, почуяв, что мне горько и больно, встревоженно лизнул мое запястье горячим языком.

— Понимаешь, Одинец, — хрипло сказала я, — жил в доме у Беша старый забулдыга Унди. И очень, понимаешь, он был хороший человек. Даже не знаю, откуда у него враги

нашлись. Если бы я знала, что его могут убить, Одинец, я бы его не отпустила. Понимаешь?

Кажется, вулх понимал. Да и кому понять оборотня, как не другому такому же? Я проглотила остаток слез. Слезы были жгуче-горькими, невкусными. Как тогда, в день смерти Унди.

Это был жаркий четтанский день. До праздника красного урожая оставалось всего два дня, и айтиотский люд готовился к торжествам. В доме Беша тоже было оживленно. Бешевы ребята собирались успеть на празднике все сразу — и подраться в свое удовольствие, и по девкам пройтись, и самогона выпить, и побольше денег отъять у гуляющих горожан в свою пользу.

Я забралась на крышу, пинками согнав с удобного места двух разнежившихся котов, и лениво наблюдала за суетой во дворе. Мне было наплевать на праздник урожая. Я тогда еще не пила вина, не гуляла с парнями... и даже Карса, не говоря уж обо мне, еще не убила ни одного человека. Я была глупой девчонкой, и мне было наплевать на все то, что составляет содержание взрослой жизни. И я не знала, что последний день моей счастливой беззаботности уже настал.

Скользя взглядом по пыльным крышам соседних домов, я вдруг краем глаза заметила движение на улице, у наших ворот. Я еще успела подумать — странно, улица только что была пуста, откуда же взялся человек перед воротами? Даже если бы он с неба свалился, я бы со своей крыши заметила.

Мысль промелькнула и исчезла, потому что в следующий миг я уже катилась кубарем по чердачной лестнице.

Я вихрем промчалась через двор и распахнула ворота.

Он уже не пытался привалиться к деревянной калитке. Он лежал на земле, и пыль под его головой медленно чернела, напиваясь кровью. Красная кровь текла у него из-под опущенных век, а над нашими головами безжалостно пылало жаркое небо четтанского дня.

— Унди... — выдохнула я, опускаясь в горячую пыль и осторожно приподнимая его голову. — Как же ты, Унди? Ну ничего, я сейчас... Унди? Ты меня слышишь? Унди!!!

Его губы с видимым усилием шевельнулись, но слов я не расслышала. Глотая жгуче-горькие слезы, я склонилась к единственному человеку, который был мне дорог под солнцами.

— Иль... — сказал Унди и замолк. Потом судорожно вздохнул и добавил: — Гор.

Слипшиеся от крови ресницы дрогнули в последний раз. Губы расслабились, рот приоткрылся, и лицо Унди вдруг стало чужим до неузнаваемости. Я вздрогнула. Струйка крови сбежала по щеке Унди и обожгла мне запястье.

Хлопнули створки ворот. Кто-то из людей Беша выглянул посмотреть, что происходит и почему так тихо. И сразу стало громко. Несколько самых расторопных бросились в разные концы улицы — нагнать убийцу, который посмел напасть на человека Беша у самого бешевского логова. Я понимала, что смерть Унди их не слишком огорчила, что они рванулись разыскивать убийцу не столько из-за Унди, сколько потому, что тот нарушил территорию шайки, — и все равно чуть не побежала вместе с ними.

Но я еще с крыши видела, что улица была пуста от перекрестка до перекрестка. Умиравший Унди появился словно бы ниоткуда у самых ворот. А его убийца не появлялся вовсе. И это было странно, чудовишно, непонятно — но мне было слишком больно, чтобы я могла еще и удивляться. Или пугаться. Или пытаться понять.

Я словно приклеилась к столбу, не в силах сделать даже шаг в сторону. Меня отодвинули с дороги, как неживой предмет. Бездыханное тело Унди заташили во двор, прибежала старая повариха Фонья и заголосила над телом, на ее вопли откликнулись собаки — и наши, и соседские...

А я, когда наконец смогла шевелиться, убрела прочь, чтобы ничего этого не видеть. Все случилось так быстро —

так быстро, так непонятно и так непоправимо. Я не могла поверить, что Унди больше нет. Я шла, спотыкалась, оборачивалась, смотрела на неровную цепочку своих следов в пыли и бессмысленно повторяла: «Как же так? Ну как же так?» Мне хотелось идти, не останавливаясь, пока хватит сил, — чтобы моя безнадежная боль устала брести следом и осталась позади. Мне хотелось не думать, не чувствовать, не существовать в этом глупом и несправедливом мире, где можно вот так запросто потерять человека.

Навсегда потерять. Насовсем.

Четтан равнодушно смотрел на меня из небесной выси. Светилу было безразлично, что старый пьяница Мышатник больше не увидит его...

И ведь я даже не поняла последних слов Унди. Я не знаю, что они значат. «Иль» и «гор»... Или это было одно слово? «Ильгор»? Что хотел сказать мне Унди, умирая? Что?

Его хоронили на следующий день. И Беш, и могильщики, и отпевавшие покойника Чистые братья — все торопились покончить с неприятным делом до праздника урожая. А я была рада, что похороны моего учителя прились на синий, меарский день, и мне не надо быть вместе со всеми на кладбище. Ну а Карсу туда, понятное дело, брать не стали.

Быть может, мне хотелось оставить себе лазейку — возможность думать об Унди так, словно он когда-нибудь вернется? Глупо, конечно. Но... ведь я не видела своими глазами, как засыпают землей его тело.

Не видела.

Кто-то дернул меня за рукав. Негромко заворчал вулх. Прежде чем я успела обернуться, откуда-то у меня из-под коленки прозвучал скрипучий голосок:

— Зачем тебе гусь, раз ты его не ешь? Отдай мне!

Я тихо ахнула.

Раскорячившись на деревянном полу, ко мне тянул кривые ветки сучковатый пенек. Маленькие черные глазки-ягодки воровато поблескивали в трещинах коры.

— Смутные дни! — восторженно сказала я. — Корняга?! Не может быть! Ты откуда?

— Из леса, — проворчал корневик. — Жрать дашь?

Я не глядя отрезала гусю ногу и протянула Корняге. Мне, конечно, было интересно взглянуть, как лесной пенек будет справляться с гусем. Но еще интереснее мне было узнать, как он оказался в Сунаре.

— Жри, только отвечай как следует, — сурово сказала я. — Неужели ты за нами увязался?

Корневик разинул пошире дупло, которое заменяло ему рот, сунул туда гусиную ногу, захлопнул дупло и несколько мгновений напряженно таращился прямо перед собой. Потом встряхнулся — только сучья затрещали! — и снова открыл дупло со словами:

— Еще жрать дашь?

— Тьма тебе за шиворот! — уважительно отозвалась я и потянулась за второй гусиной ногой. Однако в последний момент спохватилась и предложила мясо вулху. Вулх мгновенно хрустел косточками, а Корняга скрипуче вздохнул.

— Сначала расскажи, — ехидно напомнила я. — А то знаю я твою привычку исчезать на полуслове. Так как ты здесь оказался?

— Люди привезли, — ответил корневик, скосив блестящие глазки на гуся.

— А сами они где? — спросила я.

— Во-он, пиво собрались пить, — махнул корявой веткой пенек.

Я посмотрела туда, где за дубовым столом рассаживались четверо здоровенных лбов. Больше всего они мне напомнили разбойников, с которыми по милости Корняги нам пришлось свести знакомство в первый же день скитаний по Диким землям. То ли из соседней шайки лесные братцы, то ли остатки той самой, с которой мы разобрались у озера.

— Так это они тебя пиво пить научили? — догадалась я.

Корняга кивнул. Я с сожалением посмотрела на свою почти полную кружку и молча протянула ему. Корняга так же молча принял кружку и вылил ее содержимое темной струйкой себе в дупло.

— Хорошее пиво, — проскрипел он с видом знатока.

Я вдруг рассердилась. И чего это я погань лесную в друзья записала? Пивом пою, мясом угощаю... А он мне, между прочим, врал без зазрения совести неоднократно.

— Значит, когда я тебя в лесу про Каменный лес спрашивала, ты сказал, что ничего не знаешь, — зловещим тоном произнесла я. — А какого джерха вы с друзьями здесь делаете? Куда это вы шли, что в Сунарру попали?

— За тобой, госпожа, — охотно ответил пенек и протянул ко мне кривую ветку. — То есть за вами.

Мда-а... Хороша история. Я задумчиво отхватила кинжалом кусок мяса от остывшей тушки гуся и отдала корневику. Шли, значит, по нашим следам четыре дуболома и пень корявый. Да так умело шли, что мы-люди их не заметили, а мы-звери не учуяли. И красным днем шли, и синим — не зная ни сна, ни отдыха. И след наш запутанный за семь — то есть за семь и семь, всего четырнадцать — дней не потеряли. Ушлые ребятки. Непростые. Что за люди эти четверо? И люди ли они вообще? И зачем они, интересно, нас отслеживали?

— А зачем это вы нас отслеживали? — мрачно спросила я.

— Меч твой нашему колдуну сильно понравился, — проскрипел Корняга. — То есть ножны.

Ух, Тьма! Еще и колдун... Не он ли на нас живое облако вчера натравил? Магические ножны я никому не отдам! Мне вдруг расхотелось задавать Корняге дальнейшие вопросы. До Сунарры лесная компания вслед за нами дошла — ну и демон с ними, все равно их теперь можно в расчет не брать. Отсюда им уже не вырваться. Только я им это сообщать не стану. Я с ними вообще разговаривать не желаю. А желаю я, кажется, поскорее убраться из таверны.

И Кхисс что-то задерживается... Да уж, лучше я его сна-
ружи подожду.

Я смахнула остатки гуся в кожаный мешок, а мешок су-
нула в походный двухмех, который держала под столом.

Корняга жалобно скрипнул, но смолчал.

— Бывай, Корняга, — сказала я, поднимаясь с места. —
Нам пора. Одинец?

Вулх оскалил зубы и глухо заворчал, глядя мне за спину.
Я обернулась.

Здоровенный мужик с неприятной рожей, одетый поче-
му-то в теплую меховую куртку, какие носят только на севе-
ре, тянул ко мне мосластые руки.

Я сначала даже не поняла, отчего так встревожился Оди-
нец. А потом вдруг что-то случилось с моим зрением. Я уви-
дела, как с огромных пальцев чужака словно капли жира
падают тяжелые сгустки темно-лилового огня. Каждый его
палец заканчивался ослепительно сверкающим огненным
когтем — скорее даже не когтем, а острым огненным ши-
пом. И все эти шипы целились мне в лицо.

Видение мелькнуло и погасло. Я снова видела лишь раз-
бойника в рваной куртке, который зачем-то вытянул руки и
растопырил пальцы.

Тьма тебе в задницу, колдун! Я подхватила двухмех и бро-
силась к двери, пригнувшись и петляя между столами как
заяц — на случай, если колдун попытается швырнуть в меня
невидимым пламенем. Вулх серой тенью метнулся за мной.
Краем сознания я отметила, что немногие посетители та-
верны остались безучастно сидеть на местах. Ну что ж, те-
перь я знала причину их равнодушия.

Мне не хватило лишь нескольких шагов — или несколь-
ких мгновений, это как посмотреть, — чтобы выскочить за
дверь. Трое лесных разбойников, радостно ухмыляясь, вста-
ли у нас на дороге. Двое крайних держали в руках длинные
ножи, а средний лениво потянул из ножен меч. Вулх, оска-
лясь, замер рядом со мной.

Я оглянулась. Колдун шел к нам на полусогнутых ногах, приседая на каждом шаге, словно тащил непомерную тяжесть. На долю мгновения передо мной мелькнул образ призрачно-лилового костра, пылающего между его разведенных рук, и я решительно повернулась обратно к разбойникам. Уж лучше с ними драться, чем с колдуном — и да хранят меня добрые джерхи!

В следующее мгновение меч вывернулся из руки среднего разбойника и, звеня, покотился к моим ногам. Разбойник остоленел. Я растерялась. А вулх прыгнул.

Серый зверь обрушился на человека и свалил его с ног. Разбойник глухо крикнул и уперся ладонями вулху в грудь, пытаясь оттолкнуть звериную морду. Два других разбойника одновременно вскинули ножи, целясь вулху в загривок. А я и не заметила, как меч оказался у меня в руке.

Правду сказать, мечом я владею не блестяще. Хуже, чем кинжалом. И уж конечно, хуже, чем метательным ножом. Поэтому и предпочитаю — в человеческом облике — решать серьезные вопросы на расстоянии, а не в ближнем бою. Но кое-что умею и вблизи.

Покрепче перехватив двух левой рукой — тяжеловат, ну да ладно, — я крутнула меч над головой. По-разбойничьи свистнул воздух. Мой меч выбил нож из руки правого противника, разрубив ему пальцы, и полоснул по плечу левого. Первый враг охнул и отпрыгнул в сторону. Второй кратко выругался и в стремительном развороте пырнул меня ножом прямо в лицо.

Я только и успела, что отвернуть голову, — и нож разбойника, вместо того чтобы вонзиться в глаз, рассек мне правую бровь.

В том самом месте, где никогда не было шрама. А кровоточащая рана однажды была. И летящий в глаз вражеский нож — был.

Из глубин моего сознания раздался неистовый рык взбешенной Карсы. Вторя ему хриплым эхом, с моих человече-

ских губ сорвался боевой клич. Страх и боль перестали для меня существовать — осталась только ярость, обжигающе-красная, как пламя Четтана. Ярость умножила мои силы.

Я врезала разбойнику двуручьем под дых и тут же, размахнувшись, обрушила меч ему на шею. Он успел уйти от удара, отпрянув назад, но поскользнулся и свалился на пол. Его товарищ не был столь удачлив. Я стремительно бросилась к нему, и он отлетел к стене с разрубленным плечом. Третий разбойник боролся с вулхом. Я занесла меч, примериваясь, как бы ударить человека, не повредив зверю. И тут позади меня раздалось пыхтение колдуна.

Этот звук вернул мне способность бояться — и способность трезво рассуждать вместе с ней. Темное небо! Путь к бегству расчищен. Почему мы еще здесь?!

— Одинец, уходим! — крикнула я. — Быстро!

Хвала богам, вулх повиновался немедленно. Он вывернулся из захвата разбойника, одним прыжком перемахнул порог таверны и устремился к конюшне. Я бросилась за ним.

И тут же у меня за спиной полыхнуло фиолетовое пламя, на мгновение выставив передо мной мою четкую черную тень. Я невольно зажмурилась.

Сильные руки схватили меня за запястья, и голос северянина Кхисса произнес:

— Проводника я не нашел. Что здесь происходит?

Я открыла глаза, и мне стало почти стыдно за свой взъерошенный вид — так спокоен был северянин. Он смотрел на меня доброжелательно и насмешливо, как... как я на Корнягу. Или как хоринг на человека. Другими словами — как взрослый на несмышленое дитя.

— Там колдун. — Я дернула подбородком в сторону таверны. — И разбойники. Они все время шли за нами и... — Тут я сообразила, что именно он сказал. — То есть как — не нашел?! Да скажи наконец, зачем нам проводник?

— Все просто, — сказал шаман Кхисс. — В Сунарру вошли Одинец с карсой — значит, Тури с вулхом вообще-то могут

выйти из города. Но Сунарра не захочет вас отпускать. Вы заблудитесь в перекрестках и поворотах, вы потеряете направление и повернете назад — и тогда вам уже вовек не будет пути отсюда. Я искал кого-нибудь из местных жителей, знающих все улицы и переулки, — такого, который на самом деле мог бы покинуть Сунарру, но сам этого не знает. Кого-то, кто пришел сюда не своей волей, а был привезен насильно. Должны быть здесь такие, должны! Но я их пока не нашел.

— Я знаю дорогу, — раздался снизу скрипучий голосок. — Меня везли в мешке, но дорогу я помню.

— Это Корняга, — устало сказала я Кхиссу. — Он врет.

Кхисс с интересом посмотрел на меня. Затем опустил взгляд на Корнягу.

— Нет, он не врет, — неожиданно весело сказал шаман. — Память у корневиков отменная. Ну что, шустрый пень, будешь проводником?

— А что заплатишь? — тотчас осведомился Корняга, и его черные глазки маслено заблестели.

— Ну, сейчас я тебе точно сучья пообломаю, — грозно сказала я и сделала шаг к пеньку.

Кхисс остановил меня движением руки.

— Заклятие против червяков дам, — серьезно ответил он Корняге. — Станешь такой ядовитый, что ни один червяк тебя не возьмет.

Корневик вдруг растянул дуплецо рта в радостной ухмылке от сучка до сучка.

— Я и так ядовитый дальше некуда, — проскрипел он. — Ладно, выведу задаром. Поехали!

Ветер приветствовал нас радостным ржанием. Кхисс извлек откуда-то из складок плаща яблоко и протянул жеребцу на ладони. Я с неожиданной ревностью отметила, как нежно коснулся губами ладони северянина мой вороной конь, и тут же одернула себя — некогда. Некогда мне чувствовать всякие чувства, тем более неприятные и несправедливые.

Я быстро оседлала Ветра, вывела из конюшни и вскочила в седло. Кхисс посадил Корнягу, и плутоватый песенок ловко устроился у меня за плечом — словно всю дорогу там путешествовал. Шаман вскинул руку в прощальном жесте.

И только тут до меня дошло, что это значит.

Я чуть не спрыгнула с коня.

— Кхисс! А как же ты? Ты не...

Северянин терпеливо улыбнулся.

— Шаман и знахарь Кхисс пришел в Сунарру своей волей, — сказал он. — Да, Тури, я останусь здесь. Но ты не волнуйся, я не пропаду. Мне еще нужно сделать в Сунарре пару дел.

Я вдруг вспомнила про разбойников и колдуна в таверне. Удивительно, что они до сих пор не выбрались наружу. Я подозрительно посмотрела на шамана. Но Кхисс, как видно, решил, что разговор закончен. Он пронзительно свистнул и хлопнул Ветра по крупу.

Застоявшийся в конюшне вороной вихрем вылетел со двора. Я не успела даже оглянуться на Кхисса — мне пришлось вцепиться в повод и пригнуться к шее коня, чтобы удержаться в седле.

Вулх стремительными прыжками неся следом.

Весь путь от таверны до окраины города слился у меня в пеструю неразбериху домов и заборов, которые мелькали мимо, как мелькают лица зевак, когда кружишься на ярмарочной карусели. Корняга выкрикивал у меня из-за плеча краткие команды своим скрипучим голосом: «Вперед!», «Налево!», «Поворот!», «Сюда!» — и Ветер его понимал. Во всяком случае, я надеялась, что он понимает — потому что я все равно не успевала им управлять. Ветер летел вперед, как одержимый.

Очередной поворот вывел нас к каким-то огородам, и из-под копыт жеребца сочными клочьями брызнули капустные листья. Я ошалело закрутила головой из стороны в сторону. Яркий свет Четтана неожиданно ударил меня по гла-

зам, — а когда красные пятна перестали застилать мир, я обнаружила, что впереди, насколько хватало глаз, расстилается безлюдная холмистая равнина.

Проклятая Сунарра осталась позади.

— Все, выбрались, — скрипнул Корняга.

Обернуться я не посмела. Только вздохнула с облегчением и ударила Ветра пятками в бока, хоть он и не нуждался в том, чтобы его подгоняли. Прочь, прочь, подальше от Сунарры! Я не успокоюсь, пока между нами не пролягут равнины, леса и реки.

Вулх вырвался вперед, и вороной надал ходу.

Мы спешили в У-Наринну.

Четтан висел в зените, заливая мир красным жаром.

— Вода есть? — зашевелился Корняга у меня за плечом. — Или пиво?

— Хрен тебе пиво, — мстительно сказала я. — И мне хрен. И Одинцу. Чтоб никто и думать не смел о таких вещах до самого Каменного леса! Ясно?

— Это вам нельзя, — проскрипел корневик. — Мне можно. Я сам никуда. Меня везут как поклажу.

— Вот и молчи, как поклажа, — с тихой яростью сказала я. — Нё то я на твою голову дятла найду.

Корняга умолк. Но через каких-нибудь пару минут меня замучила совесть, и я отыскала ему в сумке флягу с водой. Прислушиваясь к тому, как корневик возится у меня за плечом, я затаенно улыбалась.

Почему-то — джерж его знает, почему, — я была рада, что вредный пенек теперь с нами.

До вечера мы проделали такой кусок пути, которого, наверное, нам еще ни разу не удавалось проехать за день. Конечно, я говорю о красных днях. Пока еще моя память о днях Меара обрывочная, неполная. Но она с каждым днем будет становиться все полнее, пока наконец мы с Карсой не сольемся в единое целое. Я чувствую. Я знаю.

Мы двигались на юг, и Четтан, спускаясь все ниже, неизменно грел мне правую щеку. Царапина над бровью за-сохла. Следующим четтанским днем ее уже не будет, и следа не останется — как не осталось от той давней раны.

Только в душе остался след. Навсегда.

Тело оборотня восстанавливает себя без повреждений — но какое счастье, что этого не происходит с душой! Поистине несчастным был бы человек, душа которого на каждом пересвете становилась бы прежней, стирая память о прожитом дне. Неспособный нести в себе след боли или радости, он не смог бы даже осознать своего несчастья. Страшная судьба. Хуже смерти. Ведь наша память — это и есть мы. Ну по крайней мере изрядная часть нас.

(Карса мысленно лизнула мне щеку.)

Ближе к вечеру нам все чаще стали попадаться березовые и терховые рощи, а перед самым закатом впереди замаячила темная полоска леса. Когда до опушки осталось три-четыре перелета стрелы, я остановила коня. Лучше встретить пересвет на открытом месте, чем в незнакомом лесу. И потом мне хотелось как следует разглядеть звезды.

Я снова не стала разжигать костер. А ведь в начале пути я попросту не представляла, что могу встречать пересвет одна в Диких землях, да еще и без костра. Стоп! Откуда это взялось — «одна»? Ах да, я ведь тогда еще считала своего спутника обычным зверем...

Я посмотрела на вулха. Его глаза блестели кровавым блеском, отражая закат.

Что я скажу ему через несколько минут, когда Четтан уже скроется, а Меар еще не взойдет? В те краткие мгновения Тьмы, когда только и могут встретиться махет с анхайром?

Я сбросила магическую одежду и положила ее на двумех. Та-ак... Про вехи надо сказать обязательно. Про пять вех на пути к У-Наринне, которые назвал мне умирающий хоринг. И про Сунарру все объяснить. И про Корнягу. Хотя этот и

сам про себя все объяснит. Я посмотрела туда, где к седлу Ветра был пристегнут ремнями Корняга. На всякий случай. Корневик укоризненно зыркал на меня маленькими черными глазками, но молчал. Жеребца я тоже на всякий случай стреножила.

Четтан проворно скользнул за горизонт. На темном небе проступили звезды. Я смотрела на них во все глаза, потому что звезды были чудом. Смотрела бы я на них так же восторженно, если бы они появлялись на каждом пересвете, а не только в легендарные Смутные дни? Не знаю. Думаю, да. Чудо не блекнет от повторения.

Я с сожалением опустила взгляд с неба на землю. Туда, где поднимался со звериных четверенок анхайр. Наверное, для кого-то превращение зверя в человека тоже было чудом — не меньшим, чем звезды. А для меня — просто жизнью.

Я улыбнулась и протянула руку:

— Здравствуй, Одинец.

Его рука была влажной и горячей. Он сильно сжал мою ладонь — то ли боялся, что я ее тотчас отдерну, то ли ему трудно было рассчитывать силы сразу после превращения. И неожиданно привлек меня к себе. Все его тело оказалось влажным и горячим.

Я замерла и, кажется, перестала дышать. Одинец тоже замер в неловкой позе, сжимая мою руку, и только наши сердца стучали часто-часто. С какой-то непонятной отстраненностью я заметила, что стук сердца анхайра замедляется, входит в обычный человеческий ритм, а кожа становится прохладной. Мое же сердце, наоборот, забилося еще быстрее, готовясь к превращению. Наверное, и тело мое стремительно раскалялось, только я этого не чувствовала.

Одинец наклонился ко мне и коснулся моих губ прохладными губами. И сразу перестал меня удерживать, разжал объятия. Я невольно отпрянула и отступила на шаг.

Синее зарево Меара вспыхнуло на востоке, и закон оборотня швырнул меня на четвереньки.

Тьма без звезд хлынула в мою смятенную душу.

ГЛАВА 16

Меар, день восьмой

Вы, наверное, уже привыкли, что рассказ мой начинается с пересвета, когда вулх становится Мораном. На сей раз будет не так.

Накануне, после изрядного количества пива в таверне «Услада рудокопа», что в Сунарре, мы с карсой и Кхиссом поднялись в предусмотрительно заказанную комнату, Моран сразу же рухнул на жесткое ложе и уснул, безмятежно и бездумно. Моран, но не вулх. Близкий пересвет вулха разбудил. Он шевельнулся в чужом теле, обеспокоенно заворочался, приняухался, но мало что учуял, потому что нос человеческий слишком слаб для вулха. Тогда он огляделся. И тоскливо завыл, одинокий и потерянный. Но к счастью, пересвет приблизился вплотную. И спящее людское тело стало меняться.

Моран очнулся, совершенно трезвый, спустя несколько минут после превращения.

Душная пивная пелена отступила, и я взглянул на мир глазами вулха. Мне совершенно расхотелось спать. Оборотни не спят.

Вулх был сильно встревожен. Карса! Рядом карса, рыжая кошка, с которой невозможно дружить и с которой тем более невозможно находиться в тесном человеческом помещении. Да с ней в одном лесу невозможно находиться, не то что в комнате. Вулх каждой шерстинкой чувствовал ее ненависть и жажду крови. Жажду крови вулха.

Я понимал, что вулх, как и я, драки не желает. Скорее он желает уйти. Не сбежать, просто уйти. Впрочем, если драка все же завязалась бы, вулх бы дрался. И неизвестно, кто одержал бы верх. Но я, Моран, неведомо как чувствовал и слепую нерассуждающую ненависть карсы. Очень женскую ненависть, основанную на голых чувствах. Ведь карса была женщиной.

Вулх — нет. Я даже изумился его холодному спокойствию.

Но карса не напала. Она бестолково потопталась на месте, словно боролась сама с собой. И осталась стоять рядом с Кхиссом, который придерживал ее за ошейник. Вулх стоял с другой стороны: Собранный, как пружина, но спокойный. А потом карса стала меняться и превратилась в обнаженного человека. В Тури.

Только когда она встала и начала одеваться, вулх расслабился. Кхисс отпустил ошейник и привалился к стене.

Я расслабился тоже. И на какое-то время растворился в вулхе.

Снова очнулся я попозже, и мне показалось, что мой вечный спутник-зверь позвал меня, человека, потому что происходит нечто важное, а сам он не в состоянии понять — что именно.

— ...чистоты помыслов и чистого желания, — говорил Кхисс. — Стоит отвлечься, стоит поставить выше желания прийти в У-Наринну что-нибудь иное, например желание пива выпить, и все. Считай, вы пропали. Вы придете сюда, в Сунарру...

— Мы уже пришли, — зло сказала Тури, сидевшая на краешке ложа. Она нервно теребила рукав хорингского одеяния.

— ...и никогда не покинете ее, — безжалостно закончил фразу Кхисс. — Ибо только тот доберется до У-Наринны, для кого это единственная цель. Вы свернули.

Тури некоторое время молчала.

— Значит, здесь живут только те, кто по той или иной причине не добрался до Каменного леса? Кто оказался недостойн? Кто не сумел совладать со своими мелкими желаниями в ущерб главному?

— Да. У них лишь одно утешение — они будут жить долго. Но это слабое утешение, потому что в их жизни не будет меняться абсолютно ничего. Сунарра — застывший город. Здесь все знают всех, еще со времен прошлых Смутных дней. И по-

запрошлых. И поза-поза — сколько угодно раз «поза» — прошлых. Именно поэтому они не спешили знакомиться с новичками. Зачем? Ведь впереди вечность. Если сразу лезть с расспросами, тогда никто не увидит представления. Веселого представления о новичке, который ничего еще не понимает и мечется в поисках выхода. А в Сунарре мало чего происходит, чтобы лишаться такого захватывающего зрелища.

Тури повесила голову. Ну, что же ты, рыжая?

Вулх даже приподнялся с коврика у входной двери, где лежал все это время. Хозяйка, не сдаваться! Сдавшийся — уже наполовину мертв, не забывай. Не веришь — спроси у карсы. Она враг, но она не трус, это вулх знал точно.

— Неужели у нас нет выхода, Кхисс? — спросила Тури блекло и тихо.

— Не знаю. У меня есть одна надежда... нужно проверить.

Тури тотчас вскинулась, я даже с дрожью почувствовал, как мигом вскипела ее горячая кровь.

— Какая? Какая надежда?

В ее глазах цвели молнии и решимость. Браво, рыжая! Я, Моран, точно бы в тебя влюбился.

— Я не знаю, играет ли это какую-либо роль, но... Все возможно.

Кхисс умолк на мгновение.

— Все дело в том, что...

Он поморщился, словно не мог подобрать слова, чтобы поточнее выразить свою мысль.

— Я потом расскажу. Спускайся вниз, перекуси, а я пока поищу... проводника.

Вулх при слове «перекуси» радостно завертел хвостом и невольно вытеснил Морана прочь, во тьму оборотнической души.

Перекусили неплохо. Гусь с какой-то растительной дрянью. Гусь вкусный, дрянь, как ни странно, тоже вулху понравилась. Пока серый брат с наслаждением поглощал со-

держимое широкой деревянной миски, я, Моран, тускло отсвечивал где-то на задворках его звериной души, изредка прислушиваясь к словам Тури.

— Надо отсюда выбираться, отдыхать потом станем. Как говаривал один хороший человек, доживем до урожая, тогда и будем малину жрать.

Я насторожился. Потому что тоже знал одного хорошего человека, который любил так выражаться. Унди Мышатника, да охранят его душу от бурь заоблачные выси...

Наверное, вулх, прислушавшись к моим мыслям, чересчур внимательно уставился в лицо Тури. Девчонка столь же пристально взглянула в глаза вулху.

— Ты кто? — спросила она, словно я мог ей ответить.

Но ответа она не дождалась. Да и не ждала.

— Понимаешь, Одинец, — сказала она неожиданно дрогнувшим голосом, — жил в доме у Беша старый забулдыга Унди...

Тьма! Она на самом деле знала Унди Мышатника!

Вулх забеспокоился и постепенно оттеснил меня вглубь. Я только успел подумать, что Унди действительно зарезали в Айетоте, где обитал Беш Душегуб... И что у Беша была ручная карса. Карса, джерх забирай! Мадхет, несомненно, мадхет. То есть Тури. Она служила Бешу, пока не загрызла его. И не его одного. Ведь Лю в Дренгерт явился именно из Айетота, если верить стражнику по прозвищу Три Лапы. А ему я верил. Значит, Тури, рыжая бестия, это именно ты прикончила Беша Душегуба.

Я не одобрял убийств, но это был тот самый случай, когда я не стал бы возражать.

И еще я подумал: что знает Тури обо мне? О Моране? О резне в Плиглексе, когда мне пришлось убить шестнадцать человек, отъявленных, правда, негодяев, — знает? И стычке с номадами на южных границах — знает? О пьяном кожевнике, который забрался в мой дом в Торнскольме перед самым пересветом, — знает?

Тьма...

Следующий раз Моран очнулся всего на миг, как раз тогда, когда зубы вулха щелкнули в полупяди от чьего-то искаженного бородатого лица, а совсем рядом с ухом свистнул меч, хвала небу, находящийся в руке Тури, рыжей бестии.

Драка. Снова драка. Которая по счету за последние дни? Моран не помнил, а вулх считать не умел.

Он умел только убивать... и еще любить. Хоть это не слишком-то совмещается в людском понимании. Убивать, защищая тех, кого любишь.

Едва вулх позвал меня, я снова выплыл из небытия. В небе пылал Четтан. Моран прищурился бы, наверное. Хотя вряд ли. Свет Меара синий, и оттого кажется более холодным, но куда ярче, чем теплое дыхание Четтана. Морана, то бишь меня, Четтан тревожит, а вулх привычен со щенячьего возраста.

— ...то есть как не нашел? Да скажи наконец, зачем нам проводник? — спросила Тури с отчаянием в голосе. Лоб ее был в крови, рыжая шевелюра в полном беспорядке, и я с негодованием заворчал. Да кто посмел обидеть мою спутницу?

Потом я присмотрелся и увидел, что в руке у Тури меч, и лезвие его тоже красно от крови. М-да. Вероятно, обидеть ее не удалось. И ладно. У вулха саднило правое плечо, все время хотелось его полизать.

— В Сунарру вошли Одинец с карсой. Значит, Тури с вулхом вообще-то могут выйти из города.

Вулх слепо обрадовался. Выйти! Выйти! Прочь отсюда! Здесь вкусно кормят, но здесь же норовят обидеть хозяйку, больно колют в плечо холодным мертвым железом и друг-тот-что-внутри тоже хочет отсюда выбраться. Он не так быстр и ловок, как вулх, но, кажется, гораздо лучше понимает людей, которые от природы совершенно непонятны. Большой частью.

«В который уже раз нас спасет двойственная оборотническая натура? Лю знал, кого посылать в Каменный лес...»

В самом деле. Город привлек Одинца с карсой. Тури же с вулхом — совершенно другая парочка, как ни крути. Хотя ужасно обидно, что я совершил ошибку. И собственно, провалил все дело, лишил памяти и себя, дурня, и Тури, смелую девчонку-мадхета.

Мне стало джерховски стыдно за себя. Эх ты, герой дражный. Сортиры тебе чистить, а еще лучше бы сдохнуть в яме у Чистых братьев. Потому что жизнь твоя никчемна, и ты способен только подвести спутника... спутницу, точнее. Которая всю дорогу только и занимается, что выпутывается из дурацких положений, в которых ты ее бросаешь на пересвете. И тебя, между прочим, вытаскивает.

Скотина ты, Моран, хоть и человек.

Я до того разозлился, что ухнул в черноту сознания вулха и долго оттуда не выходил. До самого пересвета.

А когда Тьма ненадолго объяла мир, лишь слегка рассеиваемая слабым светом крохотных звезд и вулх превратился в человека — телесно, — и я увидел рядом с собой Тури, с надеждой взирающую на меня, а вокруг — поросшую редкими деревцами равнину и стену леса не遠далеке вместо домишек Сунарры, я понял, что Тури удалось выйти из коварного города. И вывести оттуда меня.

— Здравствуй, Одинец, — сказала Тури и протянула руку.

Наши ладони встретились. Я хотел сказать все, что думал, — кто я есть на самом деле и какой она молодец, но вместо этого просто крепко обнял ее.

Кажется, она много чего хотела сказать мне — предупредить, может быть, предостеречь от очередной глупости, но не успела. Судорога прошла по ее телу, и Тури упала на четвереньки.

Не прошло и нескольких минут, как край Меара высунулся из-за горизонта слева от меня. Карса, мурлыкнув, скользнула ко мне, встала на задние лапы, а передние положила мне на плечи. И лизнула шершавым языком мою опять небритую щеку.

— Прости меня, Тури, — сказал я сокрушенно. — Я опять все испортил.

Размышляя, отчего я такой неразумный пень, я оделся и подошел вплотную к Ветру. И почувствовал неодолимое желание протереть глаза.

Потому что я был не единственным пнем в округе. Еще один нагло восседал верхом на Ветре, даже был пристегнут к седлу коротким сыромятным ремешком.

— Привет! — проскрипел пень уверенно, чтобы не сказать нагло. — Я — Корняга.

— И хрен ли ты тут делаешь? — осведомился я достаточно неприветливо. Как-то не привык я разговаривать с пнями... если только я не общаюсь по давней привычке сам с собой.

— Я — проводник! — заявил пень. — Это я вывел вас из Сунарры. Можешь не благодарить, — великодушно разрешил он.

Я с трудом удержался от смеха и подозрительно взглянул на Корнягу.

— А не заливаешь?

— Что ты! — возмутился пень. — Я никогда не вру!

Наверное, я скептически ухмыльнулся. Мне-то не нужно было объяснять, что слова «Я никогда не вру» произносятся только те, кто врет всегда.

— Ладно, — сказал я, отстегнув пень и вскакивая в седло. Корняга поспешно дернулся в сторону, чтоб я его не придавил, а потом вдруг проворно взобрался мне на плечо, вцепившись корешками в ремни курткоштанов. — Раз тебя не прогнала Тури, и я не стану гнать. Рассказывай. Но учти: если выкинешь такое, что мне придется не по нраву, я тебя пушу на растопку. На первом же привале.

Вряд ли Корнягу согрела перспектива стать дровами и согреть впоследствии меня.

— Что рассказывать?

— Все. Где тебя подобрала Тури. Зачем она это сделала. И почему, джерх возьми, еще не сожгла тебя, готовя ужин,

потому что мне кажется, это единственное, на что ты годишься, деревяшка.

Корняга надулся. По крайней мере мне так показалось.

— Вот она, людская благодарность! Все вы одинаковы.

Я не стал уточнять, что к людям я, строго говоря, отношусь не вполне.

— Раз, — сказал я.

— Что раз? — не понял Корняга.

— Когда будет «три», я разведу костер, — охотно объяснил я.

— Уже говорю, говорю, — всполошился Корняга. — Тури подобрала меня тринадцать дней назад недалеко от Слезы Великана.

— Чего? — изумился я. — В первый день пути по Диким землям?

— Ага... Но на нее вскоре напали разбойники, и... в общем, она рассердилась.

— И что?

Корняга пошевелился на плече и забубнил дальше:

— И она меня бросила у озера. Но следом за ней пошли другие люди — колдун Панч и трое его дружков-лютиков.

— И ты с ними?

— А что мне оставалось? — захныкал Корняга. — Они грозились сжечь не только меня, но и весь окрестный лес.

М-да. На такую деревяшку это и впрямь подействовало бы. Колдун, значит, Панч и тройка лютиков... Любопытно. Еще один колдун.

— А зачем колдун шел следом за Тури?

— Ножны, — проскрипел Корняга. — Ему понравились ножны.

«Как же, ножны, — подумал я скептически. — И они хоронились тринадцать дней. Хотя мы тащились в такие, с точки зрения всего остального мира, гиблые места, что куда разумнее было напасть сразу же. Или на ближайшем пересвете, когда мы беспомощны».

«Стоп, — сказал себе я. — Они знают, что мы — оборотни?»

Холодный пот прошиб меня. Убить. Немедленно убить!

— Где они сейчас? — спросил я, браня себя самыми черными словами.

— Известно где, — довольно сказал пенек. — В Сунарре! И ни за что оттуда не выберутся без меня! Если они вообще живы после твоих зубов и клинка Тури...

Облегчение захлестнуло меня, подобно ливню, что проливается на иссушенную солнцем землю.

— Послушай, Корняга, — сказал я проникновенно. — Давай я тебя опять к седлу пристегну?

— А зачем? — подозрительно спросил он, на всякий случай сползая на самый край моего плеча.

— А затем, что ближайшие дни я тебя хрен куда отпущу. Понял?

Пенек не ответил. И правильно, а то услышал бы «два»...

Следующий час я размышлял, как удалось четверым лютикам пройти через все, пройденное нами. Через Запретный город, через каньон, через засаду хорингов и жадное гостеприимство вильтов... Хорингов, впрочем, мы же и перебили, так что их можно не считать.

Подозрительная все же история. Хотя среди четверки есть колдун. Панч. Враки, что они идут за ножами «Опережающего». У-Наринна — вот их цель. Последнее время я весь мир готов был записать в путники к Каменному лесу.

Это хорошо, что их пожрала Сунарра. Если действительно пожрала.

— Эй, деревяшка! А что, мы с ними подрались?

— Да.

— Где?

— В таверне.

— И как?

— Здорово! Колдун, правда, жив остался...

Вот это — жаль. Если они сумеют ускользнуть из Сунарры и наши пути пересекутся где-нибудь под двумя солнцами, мне придется их убить, сколько бы их ни было — одного, двоих, троих или даже всех четверых.

Но что-то подсказало мне — из Сунарры выбраться невозможно. Мы — первые. И то лишь благодаря Тури и вулху. Ну, может, еще Корняге, который тоже попал в Сунарру не по своей воле. А подсказала мне это моя собственная память, оживающая в вулхе четтанским днем, и взгляд умницы-карсы.

У нас даже больше общего, чем я до сих пор думал, киса. Мало того, что мы оба — оборотни, так еще и ученики старины Унди. И Тури Мышатника очень любила, судя по вчерашнему рассказу о его гибели. О том, что Унди любил и я, тоже не стоит даже и упоминать, это очевидно.

Вот только две вещи меня настораживали. Тури моложе меня, хотя и ненамного. Но Унди, насколько она уверена, последние кругов десять перед смертью прожил у Беша в Айетоте. Я же совершенно ясно помню, что расстался с Унди семь кругов назад, в Гурунаре. Когда судьбе стало угодно вышибить меня оттуда в Риву. С тех пор я встречался с ним дважды, в Риве и Торнскольме. Второй раз — чуть больше пяти кругов назад. Незадолго до того, как его убили.

Не мог же Унди жить в двух местах одновременно? Хотя Тури, кажется, упоминала, что Унди имел обыкновение исчезать куда-то, и довольно надолго.

И второе. Тури сказала, что убийцу Мышатника никто так и не увидел. А перед тем как окончательно уйти во Тьму, Унди называл чье-то имя.

Ильгор.

Я не знал — кто это.

С этими мыслями я въехал в старый лиственный лес, и лес поглотил меня. Меня, Ветра, карсу, Корнягу. Всю нашу странную компанию. Должно быть, со стороны мы выглядели весьма забавно.

— Куда мы едем? — спросил Корняга, оживившись.

— Ты же проводник! — ехидно отозвался я. — Тебе виднее.

Пенек стушевался и забормотал что-то совершенно не поддающееся истолкованию. Я ему не ответил. Не говорить же — в У-Наринну?

— Давай рассказывай, чем занимался твой Панч и остальные лютики, — потребовал я.

Корняга некоторое время обиженно молчал — дулся, а потом не утерпел.

— Известно — чем... Грабили.

— В Диких-то землях? Кого?

Даже на такой простой вопрос Корняга ответил уклончиво и расплывчато:

— Ну... всяких. Путников.

«Он, видать, враль, каких мало», — окончательно убедился я.

Но вытащить из него правду мне не удалось. Вулх, шевельнувшись внутри меня, вдруг остро почувствовал внезапно приблизившуюся опасность, и меня окатила горячая волна его тревоги.

Я огляделся. Полуденный лес наполнился обычными звуками — голосами птиц, шумом крон на ветру, далеким кличем фыркана, идущего по следу. Кто разбудил вулха? Кто прячется за зыбкой пеленой свежей листвы?

Ветер, напротив, был совершенно спокоен. Это меня совсем сбilo с толку. Я привык доверять своему непростому коню, и если он спокоен, значит, можно расслабиться — к этому я привык давно. Как же тогда сопоставить это с тревогой вулха, лесного жителя?

Полный темных предчувствий, я выехал на старую-старую, уже покрытую молодой порослью просеку. Она тянулась с северо-востока на юго-запад, так что некоторое время я мог смело ехать по ней. Я и поехал.

Нервы у меня стали ни к джерху. Я дергался на каждый шорох, то и дело хватаясь за рукояти кинжалов. Но это все

были обычные шорохи леса. Нам они ничем не угрожали. Карса не показывалась уже второй час, но я смутно чувствовал ее присутствие, и хоть это меня слегка успокаивало.

Вскоре я выехал к обрыву. Лес подступал к самому краю, и внизу, далеко внизу тоже шумел лес. Я невольно натянул поводья. Не люблю высоту...

Ветер встал.

«И что теперь?» — подумал я растерянно.

Корняга, дремавший все это время, встрепенулся у меня на плече.

— Чего встали?

Я покосился на него.

— А ты не видишь?

Он повертелся, стреляя глазами-щелочками. Потом с сомнением в голосе ответил:

— Не вижу... Лес кругом. Обычный лес.

— Я вижу, что лес, — проворчал я. — Как спускаться-то?

Обрыв тянулся в обе стороны, насколько хватало взгляда. Мне даже показалось, будто мы вновь оказались на краю каньона, только в другом месте, не на каменистой равнине, по которой носились стада могучих быков, а в бескрайних лесах Запредельного княжества.

— Куда спускаться? — озадаченно спросил Корняга. — Что с тобой, Одинец?

Я тупо уставился в пропасть. Что значит — куда? Что он, не видит ни бельмеса, или как?

Соскочив с седла, я с опаской приблизился к краю. Корняга крепче вцепился руками-ветками в мою одежду. Заглянув за край, я с облегчением отпрянул. Не люблю высоту... С детства. Я оглянулся. Подобрал длинную сухую палку, помедлил немного и бросил ее вниз. С обрыва.

Тьма, до чего неприятно, когда чувства бунтуют и начинают рассказывать о мире совершенно разные вещи!

Слух подсказал мне, что палка с шуршанием упала на землю в нескольких шагах впереди меня. Словно никакой

пропасти не было, а просека тянется и дальше. Глаза же убеждали, что палка, быстро уменьшаясь в размерах, падает на кроны еле различимых с высоты деревьев.

Тупо проводив ее взглядом, я попытался собраться.

Так. Спокойнее. Спокойнее, Моран. Давай еще раз.

Я подобрал валежину подлиннее и вознамерился швырнуть ее вслед за первой, но потом, перехватив поудобнее, осторожно попробовал окунуть ее в пугающую пустоту.

Валежина сразу же во что-то уперлась. Если бы не глаза, я бы решил, что просто в землю чуть впереди меня.

Вот наваждение!

— Эй, Корняга! — позвал я. Пенек тотчас встрепенулся.

— Я тут!

«Знаю, что тут». — Я едва не фыркнул.

— Что ты видишь перед нами? — спросил я будничным тоном, как мне показалось, спокойно.

Корняга на всякий случай осмотрелся.

— Просеку. Траву. Мурашек всяких. Палку, которую ты только что бросил.

— А пропасть?

Корняга озадачился.

— Какую пропасть?

Понятно. Он ничего не видит.

Тогда я плашмя лег на землю и закрыл глаза. Мир сразу стал привычнее, потому что остальные чувства сообщали мне о нем одно и то же. Я лежу на земле. Земля покрыта травой.

Тогда я осторожно пополз вперед, ощупывая все перед собой, прежде чем опереться. Мне показалось, что прополз я всего ничего. И я решился открыть глаза.

Я висел над пропастью. В нескольких шагах от обрыва. Просто висел, неподвижно, будто лежал на невидимом стекле. Ощущение было на редкость неприятное.

Осторожно-осторожно, словно я мог ненароком расколотить это невидимое стекло, я вернулся на край обрыва. Сел. И задумался.

Ветер, мой проверенный скакун, глядел на меня словно бы с недоумением. Ветер. Хм...

На краю обрыва неизбежно должен чувствоваться ветер. Я ведь слышу, как он треплет верхушки деревьев. А я ничего не чувствовал здесь, лежа на земле.

Такое впечатление, что на меня нагнали морок и пытаются испугать.

— Ах вы, сволочи! — прошипел я. — Жуки навозные, воронье, свиньи! Думаете, сверну? В вашу джерхову Сунару? К пиву и гусятине? Шиш!

Я на миг прикрыл глаза, изгнал из головы суетливые опасения и страх высоты, сосредоточившись на желании увидеть правду. Увидеть то, что на самом деле лежит передо мной, а не пропасть, в реальности которой меня хотели убедить.

И мир впереди стал сначала тускнеть, потом — двоиться, а вскоре из-под навязанной мне картинки, оживая, как на рисунке хорингов, стали проступать и просека, и лес, и палка, которую я якобы швырнул в пропасть, и вторая, длинная, которую швырнуть не успел, и карса, стоящая в нескольких шагах впереди и с глубочайшим недоумением глядящая на меня, и трава, которую я примял, когда ползал...

Наваждение исчезло.

Я перевел дух. И победно огляделся.

— Что? — спросил я с издевкой. — Не вышло?

Мне, конечно, никто не ответил. Тогда я вскочил на Ветра и двинулся в путь. Еще ни разу, от самой мельницы на берегу Юбена, я не чувствовал такого горячего и непреодолимого желания дойти до Каменного леса. Во что бы то ни стало. Вопреки всему.

И в тот же миг вулх, ощутив себя в полнейшей безопасности, замер и растворился во мне.

До самого вечера я тянул по просеке, ни на что не отвлекаясь и внимательно прислушиваясь к себе, — а не подскажет ли мне вулх еще что-нибудь? Вулх молчал. Зато Корняга

бормотал без умолку. Я узнал массу нового из жизни леса, но, по-моему, большая часть из этого была бессовестным враньем. Ну где это видано, чтобы деревья посредством магии боролись с лесными пожарами? Кто сказал, что с огнем можно поговорить? Как поверить, что река Плакса плачет в сумерках? Как она может плакать? Направить байки Корняги в интересующее меня русло я отчаялся, велеть ему заткнуться не захотел, потому что тишина действовала на меня гнетуще, вот и слушал всякую чушь, одновременно перебирая собственные мысли. Карса снова исчезла в лесу справа от просеки. Лес, кстати, незаметно из лиственного превратился в хвойный, в сосновый бор, где каждое дерево, казалось, дышит смолистым растительным здоровьем, а воздух едва не звенит от чистоты и прозрачности.

Корняга осекся на полуслове; слабо тренькнула тетива лука. Белооперенная стрела тонко свистнула и, коротко тюкнув, вонзилась в Корнягу. Корняга испуганно ойкнул.

Я соскочил с Ветра, словно на полном скаку меня сшибло нависшей над дорогой ветвью. Корняга трепыхался у меня на плече, я его тотчас сдернул.

Стрела была хорингская. Значит, меня всего лишь предупреждают. Даже дети знают, что хоринги из луков бьют без промаха. В любой сказке. Я имел дело с истинными хорингами лишь раз, и ни одной причины усомниться в справедливости этого у меня не возникло.

Влип. Смерть Иланда, Винора и третьего мне явно не простят. Мне. И карсе. Где она, кстати?

Впрочем, кто сказал, будто этим хорингам известно, что Иланда и остальных убили мы с Тури?

«Не дури, Моран, — уныло сказал я себе. — Хоринги знают все. И тебе этого точно никогда не понять и вовек не постичь. И — главное — ни в жизнь не оценить. Потому что они Старшие».

Ветер стоял посреди просеки, недалеко от бронзовых сосновых стволов, но по нему никто не стрелял. Конечно

же, я никого не видел вблизи. Только стволы. Те же сказки гласили, что заметить хоринга в лесу еще труднее, чем заставить его вогнать белооперенную стрелу не туда, куда ему хотелось. А видеть сквозь живую древесину я не умел. И вулх не умел. Хотя вулх мог бы учуять хорингов. Но вулху для этого нужен был его, вулха, чувствительный нос. Человеческий для этого не годился.

А в следующий миг я вдруг сообразил, что вижу прячущихся за стволами сосен хорингов. Трех. Нет, четверых. Ага, вон и пятый.

Тьма! Я видел сквозь стволы! Сквозь живую древесину!

Я не поверил себе — и тотчас перестал видеть. Сразу же.

Холодный пот сам собой выступил у меня на лбу. Тьма еще раз! Что творится? Ну-ка, с самого начала.

Я посетовал, что не вижу сквозь стволы. И захотел видеть.

И тут же увидел.

Потом решил, что этого не может быть, и видеть перестал.

Хм... Не почудилось же мне это? И я страстно пожелал снова видеть.

Стволы вдруг стали полупрозрачными, и фигуры хорингов вновь открылись взору — вполне ясно и отчетливо. Трое из пятерых уже были совершенно в других местах, ближе ко мне. Вот и четвертый перетек поближе.

А вон и карса. Крадется. Хочет напасть на крайнего. Нет, малышка, нет!

С проклятием я вскочил, в каждой руке сжимая по метальному ножу. Но было поздно. Карса прыгнула и сбила хоринга с ног. В нее тотчас же вонзились четыре стрелы. И еще четыре. И еще. И еще.

Первого хоринга я заколол с разгона. Не ожидал он, похоже, что я знаю, где он прячется. Во второго метнул нож. Кажется, попал. Но теперь сразу две стрелы вонзились уже в меня. И еще две. И еще.

Впрочем, нет, не вонзились. Моя волшебная одежда устояла против стрел. Против хваленых хорингских наконечников. Правда, от синяков это меня все равно явно не спасло.

Оставшиеся трое быстро отступили, унося убитых. Боятся, джерж на динне! Я все еще видел их сквозь стволы, но все хуже и хуже, их неясные силуэты таяли в бронзовой дымке, которая застилала все, что находилось дальше сотни шагов. Пока не исчезли вовсе.

Я метнулся к карсе. Она была еще жива, хотя истекала кровью. С отчаянием я взглянул на небо над просекой — до пересвета оставался еще час с небольшим. Дотянет ли?

— Держись, Тури, — прошептал я. — Держись.

Выдерживать стрелы было нельзя. Только повредит. Эх, пересвет бы сейчас, изменяющееся тело оборотня само извергнет из себя чуждый металл наконечников и исцелит раны. Только бы дожидла до пересвета!

— Держись, киса... Уже скоро...

Карса приоткрыла на миг глаза и попыталась лизнуть меня в руку. Я погладил ее по окровавленной голове. Рука моя заметно дрожала. А в душе стало на удивление пусто.

Невесть откуда выполз Корняга с пучком каких-то широких листьев. Кажется, листьев тысячесила.

— Думаешь, поможет? — спросил я, принимая листья.

— Хоть боль приглушит, — невыносимо скорбным голосом ответил Корняга и снова куда-то поспешил.

Тысячесил если и не слишком помог, хотя бы приостановил кровь. Теперь она едва сочилась из-под впившихся стрел. Тури, не открывая глаз, притихла, стала ровнее дышать и реже вздрагивать всем телом.

— Держись, — твердил я, словно зачарованный. — Держись.

Как увели Ветра, я даже не заметил. На лес стали валиться синие сумерки; пересвет близился. Вулх забеспокоился, заворочался внутри, щекоча пушистым хвостом стенки моей души, но мне, честно говоря, сейчас было не до

него. Я держал в ладонях голову карсы и изо всех сил пытался поддержать в ней жизнь. Мне казалось, что из ладоней вытекает призрачная река некоей странной нематериальной силы, некая аура жизни, которая подпитывает угасающие силы карсы. Я почти видел тусклые струи, текущие к моей спутнице, и искренне верил, что действительно помогаю ей. И еще чувствовал, что карса цепляется за меня, что она все понимает и пытается подстроиться под мои усилия.

Тихое ржание немного отвлекло меня; я оглянулся, стараясь не потревожить раненую спутницу. Длинноволосый хоринг в коричневой куртке и серо-зеленых штанах уводил моего коня вдоль по просеке, и тот даже не сопротивлялся, шел покорно, словно за мной или Тури. Второй хоринг стоял рядом и держал за лапу-ветку бедного трепыхающегося Корнягу. Корняга, кроме того, что трепыхался, еще ругался, словно в дым упившийся ремесленник из дренгертских мастерских.

— Встань, оборотень! — сказал хоринг жестко.

Я бережно убрал ладони из-под головы карсы и метнул нож. Хоринг отбил его небрежным движением короткого узкого клинка. А мне-то казалось, что моя рука быстрее молнии.

В следующий миг мое горло пробила пущенная третьим хорингом стрела. Никогда еще я не испытывал такой жгучей и беспощадной боли. Наверное, боль хлынула из меня, словно вода из лопнувшего кувшина, потому что карса дернулась и жалобно захныкала, как обиженный ребенок. И сразу затихла.

Мир померк у меня в глазах. Вулх в панике заметался, но его время еще не пришло. Тело мое обмякло и стекло на примятую траву. Я еще слышал, что вокруг происходит, но жизнь постепенно покидала анхайра по имени Моран.

— Она тоже оборотень?

— Да.

Звук, словно пнули куль с мукой.

— Готова. Издохла, Тил.

— Крикни Ганиону, чтоб привел коня. Этого заберем с собой.

— Ганион!

Потом протяжная фраза на наречии хорингов. Я пропустил ее мимо угасающего сознания.

— Отпусти меня! — хныкал Корняга. — Все расскажу, все, только отпусти!

Я из последних сил попытался ощутить к изворотливой деревяшке презрение, но почему-то не смог. Наверное, слишком ослаб.

Чья-то холодная рука коснулась моей руки и вытащила из-за пояса хадасский кинжал.

— Быстрее, Ганион! Он умирает.

Я и вправду умирал.

Но тут на просеке появился еще кто-то.

— Не слишком ли вы спешите, шерхи?

Голос был удивительно знакомый, но я никак не мог вспомнить — чей.

— Дост? Клянусь Радугой — ты вездесущ! Что тебе нужно здесь?

— А вам?

— Я не отвечу тебе, рианар, ты ведь знаешь это.

— Знаю.

— Тогда зачем ты пришел?

— Затем, чтобы отогнать смерть от тех, кому еще рано во Тьму.

Последний звук, который запомнила моя человеческая половина, я не смог внятно истолковать. Сумерки заволокли и просеку, и весь мир, и мою угасающую душу.

Пришел пересвет.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА 17

Четтан, день девятый

Темнота донесла до меня слабый стон. Звериный или человеческий — я не знала. Карса, это ты?

Молчание.

Одинец? Отзовись, анхайр!

Молчание.

Я привычно напрягла мысли, чтобы выбраться из глубин сознания к свету и звукам, к свежему воздуху внешнего мира. Но внезапно серая душная муть хлынула мне в глаза, в уши, в глотку. Я задохнулась и судорожно забарахталась во тьме. Наверх, скорее наверх!

Страшная боль пронзила меня. «Смерть, — поняла я. — Умираю». Карса?! Карса, что с тобой? Что с нами?! Ох, как больно... Не должно быть так больно, не может быть. Я ведь не чувствую тела — что же болит?

Безвольным и бесформенным сгустком боли, как разбитая штормом медуза, я опускалась назад в глубину.

«Очнись и действуй, — сказал чей-то холодный властный голос. — Встань на ее пути. Ты еще можешь перехватить ее и вернуть».

Вернуть ее? Кого — Карсу? Откуда?

«Из Тьмы. Быстрее!»

Из Тьмы? Неужели внизу — Тьма?! Или вверху?

«Здесь нет ни верха, ни низа. Ты сама облакаешь чувства в привычные образы. Позови ее — и ты убедишься».

Хэй, Карса-а!

И Карса откликнулась на мой зов. Но не голосом.

Серый туман вдруг рассеялся, и оказалось, что я стою на дороге. Блеклый мертвенный свет исходил от неровных плит у меня под ногами. Дорога выглядела заброшенной — плиты растрескались, и в трещины пробивалась призрачная трава. Видно, не часто по ней ходят...

Фиолетовая вспышка прорезала тьму. Оглушительный раскат грома посмеялся над моими мыслями.

Впереди на дороге, на расстоянии полета стрелы от меня, огромная кошка присела и сжалась в комок. И подняла на меня растерянный взгляд.

Стой на месте, Карса. Не смей идти дальше!

Что-то коснулось моей ноги. Я опустила глаза. Шерсть вулха была насквозь пропитана мертвенным сиянием; и моя рука, которая легла ему на шею, тоже бледно светилась. Вулх не глянул на меня, он смотрел вперед.

Как вулх оказался здесь? И зачем?

Я проследила за его взглядом и увидела, что рядом с призрачной карсой на дороге стоит человек. Нагой мужчина, кожа которого источала то же самое свечение, что и все вокруг. Почему-то я не заметила его прежде. Словно повторяя мой взгляд на вулха, карса обернулась к своему спутнику. Но Одинец не ответил ей взглядом, потому что смотрел на вулха. То есть — на себя самого.

Алая зарница полыхнула над нами. Грома не было.

Я и вулх, мы стояли в двух шагах перед необъятным зеркалом. Красные блики играли на поверхности стекла — а по ту сторону все было залито синим светом, и оттуда смотрели на нас карса и человек. И дорога отражалась в неожиданно возникшем зеркале, одинаковая по обе стороны зеркальной грани. Дорога во Тьму — и ее отражение, дорога из Тьмы.

Одна и та же дорога. Только направления разные.

Мы стояли на ней все четверо. Карса и Одинец, я и вулх. Шагнувшие во Тьму и вставшие у них на пути. Два зверя и два человека...

Нет, неверно! Нас здесь только двое, я и Одинец. Мы — и наши отражения. Наши половины. Наши вторые «я», убитые и изгнанные из мира во Тьму. Замри, Карса. Не двигайся, Одинец. Ни шагу дальше! Вас убили, но мы с вулхом пока еще живы. Кто-то старший и сильный отправил нас за вами, чтобы мы четверо... то есть мы двое... просто мы... Чтобы мы, мадхет Тури и анхайр Одинец, вернулись из Тьмы.

Синяя молния растеклась по черноте и зашипела, как сало на сковородке.

Я больше ничего не видела. Только чувствовала. Я чувствовала, что мы с Карсой слились воедино. И я ощущала присутствие Одинца рядом с собой. И еще я знала, что за спиной у нас Тьма, — а значит, нам нужно идти вперед.

Мы сделали шаг...

Впереди нас ждала боль.

Я очнулась в теле, которое уже не ощущало себя единым. У меня больше не было тела — только жалкие клочья плоти, нанизанные на скелет безжалостной боли, точно на раскаленный вертел. Ничего, вытерплю. Главное — продержаться несколько минут, не позволить сознанию ускользнуть во Тьму. Окрепшее за последние дни чутье оборотня говорило мне, что до пересвета осталось совсем немного.

Я с трудом подняла непослушные веки. После призрачных, невещественных образов Дороги-во-Тьму истинный мир ошеломил меня множеством оттенков и насыщенностью красок. Нас окружал хвойный лес, и черные силуэты сосен четко рисовались на фоне густо-синего зарева меарского заката. Это было красиво, как... как на живой картине хорингов, джерх побери! Я никогда еще не видела мир таким красивым. Вот только боль мешала смотреть.

Я попыталась шевельнуться и услышала хриплый стон. Мне понадобилось несколько долгих мгновений, чтобы по-

нять — это мой стон. Голос был странно искажен — наверное, оттого, что в горле застрял жгучий комок боли. Судя по невыносимой боли, меня ранили именно в горло, и рана была смертельной.

Ничего, милосердный Четтан исцелит меня. Скорее бы пересвет! А что там с вулхом? Впрочем, сейчас он человек. Где ты, анхайр?

Я не могла вертеть головой в поисках Одинца, теряя последние силы тела. Тела, которое один раз уже рассталось с душой. Хорошо, что у меня была запасная... Да, правду сказать, я бы и не смогла повернуть голову больше одного раза. У меня едва хватало сил держать открытыми глаза. Поэтому я сосредоточилась и сквозь пелену собственной боли попыталась расслышать чужую. Это оказалось неожиданно легко.

Одинец был совсем рядом. Мне даже почти не пришлось поворачивать голову — только перевести взгляд.

Я встретила с затуманенным болью, но вполне осмысленным взглядом зверя. В его призрачно-серебристых, отражающих синий закат глазах с вертикальными щелочками зрачков мелькнула радость узнавания, а в следующий миг... Наверное, точно такой же ужас отразился в моих — человеческих — глазах.

Я искала взглядом Одинца, и я нашла его, но на меня глянули кошачьи глаза карсы! И в тот же миг я поняла, что переполненное болью тело, которое я ощущаю как свое, — это человеческое тело. Тело мужчины. Светлые боги, что случилось?! На небе пока еще Меар, и наши тела послушны его воле. Тело мадхета имеет облик карсы, тело анхайра — облик человека. И я должна была очнуться в своем зверином теле, а очнулась в чужом человеческом.

Возвращаясь из вечной Тьмы, мы с Одинцом перепутали тела. Наши души поменялись местами.

Светлые боги, сжальтесь над нами! Верните наши души на место, когда весь мир погрузится во Тьму пересвета. Пожалуйста!

Мне страшно, невыносимо страшно.

Эй, кто-нибудь, помогите...

Темная тень склонилась ко мне. Знакомый властный голос, который больше не был холодным, а дышал теплом и участием, произнес:

— Не бойся, девочка. Теперь ненадолго усни. Все будет хорошо.

Жесткая ладонь ласково легла мне на лоб. И я растворилась в прикосновении...

На лесной просеке неподвижно стоял человек. Его правую щеку освещал синий луч заходящего Меара; показавшийся из-за горизонта Четтан окрасил его лицо багрянцем с другой стороны.

Человек смотрел прямо перед собой — на два лежащих на земле тела, что казались безжизненными. Но вот одно из них зашевелилось, меняя форму — как комок глины под пальцами гончара, как железо в плавильной печи. Человек нагнулся и стремительно выхватил из пышущей жаром плоти оборотня темную от крови стрелу.

В тот же миг отблеск Меара на его лице погас, и зашевелилось второе тело. Человек склонился над ним.

Я пришла в себя бодрой, здоровой и слегка растерянной — как обычно на восходе Четтана. Только это не был обычный восход. Четтан уже высоко поднялся на небе, и под его жаркими лучами на стволах сосен выступили капельки душистой смолы. Воздух хвойного леса был упоительно горек.

Все происшедшее на пересвете казалось мне большим и безумным сном. Что было на самом деле, а что мне привиделось? Не знаю. Да и знать не хочу. Главное, что я живу. И мир прекрасен!

Взгляд мой упал на незнакомца, который стоял ко мне спиной и поправлял сбрую на Ветре. В паре шагов от него вулх, встопорщив шерсть на загривке, осторожно обнюхивал кучку сломанных стрел.

Я потянулась к одежде, которую кто-то заботливо сложил у моих ног.

Затрещали сосновые иголки, и на просеку выбрался приземистый пенек.

— Мастер Дост, — проскрипел он, — они еще там, у оврага. Только я туда больше не пойду! Там страшно.

Незнакомец повернулся к пеньку. Я торопливо влезла в сапоги и шагнула Корняге навстречу.

— Доброе утро, пень корявый! — нежно сказала я. — Я сегодня всех люблю, даже тебя.

Незнакомец — надо полагать, именно его корневик называл «мастер Дост» — нагнулся к Корняге и ухватился за застрявшую в пеньке стрелу. Корняга испуганно дернулся и вцепился корнями в землю. Стрела, как видно, засела глубоко. Досту пришлось приложить усилие, чтобы ее выдернуть. Он на мгновение задержал стрелу в руках, а потом переломил о колено и бросил обломки в кучку других таких же. И обернулся ко мне.

У него были очень темные глаза, резко очерченный подбородок и выразительный нос с хищным разлетом ноздрей — красивый нос, несмотря на то что переносица была когда-то перебита, и давний рубец перечеркивал ее белой полосой. Впрочем, считается, что шрамы украшают воина. В отношении Доста это было правдой.

— Всех — значит, и меня тоже? — улыбнулся воин и слегка склонил голову в знак приветствия. — Приятно слышать такие слова от красивой девушки, — продолжил он тем самым голосом, которым вчера велел мне идти во Тьму, — и я послушалась. — Жаль, что мне пора уходить.

— Благодарю за помощь, мастер Дост, — стесненно сказала я.

Дост кивнул. Вулх подошел к нему и ткнулся лбом в колено — тоже благодарил, наверное.

— Можете двигаться дальше по просеке, — сказал Дост. — Хотя зачем я это говорю? Ты ведь чувствуешь путь?

Я прислушалась к своим ощущениям и удивленно кивнула.

Да, я знала, куда нам идти. Знала уверенно и несомненно. Далекая У-Наринна, скрытая от нас лесами и горами, была видна моему внутреннему зрению совершенно отчетливо. Ее нельзя было не заметить — как нельзя не заметить Четтана в небе. Мне больше не понадобится спрашивать дорогу. Мне не нужны даже путеводные знаки хорингов. Теперь я просто не смогу заблудиться.

— Я чувствую путь, мастер Дост, — ответила я.

Воин поднял руку в кратком прощальном жесте и повернулся, чтобы идти. В последний момент я все-таки не выдержала и окликнула его:

— Мы... не можем тебе помочь?

— Нет, — скупое бросил Дост через плечо и зашагал прочь. Кровавый блик Четтана скользнул по длинному мечу, закрепленному у него на спине.

Я вздохнула, глядя ему вслед, и сделала шаг туда, где рядом со старой сосной переминался с ноги на ногу оседланый Ветер.

— Иди сюда, Корняга!

Пенек подбежал ко мне, шустро перебирая корнями, и вскарабкался по протянутой руке на плечо.

— Так кто там у оврага? — спросила я.

— Известно кто — хоринги, — скрипуче отозвался Корняга. — Которые вчера в нас стреляли.

Я посмотрела на кучку сломанных стрел с перепачканным кровью оперением. Так вот откуда взялись эти стрелы — из наших пронзенных тел. Плоть оборотней исторгла чужеродные предметы на пересвете. Мда-а, серьезная, видать, была схватка. Прямо скажем, смертельная. Хоринги — это не какие-нибудь лесные разбойники. Со Старшими сражаться трудно. Сколько их хоть было-то?

— Хэй, Одинец, сколько их было? — окликнула я анхайра, взбираясь на коня.

Но ответил мне скрипучий Корнягин голосок:

— Вроде пятеро. Двоих вы прикончили, а вот остальные...

Я тронула коня с места.

— Вперед, Ветер! А ты продолжай, Корняга. Рассказывай.

Сосновый лес дышал покоем, словно и не разыгралась здесь синим вечером — каких-нибудь полчаса назад — схватка, едва не стоившая жизни нам с анхайром. Наши души уже шагнули во Тьму, но вернулись. При этом — Смутные дни! — перепутав тела. Хвала богам, пересвет возвратил нас с Одинцом каждого в свое тело. Что бы мы делали, если бы этого не произошло и мы остались в чужих телах, — ума не приложу. Да и прикладывать не хочу: жуть берет.

Мы и без того вернулись из вечной Тьмы измененными. Мне еще предстояло понять, какой след оставило это все в моей душе. Но пока я просто радовалась ярким краскам вновь обретенного мира.

Постепенно лес по правую сторону просеки превратился в смешанный. Стали встречаться платаны и клены, ольха и островки лещины. Громко щебеча, просыпались в ветвях птицы четтанского цикла. Вулх, радостно взмахнув хвостом, исчез в подлеске. Корняга на миг замолк — как видно, пытался проследить дальнейший путь вулха, — но сразу очнулся и продолжал свой скрипучий рассказ.

Темное небо, вот радость-то! Это ж у меня теперь есть свидетель всему, что происходит синим днем. Хотя чему я радуюсь? Сколько раз уже проверено: поганый пенек сохнет, и сучком не скрипнет. Так что свидетель происходящего из Корняги — как из пьяного стрелок. Может, конечно, и в яблочко попасть... нечаянно.

— ...а потом я отыскивал кустик тысячесила, — бубнил Корняга. — Долго искал, потому что в сосновом лесу тысячесил вообще не растет.

— Спасибо, — искренне сказала я.

Хрен с ним, с Корнягой. Даже если и врет — пускай врет. Такая уж, видно, его деревянная натура. Зато вот проявил заботу, когда мне совсем плохо было.

— На здоровье, — проскрипел Корняга. — Так вот, принес я тысячесил и думаю — надо бы посмотреть, где хоринги...

Я слушала его вполуха, думая о своем и посматривая по сторонам. Просека вела нас на юг, слегка отклоняясь к западу. Четтан поднялся над лесом и заметно припекал мне макушку.

Почему-то мои мысли свернули к событиям предыдущего, красного пересвета. К тому моменту, когда мы с Одином снова встретились в человеческом облике под звездами. Я сердито фыркнула. Темное небо, ну мы с ним и уроды оба! Хорошую пару подобрал Лю-чародей для путешествия в Каменный лес. Что я, что Одинец — лопухи развесистые, а не оборотни. Вместо того чтобы быстро излагать самое важное, мы уже второй раз, усмотрев друг друга в человеческом виде, ведем себя как влюбленные придурки.

В первый раз отвесили челюсти до коленок и пялились друг на друга, пока Четтан не взошел. В этот раз нас обниматься и целоваться потянуло. А дальше что, джерх на... Тьфу, пропасть!

Я расхохоталась — явно не в такт Корнягиному рассказу, потому что пенек обиженно замолчал. Впрочем, смех мой был невеселым.

Если и есть под солнцами парочка, которой нет никакого резона влюбляться друг в друга, так это мы с Одином. Пока Одинец — человек, меня свет Меара держит в зверином теле. Когда же я становлюсь человеком, Четтан обращает моего спутника в вулха. И даже если путь к У-Наринне позволит нам обрести полную память — после чего и синим, и красным днем мы будем оставаться сами собой, — мы с Одином все равно будем принимать человеческий облик под разными солнцами.

Мадхету и анхайру не встретиться в человеческих телах иначе, как во Тьме под звездами, на красных пересветах Смутных дней. Текущих Смутных дней не так уж много осталось, и каждый день на наши головы сваливается новая неприятность. Разве будешь тут думать о любви? А до следующих Смутных дней нам по-любому не дожить. Хотя... знаю ли я наверняка, каков жизненный срок оборотня?

Не знаю. Потому что ни один из оборотней, про которых я слышала, до старости не дожил.

Как бы то ни было, влюбляться в мужчину, который сможет по-настоящему обнять меня только в следующие Смутные дни, — нет уж, хренушки. А жаль. Мы бы всегда понимали друг друга... наверное. Во всяком случае, лучше, чем нас способны понять люди. Я вспомнила крепкие руки Одинца, прикосновение его губ к моим губам и стремительный сдвоенный стук наших сердец. Да, жаль.

Вот если бы уметь менять облик не по велению Солнечных Близнецов, а по собственной воле...

Мда-а, ну я и размечталась! Жизнь — это все-таки жизнь, а не сказка про курицу с золотыми перышками. Даже если на пути и встречаются говорящие пеньки и легендарные хоринги.

— Эй, Корняга, чего умолк?

— Пора бы на привал остановиться, — скрипуче пожаловался корневик. — Все сучья болят. Со вчерашнего полудня без отдыха едем. Вечером в меня стрелу всадили, а вытащили только сегодня.

— Тебе-то что? — изумилась я. — Ты ж деревянный.

— Деревянный, но чувствительный, — самолюбиво проскрипел Корняга.

— Ладно, — согласилась я. — Привал.

Вулх бесшумно вынырнул из кустов, посмотрел, как я расседываю жеребца, и снова скрылся в кустах. В следующий раз он появился на выбранной мною для привала полянке с тушкой молодой косули в зубах.

— Вот это добыча, — уважительно сказала я. — Силен ты, брат анхайр.

Вулх приосанился. Вороной жеребец с огорчением покосился на нас, хищников, и отошел в сторонку — мол, там подальше кусты повкуснее. Точно так же вел себя Корняга в отсутствие вулха, когда я развела костер. Как только затрещали первые щепочки и пошел дымок, корневик боком-боком отодвинулся на самый дальний наветренный край поляны. А когда разгорелось жаркое пламя, почти прозрачное в красном свете Четтана, Корняга буркнул: «Пойду разных травок-корешков поищу» — и исчез.

Вернулся он только тогда, когда косуля уже зажарилась, и я затоптала костер. Пенек притащил целую охапку лесной черемши и пучок сладковато-пряных корней фаррея, к которым я отнеслась с большим одобрением, а анхайр с не меньшим равнодушием.

Расправившись с изрядной частью косули, мы некоторое время валялись на поляне. Говорить не хотелось. Двигаться тоже было лениво. Наверное, именно лень натолкнула меня на мудрую мысль. Рассказчик-то из Корняги сомнительный, а вот не сможет ли он поработать почтовым голубем — в смысле пнем? Кхисс говорил, что память у корневиков хорошая. Пока что Корняга успешно подтверждал его слова.

— Слышь, Корняга? — окликнула я корневика.

Пенек блеснул на меня черными смородинками глаз:

— Слышу.

— Сумеешь мои слова запомнить и завтра Одинцу передать?

— А как же!

— Тогда скажи ему вот что, да не перепутай. На пути к У-Наринне мы непременно должны разбудить пять стихий: воду, огонь, землю, воздух и железо. Если мы не пройдем все пять вех, то стражи Каменного леса нас не признают и

не пропустят. Я знаю от хоринга, что воздух Одинец разбудил еще в Запретном городе. Веху воды мы тоже уже миновали. Осталось три стихии: земля, железо и огонь.

— Может, огонь не надо? — робко скрипнул Корняга.

— Ты, главное, передай что велю, — сурово сказала я. — Что надо, что не надо — это не нами заведено. Все запомнил?

— Слово в слово, — скрипуче вздохнул корневик.

— Повтори!

Убедившись, что Корняга ничего не перепутал, я с сожалением поднялась и подозвала Ветра. Пора было продолжать путь. До светлой У-Наринны было еще далеко.

Лес по обе стороны просеки постепенно редел, и по просветам впереди стало заметно, что мы вскоре выедем на открытое место. Четтан переполз через зенит и начал медленно спускаться по небосклону. Корняга спал у меня за плечом, вулх шнырял где-то среди деревьев. А Ветер резво бежал вперед, и каждый шаг приближал нас к У-Наринне. Я даже стала думать, что этот день, который начался так необычно и страшно, закончится вполне спокойно.

Проснувшийся Корняга завозился у меня на спине, взбираясь повыше.

— Что это, госпожа? — с любопытством спросил он.

И только тогда я поняла, что мой слух уже давно тревожат отдаленные звуки, которые я не могу истолковать. Что-то в них было неправильное, неуместное. Но что? Чтобы ответить, нужно было понять, что это такое.

— Не знаю, — сказала я. — Доедем — поглядим.

Источник звука лежал в точности на нашем пути. Может, лучше будет сделать крюк и объехать его стороной? Неведомое всегда таит в себе опасность.

Вороной вынес меня на опушку леса, и я натянула поводья, придерживая его. Перед нами снова расстилалась бескрайняя равнина, залитая горячим красным светом Четтана. Жеребец радостно заржал. Я знала, что ему не по

нраву ни горы, ни леса. Больше всего Ветер любил широкую степь, по которой можно мчаться наперегонки с небесным тезкой.

Степной ветер словно услышал его зов. Налетел порывом, принес с собой запахи разогретых солнцем трав. А еще он донес до нас тот самый звук, который я не смогла распознать в лесу.

Это был колокольный звон.

Я в ужасе выпустила повод и вцепилась в гриву коня. Неужели мы вышли к проклятой Сунарре?! Неужели нам так и не удалось уйти, а все, что случилось с тех пор, — обман, морок? И обретенное мной чувство пути, которым я так гордилась до этой минуты, тоже обман?

Ветер налетал порывами, и колокола были слышны то тише, то громче. Я прислушалась, но так и не смогла понять, что они отбивают. Ясно, что не полдень, потому что полдень уже миновал. Но и на ежечасный этот звон не похож — слишком долго и замысловато. Пожар? Потоп? Началось ярмарки? Мор? Коронация? Бред какой-то...

Я решительно взяла поводья в левую руку и легонько хлопнула коня по крупу, давая знак трогаться. Правую руку я положила на рукоять хадасского кинжала.

Не похоже, чтобы впереди была Сунарра. Тамошние колокола звонили каждый час, звонили скупно, размеренно и уныло. Звуки, которые доносил до меня горячий ветер, не были похожи на тусклое бряканье сунаррских колоколов. А других городов в Диких землях быть не должно. Возможно, то, что нас ждет, окажется похлеще Сунарры. Но я уже начала понимать, почему путь в У-Наринну не может быть легким.

Вороной радостно взял с места в галоп, и воздух засвисел у меня в ушах. Вулх серой тенью стелился вровень с конем. Я закрыла глаза, положившись на внутреннее чувство направления. И открыла их только тогда, когда Ветер неожиданно остановился.

Перед нами, одна-одинешенька посреди голой равнины, высилась Неспящая башня. Вокруг нее не было ни города, ни даже каких-нибудь развалин. Помнится, когда на третий день пути я оказалась в Запретном городе, именно увидев Неспящую башню, я поняла, что это все-таки город. Потому что каждый ребенок знает, что не бывает города без Неспящей башни.

А Неспящая башня без города, значит, бывает?

Я задрала голову, чтобы посмотреть вверх, на умолкшие при нашем приближении колокола. И чуть не слетела с коня. Д-добрые джерхи!

На колокольной площадке Неспящей башни сидел демон.

Я зажмурилась и помотала головой. Нет! Не может этого быть! Неужели в этом путешествии мне суждено повстречать всех, про кого я только слышала в сказках и легендах? Джерхов, они же дины, я уже видела. Теперь вот демон. Кто еще остался? Вампиры? Ожившие мертвецы и духи пустынь? Предвечное чудовище Гар-Заав? Королевская жаба-душительница и трехглавый огнедышащий кабан?

Я снова открыла глаза и посмотрела на демона. Демон с интересом рассматривал меня. У него было тело человека, только на две головы выше самого высокого из рослых северных варваров и невероятно мускулистое. А может, оно просто казалось чрезмерно мускулистым, потому что у демона не было кожи. Он выглядел так, словно кожу с него ободрали, а его в таком виде поджарили. Под слоем запекшейся красной корки бугрились мышцы. Я нервно сглотнула. Не знаю, почему я с первого взгляда уверилась, что передо мной именно демон, но сомнений у меня не было. Сомнений его внешность не вызывала. Она вызывала ошеломление.

Сам демон, похоже, от своего вида ничуть не страдал. Наверное, это все-таки была его изначальная внешность. В смысле, никто не сдирает с него кожу и не поджаривал мясо. Таким он уродился. Мда-а... Ко всему можно привыкнуть, если считать, что так и надо.

Демон пошевелился, и я увидела у него за плечами сложенные кожистые крылья. Он был одет в короткие штаны, но бос. Пальцы его босых ног заканчивались толстыми загнутыми когтями. Я хорошо их рассмотрела, потому что демон сидел, вцепившись когтями в край площадки, как канарейка на жердочке.

Впрочем, джержх с ними, с когтями. У меня у самой меарским днем бывают когти ненамного меньше. Но вот на его лицо — человеческое лицо без кожи — мне смотреть не хотелось. Хотя страха я почему-то не ощущала.

— Привет вам, Идущие, — неожиданно пробасил демон.

Тьма! Я как-то даже не подумала, что он способен со мной заговорить.

— Привет и тебе, могучий демон, — чуть помедлив, ответила я.

Корняга сполз с моего плеча на круп коня и там мелко вздрагивал. Но Ветер стоял спокойно. И вулх серым изваянием замер в двух шагах от жеребца.

Демон повернулся к нам спиной и потянул за веревки. Колокола отозвались протяжным мелодичным звоном. Демон дернул за другие веревки, и звон других колоколов вплеся в мелодию. Сочный перезвон поплыл над степью — тот самый перезвон, отголоски которого мы слышали еще в лесу. Демон раскачивался на веревках, как мальчишка на ветках плакучей ивы. Колокола то гремели яростной боевой медью, то пели нежно и протяжно, то задорно позванивали.

Я никогда не слышала ничего похожего. Колокольный перезвон был так прекрасен, что у меня перехватило дух. Ни на одной из городских Неспящих башен звонари не вытворяли такого.

Демон вдруг оторвался от своего занятия и присел на край площадки как ни в чем не бывало. Последний звук, густой и сладостный, растворился в воздухе.

— Что это было? — шепотом спросила я. — Что ты звонил? И что ты вообще здесь делаешь?

Кажется, демон слегка улыбнулся. Во всяком случае, у него напряглись мышцы лишенных кожи щек.

— Я жду, когда настанет урочный час, — раскатистым басом ответил он. — Тогда я ударю в большой колокол, возвещающая приход Ночи. А пока я коротаю время, творя музыку. И колокольный звон моей башни указывает путь Идущим.

— Ты всегда сидишь здесь, на башне? — пугаясь собственной смелости, спросила я.

Корняга сделал слабую попытку закопаться под меня. Я гневно отпихнула его задницей, и он затих.

— Нет, — пробасил демон. — Обычно я бываю здесь, когда мне хочется услышать пение колоколов. Но когда близится Ночь, я прилетаю сюда заранее, жду урочного часа и радуюсь.

Он, не оборачиваясь, завел руку за спину и дернул несколько веревок одновременно. Звуки колоколов, сталкиваясь, зазвенели над степью.

— Сейчас я радуюсь, — сказал демон и надолго умолк. Я терпеливо ждала и дождалась. После долгой паузы он добавил: — Я радуюсь тому, что Ночь настанет совсем скоро. Тогда я поднимусь высоко в темное небо и встречу с другими крылатыми. И Ночь услышит нашу песню.

Демон снова погрузился в молчание, словно забыл про нас. Мне показалось, что пора уезжать отсюда.

— Доброй Ночи тебе, демон, — дрогнувшим голосом попрощалась я, прежде чем тронуть коня.

— Добрый путь вам, Идущие в Ночь, — отозвался демон густым басом и вновь повернулся к колоколам.

Степной ветер утих, и разноголосый колокольный звон, сплетаясь в дивную мелодию, провожал нас еще долго.

Когда мы изрядно удалились от одинокой Неспящей башни, я извернулась в седле, ухватила Корнягу за ветку и подняла в воздух. Жалобно затрещали цепкие корешки, которыми он держался за меня и за седло.

— Ты что вытворяешь, урод? — яростно сказала я. — По-твоему, я каждый день с демонами разговариваю? По-твоему, я знаю, как с ними разговаривать? Вдруг ему мои слова не понравятся, а? А ты, пень поганый, меня отвлекал, как только мог. Ты зачем трясся, как мышь в горшке?

— Так ведь страшно, — жалобно скрипнул Корняга, трепыхая корнями. — Верни меня на место, а?

— Страшно ему, видите ли, — сердито фыркнула я. — На место его, видите ли, вернуть! Какое такое место? Это что ж я теперь — насест для пеньков?

Корняга каким-то непостижимым образом умудрился обмякнуть и висел у меня в руке с покаянным видом, как нашкодивший щенок. Его хотелось немедленно простить и, может быть, даже приласкать и утешить. Но я крепилась.

— Я таких, как он, знаю, — убежденно проскрипел Корняга. — Плюнет огнем, и все дела.

Я в который раз подумала, что жизнь у моего пенька была на редкость насыщенной. И где он, скажите пожалуйста, успел с демонами познакомиться? Впрочем, спрашивать его об этом бесполезно. На все подобные вопросы Корняга отвечает «в лесу». Может, и правду говорит.

— Живи, чучело, — проворчала я, усаживая корневика на плечо.

Корняга радостно закопошился, устраиваясь поудобнее.

— Пожрать бы, — сообщил он. — Там еще мясо осталось...

— Цыть, нечисть, — рявкнула я. — Завтра передашь. Един-цу сообщение, он тебя и накормит.

Пенек скорбно вздохнул и притих.

Четтан уже клонился к закату, когда мы наконец пересекли равнину и добрались до невысоких холмов. Длинные багровые тени протянулись от нас по левую сторону, указывая на восток. Сопровождая нас, они скользили по неровностям почвы и оттого непрерывно изгибались — так что казалось, будто они полощатся в потоке закатных лучей, как водоросли в реке.

Две крошечные птахи порскнули из-под копыт Ветра и с суматошным писком устремились к холмам.

Сзади послышался топот копыт. Я придержала жеребца и обернулась.

Нас догонял всадник. Он нещадно колотил пятками своего коротконового скакуна, и тот мчался во всю прыть, распустив по ветру длинную гриву.

— Сто-ойте! — протяжно закричал всадник. — Подождите!

Я натянула поводья. Вулх, который успел убежать вперед, вернулся и вопросительно посмотрел на меня. Я пожала плечами. Всадник быстро приближался.

Сначала я рассмотрела его приземистого скакуна и очень удивилась. Это оказался дикий степной теглан — нечто среднее между ослом и лошадью. Тегланы славилась скверным нравом, и я никогда не слышала, чтобы кому-то удалось прокатиться на теглане дальше, чем до первой рытвины.

Доскакав до нас, всадник остановил теглана, изо всех сил потянув за гриву. Животное попыталось его укусить, но человек увернулся, спрыгнул на землю и с чувством пнул теглана в зад.

— Пшел, скотина! — брюзгливо сказал он и повернулся ко мне.

Укротителем диких тегланов оказался Лю-чародей.

Оказывается, я уже успела забыть, как именно выглядит колдун, отправивший нас в далекое путешествие. То есть узнать-то я его, конечно, узнала. Но у меня совершенно вылетело из головы, что внешность его, мягко говоря, не вызывает доверия.

Могущественный чародей был похож на мокрого кота, у которого шерсть клочьями, усы торчком, а глаза безумные. Некоторое время я оторопело разглядывала его плешистую макушку, а потом спохватилась, что поступаю невежливо, и соскочила с коня.

— Здравствуй, колдун, — сказала я.

Вместо ответа старик смерил меня негодующим взглядом.

— Светлые боги, вы это видите? — обратился он в пространство между Ветром и мной. — Я нанимаю оборотней, я даю им хорошего коня и одежду, я трачу на них драгоценную магию, и что же? Я еще должен гнаться за ними на мерзком осле!

Лю повернулся и плюнул вслед ускакавшему теглану. Мы с Одинцом переглянулись.

— Зачем ты нас догонял, мастер Лю? — вежливо спросила я. — И — раз уж ты здесь — может, расскажешь наконец, что нас ждет в У-Наринне?

— Если вы будете постоянно драться с хорингами, — сварливо сказал Лю, — и на каждом пересвете шляться в вечную Тьму, — ни до какой У-Наринны не дойдете.

Я чуть было не ляпнула — кому, мол, нужно, чтобы мы туда дошли, нам или тебе? — но прикусила язык. Потому что вдруг отчетливо поняла, что с некоторых пор это стало нужно мне. У-Наринна звала меня. Тот, кто услышал этот зов, уже не сойдет с пути. В конце его ждет победа или смерть, — но возврата к прежней жизни быть не может. Прошлое осталось далеко позади, по ту сторону Запретной реки. Нет, еще дальше — по ту сторону Юбена.

Чародей подошел к коню и, что-то возмущенно бурча себе под нос, принялся копать в походном двумехе. То, что он искал, оказалось плоской коробочкой с самоцветами — помнится, она неоднократно подворачивалась мне под руку, и я всякий раз удивлялась, на кой хрен она здесь нужна. Лю раскрыл коробочку, отобрал три больших камня, повертел их в руках, пощупал, понюхал, а один даже осторожно куснул. Потом глянул сквозь каждый из выбранных камней на заходящий Четтан и наконец недовольно сказал:

— Ладно, сойдет.

— Для чего? — поинтересовалась я.

Чародей посмотрел на меня с тем же выражением, с каким я обычно смотрю на любопытствующего Корнягу. Мол, пенек-пеньком, а туда же — вопросы задавать.

— Лечи вас, учи вас, — скрипуче пробубнил Лю.

Я мудро молчала.

— Какого джерха вы из вечной Тьмы через задницу возвращались? — продолжал ворчать колдун. — Тела они, понимаешь, перепутали. Ладно, хоть на пересвете вернулись по своим местам. А если бы не вернулись? А? Если бы ваши души успели прирасти к новым телам? Эх, неучи...

Старикашка Лю сокрушенно покачал головой.

— А теперь немощный старик должен гоняться за ними на осле, — скорбно произнес он. — На упрямом и глупом животном, которое с трудом поддается воздействию магии... Тьфу! Ну почему вы такие бестолковые? Трудно, что ли, было сообразить, что за гранью Тьмы любая дорога превращается в свое отражение? Трудно?

— А что нам было делать? — не выдержала я.

— Не перебивать старших, — отрезал Лю.

Я заткнулась, потому что его слова прозвучали на редкость двусмысленно. То ли старик подразумевал, чтобы я не лезла с вопросами поперек его воркотни, то ли имел в виду, что не нужно было затевать драку с представителями Старшей Расы. Так ведь, во-первых, это не мы начали, а сами хоринги. А во-вторых, мы же вроде не всех перебили...

— Идите сюда оба, ты и анхайр, — велел чародей, и в глазах его вспыхнул хищный огонек, как у деревенского зубодера. — Посмотрим, что у вас после вчерашнего в душах творится. До следующего пересвета надо там полный порядок навести.

— Но... — робко начала я.

— Ты хочешь помнить время зверя, или как? — брюзгливо осведомился старикашка Лю.

Эх, Тьма! Трудно спорить с чародеем.

Я послушно шагнула вперед.

ГЛАВА 18

Меар, день девятый

Каждый новый пересвет выворачивал наизнанку и меня, и мое понятие о мире. Мир рушился. Точнее, рушилось мое представление о нем. А мир даже не менялся — он оставался прежним, просто я узнавал о нем больше, с каждым днем все больше. Причем за последние девять дней я узнал о мире столько, сколько не узнал за всю предшествующую жизнь.

Я точно знал, что в конце прошлого синего дня я умер. Я, Моран. Человек. Половина оборотня. Откуда-то я знал, что уходил во Тьму, и ушел бы навсегда, с воспоминанием о пробитом хорингской стрелой горле. Но у меня на пути встал вулх и не пустил. Причем вулх был не один, с ним рядом смутно вспоминалась женская фигура, подернутая голубоватым мерцанием. И я, Моран, тоже уходил не один, со мной уходила погибшая карса.

Нас не пустили. Меня и карсу. Не пустили Тури и вулх.

Значит, из Тьмы можно вернуться? Вот ни за что бы не подумал. Впрочем, мои не то воспоминания, не то обрывки бреда могут оказаться чистыми домыслами, ибо я мало что помню из последнего красного дня. Куда меньше, чем из предпоследнего. Вулха я не помню вовсе; зато остается стойкое впечатление, что некоторое время я провел в теле карсы. И кроме того, добытая мной косуля помнится мне неправильно. Кажется, я держал ее лапами, когда убивал. Крепко. Так, что она не могла вырваться. И еще я иначе видел. Кажется. Тьма, происходило это или не происходило на самом деле? Сплошные догадки, джерхова сыть!

Бред. Лучше пусть это все будет бредом. Тем более что одинокая Неспящая башня посреди степи со здоровенным красным, словно морковка, мужичищем у колоколов ничем, кроме бреда, быть не может. Красный мужик с крылышками на одинокой Неспящей башне — каково, а?

Если меня лечили после ранения, то скорее всего посредством веселящих грибов. Пробовал я их как-то. Очень похоже... Только тогда была не косуля. М-да. Ладно, не буду вспоминать, и так хреново.

Когда я открыл глаза, знакомый и успокаивающий свет утреннего Меара ласкал мое обнаженное тело. Пересвет я пропустил. И с Тури снова не увиделся... а жаль. Зато насыщенный пенек оказался тут как тут. Вытаращился на меня своими похожими на две смородины гляделками и нагло осведомился:

— Ты кто?

— Джерх в балахоне! — огрызнулся я. — Лучше бы сказал «Доброе утро»...

— Доброе утро, — послушно поздоровался Корняга.

«Не кипи, Моран, — сказал я себе как мог мягко и вкрадчиво. — Если бы пень сразу сказал тебе «Доброе утро», ты решил бы, что он издевается. И...»

Что «и», я придумывать не стал, но точно знаю, что Корняге это не понравилось бы.

— Я должен немедленно сообщить тебе нечто важное. — Корняга даже стал выше росточком и растопырил руки-корешки, словно глашатай перед объявлением казни.

— Важное? — усомнился я. — Ты всего-навсего деревяшка. Что ты можешь знать важного, да еще интересного мне?

Я действительно считал его никчемной пустоголовой... гм! деревяшкой. Кстати, на самом деле интересно — что у него в голове? Некая чернота в дупле под глазами у Корняги наблюдалась, и мясо туда летело, как в прорву. Хорошее дерево, Смутные дни!

— Госпожа Тури передала кое-что для своего спутника! То есть для тебя. И если бы не я...

— Понял, — оборвал я разглагольствования Корняги. — Что она передала?

Пень надулся и с невыносимо важным видом начал:

— На пути к У-Наринне мы непременно должны разбудить пять стихий: воду, огонь, землю, воздух и железо. Если мы не пройдем все пять вех, то стражи Каменного леса нас не признают и не пропустят. Я знаю от хоринга, что воздух Одинец разбудил еще в Запретном городе. Веху воды мы тоже уже миновали. Осталось три стихии: земля, железо и огонь.

Пень умолк и вопросительно уставился на меня, словно ожидал, что я запущу в него сапогом. Но я не запустил. Я просто надел сапог. А в курткушаны я облачился во время его трепотни.

— Это все? — на всякий случай уточнил я.

— Почти. Еще госпожа велела передать, что очень вас любит, и просит, чтоб со мной обращались получше, кормили вовремя...

— Пень, — сказал я с выражением. — Не свисти. Живо у меня... стихию огня разбудишь, понял?

Корняга умолк, как таракан под каблуком. Бойтся, деревяшка! А раз так — значит, и уважать будет.

Поверх двумеха обнаружился холодный окорок, завернутый в увядший лист поники, — видать, от вчерашней косули. Очень, надо сказать, кстати, потому что есть мне хотелось просто зверски. Как вулху. Или даже сильнее. И я приналег на мясо, закусывая пряными корешками (пробовал их не раз, а названия до сих пор не знаю). Пень с завистью глядел на меня, и я сжалился, поделился. Все-таки весть передал, хоть и наврать норовил с три короба.

На этот раз я почувствовал приближение гостя, но виду не подал. Это был не хоринг. Точно. И угрозы от него не исходило. Но в рукав я все-таки сунулся и взялся за рукоять ножа. Кстати, я ведь нож в хоринге оставил? Везет мне. Не хотелось бы потерять гурунарских знакомцев, которые давно уже стали едва ли не частью тела. Да и Тури они нравятся, по-моему. Если дойдем до У-Наринны, точно подарю ей один. Тот, что похуже.

— Приятного аппетита.

Смутные дни еще раз! Кого угодно я ожидал увидеть, но только не Лю-чародея.

— А! — оживился я. — Это ты. Замечательно.

«Сейчас я тебе вломлю, — злорадно подумал я. — За все. За хорингов с их стрелами, за вильтов, за быков, за все веселости, которые сваливались на нас с Тури последние дни».

— Скажи-ка, ста...

— Заткнись, Моран, — неприветливо перебил Лю.

— Нет уж, родимый. — Я не собирался затыкаться. — Я уже мертв, между прочим, и не один раз, по твоей милости. Какого джерха ты посылаешь меня на смерть? Меня и Тури?

— А ты ожидал, что это будет пирушка в парке хадасского правителя? С вином и девочками?

— Я должен прийти в Каменный лес. Но почему меня по дороге каждый встречный норовит спровадить во Тьму? Ладно, лютики у Слезы Великана. Но хоринги — как им противостоять?

— Не драться с ними.

— Здорово! — окрысился я. — Значит, просто подохнуть под их стрелами?

Лю терпеливо вздохнул.

— Если бы хоринг стрелял в тебя, он попал бы в тебя, а не в пень на твоём плече. Согласен? И еще. Если ты ожидал, что я разбужу твою память задаром, то ты ошибся. Но теперь уже поздно.

— Я знаю, — вырвалось у меня. Он прав, сейчас действительно поздно. Потому что после всего случившегося я дойду, добреду, доползу до У-Наринны, чего бы это мне ни стоило. Не люблю сворачивать с полпути. Тем более если путь зовет, зовет и манит — кому, как не мне, анхайру-бродяге, без дома и семьи, понимать язык дорог?

Дорогам несть числа, и мы идем по ним всю жизнь. Но лишь в последние дни я вдруг понял, что наконец-то ступил на ту единственную, ради которой стоит жить. Поэтому я

орал на Лю больше для того, чтобы успокоить растревоженную душу и разрядиться. Кажется, Лю это понимал.

— Не отвлекаться! — сердито сказал Лю. — Перестань отвлекаться на мелочи! Осталось всего пять дней, Моран! Пять!

Тут я рассмотрел у него в ладони тусклые потрескавшиеся камни. Еще когда я брал с двумеха мясо, оставленное Тури, мне показалось, что на самом верху, у горловины, лежит моя шкатулка с пещерными самоцветами. Я обычно кладу ее на самое дно. Мало ли...

Небо! Это были три самых крупных и дорогих камня! Каждый с голубиное яйцо, они стоили мне кучу денег и нервов, а уж времени, времени! И теперь они стали просто кусками тусклого потрескавшегося стекла, словно увядшие розы свадебного букета. Из них выпили жизнь, всю до последней капли, вместе с красотой и колдовским блеском.

Я едва не задохнулся.

— Что ты... Что ты сделал с моими самоцветами? — заорал я, словно подручный мясника на бойне, когда встревоженный бык наступает раздвоенным копытом на сапог. — Джерхов старикашка! Они что, твои?

Лю с недоумением поглядел на меня. Потом на мертвые камни. Хоринги — и те их у меня не отобрали, хотя посчитали, что они с какой-то там древней короны. Вполне может быть, кстати.

— Ты знаешь, сколько они стоят?

— Моран, — резко и зло перебил меня Лю. — Они стоят дешевле твоей и Тури памяти. И уж точно дешевле жизнью. Так что слушай и постарайся не перебивать.

Этот пень рассказал тебе правду. Удар в большой колокол на башне в Запретном городе — первая вежа, вежа воздуха. Вежа чистого звука. Колодец, которого ты можешь и не помнить, вежа вторая, вежа чистой воды. Эти две пройдены, все в порядке, хвала небесам Гории! Теперь тебе нужно всего лишь не пройти мимо остальных. Тебе и Тури. Я говорю

это потому, что следующая вежа совсем рядом, в соседнем... хм... В общем, рядом. Скоро увидишь. Будь внимателен. Справедливости ради я отмечу, что, несмотря на все ваши с Тури задвиги, путь вы нашли. И следуете ему... достаточно настойчиво. Пожалуйста, не разочаруй меня и впредь. Договорились?

Я пожал плечами.

— Но за камни, Лю, ты мне заплатишь. Когда мы вернемся из У-Наринны.

— Глупец, — усмехнулся Лю. — Когда мы вернемся из У-Наринны, тебе начхать будет на все драгоценности мира.

Я почему-то думал совсем иначе.

Лю остался на месте нашей стоянки. На прощание он пожал мне руку и погладил карсу. Даже Корняге-дармоеду сказал что-то теплое. А уж о чем он шептался с Ветром — и не знаю.

Степь поглотила нас, словно пустой еще мешок первое яблоко перед отправкой на рынок. Ветер обрадовался возможности ничем не сдерживать своего нерастраченного восторга скорости, я просто хотел забыть странности минувших дней, хотя бы ненадолго. Корняга в ужасе цеплялся за мою одежду и тоненько подвывал что-то о лесных чащах, где приличные обитатели ходят степенно и никуда особо не торопятся, а карса просто в очередной раз исчезла. Тоже растворилась в степи. Как второе яблоко.

Только во всем мире, кажется, не нашлось бы яблок-путников, чтоб наполнить бездонный мешок этой степи.

До полудня Ветер умчал меня так далеко от Лю, что я даже забеспокоился, как он будет исправлять наши ошибки, если мы с Тури вновь что-нибудь сделаем не так. А потом просто взял и отогнал посторонние мысли — мы все сделаем именно так, как надлежит. Точка. И хватит об этом.

Почти сразу мы выехали к реке. Степь полого сбегала к самой воде, к песчаному пляжику, на который раз за разом накатывали ленивые волны. Река была так широка, что я не

видел противоположного берега. Синее пятно Меара слепило глаза, дробясь на колеблющейся поверхности тысячами бликов.

— А, джерхова сыть... — сплюнул я с досады. Ветер как раз отдохнул и рассчитывал вновь отдаться свободному бегу, но по воде не особо побегаешь. А переправиться через такую реку без лодки или хотя бы плота нечего и мечтать. Кроме того, улавливалась в открывшемся пейзаже какая-то ускользящая неправильность.

Задержка. Жаль, Лю говорил, что стоит поторопиться, если мы не хотим опоздать. А опоздать мы точно не хотим, я абсолютно уверен.

Я сидел на Ветре, а Ветер замер на макушке пологого холмика, возвышающегося над плоской степью, что осталась за спиной, и над плоской гладью реки, которая мешала двигаться дальше.

— Ладно, — робко подал голос неунывающий Корняга. Кстати, способность не унывать мне в нем нравилась. — Давай хоть привал сделаем. Поедим, а там, глядишь, и мысли какие появятся. А, Моран?

— Все бы тебе жрать... — сказал я и вдруг спохватился. — Как ты меня назвал?

Корняга смутился.

— М-моран...

Я подозрительно склонил голову набок.

— С чего ты взял, что меня так зовут?

Раскрыв дупло-рот, пень сполз с плеча и отодвинулся от меня.

— Чародей тебя так называл...

— Запомни, деревяшка. Меня зовут Одинец, и никак иначе. Запомнил?

Корняга с готовностью закивал:

— Да, да, запомнил. Одинец... Так Тури и передам.

— Она знает.

Река плескалась, словно нашептывала какую-то сокровенную древнюю тайну жизни. Да так оно скорее всего и было, только кто, кроме хорингов, понимает теперь шепот рек? Жаль все-таки, что они ушли из мира. И обидно, что для меня, счастливица, которому довелось за несколько дней дважды встретиться со Старшими, обе встречи закончились стычками. Причем в первый раз мне лишь чудом удалось избежать смерти, а во второй я вернулся из уготованной хорингами Тьмы и вовсе непостижимым образом, для которого даже «чудо» слишком поверхностное и легкомысленное слово.

Соскочив с Ветра, я забросил поводья ему на шею, а потом подумал и совсем снял уздечку. Пусть отдохнет. Напьется — он как раз успел остыть после бега, а дальше бежать оказалось некуда. А я костер, пожалуй, разведу — холодное мясо косули еще оставалось, хоть и мало, но холодным его есть совсем не хотелось.

Как всегда из ниоткуда возникла карса. Шевеля усами, она лениво прошествовала мимо меня к воде, лишь отрывисто скользнув взглядом желтых глазищ. Тоже, поди, пить захотела.

— Послушай, пень, — начал было я, но держово чучело осмелилось возразить.

— Меня зовут Корняга, и я не пень, а корневик! Это не одно...

— Послушай, пень, — повторил я. — Мне совершенно кисло, кто ты и как тебя зовут — для меня ты всего лишь пень. Пользы от тебя — чуть, а жрешь ты больше медведя, ей-право...

— Я могу передавать твои слова госпоже Тури, а ее слова — тебе. Это важ...

— И поэтому, — продолжил я, — если ты будешь меня доставать и болтать не по делу, я отнесусь к тебе и вовсе как к обычному пню, а именно — сожгу. Поэтому, если не хочешь стать огненной вехой, — я ухмыльнулся, — пшел за дровами! И живо мне!

Корняга испарился, словно капля, упавшая в пламя. Мгновенно и с сухим шорохом, только песок полетел из-под корявых корешков.

— Ну вот, — проворчал я знакомым до отвращения тоном. — Может ведь, когда хочет, бревенчатое отродье...

Тон я заимствовал частично у Лю, частично у Унди Мышатника, упокой Тьма его нетрезвую душу. Кстати, сейчас бы пив... Ой, нет, нет, обойдусь водой!

Я вскочил и торопливо зашагал к реке, стараясь изгнать из головы все мысли сразу. Охоты вторично угодить в Сунарру у меня совершенно не было.

Не дойдя нескольких шагов до плещущихся волн, я замер. Потому что снова уловил: что-то не так.

Карса стояла у воды, дугой выгнув спину, задрав хвост и безумно выпучив глазищи. Уши она так прижала к голове, что казалось — их нет вообще, и еще чувствовалось, что она готова гневно зашипеть, но боится. Смотрела карса на Ветра.

Ветер зашел в реку по самое брюхо, но не это меня поразило. Меня поразило, что он, словно цапля, погрузил голову в воду. Целиком. И стоит так уже довольно долго.

Челюсть у меня отвисла. Что и говорить. Карса в два прыжка оказалась рядом со мной и на всякий случай прижалась к ногам. Я на всякий случай попытался ее успокоить.

— Тише, малышка, тише... Давай не будем шуметь... на всякий случай.

И мы стали не шуметь. Или не стали шуметь. Короче, молча пялились на Ветра, который и не думал вытаскивать голову из воды. Наконец я не выдержал.

— Эй, Ветер! — позвал я тихо.

Конь тотчас повернул ко мне голову, наконец-то вытащив ее из воды. Челюсти его мерно двигались, а с губ свисали длинные плети водорослей. Ветер пасся, оказывается.

Чувствуя себя донельзя глупо, я погладил карсу, чтоб успокоилась, и шагнул к коню, совершенно не усматривающему в происходящем ничего странного. Я, напротив, ус-

матривал. По-моему, не пристало коню погружать голову в воду, конь не выдра; но раз уж погрузил, то не пристало голове оставаться сухой. А Ветер оставался сухим, весь, от ушей до кончика хвоста. Ручаться я не мог только за ноги, еще и сейчас скрытые волнами. Но почему-то мне казалось, что, выйди конь на песок, у него окажутся сухими даже копыта.

— Смутные дни трижды! — попытался я себя успокоить. — Это я сошел с ума, ты, Ветер, или все-таки река?

Ветер, конечно, не ответил. Зато зашипела карса.

Я обернулся. Моя спутница брезгливо попробовала лапой набежавшую волну, и волна ей явно не понравилась. Тогда я плюнул на песок и шагнул к воде.

Это была не вода. Никоим образом не вода. Я попытался зачерпнуть ее ладонью — с тем же успехом я мог попытаться зачерпнуть воздуха из ямы. Только здешний «воздух» выглядел ну в точности как обыкновеннейшая вода. Только он не был мокрым.

— Два солнца, четыре дырочки! — Я даже удивиться не нашел сил. — Где я? Впрочем, знаю, Лю, знаю... На пути к У-Наринне. И кажется, уже достаточно близко. Судя по окружающему...

Тут я понял, что мне кажется странным уже довольно долго. Я не видел ни одной чайки. И это рядом с широченной, чуть ли не как море, рекой!

М-да. Моран, мысли в кучу.

Ветер, вновь погрузивший голову в «воду», неторопливо забредал все глубже и глубже, пока не скрылся в волнах целиком.

— Э-э! — заволновался я и, плюнув на все, разогнался и ухнул в реку.

Ничего похожего на воду. Я просто упал на песчаную, поросшую зеленовато-серыми стеблями почву. Ветер был совсем рядом; с превеликим удовольствием он эти стебли хрупал. И удовольствия совершенно не скрывал.

Я сел. Поднял голову. Под водой я или нет? Надо разобраться.

С одной стороны, вроде как да. Неба я больше не вижу. Меар — кое-как, а вместо неба, привычно синего, какая-то светлая пелена сверху, причем совсем рядом. Рукой достать можно. Поверхность этой дряни, которая в «реке» вместо воды.

И вижу я совсем не как под водой, когда кажется, будто в глаза песку швырнули. Все размытое, ничего не разберешь. Сейчас же я видел хоть и не так далеко, как там, наверху, но уж точно куда лучше, чем нырять.

И главное — я еще ни одного человека не знал, который смог бы под водой дышать. А я дышал совершенно свободно, причем даже не сразу осознал, что дышу. Под водой, которая вовсе не вода. И Ветер дышал. Ветру вообще было все равно, как я погляжу — больше всего его интересовали местные «водоросли».

С другой стороны, эта вода-не-вода была куда плотнее обычного воздуха и заметно сдерживала движения. Но опять же гораздо слабее, чем вода настоящая. Но главное — я могу спокойно окунуться в реку и пребывать под «водой» сколько угодно долго. Кажется. Не утону же я в конце-то концов? А раз так, то ни лодка, ни плот мне попросту не нужны. Даже Ветра уговаривать не придется, река его совершенно не пугает. А вот карсу, спутницу мою — пугает. Как там она, кстати, наверху?

Я поднялся на ноги, оставшись погруженным чуть выше пояса. Тури беспокойно переминалась с лапы на лапу у самой кромки слабеющих волн. Увидев меня, она оживилась и даже зашла на несколько шагов в воду. Чуть дальше на песке топтался Корняга, весь опутанный не то паутиной, не то стеблями водорослей вроде тех, которыми лакомился Ветер. Только серебристыми.

— Эй, я тут! — сказал я зачем-то и помахал рукой. Карса тут же села, внимательно глядя на меня. Я оглянулся — не-далеке из «воды» выступала оседланная спина Ветра.

— Мать-корень! — Корняга раззявил дупло. — Что происходит?

Я выбрался на сушу — обыкновенную, без непостижимых загибов, сушу.

— Дров собрал? — строго спросил я у Корняги.

— Собрал, Мо... Одинец. Вон. Только я костер разводить не умею...

— Не беда, — смилостивился я. — Молодец, пень! Такую кучу припер, надо же. Не стану тебя сегодня жечь. Даже накормлю, наверное, до отвала.

Пень, наверное, зарделся бы, если б мог. А так просто стеснительно заелозил корнями по песку.

— Я вообще сильный...

— Но легкий, — добавил я, подхватывая его за задраный корешок. Корняга был и впрямь совсем легким, не тяжелее кошки.

Костер весело запыхал спустя пару минут. Свечка синеватого дыма поднялась в синеватое небо. «До пересвета еще несколько миль отмахая, — подумал я. — Если Ветер сможет скакать в этом киселе, то десяток — точно». — Я с сомнением взглянул на «воду». Задумался. Потом взял пылающую ветку и вошел по колено в реку. Будет ли гореть огонь под «водой»? Надо попробовать.

Пламя лишь едва заметно изменило цвет да укоротило языки. И все. Даже шипения особого я не услышал, хотя ожидал чего-то такого. Ничего. Как и не вода.

— Ну и ну! Рассказали бы где-нибудь в таверне — проглотил бы, но не поверил бы. Ни в жизнь.

Я вернулся к костру. Карса опасливо жалась к моим ногам. Даже обычное ее неприязненное отношение к огню отступило перед нежеланием оставаться один на один со странной рекой. Впрочем, река и мне внушала смутную тревогу. Вода-не-вода. Нет ли какого подвоха там, на дне, среди водорослей? Что за сомы залегли в глубоких омутах? Что за щуки хоронятся среди придонных камней? Кто знает?

Несмотря на странности, остатки косули мы с карсой и Корнягой прикончили. Причем большую часть слопал ненасытный пень. Куда в него столько лезет? Одно было плохо — вода у нас вышла, а набрать пока нигде, даром что река рядом. Хотя и не река это, так, морок, одно название. И то неверное.

Ветер бродил по мелководью, насыщаясь. Вскоре я его привел и нацепил уздечку. Пора.

— Тури, — сказал я ласково. Карса взглянула на меня. Тьма, как бы научиться узнавать, смотрит на меня сейчас всего лишь дикая кошка, или глазами кошки — рыжая девчонка? Может, научусь понимать когда-нибудь?

— Тури! Нам придется идти туда, потому что с пути мы не свернем. Я знаю, река эта дурацкая тебе не по нраву, но все же соберись. Вон, взгляни, Ветра она вовсе не беспокоит. Держись, киса, ладно? Не бойся, я сам боюсь... нет, что-то я не то говорю. В общем, пошли.

Я взмахнул рукой, ощущая в голове полный разброд мыслей и совершенную кашу.

— А мне что-нибудь скажешь? — с надеждой спросил Корняга.

— Ты — облезешь, пенек, — отрезал я. — Можешь здесь остаться, я возражать не буду. Тебя прокормить тяжелее, чем ручного медведя. Проще сразу удавиться.

Корняга опасливо огляделся и молча взобрался мне на плечо. Молча. Без единого слова.

Я хмыкнул. То-то! И прыгнул в седло.

— Давай, Ветер!

И Ветер дал. Легкой рысью он вломился в реку, поднимая еле различимые призрачные брызги, а потом «вода» сомкнулась над нами и свет Меара стал гуще и синее. Дышалось легко и ровно, и что странно — очень скоро расхотелось пить. Совсем. Как вошла в воду карса, я пропустил, а когда оглянулся, она уже трусила рядом с конем, припадая к песчаному дну. Быстро и грациозно, но почему-то слегка бо-

ком, будто вулх-щенок. Корняга вцепился в ремешки курт-коштанов и помалкивал. И ладно.

«Ну и дела! — подумал я рассеянно. — Чем дальше, тем необычнее. Но Лю говорил, что путь в У-Наринну будет очень необычным. И теперь я на собственных шкурах могу в этом убедиться».

Мы забирались все глубже, и светлая плоскость, которая заменяла в реке небо, отдалялась от нас с каждым шагом.

Никогда мне еще не было так странно. Из растрескавшейся земли то и дело вырывались снопы белесых пузырей и с тихим ворчанием устремлялись вверх. Я такое видел не раз. Но — под водой. Действительно под водой. Где были мы с Тури в данный момент — я устал предполагать.

Ветер бодро рысил по направлению к главному руслу. Пучки водорослей становились все толще и пышнее, но моего коня это только радовало. Меня — не очень. Но только потому, что я не знал, что делать с подобными изменениями.

Сначала я не видел рядом с нами никого. Вернее, не замечал, потому что какая-то живность, безусловно, копошилась невдалеке. Но мы с Ветром и карсой ее пугали. Чужаки всегда пугают местных. Это закон, и я его выучил с детства.

Однако постепенно мы с Ветром срастались с обычным подводным пейзажем. Сначала я увидел стайку пестрых рыбешек, парящих в воздухе. Взмах-два хвостом — и рыбешки исчезали из виду. Вода-не-вода им нравилась. Мне — еще не решил. Но непривычной она определенно была.

Потом я как-то невзначай выпустил изо рта несколько воздушных пузырей. Словно у меня был лишний воздух! Впрочем, выходит — был. Я с завидной регулярностью стал выпускать вереницы пузырьков, неуклонно устремляющихся к поверхности необычной реки. Это оказалось единственное неудобство подводного путешествия, если, конечно, называть это неудобством. Я бы не назвал. Видит небо, я повидал всякого. Но еще не утратил способности изумлять-

ся. И слава Близнецам, что не утратил. Где бы я еще повидал такой мир?

Правильно. Нигде.

А вот карсе окружение активно не нравилось. Она ни на шаг не удалялась от Ветра. И оглядывалась с таким видом, будто бы ее надули на городском базаре в присутствии старосты. Вроде и деньги на виду, и товар никуда не делся, а некое надувательство налицо, и никуда от этого не уйти.

Может быть, я несколько сумбурно описываю свои ощущения от подводной жизни, но в такой момент мне в голову лезло буквально все что угодно, а я только с немалым удивлением взирал на то, что меня окружало, и переваривал. Есть, наверное, некая граница, за которой чудеса перестают удивлять нас. Я к этой границе определенно подобрался вплотную.

Громадный и округлый топляк, как лежалое сто кругов на лесопилке бревно, вдруг ожил, дернулся и рванулся прочь от нас. В каждом движении бревна сила соседствовала с непривычной грацией несомненно живого, но определенно незнакомого существа. Впрочем, складывалось у меня некоторое подозрение, что таких существ я бы в изобилии встретил в любом Юбенском омуте. Если бы задался целью спуститься на дно.

Но для этого мне оставалось окончательно сбрендить и вернуться в обжитые места. Первое теперь представлялось менее сложным, чем второе.

Пребывание под условной «водой» не причиняло мне ни малейших неудобств. Дышать и двигаться я мог так же, как и раньше, разве что слишком резкие движения вызывали некоторое сопротивление, словно я и впрямь находился под водой. И только.

Мало-помалу я достиг речного фарватера. самого глубокого места в русле. Не знаю, как выглядел противоположный берег с поверхности, а из-под «воды» казалось, что обрывистые скалы вздымаются к самому небу. Неба я, к слову, не видел. Видел только белесое свечение над собой. Изредка

перечеркиваемое стремительными молниями хищных рыб. Их движения я ни с чем спутать не мог. Экономные и энергичные, как жесты убийц. Лучших в цехе. Дренгерта или Ривы, безразлично. Убийцы были безлики, и не людская, а рыба сущность только подчеркивала безликость. Умереть от рук рыбы — это представлялось омерзительным, тем более что у рыб и рук-то нету. Значит, умереть от рыбы вдвойне непристойно. Как хотите.

Первую из наглых рыб я ткнул кинжалом. Корова от такого тычка непременно бы издохла. Рыба только бесшумно скользнула прочь, причем я не очень был уверен — повредил я ее хоть сколько-нибудь или нет. Скорее нет. Слишком уж она была быстра.

Вторую огрел Корнягой — на этот раз смачно и с душой. Пень я ухватил за разлапистые корни, а рыбу приложил между глаз, да по-доброму, по-сухопутному, чтоб знала, как верхняя погибель выглядит. Рыба на миг застопорилась, потом дернулась, но твердь Корнягиных лап настигла ее вторично. А потом неожиданно вмешалась карса. Ее когти вмиг содрали жесткую кожу около головы, а зубы перекусили обнажившийся рыбий хребет, так что голова просто свалилась на песчаное дно, как ненароком спихнутый со стола в таверне бокал с пивом. Только стука да плеска я не услышал. А карса победно мурлыкнула. Еще бы — беспечный враг был раз в шесть длиннее моей киски-спутницы.

Только потом я сообразил, что в короткой драке я даже не соскочил с Ветра. Просто не успел. Местные рыбки опережали меня без труда, и только непривычность добычи, видимо, сдерживала их хищные устремления.

И я решил не рисковать. Повинуясь некоему смутному чувству, я подобрал суковатую палицу, прикорнувшую на дне неглубокой впадины у серой скалы, чиркнул кресалом и поднес жадный алый огонек к истлевшему дереву. Палица вспыхнула, будто загодя приготовленный факел у входа в мухутские пещеры. Я даже отшатнулся. А рыбы стали дер-

жаться подальше — видимо, потому, что под водой огонь штука реже встречаемая, чем, скажем, в лесной чащобе. Что ж, их проблемы. Мне вдруг мучительно захотелось закурить трубку, как это с удовольствием делал Унди Мышатник после суматошного дня, но на беду я терпеть не мог табачного дыма. С детства.

Корняга пискнул и зажмурил черные бусинки-глаза. Им, кажется, еще никогда не глушили рыбу.

Третьей рыбе пришлось вспороть брюхо. Быстро и безжалостно, как на бойне. В вывалившиеся лиловые кишки тотчас вцепилась неведомо откуда возникшая головоногозубастая мелочь, радующаяся чужой смерти. Рыба выпучила глазищи и издохла, съеденная заживо. Хотя была здоровой и тучной, безусловно одной из хозяек здешней «глубины». Здешнего игрушечного омута.

Я мельком подумал, что люди, куда бы они ни пришли — безразлично, в царство хорингов или рыб, — непременно несут с собой крах старого положения вещей. Хозяевам прежнего остается только потесниться или умереть со вспоротым брюхом. Тут же.

Невольно я прикинул: а чем те же древние хоринги, каждый из которых знает и помнит больше, чем все человечество от начала времен, лучше бессловесных и безмозглых рыб?

Да ничем. Перед лицом пришлого человека. Пытающегося олицетворить Вечность. Только, на мой взгляд, — неудачно пытающегося.

Выпустив очередной клуб пузырей, я выругался. Похоже, в мои мысли пробрался кто-то чужой. Шибко умный. Потому что я сроду о таких вещах не задумывался, как о... Ну... О чем бишь я только что думал?

Я озадаченно придержал Ветра. Голова стала пуста, как тыква на празднике. Я не помнил ничегошеньки из того, о чем всего минуту назад обеспокоенно размышлял.

Бесный Корняга пискнул, потому что я на этот раз хряпнул им о седло.

Ветер прынул от неожиданности и припустил вперед по речному руслу.

Зажженный факел, к моему немалому изумлению, по-прежнему пылал у меня в левой руке. А в правой оставался измазанный слизью кривой хадасский кинжал.

Тьма! Только у трезвых мысли заплетаются! Как говаривал старина Унди, упокой Вечность его мятущуюся душу...

Нападать на нас перестали. Видно, своими действиями я, Ветер и карса ясно показали, что добычей мы не являемся. И местные успокоились. Не добыча, и не добыча. Нечего и приставать.

Выехав в широкий ров основного русла, Ветер припустил быстрее; я стал явственно ощущать ток встречного воздуха. Или воды. Не знаю, как правильно выразиться. Русло изгибалось среди мрачно-черных скал, покрытых серо-зеленым налетом растительности и серо-коричневыми наростами моллюсков. При нашем приближении моллюски захлопывали створки, словно мы им чем-нибудь угрожали. Впрочем, в природе ничего не происходит зря — значит, обитал в здешних местах некто опасный для моллюсков, раз они на свой манер прятались.

Из глубокой трещины в очередной скале на нас недобро взглянули два выпуклых, как у стрекозы, глаза. Я покрепче сжал рукоять хадасского клинка. Жаль, меча у меня опять нет, одни ножны.

Но тварь в расщелине не стала нападать, отсиделась, так и не показавшись. Я не возражал. И уж никоим образом не огорчился, что так и не увидел ее целиком.

Скалы с расщелинами стали попадаться чаще. Из некоторых на нас пялились, но явно какая-то мелочь, потому что глаза, хоть и были похожи на первую пару, размерами сильно уступали, да и расположены были куда ближе друг к другу, чем первые.

И еще стали часто попадаться кучки притопленных деревьев, похожих на загодя приготовленные кострища. Я

проехал шагов двести, прежде чем заподозрил в этих будущих кострищах некоторую систему.

— Хм... — сказал я задумчиво и огляделся повнимательнее.

Потом освободил ноги из стремян и встал в седле во весь рост. Корняга слабо шевельнулся у меня на плече, а карса вдруг мягко вспрыгнула Ветру на круп.

Я не успел рассмотреть ничего вокруг — нечто длинное, как лента со шляпки джурайской модницы, и черное метнулось ко мне и сильно толкнуло в грудь. С проклятием я выронил факел и спиной вниз грянулся с Ветра. Дно было не очень твердым.

Шипение карсы рассекло тишину и оборвалось. Я глянул — в нескольких шагах от меня подпрыгивал живой клубок: карса и пытающаяся опутать мою подругу давешняя черная лента. Точно так же я как-то наблюдал за поединком домашней кошки с болотной змеей, невесть как заползшей в соседский огород.

Между скал что-то зашевелилось. Ох не к добру...

Я вскочил; Корняга вцепился в ворот куртоштанов и изо всех сил старался не свалиться.

Оброненный мною факел упал на одну из кучек топляка. И топляк загорелся. Сначала одна кучка, потом соседняя, вспыхнувшая от шальной искры, потом две ближайшие... Какая-то минута — и вокруг запылали несколько десятков костров. Я уже говорил, что под «водой» языки пламени были почему-то покороче, чем наверху, но и здесь они впечатляли. Невольно я прижался к кострам, с недоверием глядя в сгущающийся сумрак.

Похоже, вечерело. Меар нацелился на отдых там, в обычном мире. Мне нужно готовиться к превращению... Вот, джерхова сыть, снова бедняга Тури очнется не пойми где, на дне реки, и некоторое время будет в смятении. Хотя она, наверное, привыкла к разного рода сюрпризам.

Едва я вспомнил о спутнице, появилась карса. Кажется, она расправилась с черной лентой и теперь, дико сверкая

полушариями желтых, навывкате, глаз, была готова к новой драке. Я благодарно взъерошил шерсть на ее загривке. И вернулся в седло.

Сверху я ясно разглядел, что пылающие костры складывались в совершенно определенный и однозначный рисунок — пятиконечную звезду, заключенную в огненный круг. Мрачная красота, оттененная сумерками, поразила меня. Слабо трещали сгорающие сучья.

— Тьма меня разрази, если это не веха огня! — прошептал я. Конечно, я ждал, что придется что-нибудь сжечь, ждал с той поры, как о вехе рассказал Лю-чародей, и в нынешней огненной феерии я сыграл роль первой искры, правда, достаточно случайно. Подумаешь, уронил факел...

Только уж очень сильно я подозревал, что это никакая не случайность. Все случайности остались за Юбенем.

В полумраке сновали неясные безмолвные тени. Излишне уточнять, что мне они весьма не нравились. Однако никаких попыток напасть на нас тени не предпринимали, и я мысленно поблагодарил их за это.

Ветер, я верхом на нем, Корняга верхом на мне и карса, жмущаяся к ногам Ветра, — мы помещались в самом центре пылающей звезды. Я то и дело оглядывался, соображая, как же поступить дальше.

Я не заметил, как шныряющие мелкие тени будто по команде исчезли.

Стало вдруг совершенно тихо, только победно гудело освобожденное пламя. Я озирался, охваченный неясной тревогой.

Тень я увидел спустя какие-то мгновения после того, как почувствовал эту тревогу.

Огромный размытый силуэт вдруг встал из-за дальних утесов, возвысился над окрестными скалами и навис над огнями. Тускло-размытое пятно сядившегося Меара колебалось над головой Тени. Пара горящих глаз вперилась в нас — человека, карсу, коня и едва живой от страха пень.

Справедливости ради отмечу, что у меня тоже затряслись поджилки.

Тень глядела на нас около минуты, мне же показалось, что прошла вечность. И еще показалось, что жизнь капля за каплей истекает из меня, Морана, оборотня-анхайра. Но едва я шевельнулся, я понял, что по-прежнему жив.

Не стала Тень причинять нам зло. Даже не знаю почему. Вдруг дрогнула и осела, как невесомая джурайская фата, соскользнувшая с венца невесты.

Растворилась Тень в окружающем полумраке. Костры тотчас стали угасать.

Только теперь я вдруг понял, что Тень была очень похожа на Стража. Небывало огромного, но в общем-то обычного Стража. Не Стража Тепла, определенно, и не Стража Стремнин. Скорее — Стража Дуновений или Стража Камня. Но какой она казалась громадной!

Хорошо, что ей не взбрело в голову... гм, а есть ли у Теней голова? Хорошо, что она не напала. Не знаю, сумели бы мы защититься от этого создания? Да и как?

Костры догорали. Вокруг снова зашевелилась местная живность, тоже слишком похожая на неясные тени, но эти были, во-первых, поменьше, а во-вторых, тенями казались только в опустившихся сумерках, а при ближайшем рассмотрении быстро обращались в обычных рыб или жуков. Обычных водных обитателей.

Я на неверных ногах подошел и подобрал оброненный факел, взял Ветра под уздцы и повел прочь с русла. Нам повезло: невдалеке я набрел на подъем, приведший на обширное мелководье. Здесь было посветлее. Среди округлых валунов, поросших бородами водорослей, шныряли мальки и ползали пестрые палочки с ногами — личинки каких-нибудь стрекоз, наверное. Я выбрал пяточок почище, натаскал дров, безжалостно припахав Корнягу, который тщетно мечтал отсидеться на плече, и развел добрый костер. Ветер сно-

ва решил попасться, но далеко не отходил. Молодец, коняга. Порою мне кажется, что ты умнее меня, только молчалив не в меру.

— Слушай, деревяшка, — сказал я Корняге. — Близится пересвет, так что мне предстоит скоро уйти. Тури, как ты скорее всего уже знаешь, превратится не сразу. Выходит, что тебе придется некоторое время побыть одному с карсой и вулхом. Не дай им подраться, понял? И огонь поддерживай. Будешь умницей — буду кормить. Всегда. Понял, пень?

— Понял, Мо... Одинец.

— Тури передай: вежу огня я прошел. Дальше двигаться нужно по руслу... Впрочем, она знает.

Наставляя Корнягу, я помалу раздевался. Сбросил сапоги, стянул одежду. Сложил все аккуратной стопкой у самого огня.

Река готовилась встречать пересвет. Некоторые обитатели устраивались на отдых, замирали в укромных местах, захлопывали створки раковин, закапывались в песок. Некоторые — наоборот, пробуждались, встречая день, еще один день, когда предстоит сожрать ближнего, какой послабее, и не дать остальным сожрать себя. Мы мало кого интересовали здесь, на мелководье — крупная рыба хозяйничала либо на глубине, в главном русле, либо в темных омутах. Надеюсь, госпожа Тури, ты быстро разберешься, как вести себя в реке. И отыщешь единственно верный путь к У-Наринне. Или хотя бы ведущий в нужную сторону.

Бросив охапку сучьев в огонь, я опустил на корточки. Я уже смутно чувствовал близость превращения, когда вулх начинал беспокойно шевелиться во мне и пытаться прорваться сквозь толщу человеческих ощущений к поверхности, к свету. С добрым утром, серый брат!

Ты, наверное, тоже удивишься, очнувшись на речном дне. А может, и не удивишься. Извини, я даже не знаю — любишь ли ты рыбу. Скорее всего — любишь. Отчего же не любить!

Корняга опасливо отодвинулся от меня, выпустив пару мелких пузырьков из дупла.

«Началось!» — понял я и канул в небытие, поглощенный стеной непроглядного Мрака.

ГЛАВА 19

Четтан, день десятый

Я открыла глаза и поняла, что наконец-то я вижу сон. Не воспоминание, пришедшее от Карсы, и не смутные впечатления о предыдущем дне, а настоящий, полноценный сон.

В этом сне я находилась на дне реки. В красноватом полумраке мимо меня беззвучно скользили стайки рыбешек, блестящая золотистой чешуей. Пушистые кустики придонных водорослей колыхались в воде. Вот только вода была какой-то странной, не такой, как наяву. Менее плотной, что ли? Во-первых, сквозь нее было видно лучше, чем бывает видно сквозь толщу воды на самом деле. А во-вторых — я взмахнула рукой, и вспугнутые рыбешки бросились наутек, — да, как мне и показалось с самого начала, эта вода не так сильно мешала движениям, как настоящая.

Ну а самое главное — я могла здесь совершенно свободно дышать. Вот и отлично! Мне всегда хотелось как следует осмотреться на речном дне, не выныривая каждую минуту за глотком воздуха. Только бы этот восхитительный сон длился подольше...

Я с любопытством огляделась. Первое, что я заметила, был костер. Это же надо, костер — и под водой! Чего только не бывает во сне. Второе, что бросилось мне в глаза, был Корняга, который боком, по-крабьи, подбирался к огню. В ветках у него была зажата изогнутая деревяшка. Черные глазки корневика лихорадочно блестели. На некотором расстоянии от костра Корняга замер, размахнулся и швырнул дере-

вяшку в огонь. Костер затрещал и взорвался снопом искр, а бедный пенек кинулся прочь и забился в густой куст водорослей.

Я громко расхохоталась, отчего изо рта у меня выбежала стайка воздушных пузырьков. Светлые боги, какое нагромождение нелепостей! Уж и не знаю, что меньше похоже на правду: костер, горящий на дне реки, или корневик, который подбрасывает топливо в этот костер.

Заслышав мой смех, Корняга частично высунулся из куста и с невыразимой скорбью в голосе произнес:

— Доброе утро, госпожа.

— Какое еще утро? — возмутилась я.

— Четтанское, — скрипуче вздохнул Корняга, выдвигаясь из куста целиком. Прядь водорослей зацепилась у него за сучок и потянулась следом, как цепь за сторожевым псом. Я снова фыркнула.

— Откуда ты вообще в моем сне взялся, пенек настырный? — насмешливо спросила я. — Как будто мало того, что я тебя наяву на спине таскаю. А ну-ка сгинь, нечисть! Или превратись во что-нибудь занятное.

— Я не могу превратиться, — оскорбленно сказал Корняга. — Корневики превращаются один раз в жизни: из пня в корневика. Я — уже.

— Тогда пшел вон. Или засохни да помалкивай.

Я потеряла к нему всякий интерес. Что толку тратить время сна на разговоры с глупым пеньком? Он и наяву врет как по писаному.

Костер был разложен под боком большого валуна, обросшего щеткой мелких ракушек и мочалом водорослей. Среди водорослей я заметила большой, размером с ладонь, и удивительно красивый цветок. Он был отдаленно похож на болотную лилию, что называют огневкой. Только алых лепестков у него было не девять, как у огневки, а десятка два, как у садовой розы. Интересно, чем пахнет этот цветок, и пахнет ли он под водой вообще?

Я шагнула к валуну и протянула руку, чтобы коснуться прекрасного цветка.

Цветок затрепетал лепестками, потянулся ко мне и молниеносно сомкнул алый венчик вокруг моих пальцев. Пальцы обожгла яростная боль — как от крапивы, только гораздо сильнее. Я заорала и выдернула руку. Цветок неохотно растался с добычей. Упругие лепестки соскользнули по пальцам, будто жадные губы.

Пальцы продолжало жечь. Я затрясла рукой, с ненавистью глядя на цветок. Коварная лилия вновь раскрылась и притягивала взор своей красотой. А, чтоб тебя Тьма сожрала! Мне вдруг совершенно разонравился мой сон. Хватит с меня, хочу проснуться.

И как это делается, позвольте спросить? Я растерянно хихикнула. Темное небо, вот задачка! Всем людям снятся сны — людям, но не оборотням. Пока я после смерти Беша не покинула Айетот, мне никогда ничего не снилось. Даже если мне и случалось задремать четтанским днем — что, впрочем, бывало с мной крайне редко. Поэтому мне и в голову не приходило спросить у того же Унди, что делают люди, когда им не нравится сон и хочется проснуться. В самом деле, что?

Может, слово такое специальное есть, просыпательное? Сказал — и вернулся в реальный мир. А может, нужно заснуть во сне, и тогда очнешься наяву? Тогда совсем хреново, потому что спать мне сейчас совершенно не хочется. Во всем теле свежесть и бодрость, как бывает сразу после пересвета.

Ну я и влипла. Подумать только, возможность видеть сны всегда казалась мне жутко заманчивой. А на практике выходит, что от этого тоже не оберешься неприятностей. И так всегда: если о чем-то мечтаешь, видишь в нем только хорошие стороны. Интересно, какие пакости обрушатся на меня вместе с полным обретением памяти?

Все равно назад мне дороги нет.

Я вздохнула и проводила взглядом цепочку пузырьков, вырвавшихся у меня изо рта. На высоте еще одного человеческого роста у меня над головой была видна граница между водой и воздухом. Она выглядела, как зеркальное полотнище, за которым ничего не было видно — хотя с той стороны сюда проникал рассеянный и смягченный красный свет Четтана.

Что-то зашевелилось у меня под ногами. Я глянула вниз и обнаружила Корнягу, который подбирался к костру с очередной деревяшкой в ветках.

— Да зачем ты это делаешь? — не выдержала я.

— Чтобы костер не погас, — скрипнул Корняга и сделал к огню еще один крошечный шагочек. — Мо... Одинец велел.

— Одинец?! — Я ничего не понимала. — А зачем велел-то?

— Чтобы тебе, госпожа, не было так одиноко, когда ты очнешься на речном дне, — одним духом проскрипел Корняга.

— То есть как это — когда очнусь? — удивилась я. — Я же сплю!

Корневик печально посмотрел на меня, ничего не сказал и обреченно сделал следующий шагочек к костру, еще короче предыдущего. Я решительно ухватила Корнягу за сучковатую ветку и подняла в воздух. В смысле, подняла вверх — потому что воздуха вокруг не было. Я даже потеряла уверенность в том, что вокруг есть вода.

— Брось палку и отвечай на вопросы, — потребовала я. — Сплю я или не сплю?

— Не знаю, — скрипуче сказал Корняга, послушно роняя деревяшку. Палка не упала на дно мгновенно, а опустилась медленно и плавно.

Я с досады плюнула. Плевков, едва сорвавшись с моих губ, зашипел и растворился в окружающей... как бы это сказать... жидкости. Потому что все-таки это была не вода.

— Но ты мне снишься или не снишься?! — рывкнула я.

— Я — не снюсь, — убежденно заявил Корняга. — Я работаю. Одинец мне велел проследить, чтобы вулх и карса не по-

дрались, и костер поддерживать велел, и еще велел тебе передать, что вежу огня он прошел, а дальше нужно двигаться по руслу. И обещал меня за это кормить. Хорошо и много!

— Значит, это все-таки не сон... — пробормотала я, опуская корневика на песок подальше от костра.

Я чувствовала себя странно до невозможности. Пришлось заново оглядеться по сторонам — потому что до тех пор, пока я считала окружающее сонным видением, я смотрела на него совсем другими глазами. Во сне не надо беспокоиться об опасностях. А наяву первым делом нужно выяснить, что тебе грозит и откуда.

Пока что мне ничего не угрожало. Даже хищная лилия сомкнула яркие лепестки, превратившись в невзрачный бурый кочанчик, похожий на луковицу. Я присмотрелась — из свернувшегося венчика торчал наружу рыбий хвост. Та-ак, понятно, цветочек позавтракал. Себе, что ли, чего-нибудь съесть?

Я задумчиво почесала шею под ошейником. Потом подняла с песка аккуратно сложенную одежду и натянула ее на себя. Одежда была сухой на ощупь — впрочем, как и мое тело.

— Эй, Корняга, вы вчера здешних рыб не пробовали? — окликнула я корневика. — Они съедобны вообще?

При упоминании о еде Корняга заметно оживился.

— А как же, съедобны, — проскрипел он. — Но есть еда и получше. Пойдем, покажу.

Он зашкандыбал по дну, оставляя в речном песке борозды от корней — словно кто-то проташил здесь сучковатое бревно. Я шла за ним, растопылив руки в стороны и покачиваясь. Тело здесь ощущалось более легким, чем на суше, не-вода делала движения плавными — в общем, я чувствовала себя не человеком, а чем-то вроде набитого соломой чучела. Корняга привел меня к совершенно гладкому участку песчаного дна — ни камешка, ни кустика водорослей.

— Здесь копать, — деловито сказал он.

— Копать? — удивилась я. — Грибы тут, что ли, растут? Подземные... в смысле подводные... ну то есть...

Корняга не стал меня слушать, а принялся сноровисто раскапывать песок. Песок взвихрился под его корнями и повис вокруг мутным облачком. Невесть откуда появился вулх, некоторое время наблюдал за корневиком, а потом принялся ему помогать. Вдвоем они за минуту вырыли огромную яму, и на дне ее обнаружился белесоватый круглый камень. Я нагнулась, подняла камень, который оказался неожиданно тяжелым, и недоуменно спросила:

— И это — еда?

На меня вдруг снова нахлынуло чувство нереальности. Съедобные камни?.. Сон!

— Ракушка, — проскрипел Корняга, выбираясь из оседающей тучи песка. — Надо открыть. Ножом.

Только теперь я заметила волнистую линию, пересекающую камень. И впрямь — ракушка.

— А может, ее сначала в костер? — предложила я.

— Угу, — утвердительно скрипнул корневик.

Вулх чихнул.

Когда все три откопанные нами ракушки были вынуты из огня и остыли, я вскрыла их своим хадасским кинжалом. Вообще-то поначалу я хотела воспользоваться для этой цели вторым кинжалом, тем, что похуже моего. Но он куда-то пропал. Ни в оружейной сумке, ни в двумехе его не было, и я сообразила, что он не попадался мне под руку уже несколько дней. Наверное, потерялся каким-нибудь синим днем. Ну и джерх с ним.

Розовое мясо моллюсков оказалось удивительно нежным и вкусным. А еще — сытным. Даже Корняга, выев половину содержимого ракушки, на некоторое время удовлетворенно притих. Вулх улегся на песок и лениво следил за проплывающими мимо рыбешками. Маленький фиолетовый крабик, привлеченный, надо полагать, запахом пищи, вылез из-под камня и стал потихоньку подбираться к стоящей перед вул-

хом ракушке. Ветер тоже пришел к угасающему костру и небрежно пощипывал ближайшие кусты водорослей, выбирая отдельные листики повкуснее. Кажется, вороной тоже был сыт и доволен.

— А скажи-ка мне, Корняга, — обратилась я к пеньку, — что было на последнем пересвете? И куда опять делся Лючародей?

— Чародей сказал, что ненадолго задержится, — проскрипел корневик. — И очень скоро нас догонит. Сегодня и догонит. А на пересвете ничего такого и не было. Одинец превратился — и сразу в кусты. Ты, госпожа, хотела за ним прыгнуть, но я тебя отвлек. А потом и ты превратилась.

— Как — отвлек? — подозрительно спросила я. Отвлечь Карсу, которая нацелилась все-таки разобраться с вулхом без моего участия, — это надо было суметь.

— Вот так! — скрипнул Корняга, и в следующий момент я подпрыгнула на месте, чуть не выронив из рук половинку ракушки. Потому что пенек вдруг обернул ветки и корни вокруг себя, превратившись в косматый клубок вроде перекати-поля. Клубок подпрыгнул и сам собой покатился по песку. Вулх встрепенулся было, но Корняга мгновенно развернул сучки-корешки обратно и стал снова выглядеть, как заправский пенёк.

— Тьма-ах! — восхищенно выдохнула я. Струйка пузырьков устремилась кверху.

Корняга скромно потупил глазки-ягодки.

— Знаешь, ты самый одаренный пенёк из всех, которых я видела в своей жизни, — искренне сказала я.

— Спасибо, — проскрипел Корняга. — А вот Мо...

Вулх неодобрительно посмотрел на него. Корневик почему-то заткнулся на полуслове. Но мне было не до того, чтобы разбираться в их с вулхом взаимоотношениях. Потому что я как раз задумалась над тем, почему это я не помню событий прошедшего меарского дня. И вспомнила.

Тьма и демоны! Как я могла такое забыть?!

Я вспомнила, как мы с Карсой сжались в комок на берегу непонятной и пугающей реки и в ужасе таращились на Ветра, который опустил голову под воду и преспокойно жевал водоросли, не испытывая потребности глотнуть воздуха.

Я сказала «мы с Карсой»? Я ошиблась. Непостижимое путешествие во Тьму, которое совершили мы с Одинцом на прошлом красном пересвете, серьезно изменило нас. Ну по крайней мере меня. Я недоверчиво прислушалась к собственным ощущениям. Да, так оно и есть.

Воспоминания о днях под другим солнцем постепенно подтачивали стенку в моем сознании, отделявшую меня от Карсы. А пребывание в вечной Тьме оказалось последним ударом. Стенка рухнула. Я перестала воспринимать свое мearское воплощение как отдельную личность, как звериную половину себя. Больше не было внутри моего сознания двух разных «я», Карсы и человека. Была одна-единственная личность, одно сознание, одна душа, одно цельное «я» — мадхет по имени Тури.

Правда, я по-прежнему не помнила всего, что со мной происходит синим днем. Но скоро буду помнить. Совсем скоро.

Правда и то, что я синим днем по-прежнему отличалась от себя же красным днем. Как телом, так и сознанием. Находясь в зверином теле, я иначе воспринимала окружающий мир и иначе реагировала на него. Вероятно, так будет всегда. Но отныне и впредь это была я, и только я. Существо, в котором Карса и человек слились воедино.

Оттого, наверное, сегодня, придя в себя после превращения, я испытывала странное чувство нереальности. настолько сильное, что даже сочла окружающее сном. Сознанию непривычно было чувствовать себя единым.

Потому что одни только странности внешнего мира моих ощущений не объясняли. Ну, подумаешь, костер на дне реки. Эка невидаль! С тех пор как я пересекла Юбен, мне еще и не такие чудеса встречались. Взять хотя бы давешнего демона

на колокольне. Или говорящего пенька Корнягу, к которому я уже успела привыкнуть, как к чему-то вполне обыденному.

Хотя чем ближе к У-Наринне, тем больше странностей попадаетея нам на дороге. С тех пор как мы сбежали от землетрясения через каменную арку с истуканами, мир перестал быть привычным. Как будто им все в большей степени управляли не нормальные законы, а... магия! Что ж, в этом есть резон. Ведь мы идем не просто по тропам или по бездорожью. Мы движемся по пути, начертанному магией. От вехи к вехе, от Знака к Знаку — вперед, к прекрасной и манящей У-Наринне.

Смутные дни! Я вдруг вспомнила, чем именно меня так напугала вчера река, на дне которой я сейчас расслаиваюсь за завтраком. И воспоминание обожгло меня не хуже жалящих лепестков подводной лилии.

Тогда, на берегу, я ощутила противоречие, которое встретило меня и показалось опасным. С одной стороны, путь в Каменный лес лежал через реку и обойти ее было нельзя. С другой стороны, я чувствовала, что в этой не-воде пути к У-Наринне нет. Как так? Я не знала. И, боязливо поджимая лапы, вошла в реку вслед за Одинцом.

Больше я из вчерашнего дня ничего не могла вспомнить, как ни старалась. Оч-чень подозрительно! Я решительно встала на ноги и шагнула к вороному жеребцу.

— Доедайте по-быстрому — и двигаем отсюда, — распорядилась я, седлая жеребца. Кажется, Ветер обожрался водорослей, потому что живот у него был гораздо круглее обычного. Надеюсь, это ему не повредит.

Пока мы лакомились моллюсками, вокруг заметно потемнело. Наверное, наверху испортилась погода. Я подняла голову.

Зеркальная поверхность реки подернулась рябью. В следующую минуту ближайший к поверхности слой словно бы вскипел. Маленькие клубочки пенных пузырьков вдруг воз-

никали то тут, то там и быстро растворялись в воде — вернее, в составляющей реку жидкости — с тихим шипением.

Я некоторое время ошеломленно смотрела на это невероятное зрелище, не в силах понять, что же происходит. А потом вспомнила, как, не долетев до дна, зашипел и растворился в окружающей не-воде мой плевок.

Наверху шел дождь.

И каждая капля настоящей воды, попав в реку, начинала мгновенно пениться — видимо, превращаясь в здешнюю странную не-воду.

— О как! — потрясенно сказала я.

Вулх глухо заворчал.

Пару минут мы все заворуженно смотрели на этот безумный дождь. Потом у меня заболела шея, и я тотчас вернулась к насущным нуждам. Пора ехать, и так мы здесь засиделись. Я запрыгнула в седло.

Что там Одинец мне передавал? То, что дальше наш путь лежит вдоль по руслу. Надо полагать, у него были причины так говорить. Я привыкла доверять своему спутнику еще с тех пор, когда почтового пня с нами не было, с памятью у меня было хреново, и о событиях синих дней приходилось строить плохо обоснованные догадки.

Я тронула коня вниз по пологому склону, легонько ударив его пятками в бока. Значит, вдоль по руслу... До сих пор мы находились на мелководе, а русло — вот оно, тянется слева направо. Или справа налево. Так куда нам, налево или направо?

Я привычно обратилась к внутреннему взору, чтобы взглянуть на дорогу в Каменный лес.

Дороги не было. Вообще ничего не было. Бурый туман без малейших отличительных признаков.

— Тьма! Стой, Ветер!

Жеребец недовольно остановился и повернул ко мне вопросительную морду.

— Что такое? — скрипнул Корняга у меня из-за плеча.

Но я отмахнулась от обоих:

— Сейчас. Дайте подумать. С той стороны, откуда мы подошли к реке, она текла справа налево. Наш путь лежал через реку. Правильно?

— Правильно, — робко подал голос Корняга.

— Молчи, пень, — рявкнула я. — Без тебя запутаюсь. Значит, нам надо было пересечь реку и выбраться на противоположный берег. Но я не знаю, как двигался Одинец — поперек русла или вдоль?

— И поперек, и вдоль, — снова встрял Корняга.

— Слушай, ты! — взъярилась я. — Может, ты еще знаешь, куда идти?

— Не знаю, — увял Корняга, но тотчас встрепенулся: — А давай на берег вылезем да посмотрим!

— Так, видно, и придется сделать, — задумчиво сказала я, разворачивая коня. Ветер послушно затрусил вверх по склону, выбираясь обратно на мелководье.

Что-то было все же непросто с этой рекой. Похоже, что для меня в ней не было пути. А для Одинца вроде как был. Я почему-то вспомнила хорингские живые картинки, на которых каждый видит свое. Мы с Одином вместе смотрели на путеводный Знак хорингов, но я так и не узнала, что он там видел.

Может быть, наши с Одином дороги в У-Наринну различаются? Да, мы идем вместе, и по большому счету у нас один путь — но, может, он иногда разветвляется, а потом сходится вновь? Как тропинки, слагающие тропу. До тех пор, пока мы строго чередовались по дням — оборотень в человеческом облике шел, а оборотень в зверином облике следовал за ним, — это не было заметно. Но чем ближе к Каменному лесу, тем в большей степени мы становимся собой. И каждый все отчетливее осознает свою собственную дорогу — хоть красным днем, хоть синим, хоть во Тьме.

Но в У-Наринне нам нужно быть вместе.

Ветер миновал валун, на темном боку которого хищная алая лилия вновь развернула свои лепестки. Я сердито покосилась на нее, проезжая мимо. Обманщица! Твое счастье, что жжение в пальцах давно прошло. А не то я бы тебя скосырнула с камня — крабам на корм. Помнится, в детстве я мстительно изничтожала крапиву в огороде, колотя по ней палкой, так что стебли и листья превращались в пахучую кашу. Чтобы неповадно было меня жалить!

Я усмехнулась.

Поверхность реки, по которой продолжали барабанить капли дождя, вспухающие пенными шариками, уже нависла над самой моей головой. Ветер сделал еще один шаг, и моя голова оказалась над поверхностью. По макушке немедленно застучали крупные капли.

Темное небо, да это не просто дождь, это ливень!

Я чуть не повернула жеребца обратно. В реке-то было тепло и сухо, а тут — холодно и мокро! Но нам некогда отсиживаться, пережидая дождь, — тем более что неизвестно, когда он закончится. Даже если он не закончится никогда, я не удивлюсь. Река из не-воды убедила меня, что законы природы здесь несколько иные.

Холодная капля затекла мне за шиворот, и я торопливо подняла капюшон. Ветер выбрался на берег.

Я с опаской обратилась к внутреннему зрению и облегченно вздохнула. Светлая У-Наринна сияла, как сигнальный костер на излучине Юбена в ненастный день. Я снова знала, куда нам двигаться. И — хвала Близнецам! — наш путь лежал прочь от реки. Она оставалась за спиной. Я обернулась и бросила последний взгляд на речную поверхность, вскипающую под дождем фонтанчиками брызг.

Вулх, выбравшись на берег, недовольно фыркнул и обогнал жеребца. Длинными прыжками анхайр устремился вперед, к видневшемуся невдалеке лесу. Мне вдруг стало легко на душе. Легко и весело.

— Хэй, Ветер, наддай! — воскликнула я.

Ветер звонко заржал и перешел в галоп.

Мы стремительно ворвались под сень лесной опушки, и я придержала жеребца. Ветер двинулся дальше шагом, тщательно выбирая дорогу. Здесь было сумрачно и сыро. Вся лесная живность попряталась от дождя, который уныло барабанил по листьям дубов и платанов, шуршал в пихтовых и терховых иглах. Только толстые лиловые жабы повыползали из-под кустов и неподвижно сидели в грязи, время от времени издавая горловое рокошующее «Куо-о».

Плотная пелена туч скрывала Четтан, и все вокруг было буро-серым, грязным и линялым. Мир утратил яркие краски. Я поежилась. В моих родных краях редко случалась непогода, и на меня всегда нагоняли тоску рассказы о севере, где Солнечные Близнецы нередко по многу дней не показываются из-за туч. Поистине, только варвары способны жить без солнц!

Дождь не унимался. Мы медленно продвигались вперед, а лес вокруг становился все гуще. Ветру все время приходилось объезжать старые валежины, а мне — пригибаться к мокрой шее коня, чтобы какая-нибудь ветка не попала мне в лицо. Наконец я спрыгнула на раскисшую землю и повела вороного в поводу. Вулх, вопреки обыкновению, никуда не отлучался. Он бежал рядом со мной неторопливой трусцой, опустив морду к самой земле.

Время шло к полудню, но светлее не становилось. Наоборот — здесь, в чаще леса, сумрак был плотным, как хорошо слежавшийся войлок. Если бы не путеводный огонь У-Наринны перед моим внутренним взором, я бы давно побоялась заблудиться и повернула назад. Уж очень густыми и непролазными были сплетения ветвей. Вскоре после того, как я спешила, мы забрались в такую чащобу, что я все равно стала подумывать о том, чтобы повернуть. Что толку с того, что я знаю нужное направление, если туда невозможно пробиться? Наверное, лучше поискать дороги в обход леса. Как выражался Унди, обойти стороной можно все, кроме кабака.

Мы кружили и петляли, огибая очередной бурелом. Я остановилась, чтобы убрать со лба мокрую прядь волос. Пот струился по моему лицу вместе с дождем. И тут я вдруг сообразила, что кое-кто в нашей компании ведет себя еще менее обычно, чем вулх.

С тех пор как мы вошли в лес, Корняга не проронил ни слова. Тьма! Что с ним стряслось-то? Настырный пенек, которому нельзя заткнуть дупло иначе как страшными угрозами, да и то ненадолго, молчит уже несколько часов. А я была так занята дорогой, что даже не обратила внимания. Да жив ли он там вообще?

— Эй, Корняга! — окликнула я его. — Ты как — держисься?

— Держусь, — едва слышно проскрипел пенек, завозился у меня за спиной и пребольно ткнул меня сучком под ребро — видимо, в знак доказательства, что он жив.

— Полегче, — буркнула я. — Тут и без тебя только и знаешь, что от веток да сучков уворачиваться. Что-то мне этот лес нравится все меньше и меньше.

— Мне тоже, — скрипучим шепотом сообщил Корняга. — Давай вернемся, а?

— Тебя только послушайся, — проворчала я. — То «давай выйдем из реки», то «давай вернемся в реку». Времени у нас нет туда-сюда лазить! Через два дня нужно быть в У-Наринне.

Я решительно двинулась вперед. И — как будто моя решительность что-то переломила в окружающем мире — продравшись сквозь очередные кусты, мы оказались на широкой тропе. Более того, она вела в нужном нам направлении.

— Вот видишь! — бросила я через плечо, как будто Корняга мне возражал. Пенек не ответил.

Похоже, тропа была звериной. Во всяком случае, на высоте человеческого роста то и дело встречались ветки, которые мне приходилось отводить в стороны. Зато она была достаточно широкой и хорошо утоптанной. Одинец, вы-

бравшись на тропинку, воспрянул духом и умчался вперед. Я бодро шагала по мокрой земле, ведя за собой Ветра. Кажется, удача наконец улыбнулась нам. Даже дождь поутих. Глядишь, во второй половине дня и Четтан выглянет.

— Давай вернемся? — жалобно скрипнул Корняга из-за плеча.

— Что-о?!

Я оторопела. Поворачивать из-за того, что уперлись в непроходимые заросли, — это понятно. Но возвращаться с удобной тропы?!

— Это плохая тропа, — проскрипел корневик. — Не надо по ней ходить.

Я не сочла нужным ответить. Дождь вскоре совсем перестал, только с мокрых веток еще срывались крупные капли. Высоко над нашими головами звонко запела сойка. Несколько часов мы двигались по тропе, которая иногда петляла, но неизменно возвращалась к нужному направлению. Корняга висел у меня за плечом, как вязанка дров, и признаков жизни не подавал. Я пару раз пыталась заговорить с ним, но упрямый пенек словно воды в дупло набрал. Ладно, не хочет говорить — пусть молчит.

Наконец тропинка вывела нас на большую круглую поляну. Я прикинула, не остановиться ли нам здесь на привал. Но все вокруг было еще мокрым после дождя и сулило не слишком-то удобный отдых. Что ли, с анхайром на этот счет посоветоваться?

— Хэй, Одинец! — позвала я. — Ты где?

Тропа продолжалась и дальше, уводя с поляны в глубь леса. Именно оттуда и появился вулх. Корняга тоненько пискнул.

Вулх пятился, приседая на задние лапы и грозно рыча. А из глубины на него угрожающе напирало что-то огромное, тяжелое, со множеством растопыренных лап.

Сначала я подумала, что это медведь. Потом мне показалось, что это гроза южных лесов — гигантская закунда. В

следующее мгновение я ужаснулась, вообразив, что это сам Дух леса решил изгнать нас и принял для этой цели облик чудовищного дерева. А еще мгновением позже я сообразила, что на вулха насаждает пень.

Корявый пень, грузно шагающий на расставленных корнях. Точно такой же, как Корняга, — только раз в двадцать больше размерами. И в отличие от Корняги этот пень внушал к себе уважение. Как-то даже хотелось побыстрее исчезнуть с его пути, а то ведь придавит ненароком, и вякнуть не успеешь. Ни меч, ни даже топор в схватке с такой громадиной один на один — не оружие.

— Бежим, Одинец! — крикнула я. — Назад!

— Поздно, — скорбно прошелестел Корняга.

Со всех сторон зашевелились кусты. Я лихорадочно озиралась. На поляну выползали корневики. Огромные, черные, замшелые пни неспешно раздвигали кусты и ветви деревьев, занимая свое место в круге.

Круг замкнулся. И в центре его оказались мы, напуганные и дрожащие. Вулх прижался к моим ногам, и я положила руку ему на ошейник. Неужели — все? Неужели вот так бесславно закончится наш путь в Каменный лес?

Черные глазки корневиков враждебно поблескивали. Глаза у них были размером со сливу, не больше, — и я с удивлением заметила, что у разных пней они расставлены по-разному. У кого ближе к верхушке, у кого чуть ли не на корнях. Может, это как-то связано с расположением ротового дупла?..

Т-темное небо, о чем я думаю?!

А о чем мне думать? О том, в каком виде нас схрывают, в сыром или в зажаренном? Так ясен пень, что в сыром. Огня корневики боятся. Эх, если бы все вокруг не было насквозь мокрым...

Самый большой из корневиков, высотой чуть ли не до моего подбородка, пронзительно глянул на меня, разинул черное дупло и пробасил:

— Чем тебе платить, человек?

Я растерялась. Да так, что только со второй попытки сумела выдать из себя вопрос:

— 3-за что? Чего вы от меня хотите?

— Как за что? — басисто удивился пень. — За это вот... отродье поганое! Слышишь, ты, корень от корня нашего? Чтоб тебя червяк вдоль и поперек проел! Сколько кругов мы тебя разыскивали?

К моему вящему изумлению, из-за плеча у меня раздался тоненький и скрипучий Корнягин голосок:

— Да с полсотни кругов, пожалуй. Если не сотню.

— И с каждым кругом награда росла, — прогудел могучий пень. — Ты будешь богатым, человек.

Я все еще не могла поверить своим ушам.

— Вы его разыскивали? Его, Корнягу? Сотню кругов? Да пропади все пропадом! Корняга, что ты такого сделал?

Корняга отцепился от ремней и прыгнул с моего плеча на землю. Растопырив корни и сучья в разные стороны — у меня возникло полное впечатление, что он подбоченился, — пенек проскрипел:

— Я здесь родился. Это мой лес и мой народ.

— Тьма и демоны! — выругалась я. — А я-то думала, что ты с берегов Юбена. Ты знал-то хоть, что тебя ищут? Что же ты сразу мне все не рассказал, когда мы из реки выбрались?

— Сразу я лес не узнал, — со вздохом сказал Корняга. — Давно на родине не был. А потом я тебе сказал, что не надо ходить по тропе, только ты меня не послушалась. Ну и... а что уж теперь! Пришли.

— Но что ты такого натворил? — удивилась я. — Что вообще можно натворить такого, чтобы тебя разыскивали джержову прорву времени?

— Это длинная история, — ответил мне другой пень из круга, сосед того, который говорил первым. — Впрочем, торопиться нам некуда.

«А мне — есть куда!» — чуть было не ляпнула я, но сдержалась. Похоже, что ни нам с анхайром, ни жеребцу ничего не угрожает. А вот Корняга, судя по всему, попался, как рыбка в уху. И вина в том моя. Что же он молчал, подлец?! Ох пообломаю я ему сучья... когда вытащу отсюда.

Корневики затрещали корнями, устраиваясь поудобнее.

Врал, ох врал мне Корняга, рассказывая трогательную историю своего нелегкого детства. То есть ту ее часть, которая касалась происхождения корневиков от деревьев под названием «ведьмина гребенка», он изложил вполне правдиво. Да и в описании того, как происходило его собственное появление на свет, если и приврал, то самую малость.

А вот история кланов и причины того, почему рождение Корняги послужило поводом для раздора, на самом деле выглядели совсем по-иному.

Лесное племя корневиков управляется советом мудрейших, возглавляющих кланы. Участок, на котором появился на свет Корняга, вовсе не был спорным. Он просто был очень маленьким — так уж сложилось с древних времен — и в его пределах давно никто не рождался. Так что Корняга, едва превратившись из безмозглого пенька в корневика, оказался единственным членом своего клана. Он был сам себе вождь, так что никто толком не мог ему указывать. И еще он — в силу незываемых традиций — оказался в совете мудрейших.

Новорожденный Корняга, разумеется, мудрейшим не был. Он был наглым и самоуверенным невеждой. Но традиции для корневиков превыше всего. И умудренные опытом многих сотен кругов вожди некоторое время терпели хилого выскочку. Позволяли ему участвовать в совете, тихо надеясь, что время образумит юнца. Тем более что Корняга оказался вовсе не тупицей.

Но через пару кругов до него дошла очередь председательствовать в совете. И племя корневиков доверило ему свой главный священный символ — Первое Семя. Если верить преданиям, вся раса корневиков вела свое начало от одного

из двух крылатых семечек ведьминой гребенки. Второе, которое на заре времен не проросло, хранилось в магическом сосуде и являло собой святыню такой ценности, что просто дух захватывало.

Корняга получил Первое Семя всего на несколько минут, чтобы донести его от священного дупла-хранилища до поляны, на которой должен был проходить совет. До поляны он не дошел.

Корневики со свойственной им дотошностью обыскали весь лес и выяснили, что единственный способ исчезнуть для Корняги был — напроситься в попутчики к демону, который пролетал над лесом. Первое Семя найдено не было. Тогда корневики назначили награду тому, кто доставит им пакостного юнца, и сообщали о ней всем проходящим, пролетающим и проползающим мимо существам. Терпения им было не занимать.

И вот — дождались.

— Та-ак, — протянула я, когда над поляной повисло молчание. — Давай, друг сердечный, рассказывай. Куда дел святыню?

— Спрятал, — с достоинством проскрипел Корняга.

Невзирая на тяжкие обвинения, мой пенек не потерял присутствия духа. Корешки его воинственно топорщились, а черничинки глаз ярко блестели. Я даже залюбовалась мерзавцем.

— Врешь, — трескучим старческим тенорком обвинил его дряхлый пень с древесным грибом на боку. — Мы искали магический сосуд по всему лесу. Его здесь нет!

Я мимолетно задумалась, сколько же сотен кругов должно быть этому старику, из которого труха сыплется, если даже шустрому Корняге уже около сотни. Ж-жуть!

— Магический сосуд я отдал демону, — скрипуче разъяснил Корняга. — В уплату за полет. А Семя я спрятал без сосуда.

Над поляной пронесся тихий стон, исполненный ужаса. Ветер нервно переступил с ноги на ногу. Признаться, мне тоже стало не по себе.

— Да не тяни ты! — прикрикнула я на Корнягу. — Говори, куда спрятал?

— В землю, — скромно сказал пенек.

— К-куда? — запнулся могучий пень, который разговаривал с нами в самом начале, и его внушительный бас сорвался в хрип: — В зем... Где?!

— Да по дороге от хранилища к поляне, — пожал ветками Корняга. — У меня времени совсем не было, демон ждать не хотел. Пойдемте, покажу. Здесь близко.

Пока мы вшестером — я, вулх, Корняга, могучий пень-председатель, трухлявый старик и крепкий приземистый пенек (как мне показалось, этого взяли в качестве охранника) — добрались до места, небо окончательно просветлело, и Четтан щедро окатил лес теплом. В кронах деревьев радостно зачирикали, засвистели и защелбетаи птицы. Я и сама улыбнулась, когда красный луч светила погладил меня по мокрым взъерошенным волосам.

— Вот, — гордо сказал Корняга, простирая ветку. — Здесь.

Я ахнула. Вулх изумленно чихнул. А корневики дружно застонали.

Потому что на указанном Корнягой месте росло невысокое, чуть выше меня деревце с колючей кроной, такой же всклокоченной, как мои волосы. В кроне было полно всевозможных листьев, травинки, клочьев шерсти и прочего лесного мусора. Ведьмина гребенка была совсем молодая, кругов десяти, не больше.

— Видать, не сразу проросло, — глубокомысленно заметил пенек-охранник.

Могучий корневик повернулся к Корняге, ухватил его за ветку и поднял в воздух. Корняга повис с самым жалобным видом, трепыхая корешками, — как не единожды висел в моих руках.

— Ты, плесень ядовитая, — прорычал корневик, — а ну поклянись, что это действительно было священное Первое Семя!

— Пусть меня Мать-корень удавит, если вру! — торопливо проскрипел Корняга.

Вождь уронил его на землю. Корняга ойкнул.

— Значит, что? — вдруг пробасил он совершенно другим, по-детски растерянным тоном. — Неужели свершилось Главное Пророчество?

— Свершилось, — развел корнями старик.

Когда уже поздно вечером мы покидали поляну собраний, в голове у меня звенело. Во-первых, от множества торжественных речей и песнопений. А во-вторых, от превосходного медового кваса, который корневики делали просто мастерски. Честное слово, уж на что я люблю пиво — а лесной квас оказался лучше.

Виновник шумного торжества молча покачивался у меня за плечом. Наверное, раздумывал над тем, как ему жить дальше.

Я негромко хихикнула себе под нос. Да уж, оказавшись героем такого пророчества, поневоле задумаешься. Древний текст начинался такими словами: «Когда племя корневиков породит самого большого вруна за всю историю...»

— Гордишься? — спросила я Корнягу. — Или жалеешь?

— Да чего уж, — проскрипел корневик. — Мне теперь главное — не забыть сотни через три круга снова домой вернуться. Когда тот, кто родится из Первого Семени, начнет тут свои порядки наводить. Должно быть интересно.

Я хмыкнула. Мои планы на будущее пока что не заходили так далеко. Мне по-прежнему нужно было для начала попасть в У-Наринну. И то, что мы на полдня задержались в лесу у корневиков, было вообще-то нехстати...

Зато скверный пенек по-прежнему со мной.

Ну и еще целый народ временно счастлив — что тоже неплохо, хотя и менее важно.

Я покачала в ладонях овальную деревянную шкатулку. Подарок корневищ. Награды за Корнягу я, разумеется, не взяла. Отказалась. Во-первых, он не остался в лесу, а отправился дальше со мной. Хотя старейшины, кажется, были рады, что избавились от героя древнего пророчества еще на некоторое время. Во-вторых, я вдруг поняла, что ни золото, ни драгоценности мне ни к чему. Золото еще и тяжелое вдобавок. В навьюченном на Ветра двухмехе и без того хватает вещей, которые мне пока негодились. Ну может быть, они нужны Одинцу.

Я завернула шкатулку в пустую заплечную сумку и уложила в двухмех поверх оружейной.

Широкая тропа вывела нас из леса как раз вовремя, чтобы я успела разглядеть краешек Четтана, ускользающий за горизонт. Я проворно скинула с себя одежду и огляделась в поисках анхайра.

— Хэй, Одине-ец!

Тьма! Куда он делся? Ведь только что был здесь.

— Я его видел, — сообщил Корняга. — У него, кажись, от кваса живот прихватило. Во-он в те кустики сбег.

Держи в доме! На пересвете — в кустики?! Нет, я когда-нибудь умру с этими обормотами. Что Корняга, что Одинец, что Лю, который обещал нас догнать до пересвета, — и где этот, с позволения сказать, чародей?

Впрочем, почему — «умру»? Уже умирала. Не помогло.

Я вздохнула полной грудью и подняла взор к сияющим точками звездам на черном покрывале Тьмы.

ГЛАВА 20

Меар, день десятый

Я очнулся в густых зарослях орешника. Рядом очень однозначно пахло — я сразу понял, что бедняге вулху посчастливилось съесть перед самым пересветом нечто очень неха-

ракторное. М-да. Джерх забирай, даже оборотни, порождения могучей магии, иногда оказываются рабами бунтующего желудка!

Впрочем, хвала небу, только до превращения. Я, например, уже никаких неудобств не испытывал. Превращение исцеляет все, в том числе и такие... гм! недомогания.

Только бы Тури не полезла меня искать — я прекрасно понимал, что несколько слов, услышанных от нее, могут сильно изменить мои планы на сегодняшний день, но все равно не хотел ее видеть сейчас.

И я потихоньку ушел еще глубже в кусты. Ветви царапали ничем не прикрытую кожу. Далеко, конечно, не следует уходить. Я и не буду... Так, прогуляюсь.

Заодно можно с мыслями собраться. Вчера я освободил место вулху на дне странной реки. Сейчас вокруг простирался старый, но совершенно обычный лес. Глухой-глухой. Дубы и платаны соседствовали с терхами, пихтами и северным орешником. Говорят, на северо-восток от Хадаса такие вот смешанные, как варево в котле, леса тянутся чуть ли не до огромного Дикого океана. Не знаю, туда я никогда не забирался. Меня почему-то всегда больше привлекал запад, чем восток. Не зря же я ошивался на самой границе обитаемых земель — в Дренгерте, Плиглексе, Джурае.

Земля под сенью старых деревьев была ощутимо влажной. Дождь, что ли, недавно пролился? Наверное. Дождь. Из обычной воды, а не той помеси воздуха с магией, которой я вчера вынужден был дышать полдня.

Значит, Тури реку пересекла. Странно, мне казалось, что по руслу можно идти еще день-два, и сильно приблизиться к У-Наринне. Зачем ей понадобилось выбираться на сушу? Понятия не имею.

А что я помню со времени вулха?

Покопавшись в воспоминаниях, я выяснил, что до смешного мало. Помню вспышку-прозрение, вызванную скорее всего резким чувством опасности. Широкая утоптанная тро-

па, а на ней мрачные корявые силуэты засохших деревьев. Подвижные силуэты...

Э-э! Постой! А не родственники ли это бездельника-Корняги? Похоже. Правда, Корняга рядом с ними все равно что мышь рядом с вулхом. Только и общего, что цвет серый да хвост имеется. У мыши, в смысле, а не у Корняги и его родичей.

Ох, чую, влетело нашему пеньку намедни — по первое число! Уж больно красноречивые взгляды замшелых громадин на тропе запомнились мне со вчерашнего... И еще слова, произнесенные густым трескучим басом: «Когда племя корневиков породит самого большого вруна от начала времен...»

Зуб дам, речь о Корняге!

— Эй, Мо... Одинец!

Ага. Корняга. Легок на помине.

— Чего, деревяшка?

— Тури уже превратилась. Можешь возвращаться.

Я скрипнул зубами. Вот прохвост! Но что ему скажешь? Ничего, ровным счетом. Разве что ногой пнуть можно, так босиком только пальцы без толку расшибешь.

— Туда, туда, — подсказал пень, простерев корешок в нужном направлении. — Как твой живот?

— Помалкивай, трухлятина, — буркнул я весьма неприветливо и зашагал сквозь плотный орешник. Сухие ветки неприятно кололи голые ступни. Вскоре я оказался на опушке и вышел из леса. Ветер, понуро опустив голову, дремал. Первый раз вижу его дремлющим! Двумех покоился на обычном месте, походная сумка — тоже. Одежда и обувь, сложенные аккуратной кучкой, сразу бросались в глаза. Карсы видно не было, и я остался благодарен ей за это.

Спустя пару минут я уже сидел в седле. Корняга, не будь дурак, тут же взобрался ко мне на плечо. Не любил он корни дорогами бить, норовил все больше на чужом горбу прокатиться. Впрочем, я-то чем лучше? Тоже ведь не пешком иду.

Все припасы Ветер за меня тащит, включая и мое нынешнее тело с парой душ, упрятанных внутрь. Эй, вулх, как дела!

Вулх молчал. Я внимательно прислушался к себе — но чуял только гулкую зияющую пустоту.

И вдруг мне стало страшно и одиноко. Никогда еще я не оставался один, всю жизнь привык ощущать густое и тягучее присутствие зверя в себе, его странные, пахнущие землей и травами, мысли, до того въевшиеся в мое собственное мироощущение, что я перестал проводить между своими, человеческими мыслями, и ними сколько-нибудь четкую границу.

А теперь я внезапно ощутил себя голым и покинутым. Немногим лучше, чем совсем недавно, в зарослях орешника.

Вулх, где ты?

Молчание.

Отзовись! Не бросай меня! Вулх!

Молчание.

Холодный пот прошиб меня насквозь. Чувствовать себя так было до жути скверно.

— Что с тобой, Одинец? — проскрипел Корняга над самым ухом. — Тебе плохо?

Я медленно повернул к нему голову:

— Да, Корняга. Мне плохо.

Ветер, не дождавшись от меня понукания, пустился вскачь сам. Словно знал, что мне именно туда, наискосок, под углом к опушке. Кстати, а откуда я сам знаю, куда ехать?

А какая, собственно, разница?

До самого полудня мне было совсем невесело и очень одиноко. Спасибо, хоть карса показалась на глаза, словно успокаивая меня: «Я не знаю, что с тобой, анхайр, но я, твоя спутница, рядом. Не тревожься хотя бы за меня».

Спасибо тебе, карса.

Поневоле я отдался нахлынувшим мыслям. Смешно — я всю жизнь считал себя одиночкой и даже внутренне гордился своей способностью обходиться без друзей, но стоило

впервые остаться действительно одному, как вся моя игрушечная спесь разом испарилась и осталась только кричащая от боли душа. От воображаемой, но ничуть не менее страшной, нежели телесная, боли.

Я не знал ответа на вопрос — на самом ли деле у меня две души, или просто я придумал и одушевил несколько иную свою сущность. Ту, что живет в теле вулха. Это ведь и я, и в то же время не я.

Хотя стоп: а чем, собственно, отличается эта придуманная сущность от другой души? Только тем, что ее придумал я? И только. Значит, вулх действительно существует. Правильно, так и есть, ведь в противном случае я помнил бы все, что происходит с моим измененным телом и измененной душой во время Четтана. Отсутствие общей памяти раскололо меня на две непохожих половинки, и каждая из них стала отдельной душой.

А Лю-чародей обещал нам встречу. Встречу... и растворение друг в друге. Я уже стал немножечко вулхом — а вулх немножечко мной. Именно поэтому отсутствие вулха так испугало меня. Я тоже был нужен ему, бессловесному зверю, иначе зачем бы ему вытаскивать меня из Тьмы? Ведь он теперь тоже больше, чем просто вулх, чем просто бессловесный зверь, потому что он познал радость разума. И конечно, это понравилось ему гораздо сильнее сомнительной свободы дикого зверя.

Потому что по-настоящему свободен лишь тот, кто способен понять, что свободен.

И вулх откликнулся откуда-то из самых дальних потемок сознания. С задворок души.

«Я здесь, Моран. Прости, что не отозвался сразу. Но мне нужно побыть наедине с собой. Я вернусь — потом. Но не сейчас, когда в небе светит Мear. Это твое время, и пусть оно принадлежит только тебе. До поры».

Волна облегчения накатила — и схлынула. Здесь. Вулх здесь, по-прежнему во мне, а значит, все идет как надо. Но,

Тьма и Тьма, что его так напугало? Я ведь чувствовал его невольный испуг, явно вызванный происходящим. Вулх «думал» чувствами и инстинктами. Это я переводил их на привычный язык человеческих понятий.

Я пойму это, обязательно пойму, серый брат, и сделаю все, чтобы облегчить твои страхи и сомнения. Потому что это, наверное, нелегко — становиться человеком. Человеком, который умеет лгать и притворяться, который способен предать и бросить.

Ведь вулхи этого не умеют. И даже не знают, что можно это уметь.

«...самого большого вруна от начала времен...»

И вдруг я осознал, почему Корняга всегда казался мне маленьким человечком, и никогда — безобидной лесной тварью.

Потому что он умел врать.

— Скотина ты, пень, — неожиданно сказал я вслух.

— Это почему же? — обиделся Корняга. — Вот! Дожил! Помогай вам, люди, а благодарность одна: обругают и жрать не дадут. Так я и знал.

— Во-первых, ты прекрасно знаешь, что мы не люди. А во-вторых, скотина ты по очень простой причине: потому что ты слишком похож на человека. На меня. Понял, пень?

— Ты же сам только-только сказал, что ты не человек!

— Это не меняет дела.

Корняга не нашелся что ответить, и это удивило меня больше всего. Потому что за словом в кар... гм! — в дупло тогда уж — он обыкновенно не лазил.

Мы снова пересекали степь, но совсем не такую, как раньше. Лес, где мы повстречали родичей Корняги, постепенно скрылся за горизонтом. Степь поросла низкими стелющимися травами, немного похожими на длинные водоросли из неправильной реки. Тезка моего скакуна трепыхал и колыхал пучки травы, отчего казалось, что вся степь покрыта танцующими хорингами.

И еще в степи попадались деревья, каких я сроду не видел. Они были огромны и сильно напоминали дамские зонтики от солнца, вошедшие несколько кругов назад в моду в Хада-се, Лиспенсе и Джуреае, городах, где роскошь соседствовала с нищетой, дворцы — с лачугами, а процветание — с полным упадком и отчаянием. Стволы деревьев походили на толстенные колонны, вздымающиеся к самым небесам, а первые ветви отделялись от стволов на такой высоте, что никаких подробностей толком разглядеть не удавалось. Но плоскую крону, что раскидывалась где-то невообразимо далеко вверх на манер грибной шляпки, на фоне неба различила бы, пожалуй, и землеройка. Хотя землеройке вряд ли бы взбрело в голову разглядывать небо или что-нибудь на его фоне.

Не в этом ли главное отличие меня от землеройки?

Я хмыкнул, удивляясь собственным мыслям. Вообще-то странно. Последнее время я стал задумываться о довольно неожиданных вещах, о каких обыкновенно кругами не вспоминал. Я подозревал, что виной всему путь в У-Наринну. И еще подозревал, что это не последняя странность на пути к Каменному лесу.

Почему-то у меня укрепилось некоторое время назад возникшее впечатление, что я не дома. В смысле — уже давно не в своем мире. Наверное, с той поры, как мы пересекли каньон в Диких землях. С того дня диковины и необычности окружили меня и моих спутников, хотя и привычного по-прежнему встречалось довольно много.

В общем, деревьев таких я никогда не видел, и никогда не слышал о них. Даже Унди Мышатник, который рассказывал мне обо всем на свете, никогда не упоминал о них. О, Смутные дни, неужели я дожил до минуты, когда познал нечто такое, о чем старина Унди даже не подозревал?

Если так, то можно считать, что я не зря прожил жизнь. Даже такую бестолковую, как жизнь анхайра.

Я ухмыльнулся. И взглянул на синеющий в небе Меар сквозь корявые ветви ближайшего великана. Великан ронял

к земле шуршание кроны на ветру. У подножия ветер почти не ощущался, но там, на высоте, с ним приходится считаться. Тому, конечно, кто бывает на высоте.

Задрав голову, я рассматривал дерево. Интересно, его плоды съедобны? Вдруг они вкуснее плодов многодрева? Вот бы попробовать.

Я вспомнил пир в самом начале пути, вскоре после переправы через Юбен и первого пробуждения на берегу Слезы Великана, затерянного лесного озера. С сожалением вздохнул. Жаль, остальные плоды пропали в Запретном городе. Тури, кажется, даже не полакомилась. А могла бы.

То, что я сперва принял за соринку в глазу, оказалось стремительно падающей с высоты точкой. Точка росла прямо на глазах.

Я невольно попятился. Что это? Плод, что ли, чья-нибудь добрая душа мне сбросила?

А падающий с высоты вдруг развернул широкие крылья, и падение его перешло в плавное планирование. Вот джерхова сыть, да это же какой-то зверь! Вроде белки-летяги! Только покрупнее.

Вон, еще двое прыгнули. Сейчас тоже крылья-перепонки расправят. А они здоровые! Больше собаки. Тьма, да они больше вулха!

Я мигом соскочил с Ветра и взялся за арбалет. Извлек очередной колчан со стрелами — один я успел расстрелять во время стычки с вильтами. Наложил стрелу.

Самый проворный летун коснулся земли спустя мгновение, молнией просеменил шагов тридцать и оказался рядом со мной быстрее, чем я успел хоть что-нибудь предпринять. Корняга проворно, как куница, соскочил с привычного наеста и канул в высокую траву. Ему хорошо, он маленький.

Летун застыл от меня в каких-то двух шагах. Больше всего он был похож на Чистого брата, закутанного в плащ. Только не лиловый, а темно-коричневый, и без капюшона. Продолговатая голова, поросшая редкой шерстью, стоящие торчком уши,

как у вулха, громадные выпуклые глаза с неожиданно крохотным яблоком и совершенно неразличимым зрачком, еле намеченный нос и приоткрытая пасть, в которой больше всего притягивали взгляд длиннющие верхние клыки.

Джерх на динне! Да это вампир! Я видел их изображения на живых картинках хорингов в Хадасе. Только там они не прыгали с исполинских деревьев — картинки рассказывали о нападении тройки вампиров на лошадь, и о танце, смысл которого от меня ускользал.

Два других вампира приземлились невдалеке и бросились ко мне. Интересно, они всегда нападают тройками?

Люди о вампирах болтают всякое, но в большинстве своем это выдумки. Начнем с того, что это никакие не ожившие мертвецы, а существа из плоти и крови. Которые кровью и питаются, только не своей. Эдакие гигантские ненасытные комары. Унди мне о них когда-то рассказывал, даже не знаю зачем. Именно он научил меня не бояться вампиров. Вернее, бояться не больше, чем, скажем, диких карс. Или не больше, чем других оборотней.

Ветер всхрипнул и оскалил зубы. Я коротким расчетливым движением сбросил с него двумех и сумку. Отобьется. С такими подковами, как у него, можно от стаи вулхов отбиться... некоторое время.

Первый вампир зашипел, приседая, и вдруг швырнул в меня маленький огненный шарик. Я был не готов и потому не успел увернуться. Шарик коснулся магической куртки и с тихим хлопком исчез. Слабый запах паленой кожи толкнулся в ноздри, но тотчас же растворился в нахлынувшей волне запахов степи.

И еще я вдруг остро почувствовал, что здесь не обходится без магии.

Еще два шарика полетели в меня; один отразила хорингская одежда, а второй задел кисть левой руки. Тьма! Я вскрикнул от острой боли — ладонь словно огнем опалило. Шарик был горяч, как головешка.

Коротко тренькнула арбалетная тетива; ближний вампир проворно нырнул, уходя от стрелы, к самой траве. И тут же из травы, из самой гущи на него сиганул взъерошенный темный клубок, похожий на разъяренного ежа или на ожившую вязанку хвороста.

Корняга! Вот это смельчак. Хотя, что ему бояться вампиров — крови у него не хватит, чтоб насытить захудалого комаришку, не то что эту троицу. Но обожженная рука сразу же подсказала мне: есть Корняге чего бояться. Горячих шариков. Огня врунишка-пень боялся панически, и я его прекрасно понимал. Ведь несмотря на сходство с людьми, он оставался во многом деревом, а у деревьев нет злее врага, чем огонь.

На второго вампира набросилась тенью возникшая из травы карса. Настроение у меня резко повысилось, и я, выпустив еще одну стрелу, от которой третий летун увернулся, достал левой, поврежденной рукой ыплькитет. Поглядим, сумеешь ли увернуться от этого!

Костяное кольцо, к которому были привязаны восемь крепких шнурков с грузиками-камешками на концах, удобно легло в ладонь. Арбалет я пока бросил.

Судя по всему, у карсы дела пошли великолепно, она даже не шипела, противник же ее верещал, как пойманный заяц. Что с Корнягой, я разобраться не успел, некогда было.

Диковинным пауком раскрутился ыплькитет и, хаотично рыская из стороны в сторону, прыгнул к вампиру. Тот бестолково дернулся направо-налево, но потерял драгоценные секунды, и кольцо коснулось его, а грузики на шнурках вмиг оплели-спеленали, будто младенца. Вампир, не в силах пошевелить ни руками, ни ногами, неловко рухнул на траву. К моему удивлению, он молчал.

Со вторым карса уже разделалась. Острый запах свежей крови опьянил даже меня. На то, что осталось от вампира, у меня не возникло желания смотреть.

А вот пню пришлось туго. Проворный, как ласка, противник быстро стряхнул с себя Корнягу, отпрыгнул на шаг и метнул прямо в переплетение сучков-корешков огненный шарик. И сейчас Корняга горел, как полено в костре, вопя при этом на всю округу.

Ругаясь, как настоящий рив, я склонился над двумехом, выгребая оттуда содержимое. Вот и фляга; вышибив деревянную пробку, я опрокинул ее над несчастным Корнягой. Вода полилась из горлышка, огонь зашипел, и несколько клубов едкого дыма пыхнули от пенька во все стороны. Тряся флягу как погремушку я заставлял воду рассыпаться в мелкий дождь. Но вскоре вода иссякла. Тогда я схватил шкуру, в которую были завернуты ножны Опережающего, и с размаху набросил ее на Корнягу. Потом навалился сверху и принялся колотить-хлопать по шкуре руками, надеясь сбить пламя.

Слава динне-хранительнице, мне это удалось, и достаточно быстро. Корняга перестал вопить непрерывно, появились паузы и осмысленные проклятия вместо ничего не значащего крика чистой боли. Гляди-ка: деревяшка-деревяшкой, а чувствительный!

«Станешь чувствительным — в пламени-то!» — возразил я сам себе, и боль в обожженной ладони немедленно проснулась. Как всегда, в горячке я о боли позабыл, но стоило справиться с главными неприятностями, как она тут же напомнила о себе.

Так. Что вампир? Вампир удирал, смешно задирая голенастые ноги. Видно, понял, что добыча не по зубам. Ну и ладно. Тогда поглядим, что там с пленным. И что, собственно, теперь с ним делать.

Я прошел мимо разбросанных вещей и припасов, мимо наполовину опустошенного в поисках фляги двумеха, мимо оружейной сумки; споткнулся о скрытые в траве ножны. Ладно, сейчас гляну, как это отродье, свяжу покрепче и все-все подберу.

Карса, недобро и хищно шурясь, слонялась около еле живого от страха пленника. Ее длинный хвост нервно хлестал рыжие бока. Как-то сразу отпали сомнения относительно чувств, которые милая Тури испытывала к пойманному вампиру.

Я уже почти связал его, когда тревожное ржание Ветра заставило меня обернуться.

Крылатая тень скользнула к самой земле, подобрала из травы что-то продолговатое и косо скользнула прочь, медленно-медленно набирая против ветра высоту. Будто детский воздушный змей.

Вот джерховы создания! Никак не угомонятся! Нет, нужно убираться из-под дерева подобру-поздорову, и остальные обходить подальше. Ну их, этих кровососов. Навалятся кучей и одолеют, пожалуй. Сколько их там, в ветвях? Сотня? Не знаю и знать не хочу.

Я споро собрал в двухмех все, что недавно вытряхнул, посадил ошалевшего и черного от сажи Корнягу в седло, перевалил связанного по-новому пленника, прихватив его ремешками, и хлопнул Ветра по лоснящемуся крупу.

И только потом сообразил, что не вижу более валяющихся в траве ножен.

Я медленно выпрямился и поглядел вослед летящему вампиру. Даже на таком расстоянии я разглядел то продолговатое, которое вор прижимал к груди.

Вот так. Как же теперь без Опережающего-то?

Я растерянно поглядел на карсу. Она — на меня. И в тот же миг я понял, что на меня смотрит не карса, а Тури. Не зверь, но человек в теле зверя.

«Что делать?»

«Догонять!»

«Как?»

«Быстро!»

Карса возмущенно фыркнула, словно удивлялась — как я не понимаю таких простых вещей. А потом разверну-

лась и мягкими стелющимися прыжками помчалась вслед вампиру.

«Клянусь чем угодно — летают эти твари тоже благодаря магии. Я еще могу понять, что, прыгнув с немыслимой высоты, они в состоянии приземлиться целыми и невредимыми, но как им удастся взлететь на такую же высоту — не понимаю. Невозможно это. Белки-летяги, во всяком случае, этого не умеют».

Я догнал Ветра, отбежавшего совсем недалеко, с ходу вскочил в седло и пустил коня отчаянным галопом. Вампир успел превратиться в маленький темный крестик на фоне светлого меарского неба. Тянул он к соседнему дереву, такому же чудовищному зонтику посреди бескрайней степи.

Я видел: летун приблизился к плоской кроне и сразу затерялся среди ветвей. Сумеем ли мы его там настичь? Наверху, в его родной стихии? Если да — то как именно. И еще задумался: так ли уж необходим нам с Тури этот меч?

Ответ пришел тут же, подобно падающей из тяжелых дождевых туч первой капле, предвестнице неистового ливня. Он был прост, как устройство арбалета, и столь же недвусмысленен.

В У-Наринне нам нечего делать без Опережающего. Там необычайно важна будет сильная магия, а наш необычный меч — такая сила, что и представить не получается. И это при том, что я последние дни стал чувствовать магию куда отчетливее, чем раньше.

Я даже ощутил смутный гнев Лю, посылаемый мне откуда-то издалека. Да как я вообще посмел подумать, что меч нам не нужен?

Смутившись, я хлестнул Ветра между ушей, и он рванулся вперед еще быстрее. Как-как... Подумал, вот. Посмел. А ты, чародей, обещал появиться, помнится... и где ты? А?

Впрочем, гнев Лю я мог просто придумать. Где это видно, чтоб посылать чувства, словно наговор, за ветром?

Я увидел, как карса с разбегу прыгнула на шершавый ствол дерева-гиганта, вцепилась когтями в морщинистую кору и стала стремительно карабкаться вверх.

Я так определенно не умел. Вот, Тьма, что делать-то? Как помочь отважной спутнице? Сожрут ведь ее эти упыри на верхотуре. Или вниз сбросят — тоже смерть верная. Невезение просто!

Я отогнал Ветра подальше, а сам бестолково топтался у подножия дерева. Карса уже достигла первых ветвей и скрылась из виду.

Вскореверху раздался далекий шум, и я углядел облачко сухих листьев, осыпавшееся с нижних ветвей. Потом раздался знакомый неистовый мяв. Карса явно ввязалась в драку. Ну, киса, ну, давай! Все, что я могу сделать, это пожелать тебе удачи!

В тот же миг я увидел, как с дерева что-то упало. Может быть, сук, а может быть...

Задрав голову, я всматривался до рези в глазах. Скорее туда, куда упадет эта штуковина!

Следом за ней пикировали, как коршуны на добычу, с десяток вампиров. Рука привычно нашарила хадасский кинжал, а сам я снова забыл о боли в обожженной кисти.

Конечно, это оказались ножны. Целые и невредимые. Они упали в траву с глухим стуком, глубоко впечатавшись в рыхлую землю. Лишь подбежав поближе, я понял, что немножечко ошибся. Не ножны. Точнее, не только ножны. Потому что раньше всего я заметил ребристую рукоять клинка с затейливо изогнутой гардой. Кинжал я поспешно сунул за пояс, левой рукой подхватил ножны, а правой рванул меч на свободу. Узкий, тускло мерцающий металл радостно отразил свет Меара. Я взглянул вверх и засмеялся. Эй, нечисть! Давайте сюда! Навстречу гибели. Потому что Опережающий уже завел Песнь Смерти — я слышу ее, хотя не понимаю слов. Наверное, их поняли бы хоринги или Унди Мышатник. Я же их только слышу, потому что не знаю так много,

как Старшие или как мой учитель. Всего лишь слышу. И чувствую каждой частичкой своей нечеловеческой души.

Вампиры один за другим стали раскрывать крылья-перепонки, замедляя падение. Клинок в моих руках продолжал петь.

Я стал быстрым, как в тот давний день, когда доказывал, что достоин быть принятым в цех телохранителей Торнхольма. Клинок точно так же превратился в продолжение моей руки — в разящий коготь, подвластный моему разуму и моим желаниям.

Первого вампира я попросту разрубил пополам в высоком прыжке. Клинок прошел сквозь плоть, словно нож сквозь масло, а тонкие полые кости перерубил без всякого труда. Снова запахло кровью.

Второго я лишь задел, но кровью сразу запахло сильнее. Остальные, наклонив крылья-перепонки, разлетелись веером, пытаюсь избежать знакомства с Опережающим. Я перебежал на новое место, потому что трава под ногами стала скользкой. И рубанул еще одного летуна, начисто снеся ему голову. А в следующий миг презрительная усмешка коснулась моих губ.

Стервятники! Остальные вампиры кинулись на пострадавших собратьев — второй был еще жив, просто упал наземь. Ко мне они сразу же потеряли всякий интерес. А я переполнился презрением. Потому что вулх никогда так, как они, не поступит. А значит, и я тоже.

Не подумайте, будто я образец добродетели. Я — наемник. И торгаш. Но даже мне нравы вампиров показались низменными и противными.

В следующую секунду далеко вверху прекратилась шумная возня; еще одна стайка вампиров поспешила на возникший внизу пир. А еще спустя какое-то время я увидел на стволе осторожно спускающуюся карсу. Она скользила вниз, косясь через плечо, куда медленнее, чем карабкалась вверх совсем недавно.

Жива! Молодчага Тури! Сколько раз уже я хвалил тебя за время нашего пути? И не сосчитаешь.

Она прыгнула на землю с высоты двух моих ростов. Рыжая шерсть была пропитана кровью, на теле и лапах атели свежие царапины. Ей явно досталось там, наверху, но глаза карсы горели безумием и жаждой боя. Она выгнула спину и зашипела, обратив взор в сторону беспорядочной свалки у безжизненных тел в траве.

— Не стоит, Тури, — убежденно сказал я. — Поединок с трусами не сделает тебе чести. А меч наш снова с нами!

Я воздел над головой победно горящий клинок.

— Пойдем! Нас ждет Каменный лес!

На свист с готовностью явился умница-Ветер. Опаленный Корняга тихонько сидел там, где я его оставил, поверх двумеха. Связанный, как куколка шелкопряда, пленник — тоже, только он не сидел, а висел поперек крупа Ветра и еле слышно попискивал, словно летучая мышь. Я взлетел в седло и поманил карсу. Та послушно оттолкнулась и вмиг оказалась рядом со мной. Пусть отдохнет. А Ветер выдержит всех нас. Как говаривал старина Унди: «Добрый скакун вынесет и десятерых. Но будет скакать в десять раз медленнее».

Деревья-зонтики Ветер старательно огибал, и не могу сказать, что повинуюсь лишь моим сигналам. Кажется, он сам все прекрасно понимал. Тьма, я не удивился бы, если б узнал, что в нем тоже живет чья-то мятущаяся душа.

На самом краю равнины, на дне первого из вгрызшихся в отлогий склон оврагов, я нашел шустрый чистый ручей. И задержался около него.

Корняга сразу же забрел чуть не по самое дупло в воду и блаженно замер; я подозвал карсу и промыл ее раны. Джерх знает этих вампиров, мало ли дряни могут таить их укусы. А до пересвета еще порядком, лучше не рисковать. Карса покорно вынесла мои заботы, потом отошла в сторону и принялась яростно вылизываться. А я наполнил флягу доверху и проследил, чтоб напился немного остывший Ветер.

Клинок я с сожалением всадил в ножны и завернул в пахнущую гарью шкуру, спасительницу Корняги. С сожалением, потому что знал: вскоре ножны вновь окажутся пустыми. До той поры, пока мне опять не понадобится меч. Но найду я его не обязательно в ножнах. Я, или Тури, моя храбрая рыжая спутница. Рыжая и синим днем, и красным.

Я бы полжизни отдал за то, чтобы встретиться с тобой, Тури, не на несколько минут, а хотя бы на несколько кругов.

Потому что вдруг понял: посреди своего одиночества я много раз мечтал именно о тебе. А встретив, выяснил, что быть вместе нам не суждено. Если бы не приближение Смутных дней, я даже не узнал бы, как ты выглядишь.

Но, может быть, со мной останется хотя бы карса. Все ж лучше, чем вовсе никого.

Я вздохнул и отогнал посторонние мысли. Хватит, Одинец! Вот доберетесь до У-Наринны, получишь память, осядешь где-нибудь в Лиспенсе снова, или еще где, тогда и станешь сопли распускать. А сейчас займись-ка лучше пленником, потому что в пути он тебе только обуза. Выйдет ли из него какой толк?

Я стащил его, как куль с мукой, с седла и швырнул в траву. Вампир коротко ойкнул.

— Ну, отродье? — спросил я с нажимом. — Что мне с тобой делать?

Вампир взглянул на меня; его выпуклые, совершенно нечеловеческие глаза пугали. Я тоже вздрогнул. Вот, Тьма! Какая бездна породила вас, кровососы?

— Зачем вы пытались украсть меч, а, уродина? Кто вас послал? Отвечай, джерхова сыть, не то вспорю брюхо и заставлю свою же кровь пить!

Вампир неловко дернулся и произнес всего одно слово:

— С-седракс-с...

Я вздрогнул. Седракс! Где-то я уже слышал это. Седракс... Это имя, кажется. Но где я его слышал?

Точно — уже на пути к У-Наринне. В Запретном городе от несчастного раба? Нет. А, наверное, от хорингов на перевале! Точно. Иланд тогда сказал что-то вроде: «Откуда у Седракса вещи работы хорингов?» Или это был не Иланд, а второй? Как бишь его... Ви... Винер. Или Винор. Хотя, какая теперь разница?

Я напрягся, вспоминая, но больше ничего не отозвалось у меня в памяти. Только то, что тогда меня приняли за посланца Седракса и попытались убить.

Теперь меня пытались убить настоящие посланцы Седракса. Ну, может, не убить, а утащить у меня меч.

Я задумался. Так-так. По всему выходит, что Седракс, как и Лю-чародей, стремится в У-Наринну. Теперь понятно возмущение Лю, когда я мельком задумался: а нам вообще нужен ли меч?

Нужен. Если за него уже началась мелкая драка — нужен. И то, что драка мелкая, ни в коем случае не должно усыплять мою бдительность: важные поступки и события всегда стараются замаскировать под малозначащие и пустячные. Знаем, сталкивались.

Я снова встряхнул вампира, но в ближайшее время сумел еще дважды вытряхнуть из него слово «Седракс» и больше ничего. Тогда я подумал, развязал его и основательно напощал сапогом под зад.

— Проваливай, тварь. Я не стану тебя убивать — вулх падалью не питается. А хозяину своему передай: и его черед настанет.

Вампир поспешно разбежался, расправил крылья и попытался взлететь, но не смог. Наверное, крылья затекли от неподвижности. Так он и скрылся из виду, бегом, направляясь в сторону равнины зонтичных деревьев.

Я вернулся к спутникам. Корняга все мок в ручье; карса, опустив голову на лапы и закрыв глаза, замерла у воды.

— Эй, пень! — позвал я. — Ты как? Жить будешь?

— Буду, — жалобно отозвался Корняга. — Вот, отмокну — авось кора новая нарастет.

— Есть хочешь? — спросил я.

Корняга немедленно оживился:

— Да! Это поможет мне выздороветь.

Я развел руками:

— А есть-то нечего.

Корняга сник. М-да. Издевательски у меня получилось...

— Ладно. — Я извлек арбалет. — Побудьте тут. Чуть что — ори. Усек?

— Усек!

Я спустился ниже по течению ручья, нашел подходящую промоину и затаился. Не может же быть, чтоб в ручье не водилась рыба?

Рыба водилась — не то форель, не то куспица. Нечто среднее. Первую я подбил довольно быстро, но одной рыбины на всех было мало. Пришлось караулить дальше.

В общем, рыбалка заняла у меня довольно много времени. Когда я вернулся с увесистым куканом, на который было насажено полтора десятка рыбин, Меар уже изрядно склонился к горизонту. И я вдруг почувствовал, что порядком устал и порядком проголодался. Наверное, не буду я никуда дергаться до самого пересвета. Карса превратится в Тури, ее раны и усталость пройдут, да и моя лапа болеть перестанет, зараза.

Едва я развел костер, Корняга выполз из реки и устроился поодаль, не слишком приближаясь к пламени.

— Рыбу любишь? — спросил я на всякий случай.

— Конечно! — ответил Корняга. — Особливо жареную.

— Жареной не обещаю, — хмыкнул я, — а печеная будет!

Карса тоже оживилась и подобралась поближе, выражая всем своим видом живейший интерес.

— Может, ты сырую любишь? — обратился я к ней.

Карса утробно заурчала. Тогда я бросил ей самую мелкую рыбешку, лишь чуть-чуть превышающую по длине мою ла-

донь. Рыбешка была слопана за несколько мгновений, а спутница моя снова уставилась на меня. Весьма требовательно.

— Ах ты, киса! — Я потрепал ее по загривку. — Ешь! Заслужила.

Я скормил ей чуть не половину улова. Остальных рыб обмазал глиной, посолил и натер пряностями, и закопал в жар.

Насытившись, я откинулся на теплую землю. Корняга, сожравший целых три форели (или куспицы), тоже подобрел и обрел благодушное настроение. Тури отведала и печеной рыбы, но ее, кажется, не слишком вдохновили приправы.

А потом я вдруг подумал, что отпущенный вампир может навести на меня Седракса и его свору. Надо бы все же убраться с этого места подобру-поздорову. Предчувствиям следует доверять.

И я быстро собрался. Посадил Корнягу на плечо, подмигнул карсе и направил Ветра вдоль оврага.

— Послушай, пень, — сказал я. — Передай Тури вот что: некто по имени Седракс пытается нам помешать. Он хотел похитить наш меч, но сегодня у него ничего не вышло. Пусть Тури будет вдвойне осторожна и внимательна.

— Ладно, — скрипнул пенек. — Передам.

— Передай уж, будь добр, — вздохнул я и подумал, что хорошо было бы поговорить с Лю. Но поди его отыщи!

Овраг кончился, и Ветер свернул направо. Впереди, над самым горизонтом висел густо-синий вечерний Меар. Я уже чувствовал близость превращения, баюкая обожженную ладонь. Карса, словно предвидя неизбежную, но (хвала небесам!) недолгую встречу с вулхом, убралась куда-то в сторону.

Когда тело свело первой судорогой, я упал с коня и еще успел разглядеть край встающего на востоке Четтана. Лучи двух солнц перекрещивались, синий и красный свет сливались в единый, лиловый, и последнее, что я запомнил перед превращением, — странная темно-фиолетовая тень. Моя тень.

ГЛАВА 21

Четтан, день одиннадцатый

Острый запах свежей крови бросился мне в голову. Но вместо того, чтобы опьянить, он меня отрезвил. Мир, пронизанный ослепительно синим светом Меара, стал преувеличенно четким, словно гравюра.

Я опустила глаза на тело, искромсанное в клочья моими когтями. Когда-то, давным-давно — всего лишь десять красных дней назад — я точно так же стояла над трупами, которые были отмечены следами от когтей карсы. Тогда мне хватило нескольких секунд этого зрелища, чтобы мое человеческое тело пожелало расстаться с содержимым желудка.

Мое звериное тело подобных слабостей не знало. Видать, нужно кое-что посильнее, чем вид растерзанного врага, чтобы карсе стало дурно. Лохань пива, например. Ну что ж, это вполне резонно. Дикая карса убивает почти ежедневно — чтобы жить. У тела есть свой разум, как ни бредово это звучит. Тело карсы считало, что истекающий кровью труп под лапами — это нормально. И мое сознание в его меарском варианте было согласно с телом.

Кроме того, это был не человеческий труп.

Только что в жарком опьянении схватки я ломала лапами хрупкие кости твари, рвала когтями и зубами жесткую плоть, уворачивалась от острых и длинных клыков, превосходящих мои собственные, а еще — от клубков магического огня, которыми существо пыталось выжечь мне глаза. Мне некогда было рассматривать противника. А теперь по кровавому месиву, которое от него осталось, было бесполезно гадать, как он выглядел.

Я сердито зашипела. И повернулась туда, откуда еще доносились крики боя.

Я увидела крылатое существо, тело которого напоминало человеческое — только на несуразно длинных руках у него

было по два локтя, а на длинных и тощих ногах — по две коленки. Остроухая и покрытая шерстью голова с огромными вытаращенными глазами, в которых были почти незаметны точки зрачков, сидела на очень короткой шее. Тьма, до чего же мерзкая тварь!

— Получи, вампир поганый! — заорал Одинец.

Из его руки вырвалось что-то непонятное, словно бы живое. Я моргнула. Странная штуковина рыскала на лету из стороны в сторону, так что нельзя было угадать, куда она метит. Я с трудом сообразила, что это то самое неизвестное мне оружие, над которым я ломала голову еще у старой мельницы на берегу Юбена. Ага, значит, Одинец умеет с ним обращаться.

Вампир задергался, как карась на крючке, и запищал невероятно тонко и пронзительно. Вряд ли человеческое ухо способно услышать такие звуки. В следующий миг летящая штуковина обрушилась на него, опутывая веревками, и вампир свалился на траву.

Я шагнула к нему. Тут же по моим нервам ударили одновременно дикий крик Корняги и запах горящего дерева. Одинец, лишь мельком глянув на подбитого диковинным оружием вампира, бросился на помощь Корняге. Я ощутила теплую волну симпатии к анхайру. Правильно! Рванулся сначала помочь своему, вместо того чтобы добить чужого. Добрый он все-таки чело... оборотень. Впрочем, я бы, наверное, сделала так же.

Вампир дернулся и напрягся всем телом. Я вдруг учуяла новый необычный запах, не похожий ни на один из известных мне. Прошло, наверное, с полминуты, прежде чем меня осенила догадка. Вампир колдовал. Я почувствовала запах магии.

Ах ты ж, дрянь вонючая! Я грозно зарычала, склоняясь над ним. Вампир задрожал и обмяк всем телом, как мокрая тряпка. Запах магии исчез. Я довольно улыбнулась, что со стороны, надо полагать, выглядело как великолепный уст-

рашающий оскал. Вампир затынул глаза тонкой пленочкой и даже дышать перестал.

Пока Одинец поливал Корнягу водой, а потом сбивал пламя, не переставая вдохновенно ругаться, я прохаживалась рядом с пленником. Каждый раз, когда он пытался колдовать, я грозно взрыкивала.

Вампиры оказались совсем не такими, какими я их себе представляла. Честно говоря, раньше я думала, что именно так должны выглядеть демоны... Мне стало задним числом стыдно перед демоном с Неспящей башни. Хотя чего мне стыдиться, если я прежде никогда не видела ни демонов, ни вампиров? Теперь-то я знаю, что демон — существо, исполненное достоинства, хоть и выглядит так, словно с него живьем ободрали кожу. А вампиры — мерзость вонючая, что-то вроде крыс размером с человека. И хотя и демоны, и вампиры способны летать, ничего общего между ними нет. Люди все валят в кучу по незнанию, и я когда-то поступала так же. Путь к У-Наринне научил меня смотреть на мир иначе.

Появился Одинец, от которого исходил едкий запах дыма. Бедный Корняга! Завтра, когда смогу разговаривать, спрошу — не нужно ли ему каких лечебных трав. Анхайр одобрительно кивнул мне и принялся связывать пленника какими-то особыми узлами. А я перевела взгляд на дерево, под которым разыгралась короткая стычка с вампирами.

Дерево было высоты невероятной. Голый, лишенный веток ствол уходил ввысь, наверное, на десяток человеческих ростов и только там разворачивался в плоскую, как шляпка гриба, крону. Я чуть не свернула себе шею, пытаясь разглядеть, что происходит наверху. Но Меар слепил мне глаза, и я быстро оставила попытки — разобрала только, что вампиры кишат в кроне, как вши в бороде Чистого брата. Гнездо у них там, что ли?

Тревожно заржал Ветер. Я оторвала взгляд от дерева и обернулась.

Расправив черные крылья и сложив ноги в обеих коленках, вампир медленно поднимался от земли. Джерх его знает, как он взлетел, я пропустила этот момент. Но летел он не как птица, не как бабочка и даже не как летучая мышь. Скорее, планировал, как падающий лист — только почему-то не вниз, а вверх. Наверное, ловил воздушные токи. Или магией пользовался.

Меня сразу перестало интересовать, каким образом вампиры летают, когда я увидела, что держит эта тварь в своих многосуставчатых лапах.

Тьма! Одинец, куда ты смотришь! Он же ножны попер, с-скотина! Что же нам теперь делать?

Я растерянно мяукнула. Одновременно со мной Одинец ахнул и схватился за нож. Но вампира уже было не достать. Анхайр посмотрел на меня. «Что делать?!» — ясно говорил его взгляд. И я вдруг поняла что. Человеку, ясен пень, на такое дерево не взобраться. А вот карсе... Ох, не хочу... Я вздохнула. Получилось больше похоже на фырканье.

Вампир поднимался вверх по невидимому склону, направляясь к соседнему гигантскому дереву. Я отбросила сомнения и длинными прыжками устребилась туда же.

Мне удалось с разбега запрыгнуть на высоту двух-трех своих ростов. Вниз я не смотрела. Я просто дала волю звериному телу, положившись на здоровые кошачьи инстинкты. Прочная шершавая кора, вся в крупных морщинах, давала отличную опору когтям. Я поняла, что взобралась уже высоко, когда меня стали обдувать неравномерные порывы ветра. Шерсть у меня на загривке встала дыбом.

Наконец я добралась до первой ветви. Она оказалась толщиной со взрослый дуб, так что по ней можно было прогуливаться вдоль и поперек. Может, я бы и прогулялась — если бы влезла сюда для собственного удовольствия. Высота меня ничуть не тревожила. Надо сказать, крепкие карсьи когти сильно меняют восприятие мира. Человеку этого не понять. Анхайру, впрочем, тоже.

Я быстро взобралась по стволу до следующей ветви. И тут внутреннее чутье заставило меня поднять голову.

Сразу два вампира метили в меня огненными шариками. А третий, прижимая одной рукой к груди ножны — наши ножны от нашего меча, Тьма побери! — распластался на стволе и по-паучьи ловко лез вверх. Хвала Близнецам, я не успела задуматься, что делать раньше — ловить похитителя или уворачиваться от шариков. Я прыгнула.

Я взвилась в воздух с ветки, вытянувшись всем телом и замахаясь лапой в прыжке. Так кошки ловят в воздухе бабочек. Ползущий по стволу вампир пронзительно запищал, когда я вцепилась когтями ему в лодыжку, и сорвался с места. Я приземлилась на ветку, и легкое жилистое тело вампира рухнуло мне на голову, закрыв меня крыльями.

Огненные шарики угодили ему как раз в крылья. Запахло паленой кожей. Вампир дернулся и только теперь вырвал ножны. Они соскользнули с ветки и, кувыркаясь, полетели вниз. Вампир, изловчившись, вцепился мне в ухо. Я завопила и яростно заработала зубами и когтями.

На нас спикировали еще несколько тел. Мой вопль боли превратился в боевой клич.

Пьянящий азарт схватки смыл прочь мой человеческий рассудок.

Краешек Четтана выполз из-за горизонта, и красное зарево разлилось над миром. Но запад еще пылал синим, и ослепительно яркая полоска Меара висела над краем земли. Смутные дни! Думала ли я когда-нибудь прежде, что увижу на небе одновременно два солнца? Я и Меар-то не надеялась увидеть... Я нервно мурлыкнула и облизнула усы.

Кстати, вот сейчас совершенно отчетливо видно, что именно Меар держит меня в шкуре зверя. Потому что сейчас, когда оба Близнеца смотрят на мир, я — зверь. А во Тьме, равно как и под взглядом одинокого Четтана, — человек.

Синее солнце сползло за горизонт. Я почувствовала, как стремительно распрямляется мой позвоночник, будто осво-

божденная пружина. Грудь вспыхнула внутренним жаром, в ушах зашумело, а перед глазами встала горячая красная пелена. Закон оборотня безжалостно расплавил мое тело, чтобы отлить его в новой форме.

Когда я снова увидела окружающий мир, огненный шар Четтана уже оторвался от горизонта и всплыл в небо. Мне вдруг стало обидно. Глупо, по-детски — и главное, непонятно на кого. Тьма и Тьма! Это что же получается — обещанного Лю-чародеем синего восхода я пока не видела, а теперь и на родной красный посмотреть не могу?! То есть, конечно, хрен с ним, с восходом — но ведь обидно!

Усмехаясь собственным глупым мыслям, я медленно пошла туда, где на фоне утреннего неба рисовался силуэт коня. Жесткая пыльная трава покалывала босые ноги.

Правильно, что оборотень встречает восход нагим. В городе я об этом не думала. И люди этого не знают. Нагота помогает осознать себя и свое место в мире. А человек боится окружающего мира. Человек всеми доступными способами отгораживается от него, одеждой — в том числе. Конечно, страшно остаться наедине с миром и заглянуть в свою душу. Страшно, потому что там может не оказаться ничего стоящего, а один лишь ненужный хлам. Но только тот, кто преодолеет страх, в конце концов найдет себя — истинного.

Осторожно ступая, я подошла к Ветру и погладила его по теплой щеке.

— Устал? — ласково спросила я. — Ничего, теперь уже скоро. Совсем немного осталось.

Ветер недоверчиво скосил на меня карий глаз.

Темное небо! Я вдруг услышала свои слова со стороны, и меня как громом шарахнуло. Скоро? Немного осталось?! Да ни хрена у нас не осталось — в смысле времени. А расстояния, наоборот, еще до хрена! Сегодня одиннадцатый день пути — считая только красные дни. А чародей велел мне быть в Каменном лесу на двенадцатый. То есть завтра. Тьма!

Я постаралась взять себя в руки. Спокойнее, Тури. Не может быть, чтобы хитрый старикашка Лю так оплошал. Наверняка до прихода Ночи осталось не два дня, а больше. Чую всеми печенками, что хотя бы один день колдун в запасе приберег. А нам назвал срок поменьше, чтобы двигались побыстрее. Ну в общем-то я его понимаю — если дела на самом деле обстоят именно так, как мне кажется. А если нет...

Мы с Одинцом должны пройти еще две вехи. Должны разбудить стихии земли и железа, иначе стражи Каменного леса не признают в нас Идущих. Так говорил мне умирающий хоринг, с которым меня теперь связывает невидимая нить. Он не мог мне солгать. Но тот же хоринг ни словом не обмолвился про Сунарру, город сошедших с пути. Почему?

Почему, описывая мне дорогу от одного путеводного Знака до другого, он не упомянул, например, реку из неводы?

Кажется, я знала ответ. Ответ звучал так по-обыденному просто, что наверняка был правдой. Даже не правдой, а великой истиной.

У каждого свой путь в У-Наринну.

Вчера у меня смутно забрезжила эта догадка, когда я размышляла о нашем с Одинцом совместном пути, который иногда расходится, а потом сходится вновь. Но вчера я не сумела продлить эту мысль до конца. Ну что же, моя ошибка простительна — ведь даже древние мудрые хоринги считают свою дорогу единственной.

Хоринги идут одним путем. Люди, надо полагать, другим. Мы, оборотни, третьим. Так?

Я смутно чувствовала, что мысль еще не закончена. Но мои способности к рассуждениям явно выдохлись. Ладно, великие истины тем и хороши, что мысли о них можно отложить, а потом продолжить с той же точки — истины не стареют. Когда-нибудь я додумаю и эту мысль, и следую-

шую. Потом. После. Когда дойдем. И если выживем в схватке у Трона.

Я подняла смятую одежду, из складок которой уже успело выветриться тепло тела анхайра. Думаешь ли ты о подобных вещах, мой верный спутник? Наверняка. Путь заставляет задуматься. А еще — опять-таки наверняка — твои мысли не совпадают с моими, просто потому что мы разные. Вот бы нам поговорить обо всем!..

Мда-а, надо будет на этом пересвете хоть парой фраз перекинуться. О насущных проблемах.

И, когда я уже собралась запрыгивать в седло, меня вдруг осенило. А ведь Лю-чародей, как я и полагала в самом начале путешествия, тоже идет в У-Наринну! Идет вроде бы с нами вместе, но отдельно. Своим, особым, чародейским путем. Ах ты ж Тьма! Интересно, какие препятствия и какие вехи встречаются на пути чародеев?

Мысль, невесомая как паутинка, прилетела издалека и коснулась моего разума. Мысль несла одобрение: «Молодец, девочка! Думай дальше».

Я не успела удивиться, что слышу мысли колдуна, да еще невесть на каком расстоянии. Горячая волна гнева окатила меня от макушки до пяток.

Пшел вон из моей головы, джерхов старикашка! Да как ты смеешь подслушивать? Мало ли о чем я думаю? Это мое дело, мое лично, и никаких поганных колдунов не касается. Лезть без спроса в мысли женщины — это еще хуже, чем в постель. Уж кого-кого, а тебя, старый пень, я ни туда, ни туда не приглашала. Уразумел? Проваливай немедленно, а не то мысленные когти выпущу!

Лю мерзко хихикнул, и ощущение его присутствия в моих мыслях растаяло.

Продолжая кипеть от злости, я неуклюже взгромоздилась в седло, не глядя пересадила обгорелого Корнягу с крупа коня себе на плечо и пнула Ветра пятками в бока.

Жеребец послушно двинулся вперед. Тотчас откуда-то из-за невысокого холмика возник вулх и затрусил рядом.

— Знаешь, Одинец, этот чародей — такая скотина! — сердито поделилась я.

Анхайр молча глянул на меня, и на морде у него было написано своеобычное «Ну, извини». Почему-то меня это разозлило. Хотя чего я, собственно, ждала?

— И ты, серый брат, скотина изрядная, — мрачно заметила я. Помолчала и со вздохом добавила: — Я, впрочем, тоже.

Одинец бросил на меня странно веселый взгляд, и — Тьма! — я вдруг поняла, что он хочет сказать.

«А другие в У-Наринну не ходят», — говорил взгляд анхайра.

Я расхохоталась. Джерх с ним со всем, в самом деле. Нельзя все принимать так близко к сердцу. Как говаривал старина Унди Мышатник, только покойник обязан быть серьезным. И то лишь до тех пор, пока не закопают.

Вороной жеребец бодро мчал меня вперед по равнине, изрезанной оврагами. Утренний Четтан приятно грел спину. Наша дорога снова лежала на запад.

Я с интересом осматривалась по сторонам. С тех пор как мы пересекли Запретную реку, наш путь каждый день пролегал по новой местности. Леса чередовались с пустошами, равнины с горами, реки с ущельями... Как будто мы смотрели на мир с ярмарочной карусели. В обыкновенном путешествии так не бывает, это я знаю точно. Мне рассказывал двоюродный брат Беша, караванщик Занта, который исходил обитаемые земли от Плиглекса на западе до Запредельного княжества на востоке, от варварских поселений на севере до Латского моря на юге.

Если, к примеру, двигаться от Айетота на юго-восток, то сначала несколько дней тянутся холмистые равнины, поросшие редким лесом. Потом они постепенно сменяются травянистыми степями. День за днем караванные мулы бредут

по уныло-однообразным равнинам, и путешественникам начинает казаться, что они и не движутся вовсе. Потом снова появляются небольшие рощицы — это значит, что караван вскоре придет в Хадас.

Эту дорогу вместе с караваном Занты я когда-то проделала сама, сопровождая Беша. Занта не врал, рассказывая мне о ней. Да и вообще, когда люди врут, они приукрашивают действительность. Изображают скучное — интересным, обыденное — невероятным. Поэтому я верила Занте, когда он говорил, что диковины в мире встречаются не чаще, чем орехи в джурайской булочке. И оттого стремительное чередование пейзажей на пути в У-Наринну не переставало меня удивлять.

А в последние дни нам стали попадаться совсем уж странные странности. Вроде этих гигантских деревьев, которые служат обиталищем вампирам. Вот уж никогда бы не подумала, что в нашем мире встречается и такое!

Хотя я ведь уже пришла к выводу, что сейчас мы движемся не по нашему миру. По какому-то иному... или по многим иным мирам. Хотя — что такое мир? Я знаю немало людей, искренне считающих миром пару кварталов айтиотских трущоб, за пределы которых они никогда не выбирались. А для меня, пожалуй, мир определяется солнцами. Здесь, в неведомых, насыщенных магией краях, нам по-прежнему светят горячий Четтан и ослепительный Меар. Значит, это мой мир. И точка.

Равнина стала постепенно повышаться. В жесткой траве появились обширные проплешины голой земли. А на горизонте обрисовались невысокие горы. Четтан припекал все сильнее.

За плечом у меня зашевелился и скрипуче застонал Корняга. Я в который уже раз отцепила от пояса флягу с водой и протянула ее корневику. Корняга жалобно забулькал остатками воды. Пенек страдал от ожогов. Он, правда, заверил меня, что ничего страшного не случилось и еще до синего урожая он

обрастет новой корой. Но я все равно от всей души сочувствовала корневику. Мне тоже вчера изрядно досталось в схватке с вампирами — но меня-то исцелил пересвет.

— Ох! — сказал вдруг Корняга. — Забыл. Совсем забыл. Прости, госпожа Тури. Одинец велел тебе передать, чтобы ты была вдвойне осторожна. Вампиры пытались похитить меч, потому что им так приказал некто по имени Седракс.

Я нахмурилась. Седракс? Это еще что за фигура?

— Больше он ничего не сказал?

— Не-а, — скрипнул Корняга. — Одинец вообще неразговорчивый. Он больше трех слов подряд говорит, только когда ругается.

Я хмыкнула. Описание дивно совпадало с тем представлением, которое сложилось об Одинце у меня самой. Мда-а... А ведь меня, наверное, тоже нельзя назвать болтливой. У меня с детства сложилась привычка вести длинные внутренние разговоры с собой, а с окружающими отделываться парой фраз. Я всегда предпочитала даже на вопросы по возможности отвечать жестами. Как заметил однажды Унди — и самое короткое слово удлиняет разговор.

— Ладно, помалкивай, — оборвала я Корнягу. — Мне твое мнение неинтересно.

Честно говоря, мне было как раз интересно. Но опыт общения с Корнягой научил меня, что, если его не ставить на место двадцать раз на дню, пенек влезет мне на голову и корешки свесит. Такая уж у него натура.

Корняга скрипуче вздохнул и протянул мне пустую флягу. Надо будет ее наполнить при первом же удобном случае.

Земля под копытами коня становилась все более твердой и каменистой. Трава исчезла почти совсем, только невзрачные бурые кустики торчали кое-где между камнями. Стали попадаться участки сплошного камня. Горы заметно приблизились.

В красном небе пылал Четтан. Раскаленный воздух над равниной подрагивал, и казалось, что горы висят в воздухе,

не касаясь подножиями земли. Я вздохнула. Кажется, слишком частая смена пейзажей тоже может навевать тоску. Скорее бы уже Каменный лес.

— Госпожа Тури, — снова подал голос страдающий пенек, — солнце сильно печет. Можно мне чем-нибудь укрыться? Мне тогда легче будет корой обрастать.

— Возьми из сумки лоскут кожи, — разрешила я, — в который Опережающий завернут. Сумеешь достать?

— А то! — самолюбиво скрипнул пенек.

Некоторое время позади меня что-то шуршало. Потом я почувствовала спиной и лопатками, как Корняга взбирается на прежнее место. Мне вдруг стало интересно, каким образом корневикам удастся обрастать новой корой. На вид Корняга — пенек пеньком. На настоящем пне, понятное дело, кора не нарастет. Потому что пень мертвый. Да, но корневик-то живой!

У живого дерева поврежденный ствол затягивается корой. Это нормально. Только ведь корневики совсем по-иному живые, чем деревья. В отличие от дерева, тот же самый Корняга с удовольствием мясо жрет и пивом запивает. Если дадут, конечно. То есть ведет себя как человек.

Выглядит как пень. Корой обрастает как дерево. Поступает как человек. Одно слово — нечисть! Джерх его знает, с какой меркой к нему подходить в каждом новом случае.

— Слышь, Корняга! — окликнула я корневика. — Ты же вроде из пня произошел? У пня кора высохшая. Как же ты новую отращаиваешь?

— Не знаю, — скрипуче отозвался Корняга. — Отращаиваю, и все. Вот ты — мадхет. Ты знаешь, каким образом на тебе раны заживают и следа не остается?

— Не знаю, — задумчиво сказала я. — Я просто привыкла, что так должно быть. Магия, понимаешь.

— Ну и я привык, — проскрипел Корняга. — Я один раз в лесной пожар попал. Еле спасся. Потом целый круг пришлось корой обрастать. Давно было, а мне до сих пор кош-

мары снятся — что я ошкуренный, как бревно на лесопилке. Но ничего, оброс.

Я хмыкнула, но ничего не сказала. Моя рука сама собой потянулась к лицу. Я привычным жестом потерла лоб над правой бровью, провела пальцем по виску. В том самом месте, где у меня нет и никогда не было шрама. Там, куда меня ранили меарским днем девять кругов тому назад.

Да, кто-кто, а я хорошо понимала, что некоторые вещи не забываются. Даже если раны давным-давно затянулись корой. Или кожей.

Когда мне только-только исполнилось двенадцать кругов, в доме Беша остановился на несколько суток незнакомый мне человек. Звали его Сишар, а приехал он в сопровождении слуг и телохранителей с далекого юга, чтобы поговорить с Душегубом о чем-то очень важном.

Впервые в жизни я видела человека, в котором Душегуб Беш признавал равного себе. В доме повисло настороженное молчание. Никто не знал, чем закончится приезд Сишара — не то выгодной сделкой, не то кровавой разборкой. Южанин и Беш ходили друг вокруг друга, прошупывая почву, и ни один не спешил начинать разговор. Хозяин мрачнел день ото дня.

А я не знала, куда мне деваться в четтанскую половину суток.

Сишар, понятное дело, знал о том, что в доме Беша живет ручная карса. Карса-подросток, которая тогда еще только обещала вырасти в огромного свирепого зверя. Но Беш тщательно хранил в тайне то, что его карса на самом деле мадхет. И когда красным днем южанин увидел рыжую девчонку, он не заподозрил в ней оборотня.

Я ему просто понравилась. И он захотел увезти меня с собой. Он даже предложил Бешу денег. Будь я обычной девчонкой, Хозяин, конечно, отдал бы меня Сишару. Даже если бы я была его дочерью. И это означало бы для меня верную смерть.

Беш, упокой его Тьма, не был добрым человеком. Он был жадным, жестоким и властолюбивым. Но он никогда не бывал бессмысленно жесток. А в черных глазках южанина светилась извращенная жестокость. Ему нравилось причинять боль живым существам. Лошадям, собакам, слугам, женщинам. В первый день своего пребывания в доме Беша он потребовал себе в постель трех самых белокожих и светловолосых женщин. Я слышала, как потом рыдали все три, прикладывая примочки к ссадинам и ожогам.

Сишар очень удивился, когда Беш отказался отдать меня. Отказ сильно задел его. И кажется, Сишар решил выяснить, в чем причина.

Он стал заговаривать со мной. Рассказывал про далекий юг. Обещал подарить золотые браслеты, рубиновое ожерелье и платье из джурайского батиста, если я сбегу от Душегуба и уеду с ним. И расспрашивал обо всем, что мне было известно про Беша.

Я смотрела в хитрые глазки Сишара, врала ему что-то невразумительное и мечтала о том, чтобы где-нибудь укрыться до его отъезда. Но Хозяин приказал мне улыбаться проклятому южанину. И я улыбалась. Даже после того, как одного из слуг Сишара по его приказу запороли насмерть на бешевском дворе.

За всю свою жизнь я никого не ненавидела так сильно, как южанина Сишара. Разве что потом, через четыре круга — убийцу Унди Мышатника. Но убийцу Мышатника я не видела в лицо. А наглая рожа Сишара попадалась мне на глаза постоянно.

На пятый или на седьмой день Беш потерял терпение. Обстановка накалилась до невозможности. Сишар и его люди разгуливали повсюду, задирая наших мелкими издевками. Когда я подвернулась под руку Хозяину, он меня чуть не побил. Я только гораздо позже узнала, что южанин сказал Бешу — отдай девчонку и можешь считать, что мы догово-

рились. И Душегуб как раз решал, что ему дороже: очень выгодная, но сиюминутная сделка или оборотень, который может основательно пригодиться в будущем, — но может ведь и не пригодиться...

А на следующем красном пересвете я очнулась на руках непривычно трезвого и бледного Унди, одежда которого была залита кровью. Кровью карсы. Моей кровью.

Единственное, что я помнила из прошедшего синего дня — и это было первое и последнее воспоминание о синем дне за всю мою предыдущую жизнь, — это искаженное яростью лицо Сишара и острие ножа, летящее мне в глаз. В последний миг я увернулась, кинжал взрезал мне кожу над глазом и пробил висок. Боль стерла все.

Когда я пришла в себя на руках Унди, у меня на виске не было ни раны, ни шрама. Гладкая кожа. Осталось только воспоминание. И привычка в задумчивости или в тревоге проводить пальцем над бровью.

Сколько я потом ни упрашивала Мышатника, он отказался говорить со мной о том, что же произошло тогда, меарским днем. Сишар, весь изодранный когтями карсы, быстро убрался из Айетота. Кажется, Беш даже сумел обратить происшедшее себе на пользу. А я по сей день не знаю, что заставило Тури-зверя броситься на южанина.

Может быть, именно поэтому мне всегда так сильно хотелось обрести память синих дней. Соединить половинки своей раздвоенной души. Понять, кто я все-таки — зверь или человек?

Путь в У-Наринну изменил меня. Моя душа обрела цельность. Больше нет Тури-карсы и Тури-человека, есть просто «я». И я не мучаюсь вопросом, зверь я или человек, потому что я — мадхет. Единое, сильное и могучее существо. Я только начинаю осознавать себя, только начинаю набирать мощь. Я еще не вполне владею собой по синим дням. И моя память о прошлых днях Меара пока обрывочна. Но скоро я вспомню все.

Да, Корняга, есть вещи, которые не забываются. И которые нельзя забывать — пусть даже воспоминание приносит боль. Которые нужно помнить, если хочешь быть самим собой.

Когда Четтан перевалил зенит, и у меня появилась надежда, что скоро жара станет спадать, я заметила впереди нечто странное. В одном месте горячий воздух над равниной колыхался как-то иначе. Силуэты гор на заднем плане то совсем расплывались, то становились вполне отчетливыми.

Когда мы подъехали поближе, я дала Ветру знак остановиться и спешила. Одинец подбежал ко мне, замер рядом и недоуменно фыркнул. Я вполне разделяла его недоумение.

Мы стояли на краю огромной ямы. Раскаленное марево клубилось над ней, мешая разглядеть противоположный край. Стенки ямы были наклонными и постепенно сужались, образуя конус. Однако в самом центре вместо углубления был небольшой округлый выступ. То есть это он по сравнению с размерами ямы казался небольшим, а на самом деле мы с вулхом и жеребцом вполне разместились бы на нем, несмотря на скругленные бока.

— Что это еще за хреновина? — спросила я непонятно у кого.

Одинец промолчал. Ветер тоже. Даже Корняга, висящий у меня за плечом, не отозвался.

Наверное, надо было возвращаться в седло и двигаться дальше в объезд ямы. Но мне не давала покоя глупая мысль: почему чувство пути привело меня напрямик сюда? Случайно это или не случайно? И что мне делать, если не случайно? Лезть в яму? Как-то не хочется.

Я вдруг поняла, что ощущаю присутствие магии. Древней. Могучей. Дремлющей именно там, в яме. Т-темное небо! Будить ее или не будить? Вот ведь вопрос... Если это очередная вежа, то, разумеется, будить. Хоть и я не знаю как. А если это никакая не вежа, а очередная неприятность на наши

многострадальные головы? Или ловушка, подстроенная этим, как его, Седраксом?

А-а, пропади оно все пропадом! Так можно до скончания времен раздумывать. Я схватила первый попавшийся камень, размахнулась и швырнула в каменный — а может, земляной — бугор на дне ямы. И разумеется, не промахнулась.

Камень отскочил от поверхности выступа как-то странно, как будто эта поверхность была не жесткой, а упругой. В следующий миг земля затряслась у нас под ногами. Со стенок ямы посыпались вниз новые камни.

Я ухватила за Ветра, но у жеребца у самого ноги разъезжались. Земля ходила ходуном. А круглый выступ стал расти вверх. Я смотрела на выдвигающуюся из земли колонну, выпучив глаза и отвесив челюсть — так что при каждом очередном толчке рисковала прикусить язык. То, что стремительно перло из ямы кверху, вызывало исключительно непристойные мысли. Форма этого... э-э... предмета была вполне однозначной. А вот размеры... Д-добрая динна!

Упругий столб все рос и рос, будто желая проткнуть собой небеса. Но, выдвинувшись на высоту вчерашнего гигантского дерева, он чуточку помедлил и стал заваливаться набок. Очередной толчок сбил меня с ног, и я полетела кувырком, при этом действительно прикусив язык. От боли у меня на глазах выступили слезы. Пока я протирала глаза, огромная колонна успела согнуться до земли.

Длинное тело, содрогаясь, все лезло и лезло наружу. Теперь оно начало свиваться в кольца, укладываясь вокруг ямы. И я наконец поняла, что представлял собой округлый выступ, в который я так самонадеянно бросила камнем. Вовсе не то, что мне показалось сначала.

Это была задница.

Потому что, как известно любому ребенку, у земляных червей нет головы, есть только две задницы. А это был именно земляной червь. Только неопикуемой величины. Тьма! Я не поверила бы ни демону, ни хорингу, ни чародею, если бы

они попытались меня уверить, что я увижу задницу таких размеров. И, если честно, я предпочла бы ее не видеть.

Нет, шутки шутками, а разбуженное мною существо внушало истинный трепет.

Если бы я знала, что именно спит в этой яме, у меня бы не хватило духа его будить. Даже в полной уверенности, что это необходимо. Как полезно иногда быть невеждой!

Надо полагать, это все-таки оказалась следующая вежа. Потому что вокруг творилось нечто ужасное. Не иначе как я растревожила стихию земли. Все тряслось и рушилось. Невидимая магическая буря бушевала под нами. От краев ямы побежали трещины.

Мудрый Ветер призывно заржал. Ох, твоя правда, вороной. Пора убираться отсюда!

Еще долго земля под ногами вздрагивала, и волны оглушительного грохота догоняли нас. Наверное, гигантский земляной червь вытаскивал наружу очередной виток своего тела. Или, наоборот, втягивал обратно под землю. Ветер каждый раз нервно прядал ушами и убыстрял бег. Я время от времени оглядывалась на тучу бурой пыли, зависшую над ямой.

Горы медленно приближались. Четтан, сползая к западу, уже коснулся их вершин. Длинные зубчатые тени простерлись в нашу сторону.

Наконец равнина перестала трястись. Разбуженное мною воплощение стихии земли успокоилось. Я прикинула расстояние, оставшееся до скал. И время, оставшееся до пересвета. Получалось, что пересвет мы будем встречать под самыми каменными стенами. Не опасно ли это? Мало ли какие отголоски породили в толще скал подземные толчки на равнине. Я вспомнила землетрясение, которое едва не стоило жизни Одинцу. С тех пор как мы прошли сквозь арку, земля не тряслась. Но сейчас... может быть, дожждаться нового дня здесь, на ровном месте?

— Пить хочу, — жалобно проскрипел Корняга.

На раскаленной Четтаном плоской каменной равнине нам не встретилось никаких источников воды. Я провела языком по пересохшим губам. Значит, едем дальше.

— Потерпи, — сказала я. — Доберемся до гор, поищем воду.

В тени скалистых стен было почти прохладно. Тихо потрескивали прогретые за день и неравномерно остывающие камни. Я расседлала Ветра и с Корнягой на плече отправилась на поиски воды. Нам повезло — откуда-то сверху по растрескавшейся стенке сбегал тоненький ручеек. Я оставила корневика собирать воду, а сама по лесенке из трещин взобралась на соседнюю скалу. Горы скрывали от меня западный горизонт, и мне не было видно, как садится Четтан, но я безошибочно чувствовала его движение.

Вот нижний край солнечного диска коснулся земли. Вот он наполовину ушел за горизонт... Я смотрела, как позади зубчатых вершушек скал медленно меркнет небо.

Четтан скрылся за краем земли. Я медленно потянулась, вздохнула и выскользнула из одежды.

В наступившей тьме зажглись яркие звезды. Я уже стала узнавать их рисунок. Вон там, на востоке, шесть звезд складываются в рисунок сидящей карсы. А прямо над головой я вижу очертания небесного вулха...

Мой вулх, земной, куда-то исчез, пока я расседлывала Ветра. Но я не беспокоилась, я была уверена, что он появится. И он появился. Из-за скалы выдвинулась человеческая фигура, смутно белеющая в темноте. Только ошейник выделялся черной полосой, перечеркивая шею.

— Тури? — окликнул меня анхайр.

Я улынулась и прыгнула со скалы. Одинец отшатнулся.

— Ты это чего? — изумленно спросил он.

— Не знаю, — призналась я. — Захотелось ближе к звездам.

— А-а, — понимающе протянул анхайр.

Несколько мгновений мы молчали. Наверное, нет ничего лучше, чем молчать вместе с тем, кто понимает, о чем ты молчишь. Но долго молчать у нас не было времени. Я с сожалением нарушила тишину:

— Ну, веку земли мы прошли...

— Угу, — проворчал Одинец. — Куда Лю делся-то?

— Я это у тебя хотела спросить, — усмехнулась я. — Ты его последний видел. Сегодня одиннадцатый день пути, так что завтра нам вроде полагается быть в У-Наринне.

— Лю позавчера сказал — пять дней осталось, — флегматично заметил Одинец.

Я кивнула. Слова анхайра подтвердили тот вывод, к которому я уже пришла сама.

— Лю — урод, — веско сказал Одинец. — Я так думаю, нам у Трона надо будет полагаться только на себя.

— А здорово ты вампиру голову снес мечом, — вдруг вырвалось у меня. — Красиво. Я так не умею.

— Это ты молодец, Тури, — с неожиданным жаром сказал анхайр. — Без тебя и меча не было бы. А уж что ты с вампирами на верхотуре делала, я и знать не хочу...

Одинец усмехнулся с мрачной веселостью. Я усмехнулась в ответ. Отбивные я из них делала. С кровью. Это такое особое блюдо, называется «вампир по-карсьи».

— А ты, что ли, все помнишь? — спросил анхайр.

Я покачала головой:

— Не все. Кое-что.

Горизонт на востоке начал светлеть. Синий отблеск, предвестник восходящего Меара, лизнул лапы небесной карсы, как набегающая речная волна. Одинец вдруг застенчиво ухмыльнулся, наклонил голову и ткнулся лбом мне в плечо. Как вулх. Я порывисто обняла его за шею и прижалась щекой к лохматой голове.

Ослепительно синий краешек Меара показался из-за горизонта. Одинец бережно отстранил меня.

Синий восход вновь обрекал меня стать зверем.

ГЛАВА 22

Меар, день одиннадцатый

Знаешь, Одинец, этот чародей — такая скотина! — сердито сказала Тури, мерно подпрыгивая в седле. Я покосился на нее. Не спорю, скотина. Чего уж тут возражать?

В следующий миг анхайр Моран, точнее, его человеческая сущность, внутренне содрогнулась.

Я был в теле вулха. Красным четтанским днем. Не помнил о том, что делал и видел вулх накануне, а присутствовал при этом. Непосредственно, человеческим сознанием.

Ну и ну! Пробуждайся, память, пробуждайся. Интересно, а влиять на это тело я как-нибудь могу?

После десятка разнообразных попыток я убедился, что не могу. Вулх находился совсем рядом и с немым звериным изумлением взирал на мое трепыхание.

Нет. Власть над телом зверя еще не пришла. Я просто видел все, что видел вулх. И мог думать, что заблагорассудится. Ну и подсказывать вулху тоже мог, только не знаю, стал бы он меня слушать. Все-таки сейчас его время, а не мое. Мое истекло с заходом Меара.

Кстати, похоже, что вулх неосознанно позвал меня, потому что Тури обратилась к нему с обычной человеческой речью, а вулх знал, что вторая половина оборотня понимает эту речь.

— И ты, серый брат, скотина изрядная, — добавила Тури мрачно. Мои изыскания в теле вулха заняли совсем немного времени — миг. Ведь ничего быстрее мысли под двумя солнцами не существует.

«Это я скотина, а не вулх!» — обиделся я за собрата. Чего зверя ругать? Ругать людей надо, все зло в мире от них. А звери чисты, как младенцы. Я силился донести это до сознания Тури, но тело вулха не умело говорить по-человечески даже с моей помощью.

— Я, впрочем, тоже скотина, — честно призналась моя рыжая спутница, и даже вулх, неведомо как читающий смысл с моих чувств и настроения, излучил теплый поток задора и озорства. Кажется, он понял, что странные слова хозяйки не более чем дружеское покусывание в шутильной игровой свалке.

Я тоже внутренне усмехнулся. Ну и компания! Скотина-мадхет и скотина-анхайр топают в У-Наринну по поручению скотины-колдуна. Сквозила в этом некая мрачная символика.

Потом был бег, во время которого я, Моран, провалился в черную яму. Вулх еще не мог выдержать моего присутствия в течение всего дня. Я пробуждался в нем ненадолго, пятнами, пока он снова не увлекался чем-то своим, звериным и не изгонял меня во Тьму.

Я вторично обрел способность видеть и чувствовать, когда вокруг ходуном ходила земля, а из громадной воронки чуть впереди нас едва ли не до неба вздымалось кольчатое тело гигантского земляного червя. Сначала я растерялся, мимоходом подумав: «Весело же проводят Тури с вулхом красные дни!» Потом до меня дошло, что ничем иным, кроме вехи земли, это быть не может.

Благо, что Тури не стала долго паялиться на это безглазое чудище. Развернула Ветра и помчалась прочь, свистнув вулху, который присоединился с радостью. Я тоже присоединился к ним с радостью, правда, мысленно. Невольно вспомнились огни на дне неправильной реки — веха огня выглядела скромнее. Хотя джерхи их знают, эти стихии. Любой пожар начинается с очень маленького и безобидного на вид огонька. Уже проваливаясь в плотное море мрака, я подумал: а ведь около вехи наверняка слоняется Страж. Хорошо, что мы с ним не столкнулись.

Мельком я просыпался еще дважды: когда Корняга ныл, что хочет пить, и перед самым закатом Четтана, когда смерклось и стало почти темно. Вулх, как всегда, беспокоился перед превращением и не находил себе места. Его бесхитрост-

ное звериное «я» не хотело умирать даже временно, и, похоже, он искал поддержки у меня. Но могучие силы, которые полностью изменяли тела оборотней за какие-то мгновения, скорее всего были несовместимы с бодрствующим разумом. Может, это и к лучшему.

Чувствуя, как толчками откатывает и отступает нестерпимый пересветный жар во всем теле, я, пошатываясь, поднялся на ноги. Я, Моран. Анхайр-человек.

Вокруг неровными зубьями торчали из почвы голые скалы. Невысокие, острые скалы. Эх-ма, опять горы! Честно говоря, я очень жалел, что не удалось постранствовать по дну неправильной реки еще некоторое время — день или два. Сколько там, поди, диговин! Отыскать бы туда дорогу от Юбена, я б такую торговлю открыл... Только от Юбена, боюсь, большинство караванов дошло бы лишь до Сунары.

Однако хватит размышлять о пустяках. Где Тури? На этот раз я не стану прятаться и тратить зря драгоценные минуты, которые обязательно нужно употребить на разговор. Короткий... но разговор.

Я увидел ее, едва выскользнул из-за раздвоенного, как огромная рогатина, обломка.

— Тури!

Она кошкой прыгнула сверху, с покатою вершины ближайшего камня.

— Ты чего это? — Я не понял, что ей понадобилось там, на макушке скалы.

— Не знаю. Захотелось поближе к звездам, — сказала Тури.

«Мечтательница...»

Ну вот. Встретились. Слова куда-то исчезли, и я глупо стоял перед ней, злясь на собственную тупость и стыдясь наготы. Тьма, уже который день я без своего плаща, который носил много кругов, от пересвета до пересвета! Не люблю оставаться голым, ужасно не люблю.

— Ну, — Тури нарушила тишину, — вежу земли мы прошли...

— Угу, — проворчал я, обрадовавшись. Молчать дальше было невыносимо, и первый вопрос получился у меня достаточен дурацким:

— Куда Лю делся-то?

Тури усмехнулась:

— Я это у тебя хотела спросить! Ты его последним видел. Сегодня одиннадцатый день пути, так что завтра нам полагается быть в У-Наринне.

Чушь, до Каменного леса еще больше трех дней пути. Почти четыре — по два красных и синих. Да и Лю, когда я его видел, говорил о пяти днях. Только я отвлекся тогда, увидев испорченные магией самоцветы, и принялся орать на Лю вместо того, чтобы подробнее расспросить о сроках. Даже удивительно, какой же я все-таки болван!

— Позавчера Лю сказал — пять дней осталось, — сообщил я спутнице.

Она кивнула, словно догадывалась о чем-то подобном. Наверняка догадывалась.

— Лю — урод, — вырвалось у меня. Впрочем, я действительно так думал. — Похоже, у Трона надо будет полагаться только на себя.

О том, что Тури может и не знать о Троне и неизбежной схватке рядом с ним, я подумал много позже.

— А здорово ты вампиру голову снес мечом! — вдруг сказала Тури, как мне показалось — с восторгом. — Красиво! Я так не умею!

Если бы я был вулхом — я бы завил хвостом. Любой мужчина знает, что такое женская похвала, да еще если это именно та женщина, о которой думаешь чаще всего...

Впрочем, что там — мечом махать... Дурное дело не хитрое.

— Это ты молодец, Тури. Без тебя и меча не было бы. А уж что ты с вампирами на верхотуре делала, я и знать не хочу...

Тури опять улыбнулась.

— А ты, что ли, все помнишь? — спросил я. Интересно все-таки, как память пробуждается у нее.

— Не все. Кое-что.

Я хотел сказать сразу многое — что я вечно оставляю ее в таких дурацких ситуациях, что и врагу не пожелаешь, а ей приходится выкручиваться за себя и за вулха, который, конечно, предан и старателен, но с которого спросу все равно мало, что постоянно отвлекаюсь на свои ничего не значащие мелочи, вроде испорченных самоцветов, что, наконец, это именно я завел нас в Сунарру...

Но вместо этого во мне вдруг проснулся вулх. Не тот вулх, который живет красным днем, а та часть меня, Морана, которая сознает себя человеком, но хочет оставаться беззаботным зверем. Я наклонил голову и, словно малый щенок, ткнулся спутнице в плечо.

До сих пор не понимаю, почему мой внутренний щенок так нравится женщинам. Тури обняла меня и прижалась щекой к взлохмаченной шевелюре на макушке. А в следующий миг тело ее мучительно изогнулось — одновременно с первым лучом Меара, вырвавшимся из-за горизонта. Я бережно опустил спутницу на землю и отступил на шаг.

Вскоре в мои глаза взглянула карса. Взглянула и стала старательно вылизывать и без того гладкую шерсть.

Женщина...

Надевая курткоштаны, я снова вспомнил свой плащ, оставшийся в старой мельнице на берегу Юбена. Слов нет, одежда хорингов хороша и удобна... Да и от всякого оружия спасает почище кольчуги. Стрелы, например, ее не берут. Не взяли и огненные шарики вампиров. Но почему-то вдруг мучительно захотелось запахнуться в привычный плащ, наведаться в нуртские трущобы и выколотить из Вара Гремячей Глотки очередную порцию дани, а потом сходить в «Маленькую карсу», испить доброго пива...

Тыфу! Опять я о пиве. Моран, по тебе точно Сунарра плачет!

О «Маленькой карсе» думать буду потом. Пока с меня достаточно и большой — Тури-кошка бесшумно явилась из-за скал и развалилась рядом с нетерпеливо гарцующим Ветром. Вот ведь конь неутомимый! Впрочем, от него так несет магией, что любое удивление относительно его необычной выносливости становится просто неуместным.

Корняга приплелся с почти полной флягой воды.

— Привет, Одинец! — буркнул он настороженно. У меня вообще складывалось вполне правдоподобное впечатление, что он постоянно ждет от меня какого-нибудь подвоха. А чего? Заслужит — получит. Пусть не сомневается.

— Привет, деревяшка, — отозвался я благодушно. — Как твои бока?

— Зарастают... Эх, и почему вы, люди, огонь так любите?

Я хмыкнул. Обыкновенно я промолчал бы, но сегодня хорошее настроение развязало мне язык.

— Потому что огонь — это жизнь, сколько бы ты, пень, ни утверждал обратное. Да и не от людского огня ты пострадал.

— Жизнь... Кому жизнь, а кому и наоборот. А что до людского огня, так от него как раз больше всего вреда. Пьянчуга какой-нибудь забредет куда не звали, костер не затопчет, а потом на том месте даже трава не растет. Знаем, встречались. Мы, корневики, давно усвоили: где людей поменьше — жизни всегда побольше. А вы несете лишь смерть. Или запустение.

— Ого! — Я покачал головой. — Старина Унди Мышатник назвал бы тебя философом. Но вряд ли ты, деревяшка, знаешь такое слово.

— Спору нет, слов умных вы, люди, придумали много. Только лучше от этого не стало. И деревья продолжают безбедно расти только вдали от мест, где вы бываете. А рядом с вами вместо лесов всегда рано или поздно получают вырубki.

Ну и ну! Во дает, Корняга. Может, он и не знает умных человеческих слов, но в умных мыслях ему никак не откажешь. Интересно, все корневики такие головастые или только этот уродец? Я почти не помнил событий в лесу корневиков. Надо будет поподробнее расспросить Корнягу. Только помнить покрепче, что он наврет по обыкновению. Впрочем, даже вранье этого пня-недомерка слушать забавно, а порой и поучительно. Спасибо Унди, он привил мне мысль, что научиться чему-нибудь полезному можно и у самого пустого человека. К пням это тоже относится.

Отобрав у Корняги флягу с водой, я немного отпил, потому что в горле, как всегда после превращения, было сухо, как в колодце, из которого ушла вода, а разговоры с Тури и пнем жажду отнюдь не утоляли.

— Ты-то напился, надеюсь? — спросил я Корнягу, утираясь рукавом.

— Напился... — буркнул тот в ответ. Кажется, он даже бояться меня перестал. Вот к чему приводит благодушное с пересвета настроение — народ распускается и начинает садиться на шею. Теперь я понимаю, почему старшины наемников всегда злы, как цепные псы, и в любой миг готовы вцепиться в глотку первому встречному.

Если, конечно, это хорошие старшины. Впрочем, плохих я не знал.

Ветер с удовольствием понес меня вдоль зубчатого разлома — казалось, мать-землю здесь надломили, будто каравай хлеба; обнажившаяся каменная плоть от времени обветривалась и осыпалась, скруглила края и утратила остроту. Много кругов назад неведомые великаны ломали каравай, на котором теперь живем мы. Сколько раз приходили с тех пор Смутные дни? Сколько раз вспыхивала и затихала битва у Трона? Сколько раз являлись Небу и исчезали во Тьме расы, которых даже извечные хоринги назвали бы Старшими?

Наверное, я никогда этого не узнаю. Но вряд ли сильно при этом огорчусь. Зато я испытал нечто другое, нечто, уже

давно начавшее меня менять. Исподволь, незаметно, день за днем. Я испытал прикосновение к Вечности. Даже если у нас ничего не получится у Трона, можно считать, что ан-хайр Моран и его брат-вулх жили не зря. Потому что сотням и тысячам обычных людей не дано испытать подобного прикосновения.

Но только рановато пока считать, что у Трона ничего не получится. Это мы еще посмотрим. Оборотень сильнее многих существ этого мира. Два оборотня — сила вдвойне. Тем более два оборотня, которые знают, на что идут.

Нет, Седракс, или как там тебя! Нет, древние хоринги! Ничего еще далеко не решено. И не рассчитывайте на легкую победу. Вообще ни на что не рассчитывайте. Потому что от двух бестолковых молодых оборотней, начавших путь десятков красных и синих дней назад, уже мало что осталось. Путь в У-Наринну и прикосновение к Вечности сильно изменили нас.

Где-то в самой глубине сознания, там, где рождаются мысли, вдруг вспыхнуло и растеклось одобрение. Кажется, я опять ощутил Лю-чародея.

Вот Тьма, нигде от него не спрячешься! Впрочем, плевать. Мне скрывать нечего. А ему скорее всего приятно будет узнать, что я намерен честно отработать свою память и свою будущую свободу.

Россыпи валунов живо напомнили мне местность, где в изобилии водились вильты, и я старался быть повнимательнее. Джерхи их знают, этих отродий, опять утащат в свои подземелья непонятно зачем... Кстати, надо будет спросить у Тури, что именно хотели от нас вильты несколько дней назад и как ей удалось от них улизнуть?

Но здесь вильтов, кажется, не водилось. Совсем. Зазубренная стена тянулась и тянулась, равнина постепенно повышалась, а среди каменных россыпей все чаще стали попадаться заросли густой жесткой травы.

Ветер косился на нее с неодобрением, заметным даже мне, а карса, брезгливо тряся лапами, обегала такие заросли десятой дорогой. Корняга тоже беспокойно завозился на плече. Что они чувствуют? И почему этого не чувствую я? Это опасно?

Я прислушался к себе. Вроде бы все было тихо и спокойно. Но скреблось в груди все же нечто гнетущее и тревожное. Только что?

На всякий случай я взвел тетиву арбалета. Протяжный скрип рычага подействовал на меня успокаивающе.

Шагов через триста я увидел валяющегося прямо на пути Ветра паука. Размером с крупного кролика. Слава динне, дохлого. Карса замерла перед ним и тихо, почти беззвучно, зашипела.

Странный это был паук, ей-право. Я соскочил с коня; Корняга сдавленно пискнул. Потрогал дохлое отродье носком сапога. И без особого изумления отметил, что паук, помимо размеров, странным казался главным образом оттого, что был железным.

Железный паук, каково, а? Час от часу не легче. Вчера вампиры, сегодня железные твари. Что же он жрет, джерхова сыть?! Сильно я сомневаюсь, что его железное нутро воспротивится теплой и трепещущей плоти живых. Это только мы, живые, железо жрать не можем, а наоборот — пожалуй-ста, сколько угодно. Могу ставить хоть сто монет без риска проиграть.

Брюхо паука сверху было начищено, как корабельный колокол, и украшено затейливым литым крестом. И клеймо посреди креста: одиннадцать звезд над кузнечным горном.

Скрюченные лапы паука вызвали неприятный холодок на спине. Поеду-ка я... Ветер охотно принял мой вес и поспешил прочь от металлического гада. Карса не отставала, а Корняга — тот, похоже, даже дышать перестал.

Арбалет я не убирал, хотя смутные подозрения, что стрела такому вот созданию повредит не больше, чем шукке ли-

вень, у меня зародились. Глупо думать, что железо боится железа. Чего же, Тьма поперек, должно бояться железо?

«Воды», — подсказал вулх. Оказывается, он давно был рядом. С тех пор как я пытался почуять неведомую опасность. Ну правильно, это вулх умеет куда лучше меня, поэтому и откликнулся на мой неосознанный зов.

Вдруг я подумал, что, в сущности, мы с ним одно и то же существо, а не два разных. Просто нечто разделяющее нас мешает слиться. Стена. Непроницаемая стена. Впрочем, У-Наринна уже ударила в эту стену, и та пошла змеистыми трещинами, теряя камень за камнем, и с каждым днем из незыблемой кладки новые камни вываливались все легче и легче.

Но не следует отвлекаться. Итак, железные твари могут бояться воды. А могут и не бояться — с железными тварями я еще не встречался. Просто я следовал жизненной логике, которая чаще всего вполне оправдывала себя. А значит, придется следовать ей и впредь.

Кстати, ведь впереди еще одна вежа, вежа железа. Уж не ее ли это вестник? В самом деле, если вехой земли была пыльная яма с гигантским земляным червем, почему бы вехой железа не быть гигантскому железному пауку? Впрочем, этот паук хоть и здоровый, но никак не гигантский. К тому же предыдущие вежи выглядели совершенно непохожими друг на друга. Вежа воздуха — колокол на Неспящей башне Запретного города, в который нужно ударить. Вежа воды — фонтан, составший из заброшенного колодца. Вежа огня — множество костров на дне неправильной реки. Вежа земли — логово земляного червя. Скорее всего вежа железа будет совершенно не такой, какой мы ее ожидаем узреть.

Но паучка со счетов сбрасывать все равно не следует.

Стенка стала загигаться влево, на юго-восток, если верить Меару в небе. Путь в У-Наринну вынуждал нас с Тури постоянно менять направление, сворачивать, идти то на юг, то на запад, то на восток, и тем не менее при-

ближал нас к цели. Я уже перестал придавать этому значение. У необычного пути необычные законы. Главное — знать куда идешь и полниться решимостью дойти. Впрочем, это касается не только пути в Каменный лес, а вообще всех дорог всех миров.

Железная птица выпорхнула из-за угрюмых серых глыб неожиданно, Ветер даже дернулся от испуга и всхрипнул. Ну вот, начинается.

Потом появилось целых три паука. На этот раз не дохлых. Похожий на маленькое зеркальце глаз птицы отразил нас с Ветром и Тури. Даже Корняга на плече у меня был ясно виден. Бедная карса прижала уши и сжалась в комок. Я ее понимал — она могла проявлять чудеса храбрости в драке с вампирами, лютиками или даже хорингами, но против железа ее когти и ее зубы бессильны.

А потом появился Страж. Я сразу опознал его — это был Страж Руд. И конечно, он был соткан из первородного металла, от кончиков когтей до сверкающей гребнеобразной макушки. И свита его была сплошь металлической: две птицы, пес и три паука. Пес, похожий на угловатого уродливого вулха, присел и утробно заскрежетал. Наверное, эти звуки означали грозный рык. На рык они не очень походили, но были, бесспорно, грозными. Во всяком случае, мороз по коже они пускали.

Страж воззрился на меня. И я на мгновение умер.

Я не испытал ничего нового — сотни раз я умирал на пересвете. Поэтому и испугался не слишком.

Плоть моя была Стражу чужда, непонятна и неприятна. Он любил и искал только металл. И мое железо радостно откликнулось на его зов. Запели, потеплев, метательные ножи на запястьях. Коротко ухнул хадасский кинжал на поясе. Переливчато засвистели наконечники арбалетных стрел в колчанах. Тихо заурчали монеты в кошеле. Тренькнули бляшки на ошейниках, и моем, и карсы. Еле слышно зазвенели металлические части упряжи Ветра и звонко цокнули под-

ковы. А поверх всего этого вплелся мощный и величественный аккорд Опережающего. Страж почтительно склонился в ответ этому звуку и напоследок, сомневаясь, взглянул на Корнягу.

А, Тьма, вот уж где нет ни крупницы железа, так это в нашем бродячем пне. Вот незадача-то... Со Стражем Руд не сильно повоюешь...

Корняга мелко-мелко задрожал, но даже я почувствовал, как что-то старое, ржавое и рыхлое отозвалось в нем, где-то в самом сплетении корней. Я облегченно вздохнул, а Страж, секунду поколебавшись, решил, что этого все же достаточно. Лязгнув, как оброненный на каменный пол нож, он исчез в каменном разломе. Туда же порхнули и птицы; секундой позже скрылись пауки, беспорядочно перебирая тонкими звенящими лапами, а последним ушел недовольный пес. Чем он остался недоволен — уж и не знаю, но перечить хозяину своему не посмел. И на том спасибо.

— Уф! — сказал я с облегчением, когда все закончилось, и Страж убрался по каким-то своим загадочным рудным делам глубоко под землю. — Слава тебе, синяя корова, отбредались...

Словечки из запаса любимых выражений Унди сами собой срывались с языка в минуты облегчения и расслабленности, да и в минуты наивысшего напряжения тоже.

Я обернулся к Корняге.

— Скажи на милость, деревяшка! В тебе-то он что нашел? Ты же пень-пнем, откуда в тебе железо?

— У меня гвоздь в корнях. Старый, правда, и ржавый весь... От пива, кажется, ржавый.

— Гвоздь? Тьма поперек, откуда в тебе гвоздь? Да еще железный?

— Люди, — уклончиво ответил Корняга. — Не в лесу же я его заработал?

То ли история была неприятной, то ли Корняга не нашелся, чего соврать, но углубляться в подробности он не

стал. Да я и не допытывался. Интересная, однако, у нашего тихони-пня была молодость! Впрочем, что я знаю о корневиках? Еще меньше, чем о вильтах, и гораздо меньше, чем о хорингах. Собственно, только то и знаю, что понял из общения с Корнягой. К тому же у меня сложилось впечатление, что лихая молодость у нашего пенька еще далеко не закончилась.

— Ну что, госпожа Тури, — обернулся я к карсе. — Похоже, одну причину, почему Лю нацепил на нас ошейники, я уже выяснил и нашел ее весьма убедительной. Поди попробуй угадать, в чей день мы бы столкнулись со Стражем Руд? Вот он и заставил носить ошейники обоих.

Но что-то мне подсказывало, что если это и причина, то не единственная. Не шли у меня из головы поиски хорингами Ведущего и бусина, зашитая в кожу ошейника. И у меня зашитая, и у Тури.

Итак, вежа железа...

Хм. Я прислушался к себе, к непонятному чувству, которое вело меня в У-Наринну. И оно возражало.

Нет. Вовсе не пройдена вежа железа. Страж к ней не имеет никакого отношения. Просто тут где-то недалеко от поверхности проходит богатая жила, вот он и является путникам, чтоб проверить, кто они. Рудокопов он даже допустил бы к породе. Меня просто не тронул, потому что я люблю железо и пользуюсь им, а значит, жила частично предназначена и для меня.

Эх-ма! Попадись все диковины пути в моем родном мире, где-нибудь поближе к Юбену, я б такое дело затеял! Клянись Тьмой и Небом — границы Диких земель сильно отдалились бы на запад!

Но сначала нужно отработать память. Я покосился на висящий в зените Меар и пустил Ветра галопом.

Впереди смутно маячил одинокий пологий холм, а на самой макушке его чернела каменная плита. Десять монет против одной, что там есть надпись!

Корняга зашевелил корешками, хватаясь за ремни курткостанов, а карса лениво потрусила следом. Еще один шаг к У-Наринне. Еще один шаг.

Кажется, мы успеваем. Если в ближайшие дни не произойдет ничего особенно неприятного. Хотя неприятности имеют обыкновение случаться именно тогда, когда способны наиболее сильно повредить. Так что повременим с беспочвенными радостями и победным громом военных труб.

Конь впечатывал подковы в гладь залитой синим днем равнины. Стена из скал осталась позади. Да здравствует скорость и оба Ветра — один свободный, второй друг!

Холм медленно полз навстречу, словно панцирь исполинской черепахи. Ветер рысил так ровно, что я почти не подпрыгивал в седле. Плита на вершине холма из черной медленно обращалась в темно-серую.

В гору Ветер пошел тяжелее — спасибо Стражу, я сообразил, сколько в нас железа, а оно весит, известное дело, немало! Но Ветра это задерживало не слишком. Кажется, я уже упоминал, что говорил Унди (упокой Тьма его нетрезвую душу!) по поводу доброго скакуна.

На вершине я соскочил на гладкую, омытую многими дождями и облизанную терпеливым временем землю. Корняга немедленно сполз с плеча и заскрипел корешками, разминая их. Камень косо высился совсем рядом, глядя плоской стороной на север. Как я и полагал, на нем была выбита какая-то надпись, но письмен подобных я никогда прежде не встречал. Они были не похожи на письмо людей из-за Юбена, на затейливые сплетающиеся узоры-буквы хорингов, на старинную клинопись Хадаса. Правда, угадывалось нечто общее с полустертыми знаками на стенах пещер северных варваров, но сами варвары разучились писать и читать еще до прихода первых ледников, а секрет древних знаков давно утратили. Неудивительно, что до сих пор никто не разгадал смысла тех надписей.

Боюсь, что камень, серой тушей застывший передо мной, так и останется немым. Те, кто научил его говорить, явно не позаботились научить хоть кого-нибудь слышать его слова.

Я тупо таращился на несложные закорючки, гадая, что же они могут означать.

— Три монеты! — Неприятный голос заставил меня вздрогнуть. — Всего лишь три монеты, и я расскажу тебе, что написано на камне.

Обладатель неприятного голоса был стар, морщинист, бородат, а росту в нем случилось не больше, чем в Корняге.

— А с чего ты взял, будто я отдам тебе деньги? — осведомился я подозрительно. Всегда ненавидел попрошаек! Хотя это чучело явно пытается изобразить, что продает знание, истинная его природа от меня не укроется: попрошаек я нутром чую за добрую милю.

— Если ты хочешь знать, что здесь написано, — отдашь, — уверенно сказал карлик. На чем могла зиждиться его уверенность, я пока не понимал.

— А с чего ты взял, будто я хочу это знать? — тем же неприветливым тоном задал я второй вопрос. Однако карлика было трудно смутить.

— Раз стоишь здесь, значит, тебе предначертано выбрать один из путей. Пока не прочтешь надпись, ты его не выберешь. А пока не заплатишь, не прочтешь.

Вот как! Интересные веники. Не слишком ли много тебе известно, а, недомерок?

У меня, безусловно, имелись три монеты. У меня имелось куда больше трех монет, да к тому же я мог расплатиться и не монетами, а самоцветами, или, там, пряностями. Но потому все это у меня и не переводилось, что я не спешил делиться своим кровно заработанным с разными пронырами вроде этого.

— Послушай, борода. — Я сменил тон на выдержанно-миролюбивый. — Неужели я похож на человека, у которого есть целых три монеты?

— Та похож на человека, — нагло ухмыльнулся карлик, — у которого есть целых сто тридцать семь монет в кошеле на дне вот этого двумеха, тридцать монет рассыпным серебром в другом кошелье — в сумке, шестьдесят три самоцвета в шкатулке рядом с первым кошельем, в двумехе, по тридцать четыре меры хадасского перца и корицы...

Я невольно разинул рот. Тьма! Да я сам не знал, сколько именно у меня осталось монет!

— ...я уж не говорю об оружии и мелких, но ценных безделушках, которыми можно расплатиться, — закончил карлик. — Так что не пудри мне мозги, уважаемый.

— М-да, — протянул я. — Может, ты заодно знаешь, как меня зовут?

— Нет, — спокойно отвечивал карлик. — Это мне ни к чему.

Но ухмылка и не подумала сойти с его самодовольной бородатой рожи.

— А теперь меня послушай, грамотей. — Я резким движением схватил его за ворот и рывком приподнял в воздух. — Сейчас я возьму нож, который тебе так по нраву. Вот этот, хадасский. И вспорю тебе брюхо. А потом затолкаю тебе кишки в глотку. Идет?

Карлик изумленно мигнул.

— Но... я же тогда не расскажу тебе о надписи!

Я рассмеялся. Далась ему эта надпись! Путь к У-Нарин-не я и так видел яснее ясного. С холма на юг, а потом отклониться к востоку немного. Всего и делов-то, что прислушаться к себе.

— Я знаю, куда иду, и без твоей паршивой надписи, — проворчал я. — Просто ты мне не понравился. И надоел до маленьких джержов.

Неожиданно карлик извернулся, пихнул меня ногой в живот и вырвался. Упал на четвереньки, но проворно вскочил и намерился шмыгнуть куда-то за камень, но позади него неслышно возник Корняга, даже не скрипнув ни еди-

ного раза, и от души приложил подобранным где-то корявым сучком по темени. Карлик безмолвно рухнул мне под ноги.

— Молодец! — похвалил я Корнягу. — Правильный пень! Тот едва не засветился от гордости.

— Да чего там! Пара пустяков. Мне он тоже не понравился...

Я ухмыльнулся.

— Я даже знаю почему, дорогуша.

Корняга насторожился.

— И почему?

— Потому что он слишком похож на тебя. Такой же нагловатый и самоуверенный враль. Было бы странно, если бы вы друг другу понравились!

За спиной фыркнула карса. Карлик очнулся было, но, увидев совсем рядом с собой зубы, желтые глаза и кисточки на ушах, снова лишился чувств. Тури брезгливо понюхала бороду карлика и отошла в сторону.

«Ну? — вопрошал ее взгляд. — Долго мы собираемся тут торчать?»

— Нет, не долго. Сейчас потрясу этого уродца и дальше поедем. Потерпи чуточку, милая, ладно?

Карса равнодушно распахнула розовую пасть. Зубки у нее и впрямь производят впечатление!

Я легонько похлопал карлика по щекам, но тот либо притворялся, либо действительно перепугался сильнее, чем мне показалось.

— Может, бросим его? — с сомнением протянул Корняга. — На кой он нам?

Но я уже принял решение и не собирался его менять. Карлику я задам всего один вопрос. Задам — и уеду.

— Не думаю, что ты поступаешь правильно, — ответили мне. Я сначала хотел прикрикнуть на обнаглевшего сверх всякой меры Корнягу, но тут сообразил, что голос-то звучал не его.

Распрямился я быстрее освобожденной пружины.

У камня сидел на толстом бревне, которого еще секунду назад не было, Жош. Мой приемный отец. Погибший много кругов назад при резне в Храгах.

Дыхание у меня перехватило. Тьма! Что происходит?

— Здравствуй, Моран. Я рад, что ты все еще жив.

— Кто ты?

— Тот, кого ты видишь. Анхайр Жош.

— Но ведь ты умер в Храгах!

— Не далее как несколько дней назад ты тоже умер. И что же?

Действительно — что же? Я, широко распахнув глаза, глядел на Жоша.

— Где ты был все эти круги?

— Это не важно, Моран. Я — нигде, и пребуду там вовеки, если вы с Тури сделаете все, как надо. Я умоляю тебя, не совершай ошибки.

— Ты говоришь об этом карлике?

— Не только. Но и о нем тоже.

— Но зачем мне надпись на камне? Зачем мне этот мелкий вымогатель с нечистой бородой и бегающими глазками? Я знаю, как идти в У-Наринну. Прекрасно знаю.

Жош устало прикрыл глаза, и от этой до боли знакомой картины у меня перехватило дух.

— Путь в У-Наринну лежит через каждого из нас. Каменный лес пророс в людских душах — там лишь холод и мрак. Холод, мрак и камень. Куда подевались тепло и свет? Куда подевалась доброта? Как ты можешь прийти в У-Наринну, не найдя пути среди мертвого камня собственной души? В лабиринте, где ты обречен скитаться до конца дней? Неужели тебе нравятся холод, мрак и камень, Моран? Неужели тебе не хочется, чтоб внутри было светло и тепло, как в Храгах, пока их не отыскиали следопыты Чистых братьев?

Слова застряли у меня в горле. Я снова почувствовал себя маленьким и глупым щенком рядом с матерым, седым и умудренным долгой жизнью вулхом.

Тьма!

— Что с тобой, Одинец? — удивленно проскрипел Корняга. — С кем ты разговариваешь?

Он что, никого не видит?

Я обернулся к нему. Пень, помахивая дубинкой, стоял совсем рядом. Жоша он действительно не видел — понять это было несложно. И карса не видела, просто равнодушно сидела поодаль и пялилась на меня, явно скучая и не в силах уразуметь — почему мы не продолжаем путь.

В тот же миг Жош вместе с бревном исчезли, а карлик снова притворился бесчувственным и зажмурился. Думал, я не замечу.

— Так-так. — Я легонько пнул его. — А теперь отвечай, но только правду. Это твоя работа? Я имею в виду морок.

Наверное, что-то изменилось в моем голосе, потому что бородач ответил. Смиренно и, похоже, правдиво.

— Моя.

— Я так и думал.

Корняга в ожидании веселья поигрывал сучком-дубинкой, готовый пустить его в ход в любой момент. Нет уж, пень, не будет тебе веселья.

— И второй вопрос, старик. Мне действительно важно знать, что именно написано на этом треклятом камне?

На этот раз карлик ненадолго задумался.

— Я все равно не умею читать эти письмена, — пробормотал он тихо. — Так что отвечать на твой вопрос нет смысла.

Я усмехнулся. И полез в кошель.

— Держи. — Я бросил в пыль под ногами не три, а целых пять монет. Потом подумал, нагнулся, поднял их, очистил от пыли и протянул старику.

— Пять монет — совсем небольшая плата за тепло и свет в собственной душе, — сказал я. — Спасибо, старик. И извини, если я тебя напугал.

Карлик шмыгнул носом, принимая монеты в коричневую ладонь, и какое-то время мне казалось, что он вот-вот

бросится к своему любимому камню и исчезнет. Но он остался на месте.

— И тебе спасибо, Моран... Признаться, ты меня удивил. Удивил! Надо же!

Умение насыщать мороки, навеянные памятью того, на кого они насылаются, — не редкость. Любой захудалый чародей это сможет. Даже неотесанная деревенщина, даже самоучка. И я прекрасно создавал, что Жош был не настоящий, а такой, каким я его себе представляю. Так что, если говорить грубо и коротко, бородач-карлик меня надул, как опытный рыночный кидала купца-простофилю.

Но только я-то твердо знал: не важно, кто произнес слова истины. Важна сама истина. Так получилось, что старик сослужил мне добрую службу.

К тому же... Дать одинокому старику пяток монет, если у меня их... э-э-э... сто тридцать семь, кажется, — не это ли первый лучик света в моем личном Каменном лесу?

Корняга глядел на меня, словно на умалишенного. Но благоразумно молчал.

А я заново увязал двумех, вскочил в седло и помахал карлику на прощание ладонью.

— Бывай, старик. Еще раз спасибо.

До самого пересвета я пребывал в смутном состоянии — не то заново переживал встречу с Жошем, не то бесцельно блуждал по глухим закоулкам сознания, пытаюсь понять, почему там так темно и пыльно. Карса без определенной цели шныряла вокруг, и отчего-то не охотилась, хотя могла бы. Корняга что-то почуял и притих на плече, даже не ныл, что вечером нечего будет жрать. И ладно. Не хотелось мне сейчас на него орать. И драться ни с кем не хотелось. Да и есть тоже.

Вечером, незадолго до заката, я развел костер. Свет так свет. Хотя это моим синим утром бывает темно, а сейчас мрак не успеет опуститься, наоборот, отступит перед сиянием сразу двух светил. Только тени обретут необычный фиолетовый оттенок.

Когда Четтан метнул из-за горизонта первые красные стрелы, я забылся, исполненный надежды, что с сегодняшнего дня в каменных потемках моей души с каждым переосветом будет прибавляться тепла и света.

ГЛАВА 23

Четтан, день двенадцатый

Я пришла в себя после короткого забытья и с трудом поднялась на ноги. Косые лучи утреннего Четтана освещали пологий склон, усыпанный каменным крошевом. Не успела я сделать и пары шагов к сложенной близ прогоревшего костра одежде, как острый осколок камня впился мне в подошву. Я помянула джерхов, дохромала до одежды и уселась на нее, чтобы вытащить занозу.

Маленький осколочек, окрашенный моей кровью, полетел в золу. А я осталась сидеть на кожаном свертке, не в силах подняться. Значит, именно так и чувствуют себя люди? Причем всю жизнь. Тьма, как же они живут-то вообще?

Так, видно, и живут. В смысле — хреново.

Вчерашний синий день я помнила почти весь. И непривычная память придавила меня тяжким грузом. Голова казалась разбухшей и мягкой, как вареная тыква, и мысли в ней бродили бестолковые и невнятные. Кажется, прошлым — или позапрошлым? — красным днем я задавалась вопросом, какие неприятности свалятся на мою голову вместе с полным обретением памяти. Ну вот и ответ.

Оказывается, помнить все — это очень утомительно. И очень непросто нести ответственность за все свои поступки. Раньше я всегда знала, что у меня есть второе «я», Карса, которая распоряжается моей — нашей — жизнью наравне со мной. На пути к У-Наринне мы с Карсой сначала встретились, как два сознания, два разных «я» внутри одного тела.

А затем слились воедино. И теперь Карсы рядом со мной нет, потому что она — во мне.

Хотя мои повадки, пристрастия и даже мысли слегка меняются в зависимости от того, в каком из обликов — человеческом или зверином — я нахожусь, сознание у меня одно. Одно «я». И это «я» вот-вот станет осознавать и помнить себя непрерывно. Лишь мимолетно отвлекаясь на такую мелочь, как пересвет.

Тьма и демоны! Да я этого просто не выдержу. Лю, что ты наделал? Я же умом двинусь от такой жизни!

Я сердито лизнула пальцы, перепачканные кровью из ранки на ступне, и потеряла их друг о друга.

Наверное, все не так страшно. Это с непривычки у меня голова пухнет. Привыкну, и перестанет. Ведь люди и в самом деле живут именно так. И сознание у них одно, и память непрерывная...

Только вот я по-прежнему не человек. Даже в большей степени не человек, чем раньше, потому что стала больше понимать и уметь такого, что человеку недоступно.

Я с раннего детства знала: даже красным днем, в человеческом облике, я не принадлежу к людям. Потому что не помню ничего про синие дни. Потому что почти не сплю. Потому что на меня и красным днем смотрят, как на опасного зверя. Ну, о таких сложностях, как два «я» в одном теле, я по ту сторону Юбена не задумывалась...

Ага, вот и подсказка. Сон! Люди в отличие от меня спят часто и помногу. Может, сон — это не только отдых тела, как мне всегда казалось? А еще и способ прервать на несколько часов линию существования своего «я». Перестать быть собой. Вообще ненадолго перестать быть.

Тогда понятно, почему мне до сих пор не был нужен сон. Тело сбрасывает с себя усталость в момент превращения, а разрозненные половины моей личности раньше спали по очереди. Причем спали немерено, целыми днями.

Тьма! Выходит, я выпалась на две жизни вперед. Так что мне и впредь сон не понадобится.

А в общем, все мои страхи — ерунда. Все очень просто, и не надо к жопе крылья пририсовывать, как выражался старина Унди. Я всего лишь устала. Устала от долгого и опасного пути. Была бы я человеком, у меня бы уже ни руки не двигались, ни задница в седле не держалась, ни глаза не глядели. Но я махает, и поэтому мое тело не просит отдыха — а душа вот запросила.

Ничего, до У-Наринны осталось совсем немного. Я прислушалась к своим ощущениям. Новые умения росли и крепили во мне с каждым пересветом, и сегодня я уже точно могла назвать расстояние до Каменного леса. Пути нам осталось дня на два, не больше.

А, дж-жерх! Все продолжаю по привычке считать только красные дни. Так я очень скоро запутаюсь. Пора переходить на человеческий счет. Красный день да синий день, вместе сутки. «Вчера» — это прошлые сутки. А прошедший красный день может оказаться как вчерашним, так и сегодняшним. Кстати, интересно, почему сутки считаются, начиная с красного дня? Потому ли, что Четтан — старший из Близнецов? Эх, никто мне не ответит на этот вопрос. Только Унди, упокой Тьма его нетрезвую душу, ответил бы... Итак, до Каменного леса осталось идти двое суток, то есть четыре дня. Если, конечно, нас не сильно задержат какие-нибудь вампиры, призраки или духи. В общем, местная нечисть.

Я встала и принялась одеваться. Быстрее в дорогу! До пересвета нужно проделать не меньший кусок пути, чем вчерашним синим днем.

Я сноровисто оседлала жеребца, усадила на плечо необычно молчаливого Корнягу, свистнула анхайру и вскочила в седло. Вперед, Ветер!

Ветер радостно рванул с места в галоп — только камни брызнули из-под копыт. Анхайр, прижав уши и выставив хвост, серой тенью мчался рядом.

Молодчина Одинец, он вчера изрядно приблизился к цели. Весь синий день гнал коня без передышки — благо Ветер, наш магический скакун, был этому только рад. Я, правда, разозлилась, когда Одинец застрял на холме перед непонятной плитой — сначала затеял перепалку с карликом, а потом и вовсе выпучил глаза и уставился в никуда. Какого джерха? Я сперва злилась, потом заскучала, отвлеклась — в зверином теле я вообще легко отвлекаюсь — и вернулась к реальности только от звона монет. Одинец расплачивался с карликом. Причем монетами из моего кошелька. Смутные дни! Я так возмутилась, что у меня дар речи отнялся. То есть я даже мяукнуть не смогла.

Но когда мы спустились с холма, я вдруг обнаружила, что мы гораздо ближе к У-Наринне. Что-то Одинец там, рядом с изрезанной странными знаками плитой, сделал такого, что приблизило нас к цели. Вот это да! Я посмотрела на анхайра с новым уважением. Надо будет когда-нибудь спросить его, что же произошло на холме. Когда-нибудь потом.

Как много мыслей и дел я откладываю «на потом»... А что, если этого «потом» не будет? Мы ведь еще не дошли до Каменного леса. Последний участок пути может оказаться самым трудным. Даже наверняка окажется. И даже если мы дойдем до У-Наринны, наш путь может оборваться в схватке у Трона. Ведь у нас есть соперники.

В У-Наринну идут представители Старшей Расы. Хоринги, с которыми мы уже сталкивались дважды, и обе стычки показали, что они сильнее нас.

В У-Наринну идет таинственный Седракс, которому повинуются вампиры, и идет наверняка не один. Я вспомнила надменного молодого колдуна, назвавшегося Аншаном. Охотника на оборотней, который танцевал вокруг моего костра. То есть, понятное дело, не танцевал, а творил заклинания, но тогда это выглядело для меня как танец. Засмотревшись на колдовские выкрутасы Аншана, я потеряла власть над

собой и чуть было не выложила ему все, что знала. Аншан — враг, сильный и опасный. И он, судя по всему, тоже идет в У-Наринну.

Мда-а... Надеюсь, что у старикашки Лю есть в запасе несколько неожиданностей для наших соперников. Не безумец же он, в самом деле. Хотя мы с Одинцом уже давно не те наивные и самонадеянные лопухи, которые одиннадцать суток назад отправились в Дикие земли, против хорингов или чародеев нам не выстоять. Да, мы уже стали чувствовать и понимать магию. Но за несколько дней чародеем не станешь.

А может, Лю — именно безумец? Почему я, собственно, так уверена в его здравом рассудке?

Люди вообще-то считают всех колдунов сумасшедшими. Опасными безумцами, наделенными таинственной силой. Болтают даже, будто именно колдовская сила сводит чародеев с ума, поскольку человек не может носить эту силу в себе и не рехнуться от натуги. Мол, если бы нашелся такой идиот, который привязал бы на спину мешок муки и с ним ходил, он бы живот надорвал. Ну а колдуны себе ум надрывают.

Может, и есть в этих рассказах зерно правды. Не на пустом же месте они возникли. Но, по-моему, зернышко это совсем крошечное.

Просто люди считают ненормальными всех, кто от них отличается. Я испытала это на себе. А то, что кто-то может отличаться в лучшую сторону, им просто в голову не приходит. Не такой, как все, — значит, ущербный.

Колдун? Умеет то, чего не умеют обычные люди? Значит, мало того что сумасшедший, так он еще и опасен. Нужно держаться от него подальше, а лучше бы выжить чародея из города хитрыми кознями.

Оборотень? Нечисть поганая. Недочеловек, лишенный души. Отдать его Чистым братьям, пусть бросят в яму с червями-мясоедами. Ах, он способен оправиться от ран? Значит, убить отродье на месте!

Так что я склонна считать чародеев вполне здравомыслящими. Очень может быть, что они мыслят даже более здраво, чем обычные люди. Им доступно гораздо больше, чем простому человеку; они видят мир иначе и рассуждают тоже иначе. Наверное, встречаются и среди колдунов безумцы. Но не всякий колдун — безумец. Как не всякий безумец — колдун.

Вообще с виду Лю-чародей доверия не внушает. На сумасшедшего он, правда, не похож — но и на нормального тоже. То суетится, то напускает на себя важный вид. То говорит умно и кратко, то мямлит и врет не хуже Корняги. У меня вдруг возникло подозрение, что хитрый старик притворяется. Ведет себя именно так, как, по общему мнению, и должен себя вести чародей. А на самом деле...

Я вызвала в памяти последнюю встречу с чародеем, и мои новые чувства подтвердили — суетливость Лю напускная, внешняя. Под нелепым обликом старика кроется спокойная и уверенная сила.

В пользу Лю, как по мне, говорит еще и то, что его считают другом такие разные и такие серьезные люди, как лекарь Самир, шаман Кхисс и воин Дост. С каждым из них я виделась недолго, но они успели внушить мне уважение. Жаль, что их с нами нет. Вот это был бы достойный отряд для похода в У-Наринну!

В общем, будем надеяться на Лю.

А еще неплохо бы нам самим научиться использовать магию. Например, бросаться огненными шариками, как давешние вампиры. Я вспомнила, как после магического моста через каньон зарекалась — дескать, никогда не стану иметь дела с магией. И усмехнулась.

Четтан уже заметно поднялся над горизонтом. Сегодня его утренние лучи грели мне не затылок, а левую щеку. Оди-нец вчера свернул на юго-восток, что меня несколько удивило. Я бы, пожалуй, продолжала путь на запад. Перевалила бы через горы, а там уж свернула на юг. Наверное, анхайр не захотел идти в горы, не зная проходов и троп.

Теперь мне оставалось только следовать выбранному Одинцом направлению, потому что дорогу на юг преграждала каменная стена. Судя по всему, когда-то это был невысокий скальный гребень, но потом неведомым строителям вздумалось заложить неровности и надстроить стенку блоками из тесаного камня. И было это очень давно, потому что стена успела изрядно разрушиться. Хотя все еще оставалась высокой.

Кем были древние строители? Людьми? Вильтами? Демонами? А может, они принадлежали к какой-то неведомой расе, давным-давно ушедшей во Тьму? Не знаю. И вряд ли когда-нибудь узнаю...

Моей голове от размышлений о чародеях изрядно полегчало. Она стала ясной и свежей, как будто ее проветрили. Удивительно. Раньше длинные рассуждения, наоборот, затуманивали мне мозги. С каких это пор во мне произошла такая перемена? Трудно сказать. Изменения накапливаются исподволь, а потом ты вдруг понимаешь, что стал другим. Нельзя ткнуть пальцем — вот он, именно тот миг, когда я изменился.

Только обычно перемены происходят медленно, на протяжении многих кругов. А нас с Одинцом путь в У-Наринну меняет стремительно, как... как пересвет — тело оборотня.

Я поискала взглядом анхайра. Одинец бежал чуть впереди и поодаль. Он опустил морду к самой земле и что-то сосредоточенно вынюхивал среди камней. Опять какую-нибудь крысу почуял? Словно услышав мои мысли, вулх чихнул и оглянулся на бегу. Взгляд его был укоризненным — ну что ты, мол, меня в такой чепухе подозреваешь? Не до крыс ныне.

— Ну извини, — сказала я. И прислушалась к себе.

Странно, но мне совершенно не хотелось есть. И вчера, синим днем, я тоже не испытывала голода. Неужели чем ближе к У-Наринне, тем больше состояние тела определяется состоянием духа? Прямо сейчас мне важнее всего до-

браться до вежи железа. А плотские потребности — это дело десятое.

Пить, впрочем, хотелось. Не все потребности во мне вымерли. Я отстегнула от пояса флягу и сделала пару глотков.

— И мне! — ожил за плечом Корняга.

Я отдала ему флягу и подумала, что пенек сейчас начнет ныть — мол, не мешало бы пожрать. Но Корняга побулькал водой, а насчет завтрака промолчал. Я даже не удивилась, потому что была занята совершенно другими мыслями.

Я вдруг почувствовала, что вежа железа близко. Что мы скоро выедем прямо к ней. Если проехать между этими двумя бугорками... Нет, лучше между теми... Местность, как назло, была неровная. Бугры и впадины сильно мешали мне сосредоточиться. Я по привычке выбирала не ту дорогу, которая нужна, а ту, где легче проехать верхом.

Смутные дни! Я закрыла глаза и стала править, руководствуясь внутренним чутьем. Ветер послушно отзывался на малейшее движение поводьев. Я снова открыла глаза не раньше, чем через полчаса. Погода тем временем успела испортиться. Небо быстро затягивали серые облака, и солнце то скрывалось за ними, то выныривало в разрывы, которых становилось все меньше. На окружающие нас невысокие холмы то набегала тень, то все вокруг снова озарял красный свет Четтана. Но ненадолго.

Наверное, в небе дул сильный ветер. Здесь, внизу, он лишь изредка налетал порывами, и снова становилось тихо.

Я направила жеребца в обход круглого холма. Так, теперь нам во-он в ту ложбинку... Одинец, ты видишь?

Тучи сплошь застлали небо, и оно низко провисло над нами. Мир стал тускло-багровым, сумрачным.

Я и не заметила, за каким поворотом холмы расступились, и мы оказались в обширной долине. Под копытами коня хрустел песок. Присмотревшись, я поняла, что это не песок, а пыль. Странная пыль, которая отзывалась скре-

жетом на прикосновение. Рассеянный облачной пеленой свет Четтана окрашивал ее в ржаво-красные тона.

Мы продолжали двигаться вперед, и я с любопытством оглядывалась по сторонам. Нам стали попадаться непонятные конструкции. Это были сложные нагромождения железных плоскостей и прутьев — то измятые и покореженные, то частично расплавленные и спекшиеся в уродливые лепешки. Кое-где на земле поблескивали лужицы застывшего металла. В рытвинах, ложбинах и неглубоких оврагах густым слоем лежала ржавая пыль.

Это было странное место. В воздухе висел кисловатый запах металла. Неожиданный порыв ветра бросил мне в лицо горсть пыли, и я вздрогнула. Пыль оказалась колючей. Как будто она была железной.

Здесь все говорило о металле. Даже небо стало казаться мне сделанным из тусклой меди. Но, насколько хватало глаз, я не видела впереди ничего похожего на вежу железа. Куда же идти дальше? Я закрыла глаза и сосредоточилась.

Меня окружала бесцветная пустота. Пути дальше не было.

Все направления казались одинаковыми. Одинаково бессмысленными, потому что ни в одной из сторон не сияли манящие огни У-Наринны. Везде было сумрачно и пусто.

Т-темное небо! Я не поверила своим чувствам. Ведь только что я знала наверняка — вот он, путь. Вот она, вежа железа впереди... И где же эта вежа, куда подевалась? Куда мы свернули?!

— Одинец! — негромко окликнула я. — Ты что-нибудь понимаешь?

Вулх поднял ко мне острую морду. На морде были написаны растерянность и отчаяние. Мол, все так плохо, что впору завывать — и завыл бы, если бы от этого не стало еще безысходнее.

Я еще долго не соглашалась признать, что мы заблудились. Для начала я попыталась вернуться по собственным следам, но колючая пыль не хранила следов. Обломки ме-

таллических сооружений вроде бы выглядели совершенно разными, но на поверку оказалось, что я не могу сказать — проезжала я мимо этой замысловато изломанной и оплавленной конструкции, или еще не проезжала.

Звериный нюх анхайра был здесь непригоден, как и мое чувство направления. Не сумел мне ничего подсказать даже Корняга, который, по идее, запоминал наизусть любую пройденную дорогу. В Сунарре это умение корневика выручило нас всех. Но сейчас он только беспомощно развел ветками.

— Я не знаю, что это за место, — проскрипел Корняга. — Здесь нет дорог. Здесь некуда идти.

Через некоторое время я вынуждена была с ним согласиться. Мы перепробовали все доступные нам способы отыскать путь, и ни один из них ни к чему не привел. Вокруг простиралась однообразная равнина, засыпанная красноватой пылью. Ничего не менялось. Ничего не двигалось, кроме нас. Даже Четтан так упорно прятался за тучами, что мне стало мерещиться, будто его там и вовсе нет.

Зачем идти, если не знаешь нужного направления? Вороной жеребец встал и отказался повиноваться, когда я пнула его пяткой, чтобы двигался дальше. Я спрыгнула на землю и повела Ветра в поводу. Может, это всего лишь глупое упрямство, но пока у меня есть силы — я буду идти.

От окружающей нас картины меня охватывало чувство тоскливой обреченности. Я устала себе под ноги и долго шла так, не поднимала взгляда. А когда наконец решила осмотреться, то глазам моим предстало нечто невероятное.

На очередной железной решетке сидел человек. Точнее сказать — ребенок. Это была девочка. Миловидная мордашка, рыжие косички. У меня когда-то были точно такие же. Курносый нос сплошь усеян конопушками. На вид ей можно было дать кругов восемь-девять. Во всяком случае, не больше десяти.

Тьма и демоны! Почему-то меня больше всего поразило не то, что я встретила в этом проклятом месте челове-

ка, и не то, что этот человек оказался маленькой девочкой. Самым удивительным мне показалось то, что на девочке было надето чистое опрятное платьице, а на ногах красовались плетеные из сыромятной кожи сандалии на деревянной подошве.

В таких сандалиях по горам да по лесам не походишь. А девочки в чистеньких платьицах казались мне сверхъестественными созданиями еще с тех пор, как мне самой было меньше десяти кругов. Потому что, стоит только влезть на чердак или забраться в конюшню, и платье мгновенно перестает быть чистым. А хуже всего в нем лазить через заборы. Сколько себя помню, я всегда предпочитала носить штаны.

Девочка спокойно рассматривала меня. Затем перевела взгляд на Оди́нца. Похоже, ее наше появление не удивило. Да кто она вообще такая?!

Я попыталась взглянуть на нее внутренним взором. Обычный ребенок. Во всяком случае, живое существо из плоти и крови, а не морок и не привидение. Может, и были в девочке какие-то особенности магического свойства — даже наверняка были! — но я их не разглядела.

Ну, с живым человеком можно поговорить. Я кашлянула.

— Ты знаешь, где мы? — осторожно спросила я. — Что нас окружает?

— Здесь была вежа железа, — тоненьким голоском ответила девочка. Голосок был невеселым. — Вежи больше нет. Ее уничтожили.

— Кто?! — вырвалось у меня.

Девочка пожала плечами. И правда, сейчас не так важно, кто уничтожил вежу. Гораздо важнее решить, что же делать нам.

— Теперь путь в У-Наринну разрушен, — спокойно сказала девочка. — Дальше дороги нет. И обратно тоже нет. Отсюда нельзя выйти.

— Как — совсем нельзя? — упавшим тоном переспросила я.

Оказывается, я до сих пор продолжала надеяться вопреки очевидности. Очень грустно услышать, как кто-то подтверждает твои самые худшие предположения.

Девочка покачала головой.

— Совсем, — тихо сказала она. — Это место теперь отрезано от мира. Здесь нет времени. Здесь ничего нет.

Я вздрогнула, потому что рядом тихонько заскулил вулх. Наверное, решил, что хуже уже не будет. Можно выть.

— И как же нам быть? — горько спросила я.

— Сделать новую вежу, — буднично ответила девочка.

За моим плечом тихо ойкнул Корняга. Девочка протянула ко мне руку и раскрыла ладонь. На ладони лежало продолговатое золотое зернышко. Металл был живым. Он жарко сиял, распространяя вокруг золотистое свечение. И еще он переливался, меняя яркость и оттенки. Желтые блики скользнули по ладони девочки и разлетелись во все стороны, как шаловливые мотыльки.

Я заморгала. Девочка сжала пальцы, и мир снова стал тускло-ржавым.

— Что это? — почему-то шепотом спросила я.

— Последнее семечко Железного поля, — серьезно сказала девочка. — Мне едва удалось его спасти. Если мы сумеем вырастить из него новую вежу, то сможем продолжить путь.

— А что для этого нужно? — поинтересовалась я.

— Сначала, — деловито сказала девочка, — нужно развести костер.

И она прыгнула с железной конструкции, ухитрившись не зацепиться платьицем за прутья. Деревянные подошвы сандалий глухо стукнули о твердую землю. Я огляделась в поисках топлива. На мой взгляд, поблизости не было ничего, что могло бы гореть. Разве что кое-какие вещи из моей поклажи. Да еще эти самые сандалии. Даже если мы с девочкой согласимся пожертвовать своими вещами, из такой малости костер не разведешь.

Девочка сделала шаг в сторону и поманила меня за собой. Она действовала так уверенно, словно знала, что именно ищет. Наверное, и впрямь знала. Мы спустились в небольшой овражек — такие овражки довольно часто попадались мне на пути. На дне его толстым слоем лежала ржавая труха. А на склонах то тут, то там росли из земли странные металлические кустики. Больше всего они походили на водоросли. Или на сухую полынь. Ажурные серебристые веточки казались невесомыми. Девочка наклонилась и легко отломила один кустик.

— Их нужно много, — сообщила она. — Как можно больше.

Я протянула руки к соседнему серебристому кусту. Металл действительно оказался очень легким. И хрупким.

Мы ободрали все склоны этого овражка, отнесли охапки серебристых веточек туда, где тоскливо топтался на одном месте Ветер, и отправились на дальнейшие поиски. Корняга увязался за нами, а Одинец остался сидеть рядом с Ветром. Уходя, девочка обернулась и хладнокровно бросила анхайру:

— А ты пока поищи такую... ну, вроде как металлическую лепешку. Только изогнутую. Понял? Только не уходи далеко — потеряешься.

На мгновение перед моим мысленным взором мелькнула картинка, которую девочка передала анхайру. На языке вулхов, что ли? Картинка была точнее словесного описания.

Анхайр озадаченно кивнул. И поднялся с места.

В этот раз мы нагроутили металлические водоросли на Корнягу и отправили его назад, а сами продолжали собирать топливо. Пенек, поверх которого громоздился необъятный, в пять раз больше его самого, ворох серебристых веточек, выглядел потрясающе. Я даже и сравнения подыскать не смогла. Провожая его взглядом, я пробормотала себе под нос:

— Одни дрова другие дрова понесли...

Только в этот миг я поняла, что кто-нибудь другой на моем месте, перечисляя способные гореть предметы, мог бы включить в этот перечень и Корнягу. Кто-то другой, умный

и расчетливый — но не я. И наверняка не Одинец. Даже если бы единственным способом выбраться отсюда было развести костер из корневика, я бы не смогла убить друга. И плевать мне на все, даже на собственную жизнь. И на У-Наринну.

Да, хоть я и обзываю Корнягу настырным пнем, на-хлебником и врунишкой — собственно говоря, он такой и есть, — неунывающий корневик давно стал мне другом, а не просто попутчиком. Как и анхайр. Выходит, путь в Каменный лес подарил мне целых двух друзей — больше, чем у меня было за всю жизнь.

Выбираясь из оврага, Корняга накренился, и несколько веток выпали из охапки. Он не сумел придержать их; и хрупкие веточки рассыпались серебристым прахом.

— Смотри, куда корни ставишь! — прикрикнула я.

— Да я и смотрю, — обиженно проскрипел корневик. — Только ничего не вижу. Ветки глаза застят.

— Ладно, живи, — фыркнула я. — Может, еще пригодишься.

Я чуть не добавила «на растопку», но прикусила язык. Пенек такой шутики явно не поймет. Еще и обидится, чего доброго.

Ломая хрупкие металлические кустики у самого основания и осторожно складывая их на землю, я продолжала обдумывать эту мысль. И мне даже удалось найти для нее хорошее выражение.

«С деревьями об огне не шутят».

По-моему, эта фраза могла бы занять достойное место среди присловий Унди Мышатника.

Когда мы принесли еще по одной охапке легких серебристых веточек, их собралась огромная куча.

— Хватит, — решила девочка, тряхнув косичками.

Она обернулась к анхайру. Вулх повел хвостом, приглашая нас следовать за ним. Через пару десятков шагов он остановился над небольшой рывтиной. Девочка наклонилась

и, как мне показалось, без особых усилий достала из ямы лепешку темного металла. Металл, расплавившись, затек в углубление и застыл в виде причудливо изогнутого листа. При желании его можно было использовать как блюдо. Или миску.

Мы вернулись к решетчатой железной конструкции, около которой по-прежнему понуро стоял Ветер.

— Отойди, — велела жеребцу девочка, и он послушался. Рыжая кроха повернулась к Корняге:

— А ты вообще уберись подальше. Тут сейчас будет костер до небес.

Корневик торопливо отполз в сторонку.

Девочка положила у основания решетки охапку металлических веточек, поставила сверху на прутья найденное Одинцом блюдо и бережно опустила в него золотое зерно.

— Ну что же ты? — обратилась она ко мне. — Поджигай!

Я пожала плечами, вытащила кремень и ударила по нему кресалом. Синяя искра упала на серебристые ветки.

Металл занялся мгновенно. Он вспыхнул ослепительным пламенем диковинного, никогда не виданного мною оттенка. Мне не с чем сравнить этот цвет — ну вот, скажем, если взять бледно-фиолетовый, только очень-очень яркий, нестерпимо яркий... Нет, я не могу его описать.

Сгорая, металлические ветки не трещали, как дерево, а шипели и пузырились. Они стремительно таяли, питая невероятный костер.

— Подбрасывай еще, — велела девочка, хватая следующую охапку веточек.

Слепящее пламя встало стеной вокруг темного блюда с золотой крупинкой на нем. Бросая в огонь новые ветки, я пыталась разглядеть, что происходит с зерном. У меня мгновенно разболелись глаза, из них потекли слезы, но я упрямо продолжала всматриваться в костер.

Золотое зернышко шевельнулось и начало меняться.

Желтый металл вспучился и стал разбухать. Зернышко лопнуло и раскрылось, как стручок фасоли. Из него наружу поползли мелкие черные крупинки, заполняя собой блюдо. Их было много — гораздо больше, чем могло поместиться в золотом зерне.

Металлические ветки сгорали быстро. Последняя охапка топлива полетела в огонь. Костер ярко вспыхнул. Девочка вдруг протянула руки и выхватила металлическое блюдо прямо из пламени.

— А теперь — сей! — крикнула она высоким детским голоском. — Я сохранила зерно, ты должна засеять поле. Да быстрее же! Иначе начнется огненный хаос!

Я ошеломленно приняла от нее блюдо, вся сжавшись в предчувствии ожога. Но блюдо оказалось холодным. Я крепко обхватила его левой рукой и прижала ребром к животу, а правой рукой зачерпнула горсть черных металлических крупинок.

Черные зернышки жирно поблескивали, но на ощупь были сухими. И слегка покалывали пальцы. А еще они оказались очень тяжелыми. Первая горсть просыпалась между пальцами прямо мне под ноги.

— Торопись! — в отчаянии простонала девочка.

Я захватила с блюда следующую горсть и, размахнувшись, жестом сеятеля рассыпала крупинки по земле. Я шла не оглядываясь и разбрасывала черные зернышки горстями, стараясь засеять как можно больший участок. Остановилась я только тогда, когда блюдо опустело. К этому моменту я успела сделать несколько расширяющихся кругов вокруг того места, где меня ожидали девочка и верные спутники.

Там, где первые зернышки упали на ржавую пыль, вся земля уже успела покрыться шевелящимся слоем черных крупинок. Прижавшись к теплему боку Ветра, я потрясенно наблюдала, как мелкие зернышки слипаются вместе, превращаясь в приплюснутые кругляши, формой и размерами напоминающие каштаны. Воздух наполнился тихим шурша-

нием и стал свежим, как после грозы. Голубые искры заплясали между черными металлическими почками. Призрачное зарево взметнулось над засеянным полем.

А потом со звонким лязгом лопнул первый каштан. Из осколков оболочки проклюнулся росток, верхушка которого была свернута в спираль подобно ростку папоротника, и стал стремительно расти. Зазвенели, лопаясь, соседние почки. Из них устремились кверху гибкие стальные стебли, на ходу разворачиваясь с грозным скрежетом металла о металл.

Наконец первые из проклюнувшихся ростков вытянулись высотой примерно мне по пояс и полностью развернулись.

— Тьма-ах! — выдохнула я.

Каждая почка превратилась в стальной клинок с заточенным до бритвенной остроты лезвием. Смертоносная трава вдруг заколыхалась, как под ветром — хотя вряд ли обычный ветер мог взволновать такое поле. Сталкиваясь друг с другом, гибкие клинки высекали желтые искры. Острия ближайших к нам клинков угрожающе нацелились в нашу сторону.

Я потянулась к походной сумке, из которой выглядывали завернутые в лоскут кожи магические ножны. Если дойдет до битвы со всем этим полем, даже Опережающий нас не спасет, — но по крайней мере некоторое время я продержусь.

— Не надо, — тихо сказала девочка. — Нам не придется сражаться. Но мы должны напоить поле.

— Чем? — дрогнувшим голосом спросила я. Хотя и так знала ответ.

— Что пьет сталь? — улыбнулась девочка.

Я вынула из-за пояса хадасский кинжал, полоснула себя по левому запястью, отдала кинжал девочке и подставила под горячую струйку крови правую ладонь. Девочка умело перехватила кинжал и поманила к себе анхайра. Одинец попятился.

— Так нужно, серый брат. Подойди, — попросила я.

Анхайр неохотно подставил девочке предплечье. Она взмахнула кинжалом, и темная кровь вулха заструилась по серой шерсти. Я прижала левое запястье к губам и подставила под разрез правую ладонь, чтобы моя кровь смешалась с кровью анхайра. Девочка молча разрезала себе руку, и ее кровь закапала туда же.

— Поливай, — велела она.

Я послушно шагнула к стальной траве и окропила блестящие клинки смешанной кровью нас троих.

Клиники вздрогнули. Дрожь передалась от них к соседним, и по всему полю волнами пошла рябь. Гибкие лезвия дрожали мелко и часто, рождая протяжный негромкий звон. Так поет воздух под ударами доброго меча, и каждый клинок творит свою песнь. Мы все замерли и стояли неподвижно, слушая, как поет возрожденное нами Железное поле.

А потом поле вдруг снова стало меняться. Серая сталь клинков превратилась в пронзительно-голубую, яркую, как небо в день Меара. Голубой цвет сменился густо-синим. Затем металл вдруг потемнел до угольной черноты, а в следующий миг приобрел невиданный багрово-фиолетовый оттенок, и алые огни вспыхнули на остриях клинков.

— Штормовая сталь Предтеч, — глухо пробормотала девочка. — Тех, кто был учителями хорингов. Смотри! Это облики Железа от начала времен до наших дней.

Железная трава побурела, затем сверкнула живым серебром ртути, и наконец к ней вернулся изначальный серо-стальной цвет и блеск. И тотчас над ровной поверхностью металлического поля взметнулись новые ростки.

В разных местах, раздвигая колышющиеся острия клинков, стремительно поднимались к небу толстые железные стебли с шишечками бутонов на конце. Одни стебли, едва поднявшись головками бутонов над уровнем травы, раскрывались шипастыми шарами джерховой колючки или разворачивали веера за-

зубренных лезвий. Другие продолжали расти и только на высоте человеческого роста — а то и выше — расцветали подобно пышным садовым георгинам или лилиям, каждый продолговатый лепесток которых был маленьким смертоносным кинжалом.

Я невольно вспомнила хищную лилию со дна странной реки. При всей ее кровожадности, подводной охотнице на неосторожных рыбешек было далеко до этих убийственных цветов.

В том месте, где горел металлический костер, пробудивший к жизни золотое семя, поднялся над травой особенно высокий и прочный стебель. Он был усеян острыми шипами, а верхушку его венчал остроконечный шестигранный бутон из вороненой стали. По сравнению с остальными ростками этот стебель рос медленно. Все поле уже цвело, когда над нашими головами наконец начал неторопливо и величественно раскрываться огромный цветок.

Затаив дыхание, мы смотрели, как лопнули по швам и разошлись стальные грани бутона, как они медленно отогнулись вниз, а поверх них развернулись огромные и нежные, как крылья бабочки, золотые лепестки. От них исходило то самое ясное и переливчатое свечение, что и от золотого зерна, которое я впервые увидела на ладони девочки.

Добрые джерхи! Это было так красиво, что слезы наворачивались на глаза. Я смотрела не отрываясь, потому что понимала — проживи я хоть до следующих Смутных дней, хоть еще дольше, такого зрелища мне не увидеть никогда.

Золотые лепестки затрепетали и с мелодичным звоном стали один за другим опадать на землю. Они были такими тонкими и легкими, что слетали вниз, медленно кружась, как лепестки живых роз. Когда цветок уронил последний лепесток, стало заметно, что под венчиком из отогнутых стальных граней набухла тяжелая медно-красная коробочка плода. И плод продолжал расти.

Он все разбухал, постепенно меняя форму, пока не принял вид сплюснутого шара размером с человеческую голову. Стальной венчик незаметно съежился, усох и отвалился. Плод почернел, затем засеребрился. А в следующий миг он налился пронзительным ртутным блеском и оторвался от стебля.

Сверкающий шар несколько мгновений неподвижно висел в воздухе. Потом по его поверхности побежали неясные тени. Но только когда по мне скользнул легкий серебристый отблеск, я поняла, что шар вращается. Слегка покачиваясь, он кружился, разбрасывая вокруг зеркальные блики, которые отражались в стальных лезвиях, множились и дробились, как отражение солнца в текущей воде.

Мы возродили веку железа.

Радость и облегчение нахлынули на меня животворной волной. Я вдруг поверила, что все будет хорошо. Что мы дойдем до У-Наринны, несмотря ни на что. И выиграем схватку у подножия Трона. Мы победим, и весь мир, прекрасный и неповторимый, будет открыт для нас. Для победителя в мир из У-Наринны ведут тысячи дорог, и мы пройдем по всем, если захотим. Потому что нам будет подвластно даже время.

Я не заметила, когда и как на краю Железного поля показалась неуклюжая фигура. Рудный Страж шел к нам через поле, ласково и бережно разводя в стороны острые клинки. Стальная трава лгнула к нему, как садовые цветы к хорошему садовнику.

Страж добрался до нашего островка пустой земли и склонился перед нами в непривычном поклоне, скрежеща металлическими суставами. И голос его, когда Страж заговорил, был больше похож на скрежет.

— Благодарю за то, что вы сделали, — сказал Страж. — Отныне железо будет вас помнить и узнавать. Всегда и везде.

Я не знала, что ответить металлическому чудищу, поэтому просто склонила голову в знак уважения к его словам. Впрочем, Рудный Страж не ждал ответа.

— Я должен одарить вас, — проскрежетал он. — Так было всегда, еще когда людей не было на свете. Я мог бы подарить вам золото, как вы называете сталь Четтана. Но Идущим в Ночь золото ни к чему.

Я кивнула. Я вдруг поняла, что думаю про золото, как про тяжелый, неудобный и малонужный металл.

— Я бы дал вам серебро, как зовете вы сталь Меара. Но для вас серебро опаснее, чем для ваших врагов. Металл младшего Близнеца жаден, он любит пить изменчивую кровь.

Еще чего не хватало! Испокон века нечисть убивали серебром. Оборотней, например...

— Я бы дал вам черный свинец, сталь Ночной грозы. Но вы не совладаете с его могуществом, и невидимые бури источат ваши тела. Вы еще недостаточно могущественны, двуликие друзья металла, и скоро умрете. Кроме тебя. — Он указал на девочку. — Но и для тебя, ребенок, чьего имени я не вижу, черный свинец слишком силен. Вам нужен дар истинной стали...

Страж задумался. Я почтительно ждала, искоса поглядывая на вулха. Тот лег в ржавую пыль, положил лобастую голову на передние лапы и затих.

— Я бы подарил вам меч, — наконец скрежетнул Страж. — Но тому, кто владеет Опережающим, — Страж уважительно кивнул в сторону ножен, — другие мечи не нужны. Поэтому прими от меня вот это. Отец Руды будет доволен, если это поможет вам.

Он протянул могучую лапищу и легко сорвал с железного стебля шипастый цветок, ошетилившийся во все стороны острыми стальными колючками. Под пальцами Стража смертоносный цветок послушно сложился в чешуйчатую остроконечную шишечку. Страж опустил шишечку на мою ладонь, еще покрытую ржавыми пятнами засохшей крови. Я осторожно потрогала подарок. Чешуйки шишечки плотно прилегали друг к другу и совершенно не резали кожу. И даже острый шип, которым оканчивалась шишечка, кололся не

сильно. Ее можно было перекачивать в ладони как угодно. Но я подозревала, что при необходимости шишечка снова раскроется в колючий стальной цветок.

— Спасибо, — улыбнулась я.

Страж вежливо лязгнул в ответ.

— Вам, наверное, сейчас трудно будет найти путь. Я выведу вас отсюда.

Он повернулся и пошел обратно через Железное поле. На этот раз стальная трава сама расступалась перед ним, открывая широкий проход. Я взяла Ветра под уздцы и осторожно двинулась вслед за Стражем. Клинки тихо позвякивали, смыкаясь позади нас плотной стеной.

Когда мы наконец миновали последний ряд железных клинков, я обернулась. Поле казалось огромным. Гораздо больше, чем виделось изнутри. Далеко-далеко, в нескольких перелетах стрелы от нас, ртутной каплей сверкал над полем вращающийся шар. Последние дни мне не давала покоя мысль о том, что расстояние — на самом деле совсем не то, что под этим понимают люди. Но пока что эта мысль была слишком невнятной.

Ничего, когда-нибудь я додумаю и ее. Когда-нибудь потом. Тем более что во мне окрепла уверенность, что это «потом» у нас будет.

А через несколько шагов я получила еще одно свидетельство в пользу своих мыслей о расстоянии. Страж Руд, проведя нас через поле, как-то незаметно оказался позади. Я продолжала идти вперед, ведя за собой вороного жеребца, и вдруг почувствовала, что ступаю не по хрусткой ржавчине, а по мягкой земле.

Я подняла голову.

Небо пылало чистым багрянцем четтанского заката. Алый шар Четтана повис над самым горизонтом. Легкие облачка, подсвеченные солнцем, были прозрачно-оранжевыми.

Мы вернулись.

Только увидев играющий всеми оттенками закат, я осознала, насколько тусклым и однообразным было небо в том месте, откуда мы пришли. Мне не зря казалось, что за сплошным покровом туч нет солнца. Его там действительно не было! А красноватый оттенок всему придавал не свет Четтана, а ржавчина, оставшаяся от прежней, разрушенной веи.

Да, кстати! Теперь, когда вега пройдена, надо бы спросить обо всем странную девочку с рыжими косичками. Судя по всему, она знает много полезного. Эх, Тьма, слишком скоро пересвет. В Железной долине я совсем утратила представление о времени.

— Хэй!

Я вдруг сообразила, что не знаю даже, как окликнуть девочку. Джерхи побери, как ее зовут? Я оглянулась.

Позади было беспорядочное нагромождение камней — от крупного щебня до глыб высотой в два человеческих роста. Если бы у меня еще оставались сомнения, как именно мы сюда пришли, при взгляде на это каменное безобразие они бы исчезли без следа. По этому нагромождению не то что конь с поклажей — по нему и карса вряд ли проберется.

Девочка, повернувшись ко мне спиной, спокойно уходила в сторону каменной осыпи, постукивая сандаликами. Я изумленно окликнула ее:

— Постой! Ты куда?

Девочка обернулась, тряхнув косичками.

— Ты кто вообще? — выпалила я. — Как тебя зовут?

— Зачем одному оборотню знать ответы на столько вопросов? — улыбнулась девочка, забавно сморщив курносый нос. — Можешь звать меня, как хочешь. Мне будет приятно, если ты попрощаешься со мной по имени. До свидания, Тури.

Она замерла в ожидании. Не знаю, почему я восприняла ее слова всерьез. Очень странные слова. Может быть, потому, что все, связанное с этой девочкой, было странным — и по-настоящему серьезным.

— До свидания, — послушно сказала я. — До свидания...
Амма.

Девочка кивнула. И скрылась за каменным блоком. Тьма! Ведь я же ее толком ни о чем и не спросила! А на то, о чем спросила, она не ответила.

— Хэй, Амма! — крикнула я. — Подожди!

Совсем забыв о том, что Четтан уже почти скрылся за горизонтом, я бросилась за девочкой.

ГЛАВА 24

Меар, день двенадцатый

Разрази меня Тьма двенадцать раз поперек и вдоль! Я вскочил с четверенок и принялся яростно скрести зудящие ладони. Меар вставал, окрашивая тени из густо-синего в почти черный цвет. Вулх тихо ворчал и ворочался во мне, устраиваясь поудобнее. По привычке я все еще делил себя на две половины, хотя они уже практически слились в единое целое. Ну легче мне так, легче, понятно? Привычнее.

На этот раз я помнил почти весь четтанский день. Лучше бы я его не помнил, ей-ей! Потому что вылепленная под вулха моя сущность такого натерпелась за время с последнего пересвета, что впору теперь полкруга отлеживаться в берлоге и хлестать пиво для успокоения!

Я не знаю, как перенесла пребывание в разрушенной вехе железа Тури, но вулх-Моран туда постарается вовек не возвращаться. Поймите меня верно: я, конечно, во многом трусоват... Ведь я оборотень и привык сжиматься в комок от малейшего тревожного шума на пересвете. Но вообще-то трусость не мешает мне бороться с окружающим миром — драк, например, я вообще не боюсь. Смешно сказать, но в цехах Торнсхольма, Ривы и Плиглекса меня считали отважным человеком! Только из-за того, что я не боялся меча и

стрел, — знали бы мои собраты по цеху, чего я на самом деле боюсь до кровавой пелены перед глазами...

Но я отвлекся. Так вот, хоть мы и не встретили вчера ничего такого, чего я традиционно боюсь как анхайр, безрассудное желание тела рвануть прочь, куда угодно, лишь бы отдаться бегству, иллюзии спасения, не покидало меня почти весь день. Меня пугает отсутствие солнца на небе — хоть какого-нибудь. Вчера солнце отсутствовало. Понятия не имею, как такое может быть и почему я при этом остался вулхом.

А мертвая вежа металла? Да у меня до сих пор поджилки трясутся от воспоминания от висящей в воздухе боли! Я ее чувял каждой шерстинкой своей серой кожи, слышал эту боль, видел, осязал!

Словно всю боль человечества собрали в одном месте и обрушили на мою бедную голову. В тот момент — голову вулха. Моран-человек — я то есть — скорее всего перенес бы это спокойнее. Точнее, сдержаннее.

А костер? Звери вообще не любят огня и благоразумно сторонятся его. То пламя, что неистово пожирало железные ветки, выдавило из вулха остатки мужества. Интересно, я в голос был или все-таки сдерживался? Не помню, хоть тресни.

Ну а уж когда из рыжей, пахнувшей ржавчиной земли полезли железные ростки и сменили попеременно несколько цветов, душа моя прочно влипла в пятки и находится там до сих пор. Явившийся вторично Страж Руд уже ничего не смог изменить в моем настроении — бояться сильнее я просто не мог. Вулх окончательно потерял голову, особенно после того, как из звериного тела отпили крови, и держался только благодаря мне, Морану, человеческой половине анхайра.

В общем, я обрадовался, когда все наконец закончилось, а закончилось все только на пересвете. Но вот незадача: Тури, вместо того чтобы сказать мне хоть пару слов, пустилась догонять девчущку, которая не девчущка вовсе, а уж и не

знаю кто на самом деле. Кажется, она вообще не человек. И не оборотень.

Где теперь моя верная карса бегает?

В общем, вежа железа здорово взъерошила нас, Идущих-В-Ночь. Тьма ей в печенку!

Ладно. Слава всему доброму под этим небом, обошлось. Будем думать, что делать дальше.

Во-первых, Тури умчалась вверх по осыпи, не оставив мне одежды и обуви. Просто замечательно! Особенно если учесть, что по острому каменному крошеву не особенно побегаешь босиком.

— Корняга! — позвал я негромко. Почему-то не хотелось орать в голос.

— Здесь мы... — отозвался пень из-за ближайшего каменного блока размером с мельницу у Юбена.

«Мы» — это оказались Корняга и Ветер. Хм, уже лучше. Я забрался в седло и тронул коня с места. Корняга попробовал влезть мне на плечо, но я на него рявкнул. Еще чего! Царапается своими корёшками чуть не до крови, а до перецвета еще вон сколько — целый день.

В голове немного шумело — кажется, оттого, что пришлось вчера отдать довольно много крови. Ветер, цокая копытами по камням, осторожно обошел осыпь и потрусил вдоль нагромождения скал. Вообще-то нам было не в эту сторону, а правее, прочь от каменного безумия. Но не пойду же я без карсы?

Сначала я увидел валяющийся на щебне сапог. Левый. Потом второй — недалеко от первого. А дальше и курткуштаны отыскились. Одевшись и обувшись, а предварительно выковыряв из пяток притаившуюся со вчерашнего дня душу, я почувствовал себя куда увереннее. И позволил наконец Корняге занять привычное место на левом плече.

Спустя некоторое время я увидел карсу. Она уныло сидела меж двух бугристых глыб, свесив голову к земле, и, казалось, что-то растерянно обнюхивала. Я приблизился и рассмотрел — что.

Детский плетеный сандалик на деревянной подошве.

Мерное покачивание в седле убаюкивало меня. Корняга, последние дни присмиривший и молчаливый, о себе не напоминал. А карса плелась следом, молчаливая и безрадостная. Не знаю, что приключилось с ней перед превращением, кем оказалась и куда делась маленькая девочка, научившая нас оживить вежу железа. Но на карсу накатила тоска, я это ощущал почти физически. Почему-то я был уверен, что лезть с утешениями к ней не следует; единственный лекарь сейчас — время.

И я ждал, заодно приближаясь ко второму Знаку. Жуткие каменные завалы мы оставили позади, пересекая обширную плоскую равнину. В полупрозрачной мгле далеко-далеко на западе смутно угадывались горы. Где-то там, на плато в этих горах и ждет нас У-Наринна, Каменный лес матери-земли. Цель нашего похода. Крутой поворот в жизни одного анхайра и одного мадхета.

Только куда мы попадем после поворота, я еще не знал. Куда-нибудь попадем.

В пути я размышлял об У-Наринне. Пять вех мы прошли, значит, нас пропустят стражи Каменного леса. Кстати, что там будут за стражи? Стражи Камня? Или какие-то особые?

Не знаю. Да какая, в сущности, разница?

Еще я вспоминал Жоша и Храгги. Вчерашний трюк карлика у говорящего камня-указателя вновь разбередил старые, уже заросшие раны. Раньше мне казалось, что надежнее и светлее, чем деревня оборотней-анхайров, места в мире не сыскать. Дети всегда склонны думать о мире восторженно. И видеть его чище, чем на самом деле. Вот и я считал, что нам ничто не грозит, пока Жош и Накуста со мной, пока я живу в их доме. Мне предстояло вырасти, большим-большим, и я искренне верил, что останусь в Храггах навсегда. Меарским днем буду копать в огороде за аккуратным домиком под тесовой крышей, вечерами лениво беседовать с

соседями и потягивать густое домашнее пиво — втайне от Накусты Жош пару раз давал мне его попробовать. А чет-танским днем буду шастать по окрестным лесам и, конечно же, стану лучшим в деревне охотником!

Сейчас я мало обрадовался бы копанию в огороде и унылой сельской жизни. Впрочем, это именно потому, что я не остался в Храггах. Если бы Чистые братья не отыскиали деревню, я вырос бы другим. И скорее всего не шел бы сейчас в У-Наринну, а полол бы репу в том же огороде за домиком под тесовой крышей. И не знал бы, что мадхеты вовсе не то же, что анхайры, и никогда не встретился бы с мадхетом по имени Тури.

Но только гадать об этом бесполезно. Потому что нельзя прийти в Храгги и поглядеть на тех, кто там живет, чтоб понять, каким бы я стал. Храгг давно уже нет, и даже пепелище успело густо зарости молодым леском.

В тот день было особенно облачно и сыро, вязкая морось висела в воздухе, как муть в растревоженной луже. На пересвете я очнулся на задворках и, ежась от холода, нагишом прошлепал в дом. Напившись теплого квасу, дождался Жоша и Накусту, вернувшихся из леса вместе, и посетовал, что не могу вот так же свободно убегать на свободу и охотиться наравне со взрослыми. Правда, о времени охоты все равно никто из жителей Храгг не помнил, но что делать вулху в лесу, если не охотиться?

Да и мясо в деревне не переводилось. Это я помнил до сих пор.

Жош был хмур, как небо на дворе. Даже расхотелось приставать к нему с обычными вопросами, которые я, как всякий ребенок, задавал по сто раз на дню.

— Послушай-ка, Моран, — сказала Накуста нарочито весело, укутываясь в теплую шаль мышастого цвета. — Одевайся и мотай в Лучистый Лог, принеси меду.

— Так сыро же, — удивился я. — Пчелы как раз в дуплах сидят.

— Ничего. Выкуришь. Вон туес на лавке. Меду надо много.

Мне сразу показалось, что мед — это просто повод удалить меня из дому. Такое случалось... иногда. Спорить со взрослыми бессмысленно, все равно все произойдет так, как они захотят, поэтому я послушно натянул любимую курточку из лосиной кожи и потянулся к туесу.

— Оденься получше. Рубаху возьми валяную, холодно.

Я снова удивился. В лесу под дождем, конечно, не то, что в доме рядом с печью, но я и вообще без рубахи не замерз бы.

— И башмаки сбрось. Жош тебе сапоги даст.

Тут я вовсе онемел. Но неуклюжие постолы на деревянной подошве сбросил с радостью.

Сапоги мне позволялось надевать только по праздникам.

Отчим мрачно полез в кладовку под полом и осчастливил меня сапогами, рубахой, новыми штанами из той же лосиной шкуры, которые были мне еще велики, и даже сумку, расшитую бисеринками и отороченную бахромой, достал. Накуста немедленно набила ее снедью, словно идти мне предстояло не в Лучистый Лог, а в Риву по меньшей мере. А до Ривы ходу не меньше пяти дней, да и то если вулх в часы Четтана, взяв припасы в зубы, будет бежать в нужном направлении.

Но вулх, понятно, этого не сделает, а поэтому дорога в Риву обыкновенно занимала у жителей Храгг не меньше пятнадцати синих дней. Ведь нужно было еще все рассчитывать таким образом, чтоб никто из внешнего мира не догадался, откуда бредет на базар никому не известный путник и почему перед пересветом на Четтан он постоянно исчезает и до восхода Меара его не видно. В городе анхайры-соседи никогда не задерживались дольше, чем на один синий день. Полагаю, нетрудно понять — почему так.

Я об этом совершенно не вспоминал, захваченный новыми, восхитительно взрослыми вещами — одеждой, обувью, ножом, который дал мне Жош. Я позабыл обо всем и

согласен был на все — на полную харчей сумку, на требование наполнить туес сотами доверху, а до того и думать не сметь о возвращении, быть осторожным в лесу и десять раз подумать, прежде чем делать глупости. А лучше — подумать и не делать их. Я кивал, нетерпеливо ожидая момента, когда можно будет нырнуть под сень старого леса, взять в ладонь ладную рукоятку ножа и ощутить себя взрослым. Один на один с чащобой.

Наверное, поэтому я почти не запомнил прощание. Жош и Накуста знали, что никогда меня больше не увидят. Но я до сих пор не понимаю, почему они верили, что я пройду сквозь сжимающееся кольцо Чистых братьев и вооруженных вилами и цепями крестьян с горящей ненавистью в глазах.

Я сквозь него прошел и даже не заметил этого. Загадка, на которую ответа теперь не даст никто. В Логе я всласть наигрался в охотника, почти научился бросать нож, коротко, без замаха, и практически всегда нож втыкался отточенным кончиком в дерево, упруго дрожа. Даже туес набил сотами, как и требовалось. Потом с удовольствием слопал несколько ломтей ветчины с краюхой хлеба, натертой луком и сдором, запил из соседнего ручья и двинулся назад, торопясь, потому что мог не успеть до заката, если что-нибудь задержит.

Сумка со снедью, почти не полегчавшая, била меня по боку в такт шагам. Туес распространял дразнящий запах меда, а я шел, гордый самостоятельностью, и даже опухшие места пчелиных укусов, от которых я, понятно, не уберегся в должной мере, не волновали меня совершенно. И конечно же, я не успел, потому что в лесу трудно угадать время, оставшееся до пересвета.

Теперь мне кажется, что даже это Жош и Накуста предусмотрели.

«Если пересвет застигнет тебя не в Храгах, — много раз наставлял меня отчим, — ничего страшного. Сними одежду

и спрячь ее, чтобы никто, кроме тебя, не отыскал. Запомни и обязательно пометь место. Помочись где-нибудь рядом, вулху это пригодится в качестве знака».

Я разделся, сложил вещи в куртку, связал шнурком воротника и закопал в опавшую хвою прошлого круга вместе с сумкой и укутанным туесом. Поверх особым образом набросал сучьев. Оцарапал кору на приметной терхе и запомнил, как она расположена относительно сторон света и моего тайника.

Если вулх уйдет за четтанский день куда-нибудь, я потом смогу вернуться, потому что вулхи никогда не идут весь день в одном направлении, а в основном рыскают невдалеке от того места, где застало превращение.

И пришла Тьма.

Меарским утром я очнулся носом в основание своей меченой терхи. Вулх не подвел меня. Тучи за красный день растащило ветром, и косые лучи Меара полоскались в верхушках терх и сосен далеко вверх. У подножия деревьев густели тяжелые лиловые сумерки. Тайник мой оказался в порядке, только белки или бурундуки пытались добраться до сумки с едой. У них, хвала динне, ничего не вышло, потому что сучья я навалил поверх тайника тяжелые, да и укутал все достаточно надежно. Размышляя, не влетит ли мне от Накусты за непредвиденную дневку в лесу, я направился к Храггам. От Жоша точно не влетит: не зря же он снаряжал меня, словно посылал в путь на целый круг, а не до заката. Выслушав, как я вел себя на пересвете, Жош меня похвалит, я был совершенно уверен.

А вот Накуста... Женщин я понимал плохо. Впрочем, и до сих пор понимаю плохо.

Людей я почуял перед самым полуднем, когда уже не первый час сидел в малиннике и проклинал себя. Дело в том, что, пройдя каких-то полтысячи шагов, я заполз в малинник и затаился. Что-то не пускало меня в Храгги. Ну не мог я туда идти сейчас, не мог, хоть тресни, и почему — не

понимал. Словно внутри засела какая-то упрямая тварь и держала меня на цепочке. Потом я сообразил, что и вчера вечером не слишком-то спешил домой — путь, который я выбирал, скорее позволял отыскать удобное место для тайника и превращения, чем приближал меня к деревне. Только вчера я еще сам не понимал, что делаю. В общем, сидел я в малиннике и переполнялся помалу страхом, когда раздались голоса. Людей было много, и орали они что-то похабное. Часто поминали «проклятых оборотней» и «осиное гнездо». Кто-то тянул пьяную песню.

Будь у людей собаки, мне бы не отсидеться. Но собак увели к Риве Чистые братья, а я напоролся на возвращающихся по домам крестьян. Крестьяне после резни в Храгах перепились пива и не особенно разглядывали то, что крылось в зарослях.

Полумертвый от страха, я сидел в малиннике еще долго после того, как голоса затихли вдаль. Понятно, о несчастье я еще ничего не знал и очень переживал, что мне все-таки влетит от Накусты за долгую отлучку.

Лишь спустя добрый час я выполз из укрытия и мышкой поспешил к деревне.

Запах гари толкнулся мне в ноздри задолго до того, как я проскочил тропу к реке и осинового веника. А запах крови я почувствовал только на границе пожарища. Даже гарь не могла перебить этот острый упрямый запах, знакомый каждому вулху.

Только это пахла своя кровь, а не кровь умертвленной добычи.

Ничего. Черно-серое пепелище вместо деревни и запах крови анхайров.

Туес вывалился у меня из рук, и истекающие медом соты упали на жирную золу.

Мне было тогда неполных десять кругов. И совершенно ясно, что именно тогда начался теперешний я, теперешний Моран. Вернее, даже не теперешний, а тот, что совсем не-

давно встретился в Дренгерте с Лю-чародеем. Ибо за эти неполные одиннадцать дней пути произошло почти то же самое, что в лесу у сожженных Храгг.

Жизнь миновала крутой поворот и выбралась на совершенно новый, неизведанный участок пути. Что ждет там, в неясной пока мгле над дорогой, уводящей в непроницаемую даль?

Впрочем, я знал. Там ждет Каменный лес.

Дорога к нему ведет через Дикие земли, через наши с Тури души, через веру и неверие, через вехи воздуха, воды, огня, земли и железа, через слово, которое нужно держать, раз дал, через кровь хорингов и их утраченные и вновь обретенные знания, через магию, проникающую в души все глубже...

Теперь я понимаю, что имел в виду Лю, когда говорил, что до У-Наринны способен дойти далеко не каждый. И было лестно думать, что именно я, отродье и нелюдь, анхайр-полуулх, — способен. И Тури способна, женщина-кошка, мадхет, убившая прежнего хозяина Беша Душегуба и ставшая сама хозяйкой своей свободе.

И Корняга, причудливое создание, не зверь и не дерево, наделенное разумом, — способен, хотя ему как раз У-Наринна не особенно и нужна. Но вот идет с нами, даже немало помог, а однажды так и вообще выручил из совершенно немислимой трудности. В Сунарге.

Его-то что с нами объединяет? Ну, нас с Тури — понятно что. Но Корнягу? Что есть в нем такого, чего не найти в тысячах обычных людей, которым путь в У-Наринну ни за что не отыскать?

Не знаю. Просто не знаю. Может быть, когда-нибудь я пойму это. Но для этого нужно будет стать таким же мудрым, как чародеи. Я не могу понять — таков ли Лю? Иногда кажется, что у него множество лиц и множество характеров. Что он может быть одновременно и мной, и Тури, и даже Корнягой. И лекарем Самиром. И Иландом, древним, как

небо, хорингом, помнящим Смутные дни от начала времен. И отшельником Гасдом, способным предать во имя непонятных мне убеждений. И Кхиссом, навек оставшимся в Сунарре. И той самой маленькой девочкой, что повстречали мы у вехи железа. И даже Стражем Руд, железным чудищем во главе железной свиты.

Может быть, и Лю-старикашка — всего лишь одно из множества лиц, присущих неведомому мне чародею. Все может быть.

Вдруг я осознал, что не удивлюсь, если окажусь прав. У-Наринна покажет. Умение не удивляться — первый признак мудрости.

Но истинным мудрецом можно стать лишь тогда, когда снова повезет обрести умение удивляться.

Я чувствовал, что до второго Знака остается совсем немного идти. В смысле — ехать, я ведь верхом на Ветре. Скорее всего я успею еще до пересвета. Горы на горизонте оставались далекими и зыбкими, хотя Ветер шел размашистым экономным галопом. Я уже имел возможность убедиться, что он в состоянии скакать так дни напролет. Грустная карса отстала, но не потому, что не могла угнаться за конем, а из-за той же грусти. Когда она бывала в добром расположении духа, Ветра она могла и обогнать.

Меня все больше стал занимать вопрос: почему молчит Корняга? Это болтливое создание словно воды в дупло набрало. Конечно, досталось ему недавно, обгорел, но ведь сам говорит, что ничего страшного. Не сожрало его пламя — значит, оклемается. Не похоже, чтобы он особенно страдал от этого.

Мне кажется, он что-то чувствует. Что-то очень неприятное, но мне говорить либо не хочет, либо побаивается.

Я придержал Ветра и пустил его шагом. Пусть отдохнет, порядком уже отмахали. Хорошо скакать по равнине, расстояния съедаются мигом, не то что по горным осыпям или по лесу — день тащишься, а с места вроде и не стронулся.

— Скажи-ка, пень мой любезный, — обратился я к Корняге, и тот даже екнул от неожиданности. Наверное, моя вежливость его поразила. — Слышь, нет?

— Слышу, Одинец, слышу...

Корняга говорил с опаской и плохо скрываемым удивлением.

— Ты чего притих, а? Обыкновенно болтаешь, как сорока, а тут второй день от тебя слова не добьешься.

— Ну... — протянул Корняга, лихорадочно прикидывая, как бы поудачнее соврать. Но я его видел насквозь.

— Только не нужно сказок, — предупредил я. — Ты тоже что-то чувствуешь?

Корняга поежился, шевелясь на плече.

— Чувствую, Одинец.

— Что?

— Магию.

— Ты способен чувствовать магию?

— Да. Я ведь тоже в общем-то порождение магии.

— Чьей? — неожиданно заинтересовался я. — Хорингов?

— Нет, тех, кто правил этим миром до них.

— Предтечи?

— Да. Но они, понятно, называли себя иначе.

— Как?

— Ар...

Я, вывернув шею, умудрился в упор глянуть на Корнягу. И Корняга осекся.

— Не знаю, — наконец признался он. — Откуда мне знать? Действительно — откуда?

— Что за магия? — спросил я, возвращаясь к более насущным вопросам.

— Также не знаю. Но она преследует нас. Знаешь, что мне на ум пришло? Ползет себе жук по столу в темной пустой таверне. А над столом склонился человек с лампой в руке, и круг света падает на столешницу. Маленький такой круг, жук едва умещается. Он хочет выскользнуть из круга

света, лапами перебирает, спешит, бежит, но человек двигает лампу — и круг света настигает жука вновь. Жук снова бежит — но ему не уйти, потому что в сравнении с человеком и лампой жук — ничто. Он может только подбежать к краю стола и упасть на пол.

— Жуку падение со стола совсем не повредит, — заметил я, пораженный таким поэтичным сравнением. Ну даст пень! — Если ты хотел сказать, что мы бегаем по краю стола.

— Но круг света настигнет жука и на полу, — вздохнул Корняга. — Даже если он не разобьется. К тому же на полу жука легче раздавить сапогом, чем на столешнице.

— Значит, останемся на столе, — решил я и ненадолго умолк.

По правде говоря, Корняга очень удачно облек в слова все то, что я чувствовал. А чувствовал я вещь, которую боялся в этом мире сильнее всего.

Охоту. На оборотней. На меня и Тури. Чужая магия крадась по нашему следу, нащупывала нас с карсой, выискивала на пути в У-Наринну. С какой целью — можно и не говорить. Оборотней ищут только затем, чтобы убить. Я знал всего два исключения: лекарь Самир искал оборотней, чтобы лечить, а Лю-чародей отыскиал нас с Тури, чтобы послать в У-Наринну. Кстати, еще неизвестно, не равносильно ли это убийству.

Впрочем, я не верил, что Лю посылал нас на смерть, потому что это ничем не помогло бы ему, чародею. Не имело это никакого смысла. А вот если мы выживем, и все трое прорвемся к Трону...

«Стоп! — сказал я себе. — Это не больше, чем твои домыслы, Моран. Не беги впереди телеги, целее будешь».

— Кто может нас искать? — пробормотал я. — Кто-то, обладающий магией. Этот, как его... Седракс. Или снова хоринги. Хотя нет, магия хорингов совершенно непонятна, но легко узнаваема, и ее ни с чем не спутаешь. Нас преследует не их магия. Людская.

Значит, либо Седракс, либо кто-то еще, мне неизвестный. Да и Седракс, по сути, мне неизвестен. Только имя, да и то ненастоящее, потому что истинное свое имя чародеев не откроет никому и никогда.

Если нас выследят... то за каждым кустом может сидеть кто-нибудь вроде Чистого брата. Просто человека я разделяю в капусту, одного, двух, трех. Если они не мастера клинков. Или другого оружия. Если мастера — мне придется повозиться, а то и применить кое-что из арсенала тайных приемчиков... не всегда честных. Но я никогда и не говорил, что собираюсь драться честно.

«Погоди, Моран, — одернул я себя. — В твоём Каменном лесу снова стало темнее. Ну их, эти удары исподтишка и отравленные иглы. Что ты, не справишься простым мечом? Да еще если рядом карса и Ветер?»

Наверное, справлюсь. Еще в Торнсхольме глава цеха наемников удивлялся моей реакции. Не знал, бедняга, что у оборотней реакция чуть не вдвое быстрее человеческой. Это Унди меня просветил, и с некоторых пор я своей быстротой беззастенчиво пользуюсь. И всегда — успешно.

А вот если придется выходить против мастера магии, тогда плохо. Я хоть и существо непростое, сам пользоваться магией не умею. Чувствовать — чувствую, а пользоваться — увы.

Ладно. Будем последовательны, тогда не переполовинят, как говаривал старина Унди в минуты особенного просветления. Где удобнее всего сделать засаду? Я тут кусты поминал, но до самых гор кустов, похоже, не дожидаться. Равнина. Значит, не в кустах. А где?

Наверное, там, куда мы обязательно придем. Не сможем не прийти. Есть впереди такое место?

Есть. И только одно. Знак. Я уже чувствую его — ведь магию хорингов ни с чем не спутаешь. Мимо него мы не пройдем. И это единственное место, мимо которого мы не пройдем.

Ответ оказался прост. Следует не зевать у Знака, не считать ворон, а ждать неприятностей.

— Молодец, Корняга, — похвалил я задумчиво. — Ты меня предостерег. Я и сам чувствовал что-то такое... нехорошее. Но ты меня убедил окончательно. Молодец.

Корняга даже не напыжился. Только коротко ухнул, что означало у него печальный вздох.

«И надо бы предупредить Тури. Она, хоть и в теле карсы, может услышать. Я уже больше половины дня был вместе с вулхом. Завтра, поди, чуть не весь день пробуду».

Ветер продолжал идти шагом, и карса вскоре нас нагнала. Кажется, она повеселела немного. Я выпрыгнул из седла и коротко свистнул. Карса тотчас тенью метнулась ко мне и потерлась о ноги — это она любила. Я по обыкновению с трудом устоял на ногах, а потом почесал ей за ушами.

— Послушай, киса, — сказал я ровно. — Надеюсь, Тури сейчас меня слышит, хоть и не может подать никакого знака.

Карса фыркнула и стрельнула глазищами.

«Слышу, слышу, Одинец! Говори!»

Интересно, это действительно со мной общается Тури или я это все придумываю на ходу?

— Есть у меня подозрение, милая, что у Знака нам готовят веселенькую встречу. Так что ты это... коготки выпусти заранее, ладно?

Карса зашипела, тихо-тихо, и еле заметно выгнула спину. Ладно, будем надеяться, что ты меня поняла.

Я выпрямился и хотел уже вновь вскочить в седло, но тут меня вдруг обдало слабым, но вполне ощутимым порывом ветра. Легким, как вздох. словно над головой пронеслась невидимая птица.

Я с сомнением взглянул в хрустально-синюю бездну неба. Последнее время я не верил в случайность подобных мелочей.

Кустов на равнине я и впрямь не встретил. Зато валуны, изъеденные ветрами и равнодушным временем, стали попа-

даться все чаще. Небольшие, стоящий человек был замечен издалека, а вот стоило присесть — и все. Ищи хоть до окончания времен.

Засада была впереди — проснувшимся непонятным мне чувством я ее вычислил. Вон там, шагах в ста впереди, среди белых, как черепа, камней. Хотя нет, камни больше напоминают не черепа, а полуискрошенные и затупившиеся зубы великана.

Там. М-м-м... Трое. Все трое — маги. Пахнут они по-особому. Мысленно пахнут, конечно, а не в обычном смысле. Я ведь не вулх, который по настоящим запахам мастак. Не с человеческим носом ловить слабые запахи, доносимые легким ветром...

И провалиться мне тут же, если эти трое нас любят!

Но, помимо этих троих, я чувствовал еще и хорингов. И что самое интересное, нигде не видел столба с плоской пластиной на вершине.

Ветра я оставил далеко позади. Шагах в трехстах. Корнягу — тоже. А карса, понятно, прокралась со мной.

Я лихорадочно размышлял, как бы подобраться к этим троим поближе, когда в камень над нашими головами ударила тусклая фиолетовая молния.

— Эй, нечисть! Вылезайте. Вам все равно конец! — крикнули нам. И для вящей убедительности разнесли молнией еще один камень поблизости. Я пихнул карсу в одну сторону, а сам проворно пополз в другую.

Но в тот же миг я услышал, как тренькнула тетива лука, и белооперенная стрела мелькнула в вечернем небе. Меар опускался.

Тот, кто кричал нам, чтоб вылазили, ругнулся и зашипел от боли.

С треском распорол воздух еще две молнии, и в ноздри ударил свежий, как после грозы, запах.

«Влипли, — подумал я. — Между молотом и наковальней».

С одной стороны, эти... охотники на оборотней. С другой — хоринги, лично против которых я ничего не имел, но они против меня — имели. Убитого Иланда, например. Или Винара — я уже и не помнил, кого убил я, а кого карса.

Совсем рядом что-то происходило. Звуки мне ничего не говорили — я просто ни с чем не мог их связать. Никогда ничего подобного не слышал. Однажды воздух стал совсем синим, словно Меар сорвался с небес и рухнул за соседней россыпью камней, а раз невдалеке встал крутящийся рыжий смерч и кто-то диким голосом закричал. Потом некоторое время звенело железо, и это были единственные звуки, которые я опознал легко: рубились на мечах. Недолго и, кажется, безрезультатно. В том смысле, что никому из противников не удалось убить другого.

Высунуться я не решался, видеть же происходящее хотелось страшно, да и нужно было. Но как высунешься? Чтоб тут же молнию в лоб схлопотать? А озираться, лежа среди камней, толку было мало.

И вдруг взгляд мой сам собой упал на камень, в который я вжимался плечом. В очередной раз пошевелившись, я повернулся и наконец увидел, на что опирался.

На камне цвел живой рисунок хорингов. Одну грань камня отшлифовали до зеркальной гладкости, и древний мастер вдохнул в холодную глыбу часть своей нечеловеческой души.

Тьма! Я обполз камень, чтоб глянуть с другой стороны, и не ошибся. Рисунок был и там. Иной.

Я ползал вокруг Знака. Второго Знака на пути к У-Наринне.

Никогда не думал, что такое случится.

И я попробовал сосредоточиться, чтоб увидеть рисунок таким, каков он есть на самом деле. Живым.

Трое людей прятались среди россыпи камней. В руках двоих было оружие, третий шептал заклинания. Губы шевелились совершенно беззвучно, но мне казалось, что я не понял бы ни слова, даже если б слышал, потому что так

растягивать губы можно, только произнося совершенно чужие слова.

Рядом с троицей сгустилась вечерняя синева, обретая очертания сутулой фигуры с могучими плечами и ручищами до пола. Фигура налилась плотью и сделала первый неуверенный шаг. Тотчас я понял, что плоть ее — призрачная. Это фантом, боевой магический фантом.

Маги. Все-таки эти трое — маги. Ну по крайней мере один из них.

Фантом легко вспрыгнул на камни и рванулся к прячущимся вдали фигурам. Но он не успел: перед ним вдруг сплелась тонкая мерцающая сеть из зеленоватых нитей. Она не задержала фантом, но рассекла на бесформенные части, которые беспорядочно рассеялись и медленно растаяли.

Я проворно переполз на другую сторону. И растворился в другой картинке.

Хоринги. Восемь хорингов с луками и короткими мечами. У одного в руках маленький хрустальный шарик, излучающий слабое сияние. Я вторично пронаблюдал, как сеть развеяла фантома, только с другой точки.

— Аншан! — крикнул хоринг с шариком, обращаясь к магам по ту сторону камня. — Мы не дадим их убить. Уходите, и пусть нас рассудит светлая У-Наринна!

— Она уже рассудила нас, Ульфенор! Зря вы вернулись из бездны.

— Не зря.

— Зря. И бездна вновь поглотит вас. На этот раз навсегда. — В голосе мага звучали издевка и презрение.

Один из хорингов вдруг вскинул лук и не глядя выпустил стрелу куда-то вверх. Обычно, без всякой магии. Вдали кто-то сдавленно охнул.

Так я научусь ползать, словно червь!

Взглянув на сторону людей-магов, я убедился, что стрела торчит в плече у одного из них.

— Он мог бы попасть тебе в глаз, Рунси. И ты знаешь об этом.

В ответ раздалось маловразумительное, но с чувством, проклятие.

— Уходите, — повторил хоринг. — Мы не дадим их убить.

— Вы же сами хотели их убить, Ульфенор! — крикнул тот, которого звали Аншаном, молодой, похожий на хадасца маг с черной щеточкой усиков над верхней губой. Одежда выдавала в нем не просто мага, но мага-воина.

— Теперь — не хотим. Мы хотели убить слуг Седракса. Но они идут не с вами. А значит, подождем до У-Наринны. И решим все там.

— Значит, Лю вам больше по нраву, чем Седракс, так, Ульфенор?

— Так.

— Почему?

Хоринг усмехнулся — я глядел уже на него, успев переползти.

— Потому что он не собирается навеки отдать нас бездне.

— Откуда ты знаешь, что Лю собирается сделать, а чего не собирается?

— Лю не человек. Эти двое — тоже. У нас есть общие счета против людей. Обратней вы сейчас истребляете так же, как истребляли когда-то хорингов. Люди не желают делить мир ни с кем. А оборотни могут с нами поделиться. По крайней мере я на это надеюсь.

— А у них ты спрашивал?

— Спрошу. Когда придет час.

Меар опускался все ниже. Тьма, скоро я превращусь. Долго они еще препираться будут? Это, конечно, все безумно интересно, но время... Его не обмануть.

Когда я в очередной раз переполз на сторону людей, я увидел лишь застывшую картинку на камне. Аншан и двое его спутников исчезли. Вняли совету хорингов и убрались. Оставив после себя только сломанную стрелу с окровавлен-

ным наконецником на усеянной каменной крошкой земле. А потом эта картинка медленно погасла, и из глубины камня проступил другой рисунок. У-Наринна. Каменный лес. И белая птица над грубо отесанными дольменами.

Вот так-так! Хоринги ищут с нами мира! Вот бы с ними поговорить. Тьма, с ними нужно обязательно поговорить! Непременно!

Я ощущал, что рядом со мной остались только Старшие, а люди исчезли. Совсем. Теперь они далеко... и пойдут в У-Наринну своей дорогой. Непохожей на мою, или дорогу хорингов.

А хоринги неровной цепочкой шли на запад, огибая глыбы. Только бы они не решили пойти магическим путем, как Аншан, Рунси и третий маг! Если пойдут — я их не догоню.

Меар сел наполовину.

— Тури! — позвал я негромко. — Ты где?

Карса бесшумно образовалась рядом, у самых ног.

Мы вернулись к Ветру, и я лихорадочно стал сдирать с себя одежду.

«Кажется, обстоятельства нас разлучают, — подумал я. — И надо успеть уйти, пока ты не превратилась в человека. Иначе ты меня ни за что непустишь. Впрочем, у меня еще есть в запасе немного времени — сейчас покажется Четтан, и я превращусь. Ты же еще некоторое время останешься карсой. И я успею уйти».

Корняга вопросительно пялился на меня. И карса тоже. Именно карса — не Тури, это я ощутил, уж и не знаю чем.

— Слушай, пень, — торопливо заговорил я. — Я ухожу, это очень важно. Передай Тури, пусть идет в У-Наринну, как и раньше. Я оставляю ей все — Ветра, одежду, припасы. Встретимся уже в Каменном лесу. Это действительно важно, понял? И... — Я помедлил. — Пусть не сердится на меня.

Если хоринги из врагов станут друзьями, у нас гораздо больше шансов там, у Трона. Ведь если победят такие, как

Аншан, охотник на оборотней... я не захочу жить в таком мире.

У меня даже не осталось времени удивиться своей уверенности в вещах, о которых я еще утром догадывался весьма смутно.

Осталось одно: заразить своим желанием вулха. Чтобы он пошел за хорингами. Слышишь, вулх? Не подведи, пожалуйста!

Прохладный ветер струился навстречу моему обнаженному телу. Хоринги уже исчезли из виду, но это не беда: вулх отыщет их по следу.

Превращение бросило меня на камни, словно толчок в спину.

Надеюсь, я не совершаю никакой ошибки.

В этот раз пришедшая Тьма показалась мне особенно плотной.

ГЛАВА 25

Четтан, день тринадцатый

Я открыла глаза. Из двух Солнечных Близнецов на небе остался один Четтан. Я, женщина-мадхет по имени Тури, снова обрела человеческое тело.

Меар ушел под землю и унес с собой синий день. Но память о прошедшем дне осталась со мной. От восхода Меара до его заката я почти все время создавала себя, и теперь в памяти было лишь несколько провалов. Но даже они меня раздосадовали. Потому что я, например, не помнила, что случилось перед самым пересветом. У меня осталось лишь смутное чувство, что Одинец куда-то ушел. Куда? Зачем?!

Четтан заливал горячим светом поле вчерашнего сражения.

Необычного сражения. В котором никто не сходил с противником лицом к лицу. Это была схватка магий, и со-

перники не собирались убивать друг друга. Настоящая битва ждет нас всех впереди, у Трона.

Впрочем, мы с Одинцом вчера были только свидетелями магической драки. У нас над головой свистели стрелы и вспыхивали фиолетовые молнии. А мы скорчились за валунами, уткнувшись носом в камень. Если мы и в У-Наринне будем так себя вести, то я не очень представляю, зачем Лю нас туда отправил. Какой ему от нас прок? Чего он хочет? Чтобы мы украшали собой пейзаж? Сомневаюсь.

Я фыркнула.

Кстати, где его самого джерхи носят? Лю вроде бы обещал присоединиться к нам еще трое суток назад. В тот день, когда я очнулась на дне реки, а потом мы побывали в родном лесу Корняги. Ну и где же чародей?

Может, его и впрямь шерхи задержали. В смысле хоринги. Я что-то не очень поняла, сколько их вообще идет в Каменный лес, и все ли они участвовали вчера в магическом состязании у Знака. Может, некоторая их часть общалась с Лю. А может, он с Седраксом встретился? Ох, чует мое сердце, что я и сегодня не увижу старика. Очень жаль. Потому что не мешало бы задать ему пару вопросов. Или пару десятков вопросов? Тьма!

Один вопрос я задам прямо сейчас. И не чародею.

— Хэй, Корняга! — позвала я, оборачиваясь.

— Здесь мы, — отозвался скрипучий голосок.

И моим глазам предстало дивное зрелище. Растопырив ветки и встопорщив сучья, пенек восседал верхом на жеребце. Он даже ухитрился зажать в корнях повод. Ветер скептически косил на Корнягу карим глазом, но стоял смирно, не делая попытки сбросить деревянного всадника.

Я расхохоталась.

— Смутные дни! Тебя, Корняга, надо на ярмарках показывать. Ты, часом, фокусы показывать не умеешь? Или мячами жонглировать?

— Умею, — проскрипел корневик. — Но не стану. Мне на ярмарку нельзя. Не люблю, когда много людей. Боюсь.

Я пожала плечами. Каждый чего-то боится. Мне тоже всегда было страшновато в шумных и многолюдных местах: что, если толпа признает во мне оборотня? Но все равно на ярмарках весело. Я вдруг поймала себя на мысли о том, что скучаю по городской жизни. Моему мысленному взору предстали заполненные гуляющим народом улицы и площади Хадаса. Хочу в Хадас!

Но только после У-Наринны. Если сильно хотеть в Хадас по дороге в У-Наринну, то можно и в Сунарру угодить. Опять. И на этот раз навсегда.

— Да! — встрепенулась я. — Корняга! Где Одинец?

— Ушел за хорингами, — сказал пенек. — Велел тебе передать, что это очень важно и чтобы ты не сердилась. А встретитесь вы уже в Каменном лесу. И... это... он ничего с собой не взял. Ушел нагишом.

Между нами вдруг повисло молчание. Значит, вот оно как. Ушел от нас Одинец...

— Надеюсь, хоринги дадут ему штаны, — сказала я, чтобы сказать хоть что-нибудь. — Завтра. Сегодня-то вулху штаны ни к чему.

Корняга скрипуче хихикнул. Наверное, честно представил себе вулха в штанах. Я тоже представила. Но не улыбнулась.

Мне было грустно. Грустно и одиноко. Все-таки разошлись наши с Одином пути. Мы по-прежнему будем идти вместе, в одной упряжке. Но — порознь.

Анхайра сманила таинственная тропа Старшей Расы, и какой-то частью своей души я его понимала. Я почувствовала притягательную силу образа мыслей хорингов, когда разговаривала с умирающим Винором. С хорингом, которому я — в теле карсы — нанесла смертельные раны. И я же стала доброй динной-хранительницей для его ушедшей в вечную Тьму души. Тем самым я тоже отчасти разделила путь хорингов.

Хотя и в гораздо меньшей степени, чем решил это сделать Одинец.

Видно, такова уж природа оборотней — встречая кого-то, проникаться его мыслями. А может, это свойственно любому живому существу?

Я покачала головой и потянулась к брошенной на камень одежде. Чем ближе к У-Наринне, тем больше вопросов у меня появляется. Если так пойдет и дальше, то в моих мозгах не останется места для ответов. Надо бы, до того как задаваться следующими вопросами, прояснить уже существующие.

Ах, как легко и бездумно жилось мне всю жизнь среди людей! Я принимала все происходящее в мире как непреложный закон. И очень редко задумывалась над причинами и целями. Самые серьезные из вопросов, над которыми мне случалось размышлять в прошлой жизни, вызывали у меня теперь лишь снисходительную улыбку.

Я наклонилась за сапогами, лежащими рядом с камнем. И замерла.

Потому что камень не был обычным валуном. На его отшлифованном боку сверкал яркими красками живой рисунок хорингов. Так вот как выглядит второй Знак! Вчера я его не разглядела. Зато Одинец, надо полагать, разглядел — иначе бы наша одежда не оказалась именно здесь.

Я всмотрелась в рисунок.

А в следующий миг я почувствовала себя там, внутри картины.

На главной площади богатого восточного города Хадаса.

Я сразу узнала фонтан в виде двуглавого удава, из разинутых пастей которого струйками сбегала вода. Только я не слышала ни журчания, ни плеска — картина была беззвучной.

Вода искрилась в лучах заходящего Четтана. Здесь был вечер красного дня. Я огляделась, ожидая увидеть праздных горожан, собравшихся ко дворцу правителя на церемонию

смены караула. У хадасского правителя было две сотни дворцовой гвардии — Красная и Синяя, и смена гвардейцев на пересвете отличалась особой пышностью.

Однако я с удивлением заметила, что площадь почти пуста. А немногочисленные прохожие не были похожи на зевак. Они явно спешили каждый по своим делам, и вид у них был испуганный.

Тьма! Что стряслось в прославленном Хадасе? Междоусобица? Или — страшно сказать — моровое поветрие?

Я нахмурилась, пытаюсь понять. И картинка словно бы отделилась от меня. Теперь я как будто парила в воздухе над городом, озирая его с высоты птичьего полета. Мне открылись запутанные узкие улочки, просторные площади и тесные перекрестки, плоские крыши домов с садами и беседками. На дне дворов и в руслах улиц уже залегли глубокие тени. Четтан бросал прощальные косые лучи на каменный дворец правителя, на окружающую его зубчатую стену, на высокую — вдвое выше аьетотской — Неспящую башню.

Что я вижу на живом рисунке? Настоящий Хадас? Или рисунок лжет мне, показывая лишь мое представление о городе?

Солнце скрылось за горизонтом. Тьма накрыла город черным крылом, и россыпью жемчуга засияли звезды.

В тот самый миг, когда угас последний красный луч, картина подо мной взорвалась звуками.

Вопли отчаяния и ужаса наполнили улицы, заметались эхом среди домов. Звериный вой, крики, плач, стенания доносились со всех концов города. И, перекрывая все густым раскатистым басом, ударил колокол на Неспящей башне. Тревожный звон поплыл над Хадасом, поднимаясь в темное небо.

Смутные дни! Голос Большого колокола нельзя было не узнать, даже если слышишь его впервые.

Колокол-великан возвещал наступление Тьмы.

Но что же все-таки творится в Хадасе?

Большой колокол захлебнулся басовитым плачем. Я потянулась вниз и рухнула камнем с высоты — хорошо, что мое тело в этом не участвовало. В мгновение ока я оказалась в дворцовом парке, на круглой мраморной площадке, окруженной балюстрадой. Светлый мрамор таинственно отсвечивал в темноте. А посередине площадки, хрипло рыча и воя, дрались два зверя. Они сцепились в один клубок и катались по гладкому камню. Когда на мгновение враги разъединились, я увидела, что это два гвардейца. Синий и красный мундиры во тьме казались почти одинаковыми. Синий был чуть светлее.

Красный гвардеец изловчился и обхватил противника сзади за шею. Хрустнули позвонки. Жуткий вой победителя огласил дворцовый парк. Гвардеец запрокинул голову, и звезды искрами холодного огня отразились в его бессмысленных глазах, похожих на две мелкие грязные лужицы. В глазах существа, утратившего всякое подобие рассудка.

Я невольно отпрянула.

И живой рисунок тотчас же отпустил меня. Я обнаружила, что смотрю на пеструю мешанину цветных пятен на поверхности камня. Вороной жеребец положил голову мне на плечо и жарко дышит в ухо. Я отодвинулась.

Добрые джерхи! Странствуя по лесам и равнинам вдали от людских городов, я ни разу не задумалась над тем, что же происходит там сейчас. Вот, оказывается, по какой причине время темных пересветов названо Смутными днями. Потому что для людей это время безумия, время бессмысленного насилия и разрушений.

И еще, надо полагать, люди не помнят, что происходит с ними во Тьме. Тогда понятно, почему звезды стали легендой — услышанной, вероятно, еще от хорингов. Не так уж невообразимо велик срок от одних Смутных дней до других — около полутора сотен кругов, — но те, кому довелось пережить ужас Ночи, стараются забыть о нем. А следующее поколение уже и не знает толком, чего ждет бессонный звонарь подле Большого

колокола. Только Чистые братья, как видно, хранят сведения о Смутных днях... и ненависть к оборотням.

Так вот почему Чистые братья ведут охоту на оборотней! Вот за что они убивают нас! За то, что во тьме Ночи, когда люди превращаются в злобное зверье, мы остаемся людьми.

Я грустно усмехнулась. Выходит, в мире вообще нет людей — таких, какими я их себе представляла. Есть только разного вида оборотни. Анхайры, которых Четтан заставляет принять облик зверя. Мадхеты, которым звериное тело навязывает Меар. И те, кто считает себя настоящими людьми — в отличие от нас, нечисти. Те, кого Тьма лишает разума и души.

А еще мне стало вдруг понятно, почему «смутные дни» и «темное небо» превратились в ругательства. Ночь выворачивает наизнанку самые потаенные углы человеческого сознания. И самое постыдное, что хранилось в тайниках души, выплескивается наружу.

Тьма! Да, это по-настоящему страшно. И есть только два способа жить дальше. Либо забыть обо всем и продолжать копить в душе грязь и хлам, подспудно понимая, что на самом деле ты — ничтожество. Либо признаться себе, что ты — жалкая скотина, и постараться стать лучше. Как правило, люди предпочитают забыть. Поэтому так грязны их дома, города и мысли...

А мадхету или анхайру приходится быть честным перед собой. Потому что каждый синий (или соответственно красный) день он проводит в звериной шкуре. И если мне кто-нибудь скажет, что я — животное, меарским днем я наверняка не смогу возразить. Хотя бы потому, что не буду владеть человеческой речью.

Я задумчиво почесала нос. Эх, был бы жив Унди, светлая душа... Я бы сейчас с ним побеседовала на эту тему. Унди так прямо и говорил: человек по своей природе — скотина. Только я его все как-то недопонимала. Мда-а, вот уж кто-кто, а старина Мышатник столько раз напивался до скот-

ского состояния, что любого оборотня мог заткнуть за пояс. В смысле осознания своей животной сущности.

Все-таки яхватила через край. Встречаются под солнцами и хорошие люди. Если им еще и растолковать то, что я сама поняла... Тьфу ты! Не успела толком в своей душе разобраться, а уже норовлю в чужих порядок наводить. Хрен с ними, с людьми. Жили без меня тысячи кругов — и дальше проживут. Мне бы лучше найти таких же, как я, оборотней. Не может быть, чтобы в целом мире не нашлось места для города мадхетов. Есть, наверняка есть такой город.

Я даже зажмурилась от восторга. Вот куда я хочу попасть, а вовсе не в жалкий Хадас! Джерхи! Наконец-то я поняла, что буду делать после У-Наринны. Я отправлюсь странствовать по миру в поисках города оборотней. Почему-то мне показалось, что он должен называться Темным городом. В нем, конечно же, есть Неспящая башня. Когда приходит Ночь, Большой колокол башни гудит торжественно и радостно. И крылатые демоны скользят в темном небе над городом, взмахивая крыльями в такт колокольному перезвону.

Тьма и демоны! Как мне найти этот город?

Нет-ли у путеводного Знака хорингов обратной стороны, как у того первого Знака, который мы видели на вильтской равнине? И если на этом боку валуна я увидела Хадас — то, может быть, рисунок на другой стороне камня покажет мне Темный город?

Я обошла валун и склонилась к живой картинке. Всмотрелась в мельтешение разноцветных линий и точек.

Рисунок исчез. Все линии слились, все цвета заменил один — ослепительно синий, как небо меарского дня. И я растворилась в нем.

Память синих дней за все двадцать с лишним кругов моей жизни хлынула мне в душу.

Я вспомнила себя крошечным котенком, который на неуверенных лапках впервые выбрел на крыльцо. Сладко

зевнул, утомившись от длинного пути, и доверчиво повалился кверху пузиком. И лучи Меара гладили меня по рыжей шерстке...

Я вспомнила себя взрослой карсой, по приказу Беша вонзающей клыки в горло человека. И утробное рычание, с которым я позже лизала соленую кровь поверженного врага...

Я вспомнила себя карсой-подростком, которая бросилась на человека без приказа Хозяина. И даже вопреки запрету Хозяина. На приезжего южанина, которого звали Сисар...

Мне было двенадцать кругов, но я еще не стала взрослой. Настоящая карса, дикий лесной зверь, взрослеет за каких-нибудь три-четыре круга. У карсы весь жизненный срок — кругов двадцать, от силы двадцать пять. А я, оборотень, в свои двенадцать была шаловливым котенком.

И у меня был друг.

Вообще-то я с кошками не дружила. Или они не дружили со мной, это как посмотреть. Кошки вообще редко дружат с себе подобными. Общаются — да, но не дружат. Я считала их ограниченными и самовлюбленными и безжалостно гоняла со всех мест, где нравилось бывать мне. Из уютного уголка за задним крыльцом, например. Или с крыши сарая.

Но полосатый котенок, приблудившийся к нам во двор, мне понравился. Он был такой веселый и беззаботный, он так безоговорочно признавал мое старшинство — но при этом совсем меня не боялся...

У Тури-девчонки друзей среди окрестной детворы не было. Беш чуть ли не с колыбели вбивал мне в голову, что я должна держаться в стороне от людей и помалкивать — если хочу выжить. А вот Тури-карсе повезло. Ей достался полосатый друг, с которым можно было носиться по двору, играть в прятки, катать мяч, ловить мышей в сараях и валяться за крыльцом. Чем мы и занимались самозабвенно все синие дни напролет. Кроме тех часов, которые Беш посвящал моей дрессировке.

Я была счастлива и не думала о будущем. Я вообще в том возрасте думала редко. И в человеческом воплощении, и тем более в зверином.

А потом в доме Беша появился чужой человек Сишар.

Это был плохой человек. От него исходил запах опасности. И я прекрасно поняла, почему Хозяин велел мне вести себя тихо. Я с самого утра укладывалась в лопухах под забором и выходила оттуда, только если Беш звал меня. Я-то поняла, но вот котенок никак не мог взять в толк, что со мной стряслось. Он смотрел на меня прозрачными глазами и вопросительно мяукал. Я сворачивалась в клубок и всем своим видом старалась убедить его, что нам надо оставаться здесь. Иногда приятель взбирался ко мне на спину и послушно засыпал, а иногда недовольно поводил хвостом и отправлялся восвояси.

Так продолжалось несколько дней. Однажды вечером Хозяин свистнул меня из лопухов, взял за ошейник, и мы отправились на задний двор. Сишар был там. Днем к нам заходил оружейный мастер, и Сишар купил у него метательные ножи, а теперь решил их испробовать. А может, он хотел похвастаться перед Бешем, как мастерски он владеет этим оружием.

Сишар бросал ножи действительно отменно. С закрытыми глазами, через плечо, в кувырке — из любого положения он направлял нож в круг, нарисованный углем на стене сарая. Хозяин сдержанно хвалил мастерство Сишара. Я томила и зевала. Наконец гостю надоело откалывать щепки от стены, и он сделал знак слуге, чтобы тот забрал ножи.

И в эту минуту на задний двор выскочил полосатый котенок. Может быть, он искал меня. А может быть, забежал сюда просто так. Завидев меня, он радостно бросился к нам.

Сишар восторженно и выхватил у слуги нож.

— Спорим на рыжую девчонку — я в него попаду! — обратился он к Бешу.

Хозяин натужно засопел, собираясь отвечать. Но чужак не ждал ответа. Он легко и плавно взмахнул рукой.

Острая сталь пригвоздила к земле маленькое полосатое тельце. Котенок запищал жалобно и пронзительно. И почти мгновенно умолк. Нож разрубил ему позвоночник. Глаза котенка остекленели. Только задние лапки еще продолжали подергиваться.

А человек, походя отобравший жизнь у маленького существа, нагнулся над ним и придавил ногой трупик, чтобы выдернуть вошедший глубоко в землю нож. И выпрямился с довольной улыбкой, обтирая нож о голенище сапога.

Я прыгнула.

— Не смей! — крикнул Беш. — Нельзя!

Я целилась когтями в лицо чужака, но промахнулась и вцепилась ему в шею. Сишар не устоял на ногах, и мы покатились по земле. Я видела совсем близко его перекошенное яростью и болью лицо, я чувствовала, как струится из-под моих когтей горячая кровь. Я зарычала. Я раскрыла пасть, чтобы сомкнуть клыки на его горле.

Но человек был опытным бойцом, а я — нет. Сишар извернулся так, что я оказалась внизу, и взмахнул ножом. Стальное острие летело мне прямо в глаз. В последний миг я увернулась, и нож вспорол мне кожу над глазом, а потом ударил в висок. Хрустнула кость. Я не почувствовала боли — только слепящую ненависть.

И синий вечер для меня померк.

Назавтра, когда я очнулась целой и невредимой, Сишара в нашем доме не было.

В тот же день Беш стал учить меня нападать на человека.

Я пришла в себя, стоя на коленях и привалившись лбом к гладкому камню. На джерховом рисунке снова ничего нельзя было разобрать. Я оперлась о валун и поднялась на ноги. Ноги дрожали.

Я потеряла висок привычным жестом. Ну вот, теперь я знаю о себе все. И мне не в чем упрекнуть того зверя, кото-

рым я была девять кругов назад. Разве что в том, что он не сумел прикончить Сишара.

Тури-человек тоже бросилась бы на южанина — и, надо полагать, с гораздо меньшим толком. Хотя той девчонке, которой я была девять кругов назад, полосатый котенок был незнаком. Он не оставил следа в моей человеческой памяти, в памяти четтанских дней.

— Бедный безымянный котенок... — пробормотала я. И поправила метательные ножи в наручах.

Вполне возможно, Сишара уже нет под солнцами. Но если он еще жив, я его найду. И не важно, встретимся мы с ним синим днем или красным. Я — это всегда я.

За спиной у меня зашуршало. Это Корняга попытался самостоятельно слезть с коня. Он висел на стремени и был похож на запутавшееся в упряжи воронье гнездо. Только вороньи гнезда не дрыгают ветками.

Я подошла к Ветру, молча пересадил корневика себе на плечо, подтянула подпругу и вскочила в седло.

— Вперед, Ветер!

Второй из хорингских путевых Знаков остался позади. Жеребец неся вскачь по равнине, и поднявшийся Четтан снова грел мне макушку.

— Что ты делала столько времени у этого камня? — нарушил молчание Корняга. — Одинец вот тоже вчера на него смотрел. То с одного бока заглядывал, то с другого. Ползал вокруг и смотрел попеременно.

— А ты, что ли, ничего там не видишь? — удивилась я.

— Ничего, — проскрипел Корняга. — Камень и камень.

Вот так штука! Оказывается, хорингские картинки не всем видны. Если пенек не врет, конечно. Корняге соврать проще, чем собаке гавкнуть.

И тут я вспомнила, что давно хотела кое-что спросить у корневика, но никак не получалось. Не до того было. Почему-то всегда находились дела поважнее.

Неутомимый Ветер мчал нас на запад — туда, где светлая У-Наринна сияла над миром, как путеводный костер. Завтра, то есть на следующие сутки, мы будем в Каменном лесу. Прямо сейчас нам никто и ничто не угрожало. Плоская, как крыша хадасского дома, равнина просматривалась до самого горизонта, и только там, на самом горизонте, я увидела темное пятно и ощутила присутствие живых существ. Равнину пересекал табун диких лошадей. Или стадо тегланов.

В общем, если я хочу добиться от лживого пенька некоторых фактов, то сейчас — самое время. Я обернулась к Корняге.

— Значит, говоришь, демон с тебя в уплату за провоз магический сосуд стробовал? — обманчиво-невинным тоном поинтересовалась я.

— Да-а, — жалобно скрипнул Корняга. — Стробовал. Мерзавец!

— И правильно сделал, — рассудительно сказала я. — За все надо платить. А, Корняга? Понимаешь, к чему это я, милый пень?

— Не понимаю, — проскрипел корневик.

— Понима-аешь, — протянула я. — Еще как понимаешь. Вот что: либо ты сейчас ответишь на мои вопросы — причем правдиво! — либо я тебя ссажу с коня. И будешь ты отсюда до обитаемых земель добираться своим ходом, или, если захочешь, укореняться прямо здесь. Мне без разницы. Ну?

Корняга душераздирающе вздохнул. Потом еще раз вздохнул. А потом тихонько сказал:

— Отвечу...

Я усмехнулась себе под нос. Первый шаг в разговоре мы сделали в мою сторону. Пойдем дальше.

— Для начала скажи, случайно ты мне в юбенском лесу подвернулся или не случайно? Только правду!

— Не случайно, — проскрипел пенек. — Меня чародей нанял, чтобы я вас вывел на засаду.

Темное небо! Я так и подпрыгнула в седле.

— Какой чародей?!

— Не знаю, я его прежде не встречал, — с запинкой ответил Корняга. — Ну... сильный чародей. Умелый. Имя ему — Ассанг.

— Ассанг? — недоверчиво повторила я. — А ты не врешь? И не путаешь? Может, это был Аншан? Или Седракс?

Других чародеев я не знала. Хотя, чем джерх не шутит — может, это был Лю? Только зачем бы ему отправлять нас навстречу разбойникам?

— Нет, — упрямо сказал Корняга. — Ассанг.

— Ладно. — Я решила оставить пока этот вопрос, но тут меня осенило: — А как он выглядел, твой Ассанг? Старый или молодой?

— Вроде молодой, — раздумчиво проскрипел корневик. — Больше трехсот кругов ему с виду не дашь. Я вообще-то в возрасте чародеев плохо разбираюсь.

Тьма и демоны! Славно пенек меня уел. Каков вопрос — таков ответ...

Значит, в раскладке сил присутствует еще один чародей по имени Ассанг. Непонятного возраста, невыясненной внешности и с неизвестными намерениями.

— А зачем он хотел навести нас на засаду?

— Чтобы вы забрали у разбойников ножны, — сказал Корняга. — Потому что Опережающий служит лишь тому, кто взял его в бою.

Я вдруг взъерилась.

— Ах ты, мерзкая деревяшка! Ты все это знал — и молчал?! И про меч знал, и про Каменный лес?

Я завела руку за плечо, ухватила Корнягу за корешки, как шкодливого щенка, и вытащила его из-за спины.

— Не сердись, Тури, — взмолился пенек и зыркнул на меня черными бусинками глаз. — Одно я знал, про другое догадывался, а про третье мне и сейчас ничего не известно. Про меч мне Панч уже потом рассказал.

— Панч?

— Разбойничий колдун, который в Сунарре остался, — торопливо подсказал Корняга.

Я вздохнула. Значит, неведомый Ассанг хотел, чтобы у нас оказался Опережающий. Магический меч, который принимает разные облики и неизменно оказывается в руке хозяина, когда он нужен... Стоп, я-то это откуда знаю?

Да как-то сложилось само собой по мелочам. Хорингская надпись на оковке ножен, слова Рудного Стража... Разбойничий меч, который выпал из руки владельца к моим ногам во время драки в сунаррской таверне. И чьи-то мысли, вписанные между моих собственных. Чьи? Невольно подслушанные размышления Одица? Или подсказка далекого Лю? Ох, странные вещи творятся нынче в моей голове. Все это магия, будь она неладна.

Стадо тегланов, которое темным пятнышком маячило на горизонте, тем временем оказалось прямо перед нами. Ветер, не сбавляя хода, на всем скаку врезался в него. Тегланы с возмущенным визгом бросились в разные стороны. Корневик, который все еще болтался у меня в руке, пискнул и зажмурился. Я опустила его на луку седла перед собой.

Итак, Ассанг скорее друг, чем враг. А Корняга, подлый пень, умудрился соврать мне про меч даже не один раз, а два. Или три? Ага, вот о чем я еще хотела его спросить...

— Слышь, урод! — неласково обратилась я к пеньку.

Корневик торопливо открыл глаза.

— Когда ты в лесу около озера к ножнам потянулся, тебя магической искрой шарахнуло, — продолжала я. — А, помнится мне, позавчера я тебе разрешила взять из сумки лоскут кожи, чтобы от солнца прикрыться. И Опережающий тебя не тронул. В чем же дело?

— В лесу около Слезы Великана я попытался ножны своей магией потрогать, — вздохнул пенек. — Ну и получил по корням.

Я разинула рот. Вот это да! Откровение за откровением.

— Откуда у тебя своя магия?!

— От Предтеч, — гордо скрипнул Корняга. — От тех, кто жил в мире прежде хорингов. От наших создателей.

У меня голова пошла кругом. Я даже вцепилась в повод, чтобы не сверзиться с коня.

— Кого — создателей? — слабо спросила я.

Корняга вдруг приосанился, расправил ветки и произнес нравоучительным тоном:

— Удивляюсь я тебе, госпожа Тури. Ты иногда все с полуслова понимаешь, а иногда таких простых вещей понять не можешь, какие любой человек давно бы понял. Откуда корневики произошли — знаешь?

— Ясен пень, из Первого семени, — фыркнула я. — Вы мне это сами сказали.

— А кто, по-твоему, Первое семя в землю посадил? — торжественно спросил Корняга. — А? Вот это они самые и были, Предтечи. Которые сотворили корневиков. Теперь понятно?

Я молча пощупала голову. Голова была на месте. Может, пенек снова врет? Только уж больно складно. И на правду похоже. Потому что если прежде людей в мире были хоринги, то должен был быть кто-то и прежде хорингов...

— Какие они были? — тихо спросила я.

— А... не знаю, — запнулся Корняга. — Хоринги вообще-то должны помнить. Но они, наверное, не захотят рассказывать. Предтечи были их учителями, а потом хоринги с ними рассорились... ну, как после — люди с хорингами.

Я кивнула. Да, такая история мира похожа на правду. Почему-то история ссор и недоразумений кажется убедительней красивых сказок о том, что все всегда было хорошо.

— Наши предания, — продолжал Корняга, — говорят только, что Предтечи были большими и добрыми. А еще они умели летать. И часто брали с собой корневиков. В общем-то они и создали нас для того, чтобы мы сопровождали их в странствиях.

— Значит, ты не просто захребетник, — ехидно сказала я. — Ты — потомственный захребетник, и вся твоя раса...

И тут до меня дошло.

— То есть как — брали с собой? Вы же, корневики, с добрую корову размером! Ты-то, извини пожалуйста, среди своих ростом не вышел.

— Ну я же и говорю, Предтечи были большие, — обиженно проскрипел Корняга. Помолчал и добавил: — Очень большие.

Я потрясенно умолкла. И попыталась представить себе очень большое и доброе, наделенное магией и способностью летать существо, которое для собственного удовольствия таскает с собой здоровенный пень. Ни хрена у меня не вышло из этой попытки. А у кого бы вышло?

— Еще они были хвостатые, — задумчиво добавил Корняга, — и с во-от такой пастью.

Для вящей убедительности он как можно шире разинул дупло. Я вздохнула:

— Замолкни, а? Попробую осмыслить то, что ты уже наговорил... Хотя нет, скажи еще одну вещь! Знал ты все-таки про Каменный лес или не знал?

— Эх, госпожа Тури, — грустно сказал Корняга. — Про Каменный лес я, конечно, слышал. Потому что это самое замечательное место в мире, средоточие магии. Только пути мне в него никогда не было. И сейчас нет. За компанию с кем-то в такое место попасть нельзя, а сам я туда добраться не могу.

— То есть почему — не можешь? — не поняла я.

— Ты меня слушала вообще? — вдруг ошетинился сучьями корневик, став похожим на рассерженного ежа. — Я же сказал — мы были созданы, чтобы сопровождать Предтеч! Сопровождать, ясно? Нет у нас своего пути в мире!

Ох, Тьма... Я виновато смолкла. Корняга сидел на луке седла, по-птичьи нахохлившись, и смотрел куда-то вбок. Через пару минут он зашевелился и поднял на меня взгляд.

— Не переживай, — деловито сказал Корняга. — Я вас не брошу. Подожду на границе Каменного леса.

— Договорились, — серьезно сказала я.

Четтан перевалил зенит и медленно двинулся по небосклону вниз, к западу. Ветер сбавил ход и теперь бежал ровной неторопливой рысью. Я осмотрелась. По правую руку от нас, на севере, мягкими волнами поднимались пологие холмы. Слева местность оставалась плоской, как стол. Справа впереди что-то блеснуло в лучах Четтана начищенной медью. Озеро?

Я тронула поводья, поворачивая коня.

Как ни странно, отдыхать мне не хотелось. Ни есть, ни пить — тоже. Но чем-то меня привлекло это озеро. Что-то было в той стороне такое, в чем я нуждалась...

— Магия, — уверенно сказал Корняга. — Чувствуешь?

Корневик снова растопырил корешки и сучья и крутил-ся на седле из стороны в сторону — не то что-то вынюхивал, не то высматривал.

— Чувствуешь? — настойчиво повторил он.

Я вслушалась в свои ощущения.

Холмы приблизились и выглядели совершенно обычно — поросшие травой склоны, круглые сглаженные верхушки. И озеро, которое блестело меж двух холмов, тоже казалось вполне обыкновенным. Но внутреннее зрение нарисовало мне местность иначе. Я увидела небрежно прочерченные силуэты холмов, едва различимые на ровном сером фоне. А на том месте, где должно было быть озеро, струился источник жидкого огня.

Жидкое пламя было ослепительно желтым в том месте, где оно вытекало из-под земли, и постепенно бледнело, заполняя собой котлован озера.

— Опять не-вода, как в той реке? — спросила я вслух непонятно у кого. Корняга, во всяком случае, не ответил.

Ветер остановился на берегу. Я спрыгнула на землю, подошла к озеру и зачерпнула пригоршню воды. Вода оказа-

лась прохладная, свежая, мокрая. Самая настоящая. Искупаться, что ли?

Я с сомнением покачала головой. Даже не закрывая глаз, я видела, как взвихряются на дне озера струи золотистого пламени, не смешиваясь с водой. Что это — магия? Первозданная магическая сущность в чистом виде?

Я решилась. Поднесла ладони к лицу и умылась озерной водой.

От удивительной воды по всему телу разошлась прохладная свежесть. Я почувствовала, как мои губы невольно растянулись в улыбке. Ах, как хорошо! Только бы не зачерпнуть этой животворной силы слишком много. Есть вещи, в которых лучше соблюдать меру. Как говаривал Унди Мышатник, упокой Тьма его нетрезвую душу, перец ложками не едят.

Заржал, взвиваясь на дыбы, Ветер. Истошно завопил Корняга.

Я резко обернулась.

Растопылив костлявые лапы, на нас надвигалась злоеющая тень.

Когда-то это был человек, одетый в длинную, до колен, кольчужную рубашку. Теперь ржавое железо позвякивало о кости скелета. Непонятно было, почему кольчуга не рассыпалась в прах. Наверное, ее звенья скрепляла та же самая сила, которая держала вместе кости неупокоенного мертвеца.

Скелет воздел к небу лапы, в одной из которых был зажат каменный жезл, а в другой — длинный нож. Из пустого черепа послышался гулкий вой:

— Мое! Мое!

Я попятилась. Рука моя сама собой выхватила из-за пояса кинжал. Скелет проворно взмахнул ножом. Хадасская сталь моего кинжала встретилась с металлом его ножа. Раздался скрежет. Я изловчилась и пнула скелет туда, где у человека живот. Признаться, я рассчитывала, что он от удара

рассыплется в прах. Но вместо этого только отшибла ногу, как будто под кольчугой пряталась стальная стена.

Мертвец взмахнул жезлом. Десятое чувство велело мне пригнуться, и вихрь желтого огня пронесся над моей головой. Т-темное небо!

Я потянулась было левой рукой за метательным ножом. Впрочем, будет ли толк от ножа?

— Он же колдун! — надсаживаясь, крикнул Корняга. — Бей его магией!

Кто, я? Магией?! Рехнулся пенек, честное слово!

Скелет наступал, тряся пустым черепом. В одном Корняга прав — если эти мертвые кости скрепляет магия, обычным оружием их не возьмешь. Я вспомнила о подарке Стража Руд. Так ведь жалко, Тьма побери, тратить такую вещь на одинокого покойника. Может, я с ним и так справлюсь?

Мертвец протяжно ухнул, и с каменного жезла снова сорвался огненный вихрь. И я не успела отпрыгнуть. Желтое пламя неслось мне прямо в лицо. Я невольно подняла, защищаясь, левую руку — пустой ладонью наружу.

— А-а-а! — протяжно заверещал Корняга.

Огненный вихрь ударил в мою ладонь. Я ощутила сильный толчок, как будто меня ударили по руке тяжелым предметом. Желтый вихрь дохнул жаром мне в лицо, а оставшаяся холодной ладонь отразила пламя, словно зеркальный щит. Отраженный огонь ударил в кольчугу мертвеца.

Скелет затрещал в пламени, как смолистые дрова. Он стремительно рассыпался на отдельные косточки. Ржавая кольчуга плавилась, стекая по костям грязной пузырящейся пеной. С заунывным воем сорвался с позвоночника череп и покатился в мою сторону, злобно лязгая челюстью, но через два шага рассыпался в прах.

Через несколько минут на берегу озера осталось лишь выгоревшее пятно. Я перевела дух. И с недоверчивым уважением взглянула на свою левую ладонь.

— А что я еще умею? — поинтересовалась я вслух. Опять неизвестно у кого. На этот раз корневик решил мне ответить.

— В У-Наринне выяснишь, — радостно пообещал Корняга.

— Ну, ты и добрый, — проворчала я, усаживаясь в седло.

Вскоре холмы с магическим озером остались позади. Прислушиваясь к своим ощущениям, я чувствовала, как плещется внутри меня прохладная огненная сила.

Кем, интересно знать, был этот колдун, чью неупокоенную душу я наконец-то отправила во Тьму? Стражем озера? Не похоже. Если он и был стражем, то самозванным. Наверное, когда-то он свернул к озеру, привлеченный сверканием магии, — точно так же, как это сделала я. И тоже окунул ладони в чистую воду. Прикоснулся к силе. Но... пожадничал. Взял вместе с водой магической силы больше, чем было в нем силы жизненной.

Я отбросила со лба прядь волос, одновременно отмахиваясь от лишних мыслей.

Мне некогда оглядываться на пройденный путь. Я еще не достигла цели.

Весь остаток красного дня мы продвигались на запад. Вороной жеребец шел то рысью, то шагом, то пускался в галоп. К вечеру задул сильный восточный ветер, подгоняя своего тезку. Когда огромный багровый Четтан повис над самым горизонтом, вдали замаячила темная полоса леса.

Незадолго до пересвета я остановила коня и спешила. Раздевшись, я старательно свернула одежду и сапоги, заново упаковала походные сумы, подтянула упряжь. Завтра я этого сделать не смогу, а Одица рядом нет — так что все нужно привести в порядок сейчас. Я взглянула на Корнягу, собираясь дать ему наставления на завтра — и промолчала. Все было понятно без слов.

Четтан уполз за край земли. Восточный ветер усилился, и я вздрогнула от холода.

На темном небе вспыхнули звезды. Ночь внимательно разглядывала меня сотнями глаз. И вдруг на мгновение звезды затмил черный силуэт. Крылатая тень пронеслась надо мной. Затем еще одна. И еще.

Высоко в ночном небе, раскинув крылья, парили демоны.

Я вдруг почувствовала их радость и нетерпение. «Завтра! — кричали мысли демонов. — Завтра! Совсем скоро!»

Завтра, когда взойдет и снова зайдет Четтан, притихший мир услышит песню демонов Ночи.

На востоке край неба осветился темно-голубым сиянием. Мое сердце дрогнуло и убыстрило ритм. Кровь рванулась по жилам с удвоенной скоростью. Тело разогревалось, оно с каждым мгновением становилось все горячее. Холодный ветер пронизывал меня насквозь. Я задрожала.

Ослепительный синий краешек Меара показался из-за горизонта. Я почувствовала, как жар превращения расплавляет мою плоть. Сердце колотилось как бешеное, но вдруг пропустило сразу несколько ударов. Оно меняло форму, из человеческого становилось карсыим.

Подавляя животный ужас, я упрямо вслушивалась в изменения, которые происходили во мне. Каждая перемена отзывалась болью — то жгучей, то тянущей, то сокрушительной, как удар секиры.

Зашевелились кости — в одних местах сжимаясь, в других растягиваясь. Мой череп заколыхался, как отражение в воде, меняя расположение выпуклостей и впадин. На краткий и страшный миг я полностью ощутила собственный скелет, а затем это ощущение сменилось другими.

Кожа стремительно покрылась шерстью. Ногти свернулись в трубочки, уплотнились, превратились в острые прочные когти. Зубы заострились. Зрение, на миг затуманившись, вернулось измененным. Обретенный звериный нюх превратил обычный ветер в сложную смесь запахов.

Превращение заняло лишь несколько мгновений — столько, сколько нужно было Меару, чтобы взрезать тьму первым синим лучом. Но за эти несколько мгновений я узнала о своем теле больше, чем за всю предыдущую жизнь, за обе ее половины — звериную и человеческую. Теперь я чувствовала каждую косточку, каждую мышцу.

По мере того как менялось тело, я отмечала изменения в мыслях. Одни мысли сместились в дальний угол сознания, стали неважными. Другие выдвинулись поближе.

Но это по-прежнему была я. Женщина-мадхет по имени Тури. Идущая в Ночь.

ГЛАВА 26

Четтан, день тринадцатый, Меар, день тринадцатый

Четкость мыслей вернулась ко мне, когда вулх спешил по следу. Бугры мышц под серой шкурой мерно вздымались и опадали. Вулх бежал, а усталости просто не существовало. Отчетливый запах указывал дорогу.

Вулх нагонял хорингов.

Я взглянул, где нахожусь, и, к моему удивлению, вулх послушно вскинул голову, оторвав нос от земли. На бегу я огляделся. Все та же унылая, усеянная валунами равнина. Только теперь я часто заранее знал, что именно кроется за очередным булыжником. Если там что-нибудь крылось. Видеть стало необязательно. Слух, и главное — запахи. Это казалось важнее, чем зрение.

Послушный моей воле, вулх остановился.

Вот так-так! Выходит, теперь я могу управлять этим телом? Ну-ка...

Шаг вперед. Поворот. Прыжок.

Тьма! Получается. Получается! Я теперь не просто пробуждаюсь в вулхе, я сам становлюсь им. Это же... Это же то, о чем я мечтал всю сознательную жизнь!

Такого оборотня, как я, изловить и убить будет очень непросто. Держитесь, Чистые братья... И на вас нашлась управа. Разумный вулх, хладнокровный и расчетливый, умеющий обойти любую ловушку и способный расставлять свои. Вооруженный памятью и знаниями человека, и в придачу — чутьем и слухом вулха. И его звериной силой.

Впервые я задумался, что в сравнении с людьми кажусь высшим существом. Неудивительно, что люди нас ненавидят и поэтому убивают. Люди всегда убивают чужаков и непохожих на себя.

Однако не стоит терять драгоценные минуты. Сколько времени прошло после пересвета?

Я задрал голову и взглянул в непривычное красноватое небо. Вообще-то небо было синим, но не таким насыщено-синим, как при Меаре. Блеклым. И, как я уже сказал, красноватым. И Четтан вовсе не напоминал клюквину, как обычно бывало на восходе.

Вулху эта картина успела за много кругов впечататься в естество, так что он даже не задумывался о подобных вещах. Моран же в мире красных дней только осваивался, поэтому ему все было безумно интересно. К примеру, чахлые кустики травы казались не темно-зелеными с серыми оттенками, а розоватыми. Но в основном все равно зелеными. Розоватый оттенок ускользал от глаза, но совсем не пропал.

Итак, Четтан, судя по высоте, взошел часа два назад. Долго же я пребывал джерхи-где... Сверившись с непонятным человеку чувством, я убедился, что от Знака меня отделяет добрых пять миль. Вулх пошел по следу хорингов, но скорее всего не сразу. Как только Моран стал пробуждаться, наверное. А до того что делал? Кажется, сгорал от желания

помочь Морану, но не понимал, что нужно делать. От Знака ушел, чтоб Тури не перехватила. И ждал. А когда Моран, я то есть, подал первый знак присутствия, скорее всего неосознанный, уловил мое страстное желание догнать хорингов и немедленно бросился по следу. Молодец, серый брат! Умница. Мысленно чешу тебя за ухом.

Четкое и явственное прикосновение руки заставило меня затормозить в четыре лапы. Рука коснулась шерсти, провела раз-другой по голове, почесала за правым ухом и исчезла.

Будь я человеком, я бы отвесил челюсть. Это что же, теперь я могу мысленно чесать себя за ухом? Сознание Морана гладит тело вулха — каково, а?

Кажется, пробудившаяся память вместе со слиянием звериной и человеческой сущности в изменчивом теле оборотня готовят мне еще немало неожиданностей. Спокойно, Моран. Все только начинается...

И я снова припустил по следу. Словами это действие не передать. Нет у людей таких слов и таких понятий, чтоб описать сотканный из сотен запахов след прошедшего хоринга. Любой след. Это абсолютно иной способ восприятия — для меня, кстати, тоже совершенно новый. Я просто предоставил частичке своей натуры заниматься тем, чем она занималась всю жизнь. Всю свою звериную половину жизни.

Большие мохнатые лапы впечатывали мозолистые подушечки в каменистую почву. Хоринги продолжали идти на запад, к горам. К У-Наринне. Прыгать в магическую пустоту, как люди-маги из свиты Седракса, они не собирались. Этому я мог только порадоваться. Я чувствовал, куда они идут, потому что их путь практически совпадал с моим, но я не мог понять, откуда они явились ко второму Знаку. След терялся в пустоте.

Почему-то это казалось мне невероятно важным — то, что путь хорингов и мой путь совпадают. Хотя бы частично,

уже на подходе к У-Наринне. Не поэтому ли они за нас с Тури заступились?

Горы оставались все еще далекими, но я уже чувствовал легкий подъем. Местность повышалась. Силуэты отдельных камней-скал стали принимать все более причудливые очертания. Видимо, здесь чаще гулял ветер, чем на равнине внизу. И был сильнее. Отчего-то вдруг стало больше растительности — невысокие корявые деревца с плоскими треугольными листьями размером в ладонь попадались там и сям, а зачастую росли прямо на возвышающихся скалах, вгрызаясь узлами корней в неподатливый камень. Деревья пахли незнакомо: вулх таких еще не встречал. И Моран не встречал, хотя попутешествовал по миру немало.

Длинный розовый язык сам собой свесился набок; захотелось пить. С чутким носом вулха эта проблема решилась мгновенно. Чистый, чуть-чуть солоноватый запах привел меня к очередной скале, в трещине которой скопилась лужица желтой дождевой воды. Вода оказалась и вправду солоноватой на вкус, напивавшись из каменного ложа за дни, прошедшие с последнего дождя.

А хоринги неумоимо шагали к горам, безошибочно отыскивая путь в природном лабиринте. Они почти не задерживались; только однажды вулх набрел на место их короткого отдыха. Несколько крошек хиумы да обглоданные косточки пары куропаток — след обеда на скорую руку. Кости и крошки вулх с удовольствием слопал, вызвав негодующее карканье четверки ворон. На ворон он покосился — презрительно и в общем-то равнодушно. Вулх, не я. Мы пребывали с ним в одном теле, но это не мешало иногда совершить что-нибудь свое...

И я погнал его-себя вперед, хотя очень хотелось полежать на прогретом песке у выщербленной скалы. Но времени почти не оставалось, и следовало поторапливаться.

Так я и плелся за отрядом хорингов, то бегом, то трусцой, то шагом, отвлекшись только раз, чтоб поймать жирно-

го кролика и сожрать его вместе с мехом. На время трапезы я, Моран, благоразумно удалился ненадолго во Тьму. На этот раз — по собственному желанию. И вернулся, когда сам того захотел. Похоже, еще день — и моя власть над телом и душой станет полной. Хотя некоторая раздвоенность еще какое-то время будет преследовать меня, это точно.

Слизывая остатки крови с морды, я согнал вулха с места и направил по следу. Вулх охотно повиновался.

Морану вкус крови не понравился. Куда приятнее пить пиво... Но бежать стало легче, с этим не поспоришь.

Когда Четтан стал клониться к горам и налился густой закатной краснотой, вулх заметил, что след стал свежее. Хоринги пошли медленнее, похоже, выбирая место для отдыха. Вряд ли они решат весь синий день просидеть на месте, но они ведь не оборотни, и им нужен хоть недолгий отдых.

Четтан спрятался за далекими пиками, и багровые сумерки наполнили долину. Причудливые скалы из белых превратились в розоватые, ветер утих, и вскоре вулх почувствовал далекую стоянку. Хоринги вели себя очень тихо, но зверь их все равно слышал. И чуял. На всякий случай я стал осторожнее, замедлился и стал потихоньку подкрадываться.

Близилась темнота, недолгое время, когда Четтан уже сядет, а Меар еще не взойдет. Время звездного неба. Жаль, мне все некогда им как следует полюбоваться. Вид темного как уголь неба в светлых точках, перечеркнутого бледной искрящейся полосой, похожей на батистовый шлейф липенской модницы, внушал мне невольный трепет и настраивал на торжественный лад. Почему-то хотелось стать чище и добрее под взглядом далеких звезд.

Я вдруг подумал, что звезды — это братья наших Блинецов, Четтана и Меара. А маленькими кажутся либо оттого, что слишком далеки, либо они просто меньшие братья...

М-да. Что сказал бы Унди на это? Рассмеялся бы? Или по обыкновению поскреб бы бороду, воздел палец к потолку (или к небу, в зависимости от того, где мы бы с ним находились) и выдал что-нибудь вроде: «Знает мышь, где сало зарыли!» или «Если стал плохо слышать — проверь, не лезут ли из ушей мозги». В смысле — не слишком ли я стал умен, мол, проще нужно быть. И добрее.

Тьма подкрадывалась, как карса к ягненку. Бесшумно, незаметно и неотвратно. Я вдруг подумал, что могу снова потерять память на некоторое время, а значит, нужно переждать превращение где-нибудь недалеко от стоянки хорингов, а потом уж идти напрямик к ним.

Последние лучи Четтана проводили меня во Тьму, и перед тем как раствориться в остающемся вулхе, я вдруг сообразил, что знаю, как зовется время звездного неба, когда оба светила за горизонтом, одно — еще, второе — уже.

Это время зовется «ночь». Но убейте меня джерхи, если я понимаю, откуда мне это известно!

Уже в теле человека я встал на колени и потряс головой, пытаюсь обрести ясность мыслей. Над головой мерцали звезды, холодные, как гнилушки, и такие же тусклые. Миром владела Ночь.

Прошло, кажется, совсем немного времени. Ночь стерла с неба над горами последние краски четтанского дня и обратила взор к востоку, где ей предстояло вскоре умереть от синих стрел Меара. Я тоже взглянул на восток.

— Эй, анхайр! — сказали мне спокойно и негромко. — Хватит прятаться, выходи.

Я вздрогнул. Хоринги. Вот, Тьма, я ведь совершенно безоружен и наг! Руки машинально ощупали бляшки на ошейнике и вшитую в кожу бусину, но чем это могло сейчас помочь?

— Иди, не бойся. Мы не станем причинять тебе зло — по крайней мере сразу. Ты ведь сам считаешь, что нам нужно поговорить, не так ли?

И я вышел из-за причудливо изломанной ветрами скалы. Хорингов было двое: один, похоже, совсем юный, второй явно постарше, но угадывалось это скорее по повадкам, чем по внешнему виду. Возраст хоринга вообще-то можно определить разве что по глазам... По крайней мере так говорили предания и все свитки, которые мне довелось прочесть.

Молодой хоринг держал наготове лук, и я понял, что лучше не делать резких движений. Не то стрела с белым оперением станет итогом моей бестолковой и бессмысленной жизни.

Старший хоринг внимательно взглянул на меня и потянулся к сумке, висящей на боку.

— Держи!

Он бросил мне одежду. Тонкой кожи брюки и рубашку, похожие на костюм джурайских фехтовальщиков, короткие сапожки, больше смахивающие на женские, но моего размера, и плащ. Поймав плащ, я чуть не задохнулся от удивления: это был мой любимый глухой плащ, по которому я уже успел истоскаться с тех пор, как покинул Дренгерт!

Ну, хоринги, ну дают!

Единственное, что слегка раздражало меня, — это отсутствие оружия. Гурунарских ножичков и хадасского кинжала под плащом. Но Тури они сейчас нужнее... Точнее, не сейчас. Сейчас она как раз станет карсой. Нужнее четтанским днем. Как там она, кстати? Как Ветер и Корняга? Надеюсь, с ними все в порядке.

— Пойдем. Меня зовут Роэн. Его, — хоринг указал на молодого товарища, — Халимор. Как зовут тебя, мы знаем.

Молодой хоринг коротко кивнул. В его взгляде не было ненависти, только легкое любопытство. Похоже, он действительно еще совсем юн. Даже по людским меркам.

— Как вы меня нашли? — спросил я зачем-то.

Роэн улыбнулся одними губами; глаза его остались холодны.

— Мы знали, что ты идешь за нами. Но с вулхом говорить бессмысленно. Поэтому мы дождались превращения.

— Знали? — поскукнел я. — Где я потерял осторожность? Во время охоты?

— Мы знали, что ты пойдешь за нами, еще у Знака. Во время разговора с Аншаном.

— Но откуда, Смутные дни? Я сам этого тогда еще не знал! — Я слегка повысил голос, изумляясь все сильнее.

Роэн слегка качнул головой.

— Когда живешь долго, начинаешь видеть события еще до того, как они произойдут. Не удивляйся, анхайр. Тебе этого не понять, хоть ты и проживешь дольше любого человека. Но по сравнению с нами твоя жизнь — миг. Так что прими все как есть, и пойдем к костру.

Я направился за хорингами, привычно придерживая полы плаща. Впервые я заметил, что на звездном пересвете... ночью холоднее, чем любым днем. Даже синим, облачным и дождливым.

Остальные хоринги сидели вокруг костра, задумчиво глядя на пламя. Это и я любил. Есть в мире вещи, на которые можно глядеть бесконечно, сколько на свете ни живи. Например, живой огонь. Или морские волны, что одна за другой накатываются на песчаный берег.

— Здравствуй, анхайр Моран, — обратился ко мне предводитель Старших. Я узнал его. Его звали Ульфенор. Это он говорил с магом Аншаном у Знака.

— Здравствуйте, Старшие, — сказал я, стараясь вложить в приветствие все почтение, на которое был способен.

А ведь совсем недавно я и в бреду подумать не мог, что буду беседовать с хорингами вдали от Дренгерта и вообще от Юбенских земель. Да еще ночью, когда на небе вместо одного из Близначев таинственно светят тысячи синеватых звезд, и шепчут на ухо загадки высей.

Интересно, почему среди звезд нет ни одной красной, как Четтан? Надо будет спросить у хорингов, если получится.

— Ты пришел поговорить с нами. — Ульфенор коротким плавным движением обернулся ко мне и в упор взглянул. Прямо в глаза. — Так говори.

Я задумался. Мыслей было много, но все какие-то непричесанные, неоформленные в слова. С чего начать? С того, что я слышал прошлым синим днем у Знака?

— Я вижу, ты не вполне готов к разговору, — бесстрастно сказал Ульфенор. — Мы понимаем тебя, анхайр. Садись. Такие речи не пристало стоя произносить и стоя выслушивать. Садись, выпей и говори, что думаешь. Можешь даже не слишком стараться говорить красиво — мы поймем.

Я опустил на плоский камень, нагретый Четтаном за день. Приложился к походному кубку из рога — питье хорингов было прохладным и чуть сладковатым; кажется, оно восстанавливало силы и отгоняло сон и усталость. В походе — незаменимая вещь. Вкусным я бы его не назвал — просто оно ни на что не было похоже.

— Вчера я слышал много разного, там, у Знака, — начал я осторожно. — Как я понял, мы все идем в одно и то же место.

— Ты правильно понял, анхайр. Мы идем в У-Наринну. Но не жди, что мы тебе откроем глаза на все, что уже произошло, на все, что происходит, и на все, что еще только может произойти. Этого мы не сделаем, не важно почему.

— Я догадываюсь — почему. В У-Наринне каждый должен действовать по велению сердца и разума, и лучше заранее ничего не знать. Так?

— Почти. Что касается тебя — так. Что касается остальных — отнюдь.

— Ладно. Могу я спросить, почему вы вдруг изменили отношение ко мне и... — я замаялся, — моей спутнице?

— К девушке-мадхету? Но ты уже слышал — сначала мы приняли вас за посланцев Седракса. А Седракс наш враг, причем враг заклятый, с которым невозможны компромиссы и соглашения. Он рвется к власти, и мы ему мешаем.

Мой народ почти исчез с лица мира — отчасти стараниями Седракса. Кстати, если Седракс победит в этот раз, та же участь ждет и вас, оборотней.

Кроме того, не забывай, что первыми на вас напали хоринги, но не мы. На вас напал Иланд, а он молод и неопытен.

Ульфенор вдруг печально вздохнул.

— Был молод и неопытен. Следовало всего лишь предупредить его о нашем пути. Тогда он, Винор и Лейси остались бы в живых. Да и Фиссен с Аэд Шанаром — тоже.

Речь шла о трех хорингах, убитых мною и Тури на перевале. И о тех, что погибли позже, когда мы сумели ускользнуть из Сунарры. Я искоса взглянул на хоринга-вожака. Похоже, он не собирался мстить мне за смерть сородичей.

— Можешь не бояться нашего гнева, анхайр. Мы понимаем, что Иланд загнал вас в тупик, и глупо с его стороны было ждать от вас покорности. Свою жизнь каждый продает подороже. Вы оказались сильнее, потому что больше похожи на людей, чем мы. Что ж, такова воля Вечности. Я преклоняюсь перед Иландом — он хотел спасти народ хорингов, но ему не повезло. В его смерти и смерти его друзей больше виноват я, не предупредивший никого из молодых магов об уходе в Путь. Я хотел сделать все сам... Быстро же пришло время первой расплаты с Вечностью!

Я вздрогнул. В словах Ульфенора сквозила странная безжалостность к себе и к миру. У людей не бывает такого отношения к событиям — бесстрастного, абсолютно непредвзятого. Хоринги же были явно способны на подобные оценки и мысли.

— К тому же Тил и Ганион отомстили вам за Иланда, Винора и Лейси. И за Фиссена с Аэд Шанаром. А значит, между нами больше нет счетов.

Я взглянул на остальных хорингов. Вроде бы я даже узнал двоих, тех, кого видел перед смертью. Они смотрели на

меня совершенно спокойно, без зла, лишь с хорошо заметной грустью. Тьма! На убийцу Тури я бы не смог глядеть без ненависти, и уж точно никто не обнаружил бы у меня в глазах грусти. Наверное, это потому, что я не хоринг, а оборотень, а оборотни слишком похожи на людей.

— А Тил и Ганион тогда все еще считали нас посланцами Седракса, или уже...

— Посланцами Седракса, — отрезал Ульфенор. — Иначе вас бы не тронули.

— Понятно, — кивнул я. — Еще вопрос: вы знаете того, кто отправил нас с Тури в Каменный лес?

— Знаем. Вас отправил Ассанг. Ты скорее всего встречал его под одной из масок, и, конечно, под другим именем. Думаю, что под именем Лю-чародея.

Я усмехнулся. Что ж! Унди мог бы мною гордиться. Как я и ожидал, Лю тоже всего лишь маска. Маска мага по имени Ассанг. Ну и имя, прости добрая динна! Вильту такое носить. Или змею какому-нибудь. Так и чудится что-то холодное, скользкое и с раздвоенным языком.

— К Лю... э-э-э, Ассангу, надо понимать, вы не питаете столь теплых чувств, как к Седраксу?

Ульфенор с интересом взглянул на меня.

— Ты непрост, анхайр. Разговор ты начал как ривский извозчик, а теперь перешел на слог менестреля.

Я развел руками: «Ну, извини! Мысли в кучу собрал. Отчего же не изъясняться красиво?»

— Что до Ассанга — с Седраксом его не сравнить. Начнем с того, что он не человек, а значит, его успех в У-Наринне ударит не по нам, а по людям. Легко понять, что в случае нашей неудачи мы сделаем все, чтобы помочь Ассангу.

«Не человек! — Я даже вздрогнул. — Но кто? Явно не хоринг. Оборотень? Вряд ли. Ведь его видели в разное время и я, и Тури. А хотя почему нет? То, что мы его видели и во

время Четтана, и во время Меара говорит лишь об одном: он и не анхайр, и не мадхет. Кто сказал, что не бывает иных оборотней? Я и о мадхетах-то до недавнего времени толком ничего не знал. И кроме того...»

Если Лю-Ассанг — оборотень, становится понятно, почему он послал именно нас, ведь мне его выбор все время представлялся на редкость странным и необычным. Общая же природа Лю и нас все легко объясняла.

— Если ты гадаешь, кто такой Ассанг, я скажу лишь одно: оборотень, но не такой, как ты или Тури. Подробности не спрашивай, они тебе ни к чему, да и никто из нас тебе ничего все равно не скажет.

— Ладно, — пожал плечами я. — Спрашивать не стану.

В голове у меня уже оформилась очень интересная мысль, но я не спешил ее высказывать. Успеется.

— Кто еще, кроме Седракса, вас и нас направляется в У-Наринну? — спросил я, пристально глядя Ульфенору в глаза.

Тот глаз не отвел. Встретил мой взгляд, еле слышно постукивая сапогом по камню. Я ничего не смог прочесть по взгляду — совершенно ничего. Будто глядел в пустоту. Хоринг долго молчал, словно взвешивал — стоит меня посвящать или не стоит.

Наконец Ульфенор ответил:

— Мне об этом ничего не известно. Что, конечно, ничего и не гарантирует. В Каменный лес может прийти кто угодно.

Ульфенор нахмурился — наверное, вспоминал прошлые Смутные дни. Это было первое проявление хоть каких-то чувств с момента нашей встречи.

— Кто угодно, — вздохнул я. — Понятно.

Хоринг взглянул на меня, словно на гусеницу, жрущую его яблоко.

— Понятно? Что тебе может быть понятно, анхайр? Ты знаешь о том, что за последние круги Седракс уничтожил больше магов, чем ты когда-либо встретишь? Он уст-

ранял всех, кто мог направиться в У-Наринну, кроме тех, кого намечал взять в Путь с собой.

— Людей?

— Не только. Впрочем, я понимаю тебя: ты прожил все свои круги за Юбеном, в самом сердце страны людей. Откуда тебе знать об остальных?

— Мне бы очень хотелось знать, — вырвалось у меня невольно. Получилось очень горячо и... искренне, что ли? Но я действительно хотел знать о мире куда больше, чем знал на самом деле. Скорее всего эту смутную жажду знания пробудил во мне Унди Мышатник, упокой Тьма его нетрезвую душу.

— Хотелось бы? — Ульфенор вздохнул и опустил глаза. — Все правильно. Именно поэтому мы с тобой и разговариваем. В противном случае ты валялся бы со стрелой в горле у Знака или попал бы в лапы к Аншану, а это немногим лучше, уж поверь.

— Уж верю, — отозвался я эхом. — Таких, как он, я прекрасно изучил. Пришлось.

В сущности, Аншан ничем не отличался от Чистых братьев, разве что при всем был еще и магом. Кстати, кажется, я вспомнил его. Он служил наемником именно у Чистых братьев в Плиглексе. Круга четыре назад, или пять. Надо сказать, охотником он был отменным, не зря из Плиглекса мне пришлось убираться в Дренгерт. Хвала небу, убрался вовремя, не возбудив ничьих подозрений.

— Старший, — наконец решился я. — У меня есть предложение... возможно, оно покажется тебе смешным или чересчур самонадеянным. Возможно. Я ведь знаю слишком мало, да и то обо всем приходится догадываться самому, а я небезгрешен, могу и ошибиться.

Хоринги слушали внимательно и заметно оживились уже к середине моей цветистой речи.

— Если я скажу глупость — что ж, буду рад, если вы меня поправите. Если рассмеетесь и прогоните — я не оби-

жусь, хотя это будет очень непросто, не обидеться. И все же я скажу, иначе мысль о том, что я мог что-то сделать и не сделал, будет мучить и грызть меня всю оставшуюся жизнь, хоть жизнь моя и кажется вам очень недолгой.

Итак. Там, в У-Наринне, я обещаю не поднимать оружие против вас, хорингов, и спутницу свою Тури сумею убедить в том же. А если получится — то и Лю. До тех пор, пока наш общий враг Седракс и его спутники не выйдут из игры. И желал бы услышать нечто похожее и от вас.

Сказав это, я набрал полную грудь воздуха и упрямо нагнул голову, готовый встретить все, даже дружный издевательский хохот. Потому что происходящее сильно напоминало мне вторжение едва научившегося ходить карапуза с деревянным мечом в компанию отдыхающих после битвы воинов с предложением немедленно отдать ему, карапузу, все карамельки, и тогда деревянный меч милостиво не обрушится на головы воинов.

Но хоринги остались совершенно серьезны.

— Другими словами, ты предлагаешь нам союз до разгрома Седракса, а там — как сложится?

— Да.

Ульфенор покачал головой, не то с сомнением, не то восхищенно.

— Ты удивляешь меня, анхайр. Если бы я не знал о тебе всего, я решил бы, что ты не впервые направляешься в светлую У-Наринну и по дороге очень убедительно разыгрываешь из себя неопытного новичка.

Я ждал. Понимать это как согласие или нет, джерх забирай?

— Лиэнн куома шерх при наэнна, — сказал вдруг один из хорингов у костра — кажется, тот, которого звали Тил. — Но шерх, но куома. У-Наринна санн-ма оти.

— Куома при одэ, — ответил Ульфенор, едва заметно пожав плечами. — Да-эс аңхайрэ но куома. При анхайр. Шелл оти Седракс санн-ма туа но.

Унди когда-то учил меня Старшей речи. Кажется, я оказался неспособным учеником. Я понял всего лишь несколько слов и совершенно не уловил смысла сказанного. Жаль.

— Хорошо, анхайр, — сказал Ульфенор, вновь обращаясь ко мне. — Пока с Седраксом не будет покончено, хоринги не тронут ни Лю, ни тебя, ни Тури. Если такое время вообще наступит...

Кажется, хоринг не верил, что Седракса можно победить. Ну и зря. Я не знал Седракса, хотя догадывался, что он очень силен. Но почему-то был глубоко убежден, что свалить с ног можно любого великана, нужно просто знать как.

И еще я вдруг понял, почему хоринги исчезают из мира.

Потому что у них мышление побежденных. Побежденных и обреченных. Они идут в У-Наринну, заранее не веря в успех.

Лучше бы не ходили вовсе.

А я не сдамся, будь там хоть дюжина Седраксов! И драться буду до последнего. Веселый задор битвы уже охватил меня, и в ушах отрывисто звенели боевые кличи. Эй, хоринги! Я живу мало, слышите? И поэтому мне нужно успеть победить. Хотя бы один раз в жизни. И я добьюсь этого; иначе получится, что я жил зря.

— Прекрасно, Старший, — сказал я и слегка поклонился, сам себе изумляясь. Ульфенор тут же встал, торопливо, но с достоинством и поклонился в ответ.

— Опорожним чашу союза, анхайр Моран. — Хоринги у костра зашевелились, зашарили по заплечным мешкам. — Конечно, лучше было бы это проделать вместе с Ассангом, ну, да и так неплохо.

Извлеченная из мешка чаша была куда богаче и красивее рога, из которого я пил в самом начале. Золоченый металл тускло отливал в лучах восходящего Меара, тонкая резьба обвивала чашу сплошной прихотливой лентой. И напиток был другой, слаще и крепче, кажется, даже с толикой спирт-

ного. Ну, той штуки, что живет в пиве и умеет здорово веселить, когда ее в тебе скапливается достаточно много.

Оторвавшись от края чаши, я поглядел в глаза Ульфенору и зачем-то сказал:

— Мне бы действительно не хотелось, чтобы вы ушли навсегда, хоринги. Мир станет без вас скучнее и тусклее. Возвращайтесь, даже если это будет вам дорого стоить.

Ульфенор не ответил. Он пристально смотрел в небо, где гасли самые яркие из звезд, растворяясь в густой синеве меарского дня.

Хоринги остались у костра, бросающего в небо яркие стремительные искры. Путь Старших — это путь Старших, он лишь ненадолго совпал с моим. Мы договорились о союзе, и пора было расходиться. До Каменного леса, до светлой У-Наринны, которая всех рассудит. Кстати, почему светлая? Ведь мы идем в Ночь.

Наверное, потому, что даже Ночи не под силу погрузить во тьму колдовской Каменный лес.

Меня даже накормили в дорогу — еда хорингов, как и все у них, была необычной. Очень сытной и ни на что не похожей. Я простился со всеми, отвесив вежливый поклон, и ушел к горам. Ульфенор подарил мне узкий клинок, с украшенной крохотными топазами рукояткой. Он был меньше гурунарских метательных ножей и легче, а от совершенности работы неведомого мастера просто захватывало дух. Я с сожалением вернул его Ульфенору.

— Старший, я польщен подарком. Но на пересвете я стану вулхом, а звери не носят ни одежды, ни оружия.

— Ты перестал быть только зверем во время Четтана, Моран. Думаю, ты отыщешь способ сохранить до следующего пересвета и одежду, и этот клинок. Возьми его. Это дар мира, а дары никогда не возвращают прежним хозяевам. Удачи тебе... и до встречи в У-Наринне, какой бы она ни получилась.

— Спасибо, Ульфенор. До встречи.

Я пристроил клинок на поясе и направился на запад, ломая голову, как облегчить вулху непосильную на первый взгляд задачу: сохранить одежду и подарок хорингов до завтрашнего синего дня. Разве что увязать все в плащ, свернуть на манер тюка и тащить в зубах целый день. Неудобно, конечно, зато в У-Наринне пригодится. Так и сделаю, пожалуй.

Я обернулся только один раз — когда отдалился на пять сотен шагов. Хоринги сидели вокруг костра, только самый молодой из них, по имени Халимор, стоя глядел мне вслед.

Теперь я знал: ему едва исполнилось шестьдесят семь кругов. Он был втрое старше меня и действительно совсем юн по меркам хорингов.

Местность все ошутимее поднималась. Еще снизу, из долины, я увидел, что чуть выше по пологому склону начинается лес. Вскоре я вступил в него. Раскидистые деревья с широкими листьями напоминали дубы, огромные дубы, каких предостаточно росло и сразу за Юбеном, и в южных пущах, за Гурунаром. Замысловатые камни, торчащие из земли, продолжали попадаться, но реже, чем прежде. Под сенью деревьев было сумрачно, лиловые тени загадочно таились в зарослях и под камнями. Слежавшаяся подстилка поглощала звук шагов. Впрочем, я умел ходить по лесу не хуже вулха.

Хотя, чего там, хуже, конечно. Но для человека — очень даже неплохо.

Я забирался все выше и выше. В просветы между ветвями, я иногда разглядывал долину, оставшуюся внизу. Видно было далеко, но мешала сизая дневная дымка, похожая на пересветный туман у реки. Полубовавшись, я шел дальше по склону. Огибал редкие обломки скал. И размышлял.

Как там госпожа Тури? Где она? Как знать, вдруг совсем недалеко от меня? Не может же ее путь так сильно отличать-

ся от моего? Впрочем, тут можно гадать сколько угодно, а истина все равно отсидится в норе.

Пища и питье хорингов придали мне столько сил, что я ни разу не отдыхал до самого вечера. Меар проделал обычный дневной путь по небу, пройдя у меня над головой, и величаво уполз за горы. Сразу стало темнее, но мне ведь и темнота не помеха, не то что дневная тень от гор в лесу. Мир сразу стал другим; под каждым кустом зашевелились призрачные силуэты, замирая всякий раз, когда я бросал на них внимательный взгляд, и принимающиеся шевелиться вновь, едва я отводил глаза в сторону. Обычная игра воображения, то, от чего закоренелый горожанин сходит с ума в лесу. Хвала небу, я горожанином так и не стал, хоть и провел в городах уйму времени.

Когда тени налились темно-фиолетовым, я остановился и сбросил одежду. Завернул куртку, рубашку и сапожки в плащ, а нож хорингов тщательно спрятал в складках одежды. Завернув все это, я затянул складки плаща горловым шнурком. Получилось очень похоже на дорожный мешок. Потом концы шнурка связал колечком и подергал для верности. Вышло вполне крепко.

Ну что, вулх? Придется тащить тебе этот тюк, хоть тресни. До самой У-Наринны, которая уже рядом.

Мне казалось, что идти осталось совсем немного. Возможно, туда доберется еще завтрашний, послепересветный вулх. Если ничего не задержит в пути. Например, Стражи Каменного леса. Пять веx мы с Тури миновали, но кто их знает, Стражей. Неизвестно даже, каких именно.

С детства не люблю Стражей.

С востока, из мглы над долиной, вставал Четтан, возвещая о начале четырнадцатого красного дня пути к У-Наринне. Моран покорно отошел во мрак, велел вулху не двигаться с места до самого своего возвращения. Вулх послушно завил хвостом. Сначала призрачным, а потом и настоящим, когда превращение завершилось.

Немногим восточнее восемь хорингов, все-таки просидевшие на одном месте весь синий день, погасили костер, тщательно засыпали пепелище землей и прикрыли дерном, а потом быстро и бесшумно направились вверх по еле заметному склону, к границе лиственного леса. Шли они, отклоняясь вправо, к северу и скоро сошли со следа анхайра Морана.

Ведь путь к У-Наринне у каждого свой.

ГЛАВА 27

Меар, день тринадцатый, Четтан, день четырнадцатый

Превращение свершилось. Я приняла звериный облик. И осталась собой. Я с наслаждением потянулась гибким карсьим телом, выгнув спину и встопорщив хвост — в точности, как потягивается домашняя кошка, проснувшись в теплом уголке близ очага. И устремила взгляд на восток.

Голубое зарево восходящего Меара осветило уже полнеба. Огромный шар солнца величаво поднимался из-под земли — ярко-синий, нестерпимо сверкающий. Легкие голубоватые облачка над самым горизонтом, похожие на лепестки незабудок, вспыхнули и запылали синим призрачным огнем.

Я смотрела, и не могла оторваться. Не было для меня прекраснее зрелища в мире, чем долгожданный синий восход.

Меар оттолкнулся от горизонта и всплыл над равниной. Я отвела взгляд, потому что на слепящее солнце стало невозможно смотреть. Синий день начался.

Впервые в жизни я встретила восход Меара в полном сознании. Наверное, через день-другой я привыкну. Наверное, через круг-другой я смогу бросить мимолетный взгляд

на встающее синее солнце, и отвернуться. Но сейчас мне хотелось скакать и вопить от восторга.

Так я и сделала.

Восседающий на жеребце Корняга ошалело взирал на то, как я с громким мяуканьем подпрыгиваю высоко в воздух, ловлю лапой собственный хвост, кувыркаюсь и катаюсь по земле. В конце концов я запыхалась и уселась привести себя в порядок. Рыжая шерсть оказалась изрядно пыльной. Хорошо, что мое карсье тело прекрасно умело вылизываться.

— Ты хорошо себя чувствуешь, госпожа Тури? — осторожно поинтересовался корневик.

Я возмущенно фыркнула. Пенек безмозглый! Неужели ему непонятно, что чело... в смысле оборотень радуется? Коню вот, например, понятно. Ветер смотрел на меня понимающе и даже одобрительно. Впрочем, Корняга сейчас должен чувствовать себя вроде как старшим и ответственным. Чувство ответственности здорово мешает понимать простые радости.

Я выплюнула щекочущие язык шерстинки и как можно выразительнее кивнула головой — дескать, хорошо. Лучше не бывает. И подняла правую переднюю лапу, указывая пеньку направление. Человеческий жест в зверином теле показался мне забавным до глупости.

По-карсьи взмахнув хвостом — «за мной!» — я длинными прыжками помчалась вперед.

Меарское утро было прохладным. Равнина послушно стелилась мне под лапы. Я развлекалась тем, что читала написанные на каменистой почве запахи. Следы живых существ, которые пробегали здесь до меня. Вот след прыгучего суслика. Вот — равнинного зайца. А вот... Тьма! Я шарахнулась в сторону. Чуткий нюх вовремя предупредил меня, что под камнем кроется гнездо земляных ос.

Ощущения звериного тела уже успели стать для меня привычными. В теле карсы я больше полагалась на нюх и

меньше — на зрение. Вместо того чтобы тянуться к кинжалу, пускала в ход когти. Вместо того чтобы потрогать предмет рукой, склоняла к нему морду с чувствительными усами. Но суть моего поведения не менялась, менялся лишь способ действия.

Я бежала вперед, изредка бросая взгляд через плечо — не отстают ли Ветер с Корнягой. Верный жеребец послушно следовал за мной. Легкий пенек подпрыгивал на седле, цепляясь корнями за упряжь и отчаянно пытаюсь хранить важный вид. Я мысленно улыбнулась.

Меар взбирался по небосклону, заливая мир ярким, пронзительно-синим светом своих лучей. Но ярче Меара, ярче обоих солнц, вместе взятых, сияла впереди У-Наринна. Сияла магическим светом, который не дано разглядеть обычному существу, — но я теперь видела магию столь же отчетливо, как предметы материального мира. И чуяла ее неопикуемый, ни на что не похожий запах.

У-Наринна источала в мир магическое сияние. Но она не принадлежала миру, она была вне его, выше его... Как Солнечные Близнецы — только по-иному... Трудно думать, когда нет слов. Можно сказать «иной», «не такой», «отличающийся» — и в результате не сказать ничего. Интересно, придумывал ли кто-нибудь до меня слова, которых мне так не хватает?

Мысли мои струились неторопливо. Они ничуть не походили на тот сумбур, который творился у меня в голове каких-нибудь пару суток назад. Я обрела равновесие и была готова действовать.

Хотела бы я знать, как чувствует себя Одинец. Я коротко вздохнула на бегу. Мне не хватало присутствия анхайра. Вчера я смутно скучала по вулху, а сегодня то и дело ловила себя на том, что жду возгласа: «Хэй, Тури! Иди сюда, киса!» и ласкового касания человеческой руки.

Темное небо! Хорошо бы постранствовать по миру с Одином и Корнягой, когда не нужно будет никуда спешить — просто

так, без особой цели. Для собственного удовольствия. Интересно, согласится ли Одинец? И хотя жаль, что нам с анхайром не встретиться в человеческих телах до следующих Смутных дней, лучшего спутника я не знаю. Вот только Ветра чародей нам наверняка не отдаст. Я бы на его месте не отдала. Второго такого коня под солнцами нет. Ну да ладно, если не спешить, то можно путешествовать и на обычном коне. И даже пешком.

Когда Меар добрался до верхней точки своего небесного пути, впереди показался лес. Я обрадовалась. Во-первых, я просто люблю лес. Во-вторых, синий день вообще прохладнее красного, а сегодня еще с самого пересвета дул резкий, порывистый ветер. Он охлаждал мне бока и топорщил шерсть на спине. В лесу должно быть тише и теплее.

Я оглянулась на приунывшего жеребца. Вот кто терпеть не может лес! Если бы мир был сплошной равниной, вороной Ветер был бы счастлив безмерно. Он мчался бы по ней вперед и вперед, не возвращаясь и не оглядываясь. Я присмотрелась к деревянному седоку Ветра и фыркнула в усы.

Скособочившись в седле, но продолжая крепко держаться за него всеми корешками, Корняга спал. Даже не спал, а дрых самым бессовестным образом. Свесив ветки и разинув дупло. Похоже было, что он даже слегка похрапывает.

Но когда мы оказались на лесной опушке, корневик мгновенно проснулся.

— Хороший лес, — проскрипел он, осматриваясь по сторонам.

Лес был светлый. Здесь росли только лиственные деревья — ольха, клен, дуб, береза, многодрев. Ни сосен, ни игольников, ни терх. Негустой подлесок состоял из молодой поросли тех же деревьев. Кустарника в этом лесу тоже не было. Лес казался ухоженным, и в то же время было ясно, что ни хоринги, ни тем более люди к этому рук не прикладывали.

Может быть, здесь, в преддверии У-Наринны, деревья сами растут так особенно... по-хорошему, что ли? Опять не нахожу слов.

Мы медленно шли вперед, пока нам не встретился ручей. Я красноречиво уселась на берегу в знак того, что здесь мы сделаем привал. Но Ветер остановился бы и без меня. Жеребец склонил морду к воде, и Корняга, кряхтя, сполз у него со спины.

Я тоже подошла к ручью, чтобы напиться. В воде ощущался слабый привкус магии. Наверное, поблизости от У-Наринны магией пропитано все — и земля, и воздух, и вода.

Каменный лес был совсем близко. Если поспешить, я буду там завтра четтанским утром. А если не торопиться, то к четтанскому вечеру.

Что же мне делать? Можно продолжать двигаться вперед шагом. В зверином теле я не могу управлять Ветром, а сам он по лесу быстрее не пойдет. А можно остановиться здесь до меарского вечера, а после пересвета нагнать упущенное. Как будет лучше?

Я задумалась. А придя в себя, с удивлением обнаружила, что яростно точу когти о подвернувшийся дубовый пенек, так что щепки летят. Корняга на всякий случай спрятался за Ветра и посматривал на меня с опаской. Да, интересно выглядит на карсий лад моя привычка в задумчивости подрезать ножом ногти!

Я отвернулась от ободранного пня. Для начала оставляю-ка я Корнягу с Ветром отдохнуть у ручья, а сама пойду на охоту. Оставить их вполне можно — вороной сумеет себя защитить, а пенек — позвать меня на помощь. А мне надо, наверное, чего-нибудь съесть. В смысле кого-нибудь. Потому что магия — магией, но тело надо кормить, даже если оно и не особенно просит. И если с магией нужно осторожничать, чтобы ее не оказалось слишком много, то жратвы для меня слишком много не бывает. Проверено. Видать,

сколько оборотень ни съест, все излишки заберет превращение на пересвете.

Тьма! Как бы теперь объяснить Корняге, чтобы они ждали меня здесь? Кажется, знаю.

Я выбрала ровное место и принялась рыть яму. Как и следовало ожидать, любопытный пенек тотчас высунулся из-за коня.

— Что ты делаешь?

Я, разумеется, промолчала.

Корняга подобрался поближе и заглянул в яму. Я мигом схватила его зубами за ветку и, придерживая лапой, стащила вниз.

— Ой-ей! — заорал корневик, трепыхаясь у меня в зубах, как рыбешка. — Куда? За что?

Я молча придавила его левой лапой, а правой стала нагребать землю ему на корни.

— Н-не надо... — неуверенно скрипнул Корняга.

Я свирепо глянула на него и приподняла губу, обнажая клыки.

— Хорошо! — быстро сказал пенек. — Надо, значит, надо. Если очень надо, я могу даже сам закопаться. Закопаться?

Я покачала головой.

— А-а! Ты хочешь, чтобы я остался и ждал тебя здесь! — догадался Корняга. — Так бы сразу и сказала... Ой!

Терпение у меня иссякло. Я все-таки сдержала обещание, данное еще в лесу близ Слезы Великана. Корняга схлопотал по корням. Увесистой карсией лапой.

Как только я оказалась в лесу одна, лес неуловимо изменился. Слышнее стали шумы и шорохи. Отчетливее — запахи. Я полностью перешла к звериному восприятию мира. Исчезло понятие времени. Стало неважным расстояние. Я воспринимала окружающее целиком, слитно, а не дробя картину на части, как это делают люди.

Лес вокруг меня жил своей жизнью. И все живые существа в нем делились на охотников и добычу.

Я была охотницей. Я бесшумно скользила среди деревьев, сливаясь с фоном. Меня безошибочно вела вперед сладкая струя запаха. Так сладко пахнет только добыча.

Лесные козы паслись на большой поляне. Шесть взрослых коз и десятков козлят. Я притаилась за стволом многодрева, не рискуя двинуться дальше, чтобы не спугнуть их. До сих пор они меня не почуяли. Может быть, влезть на дерево и прыгнуть на стадо сверху? Я подняла взгляд.

Одна из толстых ветвей многодрева действительно протянулась в сторону поляны. И там, над головами коз, изготовился к прыжку хищник. Огромный зверь, чья рыжая шерсть в свете Меара казалась темно-серебристой. Карса. Наши взгляды встретились, и я отвела глаза.

Что ж, значит, это не моя охота. Я здесь гостя. Нужно уважать чужие обычаи. Но все же я медлила уходить.

Рыжий зверь прыгнул. Он приземлился на все четыре лапы точно посреди стада и одним ударом могучей лапы свернул шею козленку. Испуганные козы с диким блеянием шарахнулись прочь, но хищник не собирался их преследовать. Он взял убитого козленка в зубы, мягкими шагами подошел ко мне и положил добычу у моих лап.

Хозяин леса давал понять, что я — желанная гостя.

Я мурлыкнула. И склонила голову, чтобы обнюхать добычу. Самец карсы отступил на шаг.

Добрые джерхи! Я вдруг растерялась. Это глупо и странно звучит, но я еще никогда не ела сырого мяса. Конечно, я помнила кур, кроликов и прочую живность, которой я питалась синими днями и за двадцать с лишним кругов сожрала немерено. Но воспоминания были окрашены уверенностью зверя. Карса, которая задумывается над тем, можно ли есть сырое мясо, — это бред почище говорящих пеньков. Пока я по синим дням честно ощущала себя зверем, я и не задумывалась. Как не задумывается человек над тем же кроликом, только разделанным и приготовленным.

Но сейчас я задумалась.

Рыжий нетерпеливо взрыкнул. Мол, что случилось? Плохое мясо?

Я — не карса. Я — мадхет. Не зверь и не человек. И никогда не была ни тем, ни другим. Хотя красную половину жизни считала себя человеком, а синюю — зверем. Но все это было давно. Прошлое осталось по ту сторону Юбена. Прежняя я, расколота на две половины, умерла. И теперь новой мне придется решать, что для меня приемлемо, а что — нет. Звери едят сырое мясо, люди не едят. А я... я могу выбрать такой образ действий, какой нравится мне. И ни человеческие, ни звериные законы для меня не писаны.

А если и писаны кем-то законы для оборотней, то я их пока не знаю.

Ну?

Я лизнула окровавленную шерсть козленка. Кровь была горячей и солоновато-пряной. И я отбросила сомнения. В конце концов, чтобы решить, какой из двух вариантов поведения выбрать, нужно попробовать оба. Сильным ударом лапы я вспорола козленку бок.

...Хорошо еще, что человек и карса — оба хищники. Хотя здесь мне не нужно делать выбор.

Я подняла взгляд на гостеприимного хозяина и призывно заурчала. Раздели со мной трапезу, рыжий хищник! Я благодарю тебя за угощение и принимаю его.

Когда я вернулась к ручью, где меня ждали Корняга и Ветер, среди деревьев уже сгустились синие сумерки. Весь остаток меарского дня мы с самцом карсы провели вместе. Преимущественно ваяясь на полянке после сытного обеда.

Наверное, мой рыжий знакомец был не совсем обычным зверем. В этом лесу трудно было быть обычным зверем. Сказывалось влияние магии, растворенной в воде и воздухе. Рыжий понимал, что я — не вполне карса. Больше, чем кар-

са. Иная. Мне даже почти удалось объяснить ему, куда я иду и зачем.

Мне было в его обществе и хорошо, и странно. Одновременно уютно и тревожно. Он слишком напоминал того рыжего зверя, которого когда-то любила Тури-карса. Любила любовью равных. Как зверь — зверя.

А вот Тури-человеку не довелось полюбить человека. Из всех мужчин, которые оказывались в постели рыжей девчонки, ни один не оставил заметного следа в ее душе. В моей душе. Наверное, это и к лучшему.

Теперь, когда я осознала себя мадхетом, я больше не стану искать в людях того, чего в них нет. Буду любить или не любить их такими, какие они есть. Как, впрочем, и зверей.

Рыжий звал меня вернуться сюда, в лес, когда для карс настанет сезон любви — по человеческому счету, вскоре после синего урожая. Как говорят люди, он сделал мне недвусмысленное предложение, хотя и не облек его в слова. Он видел во мне не вполне карсу, но вполне женщину. То есть самку карсы. То есть...

Ну, в общем, я вежливо отказалась. Сказала, что подумаю, и все такое. То, что женщина обычно говорит мужчине, когда не хочет его обидеть, но и согласиться не намерена. Только, понятное дело, сказала не словами. А рыжий все равно обиделся. Как любой мужчина, который получил отказ даже в самой вежливой форме.

Тьма! Звери, люди... Где же разница? И есть ли она вообще?!

И неужели мне теперь, будучи последовательной, придется отказывать и всем самцам человеческой породы? Ждать — или разыскивать — такого же, как я, то есть обратного, причем именно мадхета. А с человеком — ни-ни. Чужь какая!

Тогда почему я отказала рыжему хищнику?

Я задумчиво почесала за ухом лапой. Задней.

Ладно. Любовь — это одно, постель — другое, а до синего урожая еще далеко. Может быть, я и вернусь в этот лес.

Но сначала надо побывать в У-Наринне. Выжить. И победить.

Я вдруг почувствовала прилив сил и уверенности. Ведь мы дошли до Каменного леса! Как ни трудно было, а дошли. Почти. А раз дошли — значит, сумеем выжить. И вырвать победу у соперников. Конечно, будет трудно. Нечеловечески трудно. Но ведь мы и есть нелюди. А там, где интересно, не может быть легко.

Как говаривал Унди Мышатник, упокой его Тьма, самое вкусное молоко у бодливой коровы.

Я не видела, как взошел Четтан. Деревья закрывали все, кроме клочка неба над головой. Небо было лиловым.

Я тихонько заурчала и потерлась боком о ствол старой березы. Рыжие шерстинки остались на шероховатой, посеревшей от времени коре.

Невидимый за лесом Четтан медленно поднимался над горизонтом. На западе медленно сползал под землю Меар. Небо в просветах крон меняло цвет. Из него постепенно уходила синева, а взамен оно наливалось вишневой спелостью. Когда Меар почти целиком скрылся за краем мира, в небе четтанского утра остался лишь легкий оттенок голубизны.

Жар превращения растекся по моим жилам. Мне сделалось зябко. Желудок подскочил к горлу мерзким комком. Перед глазами заколыхалась душная муть. Я вцепилась когтями в землю. Внутри меня с противным пощелкиванием зашевелились ребра. Тьма! Хуже всего, когда меняются кости... Последним распрявился позвоночник, и я поднялась с четверенек. Ноги почти не дрожали, и сердце уже билось ровно.

Боль.

Превращение — это боль. Неопишуемая и всепоглощающая. Но боль по-настоящему страшна тем, что означает

смерть или увечье. Я же на пересвете не умирала, я рождалась заново. Здоровой и невредимой. И мое новое, цельное «я» больше не стремилось погасить сознание, ускользнуть от боли и ужаса превращения в темноту.

Хвала богам, которые создали меня оборотнем. И спасибо тому, кто подтолкнул меня на путь в У-Наринну. Слышишь, Лю? Вместе с памятью синих дней ко мне пришло и воспоминание о том, как погиб Беш. Я вспомнила неопрятного старика, который двигался с быстротой оборотня и говорил со мной на языке карс. И крошечного котенка карсы, который невесть как оказался под ножами людей. Рыжий котенок был таким же беззащитным, как тот полосатый кошачий малыш, погибший девять кругов назад от ножа Сишара. И моя преданность Хозяину рухнула под стремлением уберечь и защитить кроху от людей.

Но откуда вдруг взялся рыжий котенок? Убивая Беша, я об этом не думала.

Зато теперь я отчетливо понимала — без магии тут не обошлось. А значит, это было делом рук чародея. Скорее всего Лю. Кому еще нужно было, чтобы я осталась бездомной? И готова была бежать куда угодно — хоть к джерху в зубы, хоть в Каменный лес, — прежде чем в Айетоте начнется охота на оборотня. На меня. Останься жив Беш, и я не пошла бы в У-Наринну. Не поверила бы обещанию Лю вернуть мне память меарских дней, будь он хоть четырежды чародей, и отмахнулась бы от него.

Слышишь, Лю? Это действительно ты подстроил смерть Беша? Прежняя Тури попыталась бы убить тебя за это. Сегодня, накануне Ночи и в преддверии У-Наринны, я нынешняя говорю тебе «спасибо».

«Не стоит благодарности», — ехидно прозвучало у меня в мыслях. И снова настала внутренняя тишина.

Тьма тебе в печенку, колдун. Ну до чего же ядовитый старикашка! Я обнаружила, что улыбаюсь.

— Доброе утро, госпожа! — радостно приветствовал меня Корняга. — С превращеньцем!

— Доброе, — отозвалась я. — И я сегодня добрая, так что по корням не получишь. Но если еще когда-нибудь ляпнешь мне после пересвета про «превращеньце» — ох и влетит тебе! Долго потом будешь сучья пересчитывать.

— За что? — надулся корневик. — Я же хотел как лучше! Вот Моран тоже всегда...

— Кто? — заинтересовалась я.

— А? Что ты говоришь? — Корняга вдруг скоростижно оглох.

Я шагнула к нему. Надо полагать, на моем лице было написано, что доброта моя не беспредельна. Пенек замахал на меня ветками.

— Скажу, скажу! Только не трогай! Ты меня и так вчера поцарапала. А у меня еще ожоги от вампиров корой не затянулись! Все меня обижают, никто не любит...

— Я тебя люблю, — сурово сказала я. — Живо рассказывай, кто такой этот Моран. Не то опять поцарапаю. Любя.

— Да Одинец же, — скрипуче вздохнул Корняга. — Его по-другому еще Мораном зовут. Только он почему-то не хотел, чтобы ты знала. Беда мне с вами! Теперь еще и Одинец по стволу наkostenяет. И чего вы, оборотни, такие беспокойные?

— Жизнь у нас такая, — сказала я.

Значит, у Одинца есть еще одно имя. Моран. Имя как имя, и почему он не хотел мне его говорить? Я пожала плечами. Какая мне, собственно, разница? Может быть, анхайр считал Мораном свое человеческое воплощение, а вулха всегда называл Одином. А может, побоялся доверить мне настоящее имя, отделался прозвищем? Ну и дурак же он тогда! За время совместного пути мы с анхайром успели узнать внутреннюю суть друг друга. А путешествие во Тьму за ушедшими половинками наших душ связало нас нитью, которую теперь не разорвать никогда. Если бы я захотела причинить

вред Одинцу, мне не стало бы помехой незнание истинного имени.

Но разве я смогу пожелать вреда серому брату? Немыслимо.

Впрочем, Моран назвался Одинцом давно, еще до моста через каньон и землетрясения. Тогда он мог опасаться меня. А потом просто забыл сказать мне свое человеческое имя. Лопух потому что. И урод.

Я вздохнула и потянулась к двумеху за одеждой и сапогами.

А вот у меня только одно имя. Беш Душегуб, мой бывший Хозяин (сразу три имени!), пытался называть меня-карсу не Тури, а как-то иначе. Кажется, Висса. Но я откликалась только на имя Тури. Может быть, потому, что так звал меня Унди Мышатник. И красным днем, и синим.

Кстати, если уж интересоваться именами: почему у старого пьяницы Унди было такое прозвище — Мышатник? С мышами он на моей памяти дела не имел и вообще терпеть их не мог. Наверное, потому, что у всякого знающего Унди складывалось впечатление, что Мышатник постоянно занят какими-то своими делами. Кропотливыми и неприметными, как мышьяная возня.

Я привычным движением подтянула ремни, поправила гурунарские ножи в наручах и ласково потрепала Ветра по холке. Жеребец всхрапнул и потянулся губами к моей руке. Эх... Скоро мы расстанемся, мой верный конь. Сегодня — последний день, когда ты несешь меня на могучей спине. Я собралась вскочить в седло и уже протянула руку пеньку, чтобы он взобрался ко мне на плечо. Но в последний миг остановилась и подозрительно глянула на Корнягу.

Пенек топтался на месте, растопылив сучки и путаясь в собственных корнях. Глазки-ягодки он зажмурил. Похоже было, что у корневика происходит внутренняя борьба.

— Что с тобой? — удивилась я.

Корняга открыл глаза. Кажется, одно из стремлений одержало верх. Вот только не знаю, какое именно.

— Ничего, — скрипнул он. — Ну-у... потом скажу. Ладно?

— Ладно, — согласилась я. — Поехали.

Четтанское утро уже вступило в свои права. В кронах дубов и кленов чирикали и щебетали птицы. Красные лучи пронизывали листву деревьев и падали на землю, рисуя причудливый узор из пятен света и тени. Крошечные бабочки-однодневки порхали в теплых лучах. Их крылышки сверкали, точно усыпанные алмазной пылью.

Но я не особенно засматривалась по сторонам. Тем более что светлый лиственный лес не таил никаких диковин. Он был приветливым, здесь царили спокойствие и порядок, здесь хотелось остановиться и отдохнуть душой. Но я торопилась дальше.

До У-Наринны оставалось лишь несколько часов пути.

Вперед, Ветер! Вперед!

Местность то повышалась, то понижалась. Нам то и дело приходилось пересекать неглубокие овраги, склоны которых поросли орешником. Если не считать орешника по оврагам, лес стал почти сплошь дубовым. Другие деревья встречались все реже и постепенно исчезли. Остались лишь могучие дубы-великаны с кряжистыми стволами и разлапистыми кронами, да подрастающие им на смену молодые стройные дубки.

Вскоре на нашей дороге стали попадаться камни. Камни были светлыми и странно розовели в свете Четтана. Они торчали из опавшей листвы прошлого круга, как вымытые дождями черепа. Несколько раз я вздрагивала — мне казалось, что вот это наверняка человеческий череп. Но каждый очередной череп оказывался камнем с круглой макушкой.

Затем среди деревьев замаячили светлые каменные столбы. Сходство с костями осталось, только теперь камни напоминали части скелета чудовищного зверя. Причудливо

изогнутые, в человеческий рост высотой, они словно бы росли из земли наравне с деревьями.

Мы въехали в Каменный лес.

Четтанский день шел к полудню.

Овраги кончились. Теперь местность пошла в гору. Дубняк стал редеть, а каменных столбов становилось все больше. Под копытами коня вместо желудей захрустел каменный щебень.

Подъем, поначалу пологий, делался все круче. Дубы исчезли. Повсюду, куда ни глянь, возвышались каменные столбы разной высоты и формы. Камень преимущественно был тот же самый, светлый, как кость, однако встречались темно-серые и даже черные монолиты. Я остановила коня у каменной колонны, похожей на вычурный подсвечник, и спешила.

Дальше я пойду одна.

Я бережно достала из двумеха окованные серебром ножны и пристегнула к поясу. Ножны показались мне неожиданно тяжелыми, тяжелее обыкновенного. Они легли на бедро так, словно внутри них был меч. Неужели я ощутила присутствие Опережающего? Здравствуй, магический меч! Здравствуй, древний клинок!

Далекий звон металла ответил моим мыслям.

Я вспомнила, как пели стальную песнь клинки возрожденного Железного поля. И потянулась к железной шишечке, в которую Страж Руд превратил смертоносный шипастый цветок. Подарок Стража я непременно возьму с собой в У-Наринну.

И еще один подарок может мне пригодиться. Я взяла в руки овальную деревянную шкатулку, которую получила от корневигов. На торжественном празднестве по случаю свершившегося пророчества, когда выяснилось, что награды за Корнягу я не хочу, старейший пень преподнес мне эту шкатулку. Со словами, что, если открыть ее в трудный момент,

может стать легче. А если просто так — то шкатулка окажется пустой. Я проверила. Внутри действительно ничего не было. Ну, трудные моменты нас в У-Наринне ждут наверняка, так что будет случай проверить и обещание старейшины насчет «станет легче».

Мои пальцы наткнулись на какие-то веревочки. Я вытащила ту самую штуку, которой Одинец сбил вампира, — костяное кольцо с веревочками и шариками. Тьма! Так я толком и не поняла, что это такое. Возьму, пожалуй. Вдруг анхайру именно эта хреновина нужна позарез?

Цветок, шкатулку и кольцо с веревочками я сложила в оружейную сумку. Туда же отправился дренгертский арбалет и стрелы к нему. Вторую сумку, заплечную, я свернула и положила в первую — для Одинца. Метательные ножи были при мне, хадасский кинжал — тоже. Все? Все. Я перекинула сумку через плечо.

Корняга грустно взирал со спины Ветра на мои сборы. Я протянула ему руку.

— До свидания, друг Корняга. Надеюсь, скоро встретимся. А если нет — не поминай лихом.

Пенек коснулся корнями моей руки.

— Знаешь, Тури, — проскрипел он, — я ведь тоже, как Моран, только свое прозвище назвал. Не сердись, ладно? Ты ведь меня тогда другом не считала. Люди меня Корнягой кличут, да. А настоящее имя мне — Скри.

Корневик умолк. А у меня не нашлось слов. Я погладила его по корням. Доброе прикосновение понятно всем — человеку, пеньку, зверю. Безмолвная фраза: «Ты хороший, я с тобой дружу».

— Возвращайся, — негромко скрипнул пенек. — Я тебе уже говорил когда-то и повторяю: возвращайся. Я буду ждать вас. Удачи!

Я улынулась ему и свернула из пальцев дулю, как следует делать, когда тебе пожелали удачи.

— До свидания, друг Скри, — сказала я.

Корневик с некоторым усилием скрутил из корней ответную дулю. И ухмыльнулся щербатым дуплецом.

Я шагнула к Ветру, обняла его за шею и долго гладила лошадиную морду. У меня было странное предчувствие, что я больше не увижу вороного жеребца. Нет, я не чувала его близкой смерти — но что-то подсказывало мне, что магический конь изменится. Такого Ветра, каким я его знаю, больше не будет. На прощание я поцеловала его в теплый нос.

— Прощай, Ветер!

Жеребец звонко заржал.

Каменный лес откликнулся дробным, как перестук камешков, эхом.

Я сделала шаг вперед, к У-Наринне.

Смутные дни! Вот и настал тот миг, когда счет пути к У-Наринне пошел на шаги.

На первый взгляд казалось, что столбы Каменного леса расположены в беспорядке. Но стоило мне двинуться вперед, и я ощутила некий подспудный ритм в чередовании колонн. В голове сама собой возникла тихая шепчущая музыка. Одна и та же фраза повторялась снова и снова, как шорох набегающих на берег волн.

Интересно, как выглядит Каменный лес с магической точки зрения? Я осторожно прибегла к внутреннему взгляду. Хвала богам, что у меня хватило ума сделать это осторожно!

Каменный лес сверкал, будто стеклянный. Очертания столбов были сглаженными, словно их действительно облили горячим стеклом, — а дождавшись, когда застынет и делается прозрачным первый слой, повторили это еще несколько раз. Каждый слой рождал внутри прозрачной оболочки зеркальные блики. Все вокруг вспыхивало то красным, то синим, то золотым; переливалось перламутром и жидким серебром. Каменный лес, как зеркало, отражал сияние У-Наринны.

Между колоннами плавно скользили темные тени. В видимом мире их не было; они были заметны только магическому зрению. Стражи Каменного леса плавностью движений и неожиданными резкими разворотами напомнили мне больших хищных рыб. Ни один из них не подплывал ко мне ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Я не интересовала Стражей; они признали во мне Идущую и пропускали сквозь Каменный лес.

Но я хорошо представляла, как эти хищные тени набрасываются на того, кто пришел сюда без соблюдения правил. Как они быстро и сосредоточенно рвут на части живое тело, и через десяток мгновений на землю с сухим стуком падает скелет. А Стражи возвращаются к скольжению в магическом пространстве. Не подвластные ни времени, ни чувствам.

Колонны неожиданно расступились, и передо мной оказался крутой склон. Я смотрела на мир одновременно и магическим, и обычным зрением. В этот момент я испытала головокружительную двойственность чувств. Глаза говорили мне, что впереди — каменистая осыпь, ведущая вверх, на горное плато. Внутренний взгляд столь же уверенно сообщал, что склон ведет в никуда. Где-то там, наверху, ослепительно сияет магическое Солнце миров, священная У-Наринна. Но меня отделяет от нее полоса пустоты. А мой мир заканчивается на верхней границе каменистого склона.

— Т-темное небо! — выдохнула я.

Я все равно пойду вперед. Даже если путь ведет за край мира и протекает через пустоту. Я временно погасила магическое зрение.

Четтан клонился к вечеру. Привычный красный свет родного солнца ободрил меня. Я поправила сумку за плечом и стала взбираться по склону.

Дорога вверх по осыпи заняла у меня примерно четверть часа. Сапоги скользили, и мелкие камешки сыпа-

лись у меня из-под ног. Приходилось внимательно смотреть, куда ступаешь. Я подняла взгляд, только когда подъем закончился.

Передо мной расстиралось большое ровное плато. На западе за ним рисовались силуэты холмов. А в центре плато высилась усеченная пирамида из черного камня, окруженная тройным кольцом дольменов.

У-Наринна.

Позабыв обо всем, я заворуженно шагнула вперед.

Внешнее кольцо вертикальных каменных глыб, поверх которых лежали такие же, только горизонтальные, представилась мне цепью арок. Таких же точно, как та арка, через которую мы бежали от землетрясения. Как я теперь понимаю, бежали в другой мир. Неужели каждая из этих арок ведет в свой мир? Или даже в несколько миров? Потому что миров много, но У-Наринна одна.

За пару шагов до ближайшей арки меня остановила невидимая стена. Понятно. Проход откроется только в урочный час. С наступлением Ночи.

Я с усилием отвела взгляд от каменного хоровода, за которым виднелась массивная глыба Трона, и осмотрелась. Джерхи в доме! Почему, кроме меня, здесь никого нет? Неужели я пришла первой? Не может быть.

Я задействовала внутреннее зрение. И чуть не завопила от неожиданности. Прямо на меня двигалось чудовищное создание, которое больше всего напоминало ожившую гору. Лапищи у него были сжаты в кулаки величиной с кузнечный молот. Кошмарное существо шагнуло ко мне... и прошло сквозь меня. Это был бесплотный призрак. Я шумно выдохнула. Ох, не хотелось бы повстречаться с ним во плоти.

Если в видимом мире плато казалось пустынным, то в магическом пространстве было не протолкнуться. Призраки людей, хорингов и совершенно незнакомых мне существ

поднимались на плато и двигались к У-Наринне, проходя сквозь другие призраки и не замечая их.

Я поняла, что вижу одновременно всех, кто когда-либо приходил сюда. В прошлые Смутные дни, и позапрошлые, и позапозапрошлые... Бесконечная вереница времен предстала передо мной в зримых образах.

И вдруг на краю обрыва мелькнула знакомая фигура. Я бросилась в ту сторону, боясь не разглядеть. Но призраки шли медленно, и я успела.

Да, я не ошиблась. Это был Унди Мышатник. Он шагал тяжело, опираясь на сучковатый посох. Вот он остановился и повернулся к своему спутнику, губы его зашевелились... жаль, что я не слышу слов. Идущая впереди Унди женщина оглянулась, тряхнув рыжей гривой. Мне показались смутно знакомыми упрямая складка ее губ и настойчивый взгляд... Джерх на динне! Тьма и Тьма, это же я!

Я с размаху уселась на землю, больно стукнувшись задницей. Потому что ноги меня не держали. Это что же, Тьма, получается?

Во-первых, я увидела будущее. Значит, окружающие меня призраки принадлежат всем временам, а не только прошедшим. Во-вторых, судя по увиденному, я доживу по меньшей мере до следующих Смутных дней. А самое главное — Унди жив! Жив старина Мышатник, не упокоила его Тьма. Правду мне говорило чутье. Уж и не знаю, как Унди сумел выкрутиться, потому что умер он всерьез и по-настоящему... Впрочем, я по пути в У-Наринну тоже однажды умерла — а вот живу. Ладно, если Унди захочет рассказать, как ему это удалось, расскажет при встрече. Хорошо знать наверняка, что эта встреча будет!

Рыжеволосая женщина о чем-то спросила Унди. И я неожиданно поняла, с какими словами будущая я обратилась — обращусь — к Мышатнику: «Тебе помочь, Ильгор?»

Ильгор! Так вот что сказал мне Унди, расставаясь надолго. До этой минуты я думала, что навсегда. Он назвал мне свое имя!

Одинец — Моран. Корняга — Скри. Унди — Ильгор. Оказывается, до сих пор я знала их всех под прозвищами. И вот настало время истинных имен. У-Наринна безжалостно смела внешнюю шелуху, обнажая суть.

Негромкий смех прозвучал у меня за плечом. Еще один призрак? Но почему я его слышу, тогда как остальные беззвучны?

Я обернулась, вставая с земли. Лю-чародей протянул мне руку, и я невольно ухватила за нее. Крепкий рывок поднял меня на ноги. Чародей не был призраком. И все же его фигура странно расплывалась у меня перед глазами. Как будто несколько картин накладывались одна на другую.

— Лю? — Я не вполне верила своим чувствам.

— Можешь звать меня Ассангом, — сказал чародей. Его голос звучал глухо, словно в тумане. — Раз уж ты ищешь соответствия имен... Ассанг — это тоже я.

— Тоже? Что значит — тоже?

Чародей досадливо вздохнул.

— Можешь задать мне один вопрос. Только один. Тебе до наступления Ночи еще нужно отыскать Морана. А я присоединюсь к вам на закате Четтана. Ну?

Д-джерхи! Один вопрос? Думай, голова, — косичку заплету...

Как учил меня хоринг Винор — да примет его душу мир, что за Тьмой, — надо определить, какой из вопросов самый важный. Что для меня сейчас важнее всего?

Важно знать, каков на самом деле тот, с кем я вскоре буду драться плечом к плечу. Кто он мне — равнодушный наниматель? Или друг? Я посмотрела на Лю-чародея... на Ассанга:

— Зачем тебе Трон? Что ты хочешь изменить в мире?

Ассанг на мгновение задержался с ответом.

— Хочу, чтобы стало меньше глупости, — негромко сказал он. — И меньше жестокости. Впрочем, это одно и то же. Хочу проложить новые дороги для тех, кто готов стать Идущим...

Чародей неожиданно ухмыльнулся и закончил:

— ...и начистить рожу Седраксу!

Я не сдержалась и фыркнула. Почему-то последняя фраза вызвала у меня наибольшее доверие. Наверное, сказалось воспитание, полученное в доме Беша. Но остальные мысли чародея мне тоже понравились. Я открыла рот, чтобы сказать об этом Лю-Ассангу, — только его здесь уже не было. Я тихо выругалась.

Что ж, ответ на свой вопрос я получила. Пора искать Одинца.

В толчее призраков, спешащих к У-Наринне из всех времен и миров, трудно было опознать существо из «здесь и сейчас». Я пригасила внутренний взгляд.

Оказывается, пока я разглядывала нездешние сущности, Четтан успел спрятаться за холмы. На плато легла тень. Вот-вот она сгустится до сумерек, вслед за которыми придет Ночь.

Хэй, Одинец! Или как там тебя — Моран? Отзовись, вулх! Где ты, анхайр?

Не знаю, был ли это ответ вулха или только мое воображение, но мне явственно послышался вой. Кто-то, очень похожий на вулха, протяжно взвыл за краем осыпи, к северу от меня. Взвыл и умолк. Я поспешила туда.

Вулх сидел под большой серой скалой, грустный и одинокий. Я только сейчас поняла, как сильно соскучилась по нему за эти дни. Серьезные размышления тотчас вылетели у меня из головы.

— Одинец! Вот ты где!

Серый зверь вскочил с места и бросился ко мне. Я не устояла на ногах, и мы покатались по каменному крошеву. Вулх лизнул меня в щеку. Потом в другую. Потом в нос. Я со смехом оттолкнула его:

— Да хватит тебе лизаться. У-ух, зверюга! И где тебя джерхи водили?

На несколько мгновений я забыла обо всем. Осталась только радость встречи. Но мир напомнил нам о себе. Дале-

ко за холмами на западе Четтан соскользнул за горизонт. Сумерки стремительно густели.

В вышине над нами прозвучало негромкое мелодичное созвучие. Я запрокинула голову и увидела крылатые тени на фоне медленно проступающих звезд. Раскинув крылья, в небе парили демоны, и песня, исполненная счастья и печали, лилась в мир.

В мир пришла Ночь.

Анхайр взвыл. Отступив на шаг, я сочувственно наблюдала за превращением. Все части тела оборотня меняли форму одновременно, и только глаза изменились раньше, чем морда вулха стала человеческим лицом. Ничтожную долю секунды я видела затуманенные болью глаза человека на морде зверя. А потом превращение завершилось.

Одинец поднялся с четверенек. И тотчас упал на колени, разбрасывая руками землю. Он выкопал из-под каменного бока скалы сверток с одеждой, торопливо натянул штаны, рубаху, сапоги. В руке у него блеснул незнакомый острый кинжал.

— Ну, Тури — начнем! — В голосе Одиноца прозвучало мрачное веселье.

* Опережающий! Я быстро отцепила ножны и перебросила анхайру.

— Лови!

Мечом Одинец владеет лучше меня. Против правды не попрешь. Я выхватила из сумки арбалет.

— Ну — двинули? — Одинец шагнул к осыпи.

И я вдруг поняла, что наш путь закончился. Мы пришли в Ночь.

Теперь нас ждет битва. Страшный и краткий бой. Страшный, потому что страшны наши противники. Краткий, потому что коротка Ночь.

— погоди! — выкрикнула я. — Потом будет некогда...

Анхайр понял меня. И потянулся навстречу. Я прижалась к нему, отводя в сторону взведенный арбалет, и поста-

ралась вложить в поцелуй все, что было между нами несказанного. И скорее всего останется таковым. Губы Морана оказались неожиданно мягкими. А колючая щетина на подбородке и щеках ободрала мне кожу.

— А теперь — пошли!

Я рванулась вверх по склону. Ошейник сдавил мне горло, словно удавка.

Тьма и демоны!

Я выполнила уговор с чародеем. Я сдержала слово и пришла в У-Наринну. И обещанная Лю память досталась мне.

А теперь...

Моя левая рука сама нащупала застежку.

Я понимала, что скорее всего делаю глупость. Что ошейники, которые верно служили нам по дороге, могут пригодиться и здесь. Но я не могла поступить иначе.

Договор выполнен. Я свободна.

Замысловатая застежка расстегнулась от первого же прикосновения. Я сорвала ошейник и швырнула его на землю.

ГЛАВА 28

Четтан, день четырнадцатый

Еще не утихла привычная боль во всем теле, как сознание возвратилось ко мне. Вулха я чувствовал совсем рядом, словно мы соприкасались боками. Звериное тело послушно отозвалось на мой беззвучный клич. Я, анхайр Моран, находился в зверином теле, и тело повиновалось мне точно так же, как и человеческое.

Боль стремительно отступала — превращение завершилось. Густо-синие меарские тени постепенно наливались темным пурпуром: Четтан вступал в свои права, а здесь, у самой горной гряды, влияние спрятавшегося Меара почти не чувствовалось.

Я огляделся. Лес словно подрост — ведь вулх ниже человека. И торчащие из земли щербатые обломки скал стали выше. Мир обрушил на меня лавину запахов, до превращения не различимых, и наполнился сотнями звуков, значительных и пустячных.

Хорошо, что власть над телом вулха и память просыпаются не в одночасье, а постепенно, в течение многих дней. Вряд ли бы человек выдержал такое резкое перемещение из мира зрения в мир запахов и звуков. А я постепенно привык. То есть запахи и звуки по-прежнему ошеломяли меня, но я уже знал о них и был готов к их приходу.

Мой плащ, например, свернутый в походный клубок, пах хорингами, человеком и дымом, помимо совершенно обычных запахов кожи, ткани и пыли. Изнутри слабо доносилась тонкая и выразительная струйка железа — несомненно, давал о себе знать подаренный хорингами нож.

Ткнув носом этот клубок, я подхватил его зубами за кольцо и поднял. Надо же, какой легкий! Я ожидал, что ноша окажется тяжелее. Единственная неожиданность — во рту сразу же стала скапливаться слюна. Но спустя некоторое время я привык.

Сжимая в зубах людскую поклажу, я потрусил вверх по склону.

Я не заботился об осторожности, и листья прошлого круга вкрадчиво шуршали у меня под лапами. Тело вулха безошибочно находило удобную дорогу меж деревьев и редких скал, которые, впрочем, постепенно стали попадаться чаще. Невольно я снова предался размышлениям, благо лес был светел, красноват и чист. Я пытался свести воедино разрозненные мысли, воспоминания, догадки и — возможно — домыслы. Почему-то ни Лю, ни хоринги не открыли мне истины об У-Наринне и пути к ней, а значит, снова придется до очевидных другому вещей своим умом, набивая синяки и шишки, но зато и приобретая ценный опыт, который, конечно, еще не раз послужит нам

с Тури в этой жизни. Пусть и недолгой, с точки зрения хорингов. Но другой у нас все равно нет.

Итак, начнем с самого начала и попытаемся представить события последнего времени в целом.

Некий маг Ассанг, не человек, но оборотень, правда, и не анхайр, и не мадхет, ведающий о приближении Смутных дней, начинает готовить поход в У-Наринну. Для чего-то ему нужны еще двое оборотней, и он в маске Лю-чародея заключает сделку сначала с Тури-карсой, а потом со мной. Или наоборот. В оплату он сулит память о днях зверя и власть над звериным телом. Понятно, что мы с Тури соглашаемся.

Другой маг, человек Седракс, предварительно уничтоживший множество предполагаемых соперников, тоже способных отправиться в Каменный лес, собирает свою команду — из магов. Их больше, чем двое, я видел троих плюс сам Седракс — итого, по меньшей мере четверо. Они идут в У-Наринну сами по себе и время от времени продолжают строить козни соперникам.

Почти истребленные хоринги в преддверии Смутных дней предпринимают последнюю попытку вернуть былое могущество или хотя бы отвоевать место под Близнецами. Маг-хоринг по имени Ульфенор во главе семи не то учеников, не то просто соратников отправляется в путь, но почему-то втайне от своего народа.

Другой хоринг, тот, что помоложе, Иланд, тоже решает отправиться в путь и собирает свой отряд. Эти в пути сталкиваются со мной и Тури, принимают нас за посланцев Седракса и пытаются уничтожить, отобрав предварительно некие магические предметы, но их постигает неудача: оборотни показывают зубы, и трое из отряда Иланда, включая самого предводителя, гибнут.

Вот первое слабое место, неувязка, на первый взгляд мелкая, но все же мозолящая взгляд.

Седракс — человек. В его команде наверняка тоже люди. Иланд знал, что мы с Тури оборотни. И тем не менее решил,

что мы из свиты Седракса. Значит... Значит, в свите Седракса могут быть другие оборотни. Надо это запомнить.

Оставшиеся пятеро хорингов из отряда Иланда мстят за смерть товарищей, но магия Лю-Ассанга не позволяет нам уйти во Тьму и возвращает на дорогу к У-Наринне. Двое из пяти тоже находят смерть в схватке со мной и Тури.

Еще один факт, на который стоит обратить внимание: оба отряда хорингов первоначально насчитывали по восемь Идущих-в-Ночь. Отряд Ульфенора цел, из отряда Иланда в живых осталось трое, и неизвестно, где они. Мне кажется, рановато их сбрасывать со счетов. Значит, снова запомним.

Вулх опустил на землю свернутую ношу, отдохнул недолго, перехватил ее поудобнее и продолжил равномерный бег под гору. Скал встречалось с каждым часом все больше, и очертания их становились все причудливее, а цвет все больше приближался к белому, словно кость. Сходство с торчащими из почвы костями заставляло вулха прижимать уши — тот, чей скелет занесло за много кругов земель, был просто огромен и внушал трепет и уважение.

Дальше. Как только Ульфенор узнает, что мы с Тури к Седраксу не имеем ни малейшего отношения, все враждебные действия против нас со стороны хорингов тотчас прекращаются. Более того, нас даже берут под защиту от нападения Аншана, мага из свиты Седракса, опытного охотника на оборотней.

Смысл этого поступка мне совершенно ясен: Ульфенор рассчитывает, что если мы и не расправимся с Седраксом и его людьми, то хотя бы потрепем его отряд и ослабим. Не можем же мы, два оборотня, прошедших через множество коварных ловушек и напастей на пути в У-Наринну, умереть, не захватив попутно во Тьму парочку-другую приспешников Седракса? Точно ведь захватим. Тем самым упростив задачу Ульфенора и его хорингов и волей-неволей повышая их шансы в борьбе с Седраксом.

Я уж не говорю, что кое-что, безусловно, сделает и Лю-Ассанг. И тогда у восьмерки хорингов точно появятся шансы на победу у Трона. А это означает возрождение его расы. И одновременно ограничит бурное расселение людей. Я, оборотень, этому был бы только рад.

Вот только с одним я не согласен категорически. Не желаю я уходить во Тьму, даже прихватив во Тьму нескольких магов Седракса. Не желаю, и все тут. И для Тури не желаю такой участи. Поэтому я вчера к хорингам и наведался.

Отчего-то я верил, что оборотни и хоринги сумеют ужиться бок о бок в любом мире и не будут друг другу помехой. Осталась самая малость — сокрушить Седракса. А вот как совершить это — я не имел ни малейшего понятия.

Точно так же, как ничего не знал о том, идет ли в Ночь еще кто-нибудь. А такую возможность тоже не стоит сбрасывать со счетов. То, что я с ними за четырнадцать синих и красных дней не сталкивался, еще ничего не значит. Я ведь уже говорил, что путь в Каменный лес у каждого свой. Нужно только пройти по нему, а там, как говорят хоринги, светлая У-Наринна всех рассудит.

И я прибавил шагу. Местные птицы с удивлением провожали крупного вулха, несущего в пасти что-то странное. Перепархивали с ветки на ветку и стрекотали что-то удивленное. Вулх не обращал на них внимания.

Меж тем лес редел и скоро стал сходиться на нет, а пологий подъем вскоре перешел в крутую каменистую осыпь. Скалы уже не напоминали гигантские скелеты — больше они походили на творения сумасшедшего скульптора, собранные в одном месте и увеличенные в десятки раз. Камешки сползали вниз по склону у меня под лапами. А я упрямо карабкался вверх. И наконец, осыпь привела меня на обширное плоское плато. Западнее плато к небу вздымались высоченные горные пики, увенчанные пухлыми снежными шапками, но они были очень далекими. Настолько далекими, что таяли в зыбкой дымке.

Шагах в пятидесяти от края осыпи высилось множество камней-колонн, но это были не дикие бесформенные скалы. Эти камни были обработаны людьми. Или теми, кто жил в нашем мире до людей. Грубо отесанные столбы стояли парами, а сверху на каждой паре покоился горизонтально уложенный блок, чуть меньший по размерам. Пары образовывали неровное кольцо; внутри кольца виднелся следующий ряд дольменов. Что возвышалось в самом центре У-Наринны, мне с высоты роста вулха было плохо видно. Но я догадывался, что там Трон. Правда, еще не знал, как он выглядит.

Полуденный Четтан висел над Каменным лесом, роняя красноватый свет на древние глыбы. Камень был черным с блестящими вкраплениями, которые ловили лучи Четтана и отражали их тысячами багровых искр. Все вокруг пропиталось магией, меня даже скрутило на секунду, вывернуло наизнанку — и отпустило.

И никаких Стражей. Вообще никого. Вулх повел носом, робко переступая с лапы на лапу у крайних дольменов. Никого. Похоже, я поспел в У-Наринну первым.

Я подумал, что хорошо бы пошнырять тут, рассмотреть, что к чему. Вдруг понадобится в тяжелый момент — знание никогда не бывает лишним, учил меня Унди Мышатник, упокой Тьма его нетрезвую душу, и я имел все основания доверять его словам.

Но что-то не пускало меня в У-Наринну. Я топтался перед рукотворной аркой из трех глыб и не мог пройти сквозь нее. Меня не пускали, тихо, почти неслышно шепча в душу: «Не время...» Не смог прошмыгнуть я и между двумя соседними арками. Каменный лес был заперт. Как городские ворота перед нашествием варваров.

Что ж... Если нельзя войти, посмотрим, что творится в окрестностях.

Я проворно спустился с осыпи и поискал укромное место. В косую расщелину приметной, похожей на встав-

шего на дыбы вильта, скалы я спрятал свою одежду, сапожки и хорингский нож, а трещину засыпал сухими листьями и мелкой каменной крошкой. Работать звериными лапами было до отвращения неудобно, и вулх виновато шмыгнул куда-то в темный угол сознания, но я поспешил успокоить его. Разве виноват серый брат, что магия создала его зверем?

В общем, пока я управился, с человека семь потов сошло бы, вулх же устало свесил набок влажный язык. Зато пасть теперь свободна, и пересвет, точнее, короткую Ночь, теперь не придется встречать одетым только в кожаный ошейник и с пустыми руками.

И я осторожно потрусил вдоль осыпи, хоронясь меж скал и под редкими деревьями. Вот здесь малый рост вулха был очень удобен, а на четырех лапах проскальзывать в малейшие щели получалось весьма ловко. Вулх воспрянул после закапывания одежды и старался, как мог, и у него все, от поисков удобной дороги до толкования звуков и запахов, получалось лучше, чем получилось бы у Морана-человека. Звуки и запахи у вулха связывались чаще не со зрительной картинкой, а со вкусом. Из чего я заключил, что серый брат все, что чуял и слышал, сперва пробовал на зуб, а потом уж рассматривал, если не помогало.

Нечто забавное в подобном отношении к окружающему миру присутствовало, и я мысленно потрепал вулха по загривку. Немедленно ощутив прикосновение невидимой руки.

«Привыкай, привыкай, Моран. Теперь тебе каждый день придется становиться вулхом и пробовать на зуб все, что встретится на пути. Удачи тебе...»

Я замер. Кто это? Кто посмел коснуться моих мыслей? Лю?

Я долго прислушивался. Никого. Коснувшийся моих мыслей исчез, не оставив и слабенького следа. Вскоре я уже стал сомневаться, а было ли это? Или мне просто почудилось?

Не знаю. Я продолжил путь вокруг плато. Магия стекала из Каменного леса вниз по склону и растворялась в лесу. Потоки ее были прихотливы, как бегущие с гор ручьи, и точно так же они то переполнялись, то мелели. Здесь было столько магической силы, что сразу становилось ясно, почему все маги стремятся именно сюда. Куда же еще?

Мало-помалу я прошел четверть окружности У-Наринны и при этом никого не встретил. Только птицы перекликались ниже, в лесу, а сюда и они не решались прилетать. Не поэтому ли они провожали меня сегодня возмущенным щебетом? Мол, вулх идет в Каменный лес, совсем стыд потерял, наглости набрался, священное место потревожить посмел...

М-да. Так я скоро каждому дереву припишу какие-нибудь мысли, словно душой и мыслями наделены все без исключения. Ведь по сути я сейчас — исключение из исключений. Мало того что оборотень, так еще и сохраняющий память.

Я продолжал красться вдоль осыпи, никого не встречая, и понемногу впадал в растерянность. Неужели я поспел к цели первым? Раньше Седракса, хорингов, Лю, еще невесть кого?

«Хорошо бы, — подумал я рассеянно, — чтоб все они опоздали... Ну по крайней мере Седракс».

Слабое прикосновение магии к мыслям вновь насторожило меня. Тьма, да кто это все время пытается меня нащупать? Может, попробовать взглянуть вокруг себя мысленно? Магически? Вдруг получится что?

И я попробовал. Мир слабо дрогнул и наполнился красками. Наполнился голубоватым сиянием, наполнился красноватым свечением... Словно прошел сквозь гигантскую радугу. И я наконец увидел невдалеке чью-то стоянку. Стоянку первых встреченных мною соперников, пришедших к У-Наринне. Их силуэты были темны и расплывчаты, словно на

самом деле я видел только фантомов, и что более всего огорчило вулха, к запахам пустого леса новых вовсе не прибавилось. Я мог полагаться только на зрение и слух. Но Морану, человеку, это как раз было вполне привычно.

И я осторожно стал подкрадываться к стоянке.

Семеро людей в косматых шкурах сидели на камнях, передавая по кругу полупустой бурдюк. Отхлебнувший протягивал бурдюк соседу и ненадолго замирал, безжизненно глядя перед собой.

М-да. Здесь, пожалуй, я разговоров не дождусь. И послушать нечего. Хотелось все-таки знать — что за люди? Откуда?

Я миновал эту стоянку и сразу же вышел к следующей. Тут легкий мороз прогулялся у меня под серой шерстью. Потому что я увидел четверку призраков. Я так и не понял — бесплотны ли они были на самом деле, или только казались такими. Серые, не то сотканые из мрака, не то просто из невзрачной материи плащи покрывали их с головы до пят. Под низко надвинутыми капюшонами тоже царил тьма, только две тусклые серо-синие точки слабо светились в крошечном непроницаемом мраке. Взгляд этих жутких глаз обращал кровь в моих жилах в кристаллы колючего льда.

Один из призраков заметил меня, как я ни крылся, вытянул в мою сторону руку и глухо произнес два неразборчивых слова. Остальные обернулись, глядя на меня. Я замер на полусогнутых лапах, пригвожденный к месту, словно краб под острой на мелководье. Ближайший ко мне призрак вдруг подобрал с земли короткую палку и ловко швырнул в меня. Я до того испугался, что не успел увернуться, и сжался в ожидании удара.

Палка прошла сквозь меня, не причинив ни малейшего вреда, словно я, она или мы оба были фантомами. Опять фантомами — ничего другого я придумать не сумел. А призраки негромко заперхали, словно смеялись. Ну да, на-

пугали глупого оборотня до полусмерти. Отчего бы не посмеяться?

Отчего-то во мне укрепилась уверенность, что эти четверо не впервые пришли к У-Наринне. Только, кажется, им до сих пор не везло у Трона. И слава добрым диннам!

Я решительно шмыгнул мимо стоянки призраков. И тут же столкнулся с ходячей горой, угрюмо бредущей сквозь лес, и на пути походя, с ленцой, крушащей небольшие скалы громадным, с пивную бочку, кулаком.

И снова я замер, ошеломленный. Гора была размером с дом и напоминала кряжистый гигантский пончик, стоящий на паре толстых колонноподобных ног и обладающий парой мускулистых ручищ. Вместо головы — слабо выраженный горбик, на котором красным пылали сразу три круглых глаза. Пончик был землисто-бурого цвета.

Все три глаза уставились на меня, и, скажу вам, до дрожи в лапах неприятная это штука — взгляд трех огненных глаз!

Бурая гора сердито взмахнула лапой... и снова лапа прошла сквозь меня, словно сквозь сгусток тумана. На этот раз я почти не испугался. Под низкое ворчание я проскользнул мимо этого создания, причем частично прошел сквозь его мощную лапу. Без всяких усилий.

Выходит, что, прибегнув к магическому зрению, я могу видеть всех, кто пришел в У-Наринну. Но никак не могу с ними схватиться. Почему? Почему, Тьма поперек? Чтоб мы не сцепились раньше времени, что ли? Или просто магическое зрение показывает мне тех, кто собрался не совсем здесь? Или не совсем сейчас? Или и то и другое вместе?

Я вздрогнул. Тьма! Если так, то я могу видеть всех, кто ходил в У-Наринну от начала времен! Магов древности, хорингов, Предтеч, наконец! Тьма и Тьма!

Но время все-таки шло. Ночь приближалась. И я заспешил по кругу, стремясь увидеть больше. Когда у меня случится такая возможность? Боюсь, что никогда больше.

Почти сразу я наткнулся на сидящих у костра хорингов. Они одновременно взглянули на меня. А я тотчас узнал Ульфенора... но не он был предводителем восьмерки. Другой хоринг, с печатью кругов на челе и печальным взглядом, вел эту команду. И я уверился в мысли, что вижу то, что происходило много кругов назад. Вулх бесшумно протек мимо.

Буквально через несколько шагов я встретил другой костер, вокруг которого сидело одиннадцать хорингов. Ульфенор, Розн, Халимор... Уж Халимор-то точно впервые в окрестностях У-Наринны, как и я. Значит, это та восьмерка, с которой я вчера заключил союз. Плюс еще трое хорингов... Которые убили нас с Тури после Сунарры. Остатки восьмерки Иланда.

Мельком взглянув на меня, Ульфенор возобновил прерванную речь, обращаясь как раз к этой троице.

— ...просто не успел. Да и как было предупредить дом Иланда и дом Тинаэла? Слать гонцов? Кого-нибудь из восьмерки — невозможно, а кого-нибудь другого — глупо.

— Я понимаю, Ульфенор, — скорбно сказал один из троицы. — Теперь понимаю. Но ведь Иланда и остальных не вернуть.

— Не вернуть, — согласился Ульфенор. — И все же они погибли не зря.

— А зачем жить нам, если Иланд погиб? — горько возразил тот же хоринг.

Ульфенор прищурился.

— К Трону должны прорваться восемь хорингов. А нас теперь одиннадцать. Даже если кто-нибудь погибнет — один, двое или трое, — у нас все еще будут сохраняться шансы на успех. Понимаешь, Тил?

— Но ведь, если бы здесь было две восьмерки, шансов стало бы еще больше!

Ульфенор вздохнул.

— Но так не случилось. А значит, попытаемся извлечь максимум из того, что получилось. Я уже поведал тебе о союзе с оборотнями.

Ульфенор коротким отрывистым жестом указал на меня. Все — Тил, Ганион, Роэн, Халимор — все хоринги взглянули на стоящего в отдалении вулха, меня то есть.

— И я верю в их искренность, — добавил предводитель хорингов.

Тил переглянулся с двумя товарищами.

— Ладно, Ульфенор. Мы будем рядом с твоей восьмеркой. Да и могло ли случиться иначе?

— Нет, — сказал Ульфенор уверенно. — Не могло. Кстати, ты знаешь, что отряд хоргов тоже здесь?

— Хоргов? — Тил даже побледнел. — Здесь?

Ульфенор горестно покачал головой.

— Великие Близнецы! И как Иланд рассчитывал победить? Не зная ничего ни о ком? Я не понимаю его умом. Хотя понимаю сердцем.

— Ульфенор, — жалобно протянул третий хоринг из отряда Иланда. — Ну почему ты его не предупредил?

В глазах вожака хорингов вспыхнул немой гнев пополам с сожалением. Даже почти бессмертным не под силу исправить прошлое.

Я очнулся и миновал стоянку хорингов. Значит, их обязательно должно быть восемь у Трона. Почему, разрази меня Тьма?

А еще я узнал, что у хорингов есть заклятые враги — хорги. Кто они и как выглядят, осталось загадкой. Но Тил так выразительно отреагировал на упоминание о них, что я сразу понял: хоринги и хорги все равно что оборотни и Чистые братья. Готовы друг другу в глотку вцепиться всегда и везде, и примирение между ними невозможно. Как между водой и огнем.

Однако что-то часто я сегодня Тьму поминаю. Будто пытаюсь ее призвать поскорее. На миг вернувшись к обыч-

ному зрению, я убедился, что Четтан еще только начал склоняться к горам, и вернулся в мир призраков.

Десяток шагов — и я заметил меж стволов продолговатые головастые силуэты. Много, несколько десятков. Е-мое, да это же вильты! Разинув от удивления пасть, я попятился. Нет, нет, не может быть. Разве что я вижу будущее — возможно, вильты когда-нибудь и дорастут до похода в Каменный лес.

Крупные вильты-воины шныряли по осыпи вверх-вниз, и наверху, пытаясь пробраться меж дольменов. Понятно, ничего у них не выходило. Внизу собралось несколько толмачей; они деловито шевелили усами в немом вильтском разговоре.

Ну их к джерхам, этих вильтов! Я был бы совсем не против, если бы с ними не столкнулся там, в У-Наринне. Пусть это останется в будущем... А до следующих Смутных дней я все равно не доживу.

Около дюжины крылатых, размером с собаку, созданий промелькнуло совсем рядом. Я запомнил лишь крючкова-тые носы-клювы, большие немигающие глаза и короткие топорики в лапах. Люди-птицы перепархивали с ветки на ветку, с дерева на скалу, двигаясь то вверх, то вниз, как бы плавными скачками, отчего походили на больших ленивых блох. Они скрылись из виду так же неожиданно, как и появились.

Вулх проводил их взглядом... В смысле, я провел их взглядом, obeжал совещающихся вильтов-толмачей и направился дальше.

Стоянка людей. Обычных людей, озабоченных близким сражением и близкой Ночью. Не до бродячих вулхов им было, и я просто миновал их, смутно ощущая их тревогу и страх перед будущим.

Эти не жильцы, подумалось мне. Чувствовалась в них обреченность, а с таким настроением в У-Наринну лучше не соваться.

Интересно, почему я так в этом уверен?

Но это святая правда, я чувствовал.

Потом я наткнулся на созданий, которые могли бы получиться из вулха и Морана, смешанных в равной пропорции. От человека в них была привычка ходить на двух ногах, привычка носить одежду и руки, приспособленные для работы. От вулха — покрытое шерстью, правда не слишком густой, тело и совершенно звериная голова. Только в пасти нет и следа клыков — все зубы одинаковы, как у фырканов. Зверолоуди, взрыкивая, переговаривались и все время шевелили ушами. Завидев меня, они задержались и долго тыкали в меня пальцами — я заметил, что на руках у них было по четыре пальца.

Ни враждебности, ни дружелюбия они не проявляли, просто глазели на меня и переговаривались. Ни слова, конечно, я не понял. С чего бы?

Добрая динна! И откуда только приперлось у к У-Наринне столько разных существ? Впрочем, если я вижу прошлое и будущее... Тогда удивляться не стоит. Главное, распознать настоящее.

И я продолжил путь. Вскоре я вновь наткнулся на людей, а поскольку облюбовали они небольшую полянку, сумел подкрасться незамеченным. Люди не показались мне напуганными или озабоченными, скорее напротив — показались веселыми и беззаботными. Словно не на пороге Каменного леса все это происходило и не накануне Ночи, а где-нибудь за Дренгертом, в Чайковой пуще. Кто-то рассказывал знакомую байку о двух охотниках и уже дошел до места, где охотники наткнулись на логово старых хитрющих лис.

— И вот, значит, глядит он в нору, а там, понятно, темно, как у джерха в заднице. Подсветить бы, думает, и говорит приятелю: «Зажги-ка, кум, факел!» Не видать, мол, ни хрена. А тот хлоп-хлоп лапой по пустой сумке, и отвечает жалобно: «Знаешь, кум, а огниво я тоже дома забыл!»

Дружный хохот сотряс полянку. О как! Этим, похоже, вообще чихать на предстоящую свалку. Хохочут, словно на прогулке. Я знал эту байку, там один охотник забыл все снаряжение, только не дома, а у жены второго. И второй, вернувшись домой, начинает все это находить, а потом вправлять мозги хитрящей жене... В общем, история, от которой могли посмеяться лавочники или лесорубы, но мне она всегда казалась глупой. Я уже совсем решился идти дальше, но вдруг среди слушателей разглядел знакомое лицо Унди Мышатника.

Словно молния меня поразила. Унди? Здесь?

Я всмотрелся до рези в глазах. Несомненно, Унди. Только совсем молодой, борода погуще и седины в волосах совсем нет. Глаза сверкают... И рассказчика он не слушает. В себя погружен.

У меня перехватило дыхание. Так что же это получается? Если я вижу прошлое... значит, Унди — вовсе не человек? А кто? Маг, получается? Кто еще может жить так долго, чтоб застать не одну Ночь на своем веку? Ну, хоринг. Но ведь Унди не хоринг!

Значит, маг. Но почему тогда он позволил убить себя так глупо? Впрочем, что значит — глупо? Тури рассказывала, что он появился вдруг посреди пустынной улицы уже смертельно раненый, а убийцу его так никто и не увидел. И еще Тури назвала какое-то имя. Ил... Ин...

— Ильгор! — кто-то перебил рассказчика. Унди очнулся от раздумий и обернулся на голос.

— Чего?

— А кто там будет, у Трона, а? Из кого кишки выпускать придется? Интересно все-таки...

— Не знаю. — Унди пожал плечами. — Может быть, Дисли с братьями. Может быть, Касп или Ассанг будут. Хорингов я, кажется, видел. Из черноты наверняка кто-нибудь прорвется. Откуда мне знать?

Голос! Тьма, этот голос я ни с чьим не спутаю. Голос Унди Мышатника, моего учителя. Которого, похоже, звали еще и Ильгором. Вот что сказал он Тури перед смертью — свое имя. Возможно — истинное.

Но как он из мага, ходившего в У-Наринну, превратился в горького пьяницу, забывшего о чарах? Бродячего грамотея, зачем-то обучившего в числе прочих и двух оборотней? Меня и Тури?

Я вдруг запнулся на ровном месте. А не затем ли, джерж на динне, чтоб этих оборотней потом кто-нибудь мог послать в У-Наринну? Ведь даже если Унди-Ильгор потерял магическую силу, о приближении Смутных дней он не мог не знать. И готовить посланцев заранее...

Ну и ну. До каких же еще секретов я дойду на пути к Каменному лесу? Впрочем, путь уже заканчивается, и цель ясно видна впереди...

Унди уже перестали спрашивать о предстоящем и вновь завели байку о двух охотниках (до чего же все-таки глупая байка!), а мне ничего не оставалось, как отправиться дальше. Я уже миновал больше половины окружности. Скоро вернусь к своему тайнику... Кстати, не встречу ли я здесь Тури? И если встречу — сможем ли мы коснуться друг друга, или до завтра останемся призраками? Эх, Смутные дни, что уже, похоже, наступили, сколько меня окружает загадок! И что очень печально — на большинство из них ответов я никогда не отыщу.

Не успел я пробежать и сотню шагов, как увидел еще одного трехглазого гиганта-пончика. Только этот был не землисто-бурым, а серым, какмышь, и глаза у него были синие, словно лесные озерца. А в остальном — родной брат. Те же могучие руки, те же колонноподобные ноги, та же незыблемая и всесокрушающая мощь, кроющаяся в каждом движении... Эх, попадись нам такой противник — я даже не знаю, как его одолеть!

Я видел еще много самых причудливых созданий. И много уже знакомых — людей, хорингов, магов... Кажется, видел

даже оборотней. Не уверен... Но чутье меня редко подводит. Ну кем, скажите, пожалуйста, могут быть рыжая девчонка и здоровенный, больше меня, вулх, бредущие вверх по осыпи? Я не стал спрашивать. Некогда.

Четтан уже спрятался за горы. Скоро он зайдет, и с небес опустится Тьма. Я уверен — сегодня это будет именно та Тьма, ради которой к У-Наринне и ходят. Ночь, когда выяснится, кого будет любить наш мир ближайшие сотни кругов. И кому надлежит уйти в небытие. А кому прозябать на грани истребления.

Скалу, под которой я спрятал одежду, я заметил издали. Уже почти не обращая внимания на тени, что окружали Каменный лес, я приблизился к скале. Сел рядом. И вдруг подумал: а как в такой толчее я найду Тури? И как нас найдет Лю?

Не знаю. Найдет как-нибудь. К тому же исподволь пришла странная уверенность, что завтра посреди дольменов мы встретим только тех, кто шел в У-Наринну одновременно с нами. Тени бывшего и грядущего, которые я сумел разглядеть сегодня, так и останутся здесь, у самого подножия осыпи. А наверх поднимутся те, кто принадлежит настоящему. Затем, чтобы кому-то стало принадлежать и будущее тоже.

Страшно хочется, чтобы это были именно мы. А не Седракс... Кстати, его и его команды я так и не увидел. Хотя это вовсе не значит, что их нет где-нибудь рядом. Наверняка есть.

Но как позвать Лю? Не в голос ведь? Представляю, как это будет выглядеть со стороны. Сидящий у скалы вулх поднимет к подернутому красной пеленой небу и тоскливо завоет на всю округу: «Лю-у-у-у-у...»

И эхо ему ответит: «У-у-у-у-у...»

Что-то воображение у меня разыгралось!

Время тянулось на редкость медленно. Бродить у подножия осыпи пропала всякая охота, я просто сидел и ждал.

Теперь мимо меня изредка кто-нибудь проходил: пара мохнатых толстяков, похожих телосложением на хозяина «Маленькой карсы». Толстяки были вооружены здоровенными алебардами и на меня едва взглянули.

Потом проскользнуло что-то длинное, как морской змей, и полупрозрачное. Быстро, я еле успел головой повести. Проскользнуло — и исчезло, не оставив после себя даже легкого дуновения. Вулх невольно попытался спрятаться за скалу, но я его турнул в угол потемнее. Извини, серый брат... ты лучше побудь в стороне. Это дела людей, значит, и расхлебывать все Морану. А ты спи.

Вулх, кажется, разрывался между желанием повиноваться и готовностью помочь мне в драке. Впрочем, в драке его звериная ловкость и привычки урожденного хищника-бойца действительно могут пригодиться.

Ну, ладно, серый брат, можешь не спать, но прячься пока за меня, ладно?

Вулх отчетливо завилял невидимым хвостом, отчего хвост настоящий тоже завертелся, словно волчок. Но все же тише, чем хвосты дренгертских псов, рожденных в неволе, в будке, в сарае и приговоренных к цепи самой судьбой.

— Вот ты где, Одинец! — Знакомый голос заставил меня подскочить и еще сильнее завертеть хвостом. Тури! Рыжая девчонка! Ты нашла меня!

Она подобралась бесшумно, и с подветренной стороны, поэтому я ее не учуял заранее. И вулх, несмотря на все мои недавние увещевания, словно пружинной подброшенный взвился в воздух, лапы его толкнули Тури в плечи, и она упала, а длинный розовый язык прогулялся по девичьему лицу. Я мог ее коснуться, мог! Тури вовсе не была похожа на бесплотный призрак, каких шаталось вокруг немало.

— Ну хватит, хватит. — Она лениво отпихивала меня в сторону. — Хватит лизаться, зверюга. Лучше расскажи, зачем ты уходил.

Я перестал лизаться с некоторым, надо сказать, сожалением. Причем сожаление исходило не только от вулха.

Расскажи! Интересно — как? Лучше бы сама рассказала — почему без Ветра, и где Корняга, и не повстречала ли Лю по дороге... И что вообще случилось за эти два красных и один синий день.

Тури была без двумеха, но с сумкой через плечо. К поясу она пристегнула ножны Опережающего и хадасский кинжал, а гурунарские ножики, к счастью, скрывались под рукавами курткоштанов. Да и в сумке, кажется, кое-что было припасено. И еще я разглядел знакомую выпуклость, до странности напоминающую бок моей шкатулки с самоцветами...

Она, кажется, обо всем догадалась и даже открыла рот, чтоб рассказать мне о своем пути, потому что поняла, что перед ней Моран вместе с вулхом, а не один вулх, но не успела.

Где-то за горами Четтан опустился за горизонт, и из мира ушел последний луч севшего Близнеца. Сумерки обернулись Тьмой.

Я взвыл, встречая пересветную боль, тело мое стало меняться, перемалывая кости и плоть, и на этот раз я прочувствовал все это от начала до конца, не проваливаясь в шадящее небытие. Счастье, что превращение было на удивление быстрым, куда более быстрым, чем мне всегда представлялось, иначе я сошел бы от боли с ума.

А потом боль отступила, и я, Моран, поднял голову. Пошатываясь, встал на ноги. А вокруг воцарилась Ночь.

Ночь. Тьма. Смутное время.

Говорить уже не оставалось времени. Я как мог быстро раскидал руками листья и рыхлую землю, развернул свой плащ, оделся и обулся, и обнажил хорингский клинок.

— Ну, Тури, — выдохнул я. — Начнем!

Она поняла меня с полуслова. Сдернула ножны и швырнула мне.

— Возьми! Ты мечник. А я...

Я покосился на нее, поймав ножны Опережающего. В руках у Тури уже пристроился арбалет, а на поясе — колчан.

— Ну! — сказал я, навешивая на себя одну из сумок, принесенных девушкой-карсой и нашаривая внутри свернутый ыплыкитет.

— Двинули?

— погоди, — остановила меня Тури. — Может быть, у нас потом не хватит времени...

Ее поцелуй был жарким, как пламя в очаге, а рыжие волосы пахли дымом и ромашкой.

— А теперь — пошли! — Тури вскинула арбалет и рванулась вверх по склону. Я постарался не отстать. Одновременно, как две птицы в два окна, мы прошли в две соседние арки, пересекая границу внешнего круга дольменов.

Мы пришли в Ночь и пришли в Каменный лес. В Светлую, несмотря на Тьму, У-Наринну, которая всех рассудит.

ГЛАВА 29

Ночь

В мир пришла тьма. Только багровеющие отсветы в темных, прижавшихся к западному горизонту облаках говорили о том, что существует Четтан. И ничто, вообще ничто не напоминало о существовании Меара.

А среди звезд, становящихся с каждой секундой все ярче и колющее, носились крылатые тени, и Песня Ночи лилась с неба, как хрустальный дождь, и звонкое эхо металось меж дольменов, осыпая осколками звуков скалы Каменного леса.

Настало время Идущих.

Незримые Врата У-Наринны распахнулись.

Тури, отшвырнув ошейник, пролетела в створ дольмена и замерла.

Справа от нее, в соседний проход, ворвался Моран и застыл в нескольких шагах от рыжего мадхета, задумчиво, скорее по старой привычке, нежели по необходимости, раскручивая ыплыкитет.

И прямо между ними из мерцающего воздуха сконцентрировался чародей Лю, а перед его лицом медленно вращался золотистый знак неведомого алфавита.

— Круг первый, — сказал он неожиданно молодым и чистым голосом. — Приготовьтесь, братья.

У-Наринна освобождалась от фантомов прошлого и грядущего. Призраки таяли во тьме, уступая место тем, кто пришел к Трону сегодня.

Идущие вступали в круг через разные проходы, они пришли из разных миров, но у всех была одна цель, и все взгляды были обращены к центру круга. К Трону.

Ульфенор и его хоринги. Седракс во главе Одиннадцати. Трое из мира людей. Клан хоргов. Безымянный гигант, сотканный туманом, и его темный собрат-соперник. И другие, чьи имена и названия были неведомы Тури и Морану. Вот последний из Идущих, там, на дальней стороне круга, пересек границу между каменными глыбами. И наступила Ночь.

Тури быстро притронулась к рукаву чародея.

— Что дальше?

Лю не успел ответить. Моран вдруг издал совершенно звериное рычание и едва различимой в темноте серой тенью, совсем как вулх, метнулся влево. А из темноты ему навстречу качнулись лиловые балахоны — меч в правой руке, факел в левой.

— Чистые братья!.. — пораженно выдохнула Тури. Лицо ее неприятно исказилось, и, зашипев по-кошачьи, она прыгнула вслед за анхайром. В середине прыжка она еще успела на миг обернуться — в глазах был немой вопрос и даже капля сожаления, но рвущаяся наружу ненависть уже стирала все остальные чувства.

— Бей, — коротко и жестко сказал Лю и шагнул следом за Тури.

Чистых братьев внезапное нападение не застало врасплох. Они знали, куда пришли, и были готовы сразиться с любым противником. Высокий бородач, на груди которого холодно сверкала бриллиантовым крошечным круглая бляха Магистра, повелительно взмахнул факелом.

Лиловый отряд развернулся, насколько позволяли долины, охватывая нападающих плотным полукольцом.

Единственное, чего не ждали и не учли лиловые, — это звериной ненависти противника и бешеного напора атаки.

— За Храгги! — взревел Моран.

Движение его руки было похоже на жест ритуального вызова, но Морану давно было не до ритуалов. Да еще в стычке с Чистыми братьями. У него достало времени в этой жизни научиться ненавидеть лиловые балахоны. Тихий свист утонул в нахлынувшей ночи. Почти незаметный в хаотичном полете выплывший опутал первого из Чистых братьев, отчего тот сразу стал похож на муху, угодившую в сеть к пауку. Бородач рухнул, хватая ртом воздух.

И тут же рука Морана скользнула за плечо, и ослепительной молнией сверкнул короткий меч — прямой и широкий, как древнее оружие хорингов, но с хадасской заточкой. Опережающий взвился над вторым из Чистых братьев и обрушился на него.

Меч разрубил шею и ключицу. Брызнула кровь. Чистый брат рухнул анхайру под ноги, как деревянная колода, а Моран уже занес клинок над следующим. Вверх Моран не глядел, привычный, что небо над схваткой всегда свободно. Здесь, в У-Наринне, даже это складывалось не так.

Меч на замахе задел за что-то податливое и живое, и липкий сгусток крови выплеснулся прямо на голову Морана. Большая птица с немигающими глазами выронила из лап топорик и рухнула, распадаясь на две части. Еще несколько крылатых силуэтов мелькнули над головами и про-

пали за дольменами. Сердитый клетот донесся издали. Наверное, это было обещание отомстить. Увернувшись от удара Чистого брата, Моран вновь вскинул меч, на этот раз покосившись вверх.

Зазвенело железо.

Тури, еще в прыжке взведя арбалет, выхватила из колчана толстую стрелу и наложила на тетиву. Стрела коротко свистнула в воздухе и вошла под всклокоченную и грязную бороду Чистого брата. Лиловый опрокинулся навзничь, смертный хрип рвался из пробитого горла.

Двое братьев тут же рванулись к Тури, но Моран, выбив меч у своего противника, злобно пнул его в пах и сразу с разворотом полоснул по спине одного из бегущих. Чистый брат протяжно взвыл. Его товарищ резко обернулся к анхайру, и тут ему под лопатку вонзилась следующая арбалетная стрела. А Тури снова вскинула арбалет.

Опережающий описал петлю над головой Морана и скрестился с мечом врага. Лязгнула сталь.

Магистр Чистых братьев вдруг оказался за спиной анхайра и протянул руки к его затылку, что-то тихо шепча. Лю мягко шагнул к Магистру, успев окинуть быстрым внимательным взглядом все, что происходит вокруг.

Во внешнем круге У-Наринны одновременно кипели несколько жарких схваток. Хоринги рубились на коротких мечах с приземистыми зверолюдьми. Зверолюди наседали, прикрываясь медными щитами. Их было больше, чем хорингов, и они бросались в атаку с не меньшей яростью, чем оборотни на Чистых братьев. Ульфенор, без меча, прикрываемый пятеркой хорингов, стоял неподвижно, и голубоватое сияние разгоралось в воздухе над ним.

Одиннадцать магов схлестнулись с отрядом людей.

Седракс не смотрел, как его спутники сноровисто крушат стрелков и мечников. Он ждал, пока младшие маги истребят слабого врага. Презрительная улыбка слегка искривила уголки его губ. Взгляд Седракса был обращен в центр

У-Наринны. Туда, где высилась ступенчатая громада Трона, посеребренная светом звезд.

Лю замер напротив Магистра, шевеля губами и делая странные жесты. Магистр медленно пятился, короткими взмахами отметаая что-то невидимое от своей груди. А над его плечами выросла серебристая паутина, чем-то немного напоминающая полупрозрачные, с прожилками, стрекозиные крылья. Воздух между магами неярко светился, и в нем бегали золотистые искорки. Направление их движения явно зависело от того, кто сейчас атакует, а кто защищается. От Магистра искры мчались часто, азартно и помногу. Но не одолев и половины расстояния между противниками, увязали в невидимой трясине оборонительных заклятий и медленно гасли. Со стороны Лю искры вылетали редко, порой вообще по одной, по две. Но эти искры были очень яркими и быстрыми, они прорывались почти к самой груди Магистра и только там отражались от чего-то, схожего с незримой броней. Чистые братья старались держаться подальше от этой пары, и с удвоенным рвением навалились на Тури и Морана.

Тури раз за разом вскидывала арбалет к плечу, одновременно взводя его, и очередная короткая стрела находила цель. Трое или четверо Чистых братьев валялись на траве бездыханными, задрав бороды к темному небу. Моран вдохновенно работал мечом, двигаясь так, чтобы не подпустить лиловых к мадхету. Но один бородатый брат ловко ушел от широкого клинка Опережающего и замахнулся мечом на Тури. Та, не успев еще даже оттянуть тетиву, выдохнула невнятное ругательство, пригнулась, пропуская меч над головой, и врезала лиловому арбалетом в висок. Удар получился неожиданно сильным. Настолько сильным, что металлическая накладка пробила тонкую кость черепа и вошла глубоко в мозг. Темная кровь выплеснулась на бороду и белесо вспенилась, как красное хадасское вино, только что налитое в бокал. Брат обиженно раскрыл рот и повалился навзничь.

— Э! — Тури уперлась ногой в его грудь, чтобы вырвать засевший в черепе арбалет. И тут случилась беда. Легкий костяной зажим, придерживающий стрелу на ложе, хрустнул и сломался.

— Джерх! — Тури стремительно выдернула из футляра следующую стрелу и наложила ее на тетиву.

Стрела легла неровно, сошла с тетивы под углом и полетела, вихляя, как пьяная перепелка. Вместо того чтобы сразить жертву наповал, она воткнулась одному из Чистых братьев в бедро. Моран в два скреста и один выпад уложил последнего из нападавших на него лиловых, одним косым ударом добил раненого, хромящего в сторону, быстро огляделся и ринулся на отважного бородача, подкрадывавшегося сзади к чародею.

Лю, окутанный туманом, неуклонно надвигался на Магистра. Тот с видимым усилием пытался свести перед собой паутинные крылья, но клочья тумана липли к нитям-прожилкам и сдерживали их, как плавучий якорь сдерживает судно в шторм. Глаза Магистра налились недобрым зеленым светом. Пронзительный свист рассек воздух, и два темных жала метнулись к старику-чародею из широких рукавов лилового балахона.

Лю нутужно застонал, и золотистый знак перед его лицом вдруг развернулся в две сверкающие лопасти. Золотые пластины упали вниз, прикрывая грудь мага. Оба жала ударились в металл, отразились от него и бессильно опали у ног Магистра.

— Ййе! — со злым весельем сказал Лю, выбрасывая вперед левую руку. Еще один Чистый брат, неожиданно появившийся за плечом Магистра, захрипел, схватился за горло и рухнул головой вперед. Из его затылка тут же поднялся столб темного пара и потянулся к лицу Магистра.

— Нет, — сказал тот. Глаза его засияли так ярко, что свет, исходящий из них, казалось, можно потрогать рукой.

И темный пар раздался в стороны, непокорно вздрагивая, но обтекая освещенное зеленым пространство. Магистр торжественно поднял факел. И последний из Чистых братьев в этот же миг занес клинок над седым затылком Лю.

— И!.. эх... — сказал он и выронил клинок. Опережающий вонзился ему в спину, чуть повыше левой почки. Моран чуть-чуть повернул лезвие вправо — по-доброму, без подвыверта, — и резко поднял рукоять вверх.

— И!.. ох... — сказал Чистый брат, стекая с клинка Опережающего.

— Спасибо, Моран, — не оборачиваясь сказал Лю и шагнул вправо.

Чистый брат упал на то место, где только что стоял чародей, — и ударил макушкой в колено шагнувшего вперед Магистра. Тот отвлекся, всего на мгновение — и зеленый свет в его глазах погас. И осыпались невесомым пеплом паутинные крылья.

— Почему?! — возмущенно и требовательно крикнул Магистр.

— Потому что ты умер, — холодно сказал Лю, и обе золотые лопасти стремительно рванулись вперед.

— Готово! — сказал Моран миг спустя, оглядываясь. На земле между первым и вторым рядами дольменов беспорядочно валялись трупы Чистых братьев. Вдали два белесых смерча, похожие на закрученные столбики пыли, плавно поводя призрачными мечами, гнали перед собой нескольких хоргов-зверолюдей. Еще дальше добивали последних сопротивляющихся соперников хоринги Ульфенора. Тонко свистели стрелы, и не все они были с белым оперением.

— Ты как, Тури?

Рыжая девушка-мадхет зло вскинула поврежденный арбалет.

— Пока целая!

Дорога во второй круг была свободна. Лю, такой бледный, что даже во тьме это было хорошо заметно, взглянул

вверх, на звезды. Перехватив его взгляд, Моран тоже посмотрел вверх. И увидел среди россыпи ярких и тусклых точек правильный черный круг. Темный, как сама Тьма. Но круг не был похож просто на сгусток Тьмы — казалось, он лил на Каменный лес потоки угольно-черного света. словно у самого зенита стояло солнце цвета воронова крыла. Солнце Ночи.

На миг Моран застыл, но Лю тут же выдернул его из удивления.

— Вперед! Круг второй!

Перед лицом чародея снова расцвел золотой знак, уже другой. Тури, перепрыгнув через мертвого врага в задравшемся лиловом балахоне, первой скользнула сквозь арку второго кольца дольменов в узкую полосу пустоты перед третьим. Справа и слева двигались смутные тени, тоже стремящиеся вперед, к центру У-Наринны.

Рядом с Тури бесшумно возник Моран с окровавленным мечом.

Во второй круг все трое ступили из одной и той же арки. Тури, Моран и Лю-чародей. И сразу же, без малейшей паузы, со знакомым клекотом на них бросились птицелюди с топориками. Они напали сверху, с горизонтальных поперечин на столбах дольменов. Моран заученно нырнул в сторону, отбивая короткий удар топорика. Тури прижалась спиной к столбу арки и вскинула арбалет. Тетива тонко тренькнула, стрела прошла тело крылатого насквозь. Рука девушки нашарила стрелу в колчане — последнюю.

Вторым ударом Моран сбил летуна и впечатал сапог прямо меж раскинутых крыльев. Захрустели полые птичьи кости, а тонкий предсмертный крик оборвался, перейдя в высокий хрип. Меч описал сверкающую дугу, отсекая атаку очередного крылатого.

Лю заслонился рукавом балахона, словно рассчитывал отразить таким образом удар топорика. Крылатый, что летел

прямо на него, победно заверещал, но вместо того, чтобы зарубить беззащитную жертву, на миг замер, с размаху наткнувшись на невидимое препятствие, твердое, как кирпичная стена, и, роняя перья, шлепнулся на землю. Второй на лету превратился в большую пятнистую жабу.

Жаба выпучила глаза и засучила лапками, пытаясь удержаться в воздухе. Лапки стремительно удлинились, бородавчатое брюхо раздалось вширь, глаза выпучились еще сильнее. Это оказалась вовсе и не жаба, а болотный верф. Тури, которая бросила мимолетный взгляд на то, что творится рядом с чародеем, плюнула и быстро отвернулась. Верф мерзко квакнул и свалился на голову крылатому, который даже не успел поднять топорик. Раздался смачный хруст сплюсчиваемых костей.

Пока Тури прилаживала последнюю стрелу, с соседней арки к ней скользнули сразу две тени. Широкое лезвие топора отразило Тьму; Тури едва успела отшатнуться. Железо лязгнуло о камень, высекая сноп желтых, как глаза карсы, искр. Стрела лишь задела кончики маховых перьев и бесполезно ушла в ночное небо. От следующего замаха крылатого удалось уйти лишь ценой потерянного равновесия. Тури неловко упала набок. Металл прошелестел у самого ее уха, задев волосы.

— Моран! — отчаянно крикнула она, понимая, что кинжалом от топорика трудно отмахаться, да еще лежа. А подняться времени не оставалось.

Моран, раскрутив форменную мельницу, отбивался от крылатых, устроивших настоящую воздушную карусель. Они раз за разом ныряли к нему с высоты, норовя это делать парами. Моран никак не мог сообразить, сколько их на самом деле. Четверо? Шестеро? Больше? Он едва успевал отбивать короткие и быстрые удары. Меч метался, как тусклая прямая молния.

Крик Тури бросил его в сторону. Двое крылатых, впуская метнувшихся к нему, столкнулись в полете и, kloкоча, упали на траву.

Моран отвлекся всего на секунду — и увидел рыжую спутницу и пикирующего на нее крылана с занесенным топориком. Во взгляде Тури не осталось ничего, кроме мольбы и веры.

И Моран не задумываясь метнул меч в крылатого. Точнее, замахнулся, готовый метнуть. Второй раз за сегодня меч застрял в воздухе, на этот раз встретившись с древком топора. Опережающий перерубил древко, словно сочный побег многодрева. Крылатый, так некстати подвернувшийся под удар, резко изменил направление полета и ушел в сторону.

— Тури! — взревел анхайр, бросаясь вперед. Он был уверен, что рыжей девушки-карсы уже нет в живых. Он не успел защитить ее.

Но Тури, уже стоя на ногах, сноровисто отбивалась мечом от последнего крылатого, а на том месте, где только что лежала она сама, осталась только окровавленная груда перьев и наполовину ушедший в землю топорик.

— Спа... сибо! — выдохнула Тури в промежутках между ударами.

В тот миг, когда крылатая смерть закрыла от нее небо с пылающим Тьмой черным солнцем в окружении холодных звезд, она вдруг ощутила, как по ладони ударила липкая от пота и крови рукоять меча. Пальцы сами собой сомкнулись на рукояти. Прикосновение к Опережающему сразу прибавило Тури сил.

Мадхету показалось, что Моран просто перебросил ей клинок. Тури не задумалась над тем, что тела вьющихся в воздухе крылатых закрывали ее от анхайра. Впрочем, задумываться было некогда.

Она привычно размахнулась мечом, и Опережающий запел яростную песнь боя.

Лю поднял было топорик, с сомнением посмотрел на пытящего верфа, отбросил топорик и аккуратно придавил болотную тварь заклинанием. Брезгливо отряхнул руки — и вдруг замер, услышав двойное пение стали. Опережающий в

руках Морана и Опережающий в руках Тури несли смерть крылатым врагам.

— Ти-осса, Ай-Рансаар, — прошептал чародей. — Ан-сиа а ту...

— Й-е-э-э! — С неистовым боевым кличем Моран располовинил очередного крылана и обернулся, оберегая спину. Небо враз стало чистым, хотя только что там призрачными тенями носились маленькие птицелюди с крючковатым клювом и немигающими глазами в пол-лица.

Снова появилось немного времени, чтоб оглядеться.

Моран глянул назад, в первый круг. Сейчас там уже никого не оставалось. Все, кто выжил, прошли во второй круг, а тела неудачников безжизненно и бессмысленно валялись в вытоптанной траве. И странная жестокая гордость пронзила его, когда вспышка магического пламени вырвала из тьмы разметавшиеся по земле, изодранные лиловые плащи.

Тури, запрокинув голову, смотрела в небо. Она впитывала в себя запахи ночи, пила песню демонов, как кровь, как пенистое хадасское, щеки ее горели от возбуждения, и по плечам бежали мурашки озноба — от холода и восторга.

Ночь была свежа. Прохладный ветер впорхнул вслед за Идущими в каменное кольцо и неспешно гулял среди мертвых и сражающихся. Лю медленно повернулся к спутникам.

— Однако сегодня здесь людно. — Он улыбнулся. — Не расслабляйтесь. Ночь коротка, и ничего еще не сделано.

Внезапно глаза его стали яростными и бешеными.

— Где ошейник? Ошейник где, мадхет?!

Моран с удивлением, почти на грани ужаса, вдруг заметил, что на шее Тури действительно нет ошейника. Рука его бессознательно потянулась к горлу — проверить. Ошейник был на прежнем месте. Впрочем, он обязательно заметил бы, исчезни тот куда-нибудь. За эти дни анхайр привык к смутно тревожащему и вызывающему несказанное любопытство ремешку. Он вообще быстро привыкал к тому, что было

ему интересно или приятно. К метательным шарикам. К гурунарским кинжалам. К пиву...

Тури дерзко посмотрела на Лю.

— Мы дошли до У-Наринны. Все, Ассанг. Я выполнила условие.

— Мы еще не дошли, девчонка! — гневно прошипел Лю. — Мы в Пути, и если...

Он осекся. Глаза его были устремлены за спину Тури, вспышка гнева прошла так же быстро, как и возникла. Он не глядя сгреб мадхета в охапку и задвинул себе за спину.

— Не высовываться! Этого еще не хватало... артаджерх мабай!

Моран вздрогнул. Услышать от мага настолько грязную ругань он не ожидал. Еще хорошо, что Тури, кажется, не понимает по-джурайски. Или просто не расслышала — кто ж ее поймет?

По узкому проходу между каменными кольцами на них двигалась мерцающая голубая стена. Больше всего она напоминала высокую, в пять человеческих ростов, волну. Волну выше дольменов. Волну не из воды, а...

Тури неожиданно поняла, что это ей напоминает. Реку-не-из-воды! Странную магическую субстанцию, в которой можно было дышать и в которой горел костер. Но тогда, возможно, она не опасна?

— Если не остановлю — сгорим, — светлым и ласковым голосом сказал Лю. — Кто-то выпустил на врага Предвечный Огонь. И Огонь еще не сыт. За спину!

— Вскочим наружу, — хрипло предложил Моран.

— Посмотри сам, — бросил Лю, не тратя времени на объяснения.

Моран выглянул во внешнее кольцо. Да, голубая стена была и там. Там она была даже ближе.

Лю быстро произносил совершенно невыговариваемые слова и неприлично шевелил растопыренными пальцами.

Стена взволновалась, по ней пробежали мутные волны. Но она по-прежнему неумолимо двигалась вперед.

Чародей опустил левую руку к поясу и нащупал небольшой мешочек. Взгляда при этом он не отрывал от стены и неудобно шарил в мешочке двумя пальцами, пытаясь раздвинуть пошире тугие завязки.

— Где ошейник, Тури? — спросил у него за спиной Моран.

Тури дико посмотрела на анхайра и вдруг, не отвечая ни слова, стрелой вылетела во внешнее кольцо и попробовала выскочить за пределы У-Наринны. Невидимые руки подхватили ее и, не церемонясь, швырнули обратно. Выход был закрыт.

С утробным рычанием Тури рухнула на колени и ткнулась лицом в окровавленную траву. Холодный металл чьего-то оброненного оружия оцарапал ей правую щеку. Она, не поднимая голову, нащупала проклятое лезвие, чтобы отбросить прочь.

Рука коснулась мягкой кожи, еще теплой человеческим теплом. Тури безумно вскинулась — да, это был он! По случайности или по неведомому закону ошейник, который она швырнула во тьму, оказался с этой стороны границы. Рыжая девчонка схватила ремешок, вскочила и пронеслась у самой кромки голубого приборя обратно, во второй круг.

Моран оскалился на нее по-звериному.

— Ты!..

Тури молча сунула ему в руку ошейник и ткнулась лбом в плечо. В следующий миг тощая задница Лю чувствительно впечаталась в бедро Морана и оттолкнула его на несколько шагов.

— Я... сковал... его... — Каждое слово давалось чародею с большим трудом. — Теперь... не сожжет... но может расплющить. Очень большая мощь. От... ступайте... или поддержите меня!

Теперь было отчетливо видно, что Лю изо всех сил упирается руками в воздушную, едва различимую волну, пред-

шествующую волне голубого Нечто, но ноги его скользят по траве, не в силах найти достаточной опоры.

Моран однажды видел нечто подобное. Тогда, на пристани, подвыпивший дюжий боцман бился об заклад, что удержит за швартов шхерлу под всеми парусами. В тот раз вопрос остался невыясненным, потому что сначала ноги боцмана точно так же скользили по доскам причала, а потом он уперся ногой в кнехт, и столбы причала вывернулись из дна, а боцман уплыл вслед за шхерлой, как шлюпка на буксире...

Но раздумывать было некогда. Моран уперся плечом в левую лопатку Лю, а в следующую секунду Тури встряхнула головой, сбросила с себя оцепенение и всем весом налегла на правую.

Теперь по траве скользили все трое.

— Я вообще-то сильный... — извиняющимся голосом сказал Лю.

Ноги Морана вдруг нащупали опору. Потом и спина его уперлась во что-то немыслимо твердое — тверже камня. Рядом крикнула Тури. Судя по всему, ее тоже прижало к тому, что было за спиной. Какой-то миг кости всех троих хрустели, трещали невероятно напряженные мышцы, а потом внезапно стало легче. Голубая стена наконец-то остановилась. И почти сразу же ее не стало.

— Ушла, — сказал Лю и упал на траву.

Моран с трудом вдохнул и медленно обернулся.

Лучше бы он этого не делал. Лучше бы сразу бросился навстречу стене и сгорел ко всем джерхам. Моран с первого взгляда узнал то, во что они уперлись. Его трудно было не узнать.

Это было то самое трехглазое создание, что крушило кулаком скалы на подступах к У-Наринне. Бурое. С красными глазами. И оно тоже медленно оборачивалось.

Моран открыл рот, чтобы предупредить спутников. Но ему не понадобилось ничего объяснять. Лю резво вскочил и

отбежал на десяток шагов, Тури просто попятилась, опустив меч. Моран дернул ее за локоть.

— Назад, Тури!

Девушка отмахнулась не глядя. И полезла под правый рукав. За ножом.

Землисто-бурая гора была раза в три выше любого человека. Ее призрачно-серый близнец высился в отдалении и глядел он не то на своего брата, не то на Лю, Морана и Тури. А перед серым близнецом замерли одиннадцать силуэтов.

Тури и Моран не обратили на них внимания. Но Лю почувствовал взгляд Седракса, силящегося разглядеть их сквозь мрак.

— Ы-ы-ы-ы-ы! — злобно прогудела бурая гора, явно обращаясь ко второй без особой симпатии. И даже с заметной антипатией.

— С-седракс! — сказал Лю с точно таким же выражением, подавшись вперед.

— Ы-ы-ы-ы-ы! — мрачно ответила серая гора и, отвернувшись к отряду Седракса, сделала первый шаг. Десять из одиннадцати подняли оружие.

Красноглазый, выслушав двойника, тоже потерял к нему интерес и шагнул к оборотням. В следующий миг Тури взмахнула левой рукой, и гурунарский метательный нож вонзился в средний глаз горы.

— Ы-ы-ы-ы-ы!!! — взревела гора так, что вздрогнули дольмены.

— Тьма-перетьма! — выдохнул Лю. Джурайские ругательства разом вылетели у него из головы. — Это же скальный шатт!

Моран, справедливо решив, что кто бы это ни был, нужно все равно попытаться его умертвить, сжав один из ликов Опережающего, ринулся в атаку. В груди сразу стало холодно и пусто — уж слишком анхайр напомнил себе согнанную с гнезда птаху, в отчаянии бросающуюся на голодного фырыкана.

— А там еще и болотный шатт! — добавил Лю, словно это его удивляло. — Однако! Жаль, что я...

Чародей не договорил. Он взмахнул рукой, творя заклинание. Земля под шаттом вдруг стала текучей и податливой, и грузный силуэт заметно осел, а потом провалился чуть ли не по колено.

Тем временем Моран изловчился и рубанул по скованной ноге мечом. Меч завяз, словно угодил в смолу. Гора резко взмахнула рукой — пришлось выпустить меч и уклоняться. Громадный кулак задел за рукоять и выворотил Опережающего из раны. Впрочем, на рану узкая борозда в плоти шатта совсем не походила и к тому же быстро затягивалась, словно это существо и впрямь состояло из вязкой смолы.

Шатт поднатужился и с видимым усилием вырвал левую ногу из плена земли. Потом — правую. Потом вытащил меч из смоляного озера, держа его двумя пальцами, как иголку, и брезгливо бросил в Морана. Но не попал.

— Ы-ы-ы-ы! — сердито сказал он густым могучим басом, от которого дребезжало в ушах.

— Сейчас убью, — бесстрастным тоном перевел Лю.

Моран упал на четвереньки и крался к валявшемуся на траве мечу. Лю замер, соображая, какую бы еще беду наслать на проклятую бесчувственную тварь. Тури примерилась было метнуть второй нож, но вдруг на мгновение застыла и принялась лихорадочно шарить в сумке на боку.

Шкатулка! Дар корневигов! Открыть, если станет совсем плохо!

Скругленный деревянный бок шкатулки никак не хотел ложиться в ладонь, выскальзывал из пальцев. Тури коротко выругалась, зажала пятерней упрямую, как Корняга, вещь и вытащила ее из сумки. В последний миг шкатулка все равно вывернулась из руки, упала на землю, стукнулась ребром и открылась сама.

Из щели пополз наружу коричневатый дымок, похожий на облачко грибных спор.

— Тьма-ах! — не удержалась Тури.

Дым повалил густыми клубами. Клубы разошлись в воздухе, как потревоженная придонная тина в речной воде, затянув окружающее бурым туманом. В тумане заколыхалась гигантская призрачная фигура корневика. Туманный корневик быстро обретал плотность и объем. Огромный пень опустился на землю, и земля ощутимо дрогнула. Остатки спор стянулись под морщинистую кору. Чудовищные корни зашевелились и, словно щупальца, потянулись к скальному шатту.

При виде противника подходящих размеров красные глазки шатта — два из трех, оставшиеся невредимыми, — загорелись свирепой радостью.

— Ы-ы-ы-ы! — оживленно сказал шатт.

Огромная ручища вознеслась над сердцевиной пня и обрушилась на корневика подобно кузнечному молоту. Пень глухо загудел под ударом, как деревянный гонг, но не треснул. И даже не покачнулся.

Корневик обхватил могучим корнем ножищу скального гиганта, поднатужился и дернул. Скальный шатт потерял равновесие. Моран едва успел схватить меч и кубарем выкатиться из-под падающей горы. Лю ухватил за плечо замершую с разинутым ртом Тури и оттащил в сторону.

Хищная темная тень скользнула над дольменом и повисла в небе над схваткой. Чародей инстинктивно вскинул голову. Тури тоже бросила тревожный взгляд вверх и даже вскинула руку с мечом в защитном жесте, но тотчас опустила ее.

Страж У-Наринны не собирался мешать Идущим в Ночь. Или тем более помогать. Стражи не вмешиваются в стычки Идущих. Он приплыл поглазеть на редкое зрелище.

Корневик навалился всей тушей на упавшего шатта и сжимал его корнями. Из-под корней сыпался мелкий щебень и сочилась вязкая темная смола. Тело скального великана крошилось в могучих объятиях великана лесного.

— Первое дерево в Каменном лесу, — задумчиво про-
бормотал Лю. — Корневик в У-Наринне... Жаль, что Скри
этого не видит.

Шатт изловчился и подмял под себя корневика. Пень
натужно затрещал.

А позади битвы гигантов шла еще одна схватка.

Одиннадцать магов окружили серого болотного шатта.

Трое из них быстро-быстро посылали стрелу за стрелой,
причем все стрелы, похоже, были магически усилены. Двое
сотворили ослепительно сверкающий стержень, похожий на
длинный кол, и протянули его к шатту, словно ожидали, что
гора напорется на него, как медведь на рогатину. Остальные
вроде бы не вмешивались, включая Седракса.

Стрелы, судя по всему, шатту не особо повредили. Но
перед колом он с сомнением замедлился. И тогда несколько
магов сразу выкрикнули короткую ритмичную фразу. Кол
засверкал еще ярче и сам собой скользнул вперед, как стре-
ла, пущенная из лука. Теперь стало ясно, что маги стоят
отнюдь не как придется: пятеро из них расположились слег-
ка выгнутой линией, дугой, олицетворяя, собственно, ус-
ловный лук. Остальные пятеро образовывали правильный
угол, прилегающий к концам дуги — несомненно, тетиву.
Только Седракс продолжал стоять позади всех и вмеша-
ваться по-прежнему не собирался.

Призрачная стрела пронзила шатта и рассыпалась мел-
кой пылью. Шатт вздрогнул и упал на одно колено, но тот-
час же поднялся. Следующий его шаг уже был не таким уве-
ренным, как предыдущие.

Вторая стрела магов уже не сверкала, а напоминала про-
долговатый сгусток мрака. Заклинание — и она устремилась
вперед. Шатт опять вздрогнул и остановился.

— Ы-ы-ы-ы!! — прогудел он зло, резко протягивая в сто-
рону одиннадцати правую руку. С пальцев его сорвались струи
не то пара, не то тумана, свиваясь в причудливые кольца, и
отбросили магический лук на несколько шагов назад, заод-

но сломав построение. Маги засуетились, меняя места и перегруппировываясь. Шатт проворно, гораздо проворнее, чем можно было ожидать, двинулся к ним. Седракс наконец шевельнулся и выпростал из-под плаща обе руки. Очевидно, его вмешательство стало необходимым.

Тем временем корневик и скальный шатт топтались невдалеке, обмениваясь сокрушительными ударами. Но пока ни одному не удавалось получить заметный перевес. Схлестнувшись в очередной раз, они вдруг сошлись вплотную, а затем ухватили друг друга мертвой хваткой. Корневик встряхивал шатта в могучих объятиях, пытаясь раздавить противника. Узловатые корни то и дело вгрызались в плоть скального чудища, превратившуюся неожиданно из смолисто-вязкой в каменно-твердую, и уже раскололи шатту одну лапишу, а теперь принялись за бок и плечо. Сыпалась мелкая каменная крошка. Шатт, в свою очередь, сумел оборвать собрату Скри несколько корней, сейчас неподвижно валявшихся на траве, и измочалить изрядную долю оставшихся.

Моран все время пытался подобраться поближе и достать шатта мечом, но возня гигантов могла запросто перемолоть не то что анхайра, а и телегу, запряженную парой ривских битюгов, да так, что не осталось бы ни щепок, ни мокрого места.

Неизвестно, чем бы все закончилось, но в какой-то момент шатт вдруг отпихнул корневика, развернулся и заковылял прямо к схватке одиннадцати магов и своего болотного сородича, которому тоже досталось крепко.

— Все, — сказал Лю отрывисто. — Эти двое едва живы. Кажется, они мечтали схлестнуться позже, уже у Трона... Но до Трона им не дойти, так что старые счета придется свести сейчас.

Скальный шатт, все ускоряясь, неся на противника, как старый, грузный, почти утративший способность к полету стозев на добычу.

— Ы-ы-ы-ы!!! — прогремело над У-Наринной, и серая гора обернулась, оставив магов Седракса в покое. Кажется, она приняла вызов.

С оглушительным треском два шатта сшиблись, целое облако тумана и целая лавина мелких камешков взвились в ночное небо, только камни тут же осыпались, а туман еще некоторое время клубился над дольменами.

А в следующий миг обоих шаттов не стало, лишь несколько магических стрел из шкуры болотного да гурунарский нож из глазницы скального ненадолго повисли в воздухе, но потом и они упали вниз.

Моран, утерев лоб, выдохнул и взглянул на Тури. Та, подавшись вперед, подобрала шкатулку и вопросительно обернулась к Лю.

А Лю неотрывно глядел на Седракса, и в голове его роились самые противоречивые мысли.

— Что делаем? Время идет! — резко выдохнул Моран.

Тури смотрела уже в противоположную сторону. Там, за изгибом каменной дуги, звенели клинки, пели отпускаемые тетивы, клубы призрачного тумана озарялись такими же призрачными вспышками. Там шел еще один бой. И среди звуков боя отчетливо слышались команды, отдаваемые на языке хорингов. Значит, воины Старшей Расы прошли первый круг, и хотя бы некоторые из них были живы. А это, в свою очередь, значило, что за спиной еще один старый и страшный враг? Или...

Она рванула Морана за плечо.

— Там хоринги! — взмахом меча мадхет указала за поворот. — Ты ходил к ним... О чем вы тогда говорили? Кто они нам?

— Друзья, — коротко сказал Моран, прислушиваясь.

Громкий крик, крик отчаяния и боли, перекрыл звон стали. Моран явственно вздрогнул.

— Это Розн, — зло сказал он. — Его ранили. Джерх мохнатый, Лю! Какого демона мы стоим на месте?

Лю не отвечал. Он пристально смотрел на место недавней схватки.

Корневик, шатаясь, брел к ближайшему дольмену. Ему явно было очень плохо. Один бок его треснул, из трещины сочилась ароматная смола, а из покоруженного дупла с кашляющими звуками вырывались клубы мелкой трухи и даже свежие щепки.

Маги Седракса опять перестроились. Теперь они стояли по пятеро с обеих сторон от лидера, как два зловещих крыла. Седракс коротко кивнул, и Одиннадцать медленно двинулись к Троим.

— Приветствую тебя, Ассанг, — с неприятной ласковостью сказал Седракс и вежливо поклонился.

— И я приветствую тебя, Седракс, — сдержанно сказал Лю. Он вдруг стал быстро изменяться.

Моран с изумлением смотрел на то, как плавно плоть чародея перетекает в новую форму, словно отливается заново. Джерх, это было... совсем как у оборотня.

Теперь рядом с ними стоял высокий худошавый парень с коротко стриженными темными волосами. Трудно было сказать, сколько ему кругов — не меньше двадцати пяти, наверное, если считать по людским меркам. Но усталые глаза и складки, залегшие у рта и глаз, говорили то ли о куда более значительном возрасте, то ли о том, что Лю — не человек. Сейчас в его облике было нечто, роднящее его скорее с Ульфенором. Или... или с самим Мораном!

— Ты все-таки дошел до У-Наринны, Ассанг, — сказал Седракс. Он, кажется, уже не торопился.

— Вы шадилы нас, — церемонно улыбнулся Ассанг. — Однако Ночь коротка.

— Значит, все решим сейчас, — сухо сказал Седракс. — Жаль, что тайна третьего Пути умрет вместе с тобой, но, собственно, это уже не важно.

— Сходи к Камню и спроси, — посоветовал Ассанг. Золотой знак у его лба стал разгораться.

— Я не узнал твоего имени, — сказал Седракс. — Поэтому ты умрешь позорной смертью. От стали и серебра.

— От стали — нет. Не умру, — хмыкнул Ассанг.

— Ну-у... — задумчиво протянул Седракс. И вдруг прямо из его груди вырвалось короткое копье с широким лезвием и светлой молнией метнулось к груди Ассанга.

Тот просто развел руки в стороны. Копье вдруг замерло в воздухе, жалобно заскулило, как потерявшийся щенок, и мягко легло к ногам Ассанга. Седракс пораженно отшатнулся.

— Убейте их! — одними губами прошептал он.

Правое крыло стремительно выдвинулось вперед, обнажая клинки. Их предводитель, стоявший ближе всех к Седраксу, со злой иронией поклонился Ассангу и нанес убийственный удар в незащищенное горло. Точнее, попытался его нанести.

Металл рукояти вдруг налился густым пурпуром. Предводитель крыла вскрикнул от боли, выпустил меч и схватился за обожженную руку.

— Не понимаю! Седракс?..

— Назад, Аншан! — скомандовал Седракс и повернулся к левому крылу. — Ну, разом! Дих-ан-ди!

Пятеро из левого крыла одновременно произнесли краткое слово. И указали вперед, на Троих.

Тури вдруг почувствовала, что у нее отнялись ноги. Время словно остановилось, она не могла пошевелиться и только смотрела, широко раскрыв глаза, как приближается к ней шар, сотканный из синего огня, похожий на оживший клубок молний.

Моран, тоже скованный непонятной слабостью, попытался поднять Опережающий, но ничего не получалось, а пламенный клубок был все ближе и ближе, ничтожные доли мгновения тянулись, как бессчетные тысячекружия, и все что смог сделать Моран — это с мольбой обратиться к Ассангу... нет, к Лю... нет, все-таки к Ассангу; да еще поду-

мать, как, должно быть, быстро летит этот голубой шарик на самом деле...

И тут корневик с трудом оторвался от дольмена и заковылял в их сторону. Он двигался очень медленно, корни едва волочили по щебню и траве, но на него заклятие времени не действовало, или... он умел быть быстрее молнии?

Голубой клубок уже почти коснулся груди Тури, когда корневик выбросил вперед длинный сук и перехватил его.

Чудовищной силы удар грома оглушил всех. Даже Седракс пошатнулся и схватился за голову. Время рванулось вперед. Вспышка молнии ослепила даже демонов, на миг прервавших песню Ночи. Корневик, воздевший все сучья к небу, еще какое-то мгновение стоял неподвижно, а потом судорога свела его обугленные стебли, он надрывно вскрикнул — или заскрипел? — и рассыпался горстью серебристого пепла.

— Ййе! — зло крикнул Ассанг, сверкнула еще одна молния и небо словно раскололось на две части. Его верхняя половина, показавшаяся после двух волшебных вспышек еще более черной, ошеломленно заколыхалась среди дрогнувших звезд. А багровое днище, как кулак разъяренного бога, рухнуло на головы Одиннадцати.

Группа Седракса замерла, словно окаменела. Они уцелели, все одиннадцать, но теперь, кажется, уже из них никто не мог пошевелиться.

— Наступает Полночь, — громовым шепотом сказал Ассанг. — Быстрее!

Тури и Моран повиновались вяло, не в силах до конца прийти в себя. Ассанг схватил Морана за запястье, одновременно пнув Тури коленом пониже спины, и повлек обоих к центру У-Наринны.

— Быстрее!

— Нож! — спохватился Моран, но тут же махнул рукой.

— Полночь? — словно просыпаясь, переспросила Тури.

— Черный полдень, — досадливо пояснил Ассанг. — Джарх-ом... Седракс очнулся! Еще быстрее!

Они проскочили арку третьего круга и оказались на большой круглой поляне, в центре которой к черному небу ступенями поднималась черная пирамида. И в отшлифованном до зеркального блеска черном камне отражались звезды.

Здесь не было травы. Только камни. Круглые камни, стесанные и отполированные за тысячи Ночей ногами Идущих, словно морскими волнами. Тури на мгновение зажмурилась, не в силах представить себе такой невероятно огромный — почти вечность! — промежуток времени. Тысячи и тысячи Ночей!

— Трон! — звонко и звучно сказал Ассанг. И голос его прозвучал в средоточии Силы слабо, как писк новорожденного котенка. — Цель нашего Пути. Все решится здесь. И сейчас.

Моран порывисто обернулся на лязг стали. Из прохода напротив соседней грани пирамиды молча вышли хоринги. Ульфенор и Роэн, зажимавший правой рукой окровавленную левую, Халимор и Тил, и еще пятеро. Ганиона с ними уже не было.

Тури на миг прижалась к анхайру и без слов указала на арку у дальней грани. Оттуда беззвучно возникали ужасные тени, существа непривычного, невозможного облика. Не люди, но и не звери. И не птицы. И не демоны. Но смотреть на них без отвращения было невозможно, и сразу можно было сказать — ни люди, ни хоринги, ни даже вильты не могут делить с этими существами один мир.

И тут же за спиной Трои в арке третьего круга появились все Одиннадцать Седракса. Впереди был Аншан, он держал меч в левой руке, и в глазах его была смерть. А в глазах самого Седракса было то, что хуже наизлейшей из смертей.

Черный диск коснулся зенита, и песня демонов взмыла в торжествующем высоком аккорде, порыве истинного счастья. А потом смолкла.

Наступила Полночь.

В самом сердце У-Наринны четыре отряда Идущих — все, кто уцелел, — повернулись к Трону.

ГЛАВА 30

Полночь

Песнь демонов над Каменным лесом прервалась всего на миг. И тут же вновь зазвучала с удвоенной силой. В небе кружились темные тени. Их стало даже больше. Это стражи У-Наринны, почти невидимые, скользили меж ликующих демонов к Трону — здесь начиналось самое интересное. Схватка сильнейших.

Ассанг, Моран и Тури невольно подались влево, к хорингам, когда Одиннадцать Седракса показались из арки почти у них за спиной. Пять колеблющихся теней возникли в арке по другую сторону Трона, сориентировались и неторопливо двинулись к хорингам. Те, кто пришел Путем Трех, увидели лишь отражение теней в гранях полированных ступеней Трона. Монолит закрывал от них призрачных противников Старших.

Ульфенор цепко оглядел поле будущей битвы. Голая каменистая почва, скользкая даже на вид, скоро перестанет тускло отблескивать в лучах черного солнца. Потому что даже пятеро призрачных на самом деле состоят из плоти и даже у них в жилах течет кровь. Не такая, как у людей, оборотней или даже хорингов, — иная.

Но всякий, кто может истечь кровью, может быть и убит.

Хоринги сжали короткие мечи и вытянулись в цепочку — от арки, сквозь которую они прошли в третий круг, до самого Трона. Предводитель Ульфенор — по центру, справа от него бледный и решительный Тил, последний из отряда Иланда. Слева — раненый Роэн. Халимора, как

самого молодого и неопытного, оставили на левом краю, дальше всего от Трона.

Почему-то Моран уверился, что сюда можно будет некоторое время не оборачиваться и не ждать удара в спину. Хоринги выстоят, хотя пятерка их противников пугала даже его, оборотня-анхайра. Ассанг, казалось, вообще не обратил внимания на хорингов и призрачных, его целиком занимал отряд Седракса. И только Тури некоторое время с сомнением глядела на Старших. С сомнением и смутным чувством вины. Она знала, что никто из хорингов не отступит. И если надо — умрет, но понять их не могла. Не то чтобы девушка-мадхет страшилась смерти — смерть рано или поздно настигнет каждого. Люди не успевают настолько привыкнуть к жизни, чтобы слишком жалеть о ней, и то противятся смерти с отчаянием и упорством. Смерть хоринга, который уже прожил не одну сотню кругов и прожил бы еще невесть сколько, казалась нелепостью и непоправимым несчастьем. Тури уже проводила во Тьму Винора. И страшно не хотела провожать кого-нибудь еще из Старшей Расы.

Призрачные разом вскинули узкие, черные, как камень Трона, клинки, и стремительно пошли в атаку. Стало видно, что похожими на мороков их делают плащи, на мгновение простершиеся в ночном воздухе. Под плащами смутно угадывались сухопарые полосатые тела.

О том, какие это противники, можно было судить уже в самом начале схватки: хоринг по правую руку Тила, едва совладав с первым ударом призрачного, лег под вторым с разрубленной грудью.

Хоринги набросились на призрачных, вкладывая в отчаянный натиск последнюю надежду. Им больше нельзя было терять своих. Их осталось ровно восемь.

Седракс коротко повел ладонями, и два крыла магов тут же развернулись, охватив Ассанга и оборотней полукольцом.

— Начнем, а? — спросил Седракс холодно.

Ассанг не ответил.

Моран поднял Опережающего, а левой рукой сжал подарок Ульфенора. Хорингский нож. Тури, смутно сожалея об оставшемся во втором круге гурунарском ноже, тихонько достала его близнеца.

И еще успела поймать злую улыбку Аншана, охотника на оборотней. Ненависть захлестнула ее, как иногда захлестывала разъяренную карсу. «Я его убью, — подумала Тури. — С наслаждением. А остальных — без».

Мгновения снова плыли медленно, как во сне.

— Теперь действительно можно не торопиться, — глухо сказал Ассанг. — Для тех, кто стоит у Трона, времени нет. Здесь будет Полночь, будет до тех пор, пока один из нас не завершит Путь. Или пока завершающих не останется...

— Зачем же ты так спешил? — неприязненно спросил Моран.

— Думал успеть подняться, пока Седракс не очнулся. — Ассанг пожал плечами. — Он стал очень силен.

— Сильнее тебя?

— Не знаю. Не думаю.

— А думать надо чаще, — зло сказала Тури и метко швырнула нож в мага, стоящего по левую руку Седракса. Да так, что тот не успел перехватить его магией и вскинул левую руку, защищаясь.

Нож вонзился в предплечье. Маг охнул.

— Тебя любит железо, даэн, — с уважением сказал Седракс.

— А тебя — ненавидит, — мрачно ответил Ассанг.

Седракс засмеялся.

— Скоро железу придется меня полюбить. Во всяком случае, поклониться — что ничем не хуже.

— Ты всерьез рассчитываешь победить и не потерять ни одного из Одиннадцати? — спросил Ассанг, снова нащупывая что-то в мешочке у пояса.

— Иначе бы я сюда не пришел, — спокойно сказал Седракс. — Ведь ты мечтал сохранить своих Троих?

— Я сохраняю их, — просто сказал Ассанг. — Я обещал.

— Некоторые обещания выполнить невозможно, — произнес Седракс и обрушил на Троих заклятие Слепого дождя.

На несколько мгновений Тури и Моран ослепли. Моран прыгнул в сторону, хищно скалясь и выставив вперед руку с хорингским кинжалом. Опережающего он держал на отлете, чтобы ударить мгновенно, едва острие кинжала нащупает врага. Тури осторожно пятилась к хорингам, раздувая ноздри, — словно пыталась определить приближение противника по запаху.

Ассанг не стал останавливать невидимый дождь. Он произнес заклятие Истинного взгляда.

Для Троих в У-Наринне стало светлее, чем бывает в мерарский полдень. И свет был непривычно белым, и все вокруг стало вдруг наполовину прозрачным. Кроме пирамиды Трона. И еще: теперь они видели то, что творится за спиной, не оборачиваясь.

А за спиной у них хорингам приходилось туго. Пятеро призрачных оказались великими бойцами. Пока что никто из них не был даже ранен, а вот Роэн отступил на шаг, получив еще один удар — в левое плечо. И по лицу Ульфенора стекала тонкая струйка крови из рассеченной брови, и еще двое были ранены — по счастью, легко.

Седракс собирал в себе мощь всех Одиннадцати и управлял ею, творя заклинания с удесyтеренной силой. Он последовательно направил на Троих Изнеможение, Рабские цепи и Зарок молчания. Потом окутал себя Плащом малой власти.

Ассанг работал спокойно, как чеканщик над пластиной панциря. Одно заклятие Освобождения стерло два из Седраксовых — Цепи и Зарок. Следом опустилось покрывало Преобладания, отбросив Изнеможение и сорвав с Седракса Плащ.

Седракс нахмурился и призвал Великую скорбь.

Оба мага поднимались к закланиям все более и более высоких ступеней, но пока еще никто не желал уступить. Вдруг один из Одиннадцати вздрогнул, отчаянно взвыл и рухнул на четвереньки, стремительно теряя человеческий облик.

Моран пошатнулся. Он был в ужасе. Перед ним метался в припадке безумия анхайр — такой же, как он сам. Только наделенный умением мага.

— Что ты сделал? — Он невольно схватил Ассанга за руку.

— Это Смятение, — тихо сказал Ассанг, высвобождаясь. — Не мешай. Я сам едва сохраняю контроль... уйди, Моран!

Седракс не смог воспользоваться этим мгновением. Его Одиннадцать действительно были охвачены смятением. И даже он сам прикрыл глаза и тяжело дышал. На висках его выступили мелкие капли пота.

Морану отчаянно захотелось быть где-нибудь далеко отсюда, залечь в кусты до красного пересвета, а когда Четтан станет властен над его телом — выть, долго и протяжно, выть в тоске и ненависти. Он, Моран, должен убить собрата? Такого же отверженного людьми, вулха в двойной шкуре, скрывающего истинный облик от всех? Будь проклята эта магия!

Но вулх уже снова становился человеком, и Седракс открыл глаза, и Одиннадцать снова угрожали Троим, а за спиной иссохшие полосатые уроды в призрачных плащах, сотканых из самой Тьмы, наступали на хорингов, и Опережающий нервно звенел в руке, ожидая схватки... Моран прикоснулся к ошейнику. Потом. Все потом. Если они выживут. Ведь убивают же люди людей, в конце концов?!

Да, но вулхи не убивают вулхов.

Аншан вдруг выкрикнул что-то злобное и неразборчивое. И метнул в Ассанга обыкновенную серебряную звездочку. Пятилучевик с бритвенно заточенными лучами.

Ассанг молниеносно обернулся и отпрыгнул в сторону. Звездочка с почти неслышным свистом пронеслась рядом с его лицом, стукнулась о дольмен и со звоном упала на камень.

И все-таки он отвлекся. Обычный огненный шарик, ничем не отличающийся от тех, которыми бросались крылатые вампиры, вырвался из ладони мага левого крыла и попал Ассангу в плечо.

— Дж-ж-ж... — успел сказать Ассанг и упал. Тело его странно замерцало, изогнулось в судороге — и пропало. Только кучка одежды глупо валялась на камнях, разметав пустые штанины и рукава.

Тури и Морану показалось, что их вновь настигла магическая слепота. Но длилась она лишь крохотный обломок мгновения. Зрение вернулось к мадхету и анхайру — обычное зрение оборотней, лучше звериного и человеческого, но не сравнимое с Истинным взглядом. Заклятие Истинного взгляда развеялось с исчезновением Ассанга.

Седракс обессиленно шагнул назад, взмахом руки отсылая оба крыла магов в обычный бой. Поединок с Ассангом исчерпал его мощь. Ему нужна была передышка, чтобы восстановить способность управлять силой Одиннадцати.

Аншан сверкнул глазами на предводителя:

— Зачем беречь магию? Вот он — Трон!

— Есть еще Ульфенор, — холодно сказал Седракс. — Я опасаясь шерхов. И тебе того же советую. Или ты не совладеешь с двумя недоносками без помощи магии?

Аншан томно улыбнулся. Сверкнули белые зубы под щеточкой черных усов.

Двое оборотней оказались перед стеной из десяти бойцов.

Моран не медлил. Он хмуро усмехнулся и шагнул вперед. Опережающий совершил филигранный проворот и обрушился на коренастого мага-человека, одного из Одиннадцати. Тури, лишившись магического зрения, растерянно заморгала. Она попыталась воспользоваться внутренним

взглядом, который вел ее к У-Наринне, но это была ошибка. Все вокруг сверкало таким нестерпимым золотым огнем, что Тури в ужасе мысленно зажмурилась. Нет уж, магию лучше оставить чародеям. Да где же Ассанг, джерхова задница! Неужели Седраксу удалось отправить его во Тьму?!

Седракс вполне мог рассчитывать на успех — десять против двоих. Он не учел только одного: маги редко владеют мечом лучше наемников. Или лучше телохранителей. Моран быстро ранил двоих магов в левом крыле и оглушил третьего, а сам всего лишь слегка оцарапал щеку о чужую гарду в стремительном выпаде. Тури осталась стоять, привалившись спиной к дольмену. Двое светловолосых магов с длинными северными мечами надели на нее, загородив от остальных. Девушке приходилось трудно. С любым другим мечом в руке она давно бы рухнула под клинками северян. Но Опережающий, казалось, сам рвался навстречу вражеской стали.

Мечи северян тоже были непростыми. Текучая вязь рун опоясывала длинные рукояти, переходя в узор плетеных гард, ветвистых, как растопыренные олени рога. При каждом скресте с Опережающим магические клинки вспыхивали ярко-зеленым светом. Тури только щурила глаза и берегла дыхание, стараясь поспеть рукой и всем телом за движением Опережающего. Схватка поглотила ее целиком.

Стрелы у магов к этому моменту уже закончились. Остались в телах врагов, разбросанных в первом и втором кругах У-Наринны.

В глазах Морана, окруженного врагами, сияла мрачная радость боя. Анхайр был в своей стихии. Он рубил плеча, он колол врага острием, он отражал несколько ударов одновременно, не упуская возможности врезать противнику ногой по колену или в пах. Опережающий в его правой руке уже даже не пел, а стонал от наслаждения боем. В левой руке анхайра сверкал узкий хорингский кинжал, острый как

игла. Моран коротко и мерно выдыхал в такт ударам: «Ы-ых! Ы-ых!» Из пятерых его противников ни один не оставался невредимым. Правда, у анхайра тоже текла кровь из рассеченного предплечья. А царапина на щеке уже не кровоточила.

Хорингам наконец удалось сократить число призрачных — Тил и Ульфенор дружной двойной вязью заплели черный клинок предводителя плащеносцев, а третий хоринг в цепи наотмашь рубанул мечом. Хлынула чужая кровь, орошая бесплодный камень, и призрачный, издав шепчущий стон, осел под ноги.

Секундой позже черный клинок его товарища пришел за жизнью Тила. Последний хоринг из отряда Иланда выронил меч и упал на колени, а потом ничком повалился в лужу темной крови призрачных. Лужа быстро краснела.

И хорингов осталось семеро.

Ульфенор отступил за спину Роэна и в немом отчаянии поднял взор к небесам. Черное солнце Ночи застыло в зените. Звезды влажно мерцали в темном небе. Мир ждал победителя. Теперь на Трон могут взойти либо Одиннадцать, либо Трое. Но хоринги и в этот раз потеряли шанс победить. Хотя пока и не проиграли.

— Таэл куома туа но! — крикнул старший из хорингов. — Санн-ма шерх У-Наринна!

Хрустальный тающий звук откликнулся из поднебесья.

Ульфенор повернулся к своим. Хоринги продолжали бой с призрачными противниками, не снижая темпа. Ульфенор знал, что его спутники, как и он сам, только что распрощались с жизнью. Они шли в У-Наринну, чтобы победить. На что им жизнь без победы? Теперь хоринги ждали, что скажет предводитель.

— Я чувствую, что Ассанг вышел из игры, — спокойно произнес он. — Но он жив, а значит, трое оборотней еще могут прийти к победе. Если мы им поможем. Поможем?

— Да! — воскликнул молодой Халимор, отчаянно броса-
ясь под клинок призрачного.

Остальные хоринги откликнулись молча. Мысленно. И Старшие приняли решение. Они отдадут свои силы, умение и жизнь, чтобы Трое взошли на Трон.

Халимор отбил страхующий веер противника и достал его мечом. Хорошо достал, начисто отрубив левую руку и повредив бок. Призрачный молча рухнул на землю. Тяжелораненый Роэн отразил выпад своего противника, резко побледнел, схватился за бок, разрубленный хоргом еще в первом круге У-Наринны, и упал на колени. Меч призрачного, летящий в голову Роэна, перехватил Синд, а Роэн с трудом отполз на несколько шагов и скорчился у подножия дольмена.

Один из оставшихся плащеносцев рубанул Халимора черным мечом. Он метил в шею, но молодой хоринг увернулся, и черный клинок рассек ему плечо.

Ульфенор позволил себе лишь один миг скорби и печали о потерянной цели. Бой продолжался. Предводитель хорингов оглянулся, чтобы узнать, как обстоят дела у союзников.

Дела были плохи.

Двое оборотней из последних сил отбивались от магов. Седракс руководил боем, сменяя мечников на острие атаки. Раненые ушли за спины остальных. Против Морана сейчас действовали двое — Аншан с кривым хадасским мечом и невысокий коренастый маг, работавший мечом и длинным кинжалом. Тури разрубила бедро одному северянину, и его место тотчас занял другой маг. Темноволосый, чем-то похожий на хоринга. Северянин, поколебавшись, бросил ему свой клинок. Но новый противник Тури оказался довольно слабым мечником. Он владел клинком хуже, чем рыжая девушка-мадхет. Опережающий без усталости плясал в руке Тури — но сама она уже устала. И по ноге ее стекала кровь из колотой раны в боку.

— Лаэлли! Синд! — позвал Ульфенор тех спутников, кто лучше прочих владел магией.

Синд был ранен в руку. Лаэлли — в плечо. Они поняли его без слов, старые боевые товарищи, стоявшие рядом с совсем молодым Ульфенором еще на студеных халедских перевалах, отражавшие вместе с ним атаки хоргов у башен Дессена и даже помнившие мир без людей. Они слаженно ушли из строя за вожаком.

Трое оставшихся хорингов отчаянно насели на троих плащеносцев.

Ульфенор, Лаэлли и Синд появились за спиной Морана, обошли его и дружным напором отбросили левое крыло магов на шаг-другой. Седракс при виде Ульфенора зло усмехнулся и расправил плечи, сбрасывая остатки усталости.

— Хэй, Кйан! Тевара! — окликнул он магов, которые осыпали ударами Тури. — Возьмите шерхов.

Моран получил долгожданную передышку. Пот градом катился с него, волосы торчали, как сучья из старого вороньего гнезда. Он погрозил мечом коренастому магу, самому сильному мечнику из Одиннадцати.

— Поднимайтесь! — прохрипел Ульфенор оборотню. — Поднимайтесь на Трон!

Хоринги отдали себя в распоряжение союзников. Но Морану требовалось несколько мгновений — два, три или даже пять, — чтобы сообразить это. И теперь Старший досадовал на медлительность анхайра. Какой же он тугодум и растяпа, этот оборотень! Почти как человек...

— Шевелись, анхайр! Где Ассанг?

Моран не знал. Лю-Ассанг как упал, рассыпав одежду, так больше его Моран и не видел. Не до того было.

А Тури, неожиданно оказавшись без противников, опустила гудящую руку с пьяным от крови Опережающим, растерянно огляделась и шагнула влево, к Морану, переступая через одежду Ассанга, которая валялась на земле бесфор-

менной грудой. Но вдруг споткнулась о чье-то невидимое тело, легкое, как приятель-корневик Скри.

Это определенно был не человек. Потому что у людей не бывает крыльев.

Тури нагнулась и осторожно провела рукой по телу невидимой птицы. Птица лежала, неловко подвернув под себя одно крыло. Шелковистые перья упруго спружинили под пальцами мадхета. Тури нащупала край крыла, подсунула под него ладонь. Перья на груди птицы были влажными. А под ними неровно и тихо билось сердце. Ассанг?!

— Тьма! — заорал Моран. — Тури! Что ты там ищешь? И где маг?

Тури решила. Она положила на землю меч, благодарно коснувшись клинка. Спасибо тебе, Опережающий! Тури подхватила обеими руками легкое тело птицы.

Невидимые крылья хлопнули ее по коленям. Крылья у птицы оказались огромными, раза в три больше, чем можно было предположить по размерам туловища.

— Да вот же он!

Рыжая девушка повернулась к анхайру. Моран ощупал взглядом ее поднятые перед грудью руки с растопыренными пальцами. Руки казались пустыми. Моран бросил взгляд на одежду Ассанга под ногами Тури, и в глазах его мелькнула искорка понимания.

— Так, — утвердительно сказал анхайр. И крикнул в затылки хорингам: — Держитесь! Мы — наверх!

Ульфенор коротко кивнул, выбрасывая вперед руку, сжатую в кулак. В двух шагах перед ним седоволосый маг охнул, хватаясь за разбитую скулу. Под глазом у него стремительно набухала шишка. А Моран вдруг некстати подумал, что у Ульфенора, возраст которого измеряется сотнями кругов, в черных волосах нет ни одной седой нити. Получается, хоринги не седеют? Или даже премудрый Ульфенор еще не стар? Тогда Халимор — совсем мальчишка. Совсем-совсем.

Моран обернулся туда, где тройка хорингов окружила последнего чужака в призрачном плаще. Именно в этот миг призрачный подпрыгнул и обрушил черный клинок на шею Халимора. Юный хоринг упал. Два коротких хорингских меча вонзились в незащищенные бока призрачного, но он и без того вложил в прыжок и удар последние силы. На землю он рухнул уже мертвым.

Моран дернулся было к упавшему Халимору, но до боли закусил губу и повернулся к Трону. Все это заняло считанные мгновения.

А Тури, прижимая к себе невидимое тело Ассанга, уже рвалась к черной каменной пирамиде.

Маги Седракса вновь развернули оба крыла — Ульфенору, Лаэлли и Синду приходилось отступать. Седракс досадливо косился на Тури и Морана, карабкающихся на высокие ступени Трона. Чтобы смять хорингов, много времени не потребуется... пожалуй, он успеет. Успеет прежде, чем двое оборотней окажутся на Троне и приведут в чувство третьего.

Одно только плохо: на хорингов почти не действовала магия. Они сами, казалось, были магией, и все ухищрения Седракса не приводили ни к чему. Оставалось уповать только на железо, которое — увы! — благосклоннее относилось к даэну Ассангу и его спутникам, чем к Одиннадцати.

К троим хорингам быстро присоединились еще двое — плащеносцев больше не осталось. Раненый Халимор полз по камню к месту схватки, словно ему не все равно было, где умереть. Впрочем, чувствовал Седракс, Халимор не собирался умирать прямо сейчас. Он цеплялся за жизнь. И не столько из любви к жизни, сколько от желания помочь уцелевшим собратьям.

Но магов было больше, и хотя почти все они были легко ранены, их по-прежнему оставалось Одиннадцать. А хоринги были измотаны тяжелой схваткой с плащеносцами.

Двое северян наседали на Синда. Коренастый мечник — на Ульфенора. Аншан и Рунси — на Лаэлли и хоринга со шрамом на щеке. Старым, давно заросшим шрамом. Из правого крыла с мечом оставался только маг-анхайр, бьющийся с последним хорингом.

Седракс сосредоточился. И прошептал заклинание Разящего взмаха.

Ульфенор, хоринг со шрамом, и Синд одновременно вскрикнули. Синд, не совладавший сразу с двумя рунными клинками северян, остекленелым взглядом поглядел на Трон. Из груди его торчал один из северных мечей.

— Ха! — злорадно отметил Седракс. — Еще один!

В тот же миг хоринг Лаэлли достал Рунси и добил бы его, если бы не Аншан. Изогнутый хадасский меч отвел смерть на несколько дюймов в сторону, и клинок Лаэлли ткнулся в неподатливый камень с тихим отчетливым звоном. Рунси, зажимая располосованный бок, отступил. На его место бросился один из северян.

Крылья смялись, не сохраняя более боевого построения, Седракс поморщился, но решил, что проще все оставить как есть, чем пытаться навести порядок.

Время истекало. Мадхет и анхайр, склонившись над невидимым Ассангом на последней ступени пирамиды, отчаянно тормозили тело птицы. Но даэн, крылатый оборотень Черного солнца, не шевелился. Только сердце птицы все еще стучало, отмеряя мгновения Полночи.

— Саэд ва той У-Наринна! — прошептал Ульфенор, споткнувшись, и упал на камень. Коренастый, связав меч предводителя хорингов хитрым вывертом, вонзил Ульфенору в грудь короткий варварский нож-зубастик.

— Ульфенор! — в отчаянии крикнул хоринг со шрамом на щеке, и в тот же миг Аншан кончиком меча вскрыл ему горло. Лаэлли пытался заслонить собрата клинком, но ему помешали. Ненависть затопила душу хоринга. А Седракс,

почувствовав, что Старший на миг потерял контроль над собой, ударил его Касанием пустоты.

Лаэлли безмолвно упал на спину. Смертоносный клинок Аншана просвистел над его лицом, но не задел хоринга. Впрочем, это было уже не важно. Аншан повернулся к Трону, и злорадная улыбка заиграла на его тонких губах.

Северяне и коренастый прижали последнего из еще сражающихся хорингов к дольмену и хладнокровно изрубили в куски.

Седракс злорадно захохотал. Все. Они сокрушили всех соперников. Почти всех. И их по-прежнему оставалось Одиннадцать. Никто из его отряда не был мертв, хотя почти все были ранены.

Но раны на Троне не в счет. К тому же стоит дойти до Трона, как всякие раны тут же перестанут волновать победителя, ибо победитель властен над многим, не только над ранами.

— Наверх! — крикнул Седракс. — Все вверх! Быстро!

Маги прекратили добивать хорингов и повернулись к Трону, но успели сделать только самые первые шаги.

Раненый Халимор приподнялся из последних сил, нашарил рядом с собой окровавленный нож и без замаха метнул в одного из врагов. В идущего последним темноволосого, как хоринг, мага с северным рунным мечом.

Моран как раз поднял голову. И увидел бросок. Халимор был далеко, дальше, чем может толково метнуть нож — даже стоя! — умелый воин. И тем не менее нож, словно окровавленная молния, рассек ночь и вонзился прямо в шею магу. Темноволосый дернулся, чувствуя, как цепенеет позвоночник, последним усилием воли призвал на помощь всю свою магическую силу и умер, так и не успев понять, что магия не поможет.

Седракс, еще не веря, глядел на труп темноволосого — на крушение всех надежд победить и занять Трон.

— Кйан! — позвал он, словно мертвый мог откликнуться.

Кйан не откликнулся. Не мог.

А Халимор, искривив губы в торжествующей гримасе-улыбке, без чувств рухнул на камни. Он был счастлив. Потому что хоринги тоже не любят напрасных жертв. А последний его бросок сделал все предыдущие жертвы не напрасными.

— Тьма-а-а-а-а!!! — в отчаянии закричал Седракс, воздев руки к небу. Он заглушил даже песнь демонов Ночи. — Я убью вас всех! Ассанг! Оборотни паршивые! Я убью вас! Пусть я не могу теперь победить! Но и вам не победить тоже, слышите! Вперед, отродье! На Трон!

Маги, на миг застывшие, снова шагнули к ступеням. Все, кроме седоволосого с разбитой скулой. Этот вдруг опустил меч, зло плюнул под ноги и решительно пошел прочь от Трона.

— В чем дело, Шагрибба? — окликнул его Седракс.

— Я ухожу, — не оборачиваясь бросил тот. — Нам уже не выиграть. А драться впустую я не люблю, ты же знаешь. Зритель верней уцелеет.

Седракс скрипнул зубами и ничего не ответил.

Вслед за Шагриббой к дольменам направился маг-анхайр. Угрюмо. Ссутулившись. Его Седракс даже не окликнул.

Коренастый маг-мечник секунду поколебался, но потом все же шагнул к Трону. Кажется, он намеревался схлестнуться с Мораном, словно его сильно занимал вопрос — кто же из них лучше?

Моран, наблюдавший за магами сверху, взялся за Опережающего. Похоже, его тоже занимал этот вопрос.

— Тури! — сказал он, легко — и откуда брались силы? — спрыгивая на ступень ниже. — Займись чародеем. Я займусь этими...

Тури неразборчиво огрызнулась через плечо. В том смысле, что и так занимается именно чародеем. А толку-то?

Опережающий ликовал в руке Морана. Битва! Снова битва!

Анхайр сшибся с коренастым, и некоторое время они обменивались быстрыми коварными ударами. Отдышавшийся Моран, казалось, забыл о ранах и сражался с неистовством слепой стихии. Его чувства и навыки обострились. Он радостно чувствовал, насколько он, оборотень, быстрее человека. И точнее.

Коренастый, получив несколько царапин острием меча, отступил. Не иначе он тоже подумал, что зритель вернее уцелеет, чем сражающийся. И он ушел в сторону, к Шагриббе и магу-анхайру, отстраненно прислонившимся к дольменам третьего круга.

За Седраксом из десятки избранных магов теперь следовали только шестеро. Впереди всех — Аншан, Рунси и северянин Твевара.

Моран встретил их на очередной ступени. Быстрота реакции анхайра спасла его по меньшей мере трижды, прежде чем Рунси лишился головы, а Аншан и Твевара поняли, что просто с наскока Морана не взять.

Но усталость вернулась. Моран выдохся быстрее, чем ожидал, тем более что пять магов с клинками — непосильная задача даже для гения фехтования. Он был трижды ранен серьезно, не считая мелких царапин. И две раны пришлись на правую руку. Пожалуй, если бы в руке анхайра был не опережающий, а другой клинок, Моран уже не мог бы его удерживать. Но магический меч словно сросся с ладонью.

Моран прижался к каменной тверди Трона, из последних сил отбивая сыплющиеся на него удары и истекая кровью.

А за спинами уцелевших магов Седракс сотворил Сеть и ловко накинул на анхайра. Светящиеся липкие нити опутали Морана, опутали опережающий, лишили возможности двигаться и защищаться.

С торжествующим воплем Аншан размахнулся изогнутым хадасским клинком.

— Тури... — пересохшими губами прошептал анхайр. Он сам не знал — то ли попрощался со спутницей, то ли звал ее на помощь.

Но Тури знала. Она шла в У-Наринну, готовая либо победить вместе с серым братом, либо умереть вместе с ним. Лучше — победить. Моран звал на помощь, и она отвернулась от неподвижного чародея, готовясь прыгнуть вниз и встать бок о бок с анхайром. Рука ее машинально потянулась к бедру, но ножны Опережающего были на Моране. А клинок она оставила под дольменом. И метательных ножей при ней больше не было, и стрелы были давно истрачены на врагов. Хадасский кинжал за поясом — этого мало...

Карса умеет справиться с противником без всякого оружия. Но сейчас Тури была человеком. Что делать? Когда нет когтей, нужна сталь!

Что-то шевельнулось в заплечной сумке. И Тури вспомнила про подарок Рудного Стража. Она выхватила железную шишечку, чувствуя, как вздрагивает под пальцами бутон смертоносного цветка.

Клинок Аншана рвался к горлу спеленутого заклинанием Морана. Тури размахнулась. Она еще успела подумать — не пострадает ли анхайр, когда стальной цветок оживет прямо перед ним? Но медлить было нельзя.

Точным броском Тури отправила железную шишечку в переносицу Аншана.

Шишечка коснулась лица мага. И взорвалась.

Стальной бутон раскрылся, превратившись в шар, усаженный острыми шипами. Аншан закричал пронзительно и жутко, роняя меч. Длинные шипы пробили кость и впились ему в мозг. Из переносицы брызнула кровь, заливая магу глаза.

А из соцветия железной джерховой колючки выстрелили в разные стороны острые веретенца длиной в палец. Морану показалось, что из головы Аншана вырвалась стая стреми-

тельных и злых шершней. Он невольно закрыл глаза, ожидая стальных укусов. Но в следующий миг глаза его сами собой распахнулись от удивления.

Пронзительному воплю Аншана отозвались другие голоса. Кричал Твевара. Кричал даже сам Седракс, и непонятно, чего было больше в его крике — злобы, негодования или обыкновенной боли. А Моран почувствовал, что невидимая Сеть, стянувшая его тело, исчезла.

И ни одна из живых стальных стрелок не попала в него. Железо умело отличать друзей от врагов.

Тури тихо ахнула и бессознательно провела пальцем над правой бровью. Она смотрела на Аншана.

Охотник на оборотней сморгнул кровь и с усилием поднял меч. Шипастый шар торчал у него во лбу, как чудовищная диадема. Моран встретился взглядом с Аншаном и дрогнул — впервые за весь долгий, страшный и кровавый бой в светлой У-Наринне. В глазах молодого мага светилась ненависть, которая была сильнее смерти. Аншан размахнулся.

— Моран, бей! Бей! — отчаянно закричала Тури.

Анхайр захрипел, вскидывая Опережающий раненой рукой. На благородный и красивый удар у оборотня не осталось сил. Лезвие меча вспороло Аншану живот и неловко вывернулось вбок, потянув за собой окровавленные кишки. Маг свалился к ногам Морана, заливая землю кровью, как пьяный наемник, грубо зарезанный в кабацкой драке.

Моран оскалился и нетвердо шагнул вперед, отпихивая ногой труп Аншана. Навстречу ему уже двинулся Твевара, на ходу выдергивая из тела стальные шипы. И Седракс, окровавленный и страшный, сделал шаг к Трону.

Тури застонала. Ей вдруг показалось, что битва никогда не окончится. Не будет ни победы, ни поражения. Мертвые будут вставать и идти на врага, сжимая мертвые клинки холодевшими пальцами...

Девушка тряхнула рыжими волосами и очнулась от наваждения. Потому что на ступеньке рядом с ней слабо ше-

вельнула крылом невидимая птица. Ассанг был жив. Все Трое были живы. И победа была возможна и близка.

Тури вдруг поняла, что надо сделать. Она подхватила невесомое тельце странной птицы и опустила его на верхнюю площадку Трона.

Мир вздрогнул и странно изменился.

На какой-то миг прозрачная птица ярко засияла. Она была отчетливо видна всего несколько секунд, но за это время ее облик навсегда впечатался в память Тури.

Огромные кожистые крылья, как у гигантской летучей мыши, шуплое тельце, коротенькие кривые ножки с длинными когтистыми пальцами. И большая лобастая голова с выпуклыми глазами в полмордочки, голова, странно похожая на человеческую, только с треугольными ушами выше линии висков, почти на макушке.

А потом птица затрепетала, полупрозрачные веки медленно раскрылись, и Тури с восторгом и страхом узнала ее взгляд. Взгляд Ассанга. Чародея Лю. Лекаря Самаира. Наемника Доста. Шамана Кхисса. И... рыжей девчонки, так наминавшей маленькую Тури, той, что встретилась ей на Железном поле у последней вехи.

Только сейчас она поняла, что объединяло всех, что делало их смутно знакомыми и в то же время разными.

Птица вздрагивала, ее тело вдруг стало растекаться по черному камню, а потом снова собираться воедино, но уже в новой форме. И нагой Ассанг поднял голову и обвел Ночь все еще мутным взглядом, а потом встал на колени, а потом легко поднялся...

И подхватив Тури ладонями под локти, без видимого усилия поднял ее над пирамидой — как будто она весила не больше птицы-невидимки — и поставил рядом с собой на Трон.

— Теперь — победа, — сказал он, не шевеля губами, но Тури прекрасно услышала его и поняла не только сказанное, но и промысленное, не только настоящее, но и прошедшее — и кто знает, может быть, даже будущее?

На миг она почувствовала себя слабой и беспомощной. А потом могучая сила овладела ею, она отважно повернулась к Ассангу спиной и сверху посмотрела на каменное кольцо У-Наринны — не как скромная просительница, а как повелительница, имеющая право повелевать.

— Ты — оборотень? — молча спросила она у Ассанга.

— Да, — беззвучно улыбнулся тот. — Я даэн. Оборотень третьего Близнеца. Того, который сейчас в зените. Черного солнца Интар.

Тури видела мир не только своими глазами. Все, кто был сейчас во внутреннем кольце, служили ей — каждый посвоему. Даже демоны, поющие в Ночи. Даже стражи Каменного леса. Даже Седракс!

Но только Ассанг был ей равен. Ассанг и...

— Моран! — крикнул Ассанг, и на этот раз голос его сотряс дольмены, как штормовая волна заставляет содрогнуться скалы.

Окровавленный, изнемогающий анхайр не обернулся.

— Держитесь, артаджерх мабай! — крикнул он, с яростью отчаяния обрушив клинок на Твевару. Тот отразил удар без особой уверенности и вопросительно посмотрел вверх.

— Бросьте оружие! — повелительно крикнул Ассанг, и в голосе его гремел гром.

— Повинуюсь, Достигший, — почтительно сказал Твевара, склонился перед Мораном и положил меч к его ногам.

— Иди к нам, брат, — смело сказала Тури.

Моран, не выпуская Опережающего из рук, быстро поднялся к вершине пирамиды. Взгляд Твевары, опустившего оружие, вернее верного сказал ему о том, что победа за ними. Но он все еще кипел горячкой боя. И расслабляться пока что не собирался. Пока жив хоть один враг, расслабляться нельзя.

— Я прошу об одном, — сказал он. — Как бы вы ни изменяли мир...

— Нет! — пронзительно крикнул Седракс, и в голосе его уже не было ничего человеческого. — Так не будет!

Дольмены дрогнули. Низкий могучий гул заставил дрожать даже скальное основание светлой У-Наринны.

Седракс, подобрав меч Аншана, бросился вверх по ступеням следом за Мораном. Тот обернулся и спокойно направил лезвие Опережающего на мага.

— Ты преступил Завет? — полуутверждающе спросил сверху Ассанг.

— Да! — отчаянно крикнул Седракс, отводя меч для удара. — Я не дам тебе победить! Тебе — не дам!

— Тогда уйди, — сказал Ассанг.

А в следующий миг звенящая суть мира, воплощенная в Ай-Рансааре; Опережающем, Предстоятеле, Незваном, вонзилась в грудь того, кто восстал против самой У-Наринны, и рассекла его сердце.

И только легкая тень замерла на мгновение над рушащимся к подножию Трона магом и поклонилась Ассангу.

— Я ухожу, Достигший, — шепнула сама Ночь. И тени не стало.

Тело Седракса тяжело ударилось о черный камень.

— Иди к нам, Моран, — повторила Тури.

Анхайр, тяжело дыша, поднялся наверх, но у самой верхней площадки остановился.

— Я прошу об одном, — повторил он.

— Ты желаешь, — поправил его Ассанг. — Ты не должен просить.

— Джерх, желаю! Пусть хорингам найдется место в том мире, который вы сейчас придумываете! И пусть это место будет достойно их гордости и чести!

— Кто смел бы унижить Старших? — улыбнулся Ассанг. — Тех, что возвели нас сегодня на Трон?

— И это... — Моран запнулся. — Я понимаю, погибших не вернуть... но помогите хоть раненым!

— Поднимайся, — сказала Тури. — Они умирают, пока ты стоишь там.

— Когда ты станешь рядом с нами, — сказал Ассанг, — время возобновит свой бег. У нас его будет не так уж много — до рассвета.

Моран о чем-то напряженно думал. Потом вдруг решил.

— Мы дошли? — требовательно спросил он.

— Да, — твердо ответил Ассанг.

— Ошейник больше не нужен?

— Сейчас — уже нет.

Моран молча выхватил хорингский кинжал. Тури изумленно подняла брови. Ассанг чему-то улыбнулся.

Анхайр сорвал ремешок с шеи и решительным движением вспорол шов глухого кармашка.

Красная стеклянная бусина выкатилась из складки кожи и каплей крови упала на черный камень Трона. Обычная маленькая стекляшка.

— Я так и думал, — пробормотал Моран и одним шагом стал рядом с Тури и Ассангом.

Время дождалось этого шага и рванулось вперед.

ЭПИЛОГ

Меар, утро

Начинался рассвет. Не пересвет, а именно рассвет — утро после Ночи. Трое покинули внешнее кольцо дольменов и медленно спускались к Каменному лесу. За ними, прихрамывая, сцепив зубы от назойливой, тупой боли, шел Халимор. И еще дальше — остальные уцелевшие хоринги.

Путь завершился. И кончилась Ночь.

Край Меара выглянул из-за горизонта. Тури привычно напряглась, ожидая, что ее вот-вот сожмет стальными зубами судорога преображения.

Но ничего не случилось.

— Как это?.. — пораженно спросила она, поначалу ни к кому не обращаясь. — Как это может быть? Лю... Ассанг!

— Теперь Меар над тобой не властен, — грустно сказал чародей. — Точнее, его власть утратила главное — ты не обязана беспрекословно повиноваться. Тебе открыта сила чар, и ты теперь можешь сохранить человеческий облик по собственному желанию. Только пока что недолго. На весь день у тебя не хватит ни сил, ни умения.

— Ну! — возмущенно сказал Моран и отвернулся.

— Почему вы недовольны? Оба? — слабым голосом спросил Халимор.

— Да так просто не бывает. — Моран плюнул в траву. — Это вы все наслушались сказок с хорошим концом. Оборотень всегда остается оборотнем, хочет он того или нет. А все магические штуки — это вы без меня. Спасибо, конечно, Ассанг — или как там тебя — за память. Но в красные дни я все равно вулх, что б вы там ни придумывали. Сколько красивых слов ни скажи, суть вещей от этого не изменится, как вы не поймете, мудрецы? Я анхайр. И останусь анхайром. Все.

— А кто тебе мешает? — поразился Халимор.

— Да потому что все летит в задницу! — взорвался Моран. — Какого хрена тогда мы все страдали столько кругов, если оборотень может хранить человеческий облик под любым солнцем? Значит, всего лишь навсего все мы — ублюдки и придурки, так?

— Нет, просто невежественные и несчастные существа, — тихо сказал Халимор. — Вас лишили права знать, кто вы, и отняли право быть собой. А ты, Моран, вернул себе это право. И можешь вернуть его другим.

— Нет уж, — скривившись, сказал Моран. — В спасители я не гожусь. Я сейчас же двинусь обратно. За Юбен. Корняга! Пойдешь со мной?

— Вы вернулись! — Корневик пританцовывал на осыпи, разбрасывая мелкие камешки и подняв тучу пыли. — Вы вернулись! Я знал!

— Что ты знал? — устало спросил Моран.

— Ну... — засмутился Корняга. — Ну, не знал... Но верил! А куда, куда пойдём, Моран... ой, Одинец, я не нарочно! А куда пойдём?

— Заткнитесь все! — заорала Тури так, что корневик остушился и съехал вниз по осыпи на несколько шагов. — Какая разница, куда пойдём? Мы свободны! Понимаешь, Моран, свободны?!

Она прыгнула на анхайра, как карса, и поцеловала его в ухо. Потом в щеку. Потом рывком развернула к себе и поцеловала в губы. Моран поморщился и потер раненое плечо.

— Девочка, не зарывайся, — голосом Лю сказал Ассанг. — Я ревновать буду. Я старый, мне волноваться нельзя.

Тури радостно захохотала и повисла на шее у чародея.

— Тебя я тоже люблю. Я всех люблю! Слышишь, Скри?

— А куда пойдём? — азартно спросил корневик.

— Постой, постой... — Моран вдруг принялся. — От тебя почему пивом несёт? Ты, пень с ушами, откуда пиво взял?

— Да я... — Корняга застеснялся.

— Два, — коротко сказал Моран.

— В дупло спрятал! — выпалил Корняга. — От самой Сунарры берег! Уж сколько раз выпить хотелось, но я... хочешь глоточек, Одинец?

— Моран я, — мрачно сказал анхайр и неожиданно ухмыльнулся. — Ладно, давай пива.

Он обернулся к чародею.

— Понимаешь, вот вы сейчас такое говорите, что можно подумать — все теперь будет хорошо. Всегда. А я такого не люблю. Потому что так не бывает. Никогда и никому не удавалось сделать все так, как хотелось бы, — не можем мы быть вместе, не будем мы счастливы вечно, понимаешь?

— Я буду, — уверенно сказала Тури.

— Нам с тобой была не судьба встретиться. Мы не могли быть вместе. И в этом была правда, настоящая правда. Жестокая и противная. Потому что жизнь такая. А сейчас мы рядом,

но так не бывает. Нас кто-то обманывает. И чем дольше мы будем оставаться обманутыми, тем страшнее будет расплата.

— Ага, — сказал Ассанг. — А правда в том, что вот теперь мы вместе, и ты влюбишься в Тури, и будешь с ней, и я влюблюсь в нее, и мы с тобой поссоримся, и ты захочешь убить меня, а я искалечу тебя заклятием; и ты будешь лежать в своей берлоге окровавленный и озлобленный, и никто не принесет тебе, умирающему от голода, кусок хлеба; потому что Корняга украдет твои деньги и сбежит в Хадас, где его сожгут пьяные бродяги; а Халимор просто уйдет, потому что ему на тебя плевать, он начнет собирать силы для Возрождения хорингов, но его убьют Чистые братья; а я брошу Тури в Дибале, где ей придется торговать собой, чтобы выжить; она потеряет все зубы, получая оплеухи вместо денег, однажды не выдержит и убьет клиента, а когда через четырнадцать кругов выйдет из подземной тюрьмы — найдет меня и убьет. Броском отравленного гурунарского ножа. Это будет последнее, что останется у нее от нашего путешествия. Так похоже на жизнь, Моран?

— Так — похоже, — мрачно сказал Моран и сразу светло улыбнулся из-под насупленных бровей. — Да ладно, чего вы... Трудно переделывать себя.

— И не надо. — Голос Халимора звучал, как шелест пересветного ветерка. — Оставайся собой истинным. Только это еще труднее...

— Кстати, о ножах. — Моран хлопнул себя по лбу и ловко, словно фокусник, извлек из-под плаща гурунарский метательный нож.

— Держи, госпожа Тури... Ты умело ими пользовалась. Так что один теперь — твой.

И он протянул узкую полоску металла рыжей девчонке. Метательный нож. Тот, что лучше.

— Когда ты его подобрать успел? — спросила Тури растерянно. Похоже, ей никто и никогда не делал подарков. — Спасибо, Моран.

— Пожалуйста. Если не свидимся больше — может, вспомнишь.

Тури жестко взглянула на анхайра.

— Что значит — не свидимся?

— Я не верю в сказки, Тури, — тихо сказал Моран. — Все-таки не верю. Я хотел бы, чтоб ты была рядом... Но мы разные. И принадлежим разным мирам. Все, что я могу тебе обещать, — это помнить.

— Ну ладно, — нарочито громко сказал Ассанг. — Вы тут разбирайтесь, а у меня еще дела есть... Ветер! — еще громче позвал он.

Вороной красавец неспешно подошел к нему, аккуратно ставя копыта между камней, и ткнулся мягкими губами в ладонь.

— Пришло время вам расстаться, мальчики, — негромко сказал Ассанг. — Спасибо, Ветер. Прощай — или до свидания?

Громкое ржание эхом отразилось от дольменов. Ветер взвился в свечу — и в то же время остался неподвижным. Только тот конь, что отступал сейчас по осыпи на задних ногах, был рыже-коричневым, а стоящий смирно — белоснежным.

— О как! — пораженно сказал Моран, оглядываясь.

Рыжий конь опустил на все четыре копыта и сделал еще один шаг в сторону. И в то же время не сделал его. То есть гнедой — сделал, а соловый — нет...

Три коня стояли рядом — белый, гнедой и соловый.

— Трое в одном. — Роэн одобрительно кивнул и закашлялся. — Ты хорошо придумал, Ассанг. Это именно то, что нужно было для вашего путешествия.

— Вот почему он был такой неутомимый, — понимающе прошептала Тури.

— Вот почему он жрал за троих... — пробормотал Моран.

— Лови. — Ассанг бросил Морану повод белого. — Его зовут Снежок. Тебе понравится.

— А мне — вот этот! — возбужденно завопила Тури, бросаясь к соловому. — Как его зовут?

— Его зовут Чоб, — сказал маг. — Только тебе он не достанется. Если Халимор все-таки отправится с нами, Чоба возьмет он. А я уж на Дарахе... хотя вообще-то я старый, мне быстро ездить нельзя...

— А как же я? — обиженно сказала Тури, тряхнув рыжей гривой.

— А ты побежишь рядом, карса, — строгим голосом сказал Ассанг. — Ты ведь ничего еще не умеешь, Тури. Сейчас сила Трона окончательно покинет тебя, и ты станешь карсой, потому что в небе Меар. Еще много-много кругов тебе придется учиться, чтобы задерживать преобразование хотя бы на час — я уж не говорю на день.

— О! Теперь верю. — Моран повернулся к Роэну. — Ну что, братья-хоринги, отпускаете с нами Халимора?

Роэн улыбнулся, как умели только хоринги — и как улыбаются взрослые детям, задавшим детский вопрос, на который не ответить однозначно.

— Ты неверно подобрал слово, Моран. Не отпускаем. Посылаем.

Моран вопросительно взглянул сначала на Роэна, потом на молодого хоринга, ставшего от улыбки особенно бледным.

— Теперь и у народа хорингов есть дела за Юбеном. Халимор будет первым. Куда ты идешь, в Дренгерт?

— Вряд ли... — проворчал Моран. — Лучше в Риву.

— Значит, Возрождение начнется в Риве. И если решишь заглянуть в Плиглекс на днях — у тебя будет верный спутник.

— В общину ашерхов? — догадался Моран.

— Да.

— Понятно.

Он подошел к молодому хорингу и заглянул в глаза.

— У меня к тебе две просьбы, Старший, — сказал Моран. — Первая: присматривай за мной, когда я буду... ну, вулхом. Четтанскими днями.

Ассанг скептически покачал головой и проворчал:

— Он неисправим!

— И вторая. Научи меня метать ножи!

Халимор, запрокинув голову, засмеялся.

— Хорошо, Моран. Я согласен.

Хоринги вскинули руки в прощальном жесте. Но сказали почему-то: «До встречи!», а не «Прощайте!».

Моран помнил, что людям, живущим недолго, хоринги всегда говорили «Прощайте!», а «До встречи!» — только таким, как они сами. Тем, у кого впереди Вечность.

Но Моран не верил в сказки. Даже если очень хотелось.

— Джерх!... — возмущенно заорала Тури. — Ассанг, ну... уау!!!

— Я же говорил тебе, подлая девчонка! — рявкнул Ассанг, поднимаясь в седло. — Учиться надо, учиться!

— Я сложу об этом балладу, — мечтательно сказал Роэн собратьям, глядя на отъезжающих. — Трое всадников на фоне встающего Четтана — что может быть прекраснее?

Ассанг верхом на Дарахе. Моран верхом на Снежке. Халимор верхом на Чобе.

Три всадника. И гибкий силуэт карсы чуть в стороне.

И еще — Корняга верхом на Моране. На плече.

Хоринги пристально глядели им вслед, запоминая эту картину навсегда — или во всяком случае очень надолго, как умеют запоминать только хоринги.

— Сложи, — отозвался Лаэлли. — Только давай споем ее уже в том мире, под взглядом Близнецов.

Негромкий стук копыт и скрипучий голос неугомонного Корняги уже затихали вдали. И только сейчас высоко в небе над светлой У-Наринной, Каменным лесом, оборвалась еле слышная песня Ночи.

Потому что любая Ночь рано или поздно кончается.

Официальная страница
Владимира ВАСИЛЬЕВА
в сети Интернет доступна по адресам

<http://www.rusf.ru/boxa/>

<http://rusf.yingternet.com/boxa/> (США)

<http://sf.hikarigaoka.gr.jp/boxa/> (Япония)

<http://sf.alarnet.com/boxa/> (Казахстан)

<http://sf.dnepr.net.ua/boxa/> (Украина)

На странице Вы найдете:

- ✓ постоянно действующее интервью с Владимиром Васильевым
- ✓ библиографию произведений
- ✓ фотоальбом и фоторепортажи (более 20 фото)
- ✓ рецензии и отзывы на произведения
- ✓ фрагменты или полные версии всех произведений и песен
- ✓ файлы песен в формате .mp3
- ✓ отдельную страницу, посвященную яхтам и хождению под парусом

Там же всегда можно получить информацию о событиях, связанных с писателем, планах на будущее, задать свой вопрос в интервью, услышать интересные истории, прочесть отчеты о парусных гонках и походах и посмотреть фотографии с них же, прочесть фрагменты самых свежих произведений, поучаствовать в конкурсе лучшего рисунка или литературном конкурсе "допиши произведение".

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким
издательским ценам в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Мояковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс
«Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Васильев Владимир
Ли Анна

Идущие в ночь

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-006711-9

9 785170 067114